NON-FICTION

Николай Карамзин

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

«АЗБУКА»



История государства Российского
Николай Михайлович Карамзин

Аннотация
Николай Михайлович Карамзин. История государства Российского
«Столетия текли и в вечность погружались…»
Предисловие
Об источниках российской истории до XVII века
Том 1
Глава II. О славянах и других народах, составивших государство Российское
Глава IV. Рюрик, Синеус и Трувор. Годы 862–879
Глава V. Олег правитель. Годы 879–912
Глава VII. Князь Святослав. Годы 945–972
Глава IX. Великий князь Владимир, названный в крещении Василием. Годы 980–1014
Глава X. О состоянии Древней России
Том 2
Глава I. Великий князь Святополк. Годы 1015–1019
Глава II. Великий князь Ярослав или Георгий. Годы 1019–1054
Глава III. Правда Русская, или Законы Ярославовы

Глава IV. Великий князь Изяслав, названный в крещении Димитрием. Годы 1054–1077
Глава VI. Великий князь Святополк-Михаил. Годы 1093–1112
Том 3
Глава I. Великий князь Андрей. Годы 1169–1174
Глава III. Великий князь Всеволод III Георгиевич. Годы 1176–1212
Глава IV. Георгий, князь владимирский, Константин Ростовский. Годы 1212–1216
Глава VII. Состояние России с XI до XIII века
Глава VIII. Великий князь Георгий Всеволодович. Годы 1224–1238
Том 4
Глава I. Великий князь Ярослав II Всеволодович. Годы 1238–1247
Глава II. Великие князья Святослав Всеволодович, Андрей Ярославич и Александр Невский (один после другого). Годы 1247–1263
Глава VII. Великий князь Михаил Ярославич. Годы 1304–1319
Том 5
Глава I. Великий князь Димитрий Иоаннович, прозванием Донской. Годы 1363–1389
Глава IV. Состояние России от нашествия татар до Иоанна III

Том 6
Глава I. Государь, державный великий князь Иоанн III Васильевич. Годы 1462–1472
Глава II. Продолжение государствования Иоаннова. Годы 1472–1477
Глава III. Продолжение государствования Иоаннова. Годы 1475–1481
Том 7
Глава IV. Состояние России. Годы 1462–1533
Том 8
Глава III. Продолжение государствования Иоанна IV. Годы 1546–1552
Глава IV. Продолжение государствования Иоанна IV. Год 1552
Том 9
Глава I. Продолжение царствования Иоанна Грозного. Годы 1560–1564
Глава II. Продолжение царствования Иоанна Грозного. Годы 1563–1569
Глава VII. Продолжение царствования Иоанна Грозного. Годы 1582–1584
Том 10
Глава IV. Состояние России в конце XVI века
Том 11
Глава I. Царствование Бориса Годунова. Годы 1598–1604

Комментарии
- Предисловие
- Том 1
- Том 2
- Том 3
- Том 4
- Том 5
- Том 6
- Том 7
- Том 8
- Том 9
- Том 10
- Том 11

Вклейка

Аннотация

В 1803 году Н. М. Карамзин, к тому времени известный писатель и журналист, указом Александра I был назначен на должность историографа. С того времени и до конца жизни, оставив литературную деятельность, Карамзин был занят написанием своего главного труда – «Истории государства Российского». Он стал первым, кто открыл отечественную историю для широкого круга читателей. А. С. Пушкин писал: «Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Коломбом».

В настоящем издании собраны ключевые главы этого знаменитого двенадцатитомного труда, которые сопровождаются подробным

комментарием, подготовленным учеными-специалистами. В книге воспроизводятся иллюстрации мастеров исторической живописи конца XIX – начала XX века.

Николай Михайлович Карамзин
История государства Российского

© Русский музей, Санкт-Петербург, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

NON-FICTION

Николай Карамзин

История государства Российского



АЗБУКА

Санкт-Петербург

«Столетия текли и в вечность погружались...»[1]

«Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (1766–1826) по праву можно назвать первой национальной историей России, в том смысле, который вкладывали в понятие «национальная история» образованные люди XVIII–XIX вв. Предназначенный для широкого круга читателей, труд Карамзина произвел на современников очень сильное впечатление. По словам А. С. Пушкина, «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом»[2]. Написанная блестящим русским литературным языком, в становление которого Карамзин внес большой вклад, «История» стала одним из выдающихся памятников не только отечественной

[1] Notes: 1

Из стихотворения Н. М. Карамзина «Поэзия» (1787).

[2] Notes: 2

Пушкин А. С. ⟨Из автобиографических записок⟩ // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 305.

историографии, но и словесности и продолжает пользоваться популярностью по сей день. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на полки книжных магазинов: репринтные, иллюстрированные, адаптированные издания «Истории» представлены на них довольно широко. Особенно увеличилось их число, как и в целом внимание к наследию Карамзина, в связи с 250-летием со дня его рождения в 2016 г. Поэтому необходимо пояснить, какова цель предлагаемого издания и в чем заключаются его особенности на фоне остальных.

При обращении к тексту «Истории» современный читатель испытывает целый ряд затруднений. Сочинение Карамзина довольно велико по объему. Карамзин начал работать над «Историей» с 1800 г., когда он был официально назначен историографом[3], и продолжал свой труд до самой смерти. Итогом стало 12-томное сочинение, в котором повествование было доведено до событий 1611 г. Публикация «Истории» началась

[3] Notes: 3

Звание историографа в Российской империи XVIII — начала XIX в. предполагало работу по написанию официальной истории, подразумевало возможность свободного использования архивов государственных учреждений и значительное жалованье. Однако постоянной должности историографа не существовало, после Карамзина это звание более никому не присваивалось.

с 1816 г.; последний, не завершенный Карамзиным 12-й том впервые был опубликован уже после смерти автора, в 1829 г. В нашем издании текст печатается в сокращении: были выбраны те фрагменты сочинения Карамзина, которые сам автор в предисловии обозначил как наиболее любопытные и значимые страницы отечественной истории. При их отборе мы старались равномерно представить читателю все тома «Истории» (за исключением незавершенного двенадцатого). Отдельные главы приводятся почти без купюр, чтобы у читателя оставалось законченное впечатление от знакомства с ними.

Хотя при таком подходе ощущается некоторая «разорванность» текста, нужно отметить, что «полное» издание сочинения Карамзина представляет собой определенную проблему. Дело в том, что неотъемлемой частью «Истории» являются обширные примечания Карамзина, объем которых немногим уступает объему основного текста. В примечания Карамзин выносил не только ссылки на исторические источники, но и те обширные фрагменты из них, о содержании которых в основном тексте зачастую лишь кратко упоминалось, добавлял критику сведений из источников, рассуждения о различных версиях

событий, полемику с авторами других исторических сочинений — словом, значительную часть того, что в исторической науке составляет исследовательскую часть работы. «Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого», — писал Карамзин в предисловии. Отметим, что примечания не только дополняют и уточняют труд Карамзина, но и имеют самостоятельную исследовательскую ценность. В них содержатся отрывки из многих источников, впоследствии безвозвратно утраченных, главным образом во время пожаров Москвы 1812 г., когда погибли многие частные собрания древних рукописей (в том числе московская библиотека самого Карамзина), архивы государственных учреждений, собрание Общества истории и древностей российских. В результате сведения о многих документах и памятниках древней русской литературы, содержащиеся в примечаниях к «Истории», приобрели уникальный характер. В качестве самого яркого примера можно указать на знаменитую Троицкую летопись начала XV в., текст которой впоследствии реконструировался на основе карамзинских

«примечаний и выписок»[4]. Между тем в первых изданиях «Истории» примечания публиковались в сильно сокращенном виде. Только в середине XIX в. увидело свет действительно «полное» издание: типография Санкт-Петербургской академии наук выпустила подготовленную известным издателем А. Ф. Смирдиным «Историю государства Российского» в 10 книгах: 1–6-я книги содержали основной текст (по два тома на книгу), а 7–10-я книги — примечания (по одной книге на три тома)[5]. До настоящего времени это издание остается уникальным.

В XX в. консервативные взгляды Карамзина не соответствовали официальным идеологическим установкам советской науки, значение его личности и вклада в изучение русской истории искусственно принижалось, а интерес к его творчеству был уделом узкого круга профессиональных историков и литературоведов. О переиздании «Истории» в этих условиях не могло быть и речи вплоть до эпохи перестрой-

[4] Notes: 4

См.: *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[5] Notes: 5

Карамзин Н. М. Сочинения. История государства Российского: В 10 кн. СПб., 1851–1853.

ки[6]. Только в конце 1980-х гг. издательство «Наука» предприняло попытку полного научного издания «Истории», но этот проект затянулся на долгие годы и так и не был до конца реализован (вышло только 6 томов)[7]. Все же прочие многочисленные современные издания «Истории» являются воспроизведением публикаций XIX в., и примечания в них приводятся выборочно или отсутствуют.

В нашем сокращенном издании мы не имели возможности опубликовать примечания Карамзина, но отчасти постарались компенсировать это в комментариях, чтобы у читателя была возможность получить представление и об этой части «Истории».

Необходимость отразить содержание примечаний была лишь одной из причин составления комментария. Нельзя забывать, что «История» создавалась два века назад, поэтому сегодня восприятие ее содержания во многом затруднено. Во-первых, адресуясь к своим современникам, Карамзин, естественно, не находил нужным

---

[6] Notes: 6

Выборочное издание отдельных частей «Истории» см.: *Карамзин Н. М.* Предания веков / Сост. Г. П. Макогоненко. М., 1988.

[7] Notes: 7

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1–6. М., 1989–1998.

пояснять актуальные для его времени реалии: географические названия (например, отдельных исторических областей Российской империи или населенных пунктов, которые к настоящему времени называются совершенно иначе или вовсе исчезли), культурные объекты (например, существовавшие в начале XIX в. церкви и монастыри, гражданские постройки Москвы и других городов: наименования многих из них мало что говорят сегодня даже опытным краеведам), бытовые, религиозные и хозяйственные явления и традиции, смысл которых перестал быть очевидным к нашему времени. Существенно изменился и характер общекультурного кругозора читателя «Истории». К настоящему времени, как правило, утратили актуальность многие сочинения и авторы, упоминаемые Карамзиным. Образованный человек начала XIX в. в целом гораздо лучше нашего современника был подготовлен к восприятию примеров из античной и библейской истории, которых немало на страницах «Истории», а также имел значительно больший багаж фактических знаний по европейской истории Средневековья и начала Нового времени, лучше ориентировался в прошлом аристократических российских фамилий (а подчас и принадлежал к

потомкам тех бояр и князей, которые действуют на страницах сочинения Карамзина). Все это мы постарались учесть в комментариях, направленных, таким образом, на облегчение восприятия современным читателем карамзинского текста.

Во-вторых, совершенно неверным, на наш взгляд, является нередко встречающееся сейчас отношение к сочинению Карамзина как к некоему учебнику по русской истории. «История государства Российского» является монументальным трудом, и его значение выходит далеко за рамки учебной литературы. Не случайно в предисловии Карамзин упоминает об аналогичных фундаментальных работах по истории других европейских стран, подчеркивая уровень своего сочинения: ничего подобного на тот момент в России еще не было написано. То обстоятельство, что отечественная историческая наука в начале XIX в. находилась на этапе своего становления, нисколько не облегчало Карамзину его труд. Не упрощает это и задачу, стоящую перед читателем: при всех достоинствах слога Карамзина для того, чтобы понимать его «Историю», ее надо изучать.

Не должно вводить в заблуждение практически полное отсутствие в основном тексте «Истории» упоминаний о профессиональных

историках России XVIII — начала XIX в. Заметим, что сам Карамзин, несмотря на официальное звание историографа, к их числу может быть отнесен только с некоторыми оговорками: он не получил специального образования, не имел профессорского звания, не занимался преподавательской деятельностью и не писал работ по отдельным вопросам истории России. В предисловии он называет только А. Л. Шлецера (1735–1809), являвшегося к началу XIX в. крупнейшим специалистом по русской истории. Однако из примечаний видно, насколько глубоким было знакомство Карамзина с работами предшественников, на которые он опирался при написании своего труда: помимо исследований Шлецера, чаще всего упоминаются работы В. Н. Татищева (1686–1750) и Г. Ф. Миллера (1705–1783), но можно с уверенностью утверждать, что в XVIII в. не было отечественных или иностранных сочинений по древней и средневековой российской истории, которые остались бы неизвестными Карамзину и не были учтены им при написании «Истории». В годы ее создания Карамзин находился в тесном взаимодействии с различными представителями отечественной науки, например с профессорами Московского университета Х.

А. Чеботаревым (1745/46–1815) и Н. Е. Черепановым (1762–1823), внимательно следил за новыми публикациями. В частности, существенное влияние на Карамзина оказала капитальная работа Шлецера «Нестор», посвященная интерпретации текстов Повести временных лет и реконструкции древнейшего периода отечественной истории[8]. Поэтому в комментарии включены замечания, позволяющие судить о месте «Истории» в современной Карамзину исторической науке.

Еще более важно при знакомстве с «Историей государства Российского» учитывать, что во многом Карамзин явился первопроходцем. Если вопрос о возникновении Древнерусского государства, проблема публикации ряда важнейших отечественных исторических источников активно обсуждались в XVIII — начале XIX в., то о большинстве ключевых сюжетов отечественной истории (от христианизации Древней Руси до Смутного времени) на тот момент не было специальных исследований. Более того, многие признанные теперь основными исторические источники не были введены в научный оборот и критически осмыслены. В последнем заслуга Ка-

[8] Notes: 8

Schlözer A. L. Nestor: Russische Annalen in ihrer Slavischen Grundsprache. Th. 5. Göttingen, 1802–1809; русский перевод был опубликован в 1809 г.

рамзина особенно велика. Однако широта охвата материала в сочетании с недостатком исследовательской подготовки Карамзина и отсутствием предварительной полноценной научной полемики повлияли на значимость многих его выводов и построений (еще раз отметим, что в примечаниях Карамзин часто указывает на возможность иных интерпретаций сведений из источников, отбирая для основного текста те из них, которые представляются ему наиболее правдоподобными). Критические отзывы на отдельные положения его «Истории» появились сразу после первых ее публикаций, и тем более естественно, что за прошедшие 200 лет отечественное историческое источниковедение, историческая наука в целом проделали огромный путь и многие утверждения и гипотезы Карамзина сегодня представляются серьезно устаревшими или принципиально неверными. Наиболее существенные из подобных случаев также отмечаются в комментариях.

Наконец, при обращении к «Истории» следует учитывать, что в этом сочинении отразилась многогранность личности Карамзина — не только талантливого писателя, переводчика, исследователя древних рукописей, но и известного общественного деятеля, сыгравшего важнейшую

роль в становлении российского консерватизма[9]. На протяжении всей «Истории *государства* Российского» Карамзин постоянно обращается к тому, что для него и его современников было сущностью этого государства — самодержавной власти. Именно формирование и развитие самодержавия в сочинении Карамзина осмысляется как ключевой процесс российской государственной истории: само ее начало — это одновременно и рождение самодержавной власти. Кризисные эпохи и события (смуты, междоусобные распри, иноземное владычество, тяжелые военные поражения) оказываются следствием ослабления самодержавия (не важно, из-за удельного раздробления или тирании Ивана Грозного), и, напротив, его торжество становится залогом интеграции государственной территории, роста военного, экономического и международного могущества, проведения мудрой государственной политики, направленной на прогрессивное общественное развитие. Эта концепция, рассмотренная в контексте многовековой отечественной

[9] Notes: 9

Развернуто свои взгляды Карамзин изложил в сочинении «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», которое было написано им для Александра I в 1811 г. Однако это сочинение долгое время оставалось малоизвестным и впервые полностью было опубликовано только в начале XX в.

истории и освященная авторитетом первой национальной истории России, не только стала в дальнейшем одной из основ официальной консервативной идеологии Российской империи, но во многом послужила отправной точкой для интенсивных философских, исторических и общественно-политических дискуссий, которые имели огромное значение для интеллектуалов, политиков, государственных и общественных деятелей России в XIX — начале XX в. и для ее исторической судьбы. В этом, пожалуй, в первую очередь заключается ценность «Истории государства Российского» как памятника своей эпохи для современного читателя.

А. Веселова, М. Милютин

Предисловие

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство

и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному, и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и дееписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностию внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием

многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний[1]: тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий

везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы, являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским, надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке,

но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей, ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые,* ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию, злополучный; истинно мужественный Александр Невский; герой-юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере, не знаю монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя

самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастия и несчастия, странный Лжедимитрий и за сонмом доблественных патриотов, бояр и граждан, наставник трона, первосвятитель Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и царь Алексий, мудрый отец императора, коего назвала великим Европа. Или вся Новая история должна безмолвствовать, или российская имеет право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о дееписаниях древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымыш-

ленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканских добродетелей в столице мира; но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой некролог римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов. Одним словом, чтение всех историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав

несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново введение[2] в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю. Хвастливость авторского красноречия и нега читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали и своими бедствиями изготовили наше величие, а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя пра-

вилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил и писал об *Игорях,* о *Всеволодах* как *современник,* смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если вместо *живых, целых* образов представлял единственно *тени,* в *отрывках,* то не моя вина: я не мог дополнять летописи!

Есть *три* рода истории: *первая* современная, например Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая,* как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века[10]. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение дееписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда творит, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная критика не мешает читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной

[10] Notes: 10

Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слыхали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете многое, чего нет в книгах. *(Примеч. Н. М. Карамзина.)*

черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали, — или справедливая критика заградит уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в летописях, в архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению аббата Мабли[3], не можем ныне витийствовать в истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус уставил неизмененные правила и навсегда отлучил дееписание от поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зерцалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как естественная, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что

есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже критика; тем непозволительнее историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? Порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавеллево в историке не заменяют таланта изображать действия.

Англичане славятся Юмом, немцы Иоанном Мюллером[4], и справедливо[11]: оба суть достойные совместники древних, — не подражатели, ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоем месте!» есть правило гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апоффегмы*, уподобиться Тациту? Не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апоффегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль — *дар*: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в

[11] Notes: 11

Говорю единственно о тех, которые писали целую историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет[5] не равняются с сими двумя историками; но, усердно хваля Мюллера (историка Швейцарии), знатоки не хвалят его Вступление, которое можно назвать геологическою поэмою.

изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях, — историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда афинского грека, в Ливии всегда римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше,* оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке, так любовь к отечеству даст его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках: искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия,

баснословия; хотел представить и характер времени, и характер летописцев, ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор наш в созерцании великого пространства не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врозь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и

выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение, — тягостная жертва, приносимая *достоверности,* однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до моголов *разделенною* (Divisa), от Батыя до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется

мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство делилось и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время великого князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастием, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *древнейшую* — от Рюрика до Иоанна III, на *среднюю* — от Иоанна до Петра и *новую* — от Петра до Александра. Система уделов была характером *первой* эпохи, единовластие — *второй*, изменение гражданских обычаев — *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти томов, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом

труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия… по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815

Об источниках российской истории до XVII века

Сии источники суть:

I. *Летописи.* Нестор, инок монастыря Киево-Печерского, прозванный *отцом* российской истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал византийские хроники, записки церковные и сделался *первым* летописцем нашего отечества. *Второй,* именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушие последнею и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новегороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой — в Владимире-

на-Клязьме при Всеволоде Великом; третий — в Киеве, современник Рюрика II; четвертый — в Волынии около 1290 года; пятый — тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастию, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними. Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государствования Алексия Михайловича. Некоторые доныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троицкий*[6], XIV и XV века. Достойны также замечания *Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский, Ростовский, Воскресенский, Львовский, Архивский*[7]. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский*[8] более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении, далее уже сходствует с другими, уступая им, однако ж, в исправности — например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга,* сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению

митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены степени, или поколения, государей.

III. Так называемые *хронографы,* или всеобщая история по византийским летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных современных известий, которых нет в летописях.

IV. *Жития святых,* в Патерике, в прологах, в минеях[9], в особенных рукописях. Многие из сих биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных прологах; а Патерик сочинен в XIII веке.

V. *Особенные деописания:* например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о псковской осаде в 1581 году, о митрополите Филиппе и проч.

VI. *Разряды,* или распределение воевод и полков, начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*[10]: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году,

хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *каталоги митрополитов и епископов*[11]. Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке[12]; но и в других находится много достопамятного.

X. Древние *монеты, медали, надписи,* сказки, песни, пословицы: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI. *Грамоты.* Древнейшая из подлинных писана около 1125 года[13]. Архивские Новогородские грамоты и *душевные записи* князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *статейных списков,* или посольских дел, и грамот в архиве Иностранной коллегии с XV века, когда и происшествия, и способы для их описания дают читателю право требовать уже большей удовлетворительности от историка.

К сей нашей собственности присовокупляются.

XIII. *Иностранные современные летописи:* византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские, вместе с известиями путеше-

ственников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных архивов:* всего более пользовался я выписками из кенигсбергского.

Вот материалы истории и предмет исторической критики!

Том 1

⟨...⟩

Глава II
О славянах и других народах, составивших государство Российское

Нестор пишет, что славяне *издревле обитали* в странах дунайских и, вытесненные из Мизии болгарами, а из Паннонии волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из византийских летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что св. апостол Андрей — проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах киевских[1], еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы — доходил до Ильменя и нашел там славян: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели болгары утвердились в Мизии. ⟨…⟩

Но историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда

и когда славяне пришли в Россию?», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше государство.

Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались полянами от чистых полей своих. Имя сие исчезло в Древней России, но сделалось общим именем ляхов, основателей государства Польского. От сего же племени славян были два брата, Радим и Вятко, главами радимичей и вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской губернии; дулебы и бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; лутичи и тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; белые хорваты в окрестностях гор Карпатских; северяне, соседи полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные

с ними полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между полянами на трех горах, из коих две слывут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз*. Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, то есть *Киевым*. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и приял великую честь от царя греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители дунайские не дали ему там утвердиться и доныне именуют сие место *городищем Киевцом*. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь

описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда неверного *в подробностях*? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего происшедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы — ныне Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их, чему находим многие примеры в греческих и северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые истории и биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, поляне днепровские, лутичи и тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах славян дунайских, столь ужасных для империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны кривичами и были уже в IX веке, а последние в самом начале X; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области северян.

Кроме народов славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; *мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *черемиса, мещера, мордва* на юго-восток от мери; *лив*ь в Ливонии; *чуд*ь в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *нарова* там, где Нарва; *ям*ь или *ем*ь в Финляндии; *весь* на Белеозере; *перм*ь в губернии сего имени; *югра,* или нынешние березовские остяки, на Оби и Сосве; *печора* на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и лапландцев, зырян, остяков обских, чуваш, вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *финскими*. Уже Тацит в первом столетии

говорит о соседственных с венедами финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие шведские историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими — даже самая Дания, по мнению Гроция[2]. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины Европейского Севера на Восток до Сибири, до Урала и Волги рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии готфам, а в России, может быть, славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности, «не имея, по словам Тацита, ни домов, ни коней, ни оружия; питаясь травами, одеваясь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями». В Тацитовом описании древних финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь

ни хищности людей, ни гнева богов, — пишет сей красноречивый историк, — они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!»

Но финны российские, по сказанию нашего летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их римский историк: имели не только постоянные жилища, но и города: весь — Белоозеро, меря — Ростов, мурома — Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены. Древняя история скандинавов (датчан, норвежцев, шведов) часто говорит о двух особенных странах финских, вольных и независимых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на восток с *Биармиею,* а на северо-запад — с Квенландиею или Каяниею. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. Биармиею называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и

злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии. *Исландские повести* наполнены сказаниями о сей великой Финской области, но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии норвежского мореходца Отера[3], который в IX веке окружил Норд-Кап, доплывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ биармский многочислен и говорит почти одним языком с финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями Древней России, Нестор именует еще летголу (ливонских латышей), зимголу (в Семигалии), корсь (в Курляндии) и литву, которые не принадлежат к финнам, но вместе с древними пруссами составляют народ латышский[4]. В языке его находится множество славянских, довольно готфских и финских слов, из чего основательно заключают историки, что латыши происходят от сих народов. ⟨…⟩

Многие из сих финских и латышских народов,

по словам Нестора, были данниками россиян: должно разуметь, что летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею Европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных славян на тихих полян киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало славян российских в жертву внешним неприятелям. Обры или авары в VI и VII веке, господствуя в Дакии, повелевали и дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской. Скоро явились

другие завоеватели: на юге козары, варяги на севере.

Козары, или хазары, единоплеменные с турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в географиях восточных. Еще с третьего столетия они известны по Арменским летописям, Европа же узнала их в IV веке вместе с гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях астраханских. Аттила властвовал над ними, болгары также, в исходе V века; но козары, все еще сильные, опустошали между тем Южную Азию, и Хозрой, царь персидский[5], должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской[6] и доныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являются в истории византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь императору (который из благодарности надел диадему царскую на их кагана, или хакана, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на угров, болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и бóльшую часть Тавриды, называемой

потом несколько веков *Козариею*. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою козарскою и стражу свою составили из сих храбрых азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых калифов.

Рассеянные племена славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители киевские, северяне, радимичи и вятичи признали над собой власть каганову. «Киевляне, — пишет Нестор, — дали своим завоевателям по *мечу с дыма,* и мудрые старцы козарские в горестном предчувствии сказали: *Мы будем данниками сих людей, ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие*». Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия российского, в X или XI веке! По крайней мере, завоеватели *не удовольствовались мечами,* но обложили славян

иною данию и брали, как говорит сам летописец, «по белке с дома»: налог весьма естественный в землях северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения греческие, знали цену золота и серебра, но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями натуры, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало славян: по крайней мере летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости обров, не говорит ничего подобного о козарах. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре, или Ателе[7] (богатой и многолюдной столице, основанной близ волжского устья Хозроем, царем персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие азиатские варвары любили только разрушать города, но козары требовали искусных зодчих от греческого императора Феофила[8] и построили на берегу До-

на, в нынешней земле козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Каганово городище* близ Харькова и другие, называемые *козарскими*, близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов[9]. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли веру иудейскую, а в 858 [году] христианскую…[10] Ужасая монархов персидских, самых грозных калифов, и покровительствуя императоров греческих, козары не могли предвидеть, что славяне, порабощенные ими без всякого кровопролития, испровергнут их сильную державу.

Но могущество наших предков на юге долженствовало быть следствием подданства их на севере. Козары не властвовали в России далее Оки: новогородцы, кривичи были свободны до 859 года. Тогда — заметим сие *первое хронологическое* показание в Несторе — какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на чудь, славян ильменских, кривичей, мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев варяжских, от *племени русско-*

го, которые сделались первыми властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться *Русью*. Сие происшествие важное, служащее основанием истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор варягами?[11] Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России *Варяжским*; кто же в сие время — то есть в IX веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с готфами. Они, под общим именем норманнов или *северных людей,* громили тогда Европу. ⟨…⟩ А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, варяги овладели странами чуди, славян, кривичей и мери, не было на севере другого народа, кроме скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилища мери), то мы уже с великою вероятностию заключить можем, что летописец наш разумеет их под именем варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

I. Имена трех князей варяжских — Рюрика,

Синеуса, Трувора, — призванных славянами и чудью, суть неоспоримо норманнские ⟨…⟩ II. Русские славяне, будучи под владением князей варяжских, назывались в Европе *норманами,* что утверждено свидетельством Лиутпранда, кремонского епископа[12], бывшего в X веке два раза послом в Константинополе. «Руссов, — говорит он, — именуем и норманнами». III. Цари греческие имели в XI веке особенных телохранителей, которые назывались *варягами,* Βαραγγοι, а по-своему Wäringar, и состояли большею частию из норманнов. Слово *Vaere, Vara,* есть древнее готфское и значит *союз*: толпы скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастия, могли именовать себя варягами в смысле *союзников* или товарищей. Сие нарицательное имя обратилось в собственное. IV. Константин Багрянородный[13], царствовавший в X веке, описывая соседственные с империею земли, говорит о порогах Днепровских и сообщает имена их на *славянском* и *русском* языке. Русские имена кажутся скандинавскими, по крайней мере не могут быть изъяснены иначе. V. Законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны с норманнскими. Слова *тиун, вира* и прочие, которые находятся в Русской Правде, суть

древние скандинавские или немецкие (о чем будем говорить в своем месте). VI. Сам Нестор повествует, что варяги живут на море Балтийском к западу и что они разных народов: урмяне, свие, англяне, готы. Первое имя в особенности означает норвежцев, второе — шведов, а под готами Нестор разумеет жителей шведской Готии. Англяне же причислены им к варягам для того, что они вместе с норманнами составляли варяжскую дружину в Константинополе. Итак, сказание нашего собственного летописца подтверждает истину, что варяги его были скандинавы.

Но сие общее имя датчан, норвежцев, шведов не удовлетворяет любопытству историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *Русью,* дал отечеству нашему и первых государей, и само имя, уже в конце IX века страшное для империи греческой? Напрасно в древних летописях скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над славянами; однако ж историки находят основательные причины думать, что Несторовы варяги-русь обитали в королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *росскою,* Ros-lagen[14]. Жители ее могли в VII, VIII или IX веке быть известны в землях

соседственных под особенным названием так же, как и готландцы, коих Нестор всегда отличает от шведов. Финны, имея некогда с *Рос*-лагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доныне именуют всех ее жителей *россами, ротсами, руотсами*. Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом.

В Бертинских летописях, изданных Дюшеном[15], между случаями 839 года описывается следующее происшествие: «греческий император Феофил прислал послов к императору франков Людовику *Благонравному*[16] и с ними людей, которые называли себя *россами* (Rhos), а короля своего хаканом (или гаканом) и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с империю. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отечество, ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов, для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *шведскому*». Гакан был, конечно, одним из владетелей Швеции[17], разделенной тогда на маленькие области, и, сведав о славе императора греческого, вздумал отправить к

нему послов.

Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В Степенной книге XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из *Пруссии,* где издавна назывались Курский залив *Русною,* северный рукав Немана, или Мемеля, *Руссою,* окрестности же их *Порусьем*[18]. Варяги-русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известием древнейших летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, ульмиганы или ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между латышами, они могли разуметь язык славянский и тем удобнее примениться к обычаям славян новогородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новегороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство географа равенского[19]: он жил в VII веке и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *Роксолан,* думают, наших россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы. Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ

шведский в 839 году, следственно, еще до пришествия князей варяжских в землю Новогородскую и Чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *россами*.

Предложив ответ на вопросы: *кто были варяги* вообще и *варяги-русь* в особенности? — скажем мнение свое о Несторовой хронологии. Не скоро варяги могли овладеть всею обширною страною от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ меря; не скоро могли в ней утвердиться так, чтобы обложить всех жителей данию; не вдруг могли чудь и славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, *немедленно* захотели снова отдаться во власть чужеземцев: но летописец объявляет, что варяги пришли от Балтийского моря в 859 году и что в 862 [году] варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полунощной!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли славянам опасность и вред народного правления; но, не знав иного в течение многих столетий, ужели в *несколько месяцев* они возненавидели его и единодушно уверились в пользе самодержавия?[20] Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и нравам; надлежало бы иметь опытность долговременную

в несчастиях: но обычаи и нравы не могли перемениться в два года варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцов своих. Что вооружило их против норманнских завоевателей? Любовь к независимости — и вдруг сей народ требует уже властителей?.. Историк должен по крайней мере изъявить сомнение и признать вероятною мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что норманны ранее 859 года брали дань с чуди и славян[21]. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей древней *истории* и счисляет годы со времен императора Михаила[22], как сам говорит, для того, что греческие летописцы относят первое нашествие россиян на Константинополь к Михаилову царствованию. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит

о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего летописца в рассуждении главных случаев, ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летосчисление делается сомнительным. При дворе великих князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память варяжского завоевания и первых государей России, но вероятно ли, чтобы старцы и бояре княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную хронологию: одно ее соображение с хронологиею византийскою, принятою ими вместе с христианством, не могло ли ввести нашего первого летописца в ошибку?

Впрочем, мы не можем заменить летосчисление Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем историю государства Российского с 862 года.

⟨…⟩

Глава IV
Рюрик, Синеус и Трувор. Годы 862–879

Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан, так повествует наш летописец, — и рассеянные племена славянские основали государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти.

Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем, что варяги,

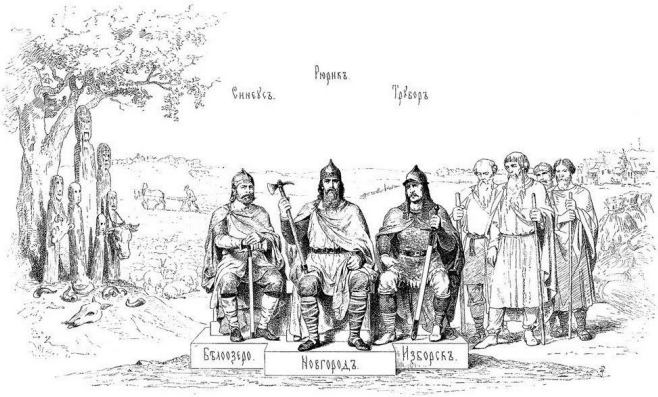
овладевшие странами чуди и славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с югом и западом Европы, где на развалинах колосса Римского основались новые государства и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбивым духом христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской, — варяги или норманны долженствовали быть образованнее славян и финнов, заключенных в диких пределах севера; могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа. Бояре славянские, недовольные властию завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против норманнов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастие, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении норманнском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть на-

родную гордость, и славяне, *убежденные* — так говорит предание — *советом новогородского старейшины Гостомысла,* потребовали властителей от варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном *советнике,* но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей истории.

Новгородцы и кривичи были тогда, кажется, союзниками финских племен, вместе с ними плативших дань варягам: имев несколько лет одну долю и повинуясь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. Нестор пишет, что славяне новогородские, кривичи, *весь* и *чудь* отправили посольство за море, к варягам-руси, сказать им: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, идите княжить и владеть нами.* Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом, или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечом права избранных государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в

область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Смоленск, населенный также кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании варягов. Следственно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белаозера простиралась только до Эстонии и Ключей славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С.-Петербургской, Эстляндской, Новогородской и Псковской губерний была названа тогда *Русью,* по имени князей варяго-русских. Более не знаем никаких достоверных подробностей; не знаем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? Насладился ли счастливою тишиною, редко известною в обществах народных? Или пожалел ли о древней вольности? Хотя новейшие летописцы говорят, что славяне скоро вознегодовали на рабство и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым,* пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новегороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, *ежели* варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их, — однако ж сие известие, не будучи основано

на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.



Призвание князей варяжских

Чрез два года [в 864 г.], по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему княжеству, основал монархию российскую. Уже пределы ее достигали на восток до нынешней Ярославской и Нижегородской губернии, а на юг до Западной Двины; уже меря, мурома и полочане зависели от Рюрика, ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белаозера,

Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать. Таким образом, вместе с верховною княжескою властию утвердилась в России, кажется, и система *феодальная, поместная* или *удельная*[23], бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах: система, сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность государей к верности вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

К сему времени летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоземцев Рюриковых, именем Аскольд и Дир, может быть недовольные сим князем, отправились с товарищами из Новагорода в Константинополь искать

счастия; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: «Чей он?» Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань козарам. Сей городок был Киев. Аскольд и Дир завладели им, присоединили к себе многих варягов из Новагорода, начали под именем россиян властвовать как государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном норманнской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить императору; тогда, ободренные своим успехом и многочисленностию войска, дерзнули объявить себя врагами Греции. Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечом берега его и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя россиян, Рῶς. Молва народная возвестила их скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. ⟨…⟩

Таким образом, варяги основали две самодер-

жавные области в России: Рюрик — на севере, Аскольд и Дир — на юге. Невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его варягам, хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских: оружие, без сомнения, решило, кому начальствовать над миролюбивыми полянами; и ежели варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Константинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути, ибо они удержали за собою Киев.

Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новегороде, за недостатком современных известий, а не для того, чтобы сей князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбию, провел остаток жизни в бездействии: *действовать* же значило тогда *воевать*, и государи скандинавские, единоземцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялися именем Одиновым быть завоевателями. Спокойствие государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу царей; но князья русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к западу, северу и востоку народами финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних

соседей, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забвенных. Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новегороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына Игоря родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого самодержца российского, осталась бессмертною в нашей истории, и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых финских племен к народу славянскому в России, так что весь, меря, мурома наконец обратились в славян, приняв их обычаи, язык и веру.

Глава V
Олег правитель. Годы 879–912

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностию, победами, благоразумием, любовию подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолюбием героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число новогородцев, кривичей, веси, чуди, мери и в 882 году пошел к странам днепровским. Смоленск, город вольных кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый князь, поручив Смоленск своему боярину, вступил в область северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух

о независимой державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоземцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить государям киевским, что варяжские купцы, отправленные князем новогородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег; воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *Вы не князья и не знаменитого роду, но я князь* — и, показав Игоря, примолвил: *вот сын Рюриков!* Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым… Простота, свойственная нравам IX века, дозволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом владетелей киевских; но самое общее варварство сих времен

не извиняет убийства жестокого и коварного. Тела несчастных князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор; кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители киевские доныне указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где врастает в землю малая, ветхая церковь.



Олег правитель

Олег, обагренный кровию невинных князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель

в город их, и жители, устрашенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами — с греческим Херсоном, с козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем — пленили Олега, и сей князь сказал: *Да будет Киев материю городов российских!* Монархи народов образованных желают иметь столицу среди государства, во-первых, для того, чтобы лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых, и для своей безопасности. Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли; мыслил ужасать соседей, а не бояться их. Он поручил дальние области вельможам; велел строить города или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внешних неприятелей, и внутренних мятежников; уставил также налоги общие. Славяне, кривичи и другие народы должны были платить дань варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнею ходячею монетою российскою, что представляло цену ста пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали варяги,

как говорит Нестор, до кончины Ярославовой: с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России.

Обширные владения российские еще не имели твердой связи. Ильменские славяне граничили с весью, весь с мерею, меря с муромою и с кривичами; но сильные, от россиян независимые народы обитали между Новым городом и Киевом. Храбрый князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припяти: там, среди лесов мрачных, древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года князь российский овладел землею днепровских северян и соседственных с ними радимичей. Он победил первых, освободил их от власти козаров и, сказав: *я враг им, а не вам!* — удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей российских с северными. Радимичи, жители берегов сожских, добровольно согласились давать россиянам то же, что козарам: по *щлягу* или мелкой монете[24] с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев

с Новым городом, Олег уничтожил господство хана козарского в Витебской и Черниговской губернии. Сей хан дремал, кажется, в приятностях восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив север, князь российский обратил счастливое оружие свое к югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской державы славяне, единоплеменные с черниговцами; он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо летописец в числе его подданных именует дулебов, тивирцев и хорватов, там обитавших. ⟨…⟩

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что цари и патриархи греческие старались умножать число христиан в Киеве и вывести самого князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, священников и патриарха и дары от императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с греками и терпимостию христианства. Мы

знаем по византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шестидесятым архиепископством* в списке епархий, зависевших от главы константинопольского духовенства; знаем также, что в 902 году 700 россов, или киевских варягов, служили во флоте греческом и что им платили из казны 100 литр золота. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе императоров: греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростию своею ужасали не Константинополь, а врагов его. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с империею. Все народы, ему подвластные: новогородцы, финские жители Белаозера, ростовская меря, кривичи, северяне, поляне киевские, радимичи, дулебы, хорваты и тивирцы, соединились с варягами под его знаменами. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов, на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало

победить не только врагов, но и природу такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы устрашить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги[25] и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетий, наконец, искусство людей разрушили некоторые из сих преград каменных; в IX и X веке они долженствовали быть несравненно опаснее. Первые варяги киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов, Олег — со флотом в десять раз сильнейшим. Константин Багрянородный описал нам, как россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля. Доплыв благополучно до лимана, они исправляли мачты, паруса, рули; входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное конное войско; жители Бессарабии и сильные болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег

приближился наконец к греческой столице, где суеверный император Леон, прозванный Философом[26], думал о вычетах астрологии более, нежели о безопасности государства. Он велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома вельмож греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали гунны и народы германские в областях империи; так, в сие же самое время, норманны, единоземцы Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных, тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями… Сии греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но князь российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может

быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное[27]. Греки, устрашенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино, князь отвергнул то и другое, боясь отравы, ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было справедливо, то не россиян, а греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и греки согласились с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество. Войско российское отступило далее от города, и князь отправил послов к императору. Летопись сохранила норманнские имена сих вельмож: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида. ⟨…⟩

Сей мир, выгодный для россиян, был утвержден священными обрядами веры: император клялся Евангелием, Олег с воинами — оружием и богами народа славянского, Перуном и Волосом. В знак победы герой повесил щит свой на

вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим,* то есть мудрым или волхвом.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, коим Олег увенчал свои дела воинские. Греческие историки молчат о сем важном случае; но когда летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен, то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? Мог ли с дерзостию уверять современников в истине оного, если бы общее предание не служило ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали их в рассказах, которые с новыми прибавлениями чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования; но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царьграду и возвратился с успехом,* кажется достоверным.

Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора; но, желая утвердить мир с греками, Олег вздумал отправить в Царьград послов, которые заключили с империею договор *письменный*, драгоценный и древнейший памятник истории российской, сохраненный в нашей летописи. ⟨…⟩

Договор мог быть писан на греческом и славянском языке. Уже варяги около пятидесяти лет господствовали в Киеве: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между славянами, без сомнения, говорили языком их лучше, нежели скандинавским. Дети варягов, принявших христианство во время Аскольда и Дира, имели способ выучиться и славянской грамоте, изобретенной Кириллом в Моравии. С другой стороны, при дворе и в войске греческом находились издавна многие славяне, обитавшие во Фракии, в Пелопоннесе и в других владениях императорских. В VIII веке один из них управлял, в сане патриарха, Церковию; и в самое то время, когда император Александр[28] подписывал мир с Олегом, первыми любимцами его были два славянина, именем Гаврилопул и Василич; последнего хотел он сделать даже своим наследником. Условия мирные надлежало разуметь и грекам, и

варягам: первые не знали языка норманнов, но славянский был известен и тем и другим.

Сей договор представляет нам россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказывают — и Константин Багрянородный то же свидетельствует, — что купцы российские торговали невольниками: или пленными, взятыми на войне, или рабами, купленными у народов соседственных, или собственными преступниками, законным образом лишенными свободы. Надобно также приметить, что между именами четырнадцати вельмож, употребленных великим князем для заключения мирных условий с греками, нет ни одного славянского. Только варяги, кажется, окружали наших первых государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив послов золотом, драгоценными одеждами и тканями, велел показать им красоту и богатство храмов (которые сильнее умственных доказательств могли представить

воображению грубых людей величие Бога христианского) и с честию отпустил их в Киев, где они дали отчет князю в успехе посольства.

Сей герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. ⟨…⟩

Мудростию правителя цветут государства образованные; но только сильная рука героя основывает великие империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное. История признает ли его незаконным властелином с того времени, как возмужал наследник Рюриков? Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? И права наследственные, еще не утвержденные в России обыкновением, могли ли ему казаться священными?.. Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы.

Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости, ежели он хотя юношею пришел в Новгород с Рюриком. Тело его погребено на горе Щековице, и жители киевские, современники Нестора, звали сие место *Ольговою могилою*.

⟨…⟩

Глава VII
Князь Святослав. Годы 945–972

Святослав, сын Игорев, первый князь славянского имени, был еще отроком. Бедственный конец родителя, новость державы, только мечом основанной и хранимой; бунт древлян; беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу; честолюбие полководцев варяжских, смелых и гордых, уважавших одну власть счастливой храбрости, — все угрожало Святославу и России опасностями. Но Провидение сохранило и целость державы, и власть государя, одарив его мать свойствами души необыкновенной.

Юный князь воспитывался боярином Асмудом, Свенельд повелевал войском. Ольга — вероятно, с помощию сих двух знаменитых мужей — овладела кормилом государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых. Здесь летописец сообщает нам *многие подробности,* отчасти не согласные ни с вероятностями

рассудка, ни с важностию истории и взятые, без всякого сомнения, из народной *сказки*, но как истинное происшествие должно быть их *основанием* и самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени, то мы повторим Несторовы простые сказания о *мести и хитростях Ольгиных*. ⟨…⟩



Князь Игорь

Не удивляемся жестокости Ольгиной: вера и

самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени. Но вероятна ли оплошность древлян? Вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростен посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве послов древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова. ⟨…⟩

Утвердив внутренний порядок государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии, наслаждаясь любовию своего признательного сына и не менее признательного народа. Здесь, по сказанию Нестора, оканчиваются дела ее государственного правления, но здесь начинается эпоха славы ее в нашей церковной истории.

Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной

деятельности, видит близкий конец ее перед собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная вера, более, нежели когда-нибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов христианства; могла из любопытства беседовать с церковными пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть христианкою и сама отправилась в столицу империи и веры греческой, чтобы почерпнуть его в самом источнике. Там патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный — восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить княгиню народа знаменитого и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления. Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли *особы княжеские,* ее свойственницы, многие знатные госпожи, послы российские и купцы, обыкновенно жившие в Царьграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встретили Ольгу, после чего император на свободе беседовал

с нею в тех комнатах, где жила царица. В сей первый день, 9 сентября [955 г.], был великолепный обед в огромной так называемой *храмине Юстиниановой,* где императрица сидела на троне и где княгиня российская, в знак почтения к супруге великого царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными госпожами. В час обеда играла музыка, певцы славили величие царского дому и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях. Послы российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* княгини дали 30 *милиаризий* — или 2 $^{1}/_{2}$ червонца, — каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати послов 12, каждому из сорока трех купцов то же, священнику или духовнику Ольгину именем Григорий 8, двум переводчикам 24, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику княгини 15 милиаризий. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 милиаризий, шести ее родственницам каждой 20 и осьмнадцати служительницам

каждой 8. 18 октября княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с императрицею, ее невесткою, Романовой супругою, и с детьми его; сам император обедал в другой зале со всеми россиянами. Угощение заключилось также дарами, еще умереннейшими первых: Ольга получила 200 милиаризий, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние государи российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными, но *одна учтивость*, без сомнения, заставила великую княгиню принять в дар шестнадцать червонцев.

К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная в святом крещении Еленою — отвергнула его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который по закону христианскому служил препятствием для союза брачного между ими. Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою.

Наставленная в святых правилах христианства самим патриархом, Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемом: следующее служит тому доказательством. Скоро приехали в Киев греческие послы требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обещание и прислала в Грецию войско вспомогательное; хотели также даров: невольников, мехов драгоценных и воску. Ольга сказала им: «Когда царь ваш постоит у меня на Почайне столько же времени, сколько я стояла у него в *Суде* (гавани Константинопольской), тогда пришлю ему дары и войско» — с чем послы и возвратились к императору. Из сего ответа должно заключить, что подозрительные греки не скоро впустили Ольгу в город и что обыкновенная надменность двора византийского оставила в ее сердце неприятные впечатления.

Однако ж россияне во все царствование Константина Багрянородного, сына его и Никифора Фоки[29] соблюдали мир и дружбу с Грециею: служили при дворе императоров, в их флоте, войсках и в 964 году, по сказанию арабского историка Новайри, сражались в Сицилии как наемники

греков с Аль-Гассаном, вождем сарацинским[30]. Константин нередко посылал так называемые *златые буллы,* или грамоты с золотою печатию, к великому князю, надписывая: *грамота христолюбивых императоров греческих, Константина и Романа, к российскому государю.*

Ольга, воспаленная усердием к новой вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества, но юный, гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастии быть христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного. Святослав ответствовал ей: «Могу ли один принять новый закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его пример склонил бы весь народ к христианству. Юноша был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъявлял презрение к христианам и с досадою отвергал все убеждения матери, которая, не преставая любить его нежно, должна была наконец умолкнуть и поручить Богу судьбу народа российского и сына.

[964–966 гг.] Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости,

пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле. Там суровою жизнию он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был военачальник, таковы и воины. Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: *иду на вас!* В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести.



Правительница княгиня Ольга

Берега Оки, Дона и Волги были первым фе-атром его воинских, счастливых действий. Он покорил вятичей, которые все еще признава-ли себя данниками хана козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов. Сам каган предводи-тельствовал войском: Святослав победил и взял козарскую *Белую Вежу,* или Саркел, как именуют

ее византийские историки, город на берегу Дона, укрепленный греческим искусством. Летописец не сообщает нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказывая только, что Святослав победил еще *ясов* и *касогов*: первые — вероятно, нынешние оссы, или осетинцы, — будучи аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и близ устья Волги; вторые суть черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахиею: осетинцы и теперь называют их касахами. Тогда же, как надобно думать, завоевали россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения козарские на восточных берегах Азовского моря, ибо сия часть древнего царства Воспорского, названная потом княжеством Тмутороканским, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностию России. Завоевание столь отдаленное кажется удивительным; но бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей герой мог утвердить сообщение между областию Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра. В Тавриде оставалась уже одна тень древнего могущества каганов.

[967 г.] Неудовольствие императора Никифора

Фоки на болгарского царя Петра[31] служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отмстить болгарам за то, что они не хотели препятствовать венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника херсонского, ехать послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному князю российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Святослав исполнил желание Никифора, взяв с греков на вооружение несколько пуд золота, и с 60 000 воинов явился в ладиях на Дунае. Тщетно болгары хотели отразить их: россияне, обнажив мечи и закрываясь щитами, устремились на берег и смяли неприятелей. Города сдалися победителю. Царь болгарский умер от горести. Удовлетворив мести греков, богатый добычею, гордый славою, князь российский начал властвовать в древней Мизии; хотел еще, в знак благодарности, даров от императора и жил весело в болгарском Переяславце[32]… ⟨…⟩



Великий князь Святослав

По кончине матери Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение, то есть перенести столицу государства на берега дунайские. Кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, Болгария действительно могла нравиться ему своим теплым климатом, изобилием плодов и богатством деятельной, удобной торговли с Константинополем; вероятно также, что сие

государство, сопредельное с империею, превосходило Россию и в гражданском образовании, но для таких выгод долженствовал ли он удалиться от своего отечества, где был, так сказать, корень его силы и могущества? По крайней мере, Святославу надлежало бы овладеть прежде Бессарабиею, Молдавиею и Валахиею, то есть выгнать оттуда печенегов, чтобы непрерывною цепию завоеваний соединить Болгарию с российскими владениями. Но сей князь излишно надеялся на счастие оружия и на грозное имя победителя козаров.

[970 г.] Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные князья. В то же время новогородцы, недовольные, может быть, властию княжеских наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного князя: Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери любчанина Малька; новогородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в князья сего юношу, которому судьба назначила пре-

образить Россию. Итак, Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные уделы*[33]: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрынею в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областию, но где народ встретил его как неприятеля. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на россиян. Долговременное кровопролитное сражение клонилось уже в пользу болгаров; но воины Святославовы, ободренные его речью: *Братья и дружина! Умрем, но умрем с твердостию и мужеством!* — напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел царством Болгарским и хотел там навсегда остаться. В сем намерении еще более утвердил его знатный грек, именем Калокир, самый тот, который от императора Никифора был послом у Святослава. Калокир с помощию россиян надеялся свергнуть государя своего с престола и царствовать в Константинополе, за что обещал им уступить Болгарию в вечное владение и присылать дары. Между тем Святослав, довольствуясь властию над сею землею, позволял сыну умершего ее царя,

именем Борису[34], украшаться знаками царского достоинства.

Греки, призвавшие россиян на берега дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее болгаров. Иоанн Цимиский[35], тогдашний император, предлагая сему князю исполнить договор, заключенный с ним в царствование Никифора, требовал, чтобы россияне вышли из Болгарии; но Святослав не хотел слушать послов и с гордостию ответствовал, что скоро будет сам в Константинополе и выгонит греков в Азию. Цимиский, напомнив ему о бедственной участи ненасытного Игоря, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

В описании сей кровопролитной войны Нестор и византийские историки[36] не согласны: первый отдает честь и славу победы князю российскому, вторые императору — и, кажется, справедливее, ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у греков, а Святослав принужден был с горстию воинов идти назад в Россию: следствия, весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же греческие историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее, — и мы, предпочитая истину народному самохваль-

ству, не должны отвергнуть их любопытного сказания.

Великий князь, говорят они, к русской дружине присоединив болгаров, новых своих подданных, венгров и печенегов, тогдашних его союзников, вступил во Фракию и до самого Адрианополя опустошил ее селения. Варда Склир[37], полководец империи, видя многочисленность неприятелей, заключился в сем городе и долго не мог отважиться на битву. Наконец удалось ему хитростию разбить печенегов: тогда греки, ободренные успехом, сразились с князем Святославом. Россияне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склир и брат его Константин Патрикий принудили их отступить, умертвив в единоборстве каких-то двух знаменитых богатырей *скифских*. ⟨…⟩

В следующий год, по известиям византийским, сам Цимиский выступил из Константинополя с войском, отправив наперед сильный флот к дунайскому устью, без сомнения, для того, чтобы пресечь сообщение россиян водою с Киевом. Сей император открыл себе путь ко трону злодейством, умертвив царя Никифора, но правил государством благоразумно и был героем. Избирая полководцев искусных, щедро награждая заслуги самых рядовых воинов, строго наказывая

малейшее неповиновение, он умел вселить в первых древнее римское славолюбие, а вторых приучить к древней подчиненности. Собственное его мужество было примером для тех и других. На пути встретили императора послы российские, которые хотели единственно узнать силу греков. Иоанн, не входя с ними в переговоры, велел им осмотреть стан греческий и возвратиться к своему князю. Сей поступок уже доказывал Святославу, что он имеет дело с неприятелем опасным.

Оставив главное войско назади, император с отборными ратниками, с легионом так называемых бессмертных, с 13 000 конницы, с 10 500 пехоты, явился нечаянно под стенами Переяславца и напал на 8000 россиян, которые спокойно занимались там воинским ученьем. Они изумились, но храбро вступили в бой с греками. Большая часть их легла на месте, и вылазка, сделанная из города в помощь им, не имела успеха; однако ж победа весьма дорого стоила грекам, и Цимиский с нетерпением ожидал своего остального войска. Как скоро оно пришло, греки со всех сторон окружили город, где начальствовал российский полководец Сфенкал. Сам князь с 60 000 воинов стоял в укрепленном стане на берегу Дуная.

Калокир, виновник сей войны, по словам греческих летописцев, бежал из Переяславца уведомить его, что столица болгарская осаждена. Но Цимиский не дал Святославу времени освободить ее: тщетно предлагав россиянам сдаться, он взял город приступом. Борис, только именем царь болгарский, достался грекам в плен, со многими его знаменитыми единоземцами; император обошелся с ними благосклонно, уверяя — как бывает в таких случаях, — что он вооружился единственно для освобождения их от неволи и что признает врагами своими одних россиян.

Между тем 8000 воинов Святославовых заперлись в царском дворце, не хотели сдаться и мужественно отражали многочисленных неприятелей. Напрасно император ободрял греков: он сам с оруженосцами своими пошел на приступ и должен был уступить отчаянной храбрости осажденных. Тогда Цимиский велел зажечь дворец, и россияне погибли в пламени.

Святослав, сведав о взятии болгарской столицы, не показал воинам своим ни страха, ни огорчения и спешил только встретить Цимиския, который со всеми силами приближался к Доростолу, или нынешней Силистрии[38]. В 12 милях оттуда сошлись оба воинства. Цимиский и Святослав

— два героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе, — каждый ободрив своих, дали знак битвы, и при звуке труб началось кровопролитие. От первого стремительного удара греков поколебались ряды Святославовы, но, вновь устроенные князем, сомкнулись твердою стеною и разили неприятелей. До самого вечера счастие ласкало ту и другую сторону; *двенадцать* раз то и другое войско думало торжествовать победу. Цимиский велел распустить священное знамя Империи; был везде, где была опасность; махом копия своего удерживал бегущих и показывал им путь в средину врагов. Наконец судьба жестокой битвы решилась: Святослав *отступил* к Доростолу и вошел в сей город.

Император осадил его. В то же самое время подоспел и флот греческий, который пресек свободное плавание россиян по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала с опасностями. Он заключил в оковы многих болгаров, которые хотели изменить ему; окопал стены глубоким рвом, беспрестанными вылазками тревожил стан греков. Россияне, пишут византийские историки, оказывали чудесное остервенение и, думая, что убитый *неприятелем* должен служить ему рабом в аде, вонзали себе

мечи в сердце, когда уже не могли спастися, ибо хотели тем сохранить вольность свою в будущей жизни. Самые жены их ополчались и, как древние амазонки, мужествовали в кровопролитных сечах. Малейший успех давал им новую силу. Однажды в счастливой вылазке, приняв магистра Иоанна, свойственника Цимискиева, за самого императора, они с радостными кликами изрубили сего знатного сановника и с великим торжеством выставили голову его на башне. Нередко, побеждаемые силою превосходною, обращали тыл без стыда: шли назад в крепость с гордостию, медленно, закинув за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле; закалали пленников над ними и с какими-то священными обрядами погружали младенцев в струи Дуная. Пример Святослава одушевлял воинов.

Но число их уменьшалось. Главные полководцы, Сфенкал, Икмор (не родом, по сказанию византийцев, а доблестию вельможа), пали в рядах неприятельских. Сверх того, россияне, стесненные в Доростоле и лишенные всякого сообщения с его плодоносными окрестностями, терпели голод. Святослав хотел преодолеть и

сие бедствие: в темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2000 воинов сел на лодки, при блеске молнии обошел греческий флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На возвратном пути, видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные россияне вышли из лодок, напали из лесу на греков, множество их убили и благополучно достигли пристани. Но сия удача была последнею. Император взял меры, чтобы в другой раз ни одна лодка русская не могла выплыть из Доростола.

Уже более двух месяцев продолжалась осада; счастие совсем оставило россиян. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вероятно, не знало их бедствия. Народы соседственные волею и неволею держали сторону греков, ибо страшились Цимиския. Воины Святославовы изнемогали от ран и голода. Напротив того, греки имели во всем изобилие, и новые легионы приходили к ним из Константинополя.

В сих трудных обстоятельствах Святослав собрал на совет дружину свою. Одни предлагали спастися бегством в ночное время; другие советовали просить мира у греков, не видя иного способа возвратиться в отечество; наконец, все

думали, что войско российское уже не в силах бороться с неприятелем. Но великий князь не согласился с ними и хотел еще испытать счастие оружия. «Погибнет, — сказал он с тяжким вздохом, — погибнет слава россиян, если ныне устрашимся смерти! Приятна ли жизнь для тех, которые спасли ее бегством? И не впадем ли в презрение у народов соседственных, доселе ужасаемых именем русским? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племен, или победим греков, или падем с честию, совершив дела великие!» Тронутые сею речью, достойные его сподвижники громкими восклицаниями изъязвили решительность геройства — и на другой день все войско российское с бодрым духом выступило в поле за Святославом. Он велел запереть городские ворота, чтобы никто не мог думать о бегстве и возвращении в Доростол. Сражение началося утром; в полдень греки, утомленные зноем и жаждою, а более всего упорством неприятеля, начали отступать, и Цимиский должен был дать им время на отдохновение. Скоро битва возобновилась. Император, видя, что тесные места вокруг Доростола благоприятствуют малочисленным россиянам, велел полководцам своим заманить их на обшир-

ное поле притворным бегством; но сия хитрость не имела успеха: глубокая ночь развела воинства без всякого решительного следствия.

Цимиский, изумленный отчаянным мужеством неприятелей, вздумал прекратить утомительную войну единоборством с князем Святославом и велел сказать ему, что лучше погибнуть одному человеку, нежели губить многих людей в напрасных битвах. Святослав ответствовал: «Я лучше врага своего знаю, что мне делать. Если жизнь ему наскучила, то много способов от нее избавиться: Цимиский да избирает любой!» За сим последовало новое сражение, равно упорное и жестокое. Греки всего более хотели смерти героя Святослава. Один из их витязей, именем Анемас, открыл себе путь сквозь ряды неприятелей, увидел великого князя и сильным ударом в голову сшиб его с коня; но шлем защитил Святослава, и смелый грек пал от мечей дружины княжеской. Долгое время победа казалась сомнительною. Наконец самая природа ополчилась на Святослава: страшный ветр поднялся с юга и, дуя прямо в лицо россиянам, ослепил их густыми облаками пыли, так что они долженствовали прекратить битву, оставив на месте 15 500 мертвых и 20 000 щитов. Греки назвали себя победителями. Их

суеверие приписало сию удачу сверхъестественному действию: они рассказывали друг другу, будто бы св. Феодор Стратилат[39] явился впереди их войска и, разъезжая на белом коне, приводил в смятение полки российские.

Святослав, видя малое число своих храбрых воинов, большею частию раненых, и сам уязвленный, решился наконец требовать мира. Цимиский, обрадованный его предложением, отправил к нему в стан богатые дары. «Возьмем их, — сказал великий князь дружине своей. — Когда же будем недовольны греками, то, собрав войско многочисленное, снова найдем путь к Царюграду». Так повествует наш летописец, не сказав ни слова о счастливых успехах греческого оружия. Византийские историки говорят, что Цимиский, дозволяя Святославу свободно выйти из Болгарии и купцам российским торговать в Константинополе, примолвил с великодушною гордостию: «Мы, греки, любим побеждать своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями». Императорский вельможа Феофан Синкел и российский воевода Свенельд именем государей своих заключили следующий договор, который находится в Несторовой летописи и также ясно доказывает, что успех войны был на

стороне греков, ибо Святослав, торжественно обязываясь на все полезное для империи, не требует в нем никаких выгод для россиян. ⟨…⟩

Утвердив мир, император снабдил россиян съестными припасами; а князь российский желал свидания с Цимискием. Сии два героя, знакомые только по славным делам своим, имели, может быть, равное любопытство узнать друг друга лично. Они виделись на берегу Дуная. Император, окруженный *златоносными* всадниками, в блестящих латах, приехал на коне; Святослав — в ладии, в простой белой одежде и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня, Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили — и расстались друзьями.

Но сия дружба могла ли быть искреннею? Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предприял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем; а Цимиский

в то же время отправил к печенегам послов, которые должны были, заключив с ними союз, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили россиян чрез свою землю. Печенеги согласились на все, кроме последнего, досадуя на россиян за то, что они примирились с греками. Так пишут византийские историки; но с большею вероятностию можно думать совсем противное. Тогдашняя политика императоров не знала великодушия: предвидя, что Святослав не оставит их надолго в покое, едва ли не сами греки наставили печенегов воспользоваться слабостию российского войска. Нестор приписывает сие коварство жителям Переяславца: они, по его словам, дали знать печенегам, что Святослав возвращается в Киев с великим богатством и с малочисленною дружиною.

[972 г.] Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги, князь не принял его совета и решился зимовать в Белобережье, при устье Днепра[40], где россияне должны были терпеть во всем недостаток и самый голод, так что они давали

полгривны за лошадиную голову. Может быть, Святослав ожидал там помощи из России, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь в отечество. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу. Только немногие россияне спаслись с воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о погибели Святослава.

Таким образом скончал жизнь сей Александр нашей древней истории, который столь мужественно боролся с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнию с героями песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого, ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка.

Если Святослав в 946 году, как пишет Нестор,

был еще слабым отроком, то он скончал дни свои в самых цветущих летах мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы соседственные.

⟨…⟩

Глава IX
Великий князь Владимир, названный в крещении Василием. Годы 980–1014

Владимир с помощью злодеяния и храбрых варягов овладел государством, но скоро доказал, что он родился быть государем великим.

Сии гордые варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны: Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обещаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидели обман; но, видя также, что войско российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились в Грецию. Владимир, с радостию отпустив сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и роздал им многие города в управление. Между тем послы его предуведомили императора, чтобы он не оставлял мятежных варягов в столице, но разослал по городам и ни в каком случае не дозволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его близ *теремного двора,* на священном холме, вместе с иными кумирами. Там, говорит летописец, стекался народ ослепленный и земля осквернялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством, ибо и самая вера языческая не терпела таких злодеяний… Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новым городом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, чехини или богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ

Киева) и 200 в селе Берестове[41]. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.



Великий князь Владимир равноапостольный

Владимир, вместе со многими героями древ-

них и новых времен любя жен, любил и войну. Польские славяне, ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно славянам российским, еще ранее их прибегнули к единовластию. Мечислав[42], государь, знаменитый в истории введением христианства в земле своей, правил тогда народом польским. Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возвратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к государству Польскому. Он взял города *Червень* (близ Хелма), Перемышль и другие, которые, с сего времени будучи собственностию России, назывались *Червенскими.* В следующие два года храбрый князь смирил бунт вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну ятвягов[43], дикого, но мужественного народа латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к северо-западу он распространил свои владения до самого Балтийского моря, ибо Ливония, по свидетельству Стурлезона, летописца исландского[44], принадлежала Владимиру, коего чиновники ездили собирать дань со всех жителей между Курляндиею и Финским заливом. ⟨…⟩

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более про-

славило его в истории… Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось христианство, наконец вся и торжественно признала святость оного, почти в одно время с землями соседственными: Венгриею, Польшею, Швециею, Норвегиею и Даниею. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной веры, ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний летописец наш повествует, что не только христианские проповедники, но и магометане вместе с иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию веры своей и что великий князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедовал одного Бога с ними, и Владимир мог также — увидев наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества — искать истины в разных верах. ⟨…⟩

Летописец наш *угадывал,* каким образом проповедники вер долженствовали говорить

с Владимиром; но ежели греческий философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве закона христианского. Вера славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей и нередко увеселялись их кровию. Хотя славяне признавали также и бытие единого существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того, христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенной, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни, — удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

[987 г.] Владимир, отпустив философа с дарами и с великою честию, собрал бояр и *градских старцев,* объявил им предложения магометан, иудеев, католиков, греков и требовал их совета. «Государь! — сказали бояре и старцы. — Всякий человек хвалит веру свою; ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли испытать, который народ достойнее поклоняется Божеству» — и великий князь отправил десять благоразумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране болгаров храмы скудные, моление унылое, лица печальные; в земле немецких католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты,* наконец прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* — сказал император и, зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести послов в Софийскую церковь, где сам патриарх, облаченный в святительские ризы, совершал литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого духовенства греческого, богатые одежды служебные, убранство олтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов

изумили россиян; им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется… Возвратясь в Киев, послы говорили князю с презрением о богослужении магометан, с неуважением о католическом и с восторгом о византийском, заключив словами: «Всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав веру греков, не хотим иной». Владимир желал еще слышать мнение бояр и старцев. «Когда бы закон греческий, — сказали они, — не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его». Великий князь решился быть христианином.

Так повествует наш летописец, который мог еще знать современников Владимира и потому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего российского посольства в страну католиков и в Царьград, для испытания закона христианского, утверждается также известиями одной греческой древней рукописи, хранимой в парижской библиотеке[45]: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего царя византийского, названного в ней *Македонским* вместо *Багрянородного*.

Владимир мог бы креститься и в собственной

столице своей, где уже давно находились церкви и священники христианские; но князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни цари греческие и патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* веру христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

[988 г.] Собрав многочисленное войско, великий князь пошел на судах к греческому Херсону, которого развалины доныне видимы в Тавриде, близ Севастополя. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до козаров и печенегов. Он признавал над собою верховную власть императоров греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях

черноморских, наслаждались изобилием. Владимир, остановясь в гавани, или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великий князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся, но граждане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит летописец, ночью уносили в город ту землю, которую россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оную валом, по древнему обыкновению военного искусства. К счастию, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к россиянам стрелу с надписью: *за вами, к востоку, находятся колодези, дающие воду херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее.* Великий князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы

народов варварских, российский князь еще более возгордился своим величием и чрез послов объявил императорам Василию и Константину[46], что он желает быть супругом сестры их, юной царевны Анны[47], или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с греческими знаменитыми царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти героя Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: военачальники Склир и Фока[48] не хотели повиноваться законным государям и спорили с ними о державе. Сии обстоятельства принудили императоров забыть обыкновенную надменность греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощию сильного князя российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв веру христианскую, он получит и руку царевны, и Царство Небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостию изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с князем народа, по мнению греков, дикого и свирепого казалось ей *жестоким пленом* и ненавистнее смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность

к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предлогом. Горестная царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками, там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что великий князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть, что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда святитель возложил на него руку. Бояре российские, удивленные чудом, вместе с государем приняли истинную веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили великий князь и невеста его). Херсонский митрополит и византийские пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя, ибо великий князь, как верный союзник императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в империи.

Сего не довольно: Владимир отказался от сво-

его завоевания и, соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город царям греческим в изъявление благодарности за руку сестры их. Вместо пленников он вывел из Херсона одних иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи св. Климента и Фива[49], ученика его, также два истукана и четырех коней медных в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви[50]). Наставленный херсонским митрополитом в тайнах и нравственном учении христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлось Перуновым). Изумленный народ

не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия, ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди русские, вельможи и рабы, бедные и богатые, шли креститься — и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая вера должна быть мудрою и святою, когда великий князь и бояре предпочли ее старой вере отцов своих. Там явился Владимир, провождаемый собором греческих священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился, когда Священный собор нарек всех граждан киевских христианами, тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!»… *В сей великий день, говорит летописец, земля и небо ликовали.*

Скоро знамения веры христианской, принятой государем, детьми его, вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ. Великий князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери[51] там, где в 983 году пострадал за веру благочестивый варяг и сын его. Между тем ревностные служители олтарей, священники, проповедовали Христа в разных областях государства. Многие люди крестились, рассуждая, без сомнения, так же, как и граждане киевские; другие, привязанные к закону древнему, отвергали новый, ибо язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести, но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить россиян*. Чтобы утвердить веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на славянский язык Кириллом и Мефодием и, без сомнения, уже давно известных киевским христианам, великий князь завел для отроков училища, бывшие первым ос-

нованием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшною новостию, и жены знаменитые, у коих неволей брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил государство на области и дал в удел Вышеславу Новгород, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов, по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский, Мстиславу Тмуторокань, или греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который доныне существует в Минской губернии и назван так от имени варяга Тура[52], повелевавшего некогда сею областию. Владимир отправил малолетних князей в назначенный для каждого удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить государства и дал

сыновьям одни права своих наместников, но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный князь, повинуясь отцу, самовластному государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом, ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века. ⟨…⟩

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники новогородские ежегодно платили две тысячи гривен великому князю и тысячу раздавали гридням, или телохранителям княжеским. Ярослав, тогдашний правитель Новагорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Яро-

слава от злодеяния редкого. [1015 г.]. Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его *любимому* сыну Борису, князю ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило государства на волю рока…

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину великого князя, вероятно, для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: вельможи, народ, воины бросились в церковь, увидели труп государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благотворителя, бояре — отца отечества… Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Сей князь, названный Церковию *равноапостольным*, заслужил и в истории имя *Великого*. Истинное ли уверение в святыне христианства или, как повествует знаменитый арабский историк XIII века[53], одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с государями византийскими решило его креститься? Известно Богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв веру Спасителя, освятился ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил россиян на путь истинной веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей князь, похитив единовластие, благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; выслав мятежных варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу; смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию на-

род ятвяжский; расширил пределы государства на западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе восточных императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только иереев, но и художников; наконец, был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в политике, за назначение особенных уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние скандинавские, немецкие, византийские, арабские летописи говорят о нем. Кроме преданий Церкви и нашего первого летописца о делах Владимировых, память сего великого князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новогородском, Александре с *золотою гривною,* Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвеце, грозе печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях. Сказки не история; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и князя Владимира достойно замечания: тот и

другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к христианству, любовию к наукам, живут доныне и в сказках богатырских.

Владимир, несмотря на слабое от природы здоровье, дожил до старости, ибо в 970 году уже господствовал в Новегороде под руководством дяди, боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого монарха, дополним историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных, современных летописцах, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России; чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

Глава X
О состоянии Древней России

В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние государства европейские. Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее владения от Новагорода и Киева к западу до моря Балтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к югу до порогов Днепровских и Киммерийского Воспора; к северу и востоку граничила она с Финляндиею и с чудскими народами, обитателями нынешних губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с мордвою и с казанскими болгарами, за коими, к морю Каспийскому, жили хвалисы[54], их единоверцы и единоплеменники (почему сие море называлось тогда Хвалынским или Хвалисским).

Слова новогородцев и союзных с ними народов, преданные нам летописцем: «хотим князя, да владеет и правит нами по закону», были основанием первого устава государственного в России, то есть монархического.

Но князья привели с собою многих независи-

мых варягов, которые считали их более своими товарищами, нежели государями, и шли в Россию властвовать, а не повиноваться. Сии варяги были первыми чиновниками, знаменитейшими воинами и гражданами; составляли отборную дружину и верховный совет, с коим государь делился властию. Мы видели, что послы российские заключали договор с Грециею от имени князя и бояр его; что Игорь не мог один утвердить союза с императором и что вся *дружина княжеская* должна была вместе с ним присягать на священном холме.

Самый народ славянский хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий совет. Белогородцы, теснимые печенегами, рассуждали на вече, что им делать. Сии народные собрания были древним обыкновением в городах российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного единовластия. Так новогородцы объявили Святославу, что они требуют от него сына в правители или, в случае отказа, изберут себе особенного князя.

На войне права государя были ограничены

корыстолюбием воинов: он мог брать себе только часть добычи, уступая им прочее. Так Олег, Игорь взяли дань с греков на каждого из своих ратников; самые родственники убитых имели в ней долю. Желая один воспользоваться грабежом в земле Древлянской, Игорь удалил от себя войско: следственно, не только добычею счастливой битвы, но и данию, собираемою с народов, уже подвластных России, князья делились с воинами.

Впрочем, вся земля Русская была, так сказать, законною собственностию великих князей[55]: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие варяги получили уделы от Рюрика. Так супруга Игорева владела Вышегородом, а Рогволод, по словам летописи, княжил в Полоцке.

Варяги, на условиях *поместной системы* владевшие городами, имели титло князей: о сих-то *многих* князьях российских упоминается в Олеговом договоре с греческим императором. Дети их, заслужив милость государя, могли получать те же уделы: бояре Владимировы назвали Полоцк, где княжил отец Рогнедин, ее наследственным достоянием, или отчиною. Но великий князь как государь располагал сими частными княжествами: Владимир отдал детям своим Ростов, Муром и другие области, бывшие со времен Рюриковых

уделами вельмож норманнских. Другие города и волости непосредственно зависели от великого князя: он управлял ими чрез своих посадников, или наместников.

Образ сего внутреннего правления ответствовал простоте тогдашних нравов. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: государь советовался о *земских* учреждениях с храброю дружиною. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владимир по воле своей отменил и снова уставил смертную казнь. Нестор упоминает еще о *градских старейшинах,* которые, летами, разумом и честию заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных.

Во времена независимости российских славян гражданское правосудие имело основанием совесть и древние обычаи каждого племени в особенности; но варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам великих князей с греками и во всем согласные с древними законами скандинавскими[56]. Например: и в тех и других было уставлено, что родственник убиенного имел право лишить жизни убийцу; что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться

ему в руки; что за каждый удар мечом, копием или другим орудием надлежало платить денежную пеню. Сии первые законы нашего отечества, еще древнейшие Ярославовых, делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверенности к клятвам, следственно к совести людей, и на справедливости: так виновный был увольняем от пени, ежели он утверждал клятвенно, что не имеет способа заплатить ее; так хищник наказывался соразмерно с виною и платил вдвое и втрое за всякое похищение; так гражданин, мирными трудами нажив богатство, мог при кончине располагать им в пользу ближних и друзей своих. Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило сии уставы в народной памяти. Ежели не славяне, то по крайней мере варяги российские могли иметь в IX и X веке *законы писаные,* ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление рунических письмен было известно до времен христианства.

Мы имеем еще древний так называемый *Владимиров устав,* по коему, сообразно с греческими номоканонами[57], отчуждены от мирского ведомства монахи и церковники, богадельни, гостиницы, дома странноприимства, лекари и все люди увечные. Дела их были подсудны одним

епископам, также весы и мерила городские, распри и неверность супругов, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодейства детей в отношении к отцу и матери, тяжбы родных, осквернение храмов, церковная татьба, снятие одежды с мертвеца и проч. и проч. Нет сомнения, что духовенство российское в первые времена христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относилися к совести и нравственным правилам новой веры (так было во всей Европе); нет сомнения, что означенные здесь суды могли принадлежать ему (некоторые из оных и ныне остаются его правом), но сей *устав* есть подложный[58] — и вот доказательство: там Владимир пишет, что патриарх *Фотий* дал ему *первого* митрополита Леона[59], а *Фотий* умер за 90 лет до сего великого князя.

Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. Россияне, предводимые своими князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими целое войско

оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для защиты своей тяжелые латы, обручи, высокие шлемы. Мечи, с обеих сторон острые, копья и стрелы были их оружием. Укрепляя города свои стенами, хотя деревянными, но неприступными для народов варварских, тогдашних соседей России, предки наши умели брать города чуждые и знали искусство осадных земляных работ; окружали глубокими рвами не только крепости, но и полевые станы свои для безопасности.

Подобно другим славянам мужественные на суше, они заимствовали от варягов искусство мореплавания, и только один страшный *огонь греческий* мог спасти Царьград от флота Игорева: для того великие князья всегда желали узнать тайный состав сего огня; но хитрые греки уверяли их, что ангел небесный вручил оный императору Константину и что одни христиане могут им пользоваться. Тогдашние военные корабли российские были не что иное, как гребные, с помощию больших парусов весьма ходкие суда, на которые садилось от 40 до 60 человек.

О древнем чиноначалии и внутреннем образовании войска известно нам следующее. Князь был его главою на воде и суше; под ним начальствовали воеводы, тысяцкие, сотники, десятские. Дружину первого составляли опытные витязи и бояре, которые хранили его жизнь и служили примером мужества для прочих. Мы знаем, сколь Владимир уважал и любил их. Дружина Игорева и по смерти князя носила на себе его имя. Под сим общим названием разумелись иногда и молодые отборные воины, отроки, гридни, которые служили при князе: первые считались знаменитее вторых. Главные воеводы имели также своих отроков, как Свенельд, воевода Игорев. Варяги до самых времен Ярославовых были в России особенным войском: они и гридни, или *мечники,* брали из казны жалованье, другие участвовали только в добыче.

Народы, из коих составилось государство Российское, и до пришествия варягов имели уже некоторую степень образования, ибо самые грубые древляне жили отчасти в городах; самые вятичи и радимичи, варвары по описанию Несторову, издревле занимались хлебопашеством. Вероятно, что они пользовались и выгодами торговли, как внутренней, так и внешней; но мы не

имеем никакого исторического об ней сведения. Первые известия о нашем древнем купечестве относятся уже ко временам варяжских князей: договоры их с греками свидетельствуют, что в X веке жило множество россиян в Цареграде, которые продавали там невольников и покупали всякие ткани. Звериная ловля и пчеловодство доставляли им множество воску, меду и драгоценных мехов, бывших, вместе с невольниками, главным предметом их торговли. Константин Багрянородный пишет, что в Хазарию и в Россию шли тогда из Царяграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец, к сим товарам, по известию Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествие российских купцов в Грецию описывает Константин следующим образом: «Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные россам славяне, кривичи, лучане и другие зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые μονοξυλα, ибо они делаются из *одного дерева*. По вскрытии Днепра славяне приплывают в Киев и продают оные россиянам, которые делают уключины и весла из старых лодок. В апреле месяце собирается весь российский флот в городке Витичеве[60], откуда идет уже к

порогам. Дошедши до четвертого, и самого опасного, то есть *Неясытя,* купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого *Крарийского перевоза* (где херсонцы, *возвращаясь* из *России,* переправляются чрез Днепр); отразив сих разбойников и доплыв до острова Св. Григория, россияне приносят богам своим жертву благодарности и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности; но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с печенегами и, наконец, миновав Конопу, Константию, также устье болгарских рек Варны и Дицины, достигают Месимврии[61], первого греческого города». Сия торговля, без сомнения, весьма обогащала россиян, когда они для ее выгод отваживались на столько опасностей и трудов и когда она была предметом всякого их мирного договора с империею. Они ходили на судах не только в Болгарию, в Грецию, Хазарию или Тавриду, но, если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию: Черное море, покрытое их кораблями, или, справедливее сказать, лодками, было названо *Русским*. Но цареградские купцы едва ли ездили чрез пороги Днепровские; одни,

кажется, херсонцы торговали в Киеве.

Печенеги, всегдашние грабители нашего древнего отечества, имели с ним также и мирные торговые связи. Будучи народом кочующим и скотоводным, подобно нынешним киргизам и калмыкам, они продавали россиянам множество азиатских коней, овец и быков; но Константин к сему известию прибавляет явную ложь, сказывая, что в России не было прежде ни лошадей, ни скота рогатого. Волжские болгары, по сказанию Эбн-Гаукаля[62], арабского географа X века, доставали от нас шкуры черных куниц или скифских соболей, но сами не ездили в Россию будто бы для того, что в ней убивали всех иноземцев.

О торговле древних россиян с народами северными находим любопытные и достоверные известия в скандинавских и немецких летописцах. Средоточием ее был Новгород, где со времен Рюриковых поселились многие варяги, деятельные в морском грабеже и купечестве. Там скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову,

езжали новогородцы еще в Олеговы времена. В славной Винете[63] и других балтийских городах находились купцы российские. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмонки, собирались весною норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатством на севере, что летописцы сего времени обыкновенно называют Россию страною, *изобильною всеми благами,* omnibus bonis affluentem.

Вероятно, что великие князья, следуя примеру скандинавских владетелей, сами участвовали в выгодах народной торговли для умножения своих доходов.

Государственная подать в IX и X веке состояла у нас более в *вещах,* нежели в *деньгах*. Из разных областей России ходили в столицу обозы с *медом* и *шкурами,* или с оброком княжеским, что называлось: *возить повоз*. Следственно, казна изобиловала *товарами* и могла отпускать их в чужие земли.

Россияне, подобно норманнам, соединяли торговлю с грабежом. Известно, что они славились морскими разбоями в окрестностях Меларского

озера[64] и что железные цепи при Стокзунде (где ныне Стокгольм) не могли их удерживать. Требование греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходцы российские предъявляли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело, без сомнения, важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцов от разбойников.

Счастливые войны и торговля россиян, служив к обогащению народа, долженствовали, в течение ста лет и более, произвести некоторую роскошь, прежде неизвестную. Узнав пышность двора константинопольского, великие князья хотели подражать ему: не только сами они, но и супруги их, дети, родственники имели своих особенных придворных чиновников. Нередко послы российские именем государя требовали в дар от греков царской одежды и венцов, чего императоры, желая отличаться от *варваров* хотя украшениями драгоценными, не любили давать им, уверяя, что сии порфиры и короны сделаны руками ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви. Друзья Владимира, обедая у князя, ели

серебряными ложками. Мед, древнее любимое питие всех народов славянских, был еще душою славных пиров его; но киевляне в Олеговы времена уже имели вина греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец индийский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги и проч.

Города сего времени ответствовали уже состоянию народа избыточного. Немецкий летописец Дитмар[65], современник Владимиров, уверяет, что в Киеве, *великом граде,* находилось тогда 400 церквей, созданных усердием новообращенных христиан, и восемь больших торговых площадей. Адам Бременский[66] именует оный *главным украшением* России и даже *вторым Константинополем*. Сей город до XI века стоял весь на высоком берегу днепровском: место нынешнего Подола было в Ольгино время еще залито водою. Смоленск, Чернигов, Любеч имели сообщение с Грециею. Император Константин, несправедливо называя Новгород столицею великого князя Святослава, дает по крайней мере знать, что сей город был уже знаменит в X веке.

Народ торговый не может обойтися без денег, или знаков, представляющих цену вещей. Но

деньги не всегда бывают металлом: доныне вместо их жители Мальдивских островов употребляют раковины. Так и славяне российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурами зверей, *куниц* и белок: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить с собою целые шкуры для купли подала мысль заменить оные *мордками* и другими *лоскутками,* куньими и бельими. Надобно думать, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии *лоскутки* на целые кожи. Однако ж, зная цену серебра и золота, предки наши издревле добывали их посредством внешней торговли. В Олеговых условиях с империею сказано, что грек, ударив мечом россиянина, или россиянин грека, обязывался платить за вину 5 литр *серебра*. Россияне брали также в Цареграде за каждого невольника греческого 20 *золотников,* то есть византийских червонцев, *номисм* или *солидов*. Нет сомнения, что и внутри государства ходило серебро в монетах: радимичи вносили в казну щляги, или шиллинги, без сомнения полученные ими от козаров. Однако ж мордки или куны долгое время оставались еще в употреблении, ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всех торговых оборотов и платежей

народных. Именем *гривны* означалось известное число *кун,* некогда равное ценою с полуфунтом серебра; но сии лоскутки, не имея никакого существенного достоинства, в течение времени более и более унижались в отношении к металлам, так что в XIII веке гривна серебра содержала в себе уже семь гривен новогородскими кунами.

Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России христианскою верою. Волхвы славились при Олеге гаданием будущего: вот древнейшие мудрецы нашего отечества! Наука их состояла или в обманах, или в заблуждениях. Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие и назвал Олега *вещим,* ибо сей великодушный, смелый князь возвратился с сокровищами из Константинополя. Любопытство, сродное человеку, питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслом. В сказке о хитростях Ольгиных видим некоторое остроумие. Пословицы народные «Погибоша, аки обри», «Беда, аки в Родне», «Пищанцы волчья хвоста бегают» и, конечно, многие другие хранили также память важных случаев. В госу-

дарственных договорах великих князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии россиян; например: *дондеже солнце сияет и мир стоит — да не защитятся щиты своими — да будем золоти аки золото* и проч. Краткая, сильная речь Святославова есть достойный памятник сего героя. Но времена Владимировы были началом истинного народного просвещения в России.

Скандинавы в IX веке знали употребление рунических букв; однако ж мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка славянского. Хотя кирилловские письмена могли быть известны в России еще до времен Владимировых (ибо самые первые христиане киевские имели нужду в книгах для церковного служения), но число грамотных людей было, конечно, невелико. Владимир умножил оное заведением народных училищ, чтобы доставить Церкви пастырей и священников, разумеющих книжное писание, и таким образом открыл россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются…

Здесь должно ответствовать на вопрос любопытный: какие священные книги были тогда употребляемы христианами российскими? Те ли самые, коими доныне пользуется наша Церковь, или *иного, древнейшего перевода*? Сличив рукописные харатейные Евангелия XII века и разные места Св. Писания, приводимые Нестором в летописи, с печатною московскою или киевскою Библиею, всякий уверится, что россияне XI и XII столетия имели тот же перевод ее. Мы знаем, что она несколько раз была исправляема при Константине, волынском князе, в XVI веке; при царе Алексии Михайловиче, Петре Великом и Елисавете Петровне; однако ж, несмотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди ученые справедливо признают оный древнейшим памятником языка славянского. Библия чешская или богемская переведена с латинской Иеронимовой в XIII и XIV веке; польская, краинская, лаузицкая еще гораздо новее.

Следует другой вопрос: когда же и где переведена наша Библия? При великом ли князе Владимире, как сказано в любопытном предисловии Острожской печатной[67], или она есть

бессмертный плод трудов Кирилла и Мефодия? Второе гораздо вероятнее, ибо Нестор, почти современник Владимиров, ко славе отечества не умолчал бы о новом российском переводе ее; но, сказав: *сим бо первая преложены книгы* (то есть Библия) *в Мораве, яже прозвася грамота словенская, еже грамота есть в Руси*, он ясно дает знать, что российские христиане пользовались трудом Кирилла и Мефодия. Сии два брата и помощники их основали правила книжного языка славянского на греческой грамматике, обогатили его новыми выражениями и словами, держась наречия своей родины, Фессалоники, то есть иллирического, или сербского[68], в коем и теперь видим сходство с нашим церковным. Впрочем, все тогдашние наречия долженствовали менее нынешнего разниться между собою, будучи гораздо ближе к своему общему источнику, и предки наши тем удобнее могли присвоить себе моравскую Библию. Слог ее сделался образцом для новейших книг христианских, и сам Нестор подражал ему; но русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке славянской Библии и Русской Правды (изданной скоро

после Владимира), Несторовой летописи и «Слова о полку Игореве», о коем будем говорить в примечаниях на российскую словесность XII века.

Нужнейшие искусства механические, равно как и свободные, были известны древним россиянам. И ныне селянин русский делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства; в старину, когда люди менее сообщались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности. Муж обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих ремесел. Но основание городов, торговля, роскошь мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей, сделанных удобнее и лучше обыкновенного. Все немецкие славяне торговали полотнами: русские издревле ткали холсты и сукна; умели также выделывать кожи, и сии ремесленники назывались *усмарями*. Народ, составленный из воинов, хлебопашцев и звероловов, без сомнения, пользовался искусством ковать железо, что утверждается самою Несторовою сказкою о мечах, будто бы предложенных киевлянами в дань козарам. Христианская вера способствовала даль-

нейшим успехам зодчества в России. Владимир начал строить великолепные церкви и призвал художников греческих; однако ж и в языческие времена были уже *каменные* здания в столице: например, Ольгин терем. Стены и башни служили для городов не только защитою, но и самым украшением. Вероятно, что и тогдашние деревенские избы были подобны нынешним; а горожане имели высокие дома и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низ, может быть, для погребов, кладовых и проч. *Клети,* или горницы, с обеих сторон дома разделялись *помостом* или сенями; спальни назывались *одринами*. На дворах строились вышки для голубей, ибо россияне искони любили сих птиц. Несторово описание Перунова истукана свидетельствует о резном и плавильном искусстве наших предков. Вероятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владимир украсил греческими образами одну Десятинную церковь, иконы других храмов были, как надобно думать, писаны в Киеве. Греческие художники могли выучить русских. Трубы воинские, коих звук ободрял героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь россиян к искусству мусикийскому.

Что касается собственно до нравов сего време-

ни, то они представляют нам смесь варварства с добродушием, свойственную векам невежества. Россияне IX и X века славились на войне корыстолюбием и свирепостию, но императоры византийские верили им как честным людям в мирных договорах, позволяя себе, кажется, обманывать их при всяком удобном случае: ибо Нестор называет греков коварными. Мы видели грабеж, убийства и злодеяния внутри государства, еще более увидим их; но чем же иным богата история Европы в Средних веках? Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей: купель христианская, освятив душу Владимира, не могла вдруг очистить народных нравов. Он боялся, по человеколюбию, казнить злодеев, и злодейства умножились… Государство, основанное на завоеваниях, уже доказывает необыкновенную храбрость народа: она была добродетелию наших предков, и слово любимого вождя: *станем крепко, не посрамим земли Русской* — вселяло в них решительность победить или умереть. Самые жены их не робели смерти в битвах. Дома и в мирное время они любили веселиться: Владимир, желая казаться другом народа своего, давал ему пиры и сказал магометанским болгарам: *Руси есть веселие пити*. Между досто-

памятными чертами древних русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских вечах они имели первенство. Наконец, сей народ, еще грубый, необразованный, умел любить своих добрых государей: плакал над телом великого Олега, мудрой Ольги, св. Владимира и потомству своему оставил пример благодарности, который делает честь имени русскому.

Том 2

Глава I
Великий князь Святополк. Годы 1015–1019

Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея. Современный летописец немецкий, Дитмар, говорит, что Святополк, правитель Туровской области, женатый на дочери польского короля Болеслава[1], хотел, по наущению своего тестя, отложиться от России и что великий князь, узнав о том, заключил в темницу сего неблагодарного племянника, жену его и немецкого епископа Реинберна[2], который приехал с дочерью Болеслава. Владимир — может быть, при конце жизни своей — простил Святополка; обрадованный смертию дяди и благодетеля, сей недостойный князь спешил воспользоваться ею: созвал граждан, объявил себя государем киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем, ибо друзья и братья их находились в походе с князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив печенегов, возвращался с вой-

ском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно своею искреннею горестию. Товарищи побед Владимировых говорили ему: «Князь! С тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь государем России!» Борис ответствовал: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцом». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив князя мягкосердечного, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.





Великий князь Святополк

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время, приехав ночью в Вышегород, собрал тамошних бояр на совет. «Хотите ли доказать мне верность свою?» — спросил новый государь. Бояре ответствовали,

что они рады положить за него свои головы. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить князю злодеянием. Юный Борис, окруженный единственно малочисленными слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приблизились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис, уведомленный о злом намерении брата, изливал пред Всевышним сердце свое в святых песнях Давидовых[3]. Он уже знал, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился… за Святополка; наконец, успокоив душу небесною верою, лег на одр и с твердостию ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломились в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного отрока его, который хотел собственным телом защитить государя и друга. Сей юный воин, именем Георгий, родом из Венгрии, был сердечно любим князем своим и в знак его милости носил на шее золотую гривну; корыстолюбивые убийцы не могли ее снять и для того отрубили ему голову. Они умертвили и других княжеских отроков, которые не хотели спасаться бегством, но все легли на месте. Тело Борисово завернули в намет и повезли к Святополку. Узнав, что брат его еще дышит, он

велел двум варягам довершить злодеяние: один из них вонзил меч в сердце умирающему… Сей несчастный юноша, стройный, величественный, пленял всех красотою и любезностию; имел взор приятный и веселый; отличался храбростию в битвах и мудростию в советах. Летописец хотел предать будущим векам имена главных убийц и называет их: Путша, Талец, Елович, Ляшко. В Несторово время они были еще в свежей памяти и предметом общего омерзения. Святополк, без сомнения, наградил сих людей, ибо имел еще нужду в злодеях.

Он немедленно отправил гонца к муромскому князю Глебу сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый сею ложною вестию, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Дорогою он упал с лошади и повредил себе ногу, однако ж не хотел остановиться и продолжал свой путь от Смоленска водою. Близ сего города настиг его посланный от Ярослава, князя новогородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб, чувствительный, набожный, подобно Борису, оплакивал отца и любимого брата, в усердных молитвах поверяя небу горесть свою, явились вооруженные убийцы

и схватили его ладию. Дружина муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить князя, и собственный повар Глебов, именем Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, между двумя колодами, и был наконец погребен в вышегородской церкви Св. Василия вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиею и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию, но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни. Братоубийца торжествовал злодеяния свои как славные и счастливые дела: собирал граждан киевских, дарил им деньги, одежду и надеялся щедростию приобрести любовь народную.

Скоро нашелся мститель: Ярослав, сильнейший из князей удельных, восстал на изверга, но собственною безрассудною жестокостию едва не отнял у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославом в Новгород, дерзкие, неистовые, ежедневно оскорбляли мирных граждан и целомудрие жен их. Не видя защиты от князя, пристрастного к иноземцам, нового-

родцы вышли из терпения и побили великое число варягов. Ярослав утаил гнев свой, выехал в загородный дворец, на Ракому[4], и велел, с притворною ласкою, звать к себе именитых новогородцев, виновников сего убийства. Они явились без оружия, думая оправдаться пред своим князем, но князь не устыдился быть вероломным и предал их смерти. В ту же самую ночь получил он известие из Киева от сестры своей Передславы о кончине отца и злодействе брата, ужаснулся и не знал, что делать. Одно усердие новгородцев могло спасти его от участи Борисовой; но кровь их детей и братьев еще дымилась на дворе княжеском… Не видя лучшего средства, Ярослав прибегнул к великодушию оскорбленного им народа, собрал граждан на вече и сказал: «Вчера умертвил я, безрассудный, верных слуг своих; теперь хотел бы купить их всем золотом казны моей…» Народ безмолвствовал. Ярослав отер слезы и продолжал: «Друзья! Отец мой скончался, Святополк овладел престолом его и хочет погубить братьев». Тогда добрые новгородцы, забыв все, единодушно ответствовали ему: «Государь! Ты убил собственных наших братьев, но мы готовы идти на врагов твоих». Ярослав еще более воспламенил их усердие известием о

новых убийствах Святополковых; набрал 40 000 россиян, 1000 варягов и, сказав: *Да скончается злоба нечестивого!* — выступил в поле.

[1016 г.] Святополк, узнав о том, собрал также многочисленное войско, призвал печенегов и на берегах Днепра, у Любеча, сошелся с Ярославом. Долго стояли они друг против друга без всякого действия, не смея в виду неприятеля переправляться чрез глубокую реку, которая была между ими. Уже наступила осень… Наконец воевода Святополков обидными и грубыми насмешками вывел новгородцев из терпения. Он ездил берегом и кричал им: «Зачем вы пришли сюда с хромым князем своим? — (Ибо Ярослав имел от природы сей недостаток.) — Ваше дело *плотничать,* а не сражаться». *Завтра,* сказали воины новогородские, *мы будем на другой стороне Днепра; а кто не захочет идти с нами, того убьем как изменника.* Один из вельмож Святополковых был в согласии с Ярославом и ручался ему за успех ночного быстрого нападения. Между тем как Святополк, нимало не опасаясь врагов, пил с дружиною, воины князя новогородского до света переехали чрез Днепр, оттолкнули лодки от берега, желая победить или умереть, и напали на беспечных киевлян, обвязав себе головы

платками, чтобы различать своих и неприятелей. Святополк оборонялся храбро, но печенеги, отделенные от его стана озером, не могли приспеть к нему вовремя. Дружина киевская, чтобы соединиться с ними, вступила на тонкий лед сего озера и вся обрушилась. Ярослав победил, а Святополк искал спасения в бегстве. Первый вошел с торжеством в Киев; наградил щедро своих мужественных воинов — дав каждому чиновнику и новгородцу 10 гривен, а другим по гривне — и, надеясь княжить мирно, отпустил их в домы.

Но Святополк еще не думал уступить ему престола, окровавленного тремя братоубийствами, и прибегнул к защите Болеслава. Сей король, справедливо названный Храбрым, был готов отмстить за своего зятя и желал возвратить Польше города Червенские, отнятые Владимиром у Мечислава; имея тогда войну с Генриком II, императором немецким[5], он хотел кончить оную, чтобы тем свободнее действовать против России. Епископ мерзебургский Дитмар, лично знакомый с Генриком II, говорит в своей летописи, что император вошел в сношение с Ярославом, убеждая его предупредить общего их врага, и что князь российский, дав ему слово быть союзником, осадил польский город, но более не причинил никакого

вреда Болеславу.

Таким образом, Ярослав худо воспользовался благоприятными обстоятельствами: начал сию бедственную войну, не собрав, кажется, достаточных сил для поражения столь опасного неприятеля, и дал ему время заключить мир с Генриком. Император, теснимый с разных сторон, согласился на условия, предложенные гордым победителем, и, недовольный слабою помощию россиян, старался даже утвердить короля в его ненависти к великому князю. Болеслав, усилив свое опытное войско союзниками и наемниками, немцами, венграми, печенегами — вероятно, молдавскими, — расположился станом на берегах реки Буга.

За несколько месяцев до того времени страшный пожар обратил в пепел большую часть Киева: Ярослав, озабоченный, может быть, старанием утешить жителей и загладить следы сего несчастия, едва успел изготовиться к обороне. Польские историки пишут, что он никак не ожидал Болеславова нападения и беспечно удил рыбу в Днепре, когда гонец привез ему весть о сей опасности; что князь российский в ту же минуту бросил уду на землю и, сказав: *Не время думать о забаве; время спасать отечество,* —

вышел в поле, с варягами и россиянами. Король стоял на одной стороне Буга, Ярослав на другой; первый велел наводить мосты, а второй ожидал битвы с нетерпением — и час ее настал скорее, нежели он думал. Воевода и пестун Ярославов, Будый, вздумал, стоя за рекою, шутить над тучностию Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острым копьем своим. Король польский в самом деле едва мог двигаться от необыкновенной толщины, но имел дух пылкий и бодрость героя. Оскорбленный сею дерзостию, он сказал воинам: «Отмстим, или я погибну!» — сел на коня и бросился в реку; за ним все воины. Изумленные таким скорым нападением, россияне были приведены в беспорядок. Ярослав уступил победу храброму неприятелю и только с четырьмя воинами ушел в Новгород. Южные города российские, оставленные без защиты, не смели противиться и высылали дары победителю. Один из них не сдавался; король, взяв крепость приступом, осудил жителей на рабство или вечный плен. Лучше других укрепленный, Киев хотел обороняться. Болеслав осадил его. Наконец утесненные граждане отворили ворота — и епископ киевский, провождаемый духовенством в ризах служебных, с крестами встретил Болеслава и Свя-

тополка, которые 14 августа въехали, торжествуя, в нашу столицу, где были сестры Ярославовы. Народ снова признал Святополка государем, а Болеслав удовольствовался именем великодушного покровителя и славою храбрости. Дитмар повествует, что король тогда же отправил киевского епископа к Ярославу с предложением возвратить ему сестер, ежели он пришлет к нему дочь его, жену Святополкову (вероятно, заключенную в новогородской или другой северной области).

Ярослав, устрашенный могуществом короля польского и злобою брата, думал уже, подобно отцу своему, бежать за море к варягам, но великодушие новгородцев спасло его от сего несчастия и стыда. Посадник Коснятин, сын Добрыни славного, и граждане знаменитые, изрубив лодки, приготовленные для князя, сказали ему: «Государь! Мы хотим и можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны, возьми все, что имеем». Они собрали с каждого человека по четыре куны, с бояр по осьмнадцати гривен, с городских чиновников, или старост, по десяти; немедленно призвали корыстолюбивых варягов на помощь и сами вооружились.

Вероломство Святополково не допустило новгородцев отмстить Болеславу. Покорив южную

Россию зятю своему, король отправил назад союзное войско и развел собственное по городам Киевской области для отдохновения и продовольствия. Злодеи не знают благодарности: Святополк, боясь долговременной опеки тестя и желая скорее воспользоваться независимостию, тайно велел градоначальникам умертвить всех поляков, которые думали, что они живут с друзьями, и не брали никаких предосторожностей. Злая воля его исполнилась, к бесславию имени русского. Вероятно, что он и самому Болеславу готовил такую же участь в Киеве; но сей государь сведал о заговоре и вышел из столицы, взяв с собою многих бояр российских и сестер Ярославовых. Дитмар говорит — и наш летописец подтверждает, — что Болеслав принудил одну из них быть своею наложницею — именно Передславу, за которую он некогда сватался, и, получив отказ, хотел насладиться гнусною местию. Хитрый Анастас, быв прежде любимцем Владимировым, умел снискать и доверенность короля польского, сделался хранителем его казны и выехал с нею из Киева: изменив первому отечеству, изменил и второму для своей личной корысти. Польские историки уверяют, что многочисленное войско россиян гналось за Болеславом; что он вторично

разбил их на Буге и что сия река, два раза несчастная для наших предков, с того времени названа ими *Черною*… Болеслав оставил Россию, но удержал за собою города Червенские в Галиции и великие сокровища, вывезенные им из Киева, отчасти роздал войску, отчасти употребил на строение церквей в своем королевстве.

[1019 г.] Святополк, злодейством избавив Россию от поляков, услужил врагу своему. Уже Ярослав шел к Киеву… Не имея сильного войска, ни любви подданных, которая спасает монарха во дни опасностей и бедствий, Святополк бежал из отечества к печенегам, требовать их помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россию, вступили в ее пределы и приближились к берегам Альты. Там увидели они полки российские. Ярослав стоял на месте, обагренном кровию святого Бориса. Умиленный сим печальным воспоминанием, он воздел руки на небо, молился и, сказав: *Кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему*, — дал знак битвы. Восходящее солнце озарило на полях Альты сражение двух многочисленных воинств, сражение упорное и жестокое: никогда, говорит летописец, не бывало подобного в нашем отечестве. Верная дружина новогородская хотела лучше умереть за Ярослава,

нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели в остервенении своем хватали друг друга за руки и секлись мечами. К вечеру Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоскою, сей изверг впал в расслабление и не мог сидеть на коне. Воины *принесли* его к Бресту, городу Туровского княжения; он велел им идти далее за границу. Гонимый небесным гневом, Святополк в помрачении ума видел беспрестанно грозных неприятелей за собою и трепетал от ужаса; не дерзнул вторично прибегнуть к великодушию Болеслава; миновал Польшу и кончил гнусную жизнь свою в пустынях богемских, заслужив проклятие современников и потомства. Имя *окаянного* осталось в летописях неразлучно с именем сего несчастного князя, ибо злодейство есть несчастие.

Глава II
Великий князь Ярослав или Георгий. Годы 1019–1054

Ярослав вошел в Киев и, по словам летописи, *отер пот* с мужественною дружиною, трудами и победою заслужив сан великого князя российского. Но бедствия войны междоусобной еще не прекратились.

В Полоцке княжил тогда Брячислав, сын Изяславов[6] и внук Владимира. Сей юноша хотел смелым подвигом утвердить свою независимость: взял Новгород, ограбил жителей и со множеством пленных возвращался в свое удельное княжение. Но Ярослав, выступив из Киева, встретил и разбил его на берегах реки Судомы, в нынешней Псковской губернии. Пленники новогородские были освобождены, а Брячислав ушел в Полоцк и, как вероятно, примирился с великим князем, ибо Ярослав оставил его в покое. ⟨…⟩ Скоро опаснейший неприятель восстал на Ярослава.

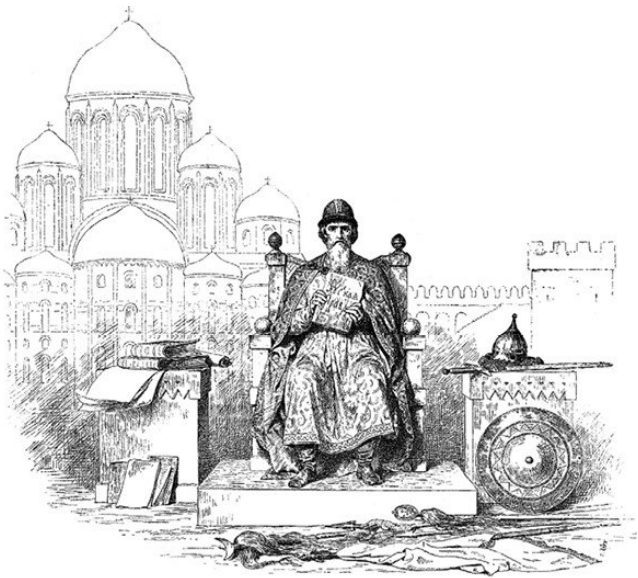
Мы знаем, что Владимир отдал Воспорскую, или Тмутороканскую, область в удел сыну своему Мстиславу. Сей князь, рожденный быть героем,

хотел войны и победы… ⟨…⟩

[1023 г.] Уверенный в своем воинском счастии, сей князь не захотел уже довольствоваться областию Тмутороканскою, которая, будучи отдалена от России, могла казаться ему печальною ссылкою: он собрал подвластных ему козаров, черкесов, или касогов, и пошел к берегам днепровским. Ярослава не было в столице. Киевские граждане затворились в стенах и не пустили брата его; но Чернигов, менее укрепленный, принял Мстислава. Великий князь усмирял тогда народный мятеж в Суздале. Голод свирепствовал в сей области, и суеверные, приписывая оный злому чародейству, безжалостно убивали некоторых старых жен, мнимых волшебниц. Ярослав наказал виновников мятежа, одних смертию, других ссылкою, объявив народу, что не волшебники, но Бог карает людей гладом и мором за грехи их и что смертный в бедствиях своих должен только умолять благость Всевышнего. Между тем жители искали помощи в изобильной стране казанских болгаров и Волгою привезли оттуда множество хлеба. Голод миновался. Восстановив порядок в земле Суздальской, великий князь спешил в Новгород, чтобы взять меры против властолюбивого брата.

Знаменитый варяг Якун[7] пришел на помощь к Ярославу. Сей витязь скандинавский носил на больных глазах шитую золотом *луду*, или повязку; едва мог видеть, но еще любил войну и битвы. Великий князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Листвена[8], на берегу Руды; ночью изготовил войско к сражению; поставил северян или черниговцев в средине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле. Небо покрылось густыми тучами — и в то самое время, когда ударил гром и зашумел сильный дождь, сей отважный князь напал на Ярослава. Варяги стояли мужественно против северян: казалось, что ужас ночи, буря, гроза тем более остервеняли воинов; при свете молнии, говорит летописец, страшно блистало оружие. Храбрость, искусство и счастие Мстислава решили победу: варяги, утомленные битвою с черниговцами, смятые пылким нападением его дружины, отступили. Вождь их Якун бежал вместе с Ярославом в Новгород, оставив на месте сражения златую *луду* свою. На другой день Мстислав, осматривая убитых, сказал: «Мне ли не радоваться? Здесь лежит северянин, там варяг; а собственная дружина моя цела». Слово, недостойное доброго князя, ибо черниговцы, усердно пожертвовав ему жизнию,

стоили по крайней мере его сожаления.



Великий князь Ярослав Мудрый

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему,

правил Киевом чрез своих наместников и собирал войско. Наконец сии два брата съехались у Городца[9], под Киевом; заключили искренний союз и разделили государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную; Днепр служил границею между ими, и Россия, десять лет терзаемая внутренними и внешними неприятелями, совершенно успокоилась. ⟨…⟩

Искреннее согласие двух государей российских продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей князь, прозванный Удалым, не испытал превратностей воинского счастия: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостию к народу и любовию к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что государь не златом наживает витязей, а с витязями злато. Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденным, и Россия обязана была десятилетнею внутреннею тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богоматери в Тмуторокане, созданный им в знак благодарности за одержанную над ка-

сожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове[10], заложенная при сем князе: там хранились и кости его в Несторово время. Мстислав, по словам летописи, был *чермен лицом* и *дебел телом*, имел также необыкновенно большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя.

Ярослав сделался монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии. Из прежних удельных князей оставался один Брячислав Полоцкий: вероятно, что он зависел от своего дяди как государя самодержавного. О детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде, летописец не упоминает более, сказывая только, что великий князь, обманутый клеветниками, заключил в Пскове Судислава, меньшего своего брата, который, может быть, княжил в сем городе.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бедствиям удельного правления. Женатый на Ингигерде, или Анне, дочери шведского короля Олофа[11] — которая получила от него в вено город Альдейгабург, или Старую Ладогу, — он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну

его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, великий князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление. Здравая политика, основанная на опытах и знании сердца человеческого, не могла противиться действию слепой любви родительской, которое обратилось в несчастное обыкновение.

Узнав о набеге печенегов, он спешил из Новагорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Варяги, всегдашние его помощники, стояли в средине; на правом крыле граждане киевские, на левом новгородцы. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; не многие спаслися бегством, и Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений. В память сего знаменитого торжества великий князь заложил на месте сражения великолепную церковь и, распространив Киев, обвел его *каменными* стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата *Златыми,* а новую церковь Святою Софиею *Митрополитскою,* украсив ее золотом, серебром,

мусиею и драгоценными сосудами. Тогда был уже *митрополит* в нашей древней столице, именем Феопемпт — вероятно, грек, — который, по известию Нестора, в 1039 году вновь освятил храм Богоматери, сооруженный Владимиром, но поврежденный, как надобно думать, сильным киевским пожаром 1017 года. Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины. Сей государь, по сказанию летописца, весьма любил *церковные уставы,* духовных пастырей и в особенности *черноризцев,* не менее любил и книги Божественные; велел переводить их с греческого на славянский язык, читал оные день и ночь, многие списывал и положил в церкви Софийской для народного употребления. Определив из казны своей достаточное содержание иереям, он умножил число их во всех городах и предписал им учить новых христиан, образовать ум и нравственность людей грубых; видел успехи веры и радовался, как усердный сын Церкви и добрый отец народа.

Ревностное благочестие и любовь к учению книжному не усыпляли его воинской деятельности. Ятвяги были побеждены Владимиром Великим; но сей народ, обитая в густых лесах,

питаясь рыбною ловлею и пчеловодством, более всего любил дикую свободу и не хотел никому платить дани. Ярослав имел с ним войну; также с литовцами, соседями Полоцкого или Туровского княжения, и с мазовшанами, тогда независимыми от государя польского. Сын великого князя, Владимир, ходил с новгородцами на ямь, или нынешних финляндцев, и победил их; но в сей земле, бесплодной и каменистой, воины его оставили всех коней своих, бывших там жертвою мора.

Предприятие гораздо важнейшее ознаменовало для нашей истории 1043 год. Дружба великих князей с императорами, основанная на взаимных выгодах, утвердилась единством веры и родственным их союзом. С помощию россиян шурин Владимиров завоевал не только Тавриду, но и Болгарию, они сражались под знаменами империи в самых окрестностях древнего Вавилона[12]. Летописцы византийские рассказывают, что чрез несколько лет по кончине св. Владимира прибыл на судах в гавань цареградскую какой-то родственник его[13]; объявил намерение вступить в службу императора, но тайно ушел из пристани, разбил греков на берегах Пропонтиды и вооруженною рукою открыл себе путь к

острову Лимну, где самский наместник и воевода солунский злодейским образом умертвили его и 800 бывших с ним воинов. Сие обстоятельство не имело никаких следствий: купцы российские, пользуясь дружественною связию народа своего с империею, свободно торговали в Константинополе. Но сделалась ссора между ими и греками, которые, начав драку, убили одного знаменитого россиянина. Вероятно, что великий князь напрасно требовал удовольствия: оскорбленный несправедливостию, он решился наказать греков; поручил войско мужественному полководцу Вышате[14] и велел сыну своему Владимиру идти с ним к Царюграду. Греция вспомнила бедствия, претерпенные некогда ею от флотов российских, — и послы Константина Мономаха[15] встретили Владимира. Император писал к нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что он желает мира и дает слово наказать виновников обиды, сделанной россиянам. Юный Владимир не уважил сего письма, отпустил греческих послов с ответом высокомерным, как говорят византийские историки, и шел далее. Константин Мономах, приказав взять под стражу купцов и воинов российских, бывших

в Цареграде, и заключив их в разных областях империи, выехал сам на царской яхте против неприятеля; за ним следовал флот и конница берегом. Россияне стояли в боевом порядке близ Фара. Император вторично предложил им мир. «Соглашаюсь, — сказал гордый князь новогородский, — ежели вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждого человека в моем войске». Тогда Мономах велел своим готовиться к битве и, желая заманить неприятелей в открытое море, послал вперед три галеры, которые врезались в средину Владимирова флота и зажгли греческим огнем несколько судов. Россияне снялись с якорей, чтобы удалиться от пламени. Тут сделалась буря, гибельная для малых российских лодок; одни исчезли в волнах, другие стали на мель или были извержены на берег. Корабль Владимиров пошел на дно; некто Творимирич, один из усердных чиновников, спас князя и воевод Ярославовых, взяв их к себе в лодку. Море утихло. На берегу собралось 6000 россиян, которые, не имея судов, решились возвратиться в отечество сухим путем. Главный воевода Ярославов, Вышата, предвидя неминуемую для них опасность, хотел великодушно разделить оную и сошел на берег, сказав князю: «Иду с ними;

буду ли жив или умру, но не покину достойных воинов». Между тем император праздновал бурю как победу и возвратился в столицу, отправив вслед за россиянами флот и два легиона. 24 галеры греческие обогнали Владимира и стали в заливе: князь пошел на них. Греки, будучи со всех сторон окружены неприятельскими лодками, сцепились с ними и вступили в отчаянный бой. Россияне победили, взяв или истребив суда греческие. Адмирал Мономахов был убит, и Владимир пришел в Киев со множеством пленных… Великодушный, но несчастный Вышата сразился в Болгарии, у города Варны, с сильным греческим войском: большая часть его дружины легла на месте. В Константинополь привели 800 окованных россиян и самого Вышату; император велел их ослепить!

Сия война предков наших с Грециею была последнею. С того времени Константинополь не видал уже их страшных флотов в Воспоре: ибо Россия, терзаемая междоусобием, скоро утратила свое величие и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказание, неизвестно кем написанное в X или XI веке под истуканом Беллерофона (который стоял на Таврской площади в Цареграде), что «россияне должны овладеть столицею

империи Восточной»[16]: столь имя их ужасало греков! Чрез три года великий князь заключил мир с империею, и пленники российские, бесчеловечно лишенные зрения, возвратились в Киев.

Около сего времени Ярослав вошел в свойство со многими знаменитыми государями Европы. В Польше царствовал тогда Казимир, внук Болеслава *Храброго*[17]: изгнанный в детстве из отечества вместе с материю, он удалился (как рассказывают историки польские) во Францию и, не имея надежды быть королем, сделался монахом. Наконец вельможи польские, видя мятеж в государстве, прибегнули к его великодушию: освобожденный Папою от уз духовного обета, Казимир возвратился из кельи в чертоги царские. Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, он женился на сестре его, дочери св. Владимира. Польские историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная *Мария*, названная *Доброгневою,* приняла веру латинскую и что король их взял за супругою великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за *вено* — то есть за невесту свою

— 800 человек: вероятно, россиян, плененных в 1018 году Болеславом. Сей союз, одобренный здравою политикою обоих государств, утвердил за Россиею города Червенские, а Ярослав, как искренный друг своего зятя, помог ему смирить мятежника смелого и хитрого, именем Моислава[18], который овладел Мазовиею и хотел быть государем независимым. Великий князь, разбив его многочисленное войско, покорил сию область Казимиру.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, принца норвежского[19]. В юности своей выехав из отечества, он служил князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его Елисавету и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь; вступил в службу императора восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения святым местам и чрез несколько лет, с богатством и славою возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов геройства. Наконец он сделался коро-

лем норвежским.

Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, королем французским[20]. Папа объявил кровосмешением супружество отца его и гнал Роберта, как беззаконника, за то, что он женился на родственнице в четвертом колене[21]. Генрик, будучи свойственником государей соседственных, боялся такой же участи и в стране отдаленной искал себе знаменитой невесты. Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и великих его преемников. В 1048 году — по известию древней рукописи, найденной в С.-Омерской церкви[22], — король отправил послом к Ярославу епископа шалонского Рогера: Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию государей французских. По кончине Генрика I в 1060 году Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский[23], но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с графом де Крепи[24]. Один французский летописец говорит, что она, потеряв второго, любезного ей супруга, возвратилась в Россию, но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее Филипп[25] царствовал во Франции, имея столь великое уважение к матери,

что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года. Честолюбие, узы семейственные, привычка и вера католическая, ею принятая, удерживали сию королеву во Франции.

Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за короля венгерского[26] Андрея I. Вероятно, что сей брачный союз служил поводом для некоторых россиян переселиться в Венгрию, где в разных графствах, на левой стороне Дуная, живет доныне многочисленное их потомство, утратив чистую веру отцов своих.

Ссылаясь на летописцев норвежских, Торфей[27] называет Владимира, старшего Ярославова сына, супругом Гиды, дочери английского короля Гаральда[28], побежденного Вильгельмом *Завоевателем*. Саксон Грамматик[29], древнейший историк датский, также повествует, что дети несчастного Гаральда, убитого в Гастингском сражении, искали убежища при дворе Свенона II, короля датского[30], и что Свенон выдал потом дочь Гаральдову за российского князя, именем Владимира; но сей князь не мог быть *Ярославич.* Гаральд убит в 1066 году, а Владимир, сын Ярославов, скончался в 1052 году (построив в Новегороде церковь Св. Софии, которая еще не разрушена

временем и где погребено его тело).

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского[31], несмотря на то что его родная тетка была за сим королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на *греческой царевне*. Новейшие летописцы называют Константина Мономаха тестем Всеволода; но Константин не имел детей от Зои[32]. Мы не знаем даже, по византийским летописям, ни одной греческой царевны сего времени, кроме Евдокии и Феодоры, умерших в девстве. Разве положим, что Мономах, еще не быв императором, прижил супругу Всеволодову с *первою,* неизвестною нам женою?[33] О супружестве других сыновей Ярославовых не можем сказать ничего *верного*. Историки немецкие пишут, что дочь Леопольда, графа Штадского, именем Ода[34], и Кунигунда, Орламиндская графиня[35], вышли около половины XI века за князей российских, но, скоро овдовев, возвратились в Германию и сочетались браком с немецкими принцами. Вероятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сии меньшие сыновья Ярославовы скончались в юношестве, и первая от российского князя имела одного сына, воспитанного ею в Саксонии: думаю,

Бориса Вячеславича[36], о коем Нестор говорит только с 1077 года и который мог до того времени жить в Германии. Летописцы немецкие прибавляют, что мать его, выезжая из нашего отечества, зарыла в землю сокровище, найденное им по возвращении в Россию.

Великий князь провел остаток жизни своей в тишине и в христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Греки, сообщив нам веру и присылая главных духовных пастырей, надеялись, может быть, чрез них присвоить себе и некоторую мирскую власть над Россиею. Ярослав не хотел того и еще в первый год своего единодержавия, будучи в Новегороде, сам избрал в начальники для сей епархии Луку Жидяту[37]; а в 1051 году, собрав в Киеве епископов, велел им поставить митрополитом Илариона *Россиянина,* без всякого участия со стороны константинопольского патриарха… Иларион, муж ученый и добродетельный, был иереем в селе Берестове при церкви Святых Апостолов: великий князь узнал его достоинства, имея там загородный дворец и любя, подобно Владимиру, сие веселое место.

Наконец, чувствуя приближение смерти, Яро-

слав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, — говорил он, — вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные! Ярослав думал, что дети могут быть рассудительнее отцов, и, к несчастию, ошибся.

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался [19 февраля 1054 г.], имея от роду более семидесяти лет (супруга его умерла еще в 1050 году). Из детей был с ним один Всеволод, которого он любил нежнее всех других и никогда не отпускал от себя. Горестный

сын, народ и священники в служебных ризах шли за телом из Вышегорода до Киева, где оно, заключенное в мраморную раку, было погребено в Софийской церкви. Сей памятник, украшенный резными изображениями птиц и дерев, уцелел до наших времен.

Ярослав заслужил в летописях имя государя мудрого; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия; не всегда побеждал, но всегда оказывал мужество; успокоил отечество и любил народ свой. Следуя в правлении благодетельным намерениям Владимира, он хотел загладить вину ослушного сына и примириться с тению огорченного им отца.

Внешняя политика Ярославова была достойна монарха сильного: он привел Константинополь в ужас за то, что оскорбленные россияне требовали и не нашли там правосудия; но, отмстив Польше и взяв свое, великодушною помощию утвердил ее целость и благоденствие.

Ярослав наказал мятежных новгородцев за убиение варягов так, как государи не должны наказывать: вероломным обманом; но, признательный к их усердию, дал им многие выгоды и права. Князья новогородские следующих веков

должны были клясться гражданам в точном соблюдении его *льготных грамот,* к сожалению истребленных временем[38]. Знаем только, что сей народ, ссылаясь на оные, почитал себя вольным в избрании собственных властителей. Память Ярославова была в течение веков любезна жителям Новагорода, и место, где обыкновенно сходился народ для совета, в самые позднейшие времена именовалось *Двором Ярослава*.

Сей князь заточил брата, обнесенного клеветниками; но доказал свое добродушие, простив мятежного племянника и забыв, для счастия России, прежнюю вражду князя тмутороканского.

Ярослав был набожен до суеверия: он вырыл кости Владимировых братьев, умерших в язычестве, — Олеговы и Ярополковы, — крестил их и положил в киевской церкви Св. Богородицы. Ревность его к христианству соединялась, как мы видели, с любовию к просвещению. Летописцы Средних веков говорят, что сей великий князь завел в Новегороде первое народное училище, где 300 отроков, дети пресвитеров и старейшин, приобретали сведения, нужные для священного сана и гражданских чиновников. Загладив следы Болеславовых опустошений в южной России, населив пленниками область Киевскую и бу-

дучи, подобно Олегу и Владимиру, основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторым Царемградом*. Ярослав любил искусства: художники греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью и мусиею, доныне видимою в киевской Софийской церкви. Сия мусия, составленная из четвероугольных камешков, изображает на златом поле лица и одежду святых по рисунку весьма несовершенному, но с удивительною свежестию красок: работа более трудная, нежели изящная, однако ж любопытная для знатоков искусства. Благоприятный случай сохранил также для нас серебряную монету княжения Ярославова, на коей представлен воин с греческою надписью: δ' Γεοργιος — и с русскою: *Ярославле сребро* — доказательство, что Древняя Россия не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имела и собственные[39]. Стараясь о благолепии храмов, приятном для глаз, великий князь желал, чтобы и слух молящихся находил там удовольствие: пишут, что около половины XI столетия выехали к нам певцы греческие, научившие российских церковников согласному *деместенному* пению[40].

Двор Ярославов, окруженный блеском величия, служил убежищем для государей и князей несчастных. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олоф *Святый*[41], король норвежский, лишенный трона, требовал защиты российского монарха. Ярослав принял его с особенным дружелюбием и хотел дать ему в управление знаменитую область в государстве своем; но сей король, обольщенный сновидением и надеждою победить Канута, завоевателя Норвегии[42], выехал из России, оставив в ней юного сына своего Магнуса[43], который после царствовал в Скандинавии. Дети мужественного короля английского Эдмунда, изгнанные Канутом, Эдвин и Эдвард[44], также принц венгерский Андрей (не быв еще зятем Ярославовым) вместе с братом своим Левентою[45] искали безопасности в нашем отечестве. Ярослав с таким же великодушием принял князя варяжского Симона[46], который, будучи изгнан дядею *Якуном Слепым,* со многими единоземцами вступил в российскую службу и сделался первым вельможею юного Всеволода. ⟨…⟩

Наконец, блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого монарха. Сему князю приписывают древнейшее *собрание* наших гражданских уста-

вов, известное под именем Русской Правды. Еще в Олегово время россияне имели законы; но Ярослав, *может быть,* отменил некоторые, исправил другие и первый издал законы *письменные* на языке славянском. Они, конечно, были государственными, или *общими,* хотя древние списки их сохранились единственно в Новегороде[47] и заключают в себе некоторые *особенные* или местные учреждения. Сей остаток древности, подобный *двенадцати доскам* Рима[48], есть верное зерцало тогдашнего гражданского состояния России и драгоценен для истории; предлагаем его здесь в извлечении.

Глава III
Правда Русская, или Законы Ярославовы

Главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: устав Ярославов утверждает ту и другую следующим образом:

I. «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертию; а когда не будет мстителей, то с убийцы взыскать деньгами в казну: за голову боярина княжеского, тиуна *огнищан,* или граждан именитых, и тиуна *конюшего* — 80 гривен или двойную виру; за княжеского отрока или гридня, *повара, конюха,* купца, тиуна и мечника боярского, за всякого *людина,* то есть свободного человека, русского (варяжского племени) или славянина, — 40 гривен или виру, а за убиение жены — полвиры. За раба нет виры; но кто убил его безвинно, должен платить господину так называемый урок, или цену убитого: за тиуна *сельского* или старосту княжеского и боярского, за ремесленника, дядьку или пестуна и за кормилицу — 12 гривен, за простого холопа

боярского и людского — 5 гривен, за рабу — 6 гривен, и, сверх того, в казну — 12 гривен *продажи*», дани или пени.

Мы уже имели случай заметить, что россияне получили свои гражданские уставы от скандинавов. Желая утвердить семейственные связи, нужные для безопасности, личной в новых обществах, все народы германские давали родственникам убитого право лишить жизни убийцу или взять с него деньги, определяя разные пени или виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянию убитых, ничтожные в сравнении с нынешнею ценою вещей, но тягостные по тогдашней редкости денег. Законодатели берегли жизнь людей, нужных для государственного могущества, и думали, что денежная пеня может отвращать злодеяния. Дети Ярославовы, как увидим, отменили даже и законную месть родственников.

Сия уголовная статья весьма ясно представляет нам гражданские степени Древней России. Бояре и тиуны княжеские занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитого чиновника: второе есть скандинавское или древнее немецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, *муж честный,* vir probus; так вообще назывались дворяне англосаксонские, иногда дружина государей, графы и

проч. Люди военные, придворные, купцы и земледельцы свободные принадлежали ко второй степени; к третьей, или нижайшей, холопы княжеские, боярские и монастырские, которые не имели никаких собственных прав гражданских. Древнейшими рабами в отечестве нашем были, конечно, потомки военнопленных; но в сие время — то есть в XI веке — уже разные причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говорит, что «холопом *обельным*, или полным, бывает 1) человек, купленный при свидетелях; 2) кто не может удовольствовать своих заимодавцев; 3) кто женится на рабе без всякого условия; 4) кто без условия же пойдет в слуги или в ключники и 5) *закуп*, то есть наемник или на время закабаленный человек, который, не выслужив срока, уйдет и не докажет, что он ходил к князю или судьям искать управы на господина. Но служба не делает вольного рабом. Наемники могут всегда отойти от господина, возвратив ему не заработанные ими деньги. Вольный слуга, обманом проданный за холопа, совершенно освобождается от кабалы, а продавец вносит в казну 12 гривен пени».

II. «Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве и скроется, то *вервь*, или округа, где совершилось убийство, платит за него пе-

ню» — которая называлась в таком случае *дикою вирою,* — «но в разные сроки и в несколько лет, для облегчения жителей. За найденное мертвое тело человека неизвестного вервь не ответствует. Когда же убийца не скроется, то с округи или с волости взыскать половину виры, а другую с самого убийцы». Закон весьма благоразумный в тогдашние времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченного вином или ссорою, он побуждал всякого быть миротворцем, чтобы в случае убийства не платить вместе с виновным. «Ежели убийство сделается без всякой ссоры, то волость не платит за убийцу, но выдает его *на поток*» — или в руки государю — «с женою, с детьми и с имением». Устав жестокий и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дети ответствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностию*.

III. Как древние немецкие, так и Ярославовы Законы определяли особенную пеню за всякое действие насилия: «за удар мечом необнаженным или его рукояткою, тростию, чашею, стаканом, пястию — 12 гривен; за удар палицею и жердию — 3 гривны, за всякой толчок и за рану легкую — 3 гривны, а раненому гривну на леченье». Следственно, гораздо неизвинительнее было ударить

голою рукою, легкою чашею или стаканом, нежели тяжелою палицею или самым острым мечом. Угадаем ли мысль законодателя? Когда человек в ссоре *обнажал* меч, брал палицу или жердь, тогда противник его, *видя опасность*, имел время изготовиться к обороне или удалиться. Но рукою или домашним сосудом можно было ударить *незапно,* также мечом необнаженным и тростию: ибо воин *обыкновенно* носил меч и всякий человек *обыкновенно* ходил с тростию: то и другое не заставляло остерегаться. Далее: «За повреждение ноги, руки, глаза, носа виновный платит 20 гривен в казну, а самому изувеченному — 10 гривен; за выдернутый клок бороды — 12 гривен в казну; за выбитый зуб — то же, а самому битому — гривну; за отрубленный палец — 3 гривны в казну и раненому — гривну. Кто погрозит мечом, с того взять гривну пени; кто же вынул его для обороны, тот не подвергается никакому взысканию, ежели и ранит своего противника. Кто самовольно, без княжеского повеления, накажет *огнищанина* (именитого гражданина) или *смерда* (земледельца и простого человека), платит за первого 12 гривен князю, за второго — 3 гривны, а битому — гривну в том и в другом случае. Если холоп ударит свободного человека и скроется, а

господин не выдаст его, то взыскать с господина 12 гривен. Истец же имеет право везде умертвить раба, своего обидчика». Дети Ярославовы, отменив сию казнь, дали истцу одно право — бить виновного холопа или взять за бесчестье гривну. «Если господин в пьянстве и без вины телесно накажет *закупа,* или слугу наемного, то платит ему как свободному». Большая часть денежной пени, как видим, шла обыкновенно в казну: ибо всякое нарушение порядка считалось оскорблением государя, блюстителя общей безопасности[49].

IV. «Когда на двор княжеский» — где обыкновенно судились дела — «придет истец, окровавленный или в синих пятнах, то ему не нужно представлять иного свидетельства; а ежели нет знаков, то представляет очевидцев драки, и виновник ее платит 60 *кун*» (см. ниже). «Ежели истец будет окровавлен, а свидетели покажут, что он сам начал драку, то ему нет удовлетворения».

Оградив личную безопасность, законодатель старался утвердить целость собственности в гражданской жизни.

V. «Всякий имеет право убить ночного татя на воровстве; а кто продержит его связанного *до света,* тот обязан идти с ним на княжеский двор. Убиение татя взятого и связанного есть

преступление, и виновный платит в казну 12 гривен. Тать *коневый* выдается головою князю и теряет все права гражданские, вольность и собственность». Столь уважаем был конь, верный слуга человеку на войне, в земледелии и в путешествиях! Древние саксонские законы осуждали на смерть всякого, кто уведет чужую лошадь. Далее: «С вора *клетного*» — то есть домашнего или горничного — «взыскивается в казну 3 гривны, с вора *житного,* который унесет хлеб из *ямы* или с гумна, — 3 гривны и 30 кун; хозяин же берет свое жито и еще полгривны с вора. Кто украдет скот в хлеве или в доме, платит в казну 3 гривны и 30 кун, а кто в поле, тот 60 кун» (первое считалось важнейшим преступлением, ибо вор нарушал тогда спокойствие хозяина), «сверх чего за всякую скотину, которая не возвращена лицом, хозяин берет определенную цену: за коня *княжего* 3 гривны, за простого 2, за кобылу 60 кун, за жеребца неезжалого гривну, за жеребенка 6 *ногат,* за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетнего быка 30 кун, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кун, за барана и поросенка ногату».

Статья любопытная, ибо она показывает тогдашнюю оценку вещей. В гривне было 20 ногат,

или 50 *резаней,* а 2 резани составляли одну *куну*. Сими именами означались мелкие кожаные монеты, ходившие в России и в Ливонии.

VI. «За бобра, украденного из норы, определяется 12 гривен пени». Здесь говорится о бобрах *племенных,* с коими хозяин лишался всего возможного приплода.

«Если в чьем владении будет изрыта земля, найдутся сети или другие признаки воровской ловли, то вервь должна сыскать виновного или заплатить пеню».

VII. «Кто умышленно зарежет чужого коня или другую скотину, платит 12 гривен в казну, а хозяину гривну». Злоба бесчестила граждан менее, нежели воровство: тем более долженствовали законы обуздывать оную.

VIII. «Кто стешет *бортные* знаки, или запашет межу полевую, или перегородит дворовую, или срубит бортную грань, или дуб гранный или межевый столп, с того взять в казну 12 гривен». Следственно, всякое сельское владение имело свои пределы, утвержденные гражданским правительством, и знаки их были священны для народа.

IX. «За борть ссеченную виновный дает 3 гривны пени в казну, за дерево полгривны, за выдра-

ние пчел 3 гривны, а хозяину за мед нелаженного улья 10 кун, за лаженный 5 кун». Читателю известно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а леса единственными пчельниками. «Ежели тать скроется, должно искать его по следу, но с чужими людьми и свидетелями. Кто не отведет следа от своего жилища, тот виноват; но буде след кончится у гостиницы или на пустом, незастроенном месте, то взыскания нет».

X. «Кто срубит шест под сетию птицелова или отрежет ее веревки, платит 3 гривны в казну, а птицелову гривну; за украденного сокола или ястреба 3 гривны в казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кун, за куропатку 9 кун, за утку 30 кун; за гуся, журавля и лебедя то же». Сею чрезмерною пенею законодатель хотел обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле.

XI. «За покражу сена и дров 9 кун в казну, а хозяину за каждый воз по две ногаты».

XII. «Вор за ладию платит 60 кун в казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за *набойную* 2 гривны, за струг гривну, за челн 8 кун, если не может лицом возвратить украденного». Имя *набойная* происходит от досок, *набиваемых* сверх краев мелкого судна, для возвышения боков его.

XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается голо-

вою князю со всем имением, из коего надобно прежде вознаградить убыток, понесенный хозяином гумна или дома».

XIV. «Если обличатся в воровстве холопи княжеские, бояр или простых граждан, то с них не брать в казну пени (взыскиваемой единственно с людей свободных); но они должны платить истцу вдвое: например, взяв обратно свою украденную лошадь, истец требует еще за оную 2 гривны — разумеется, с господина, который обязан или выкупить своего холопа, или головою выдать его вместе с другими участниками сего воровства, кроме их жен и детей. Ежели холоп, обокрав кого, уйдет, то господин платит за всякую унесенную им вещь по цене обыкновенной. За воровство слуги наемного господин не ответствует; но если внесут за него пеню, то берет слугу в рабы или может продать».

XV. «Утратив одежду, оружие, хозяин должен заявить на торгу; опознав вещь у *горожанина,* идет с ним *на свод,* то есть спрашивает, где он взял ее, и, переходя таким образом от человека к человеку, отыскивает действительного вора, который платит за вину 3 гривны; а вещь остается в руках хозяина. Но ежели ссылка пойдет на жителей *уездных,* то истцу взять за украденное

деньги с *третьего* ответчика, который идет с поличным далее, и наконец отысканный вор платит за все по закону. Кто скажет, что краденое куплено им у человека неизвестного или жителя иной области, тому надобно представить двух свидетелей, граждан свободных, или мытника (сборщика пошлин), чтобы они клятвою утвердили истину слов его. В таком случае хозяин берет свое лицом, а купец лишается вещи, но может отыскивать продавца».

XVI. «Ежели будет *украден холоп*, то господин, опознав его, также идет с ним на свод от человека к человеку, и *третий* ответчик дает ему *своего* холопа, но с украденным идет далее. Отысканный виновник платит все убытки и 12 гривен пени князю; а *третий* ответчик берет обратно холопа, отданного им в залог вместо сведенного».

XVII. «О *беглом* холопе господин объявляет на торгу, и ежели чрез три дни опознает его в чьем доме, то хозяин сего дому, возвратив укрытого беглеца, платит еще в казну 3 гривны. Кто беглецу даст хлеба или укажет путь, тот платит господину 5 гривен, а за рабу 6 или клянется, что он не слыхал об их бегстве. Кто представит ушедшего холопа, тому дает господин гривну; а кто упустит задержанного беглеца, платит господину

4 гривны, а за рабу 5 гривен: в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглых. Кто сам найдет раба своего в городе, тот берет посадникова отрока и дает ему 10 кун за связание беглеца».

XVIII. «Кто возьмет чужого холопа в кабалу, тот лишается данных холопу денег или должен присягнуть, что он считал его свободным: в таком случае господин выкупает раба и берет все имение, приобретенное сим рабом».

XIX. «Кто, не спросив у хозяина, сядет на чужого коня, тот платит в наказание 3 гривны» — то есть всю цену лошади. Сей закон слово в слово есть повторение древнего ютландского и еще более доказывает, что гражданские уставы норманнов были основанием российских.

XX. «Ежели наемник потеряет собственную лошадь, то ему не за что ответствовать; а ежели утратит плуг и борону господскую, то обязан платить или доказать, что сии вещи украдены в его отсутствие и что он был послан со двора за господским делом». Итак, владельцы обрабатывали свои земли не одними холопами, но и людьми наемными. «Вольный слуга не ответствует за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет оную в поле или не загонит на двор, то платит.

Ежели господин обидит слугу и не выдаст ему полного жалованья, то обидчик, удовольствовав истца, вносит 60 кун пени; ежели насильственно отнимет у него деньги, то, возвратив их, платит еще в казну 3 гривны».

XXI. «Ежели кто будет требовать своих денег с должника, а должник запрется, то истец представляет свидетелей. Когда они поклянутся в справедливости его требования, заимодавец берет свои деньги и еще 3 гривны в удовлетворение. Ежели заем не свыше трех гривен, то заимодавец один присягает; но больший иск требует свидетелей или без них уничтожается».

XXII. «Если купец поверил деньги купцу для торговли и должник начнет запираться, то свидетелей не спрашивать, но ответчик сам присягает». Законодатель хотел, кажется, изъявить в сем случае особенную доверенность к людям торговым, которых дела бывают основаны на чести и вере.

XXIII. «Если кто многим должен, а купец *иностранный,* не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его имением и *первыми* вырученными деньгами удовольствовать иностранца или казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами, но

кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег».

XXIV. «Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не ответствует ни головою, ни вольностию и может разложить платеж в сроки, ибо власть Божия и несчастие не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар, или промотает его, или испортит от небрежения, то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж или продадут должника в неволю».

XXV. «Если холоп *обманом*, под именем вольного человека, испросит у кого деньги, то господин его должен или заплатить, или отказаться от раба; но кто поверит известному холопу, лишается денег. Господин, позволив рабу торговать, обязан платить за него долги».

XXVI. «Если гражданин отдаст свои пожитки на сохранение другому, то в свидетелях нет нужды. Кто будет запираться в принятии вещей, должен утвердить клятвою, что не брал их. Тогда он прав: ибо имение поверяют единственно таким людям, коих честь известна; и кто берет его на сохранение, тот оказывает услугу».

XXVII. «Кто отдает деньги в рост или мед и

жито взаймы, тому в случае спора представить свидетелей и взять все по сделанному договору. *Месячные* росты берутся единственно за малое время; а кто останется должным целый год, платит уже *третные*, а не *месячные*». Мы не знаем, в чем состояли те и другие, основанные на всеобщем обыкновении тогдашнего времени; но ясно, что последние были гораздо тягостнее и что законодатель хотел облегчить судьбу должников. «Законы позволяют брать 10 кун с гривны на год» — то есть сорок на сто. В землях, где торговля, художества и промышленность цветут из давних времен, деньги теряют цену от своего множества. В Голландии, в Англии заимодавцы довольствуются самым малым прибытком; но в странах, подобно Древней России богатых только грубыми естественными произведениями, а не монетою, — в странах, где первобытная дикость нравов уже смягчается навыками гражданскими; где новая внутренняя и внешняя торговля знакомит людей с выгодами роскоши, — деньги имеют высокую цену и лихоимство пользуется их редкостию.

Следуют общие постановления для улики и оправдания:

XXVIII. «Всякий уголовный донос требует сви-

детельства и присяги *семи* человек; но варяг и чужестранец обязывается представить только двух. Когда дело идет единственно о побоях легких, то нужны вообще два свидетеля; но чужестранца никогда нельзя обвинить без семи». Итак, древние наши законы особенно покровительствовали иноземцев.

XXIX. «Свидетели должны быть всегда граждане свободные; только по нужде и в малом иске дозволено сослаться на тиуна *боярского* или закабаленного слугу». (Следственно, боярские тиуны не были свободные люди, хотя жизнь их, как означено в первой статье, ценилась равно с жизнию вольных граждан.) «Но истец может воспользоваться свидетельством раба и требовать, чтобы ответчик оправдался *испытанием железа*. Если последний окажется виновным, то платит иск; если оправдается, то истец дает ему за муку гривну и в казну 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку полгривны (что называется *железною пошлиною*). Когда же ответчик вызван на сие испытание по неясному свидетельству людей свободных, то, оправдав себя, не берет ничего с истца, который платит единственно пошлину в казну. Не имея никаких свидетелей, сам истец доказывает правость свою *железом*: чем решить

всякие тяжбы в убийстве, воровстве и поклепе, ежели иск стоит полугривны золота; а ежели менее, то испытывать *водою*; в двух же гривнах и менее достаточна одна истцова присяга».

Законы суть дополнения летописей: без Ярославовой Правды мы не знали бы, что древние россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников: обыкновение безрассудное и жестокое, славное в истории Средних веков под именем *суда небесного*. Обвиняемый брал в голую руку железо раскаленное или вынимал ею кольцо из кипятка, после чего судьям надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели через три дня не оставалось язвы или знака на ее коже, то невинность была доказана. Ум здравый и самая вера истинная долго не могли истребить сего устава языческих времен, и христианские пастыри торжественно освящали железо и воду для испытания добродетели или злодейства не только простых граждан, но и самых государей в случае клеветы или важного подозрения. Народ думал, что Богу легко сделать чудо для спасения невинного; но хитрость судей пристрастных могла обманывать зрителей и спасать виновных.

Древнейшие законы всех народов были уголов-

ные; но Ярославовы определяют и важные права наследственности.

XXX. «Когда простолюдин умрет бездетен, то все его имение взять в казну; буде остались дочери незамужние, то им дать некоторую часть оного. Но князь не может наследовать после бояр и мужей, составляющих воинскую дружину; если они не имеют сыновей, то наследуют дочери». Но когда не было и последних? Родственники ли брали имение или князь?.. Здесь видим законное, важное преимущество чиновников воинских.

XXXI. «Завещание умершего исполняется в точности. Буде он не изъявил воли своей, в таком случае отдать все детям, а часть в церковь для спасения его души. Двор отцовский всегда без раздела принадлежит меньшему сыну» — как юнейшему и менее других способному наживать доход.

XXXII. «Вдова берет, что назначил ей муж: впрочем, она не есть наследница. Дети первой жены наследуют ее достояние или вено, назначенное отцом для их матери. Сестра ничего не имеет, кроме добровольного приданого от своих братьев».

XXXIII. «Если жена, дав слово остаться вдовою, проживет имение и выйдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое. Но дети не мо-

гут согнать вдовствующей матери со двора или отнять, что отдано ей супругом. Она властна избрать себе одного наследника из детей или дать всем равную часть. Ежели мать умрет *без языка,* или без завещания, то сын или дочь, у коих она жила, наследуют все ее достояние».

XXXIV. «Если будут дети разных отцов, но одной матери, то каждый сын берет отцовское. Если второй муж расхитил имение первого и сам умер, то дети его возвращают оное детям первого, согласно с показанием свидетелей».

XXXV. «Если братья станут тягаться о наследии пред князем, то отрок княжеский, посланный для их раздела, получает гривну за труд».

XXXVI. «Ежели останутся дети малолетние, а мать выйдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближнему родственнику, с имением и с домом; а что сей опекун присовокупит к оному, то возьмет себе за труд и попечение о малолетних; но приплод от рабов и скота остается детям. За все утраченное платит опекун, коим может быть и сам вотчим».

XXXVII. «Дети, прижитые с рабою, не участвуют в наследии, но получают свободу, и с материю».

Главою правосудия вообще был князь, а двор княжеский обыкновенным местом суда. Но

государь поручал сию власть тиунам и своим отрокам. Чиновники, которым надлежало решить уголовные дела, назывались *вирниками,* и каждый судья имел помощника, или отрока, *метельника,* или писца. Они брали запас от граждан и пошлину с каждого дела. Вирнику и писцу его для объезда волости давали лошадей.

В одном из новогородских списков Ярославовой Правды сказано, что истец во всякой тяжбе должен идти с ответчиком *на извод перед 12 граждан* — может быть, присяжных[50], которые разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и взыскивать пеню. Так было и в Скандинавии, откуда сей мудрый устав перешел в Великобританию. Англичане наблюдают его доныне в делах уголовных. Саксон Грамматик повествует, что в VIII веке Рагнар Лодброк[51], король датский, первый учредил думу двенадцати присяжных.

Таким образом, устав Ярославов содержит в себе полную систему нашего древнего законодательства, сообразную с тогдашними нравами. В нем не упоминается о некоторых возможных злодеяниях, например: о смертной отраве (как в 12 досках Рима), о насилии женщин (и проч.), — для того ли, что первое было необыкновенно

в России, а второе казалось законодателю сомнительным и неясным в доказательствах? Не упоминается также о многих условиях и сделках, весьма обыкновенных в самом начале гражданских обществ; но взаимная польза быть верным в слове и честь служили вместо законов.

Приметим, что древние свободные россияне не терпели никаких *телесных* наказаний: виновный платил или жизнию, или вольностию, или деньгами — и скажем о сих законах то же, что Монтескье говорит вообще о германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кратки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти.

Предложим еще одно замечание: германцы, овладев Европою, не давали всех гражданских прав своих народам покоренным: так, по уставу Салическому за убиение франка надлежало платить 200 *су* и вдвое менее за убиение римлянина. Но Законы Ярославовы не полагают никакого различия между россиянами варяжского племени и славянами: сим обстоятельством можно утвердить вероятность Несторова сказания, что князья варяжские *не завоевали* нашего отечества, но были избраны славянами управлять государством.

Ярославу же приписывают древний устав Новогородский *о мостовых*[52], по коему знаем, что сей город, тогда уже весьма обширный, разделялся на части, или концы (Словенский, Неревский, Горничьский, Людин, Плотинский), а жители на *сотни*, означаемые именами их старейшин; что одна улица называлась *Добрыниною* (в память сего знаменитого воеводы и дяди Владимирова), а главный ряд *Великим* рядом; что немцы или варяги, готы или готландцы, привлеченные в Новгород торговлею, жили в особенных улицах, и проч. Но так называемый Церковный устав Ярославов[53], о коем упоминают новейшие летописцы и коего имеем разные списки, есть, без сомнения, подложный, сочиненный около XIV столетия. Подобно мнимому Владимирову, он дает епископам исключительное право судить оскорбление женского целомудрия, всякие обиды, делаемые слабому полу, развод, кровосмешение, ссоры детей с родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей устав не согласен с Русскою Правдою и, кроме нелепостей, содержит в себе выражения и слова новейших времен; например, определяет пени рублями, еще не употребительными в денежном счете времен Ярославовых.

Глава IV
Великий князь Изяслав, названный в крещении Димитрием. Годы 1054–1077

Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастие, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав — Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет. Историк чужеземный не мог бы с удовольствием писать о сих временах, скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных властителей, коих тени, обагренные кровию бедных подданных, мелькают пред его глазами в сумраке веков отдаленных. Но Россия нам отечество: ее судьба и в славе, и в уничижении равно для нас достопамятна. Мы хотим обозреть весь путь государства Российского от начала до нынешней степени

оного. Увидим толпу князей недостойных и слабых; но среди их увидим и героев добродетели, сильных мышцею и душою. В темной картине междоусобия, неустройств, бедствий являются также яркие черты ума народного, свойства нравов, драгоценные своею древностию. Одним словом, история предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество. ⟨…⟩



Великий князь Изяслав Ярославич

Глава VI
Великий князь Святополк-Михаил. Годы 1093–1112

⟨…⟩

Чрез несколько месяцев Россия в первый раз увидела торжественное собрание князей своих на берегу Днепра, в городе Любече. Сидя на одном ковре, они благоразумно рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия; что им должно наконец прекратить междоусобие, вспомнить древнюю славу предков, соединиться душою и сердцем, унять внешних разбойников, половцев, успокоить государство, заслужить любовь народную. Нет сомнения, что Мономах, друг отечества и благоразумнейший из князей российских, был виновником и душою сего достопамятного собрания. В пример умеренности и бескорыстия он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю, и князья с общего согласия утвердили за Святополком область Киевскую, за Мономахом — частный удел отца его: Переяславль, Смоленск, Ростов, Суздаль, Белоозеро; за Олегом, Давидом и Ярославом Святославичами

— Чернигов, Рязань, Муром; за Давидом Игоревичем — Владимир Волынский; за Володарем и Васильком Ростиславичами — Перемышль и Теребовль, отданные им еще Всеволодом. Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говоря: *да будет земля Русская общим для нас отечеством; а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем*. Добрый народ благословлял согласие своих князей: князья обнимали друг друга как истинные братья.

Сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством, коего воспоминание должно быть оскорбительно для самого отдаленнейшего потомства. Летописец извиняет главного злодея, сказывая, что клеветники обманули его; но так обманываются одни изверги. Сей недостойный внук Ярославов, Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом великокняжеским, а второй — городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника[54], который ушел к Ростиславичам; что благоразумие требует осторожности, а месть — жертвы. Великий князь

содрогнулся и заплакал, вспомнив несчастную судьбу любимого брата. «Но справедливо ли сие ужасное обвинение? — сказал он. — Да накажет тебя Бог, если обманываешь меня от зависти и злобы». Давид клялся, что ни ему в Владимире, ни Святополку в Киеве не господствовать мирно, пока жив Василько; и сын Изяславов согласился быть вероломным, подобно отцу своему[55]. Не зная ничего, спокойный в совести, Василько ехал тогда мимо Киева, зашел помолиться в монастырь Св. Михаила[56], ужинал в сей обители и ночевал в стане за городом. Святополк и Давид прислали звать его, убеждали остаться в Киеве до именин великого князя, то есть до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать с поляками, спешил домой и не хотел исполнить Святополкова желания. «Видишь ли? — сказал Давид великому князю. — Он презирает тебя в самой области твоей, что ж будет, когда приедет в свою? Займет, без сомнения, Туров, Пинск и другие места, тебе принадлежащие. Вели схватить его и отдать мне, или ты вспомнишь совет мой, но поздно». Святополк вторично послал сказать Васильку, чтобы он заехал к нему хотя на минуту, обнять своих дядей и побеседовать с ними. Несчастный князь дал слово, сел на коня и въезжал уже в

город; тут встретился ему один из его усердных отроков и с ужасом объявил о гнусном заговоре. Василько не верил. «Мы целовали крест, — сказал он, — и клялися умереть друзьями; не хочу подозрением оскорбить моих родственников», перекрестился и с малочисленною дружиною въехал в Киев. Ласковый Святополк принял гостя на дворе княжеском, ввел в горницу и сам вышел, сказывая, что велит готовить завтрак для любезного племянника. Василько остался с Давидом, начал говорить с ним; но сей злодей, еще новый в ремесле своем, бледнел, не мог отвечать ни слова и спешил удалиться. По данному знаку входят воины, заключают Василька в тяжкие оковы. Мера злодейства еще не совершилась, и Святополк боялся народного негодования; в следующий день, созвав бояр и граждан киевских, он торжественно объявил им слышанное от Давида. Народ ответствовал: «Государь! Безопасность твоя для нас священна: казни Василька, если он действительно враг твой; когда же Давид оклеветал его, то Бог отмстит ему за кровь невинного». Знаменитые духовные особы смело говорили великому князю о человеколюбии и гнусности вероломства. Он колебался; но, снова устрашенный коварными словами Давида, отдал ему жертву в руки. Василь-

ка ночью привезли в Белгород и заперли в тесной горнице; в глазах его острили нож, расстилали ковер; взяли несчастного и хотели положить на землю. Угадав намерение сих достойных слуг Давида и Святополка, он затрепетал и хотя был окован, но долгое время оборонялся с таким усилием, что им надлежало кликнуть помощников. Его связали; раздавили ему грудь доскою и вырезали обе зеницы… Василько лежал на ковре без чувства. Злодеи отправились с ним в Владимир, приехали в город Здвиженск обедать и велели хозяйке вымыть окровавленную рубашку князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привел его в память. Он спросил: «Где я?» — выпил свежей воды, ощупал свою рубашку и сказал: «На что вы сняли с меня окровавленную? Я хотел стать в ней пред Судиею Всевышним»… Давид ожидал Василька в столице своей, Владимире, и заключил в темницу, приставив к нему двух отроков и 30 воинов для стражи.



Великий князь Святополк-Михаил

[1098 г.] Мономах, узнав о сем злодействе, пришел в ужас и залился слезами. «Никогда еще, — сказал он, — не бывало подобного в земле Русской!» — и немедленно уведомил о том Святославичей, Олега и Давида. «Прекратим зло в начале, — писал к ним сей добрый князь, — накажем изверга, который посрамил отечество и дал нож брату на брата; или кровь еще более польется и мы все обратимся в убийц; земля Русская погибнет: варвары овладеют ею». Олег

и Давид, подвигнутые таким же великодушным негодованием, соединились с Мономахом, приближились к Киеву и грозно требовали ответа от Святополка. Послы их говорили именем князей: «Ежели Василько преступник, то для чего же не хотел ты судиться с ним пред нами? и в чем состоит вина его?» Великий князь оправдывался своим легковерием и тем, что не он, а Давид ослепил их племянника. «Но в твоем городе», — сказали послы и вышли из дворца. На другой день Владимир и Святославичи уже готовились идти за Днепр, чтобы осадить Киев. Малодушный Святополк думал бежать; но граждане не пустили его и, зная доброе сердце Мономаха, отправили к нему посольство. Митрополит и вдовствующая супруга Всеволодова явились в стане соединенных князей: первый говорил именем народа, вторая плакала и молила. «Князья великодушные! — сказал митрополит Владимиру и Святославичам. — Не терзайте отечества междоусобием, не веселите врагов его. С каким трудом отцы и деды ваши утверждали величие и безопасность государства! Они приобретали чуждые земли; а вы что делаете? губите собственную». Владимир пролил слезы: он уважал память своего родителя, вдовствующую княгиню его и

пастыря Церкви; а всего более любил Россию. «Так! — ответствовал Мономах с горестию. — Мы недостойны своих великих предков и заслуживаем сию укоризну». Князья согласились на мир, и Владимир простил Святополку собственную обиду, ибо сей неблагодарный, обязанный ему престолом, не устыдился поверить клевете и считать его своим тайным злодеем. Великий князь, сложив всю вину на Давида, дал слово наказать его как общего недруга.

Давид сведал о том и хотел отвратить бурю. Здесь один из дополнителей Несторовой летописи, именем Василий — вероятно, инок или священник, — представляет сам важное действующее лицо и рассказывает следующие обстоятельства: «Я был тогда в Владимире. Князь Давид ночью прислал за мною. Окруженный своими боярами, он велел мне сесть и сказал: *Василько говорит, что я могу примириться с Владимиром. Иди к заключенному; советуй ему, чтобы он отправил посла к Мономаху и склонил сего князя оставить меня в покое. В знак благодарности дам Васильку любой из городов Червенских: Всеволож, Шеполь или Перемиль*[57]. Я исполнил Давидову волю. Несчастный Василько слушал меня со вниманием и с кротостию ответствовал:

Я не говорил ни слова; но сделаю угодное Давиду и не хочу, чтобы для меня проливали кровь россиян. Только удивляюсь, что Давид в знак милости дает мне собственный мой город Шеполь: я и в темнице князь Теребовля. Скажи, что желаю видеть и послать ко Владимиру боярина моего, Кулмея. Давид не хотел того, ответствуя, что сего человека нет в Владимире. Я вторично пришел к Васильку, который выслал слугу, сел со мною и говорил так: *Слышу, что Давид мыслит отдать меня в руки ляхам; он еще не сыт моею кровию: ему надобна остальная. Я мстил ляхам за отечество и сделал им много зла; пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но, любя истину, открою тебе всю мою душу. Бог наказал меня за гордость. Зная, что идут ко мне союзные торки, берендеи, половцы и печенеги, я думал в своей надменности:* „Теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мне только свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю, летом завоюю Польшу. Земля у нас не богата жителями: пойду на дунайских болгаров и пленниками населю ее пустыни. А там буду проситься у Святополка и Владимира на общих врагов отечества, на злодеев-половцев; достигну славы или положу голову за Русскую землю“. *В душе моей*

не было иной мысли. Клянуся Богом, что я не хотел сделать ни малейшего зла ни Святополку, ни Давиду, ни другим братьям любезным». Сей несчастный князь, в стенах темницы открывая душу свою какому-нибудь смиренному иноку, не думал, что самое отдаленное потомство услышит его слова, достойные героя!

Еще более месяца Василько томился в заключении: Владимир — озабоченный, как вероятно, набегами половцев — не мог освободить его. Давид ободрился и хотел увеличить область свою завоеванием Теребовля; но, устрашенный мужеством Володаря Ростиславича, не дерзнул обнажить меча в поле и бежал в город Бужск[58]. Володарь, осадив его, требовал единственно брата, и гнусный Давид, принужденный отпустить Василька, уверял, что один Святополк был виною злодеяния. «Не в моей области, — говорил он, — пострадал брат твой; я должен был на все согласиться, чтобы не иметь такой же участи». Володарь заключил мир; но как скоро освободил Василька, то снова объявил войну Давиду. Ослепленные злобою мести, Ростиславичи обратили в пепел город Всеволож, бесчеловечно умертвили жителей и, приступив ко Владимиру, велели сказать гражданам, чтобы они выдали им трех

советников Давидовых, научивших его погубить Василька. Граждане созвали вече и рассуждали, что им делать. «Мы рады умереть за самого князя, — говорил народ, — а слуги его не стоят кровопролития. Он должен исполнить нашу волю, или отворим городские ворота и скажем ему: *промышляй о себе!*» Давид хотел спасти наперсников; но, боясь возмущения, предал двух из них в жертву (третий ушел в Киев). Злодеев повесили и расстреляли: Васильковы отроки совершили сию месть в знак любви к своему князю.

[1099 г.] Ростиславичи удалились; но Давид не избавился от бедствия. Святополк, обязанный торжественною клятвою, шел наказать его и стоял уже в Бресте[59]. Давид искал защиты у короля польского Владислава[60]: сей государь, взяв от него 50 гривен золота, велел ему ехать с собою, расположился станом на Буге и вступил в переговоры с великим князем. Королю хотелось новых даров: получив их от Святополка, он советовал Давиду возвратиться в свою область, ручаясь за его безопасность. Но великий князь, с согласия поляков, немедленно осадил Владимир. Обманутый королем, Давид чрез семь недель примирился с Святополком, уступил ему Владимирскую область и выехал в Польшу.

Святополк не замедлил остыдить себя новым вероломством. Вступая в пределы Волыни, он торжественно клялся Ростиславичам, что будет им другом и желает единственно смирить их общего неприятеля Давида; но, победив его, великий князь захотел овладеть Перемышлем и Теребовлем, объявляя, что сии города принадлежали некогда отцу его и брату. Святополк надеялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи — на свою правду. Слепой Василько явился на месте битвы и, показывая в руках крест, громко кричал Святополку: «Видишь ли мстителя, клятвопреступник? Лишив меня зрения, хочешь отнять и жизнь мою. Крест святой да будет нам судиею!» Сражение было кровопролитное. Святополк не мог устоять и бежал в Владимир: поручил сей город сыну Мстиславу[61], прижитому с наложницею; другого сына, Ярослава[62], отправил в Венгрию за наемным войском; племянника, Святошу Давидовича[63], оставил в Луцке[64], а сам уехал в Киев. Ростиславичи гнались за побежденным только до границ своей области и возвратились, не желая никаких приобретений: умеренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими в Любече, и гнушались примерами вероломства.

Сын великого князя, Ярослав, склонил государя венгерского объявить войну Ростиславичам, и Коломан[65], собрав великие силы, вступил в Червенскую область. Володарь затворился в Перемышле. Давид Игоревич, напрасно искав друзей и союзников вне государства, возвратился тогда из Польши: видя общую опасность, прибегнул к Ростиславичам и, в знак доверенности оставив жену свою у Володаря, отправился к половцам. Хан Боняк, встретив его на границе, взялся действовать против врага России. Летописец говорит, что половцев было 390 человек, а Давидовых воинов 100; что Боняк, искусный гадатель будущего, в темную глубокую ночь отъехал от стана и начал *выть*, что звери степные ответствовали ему таким же воем и что обрадованный хан предсказал Давиду несомнительную победу. Суеверие бывает иногда счастливо: ободрив воинов, мужественный Боняк разделил их на три части; велел товарищу своему, Алтунопе, идти прямо на венгров с 50 стрелками; поручил Давиду главный отряд, а сам засел впереди, по обеим сторонам дороги, имея не более ста человек. Алтунопа увидел вдали множество венгров, коих оружие и латы блистали от первых лучей восходящего солнца и которые стояли рядами на

великом пространстве. Он шел смело и, пустив несколько стрел, обратился в бегство. Когда же венгры устремились вслед за ним без всякого порядка, Боняк ударил на них в тыл, Алтунопа спереди, Давид также. Володарь, осажденный в Перемышле, мог воспользоваться сим случаем для удачной вылазки. Изумленные венгры в ужасе, в смятении давили друг друга, бросались в реку Сан и тонули. Победители гнали их два дня. Сам Коломан едва спас жизнь свою, потеряв около 40 000 воинов[66], многих баронов и телохранителей; а сын Святополков ушел в Брест. Венгерские летописцы рассказывают, что виною сего *беспримерного* несчастия была неосторожность их государя, обманутого притворными слезами вдовствующей российской княгини *Ланки*[67], которая, стоя на коленах, умоляла его быть милосердным к ее народу; что венгры, не ожидая сопротивления и битвы, спали крепким сном, когда хан половецкий напал в глубокую ночь на их стан и, не дав им опомниться, умертвил множество людей. Коломан, без сомнения, думал тогда завладеть Червенскою областию: с ним были не только знаменитейшие светские чиновники, но и епископы, готовые обращать россиян в свою веру. Один из сих епископов, именем Купан, по-

гиб в сражении.

Давид Игоревич, желая употребить в свою пользу несчастие Святополка и союзников его, взял Червен[68] и внезапно осадил Владимир, где сын великого князя, Мстислав, собственною неустрашимостию ободрял воинов; но, пораженный стрелою — в самое то мгновение, как он натягивал лук, — сей юноша пал на стене и чрез несколько часов умер. Три дня кончина его была тайною для народа; узнав оную, граждане в общем совете положили уведомить Святополка о своей крайности. С одной стороны, они боялись гнева его, с другой — неминуемого голода. Святополк отправил к ним воеводу Путяту и велел ему соединиться в Луцке с дружиною Святоши. Сей юный племянник великого князя взял под стражу Давидовых послов, которых он до того времени клятвенно уверял в дружбе, обещаясь известить их государя о первом движении Святополкова войска. Обманутый Давид беспечно отдыхал в полдень, когда Путята и Святоша напали на его стан; в то же время осажденные сделали вылазку. Пробужденный шумом и криком битвы, Давид искал спасения в бегстве, и владимирцы с радостию приняли в город свой посадника Святополкова; но обстоятельства переменились, как

скоро Путята вывел оттуда войско. Боняк, славный победитель венгров, вступился за Давида и возвратил ему область его, изгнав Святошу из Луцка и посадника киевского из Владимира.

Тогда князья российские, взаимно огорчаемые своим несогласием, вероломством, малодушным властолюбием, вторично собралися близ Киева[69]: Святополк, Мономах и Святославичи заключили [30 июня 1100 г.] новый союз между собою и звали Давида. Сей князь владимирский не дерзнул их ослушаться; но, приехав, гордо сказал: «Я здесь: чего от меня хотите? кто недоволен мною?..» *Не ты ли сам,* — ответствовал ему Владимир, — *желал общего княжеского собрания, чтобы представить нам свои неудовольствия? Теперь сидишь на одном ковре с братьями: говори, кто и чем оскорбил тебя?* Давид молчал. Князья встали и сели на коней. Отъехав в сторону, каждый советовался с своею дружиною. Давид сидел один. Наконец они снеслися между собою, и послы их торжественно сказали ему: «Князь Давид! Объявляем волю наших государей. Область Владимирская уже не твоя отныне, ибо ты был причиною вражды и злодейства, неслыханного в России. Но живи спокойно, не бойся смерти. Бужск остается твоим городом; Святополк

дает тебе еще Дубно и Черторижск[70], Мономах — 200 гривен, Олег и брат его — тоже». Давид смирился, и Святополк чрез некоторое время уступил ему Дорогобуж Волынский[71], отдав Владимир сыну своему Ярославу. Соединенные князья отправили также послов к Ростиславичам, требуя, чтобы они выдали пленников, взятых ими в битве с коварным Святополком, и господствовали в одном Перемышле; чтобы Володарь взял к себе несчастного Василька или прислал к дядям, которые обязываются кормить его. Но Ростиславичи с гордостию отвергнули сие предложение, и великодушный слепец хотел умереть теребовльским князем. Святополк, испытав храбрость их, не смел уже воевать с ними, но строго наказал своего родного племянника Ярослава, сына Ярополкова[72], который, господствуя в Бресте, вооружался и хотел завладеть другими городами. Его привезли в Киев, окованного цепями. Митрополит и духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бежав из Киева, попался в руки владимирскому князю, сыну Святополкову, снова был заключен и чрез десять месяцев умер в темнице.

Разделение государства, вообще ослабив его могущество, уменьшило и власть князей. Народ,

видя их междоусобие и частое изгнание, не мог иметь к ним того священного уважения, которое необходимо для государственного блага. Читатель заметил уже многие примеры тогдашнего своевольства граждан, следующее происшествие еще яснее доказывает оное. Великий князь и Мономах согласились отдать Новгород сыну первого, а Мстиславу, в замену сей области, Владимир. Исполняя волю отца, Мстислав явился во дворце киевском, сопровождаемый знатными новгородцами и боярами Мономаха. Когда Святополк посадил их, бояре говорили ему: «Мономах прислал к тебе Мстислава, чтобы ты отправил его княжить в Владимир, а сына своего в Новгород». *Нет!* — сказали послы новогородские. — *Объявляем торжественно, что сего не будет. Святополк! ты сам добровольно оставил нас*[73]: *теперь уже не хотим ни тебя, ни сына твоего. Пусть едет в Новгород, ежели у него две головы! Мы сами воспитали Мстислава, данного нам еще Всеволодом.* Великий князь долго спорил с ними; но, поставив на своем, они возвратились в Новгород со Мстиславом. ⟨…⟩

Том 3

Глава I
Великий князь Андрей. Годы 1169–1174

⟨…⟩

Россия северная в то же время была феатром важного происшествия. Могущественный Андрей, покорив древнюю южную столицу государства[1], думал смирить новгородцев и тревожил их чиновников, которые ездили собирать подати за Онегою. Первые неприятельские действия еще более возгордили сих надменных друзей вольности: они с малым числом разбили на Белеозере сильный отряд суздальский и взяли дань с Андреевской области. Тогда великий князь решился одним ударом сразить их гордыню. Князья смоленский, рязанский, муромский, полоцкий вторично соединили свои дружины с его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная летами, уже не пылала воинским славолюбием: он не хотел сам предводительствовать ратию и в надежде на счастие или мужество сына своего, Мстислава, снова вверил ему начальство[2]. Вся Россия с любопытством ожидала следствий предприятия грозного, справедливого,

по мнению современников беспристрастных. «Правда, — говорили они, — что Ярослав Великий, желая изъявить новгородцам вечную благодарность за их усердие, даровал им свободу *избирать* себе князей из его достойнейших потомков; но сей князь бессмертный предвидел ли все злоупотребления свободы? Предвидел ли, что народ, упоенный самовластием, будет ругаться над священным саном государей, внуков и правнуков своего незабвенного благотворителя; будет давать клятву с намерением преступить оную; будет заключать князей в темницу, изгонять их с бесчестием? Злоупотребление уничтожает право, и великий князь Андрей был избран небом для наказания вероломных». Читая в летописях такие рассуждения, можем заключить, что современники желали успеха Андрею[3]: одни по уважению и любви к достоинству князей российских, уничижаемых тогда новгородцами; другие, может быть, от зависти к избытку и благосостоянию сего народа торгового. Падение Киева предвещало гибель и новогородской независимости: шло то же войско; тот же Мстислав вел оное. Но киевляне, приученные менять государей и жертвовать победителю побежденным, сражались только за честь князя; а новгородцы — за права собствен-

ные, за уставы отцов, которые бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вместо того чтобы грозить казнию одним главным виновникам последнего мятежа (ибо целый народ никогда сам собою не действует) или врагам изгнанного Святослава, за коего великий князь вступался[4], Мстислав Андреевич в области Новогородской жег села, убивал земледельцев, брал жен и детей в рабство. Слух о таких злодействах, вопль, отчаяние невинных жертв воспламенили кровь новгородцев. Юный князь их, Роман Мстиславич[5], и посадник Якун взяли все нужные меры для защиты: укрепили город тыном; вооружили множество людей. Неприятели, на трехстах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдалися. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день [25 февраля 1170 г.] началася битва, кровопролитная, ужасная. Новгородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском; о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялися умереть за вольность, за храм Софии, и бились с остервенением. Архиепископ Иоанн[6], провождаемый всем клиросом,

вынес икону Богоматери и поставил на внешнем деревянном укреплении, или остроге. Игумены, иереи пели святые песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй!* Стрелы сыпались градом; рассказывают, что одна из них, пущенная воином суздальским, ударилась в икону; что сия икона в то же мгновение обратилась лицом к городу; что слезы капали с образа на фелон архиепископа и что гнев небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих. Новгородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, уставили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности[7]. Чувство живой веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. Новгородцы видели в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас небо, делает храброго еще храбрее. Победители, умертвив множество неприятелей, взяли столько пленных, что *за гривну отдавали десять суздальцев* (как сказано в Новогородской

летописи), более в знак презрения, нежели от нужды в деньгах. Бегущий Мстислав был наказан за свою лютость; воины его на возвратном пути не находили хлеба в местах, опустошенных ими, умирали с голода, от болезней, и древний летописец говорит с ужасом, что они тогда, в *Великий пост*, ели *мясо* коней своих.



Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский

Казалось, что новгородцы, столь озлобленные Боголюбским, долженствовали навеки остаться его врагами; но, к удивлению современников,

чрез несколько месяцев изгнав князя своего, Романа, они вошли в дружелюбное сношение с Андреем, ибо терпели недостаток в хлебе и других вещах необходимых, получаемых ими из соседственных областей российских. Четверть ржи стоила тогда в Новегороде около рубля сорока трех копеек нынешними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной победы, не желая новых бедствий войны и щадя народ, чиновники, архиепископ, люди нарочитые предложили мир Боголюбскому, по тогдашнему выражению, *на всей воле своей,* то есть не уступая прав новогородских: великий князь принял оный с тем условием, чтобы вместо умершего Святослава княжил в Новегороде брат его, Рюрик Ростиславич[8], который господствовал в Овруче[9], не хотел перемены и, единственно в угодность Андрею выехав оттуда, приказал сей удел Волынский брату Давиду[10]. ⟨…⟩

Великий князь, женатый — по известию новейших летописцев — на дочери убиенного боярина Кучка, осыпал милостями ее братьев. Один из них приличился в каком-то злодействе и заслужил казнь. Другой, именем Иоаким, возненавидел государя и благотворителя за сие похвальное действие правосудия; внушал друзьям своим,

что им будет со временем такая же участь; что надобно умереть или умертвить князя, ожесточенного старостию; что безопасность есть закон каждого, а мщение — должность. Двадцать человек вступили в заговор. Никто из них не был лично оскорблен князем; многие пользовались его доверенностию: зять Иоакимов, вельможа Петр (у коего в доме собирались заговорщики), ключник Анбал Ясин, чиновник Ефрем Моизович. В глубокую полночь [29 июня 1174 г.] они пришли ко дворцу в Боголюбове (ныне селе в 11 верстах от Владимира), ободрили себя вином и крепким медом в княжеском погребе, зарезали стражей, вломились в сени, в горницы и кликали Андрея. С ним находился один из его отроков. Услышав голос великого князя, злодеи отбили дверь *ложницы,* или спальни. Андрей напрасно искал меча своего, тайно унесенного ключником Анбалом: сей меч принадлежал некогда святому Борису. Два человека бросились на государя: сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорил извергам: «За что проливаете кровь мою? Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных!»… Наконец упал на землю.

В страхе, в замешательстве они схватили тело своего товарища и спешили удалиться. Андрей в беспамятстве вскочил, бежал за ними, громко стеная. Убийцы возвратились; зажгли свечу и следом крови Андреевой дошли в сенях до столпа лестницы, за коим сидел несчастный князь. Петр отрубил ему правую руку; другие вонзили мечи в сердце; Андрей успел сказать: «Господи! В руце Твои предаю дух мой!» — и скончался.

Умертвив еще первого любимца княжеского, Прокопия, заговорщики овладели казною государственною, золотом, драгоценными каменьями; вооружили многих дворян, приятелей, слуг и послали объявить владимирской дружине или тамошним боярам о смерти великого князя, называя их своими единомышленниками. «Нет, — ответствовали владимирцы, — мы не были и не будем участниками вашего дела». Но граждане Боголюбские взяли сторону убийц; расхитили дворец, серебро, богатые одежды, ткани. Тело Андреево лежало в огороде: киевлянин, именем Козма, усердный слуга несчастного государя, стоял над оным и плакал. Видя ключника Анбала, он требовал ковра, чтобы прикрыть обнаженный труп. Анбал отвечал: «Мы готовим его на снедение псам». *Изверг!* — сказал сей добродушный

слуга. — *Государь взял тебя в рубище, а ныне ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова.* Ключник бросил ему ковер и мантию. Козма отнес тело в церковь, где крилошане долго не хотели отпереть дверей: на третий день отпели его и вложили в каменный гроб. Через шесть дней владимирский игумен Феодул привез оное в Владимир и погреб в Златоверхом храме Богоматери[11].

Неустройство, смятение господствовали в областях Суздальских. Народ, как бы обрадованный убиением государя, везде грабил домы посадников и тиунов, отроков и мечников княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству, так что духовенство, желая восстановить тишину, прибегнуло наконец к священным обрядам: игумены, иереи, облаченные в ризы, ходили с образами по улицам, моля Всевышнего, чтобы он укротил мятеж. Владимирцы оплакивали Андрея, но не думали о наказании злодейства, и гнусные убийцы торжествовали.

Одним словом, казалось, что государство освободилось от тирана: Андрей же, некогда вообще любимый, по сказанию летописцев, был не только набожен, но и благотворителен; щедр не

только для духовных, но и для бедных, вдов и сирот: слуги его обыкновенно развозили по улицам и темницам мед и брашна стола княжеского. Но в самых упреках, делаемых летописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находим объяснение на сию странность: *вы не рассудили,* — говорят они современникам, — *что царь, самый добрый и мудрый, не в силах искоренить зла человеческого; что где закон, там и многие обиды.* Следственно, общее неудовольствие происходило от худого исполнения законов или от несправедливости судей: столь нужно ведать государю, что он не может быть любим без строгого, бдительного правосудия; что народ за хищность судей и чиновников ненавидит царя, самого добродушного и милосердого! Убийцы Андреевы знали сию ненависть и дерзнули на злодеяние.

Впрочем, Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум *вторым Соломоном,* был, конечно, одним из мудрейших князей российских в рассуждении политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному единовластию и мог бы скорее достигнуть своей цели, если бы жил в Киеве, унял донских хищников[12] и водворил спокойствие в местах, облагодетель-

ствованных природою, издавна обогащаемых торговлею и способнейших к гражданскому образованию. Господствуя на берегах Днепра, Андрей тем удобнее подчинил бы себе знаменитые соседственные уделы: Чернигов, Волынию, Галич; но, ослепленный пристрастием к северо-восточному краю, он хотел лучше основать там *новое* сильное государство, нежели восстановить могущество *древнего* на юге.

Летописцы всего более хвалят Андрея за обращение многих болгаров и евреев в христианскую веру, за его усердие к церквам и монастырям, за уважение и любовь к сану духовных. Подражая святому князю, крестившему Россию, он наделил в Владимире новую *епископскую* соборную церковь Богоматери (им в 1158 году заложенную) поместьями и купленными слободами; отдал ей также десятую часть из торговых доходов своих и княжеских стад; призвал художников из разных земель, чтобы украсить оную великолепно; и драгоценные сосуды ее, златые двери, паникадила, серебряный амвон, живопись, богатые оклады икон, осыпанных жемчугом, были тогда предметом удивления для россиян и купцов иностранных. В сем новом Десятинном храме стоял палладиум великого княжения Суздаль-

ского: образ Богоматери[13], с коим Андрей прибыл из Вышегорода на берега Клязьмы и победил в 1164 году болгаров[14]. Не менее славилась великолепием церковь Боголюбская[15], украшенная золотом и финифтью. Такую же хотел Андрей соорудить и в Киеве, на *Дворе Ярослава,* — в память, как говорил он, древнему отечеству его предков; уже отправил туда зодчих, строивших владимирские Златые врата, но не успел исполнить своего набожного обета. В некоторых летописях сказано, что сей великий князь думал учредить митрополию в Владимире[16], но что патриарх цареградский отказал ему в том, желая оставить киевского митрополита единственным в России. ⟨…⟩

Глава III
Великий князь Всеволод III Георгиевич. Годы 1176–1212

Владимирцы, еще не осушив слез о кончине государя любимого[17], собралися пред Златыми вратами и присягнули его брату Всеволоду Георгиевичу, исполняя тем волю Долгорукого, который назначал область Суздальскую в удел меньшим сыновьям. Но бояре и ростовцы не хотели Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали к себе Мстислава, его племянника[18], из Новагорода, и сей князь, оставив там сына своего, уже находился в Ростове; собрал многочисленную дружину, бояр, гридней, так называемых *пасынков,* или отроков боярских, и шел с ними ко Владимиру. Жители сего города пылали ревностию сразиться; но Всеволод, умеренный, благоразумный, предлагал мир. «За тебя ростовцы и бояре, — говорил он Мстиславу. — За меня Бог и владимирцы. Будь князем первых; а суздальцы да повинуются из нас, кому хотят». Но вельможи ростовские, надменные гордостию, сказали Мстиславу: «Мирися один, если тебе

угодно, мы оружием управимся с чернию владимирскою». Присоединив к себе в Юрьеве дружину переяславскую, Всеволод объявил воинам о непримиримой злобе их врага общего. Все единодушно ответствовали: «Государь! Ты желал добра Мстиславу, а Мстислав ищет головы твоей и, не дав еще исполниться девяти дням по кончине Михаиловой, жаждет кровопролития. Иди же на него с Богом! Если будем побеждены, то пусть возьмут ростовцы жен и детей наших!» Всеволод, оставив за собою реку Кзу, среди Юрьевского поля [27 июня 1176 г.] ударил на неприятеля, рассеял его и с торжеством возвратился в столицу. Дружина княжеская и владимирцы вели связанных вельмож ростовских, виновников междоусобия; за ними гнали множество коней и скота, взятого в селах боярских. Суздаль, Ростов покорились Всеволоду.

Мстислав напрасно желал быть вторично князем новогородским. «Нет! — сказали ему жители. — Ты *ударил пятою* Новгород: иди же от нас вместе с сыном!» Они искали дружбы победителя и требовали себе князя от Всеволода, который отправил к ним племянника своего, Ярослава[19]. Мстислав, уехав к зятю, Глебу Рязанскому[20], склонил его к несчастной войне, бедственной

для них обоих. Сия война началась в конце лета пожарами: Глеб обратил в пепел Москву и все окрестные слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянник его, Владимир Глебович, князь южного Переяславля, и сыновья Святослава Черниговского[21]. Новгородцы обещали ему также дружину вспомогательную, называя его своим отцом и властителем; однако ж не сдержали слова. Будучи в Коломне, великий князь сведал, что Глеб Рязанский, наняв половцев, с другой стороны вступил в область Суздальскую, взял Боголюбов, ограбил там церковь, богато украшенную Андреем, жжет селения боярские, плавает в крови беззащитных, отдает жен и детей в плен варварам. Таким образом, междоусобие князей открыло путь сим иноплеменным хищникам и в северные земли России… [1177 г.] Всеволод сошелся с неприятелями; но те и другие стояли праздно целый месяц в ожидании мороза: река Колокша находилась между ими и не перепускала их; лед ее был слишком тонок. Раздраженный злодействами Глеба, великий князь отказался от мирных его предложений и наконец — видя, что река замерзла, — отправил на другую сторону обоз свой с частию войска. Мстислав первый напал на сей отряд и первый

обратился в бегство; Глеб также, смятый полком Всеволода. Дружина великого князя гналась за малодушными и, пленив самого Глеба, сына его Романа[22], Мстислава, множество бояр, истребила половцев. В числе пленников находился старый воевода Андрея Боголюбского, Борис Жидиславич, который держал сторону Мстислава. Все они были предметом народной ненависти, и граждане владимирские, посвятив два дня на общую радость, хотели ознаменовать третий злобною местию: обступили дворец княжеский и говорили Всеволоду: «Государь! Мы рады положить за тебя свои головы, но казни злодеев, или ослепи, или выдай нам в руки». Изъявляя человеколюбие, Всеволод желал спасти несчастных и велел заключить их в темницу, чтобы успокоить народ. Глеб имел заступников. Будучи ему зятем, храбрый Мстислав, брат Романа Смоленского[23], вместе с горестною своею тещею убеждал Святослава Черниговского, как Всеволодова союзника, освободить пленников усердным ходатайством. Порфирий, черниговский епископ, ездил для того в Владимир. Глебу предложили свободу, с условием отказаться навсегда от княжения и ехать в южную Россию. Он гордо ответствовал: «Лучше умру в неволе» — и действительно умер чрез

несколько дней. Когда же рязанцы, устрашенные бедствием их князя, в угодность Всеволоду взяли под стражу Ярополка Ростиславича в Воронеже и привезли в город Владимир, тогда мятеж возобновился. Бояре, купцы пришли с оружием на двор княжеский, разметали темницу и, к горести великого князя, ослепили его племянников, Ростиславичей. Он только уступил народному остервенению, по словам летописца владимирского, не имев никакого участия в сем злодействе (которое древние россияне заимствовали от просвещенных греков); другие же летописцы обвиняют в том Всеволода, может быть несправедливо; но великий князь, не наказав злодеев, заслужил подозрение, бесславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушием в глазах всей России, он выпустил из темницы Глебова сына Романа. Несчастные слепцы были также освобождены и на пути в южную Россию, к общему удивлению, прозрели в Смоленске, с усердием моляся в смядынской церкви Св. Глеба[24], по известию летописцев. ⟨…⟩



Великий князь Всеволод Георгиевич

[1212 г.] Всеволод, призвав к себе Константина из Новагорода, назначил ему в удел Ростов с пятью городами; за несколько же времени до смерти назвал его преемником великокняжеского достоинства с тем, чтобы он уступил Ростовскую область брату Георгию. Константин не хотел выехать из своего удела, желая наследовать целое великое княжение Суздальское. Раздраженный столь явным неповиновением,

отец созвал бояр из всех городов, епископа Иоанна[25], игуменов, священников, купцов, дворян и в их многочисленном собрании объявил, что наследником его должен быть второй сын Георгий; что он ему поручает и великую княгиню, и меньших братьев. Константина любили, уважали, но безмолвствовали пред священною властию отца: сын ослушный казался преступником, и все, исполняя волю великого князя, присягнули избранному наследнику. Константин оскорбился, негодовал и, как говорят летописцы, *со гневом воздвиг брови свои на Георгия*. Добрые сыны отечества с горестию угадывали следствия.

Всеволод Георгиевич, княжив 37 лет, спокойно и тихо преставился на пятьдесят осьмом году жизни [15 апреля 1212 г.], оплакиваемый не только супругою, детьми, боярами, но и всем народом: ибо сей государь, называемый в летописях *великим*, княжил счастливо, благоразумно от самой юности и строго наблюдал правосудие. Не бедные, не слабые трепетали его, а вельможи корыстолюбивые. Не *обинуяся лица сильных*, по словам летописца, *и не туне нося меч, ему Богом данный*, он казнил злых, миловал добрых. Воспитанный в Греции, Всеволод[26] мог научиться там хитрости, а не человеколюбию: иногда мстил жестоко, но

хотел всегда казаться справедливым, уважая древние обыкновения; требовал покорности от князей, но без вины не отнимал у них престолов и желал властвовать без насилия; повелевая новгородцами, льстил их любви к свободе; мужественный в битвах и в каждой — победитель, не любил кровопролития бесполезного. Одним словом, он был рожден царствовать (хвала, не всегда заслуживаемая царями!) и хотя не мог назваться самодержавным государем России, однако ж, подобно Андрею Боголюбскому, напомнил ей счастливые дни единовластия. Новейшие летописцы, славя добродетели сего князя, говорят, что он довершил месть, начатую Михаилом: казнил всех убийц Андреевых, которые еще были живы; а главных злодеев, Кучковичей, велел зашить в короб и бросить в воду. Сие известие согласно отчасти с древним преданием: близ города Владимира есть озеро, называемое Пловучим; рассказывают, что в нем утоплены Кучковичи, и суеверие прибавляет, что тела их доныне плавают там в коробе!

Доказав свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооружением храмов, Всеволод оставил и другие памятники своего княжения: кроме города Остера[27], им возобновленного, он построил

крепости в Владимире, Переславле-Залесском и Суздале.

Всеволод в 1209 году сочетался вторым браком с дочерью витебского князя Василька Брячиславича[28]. Первою его супругою была Мария, родом ясыня[29], славная благочестием и мудростию. В последние семь лет жизни страдая тяжким недугом, она изъявляла удивительное терпение, часто сравнивала себя с Иовом и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала их жить в любви, напомнив им мудрые слова Великого Ярослава, что междоусобие губит князей и отечество, возвеличенное трудами предков; советовала детям быть набожными, трезвыми, вообще приветливыми и в особенности уважать старцев, по изречению Библии: *во мнозем времени премудрость, во мнозе житии ведение.* Летописцы хвалят ее также за украшение церквей серебряными и золотыми сосудами; называют российскою Еленою, Феодорою[30], второю Ольгою. Она была материю осьми сыновей, из коих двое умерли во младенчестве. Летописец суздальский, упоминая о рождении каждого, сказывает, что их на четвертом или пятом году жизни торжественно *постригали и сажали на коней* в присутствии епископа, бояр, граждан; что

Всеволод давал тогда пиры роскошные, угощал князей союзных, дарил их золотом, серебром, конями, одеждами, а бояр тканями и мехами. Сей достопамятный обряд, так называемый *постриг,* или первого обрезания волосов у детей мужеского полу, кажется остатком язычества: знаменовал вступление их в бытие гражданское, в чин благородных всадников, и соблюдался не только в России, но и в других землях славянских, например у ляхов, коих древнейший историк пишет, что два странника, богато угощенных Пиастом, *остригли волосы* его сыну-младенцу и *дали имя* Семовита[31].

В историю сего времени входит следующее любопытное известие, хотя, может быть, и не совсем достоверное. После 1175 года не упоминается в наших летописях о сыне Андрея Боголюбского Георгии[32]; но он является важным действующим лицом в истории грузинской. «В 1171 году юная Тамарь, дочь царя Георгия III, наследовала престол родителя[33]. Духовенство и бояре искали ей жениха; тогда один вельможа тифлисский, именем Абуласан, предложил собранию, что сын великого князя российского Андрея, дядею Всеволодом изгнанный и заточенный в *Савалту,* ушел оттуда в *Свинч* к хану кипчакскому (или

половецкому)[34] и что сей юноша, знаменитый родом, умом, храбростию, достоин быть супругом их царицы. Одобрили мысль Абуласанову; послали за князем, и Тамарь сочеталась с ним браком. Несколько времени быв счастием супруги и славою государства, он переменился в делах и нраве: Тамарь, исполняя волю совета, долженствовала изгнать его, но щедро наградила богатством. Князь удалился в черноморские области, в Грецию; вел жизнь странника, скучал, возвратился опять в Грузию, преклонил к себе многих жителей и хотел взять Тифлис; но, побежденный Тамарию, с ее дозволения, безопасно и с честию выехал неизвестно куда». Сия Тамарь славилась победами, одержанными ею над персиянами и турками; завоевала разные города и земли; любила науки, историю, стихотворство, и время ее считалось златым веком грузинской словесности. Сын Тамарин, Георгий Лаш, по кончине матери царствовал от 1198 до 1211 года[35].

Заметим некоторые бедственные случаи долговременного княжения Всеволодова. Два раза горел при нем Владимир: в 1185 году огонь разрушил там 32 церкви каменные и соборную, богато украшенную Андреем; ее серебряные паникадила, златые сосуды, одежды служебные,

вышитые жемчугом, драгоценные иконы, парчи, куны, или деньги, хранимые в тереме, и все книги были жертвою пламени. Чрез пять лет случилось такое же несчастие для целой половины Владимира: едва могли отстоять дворец княжеский; а в Новегороде многие люди, устрашенные беспрестанными пожарами, оставили домы и жили в поле: в один день сгорело там 4300 домов. Многие другие города: Руса, Ладога, Ростов — обратились в пепел. В 1187 году свирепствовала какая-то общая болезнь в городах и селах: летописцы говорят, что ни один дом не избежал заразы и во многих некому было принести воды. В 1196 году вся область Киевская чувствовала землетрясение: домы, церкви колебались, и жители, не приученные к сему обыкновенному в жарких климатах явлению, *трепетали и падали ниц от страха*.

В княжение Всеволода был завоеван крестоносцами Царьград: происшествие важное и горестное для тогдашних россиян, тесно связанных с греками по вере и торговле! Взятие Царяграда и Киева случилось в один год (1204)[36]: суеверные летописцы наши говорят, что многие страшные явления в ту зиму предвещали бедствие; что небо казалось в огне, метеоры сверкали в воздухе

и снег имел цвет крови. Французы, венециане, ограбив богатые храмы, похитив драгоценности искусства и мощи святых, избрали не только собственного императора, но и патриарха латинского: греческий, оставив им в добычу казну Софийскую, в одном бедном хитоне уехал на осле во Фракию[37]. Папа Иннокентий III, желая воспользоваться сим случаем, писал к духовенству нашему[38], что вера истинная торжествует; что вся греческая империя уже ему повинуется; что одни ли россияне захотят быть отверженными от паствы Христовой; что Церковь Римская есть ковчег спасения и что вне оного все должно погибнуть; что кардинал Г., муж ученый, благородный, посол наместника апостольского, уполномочен от него быть просветителем России, истребителем ее заблуждений, и проч. Сие пастырское увещание не имело никакого следствия, и митрополиты наши были оттоле поставляемы в Никее, новой столице греческих константинопольских патриархов, до самого изгнания крестоносцев из Царяграда.

Тогда же другие *крестоносцы* сделались опасны для северо-западной России. Мы упоминали о Меингарде[39], проповеднике латинской веры в Ливонии: преемники его, утверждаемые главою бременской Церкви в сане епископов, для

вернейшего успеха в деле своем прибегнули к оружию[40], и Папа отпускал грехи всякому, кто под знамением креста лил кровь упрямых язычников на берегах Двины. Ежегодно из Немецкой земли толпами отправлялись туда странствующие богомольцы, но не с посохом, а с мечом, искать спасения души в убийстве людей. Третий епископ ливонский, Альберт, избрав место, удобное для пристани, в 1200 году основал город Ригу, а в 1201 году *орден Христовых воинов,* или *меченосцев,* которым Папа Иннокентий III дал устав славных *рыцарей Храма,* подчинив их епископу рижскому; *крест* и *меч* были символом сего нового братства. Россияне назывались господами Ливонии, имели даже крепость на Двине, Кокенойс (ныне Кокенхузен)[41], однако ж, собирая дань с жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонников. Сей хитрый епископ от времени до времени дарил князя полоцкого Владимира[42], уверяя его, что немцы думают единственно о распространении истинной веры. Но Альберт говорил как христианин, а действовал как политик: умножал число воинов, строил крепости, хотел и духовного, и мирского господства. Бедные жители не знали, кому повиноваться, россиянам или немцам: единопле-

менники финнов, ливь, желали, чтобы первые освободили их от тиранства рыцарей, а латыши изъявляли усердие к последним. Наконец князь Владимир объявил войну опасным пришельцам: осаждал Икскуль[43] и не мог в 1200 году взять Кирхгольма[44], ибо россияне, искусные стрелки, по сказанию ливонского древнего летописца, не умели действовать пращою; хотя и переняли сие орудие у немцев, но, худо бросая камни, били ими своих. Владимир снял осаду — услышав, что многие чужеземные корабли приближаются к берегам Ливонии, — и Двиною возвратился в Полоцк. Флот, испугавший россиян, был датский: король Вольдемар[45] в угодность Папе шел оборонить новую церковь ливонскую; пристал к Эзелю, хотел основать там крепость, но вдруг, переменив мысли, удалился, отправив в Ригу лунденского архиепископа, знаменитого ученостию Андрея[46], который в сане римского посла должен был способствовать успехам католической веры в сих пределах. Скоро большая часть жителей крестилась, ибо они видели, что их ничтожные идолы, разрушаемые секирами христиан, не могли защитить себя. Современный летописец[47] рассказывает случай любопытный: латыши бросили жребий, какую веру принять им, немецкую

или русскую, и, согласно с волею судьбы, избрали первую. Впрочем, они долго еще с некоторою благодарностию хранили в памяти имена ложных богов: Перкуна, или громовержца, Земинника, или дарователя земных плодов, Тора, или северного Марса, и проч. Ливь и чудь назвали самого Творца вселенной именем главного их идола, Юммала, были уже христианами, но ходили еще молиться в леса священные, приносили жертвы древам, ежегодно торжествовали праздник усопших с обрядами язычества и клали в могилу оружие, пищу, деньги, говоря мертвому: «Иди, несчастный, в мир лучший, где немцы уже не могут господствовать над тобою, а будут твоими рабами!» Сей бедный народ в течение веков не забывал насилия своих жестоких просветителей! Довольный услугами рыцарей, епископ Альберт уступил им третию часть покоренной Ливонии; старался более и более утверждать там свое владычество; выгнал россиян из укрепленного замка Кукенойса, принудив удельного князя двинского, именем Всеволода, быть данником рижской Церкви. Сей князь, женатый на дочери одного знатного литовца, господствовал в Герсике (нынешнем Крейцбурге)[48]: он делал много зла не только немцам, но и россиянам, свободно пропус-

кая литовских грабителей чрез Двину и доставляя им съестные припасы. Епископ Альберт сжег столицу Всеволода, пленил его княгиню, многих жителей и с тем условием возвратил им свободу, чтобы сей князь отказался от союза с литовцами и навсегда подарил свою область Богородице, то есть епископу. Всеволод под тремя знаменами клялся верно служить Матери Божией; торжественно назвал Альберта отцом; признал себя его наместником в Герсике! Но северная часть Ливонии оставалась еще независимою от немцев: там хотел господствовать храбрый Мстислав Новогородский[49]. Взяв меры для безопасности границ своих, укрепив южные новыми городами и поручив охранять Великие Луки брату, князю Владимиру Псковскому[50], он ходил с войском (в 1212 году) на западные берега Чудского озера собирать дань и смирять непокорных; осаждал крепость *Медвежью Голову*, или Оденпе[51], и взял с жителей 400 гривен *ногатами* или *кунами*. Немецкий летописец прибавляет, что князь новогородский, крестив тогда некоторых язычников, обещал прислать к ним своих попов, но что Альбертовы миссионарии предупредили россиян и скоро ввели там веру латинскую.

Заключая описание достопамятных времен

Всеволода III, упомянем о случае, принадлежащем вместе и к церковной, и к светской истории нашего отечества. В 1212 году новгородцы, недовольные святителем Митрофаном[52], без всякого сношения с главою духовенства, митрополитом киевским, изгнали своего архиепископа и выбрали на его место бывшего знаменитого гражданина Добрыню Ядренковича[53], который незадолго до того времени ездил в Царьград и постригся в монастыре Хутынском, основанном в конце XII века св. Варлаамом, близ Волхова[54]. Так новгородцы судили и князей, и святителей, думая, что власть мирская и духовная происходит от народа.

Глава IV
Георгий, князь владимирский, Константин Ростовский. Годы 1212–1216

Совершив погребение отца, Георгий, с одобрения вельмож, возвратил свободу князьям рязанским, всем их подданным и епископу Арсению[55]. Великое княжение Суздальское разделилось тогда на две области: Георгий господствовал в Владимире и Суздале, Константин — в Ростове и Ярославле; оба желали единовластия и считали друг друга хищниками. Братья их также разделились: Ярослав-Феодор, начальствуя в Переславле-Залесском, взял сторону Георгия, равно как и Святослав[56], получив в удел Юрьев Польский; Димитрий-Владимир[57] остался верным Константину. Ростовский князь обратил в пепел Кострому, пленил жителей; Георгий два раза приступал к Ростову и, заключив весьма неискренний мир с Константином, выслал Димитрия из Москвы. «Даю тебе, — сказал он, — южный Переяславль, нашу отчину; господствуй в нем и блюди землю Русскую». Димитрий, как бы предчувствуя бедствие, неохотно поехал в

сей удел, некогда знаменитый и столь любезный для его деда; женился там на племяннице Всеволода Чермного[58] и, едва отпраздновав свадьбу, долженствовал сразиться с половцами; не мог одолеть варваров и, плененный ими, был отведен в вежи. Он года чрез три освободился и княжил после в Стародубе на Клязьме. ⟨…⟩

[1215 г.] Храбрый Мстислав, учредив порядок в завоеванной Днепровской области[59], возвратился в Новгород, но скоро объявил жителям на вече, что дела отзывают его в южную Россию[60]; что он будет всегда защитником новгородцев, однако ж дает им волю избрать себе иного князя. Народ сожалел об нем; долго рассуждал, кем заменить князя столь великодушного; наконец отправил посадника, тысяцкого и десять старейших купцов звать Феодора Всеволодовича, Мстиславова зятя[61]. Ярослав-Феодор начал свое правление строгостию и наказаниями, сослав в Тверь некоторых окованных цепями чиновников, велел разграбить двор тысяцкого, оклеветанного врагами, взяв под стражу сына и жену его. Возбужденный самим князем к действиям своевольным, народ искал жертв, новых преступников; умертвил сам собою двух знаменитых граждан, а князь с досады на сих мятежников уехал в Торжок. Между тем

в окрестностях Новагорода сделался неурожай: Ярослав, ослепленный злобою, захватил весь хлеб в изобильных местах и не пустил ни воза в столицу. Тщетно послы убеждали князя возвратиться: он задерживал их в Торжке, призвав к себе жену из Новагорода, где уже свирепствовал голод. Четверть ржи стоила около трех рублей шестидесяти копеек нынешними серебряными деньгами, овса — рубль 7 копеек, воз репы — два рубля 86 копеек. Бедные ели сосновую кору, липовый лист и мох; отдавали детей всякому, кто хотел их взять, томились, умирали. Трупы лежали на улицах, оставленные на снедение псам, и люди толпами бежали в соседственные земли, чтобы избавиться от ужасной смерти. В последний раз новгородцы молили Ярослава утешить их своим присутствием. «Иди к Св. Софии, — говорили они, — или скажи, что не хочешь быть нашим князем». Он задержал и сих послов вместе с купцами новогородскими. Чиновники скорбели; граждане воплем изъявляли отчаяние, а наместник Ярославов и дворяне его были равнодушными зрителями народного бедствия. [11 февраля 1216 г.]. В то время явился утешитель: Мстислав великодушный. Новгородцы с восторгом увидели его на *Дворе Ярослава.* Сей князь говорил, что он

помнит свое обещание быть всегда их другом; что освободит невинных граждан, заключенных в Торжке, восстановит благоденствие Новагорода или положит свою голову. Народ клялся жить и умереть с добрым Мстиславом, который, взяв под стражу бояр Ярославовых, чрез одного умного священника объявил зятю, чтобы он, если желает остаться ему сыном, выехал из Торжка и немедленно возвратил свободу всем боярам и купцам новогородским. С гордостию отвергнув мирное предложение, Ярослав изготовился к войне; сделал на пути засеки, укрепления и прислал сто знаменитых новгородцев в отчизну их с приказанием выпроводить оттуда его тестя. Но сии люди, видя единодушие сограждан, пристали к ним с радостию. Тогда озлобленный Ярослав собрал на поле всех бывших у него новгородцев, числом более двух тысяч; оковал цепями и послал в свой город, Переславль-Залесский, отняв у них коней, деньги, все имение. В надежде на могущество брата, Георгия Владимирского, он грозился наказать тестя и смело поднял руку на кровопролитие междоусобное. Состояние Новагорода было достойно жалости: голод, болезни истребили немалую часть его жителей; другие скитались по землям чуждым; знатнейшие лю-

ди стенали в темницах Суздальской области; домы и целые улицы опустели. Мстислав, собрав вече, ободрял граждан своим мужеством. «Оставим ли братьев в заключении и постыдной неволе? — говорил он народу. — Да воскреснет величие столицы! Да не будет она презрительным Торжком, ни Торжок ею! Новгород там, где Святая София. Рать наша малочисленна; но Бог заступник правых, и сильного, и слабого!» Все казались единодушными; однако ж некоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бежали к нему в Торжок. Мстислав выступил с остальными и с братом, князем Владимиром Псковским (который, быв несколько времени начальником маленькой области в Немецкой Ливонии, снова господствовал тогда во Пскове).

Сия война имела важное следствие: князь новогородский, хотев прежде дружелюбно разделаться с Ярославом, но принужденный искать управы мечом, взял свои меры как искусный военачальник и политик. Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский. Неприятельские действия начались в Торопецкой области. Свя-

тослав Всеволодович, присланный Георгием к Ярославу, с десятью тысячами осадил Ржевку, где находилось только 100 воинов; но князь новогородский подоспел с 500 всадниками, заставил осаждающих удалиться и взял укрепленный Зубцов. Дружина Мстиславова хотела прямо идти к Торжку; но князь, призвав Владимира Рюриковича[62] из Смоленска, вдруг обратился к Переславлю-Залесскому, чтобы удалить феатр войны от Новогородской области. Наконец обе рати сошлися близ Юрьева. Константин с полками своими находился в стане новогородском: Георгий, Ярослав и князья муромские, действуя заодно, вооружили самых поселян и в необозримых рядах стали на берегу Кзы[63]. Летописцы сказывают, что князь владимирский и меньший брат его имели 30 знамен, или полков, 140 труб и бубнов. Благоразумный Мстислав еще надеялся отвратить кровопролитие. Послы новогородские говорили Георгию, что они не признают его врагом своим, будучи готовы заключить мир и с Ярославом, если он добровольно отпустит к ним всех их сограждан и возвратит Торжок с Волоком Ламским. Но Георгий ответствовал, что враги его брата суть его собственные; а Ярослав, надменный и мстительный, не хотел слушать

никаких предложений. «Не время думать о мире, — говорил он послам, — вы теперь как рыба на песке: зашли далеко и видите беду неминуемую». Мстислав вторично представлял Георгию и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для государства; что он желает примирить их с большим братом, который уступит им всю область Суздальскую, буде Георгий отдаст ему, как старшему, город Владимир. «Ежели сам отец наш, — сказал Георгий, — не мог рассудить меня с Константином, то Мстиславу ли быть нашим судиею? Пусть Константин одолеет в битве: тогда все его». Послы с горестию удалились, и князь владимирский, пируя в шатре с вельможами, желал знать их мнение. Один боярин советовал не отвергать мира и признать Константина старейшим государем земли Суздальской, представляя, что князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины новогородские и смоленские дерзки в битвах; что Мстислав в деле ратном не имеет совместника и что превосходные силы уступают иногда превосходному искусству. Князья слушали боярина с неудовольствием. Другие вельможи, льстя их самолюбию, говорили, что никогда еще враги не выходили целы из сильной земли Суздальской; что жители ее могли бы

с успехом противоборствовать соединенному войску всех россиян и *седлами закидают* новгородцев. Одобрив сию безрассудную надменность и собрав военачальников, князья дали им приказ не щадить никого в битве: убивать даже и тех, на коих увидят шитое золотом оплечье. «Вам брони, одежда и кони мертвых, — сказали они, — в плен возьмем одних князей и решим после судьбы их». Отпустив воевод, Георгий с меньшими братьями заперся в шатре и вздумал уже делить всю Россию: назначил Ростов для себя, Новгород для Ярослава, Смоленск для третьего брата, а Киев для Ольговичей, оставляя Галич на свое дальнейшее распоряжение. Написав договорную грамоту и взаимною клятвою утвердив оную, сии князья послали сказать неприятелям, что желают биться с ними на обширном Липецком поле[64]. Мстислав принял вызов: долго советовался с Константином, обязал его торжественными обетами верности и ночью выступил из стана к назначенному для битвы месту, с трубным звуком, с грозным кликом воинским. Встревоженные полки Георгиевы *стояли* всю ночь *за щитами,* то есть вооруженные и в боевом порядке, ожидая нападения, и едва было не обратились в бегство. На рассвете Мстислав и Константин приближились

к неприятелю, который зашел за дебрь и расположился на горе, окруженной плетнем. Напрасно Мстислав предлагал Георгию или мир, или битву на равнине. Сей князь ответствовал: «Не хочу ни того ни другого; и когда вы уже не боялись дальнего пути, то можете перейти и за дебрь, где мы вас ожидаем». Мстислав стал на другой горе, велев отборным молодым людям ударить на полки Ярославовы. Бились с утра до вечера, слабо, неохотно, ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстислав думал идти прямо ко Владимиру, но Константин не советовал оставлять неприятеля назади и боялся, чтобы миролюбивые ростовцы, пользуясь случаем, не разбежались по городам. Между тем Георгиевы полки, видя движение в стане новгородцев и смолян, вообразили, что Мстислав хочет отступить, и бросились с горы в намерении гнаться за ним; но Георгий и Ярослав удержали их. Тогда князь новогородский, сказав: «Гора не защитит и не победит нас; пойдем с Богом и с чистою совестию», велел своим готовиться к битве. На одном крыле стоял Владимир Рюрикович Смоленский, на другом Константин, в средине Мстислав с новгородцами и князь псковский. Учредив строй, обозрев все ряды, Мстислав ободрил воинов краткою речью.

«Друзья и братья! — говорил он. — Мы вошли в землю сильную: станем крепко, призвав Бога помощника. Да никто не озирается вспять: бегство не спасение. Кому не умереть, тот будет жив. Забудем на время жен и детей своих. Сражайтесь как хотите: пешие или на конях». Новгородцы ответствовали: «Сразимся пешие, как отцы наши под Суздалем»[65]. [21 апреля 1216 г.] Оставив коней, они сбросили с себя одежду, даже сняли сапоги, и с громким кликом устремились вперед; за ними Мстислав и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать их стремления. Смоляне также пешие вступили в бой, не хотев ждать воеводы своего, который упал с коня в дебри. Князь новогородский, видя кровопролитие, сказал Владимиру Псковскому: «Не выдадим добрых людей!» — и мгновенно опередил всех; имея в руке топор, три раза с дружиною проехал сквозь полки неприятельские, сек головы, оставлял за собою кучи трупов. Летописцы живо представляют ужас сей битвы, говоря, что сын шел на отца, брат на брата, слуга на господина: ибо многие новгородцы сражались за Ярослава; многие единокровные стояли друг против друга под знаменами Георгия и Константина. Победа не была сомнительною. Новгородцы, смоляне

дружным усилием расстроили, смяли врагов и, торжествуя, показывали в руках своих хоругви Ярославовы. Еще Георгий стоял против Константина, но скоро обратился в бегство за Ярославом. «Друзья! — сказал князь новогородский своим храбрым воинам. — Не время думать о корысти; надобно довершить победу» — и новгородцы, ему послушные, не хотели прикоснуться к добыче, с жаром гнали суздальцев, топили их в реках, осуждая смолян, которые обдирали мертвых и грабили обозы неприятеля.

Урон был велик только со стороны побежденных: их легло на месте 9233 человека. В остервенении своем не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не более 60 пленников; а смоляне нашли в Георгиевом стане и договорную грамоту сего князя, по коей он хотел делить всю Россию с братьями. Ярослав, главный виновник кровопролития, ушел в Переяславль и, пылая гневом, задушил там многих новогородских купцов в темнице; а Георгий, утомив трех коней под собою, на четвертом прискакал в Владимир, где оставались большею частию одни старцы и дети, жены и люди духовного сана. Видя вдали скачущего всадника, они думали, что князь их одержал победу и шлет к ним гонца; но сей

мнимый радостный вестник был сам Георгий: в бегстве своем он сбросил с себя одежду княжескую и явился в рубашке пред вратами столицы; ездил вокруг стены и кричал, что надобно укреплять город. Жители ужаснулись. Ночью пришли в Владимир многие раненые; а на другой день Георгий, созвав граждан, молил их доказать ему свое усердие мужественною защитою столицы. «Государь! Усердием не спасемся, — ответствовали граждане, — братья наши легли на месте битвы; другие пришли, но без оружия; с кем отразить врага?» Князь упросил их не сдаваться хотя несколько дней, чтобы он мог вступить в переговоры.

Великодушный Мстислав не велел гнаться за Георгием и Ярославом, долго стоял на месте битвы и шел медленно ко Владимиру. Чрез два дня окружив город, сей князь в первую ночь увидел там сильный пожар: воины хотели идти на приступ, чтобы воспользоваться сим случаем; но человеколюбивый Мстислав удержал их. Георгий уже не думал обороняться и, на третий день приехав в стан к новогородскому князю с двумя юными сыновьями, сказал ему и Владимиру Смоленскому: «Вы победители, располагайте моею жизнию и достоянием. Брат мой Константин в вашей

воле». Мстислав и Владимир, взяв от него дары, были посредниками между им и Константином. Принужденный выехать из столицы, Георгий омочил слезами гроб родителя, в душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сел в ладию с женою и поехал в Городец Волжский, или Радилов. В числе немногих друзей отправился с ним епископ Симон[66], знаменитый не только описанием жизни святых иноков киевских, но и собственными добродетелями; обязанный Георгию саном святителя, он не изменил благотворителю своему в злополучии. Сей князь в 1215 году учредил особенную епархию для Владимирской и Суздальской области, не хотев, чтобы они зависели от Ростова.

⟨…⟩

Глава VII
Состояние России с XI до XIII века

Ярослав, могущественный и самодержавный подобно св. Владимиру, разделив Россию на княжения, хотел, чтобы старший сын его, называясь великим князем, был главою отечества и меньших братьев и чтобы удельные князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от киевского как присяжники и знаменитые слуги его. Отдав ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россию и Новгород, он думал, что Изяслав и наследники его, сильнейшие других князей, могут удерживать их в границах нужного повиновения и наказывать ослушников. Ярослав не предвидел, что самое великое княжение раздробится, ослабеет и что удельные владетели, чрез союзы между собою или с иными народами, будут иногда предписывать законы мнимому своему государю. Уже Всеволод I долженствовал воевать с частным князем его собственной области, а Святослав II ответствовать как подсудимый на запросы князей удельных. Одаренные мужеством и благоразумием, Мономах и Мстислав

I еще умели повелевать Россиею; но преемники их лишились сей власти, основанной на личном уважении, и Киев зависел наконец от Суздаля. Если бы Всеволод III, следуя правилу Андрея Боголюбского, отменил систему уделов в своих областях; если бы Константин и Георгий II имели государственные добродетели отца и дяди, то они могли бы восстановить единовластие. Но Россия, по кончине Всеволода Георгиевича, осиротела без главы, и сыновья его совсем не думали быть монархами.

Ярослав разделил государство на четыре области, кроме Полоцкой, оставленной им в наследие роду старшего брата его: в течение времени каждая из оных разделилась еще на особенные уделы — и князья первых стали после называться *великими* в отношении к частным, или *удельным*, от них зависевшим. Волыния, Галиция, земля дреговичей отошли от Киева. Княжение Переяславское, весьма знаменитое при Всеволоде I и Мономахе, утратило Суздаль, Ростов, Курск; а Черниговское — Рязань и Муром (кроме Тмутороканя, завоеванного половцами); Новгород Северский, Стародуб, иногда земля вятичей во XII веке принадлежали разным владетелям, нередко обнажавшим меч друг на друга. Смолен-

ское также имело частные уделы: Торопецкий и Красенский. Самый Новгород, древнее достояние государей киевских, славный храбростию и богатством жителей, присвоив себе власть избирать князей, не мог сохранить целости владений своих. Псковитяне действовали иногда как независимые от него и свободные граждане.

Мономах, еще не будучи великим князем, видя с горестию безначалие и неустройство в России, хотел уменьшить сие великое зло учреждением общих княжеских советов, или съездов, которые иногда воспаляли в сердцах любовь к отечеству, но только на малое время и не могли прекратить вредного междоусобия. Вследствие такого съезда несчастный Василько был ослеплен, а Глеб Рязанский обагрил руки свои кровию братьев.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наследства. Мы уже заметили выше, что, по древнему обычаю, не сын, но брат умершего государя или старший в роде долженствовал быть его преемником. Мономах, убежденный народом властвовать в столице по кончине Святополка-Михаила, нарушил сей обычай; а как родоначальник владетелей черниговских был старее Всеволода I, то они в сыновьях и внуках Мономаховых ненавидели похитителей вели-

кокняжеского достоинства и воевали с ними. Но истинными наследниками Киевского престола, согласно с тогдашним обыкновением, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя в уделах Туровском и Пинском.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внешних? Одному особенному счастию надлежит приписать то, что Россия в течение двух веков не утратила своей народной независимости, от времени до времени имея князей мужественных, благоразумных. Как Ярослав Великий решительным ударом навсегда избавил отечество от свирепости печенегов, так Мономах блестящими победами, в княжение Святополка II, ослабил силу жестоких половцев: они все еще тревожили Днепровскую область набегами, но уже не столь гибельными, как прежде; в отношении к своим диким нравам чувствовали превосходство россиян, любили называться славянскими именами и даже охотно крестились. Два раза поляки были господами нашей древней столицы, но, испытав ужасную месть россиян и стеная от собственных бедствий внутри государства, волнуемого мятежами, оставляли нас в покое. Мужественные князья галицкие: Вла-

димирко, Ярослав, Роман — служили для России щитом на юго-западе и держали венгров в страхе. Дунайские болгары, с 1185 года свободные от ига греков, были тогда сильным народом; в 1205 году разбили латинского императора Балдвина[67], взяли его в плен и доходили до врат Константинополя; но жили мирно с нами. Сын их героя Асана, именем Иоанн[68], принужденный выехать из отечества, искал защиты россиян и с помощию сих верных друзей — вероятно, знаменитого Мстислава Галицкого — в 1222 году восшел на престол своего дяди. Болгары камские не имели духа воинского. Рыцари немецкие вытеснили новгородцев и кривичей из Ливонии, но далее не могли распространить своих завоеваний; а литовцы были не что иное, как смелые грабители. Других, опаснейших врагов отечество наше тогда не знало и, несмотря на развлечение внутренних сил его, еще славилось могуществом в отношении к соседям, наблюдая законы предков в своем правлении, успевая в делах воинских, в торговле, в гражданском образовании.

Что касается собственно до правления, то оно в сии времена соединяло в себе выгоды и злоупотребления двух, один другому противных, государственных уставов: самовластия и вольности.

Когда Олег, Святослав, Владимир, окруженные славою побед, величием завоевателей, силою единодержавия в целой России, повелевали народу, народ смиренно и безмолвно исполнял их волю. Но когда государство разделилось, когда лучи славы угасли над престолом св. Владимира и вместо одного явились многие государи в России, тогда народ, видя их слабость, захотел быть сильным, стеснял пределы княжеской власти или противился ее действию. Самовластие государя утверждается только могуществом государства, и в малых областях редко находим монархов неограниченных. Между тем древний устав Рюриковых времен не был отменен: везде, и в самом Новегороде, князь судил, наказывал и сообщал власть свою тиунам; объявлял войну, заключал мир, налагал дани. Но граждане столицы, пользуясь свободою веча, нередко останавливали государя в делах важнейших: предлагали ему советы, требования; иногда решили собственную судьбу его как вышние законодатели. Жители других городов, подведомых областному и называемых обыкновенно *пригородами*, не имели сего права. Вероятно, что и в столицах не все граждане могли судить на вечах, а только старейшие или нарочитые, бояре, воины, купцы. Знаме-

нитое духовенство также участвовало в делах правления. Святополк-Михаил и Мономах звали Олега на совет с боярами, градскими людьми, епископами, игуменами. Митрополит киевский присутствовал на вече Софийском. Архиепископ новогородский ездил с судными делами к Андрею Боголюбскому. Подобно князьям, вельможам, богатым купцам владея селами, епископы пользовались в оных исключительным правом судебным без сношения с гражданскою властию; под главным ведомством митрополит судили иереев, монахов и все церковные преступления, наказывая виновных эпитимиями. Россияне в XIII веке уже имели перевод греческого Номоканона, или Кормчей книги: она хранилась в Новогородском соборе и служила правилом для разбирательства случаев, относящихся к совести христиан. Духовным же особам были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убеждения рассудка, подкрепляемые гласом веры, тем сильнее действовали на сердца людей. Но епископы, избираемые князем и народом, в случае неудовольствия могли ими быть изгнаны. В отношениях гражданских святитель совершенно зависел от суда княжеского: так Ярослав-Феодор (в 1229 году) судил какую-то

важную тяжбу епископа ростовского Кирилла[69], обвинил его и лишил почти всего имения. (К чести сего Кирилла, славного необыкновенным богатством, скажем, что он вместо жалоб принес благодарность небу; раздал остаток своего достояния друзьям, нищим и, подобно Иову страдая тогда от недуга телесного, постригся в схиму.)

Восшествие государя на трон соединено было с обрядами священными: митрополит торжественно благословил Долгорукого властвовать над южною Россиею; киевляне, новгородцы сажали князей на престол в Софийском храме. Князь в самой церкви, во время литургии, стоял с покровенною главою, в шапке или клобуке (может быть, в венце); украшал вельмож своих златыми цепями, крестами, гривнами; жаловал придворных в казначеи, ключники, постельники, конюшие и проч. Что прежде называлось дружиною государей, то со времен Андрея Боголюбского уже именуется в летописях *двором*: бояре, отроки и мечники княжеские составляли оный.

Сии *дворяне*, первые в России, были лучшею частию войска. Каждый город имел особенных ратных людей, *пасынков*, или отроков боярских (названных так для отличия от княжеских), и гридней, или простых мечников, означаемых

иногда общим именем воинской дружины. Только в чрезвычайных случаях вооружались простые граждане или сельские жители; но последние обязаны были давать лошадей для конницы. Совершив поход — большею частию в конце зимы, — князь обирал у воинов оружие, чтобы хранить его до нового предприятия. Войско разделялось на полки, конные и пехотные, на копейщиков и стрелков; последние обыкновенно начинали дело. Главный воевода именовался тысяцким: князья имели своих тысяцких, города также. Если сказания Нестора о числе Олеговых и Игоревых воинов справедливы, то древнейшие ополчения российские были многолюднее, нежели в XI, XII и XIII столетии, ибо сильнейшее известное нам войско в течение сих веков состояло только из 50 000 ратников[70]. Воины надевали латы единственно в то время, когда уже готовились к битве; самое оружие, для облегчения людей, возили в телегах, отчего неприятель, пользуясь нечаянностию, иногда нападал на безоружных. Войско робкое или малочисленное ограждало себя в поле кольями и плетнем; такие же ограды деревянные, или остроги, служили внешнею защитою для крепостей, замков, или *детинцев*. Немецкий летописец, хваля меткость

наших стрелков, говорит, что россияне могли учиться у ливонских рыцарей искусству оборонять города, но стенобитные орудия, или *пороки*, уже давно были у нас известны.

Ни внутренние раздоры, ни внешние частые войны не препятствовали в России мирным успехам торговли, благодетельным для гражданского образования народов. В сие время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили в Киев купеческие флоты из Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что князья, ожидая их, из самых дальних мест присылали войско к Каневу для обороны судов от хищных половцев. Днепр в течении своем от Киева к морю назывался обыкновенно *путем греческим*. Мы уже говорили о предметах сей торговли. Россияне, покупая соль в Тавриде, привозили в Сурож, или Судак[71], богатый и цветущий, горностаевые и другие меха драгоценные, чтобы обменивать их у купцов восточных на бумажные, шелковые ткани и пряные коренья. Половцы, овладев Тмутороканем и едва не всем Крымом, для собственных выгод не мешали торговле и первые, кажется, впустили генуэзцев в южную часть Тавриды. По крайней мере, сии корыстолюбивые, хитрые италиянцы

еще за несколько лет до нашествия татар имели торговые заведения в Армении, следственно, уже господствовали на Черном море[72]. В самое то время, когда войско российское сражалось с половцами в земле их, купцы мирно там путешествовали, ибо самые варвары, находя пользу в торговле, для ее безопасности наблюдают законы просвещенных народов. Греки, армяне, евреи, немцы, моравы, венецияне жили в Киеве, привлекаемые выгодною меною товаров и гостеприимством россиян, которые дозволяли христианам Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое богослужение, но запрещали им спорить о вере: так, Владимир Рюрикович Киевский выгнал (в 1233 году) какого-то Мартина, приора латинского храма Св. Марии в Киеве, вместе с другими монахами католическими, боясь — как говорит польский историк, — *чтобы сии проповедники не доказали, сколь вера греческая далека от истины!*

Подобно Черному морю и Днепру, Каспийское и Волга служили другим важным путем для торговли. Болгары, в случае неурожая питая хлебом Суздальское великое княжение, могли доставлять нам и ремесленные произведения образованного Востока. В развалинах города Бол-

гарского[73], в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлися арменские надписи XII века: вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там русские меха и кожи на товары персидские и другие. Доныне под именем *болгар* разумеются в Турции восточные сафьяны, а в Бухарии юфть, из чего заключают, что Азия получала некогда сей товар от болгаров. Достойно примечания, что в древнем их отечестве, в Казани, и ныне делаются лучшие из русских сафьянов. В упомянутых развалинах найдены также арабские надписи от 1222 до 1341 года по христианскому летосчислению, вырезанные отчасти над могилами *ширванских* и *шамаханских* уроженцев[74]. Земледельцы находят иногда в окрестностях сего места золотые мелочи, женские украшения, серебряные арабские монеты и другие без всякой надписи, ознаменованные единственно произвольными изображениями, точками, звездочками и, без сомнения, принадлежавшие народу безграмотному (может быть, чудскому). Такие любопытные памятники свидетельствуют о древнем цветущем состоянии российской Болгарии.

Новгород, серебром и мехами собирая дань в Югре, посылал корабли в Данию и в Любек.

В 1157 году, при осаде Шлезвига, король датский Свенд IV захватил многие суда российские и товары их роздал, вместо жалованья, воинам[75]. Купцы новогородские имели свою церковь на острове Готландии, где цвел богатый город Визби[76], заступив место Винеты, и где до XVII века хранилось предание, что некогда товары индейские, персидские, арабские шли чрез Волгу и другие наши реки в пристани Балтийского моря. Известие вероятное: оно изъясняет, каким образом могли зайти на берега сего моря древние монеты арабские, находимые там в большом количестве. Готландцы, немцы издавна живали в Новегороде. Они разделялись на два общества: *зимних* и *летних* гостей. Правительство обязывалось за установленную плату высылать к Ижоре, навстречу им, лодошников: ибо сии купцы, боясь порогов невских и волховских, обыкновенно перегружали товары в легкие лодки, внося в казну с каждого судна гривну кун, а с нагруженного хлебом полгривны. В Новегороде отведены были особенные дворы немецким и готландским купцам, где они пользовались совершенною независимостию и ведались собственным судом, избирая для того старейшин; один посол княжеский мог входить к ним. Обиженный россиянином гость жаловался

князю и тиуну новогородскому; обиженный гостем россиянин — старейшине иноземцев. Сии тяжбы решились на дворе св. Иоанна. Готландцы имели в Новегороде божницу Св. Олава, немцы — храм Св. Петра, а в Ладоге — Св. Николая, с кладбищами и лугами. Когда же, в течение XIII столетия, вольные города германские Любек, Бремен и другие, числом наконец до семидесяти, вступили в общий, тесный союз, славный в истории под именем Ганзы, утвержденный на правилах взаимного дружества и вспоможения, нужный для их безопасности и свободы, для успехов торговли и промышленности, — союз столь счастливый, что он, господствуя на двух морях, мог давать законы народам и венценосцам, — когда Рига и Готландия присоединились к сему братству, тогда Новгород сделался еще важнее в купеческой системе Европы северной: Ганза учредила в нем главную контору, называла ее *материю* всех иных, старалась угождать россиянам, пресекая злоупотребления, служившие поводом к раздорам; строго подтверждала купцам своим, чтобы товары их имели определенную доброту и чтобы купля в Новегороде производилась всегда меною вещей без всяких долговых обязательств, из коих выходили споры. Немцы привозили

тонкие сукна, в особенности фламандские, соль, сельди и хлеб в случае неурожая, покупая у нас меха, воск, мед, кожи, пеньку, лен. Ганза торжественно запрещала ввозить в Россию серебро и золото; но купцы не слушались устава, противного их личным выгодам, и доставляли Новугороду немало драгоценных металлов, привлекаемые туда славою его изобилия и рассказами, почти баснословными, о пышности двора княжеского, вельмож, богатых граждан. Псков участвовал в сей знаменитой торговле, и правительство обоих городов, способствуя успехам ее, довольствовалось столь умеренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрым бескорыстием.

Древняя Биармия, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли шведские, норвежские не преставали до самого XIII века ходить к устью Северной Двины. Летописцы скандинавские повествуют, что в 1216 году знаменитый купец их, Гелге Богрансон, имев несчастную ссору с биармским начальником, был там умерщвлен вместе со всеми товарищами, кроме одного, именем Огмунда, ушедшего в Новгород. Сей Огмунд ездил из России в Иерусалим и, возвратясь в отечество, рассказал о жалостной кончине Богрансона. Норвежцы хотели мстить

за то биармским жителям и, в 1222 году прибыв к ним на четырех кораблях, ограбили их землю, взяли в добычу множество *клейменого* серебра, мехов *бельих* и проч.

Смоленск имел также знатную торговлю с Ригою, с Готландиею и с немецкими городами, чему доказательством служит договор, заключенный с ними смоленским князем Мстиславом Давидовичем в 1228 году[77]. ⟨…⟩

О сем договоре упоминается и в немецкой летописи, где он назван весьма благоприятным для купцов ливонских; но предки наши, давая им свободу и права в России, не забывали собственных выгод: таким образом, увольняя чужеземных гостей, *продавцов* серебра и золота, от всякой пошлины, хотели чрез то умножить количество ввозимых к нам металлов драгоценных. В рассуждении цены серебра заметим, что она со времен Ярослава до XIII века, кажется, не возвысилась относительно к *смоленской* ходячей или кожаной монете: Ярослав назначает в Правде 40 гривен пени кунами за убийство, а Мстислав Давидович в уставе своем — 10 гривен серебром, полагая 4 гривны кун на одну гривну серебра, следственно, ту же самую пеню, напротив чего новогородские куны унизились.

Не только купцов, но и других чужеземцев, полезных знаниями и ремеслом, россияне старались привлекать в свою землю: строителей, живописцев, лекарей. От Ярослава Великого до времен Андрея Боголюбского знаменитейшие церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами; но в 1194 году владимирский епископ Иоанн[78] для возобновления древнего суздальского храма Богоматери[79] нашел между собственными церковниками искусных мастеров и литейщиков, которые весьма красиво отделали сию церковь снаружи и покрыли оловом, не взяв к себе в товарищи ни одного *немецкого* художника. Тогда же славился в Киеве зодчий, именем Милонег-Петр, строитель каменной стены на берегу Днепра под монастырем Выдубецким[80], столь удивительной для современников, что они говорили об ней как о великом чуде. Греческие живописцы, украсив образами Киевскую лавру, выучили своему художеству добродетельного монаха печерского св. Алимпия[81], бескорыстного и трудолюбивого: не требуя никакой мзды, он писал иконы для всех церквей и, занимая деньги на покупку красок, платил долги своею работою. Сей Алимпий есть древнейший из всех известных нам живописцев российских. Кроме икон церков-

ных, они изображали на хартиях в священных книгах разные лица, без особенного искусства в рисунке, но красками столь хорошо составленными, что в шесть или семь веков свежесть оных и блеск золота нимало не помрачились. Заметим также касательно рукоделий, что древние бояре княжеские обыкновенно носили у нас *шитые золотом оплечья*: итак, искусство золотошвеев — сообщенное нам, как вероятно, от греков — было известно в России прежде, нежели во многих других землях европейских.

Мы упомянули о лекарях, ибо врачевание принадлежит к самым первым и необходимейшим наукам людей. Во времена Мономаховы славились в Киеве арменские врачи: один из них, как пишут, взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти. Врач Николы Святоши был сирианин. Многие лекарства составлялись в России, лучшие и драгоценнейшие привозились чрез Константинополь из Александрии. Желая всеми способами благодетельствовать человечеству, некоторые из наших добрых монахов старались узнавать силу целебных трав для облегчения недужных и часто успехами своими возбуждали зависть в

лекарях чужеземных. Печерский инок Агапит самым простым зелием и молитвою исцелил Владимира II, осужденного на смерть искусным врачом арменским.

Таким образом, художества и науки, быв спутниками христианства на севере, водворялись у нас в мирных обителях уединения и молитвы. Те же благочестивые иноки были в России первыми наблюдателями тверди небесной, замечая с великою точностию явления комет, солнечные и лунные затмения; путешествовали, чтобы видеть в отдаленных странах знаменитые святостию места, и, приобретая географические сведения, сообщали оные любопытным единоземцам; наконец, подражая грекам, бессмертными своими летописями спасли от забвения память наших древнейших героев, ко славе отечества и века. Митрополиты, епископы, ревностные проповедники христианских добродетелей, сочиняли наставления для мирян и духовных. Суздальский святитель, блаженный Симон, и друг его, Поликарп, монах лавры Киевской, описали ее достопамятности и жития первых угодников слогом уже весьма ясным и довольно чистым. Вообще, духовенство наше было гораздо просвещеннее мирян; однако ж и знатные светские люди учи-

лись. Ярослав I, Константин отменно любили чтение книг. Мономах писал не только умно, но и красноречиво. Дочь князя полоцкого, святая Евфросиния[82], день и ночь трудилась в списывании книг церковных. Верхуслава, невестка Рюрикова[83], ревностно покровительствовала ученых мужей своего времени, Симона и Поликарпа. «Слово о полку Игореве» сочинено в XII веке и, без сомнения, мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные. Вероятно, что оно в рассуждении слога, оборотов, сравнений есть подражание древнейшим русским сказкам о делах князей и богатырей: так, сочинитель хвалит *соловья* старого времени, стихотворца Бояна, которого *вещие персты,* летая по *живым струнам, рокотали* или гласили *славу* наших витязей. К несчастию, песни Бояновы и, конечно, многих иных стихотворцев исчезли в пространстве семи или осьми веков, большею частию памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь — здания и хартии. Тем достойнее внимания «Слово о полку Игореве», будучи в своем роде единственным для нас творением; предложим содержание оного и места значительнейшие, которые дают понятие о вкусе и пиитическом

языке наших предков. ⟨…⟩

Со времен Владимира Святого нравы долженствовали измениться в Древней России от дальнейших успехов христианства, гражданского общежития и торговли. Набожность распространялась: князья, вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и нередко сами укрывались в них от сует мира. Достойные святители и пастыри Церкви учили государей стыдиться злодеяний, внушаемых дикими, необузданными страстями; были ходатаями человечества и вступались за утесненных. Россияне, по старинному обыкновению, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость как добродетель; явно имели наложниц, но оскорбитель целомудренной жены наказывался как убийца… Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народ жаловался на корыстолюбие тиунов и князей. Летописцы XIII века с отменным жаром хвалят умеренность древних владетелей российских. «Прошли те благословенные времена, — говорят они, — когда государи наши не собирали имения, а только воевали за отечество, покоряя чуждые земли; не угнетали людей налогами и довольствовались одними справедливыми вирами,

отдавая и те своим воинам, на оружие. Боярин же твердил государю: *мне мало двухсот гривен,* а кормился жалованьем и говорил товарищам: *станем за князя, станем за Русскую землю*! Тогда жены боярские носили не златые, а просто *серебряные* кольцы. Ныне другие времена!» Однако ж ни миролюбивые правила христианства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратного духа наших предков: даже самые уставы церковные питали оный; так, воин накануне похода освобождался от всякой эпитимии. Сыновья княжеские возрастали в поле и в станах воинских; еще не достигнув лет юношества, уже садились на коней и мечом грозили врагу. К сожалению, сей дух воинственный не был управляем благоразумием человеколюбия в междоусобиях князей: злобствуя друг на друга, они без стыда разоряли отечество, жгли селения беззащитные, пленяли людей безоружных.

Наконец скажем, что если бы Россия была единодержавным государством (от пределов Днестра до Ливонии, Белого моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы в могуществе никакой державе сего времени; спаслась бы, как вероятно, от ига татарского и, находясь в тесных связях с Грециею, заимствуя художества ее, просвещение,

не отстала бы от иных земель европейских в гражданском образовании. Торговля внешняя, столь обширная, деятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства с домами многих знаменитейших государей христианских — императоров, королей, принцев Германии — делали наше отечество известным в отдаленных пределах востока, юга и запада.

К дошедшим до нас чужестранным известиям о тогдашней России принадлежит сказание испанского еврея Вениамина, сына Ионы[84], о многих азиатских и европейских землях, им виденных. В 1173 году выехав из Сарагоссы, он долго путешествовал и записывал свои примечания, иногда с довольною подробностию; но, упомянув о России, говорит только, что она весьма пространна; что в ней много лесов и гор; что жители от чрезмерного холода зимою не выходят из домов, ловят соболей и торгуют людьми.

Таким образом, предложив читателю известия и некоторые мысли, служащие к объяснению наших древностей, обратимся к описанию важных происшествий.

Глава VIII
Великий князь Георгий Всеволодович. Годы 1224–1238

⟨…⟩

После несчастной Калкской битвы россияне лет шесть не слыхали о татарах, думая, что сей страшный народ, подобно древним обрам, как бы исчез в свете. Чингисхан, совершенно покорив Тангут[85], возвратился в отчизну и скончал жизнь — славную для истории, ужасную и ненавистную для человечества — в 1227 году, объявив наследником своим Октая, или Угадая[86], старшего сына. И предписав ему давать мир одним побежденным народам: важное правило, коему следовали римляне, желая повелевать вселенною! Довершив завоевание северных областей китайских и разрушив империю ниучей[87], Октай жил в глубине Татарии в великолепном дворце, украшенном китайскими художниками; но, пылая славолюбием и ревностию исполнить волю отца — коего прах, недалеко от сего места, лежал под сению высочайшего дерева, — новый хан дал 300 000 воинов Батыю[88], своему племяннику, и велел

ему покорить северные берега моря Каспийского с дальнейшими странами. Сие предприятие решило судьбу нашего отечества.

Уже в 1229 году какие-то *саксины* — вероятно, единоплеменные с киргизами[89], — половцы и стража болгарская, от берегов Яика гонимые татарами, или моголами, прибежали в Болгарию с известием о нашествии сих грозных завоевателей. Еще Батый медлил; наконец чрез три года пришел зимовать в окрестностях Волги, недалеко от великого города[90]; в 1237 году, осенью, обратил в пепел сию болгарскую столицу и велел умертвить жителей. Россияне едва имели время узнать о том, когда моголы, сквозь густые леса, вступили в южную часть Рязанской области, послав к нашим князьям какую-то жену-чародейку и двух чиновников. Владетели рязанские — Юрий, брат Ингворов, Олег и Роман Ингворовичи, также пронский и муромский[91], — сами встретили их на берегу Воронежа и хотели знать намерение Батыево. Татары уже искали в России не друзей, как прежде, но данников и рабов. «Если желаете мира, — говорили послы, — то десятая часть всего вашего достояния да будет наша». Князья ответствовали великодушно: «Когда из нас никого в живых не останется, тогда все возьмете» — и

велели послам удалиться. Они с таким же требованием поехали к Георгию в Владимир; а князья рязанские, дав ему знать, что пришло время крепко стать за отечество и веру, просили от него помощи. Но великий князь, надменный своим могуществом, хотел один управиться с татарами и, с благородною гордостию отвергнув их требование, предал им Рязань в жертву. Провидение, готовое наказать людей, ослепляет их разум.

Некоторые летописцы новейшие[92] рассказывают следующие обстоятельства. «Юрий Рязанский, оставленный великим князем, послал сына своего Феодора с дарами к Батыю, который, узнав о красоте жены Феодоровой, Евпраксии, хотел видеть ее; но сей юный князь ответствовал ему, что христиане не показывают жен злочестивым язычникам. Батый велел умертвить его; а несчастная Евпраксия, сведав о погибели любимого супруга, вместе с младенцем своим Иоанном бросилась из высокого терема на землю и лишилась жизни. С того времени сие место, в память ее, называлось заразом или убоем. Отец Феодоров, Юрий, имея войско малочисленное, отважился на битву в поле, где легли все витязи рязанские вместе с князьями пронским, коломенским, муромским. Только одного князя, Олега

Ингворовича *Красного,* привели живого к Батыю, который, будучи удивлен его красотою, предлагал ему свою дружбу и веру; Олег с презрением отвергнул ту и другую; исходил кровию от многих ран и не боялся угроз, ибо не страшился смерти». В летописях современных нет о том ни слова: последуем их достовернейшим известиям.

Батый двинул ужасную рать свою к столице Юриевой, где сей князь затворился. Татары на пути разорили до основания Пронск, Белгород, Ижеславец[93], убивая всех людей без милосердия, и, приступив к Рязани, оградили ее тыном, или острогом, чтобы тем удобнее биться с осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы переменялись, а граждане, не выпуская оружия из рук, едва могли стоять на стенах от усталости. В шестой день, декабря 21-го [1237 г.], поутру, изготовив лестницы, татары начали действовать стенобитными орудиями и зажгли крепость; сквозь дым и пламя вломились в улицы, истребляя все огнем и мечом. Князь, супруга, мать его, бояре, народ были жертвою их свирепости. Веселяся отчаянием и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников или, связав им руки, стреляли в них как в цель для забавы; оскверняли святыню храмов насилием юных

монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии издыхающих супругов и матерей; жгли иереев или кровию их обагряли олтари. Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец исчез вопль отчаяния, ибо уже некому было стенать и плакать. На сем ужасном феатре опустошения и смерти ликовали победители, снося со всех сторон богатую добычу. «Один из князей рязанских, Ингорь, по сказанию новейших летописцев, находился тогда в Чернигове с боярином Евпатием Коловратом. Сей боярин, сведав о нашествии иноплеменников, спешил в свою отчизну; но Батый уже выступил из ее пределов. Пылая ревностию отмстить врагам, Евпатий с 1700 воинов устремился вслед за ними, настиг и быстрым ударом смял их полки задние. Изумленные татары думали, что мертвецы рязанские восстали, и Батый спросил у пяти взятых его войском пленников, кто они? *Слуги князя рязанского, полку Евпатиева,* — ответствовали сии люди, — *нам велено с честию проводить тебя, как государя знаменитого и как россияне обыкновенно провождают от себя иноплеменников: стрелами и копьями.* Горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и

смелая дружина его имели только славу умереть за отечество; не многие отдалися в плен живые, и Батый, уважая столь редкое мужество, велел освободить их. Между тем Ингорь возвратился в область Рязанскую, которая представилась глазам его в виде страшной пустыни или неизмеримого кладбища: там, где цвели города и селения, остались единственно кучи пепла и трупов, терзаемых хищными зверями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойных витязей лежали рядом на мерзлом ковыле, занесенные снегом. Только изредка показывались люди, которые успели скрыться в лесах и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собрав иереев, с горестными священными песнями предал земле мертвых. Он едва мог найти тело князя Юрия и привез его в Рязань; а над гробами Феодора Юрьевича, нежной его супруги Евпраксии и сына поставил каменные кресты на берегу реки Осетра, где стоит ныне славная церковь Николая Заразского»[94].

Батый близ Коломны встретил сына Георгиева, Всеволода[95]. Сей юный князь соединился с Романом Ингоровичем, племянником Юрия Рязанского, и неустрашимо вступил в битву, весьма неравную. Знаменитый воевода его, Еремей Гле-

бович, князь Роман и большая часть из дружины погибли от мечей татарских; а Всеволод бежал к отцу в Владимир. Батый в то же время сжег Москву, пленил Владимира, второго сына Георгиева[96], умертвил тамошнего воеводу, Филиппа Няньку, и всех жителей. Великий князь содрогнулся: увидел, сколь опасны сии неприятели, и выехал из столицы, поручив ее защиту двум сыновьям, Всеволоду и Мстиславу[97]. Георгий удалился в область Ярославскую с тремя племянниками, детьми Константина[98], и с малою дружиною; расположился станом на берегах Сити, впадающей в Мологу; начал собирать войско и с нетерпением ждал прибытия своих братьев, особенно бодрого, умного Ярослава.

2 февраля [1238 г.] татары явились под стенами Владимира: народ с ужасом смотрел на их многочисленность и быстрые движения. Всеволод, Мстислав и воевода Петр Ослядюкович ободряли граждан. Чиновники Батыевы, с конным отрядом подъехав к Златым вратам, спрашивали, где великий князь, в столице или в отсутствии? Владимирцы вместо ответа пустили несколько стрел; неприятели также, но кричали нашим: *не стреляйте!* — и россияне с горестию увидели пред стеною юного Владимира Георгиевича,

плененного в Москве Батыем. «Узнаете ли вашего князя?» — говорили татары. Владимира действительно трудно было узнать: столь он переменился в несчастии, терзаемый бедствием России и собственным! Братья его и граждане не могли удержаться от слез; однако ж не хотели показывать слабости и слушать предложений врага надменного. Татары удалились, объехали весь город и поставили шатры свои против Златых врат, в виду. Пылая мужеством, Всеволод и Мстислав желали битвы. «Умрем, — говорили они дружине, — но умрем с честию и в поле». Опытный воевода Петр удержал их, надеясь, что Георгий, собрав войско, успеет спасти отечество и столицу.

Батый немедленно отрядил часть войска к Суздалю. Сей город не мог сопротивляться: взяв его, татары, по своему обыкновению, истребили жителей, но кроме молодых иноков, инокинь и церковников, взятых ими в плен. Февраля 6-го владимирцы увидели, что неприятель готовит для приступа орудия стенобитные и лестницы; а в следующую ночь огородили всю крепость тыном. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира, но, зная, что Батый милует только рабов или данников, и любя честь

более жизни, решились умереть великодушно. Открылось зрелище достопамятное, незабвенное: Всеволод, супруга его, вельможи и многие чиновники собрались в храме Богоматери и требовали, чтобы епископ Митрофан[99] облек их в схиму, или в великий образ ангельский. Священный обряд совершился в тишине торжественной: знаменитые россияне простились с миром, с жизнью, но, стоя на праге смерти, еще молили небо о спасении России, да не погибнет навеки ее любезное имя и слава! Февраля 7-го, в воскресенье мясопустное, скоро по заутрене, начался приступ: татары вломились в Новый город у Златых врат, Медных и Святыя Ирины, от речки Лыбеди; также от Клязьмы у врат Волжских. Всеволод и Мстислав с дружиною бежали в Старый, или так называемый Печерный, город; а супруга Георгиева, Агафия[100], дочь его, снохи, внучата, множество бояр и народа затворились в соборной церкви. Неприятель зажег оную; тогда епископ, сказав громогласно: «Господи! Простри невидимую руку свою и приими в мире души рабов твоих», благословил всех людей на смерть неизбежную. Одни задыхались от дыма, иные погибали в пламени или от мечей неприятеля, ибо татары отбили наконец двери и ворвались

в святый храм, слышав о великих его сокровищах. Серебро, золото, драгоценные каменья, все украшения икон и книг, вместе с древними одеждами княжескими, хранимыми в сей и в других церквах, сделались добычею иноплеменников, которые, плавая в крови жителей, не многих брали в плен; и сии немногие, будучи нагие влекомы в стан неприятельский, умирали от жестокого мороза. Князья Всеволод и Мстислав, не видя никакой возможности отразить неприятелей, хотели пробиться сквозь их толпы и положили свои головы вне города.

Завоевав Владимир, татары разделились: одни пошли к Волжскому Городцу и костромскому Галичу, другие к Ростову и Ярославлю, уже нигде не встречая важного сопротивления. В феврале месяце они взяли, кроме слобод и погостов, четырнадцать городов великого княжения — Переславль, Юрьев, Дмитров, — то есть опустошили их, убивая или пленяя жителей. Еще Георгий стоял на Сити: узнав о гибели своего народа и семейства, супруги и детей, он проливал горькие слезы и, будучи усердным христианином, молил Бога даровать ему терпение Иова. Чрезвычайные бедствия возвеличивают душу благородную: Георгий изъявил достохвальную твердость в

несчастии; забыл свою печаль, когда надлежало действовать; поручил воеводство дружины боярину Ярославу Михалковичу и готовился к решительной битве. Передовой отряд его, составленный из 3000 воинов под начальством Дорожа, возвратился с известием, что полки Батыевы уже обходят их. Георгий, брат его Святослав и племянники сели на коней, устроили войско и встретили неприятеля. Россияне бились мужественно и долго [4 марта]; наконец обратили тыл. Георгий пал на берегу Сити. Князь Василько остался пленником в руках победителя.

Сей достойный сын Константинов гнушался постыдною жизнию невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбию и голодом, он не хотел принять пищи от руки врагов. «Будь нашим другом и воюй под знаменами великого Батыя!» — говорили ему татары. «Лютые кровопийцы, враги моего отечества и Христа не могут быть мне друзьями, — ответствовал Василько. — О темное царство! Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера твоих злодеяний». Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами от ярости: великодушный князь молил Бога о спасении России, Церкви Православной и двух юных сыновей его, Бориса и Глеба[101]. Татары

умертвили Василька и бросили в Шеренском лесу. Между тем ростовский епископ Кирилл[102], возвращаясь из Белаозера и желая видеть место несчастной для россиян битвы на берегах Сити, в куче мертвых тел искал Георгиева. Он узнал его по княжескому одеянию; но туловище лежало без головы. Кирилл взял с благоговением сии печальные остатки знаменитого князя и положил в ростовском храме Богоматери[103]. Туда же привезли и тело Василька, найденное в лесу сыном одного сельского священника: вдовствующая княгиня, дочь Михаила Черниговского[104], епископ и народ встретили оное со слезами. Сей князь был искренно любим гражданами. Летописцы хвалят его красоту цветущую, взор светлый и величественный, отважность на звериной ловле, благодетельность, ум, знания, добродушие и кротость в обхождении с боярами. «Кто служил ему, — говорят они, — кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот уже не мог быть слугою иного князя». Тело Василька заключили в одной раке с Георгиевым, вложив в нее отысканную после голову великого князя.

Многочисленные толпы Батыевы стремились к Новугороду и, взяв Волок Ламский, Тверь (где погиб сын Ярославов), осадили Торжок. Жители

две недели оборонялись мужественно, в надежде, что новгородцы усердною помощию спасут их. Но в сие несчастное время всякий думал только о себе; ужас, недоумение царствовали в России; народ, бояре говорили, что отечество гибнет, и не употребляли никаких общих способов для его спасения. Татары взяли наконец Торжок [5 марта] и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Войско Батыя шло далее путем Селигерским; села исчезали; головы жителей, по словам летописцев, падали на землю как трава скошенная. Уже Батый находился в 100 верстах от Новагорода, где плоды цветущей, долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу; но вдруг — испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края, — к радостному изумлению тамошних жителей, обратился назад к Козельску (в губернии Калужской). Сей город, весьма незнаменитый, имел тогда особенного князя еще в детском возрасте, именем Василия[105], от племени князей черниговских. Дружина его и народ советовались между собою, что делать. «Наш князь младенец, — говорили они, — но мы, как верные россияне, должны за него умереть, чтобы в мире оставить по себе добрую славу, а за гробом принять венец бессмертия». Сказали и

сделали. Татары семь недель стояли под крепостию и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стены и взошли на вал; граждане резались с ними ножами и в единодушном порыве геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многие стенобитные орудия татарские и, положив 4000 неприятелей, сами легли на их трупах. Хан велел умертвить в городе всех людей безоружных, жен, младенцев и назвал Козельск *злым* городом: имя славное в таком смысле! Юный князь Василий пропал без вести: говорили, что он *утонул в крови*.

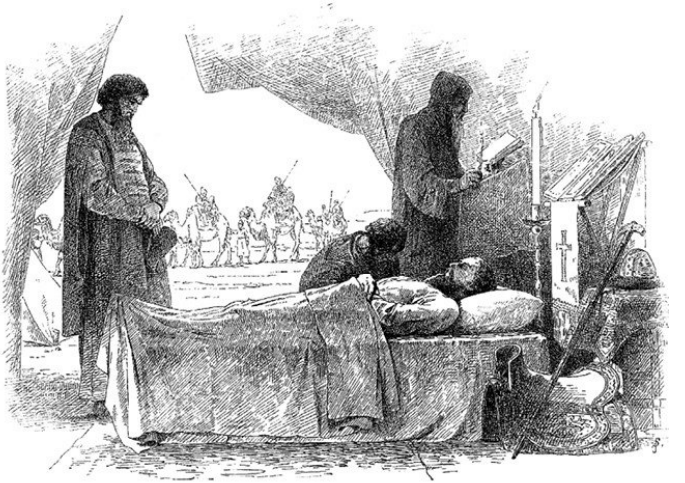
Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, отошел на время в землю Половецкую, к Дону, и брат Георгиев, Ярослав, — в надежде, что буря миновалась, — спешил из Киева в Владимир[106] принять достоинство великого князя.

Том 4

Глава I
Великий князь Ярослав II Всеволодович. Годы 1238–1247

Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей князь хотел славиться деятельностию ума и твердостию души, а не мягкосердечием. Он смотрел на повсеместное опустошение не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорейшими средствами загладить следы оного. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла — одним словом, совершенно обновить государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквах и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел; Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство, великий князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну[1].

Народ, по счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку, благодарил небо за спасение еще многих князей своих; не знал, что Россия уже лишилась главного сокровища государственного: независимости, — и слезами искреннего умиления оросил гроб Георгиев, перевезенный из Ростова в Владимир. [1239 г.] Георгий в безрассудной надменности допустил татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты государства; но он имел добродетели своего времени: любил украшать церкви, питал бедных, дарил монахов — и граждане благословили его память.



Великий князь Ярослав Всеволодович

Ко славе государя, попечительного о благе народном, великий князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области[2]: Ярослав, разбив их, пленил князя литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившего прежде в Новегороде.

Между тем князья южной России, не имев

участия в бедствиях северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оставив в Галиче сына, Ростислава[3], который, нарушив мир, овладел Данииловым Перемышлем. Чрез несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми боярами на Литву; нечаянно обступил Галич; подъехал к стенам и, видя на них множество стоящего народа, сказал: «Граждане! Доколе вам терпеть державу князей иноплеменных? Не я ли ваш государь законный, некогда вами любимый?» Все ответствовали единодушным восклицанием: «Ты, ты наш отец, Богом данный! Иди: мы твои!» Воевода Ростислава и галицкий епископ Артемий[4] хотели удержать народ, но не могли и должны были встретить Даниила, скрывая внутреннюю досаду под личиною притворного веселия. Никогда в сем городе, славном мятежами, изменами, злодействами, не являлось зрелища столь умилительного: граждане, по выражению летописца, *стремились* к Даниилу, *как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному,* поздравляя друг друга с князем любимым. Даниил принес

благодарность Всевышнему в соборной церкви Богоматери, поставил свою хоругвь на немецких воротах и, восхищенный знаками народного усердия, говорил, что никто уже не отнимет у него Галича. Сведав о происшедшем, Ростислав бежал в Венгрию, будучи женихом королевы, Белиной дочери; а бояре галицкие упали к ногам Данииловым. Редкое милосердие сего князя не истощилось их злодеяниями; он сказал только «исправьтесь!» и надеялся великодушием обезоружить мятежников. В самом деле они усмирились; но тишина, восстановленная Даниилом в сих утомленных междоусобиями странах, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею половцев. Знаменитейший из их ханов, Котян[5], тесть храброго Мстислава Галицкого, был еще жив и мужественно противился татарам; наконец, разбитый в степях астраханских, искал убежища в Венгрии, где король, приняв его в подданство с 40 000 единоплеменников, дал им земли для селения. Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России[6]; завоевали Мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший владимирскому храму

Богоматери. Тогда жители великого княжения снова обеспамятели от ужаса: оставляя домы свои, бегали из места в место и не знали, где найти безопасность. Но Батый шел громить южные пределы нашего отечества. Взяв Переяславль[7], татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила[8], великолепно украшенная серебром и золотом, заслужила их особенное внимание: они сровняли ее с землею, убив епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Чернигов[9], славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Сии добрые россияне не изменили своей прежней славе и дали отпор сильный. Князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаилов, предводительствовал ими. Бились отчаянно в поле и на стенах. Граждане с высокого вала разили неприятелей огромными камнями. Одержав наконец победу, долго сомнительную, татары сожгли Чернигов; но хотели отдыха и, через Глухов отступив к Дону, дали свободу плененному ими епископу Порфирию. Сим знаком отличного милосердия они хотели, кажется, обезоружить наше духовенство, ревностно возбуждавшее народ к сопротивлению. Князь Мстислав Глебович спас жизнь свою и бежал в Венгрию.

[1240 г.] Уже Батый давно слышал о нашей древней столице днепровской, ее церковных сокровищах и богатстве людей торговых. Она славилась не только в Византийской империи и в Германии, но и в самых отдаленных странах восточных, ибо арабские историки и географы говорят об ней в своих творениях. Внук Чингис-хана, именем Мангу[10], был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны Днепра и, по словам летописца, не мог надивиться красоте оного. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки, блестящие главы многих храмов в густой зелени садов, высокая белая стена с ее гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством византийским в счастливые дни великого Ярослава, действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр: стал на Трубеже, у городка Песочного (ныне селение Песков), и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству. Битва на Калке, на Сити, пепел Рязани, Владимира, Чернигова и столь многих иных городов свидетельствовали грозную силу моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным; но честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливого рассудка. Киевляне все

еще с гордостию именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю и требовать цепей, когда другие россияне, гнушаясь уничижением, охотно гибли в битвах? Киевляне умертвили послов Мангухана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть татар, бежал в Венгрию вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич[11], хотел овладеть престолом Киевским; но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к королю венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице вождя искусного и мужественного: князь не ошибся в выборе, поручив оную боярину Димитрию.

Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрып бесчисленных телег, рев вельблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по

сказанию летописца, едва дозволяли жителям слышать друг друга в разговорах. Димитрий бодрствовал и распоряжал хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми воеводами могольскими; что знатнейшие из них суть[12] Гаюк (сын великого хана), Мангу, Байдар (внуки Чингисхановы), Орду, Кадан, Судай-Багадур, победитель ниучей китайских, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгарии и княжения Суздальского. Сей пленник сказывал о Батыевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха. Осада началася[13] приступом к вратам Лятским, к коим примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: «стрелы омрачили воздух; копья трещали и ломались»; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе, но татары ввечеру овладели стеною. Еще воины российские не теряли бодрости, отступили к церкви Десятинной и, ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля; а безоружные граждане с драгоценнейшим своим имением заключились в самой церкви.

Такая защита слабая уже не могла спасти города; однако ж не было слова о переговорах, никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии; великодушная смерть казалась и воинам, и гражданам необходимостию, предписанною для них отечеством и верою. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением моголы отдыхали на развалинах стены, утром возобновили оное и сломили бренную ограду россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб св. Владимира и что сия ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал воеводе российскому: «Дарую тебе жизнь!» Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения, истреблением людей и всех плодов долговременного гражданского образования. Древний Киев исчез, и навеки, ибо

сия некогда знаменитая столица, *мать градов российских,* в XIV и в XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия. Напрасно любопытный путешественник ищет там памятников, священных для россиян: где гроб Ольгин? где кости св. Владимира? Батый не пощадил и самых могил: варвары давили ногами черепы наших древних князей. Остался только надгробный памятник Ярославов, как бы в знак того, что слава мудрых гражданских законодателей есть самая долговечная и вернейшая… Первое великолепное здание греческого зодчества в России — храм Десятинный был сокрушен до основания: после, из развалин оного, воздвигли новый, и на стенах его видим отрывок надписи древнего. Лавра Печерская имела ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные к святыне сего места, не хотели впустить неприятелей в ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили все сокровища и, сняв *златокованый* крест с главы храма, разломали церковь до самых окон, вместе с кельями и стенами монастырскими. Если верить летописцам XVII века, то первобытное строение лавры красотою и величием превосходило новейшее. Они же повествуют,

что некоторые иноки печерские укрылись от меча Батыева и жили в лесах; что среди развалин монастыря уцелел один малый придел, куда сии пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извещаемые о том унылым и протяжным звоном колокола.

Батый — узнав, что князья южной России находятся в Венгрии, — пошел в область Галицкую и Владимирскую; осадил город Ладыжин и, не умев двенадцатью орудиями разбить крепких стен его, обещал помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему поверили, и ни один из них не остался жив, ибо татары не знали правил чести и всегда, обманывая неприятелей, смеялись над их легковерием. Завоевав Каменец, где господствовал друг Михаилов, Изяслав Владимирович, внук Игорев[14], татары отступили с неудачею от Кременца, Даниилова города, но взяли Владимир, Галич и множество иных городов. Великодушный воевода киевский, Димитрий, находился с Батыем и, сокрушаясь о бедствиях России, представлял ему, что время оставить сию землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела[15] есть неприятель опасный и готовит рать многочисленную; что надобно предупредить его, или он

всеми силами ударит на моголов. Батый, уважив совет Димитриев, вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии: таким образом сей достойный воевода российский и в самом плене своем умел оказать последнюю, важную услугу несчастным согражданам. Благоденствие и драгоценная народная независимость погибли для них на долгое время; по крайней мере, они могли возвратиться из лесов на пепелище истребленных жительств, могли предать земле кости милых ближних и в храмах, немедленно возобновленных их общим усердием, молиться Всевышнему с умилением. Вера торжествует в бедствиях и смягчает оные.

Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана. Летописцы наши, сетуя над развалинами отечества о гибели городов и большой части народа, прибавляют: «Батый, как лютый зверь, пожирал целые области, терзая когтями остатки. Храбрейшие князья российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали заступников между иноверными и не находили; славились

прежде богатством и всего лишились. Матери плакали о детях, пред их глазами растоптанных конями татарскими, а девы о своей невинности: сколь многие из них, желая спасти оную, бросались на острый нож или в глубокие реки! Жены боярские, не знавшие трудов, всегда украшенные златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженные толпою слуг, сделались рабами варваров, носили воду для их жен, мололи жерновом и белые руки свои опаляли над очагом, готовя пищу неверным… Живые завидовали спокойствию мертвых». Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империею от времен Феодосия Великого до VII века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве моголов в ратном деле: древние россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками, или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины князей и города не хотели соединиться,

действовали особенно и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева[16], ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побежденных. Еще Европа не ведала искусства огнестрельного, и неравенство в числе воинов было тем решительнее. Батый предводительствовал целым вооруженным народом: в России жители сельские совсем не участвовали в войне, ибо плодами их мирного трудолюбия питалось государство и казна обогащалась. Земледельцы, не имея оружия, гибли от мечей татарских, как беззащитные жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать в битвах одной славы и смерти, а не победы. Впрочем, моголы славились и храбростию, вселенною в них умом Чингисхана и сорокалетними победами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волах свои кибитки и семейства, жен, детей и везде находили отечество, где могло пастися их стадо. В свободное от человекоубийств время занимались звериною ловлею: видя же неприятеля, бесчисленные толпы сих варваров как волны стремились одна за другою, чтобы со всех сторон окружить его, и пускали тучу стрел, но удалялись от ручной схватки, жалея своих

людей и стараясь убивать врагов издали. Ханы и главные начальники не вступали в бой: стоя назади, разными маяками давали повеления и не стыдились иногда общего бегства; но смертию наказывали того, кто бежал один и ранее других. Стрелы моголов были весьма остры и велики, сабли длинные, копья с крюками, щиты ивовые или сплетенные из прутьев.

В то время как сии губители свирепствовали в южной России, ее князья находились в Польше. Король венгерский, видя Михаила изгнанником, не хотел выдать дочери за его сына и велел им удалиться. Даниил, готовый тогда ехать к Беле IV, имел случай оказать свое великодушие: убедил великого князя Ярослава освободить жену Михаилову, еще до нашествия Батыева плененную им в Каменце[17]; возвратил ее супругу и, забыв вражду, обещал навсегда уступить ему Киев, если благость Всевышнего избавит Россию от иноплеменников; а Ростиславу отдал Луцк. Чтобы в общей опасности действовать согласнее с Белою, Даниил, прибыв в Венгрию, изъявил намерение вступить с ним в свойство и сына своего, юного Льва, женить на дочери королевской[18]; но спесивый Бела отвергнул сие предложение, думая, что Батый не дерзнет идти за Карпатские

горы и что несчастие российских княжений есть счастие для Венгрии: мысль ума слабого, внушаемая обыкновенно взаимною завистию держав соседственных! Предсказав королю гибельное следствие такой системы, Даниил спешил защитить свое княжение, но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых. Уже татары стояли на границе. Даниил, окруженный малочисленною дружиною, искал убежища в земле Конрадовой[19]; там нашел он супругу, детей и брата, которые едва могли спастися от меча варваров; вместе с ними оплакал бедствие отечества и, слыша о приближении моголов, удалился в Мазовию, где Болеслав, сын Конрадов[20], дал ему на время Вышегород[21] и где Даниил с Васильком оставались до самого того времени, как Батый вышел из юго-западной России. Получив сию утешительную весть, они возвратились в отечество; не могли от смрада въехать ни в Брест, ни в Владимир, наполненный трупами, и решились жить в Холме[22], основанном Даниилом близ древнего Червена и, к счастию, уцелевшем от могольского разорения. Сей городок, населенный отчасти немцами, ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалин всей окрестной страны

казался тогда очаровательным, имея веселые сады, насажденные рукою его основателя, новые здания и церкви, им украшенные (в особенности церковь Св. Иоанна[23], поставленную на четырех искусно изваянных головах человеческих, с медным помостом и с *римскими* стеклами в окнах). Как бы следуя указанию неба, столь чудесно защитившего сие приятное место, Даниил назвал Холм своим любимым городом и, подобно Ярославу, суздальскому великому князю, неутомимо старался воскресить жизнь и деятельность в областях юго-западной России. Ему надлежало не только вызвать людей из лесов и пещер, где они скрывались, но и сражаться с буйностию легкомысленных бояр, которые думали, что внук Чингисханов опустошил наше государство для их пользы и что им настало время царствовать. Воевода дрогичинский[24] не впустил князя в сей город, а бояре галицкие хотя и называли Даниила своим государем, однако ж самовольно повелевали областями, явно над ним смеялись, присвоили себе доходы от соли коломенской[25], употребляемые обыкновенно на жалованье так называемым княжеским *оружникам*, и тайно сносились с Михаиловым сыном, Ростиславом. Долго бегав от татар из земли в землю, Михаил, ограбленный

немцами близ Сирадии[26], возвратился в Киев и жил на острове против развалин сей древней столицы, послав сына в Чернигов. Он уже не помнил благодеяний шурина и старался ему злодействовать. Ростислав хотел овладеть Бакотою в Понизье[27]; был отражен Данииловым печатником, но занял Галич и Перемышль. Столь мало князья российские научились благоразумию в несчастиях, с бессмысленным властолюбием споря между собою о бедных остатках государства растерзанного! Несмотря на измены бояр и двух епископов, галицкого и перемышльского, друзей Михаилова сына; несмотря на изнурение своего княжества и малочисленность войска, большею частию истребленного татарами, Даниил смирил мятежников и неприятелей; изгнал Ростислава из Галича и пленил его союзников, князей болоховских, прежде облаготворенных им и Васильком[28]. Достойно замечания, что сии князья умели спасти их землю от хищности Батыевой, обязавшись сеять для татар пшеницу и просо. В то же время оскорбленный поляками Даниил осаждал и взял бы Люблин[29], если бы жители не испросили у него мира. Восстановив свою державу, он ждал с беспокойством, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще некоторые

отряды моголов не выходили из России, довершая завоевание восточных уделов Черниговских, и князь Мстислав, потомок Святослава Ольговича Северского, был умерщвлен татарами[30].

Один Новгород остался цел и невредим, благословляя милость небесную и счастие своего юного князя, Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона. Народ смотрел на него с любовию и почтением; приятный голос сего князя *гремел как труба* на вечах. Во дни общих бедствий России возникла слава Александрова. Достигнув лет юноши, он женился на дочери полоцкого князя Брячислава и, празднуя свадьбу, готовился к делам ратным; велел укрепить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область от внезапных нападений чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что мир в сии времена общих разбоев не мог быть продолжителен.

Ливонские рыцари, финны и шведы были неприятелями Новагорода. Первые сделались тогда гораздо сильнее и для россиян опаснее: ибо, лишася магистра своего, Вольквина, и лучших сподвижников в несчастной битве с литвою[31], присоединились к славному немецкому ордену

Св. Марии. Скажем несколько слов о сем достопамятном братстве. Когда государи европейские, подвигнутые и славолюбием, и благочестием, вели кровопролитные войны в Палестине и в Египте; когда усердие видеть святые места ежегодно влекло толпы людей из Европы в Иерусалим, многие немецкие витязи, находясь в сем городе, составили между собою братское общество, с намерением покровительствовать там своих единоземцев, бедных и недужных, служить им деньгами и мечом, наконец, быть защитниками всех богомольцев и неутомимыми врагами сарацинов. Сие общество, в 1191 году утвержденное папскою буллою, назвалося орденом Св. Марии Иерусалимской, и рыцари его ознаменовали белые свои мантии черным крестом, дав торжественный обет целомудрия и повиновения начальникам. Великий магистр говорил всякому новому сочлену: «Если вступаешь к нам в общество с надеждою вести жизнь покойную и приятную, то удалися, несчастный! Ибо мы требуем, чтобы ты отрекся от всех мирских удовольствий, от родственников, друзей и собственной воли. Что ж в замену обещаем тебе? Хлеб, воду и смиренную одежду. Но когда придут для нас времена лучшие, тогда орден сделает

тебя участником всех своих выгод». Сии лучшие времена настали: орден Св. Марии, переселясь в Европу, был уже столь знаменит, что великий магистр его, Герман Зальца[32], мог судить Папу Гонория III с императором Фридериком II; завоевал Пруссию — ревностно обращая ее жителей в христианство, то есть огнем и мечом, — принял ливонских рыцарей под свою защиту, дал им магистра, одежду, правила ордена немецкого и, наконец, слово, что ни литовцы, ни датчане, ни россияне уже не будут для них опасны.

В сие время был магистром ливонским некто Андрей Вельвен[33], муж опытный и добрый сподвижник Германа Зальцы. Желая, может быть, прекратить взаимные неудовольствия ливонских рыцарей и новгородцев, он имел свидание с юным Александром: удивился его красоте, разуму, благородству и, возвратясь в Ригу, говорил, по словам нашего летописца: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новогородского с изумлением». Сей юный князь скоро имел случай важным подвигом возвеличить свою добрую славу.

Король шведский[34], досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера[35], на ладиях в Неву, к устью

Ижоры, с великим числом шведов, норвежцев, финнов. Сей вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать Ладогу, самый Новгород и велел надменно сказать Александру: «Ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей». Александр не изъявил ни страха, ни гордости послам шведским, но спешил собрать войско; молился с усердием в Софийской церкви, принял благословение архиепископа Спиридона[36], отер на праге слезы умиления сердечного и, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» Он не имел времени ждать помощи от Ярослава, отца своего; самые новогородские воины не успели все собраться под знамена; Александр выступил в поле и 15 июля [1240 г.] приближился к берегам Невы, где стояли шведы. Там встретил его знатный ижорянин Пелгуй, начальник приморской стражи, с известием о силе и движениях неприятеля. Здесь современный летописец рассказывает чудо. Ижоряне, подданные новгородцев, большею частию жили еще в идолопоклонстве; но Пелгуй был христианин, и весьма усердный. Ожидая Александра, он провел ночь на берегу Финского залива во бдении и молитве. Мрак ис-

чез, и солнце озарило необозримую поверхность тихого моря; вдруг раздался шум: Пелгуй содрогнулся и видит на море легкую ладию, гребцов, *одеянных мглою,* и двух лучезарных витязей в ризах червленых. Сии витязи совершенно походили на святых мучеников Бориса и Глеба, как они изображались на иконах, и Пелгуй слышал голос старшего из них: «Поможем родственнику нашему Александру!» По крайней мере так он сказывал князю о своем видении и предзнаменовании столь счастливом; но Александр запретил ему говорить о том и как молния устремился на шведов. Внезапность, быстрота удара привела их в замешательство. Князь и дружина оказали редкое мужество. Александр собственным копием *возложил печать на лице* Биргера[37]. Витязь российский Гавриил Олексич гнал принца, его сына, до самой ладии; упал с конем в воду, вышел невредим и бодро сразился с воеводою шведским. Новогородец Сбыслав Якунович с одним топором вломился в середину неприятелей; другой, именем Миша, с отрядом пехоты истребил шнеки их, или суда. Княжеский ловчий Яков Полочанин, предводительствуя горстию смелых, ударил на целый полк и заслужил отменное благоволение Александра, который везде был сам и все видел.

Ратмир, верный слуга князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый, к общему сожалению наших. Еще стоял златоверхий шатер Биргеров; отрок Александров, Савва, подсек его столп; шатер упал, и россияне возгласили победу. Темная ночь спасла остатки шведов. Они не хотели ждать утра: нагрузили две шнеки телами чиновников[38], зарыли прочих в яму и спешили удалиться. Главный воевода их, Спиридон, и епископ, по рассказам пленников, находились в числе убитых. Урон с нашей стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадовав тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозвание *Невского*. Обстоятельства ее тем для нас любопытнее, что летописец, служа сему князю, слышал их от него самого и других очевидцев.

Рыцари ливонские не помогали шведам, однако ж старались вредить Новугороду. Ярослав, сын Владимира Псковского[39], в 1233 году сосланный в область Суздальскую, получил свободу, жил тогда у немцев в Эстонии и питал их ненависть к россиянам. Во Пскове были также некоторые изменники — чиновник Твердило и другие, — склонявшие рыцарей овладеть сим городом. Обнадеженные ими в верном успехе,

немцы собрали войско в Оденпе, Дерпте, Феллине[40] и с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск. Псковитяне сразились с ними; но, претерпев великий урон и желая спасти город, зажженный неприятелем, должны были согласиться на мир постыдный. Рыцари хотели аманатов: знатнейшие люди представили им своих детей, и гнусный изменник Твердило начал господствовать во Пскове, деляся властию с немцами, грабя села новогородские. Многие добрые псковитяне ушли с семействами к Александру и требовали его защиты. К несчастию, сей князь имел тогда распрю с новгородцами; досадуя на их неблагодарность, он уехал к отцу в Переславль-Залесский, с материю, супругою и всем двором.

Между тем немцы вступили в область Новогородскую, обложили данию вожан и построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье, чтобы утвердить свое господство в нынешнем Ораниенбаумском уезде[41]; взяли на границах Эстонии российский городок Тесов[42] и грабили наших купцов верст за 30 до Новагорода, где чиновники дремали или тратили время в личных ссорах. Народ, видя беду, требовал себе защитника от Ярослава Всеволодовича и признал второго сына его, Андрея[43], своим князем; но зло

не миновалось. Литва, немцы, чудь опустошали берега Луги, уводили скот, лошадей, и земледельцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибегнуть к герою Невскому: архиепископ со многими боярами отправился к Александру; убеждал, молил князя и склонил его забыть вину Новагорода.

[1241 г.] Александр прибыл, и все переменилось. Немедленно собралось войско: новгородцы, ладожане, корела, ижорцы весело шли под его знаменами к Финскому заливу; взяли Копорье и пленили многих немцев. Александр освободил некоторых; но вожане и чудские изменники, служившие неприятелю, в страх другим были повешены.

[1242 г.] Знаменитая отчизна святой Ольги также скоро избавилась от власти предателя Твердила и чужеземцев. Александр завоевал Псков, возвратил ему независимость и прислал в Новгород скованных немцев и чудь. Летописец ливонский сказывает, что 70 мужественных рыцарей положили там свои головы[44] и что князь новогородский, пленив 6 чиновников, велел умертвить их. Победитель вошел в Ливонию, и, когда воины наши рассеялись для собрания съестных припасов, неприятель разбил мало-

численный передовой отряд новогородский. Тут Александр оказал искусство благоразумного военачальника: зная силу немцев, отступил назад, искал выгодного места и стал на Чудском озере [5 апреля 1242 г.]. Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце, и войско могло безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истреблял немцев и гнал чудь до самого темного вечера. 400 рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен[45], и в том числе один, который в надменности своей хотел пленить самого Александра; тела чуди лежали на семи верстах. Изумленный сим бедствием, магистр ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и спешил отправить посольство в Данию, моля короля[46] спасти Рижскую Богоматерь от *неверных,* жестоких россиян; но храбрый князь, довольный ужасом немцев, вложил меч в ножны и возвратился в город Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей рыцарской одежде за нашими всадниками. Духовенство встретило героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его

отцом и спасителем. Счастливый делом своим и радостию общею, сей добрый князь пролил слезы и с чувствительностию сказал гражданам: «О псковитяне! Если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии, то вы будете примером неблагодарности!» Новгородцы радовались не менее псковитян, и скоро послы ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили псковских аманатов, отказавшись не только от Луги и Водской области, но уступив Александру и знатную часть Летгаллии[47].

[1243–1245 гг.] В сие время литовцы разбили Ярослава *Владимировича,* который, оставив немцев, с изволения Александрова начальствовал в Торжке. Соединясь с тверскою дружиною, Ярослав гнался за хищниками до Торопца, где они считали себя уже в безопасности, овладев крепостию; но герой Невский приспел, взял город, истребил их всех, одних на стенах, других в бегстве, и в том числе 8 князьков литовских. Совершив подвиг, Александр отпустил войско, ехал с малочисленною дружиною и вдруг увидел себя окруженного новыми толпами неприятелей: ударил неустрашимо, рассеял оные, благополучно возвратился в Новегород. Одним словом,

Александр в несколько дней семь раз победил литовцев[48]; воины его, ругаясь над ними, привязывали пленников к хвостам конским.

Сии частные успехи не могли переменить общей судьбы россиян, уже данников татарских. Батый, завоевав многие области Польские, Венгрию, Кроацию, Сервию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию и приведши в ужас Европу, вдруг, к общему удивлению, остановил бурное стремление моголов и возвратился к берегам Волги. Там, именуясь ханом, утвердил он свое владычество над Россиею, землею Половецкою, Тавридою, странами кавказскими и всеми от устья Дона до реки Дуная. Никто не дерзал ему противиться: народы, государи старались смягчить его смиренными посольствами и дарами. Батый звал к себе великого князя. Ослушание казалось Ярославу неблагоразумием в тогдашних обстоятельствах России, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов; презирая собственную личную опасность, великий князь отправился со многими боярами в стан Батыев, а сына своего, юного Константина[49], послал в Татарию к великому хану Октаю, который в сие время, празднуя блестящие завоевания моголов в Китае и в Европе, угощал всех старейшин народа. Никогда,

по сказанию историка татарского, мир не видал праздника столь роскошного, ибо число гостей было несметно. Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех князей российских[50], отдав ему Киев (откуда Михаил уехал в Чернигов). Так государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для удельных князей суздальских: Владимир Константинович, юный Борис Василькович, Василий Всеволодович[51] (внук Константинов) также *били челом* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих.

⟨…⟩

Глава II
Великие князья Святослав Всеволодович, Андрей Ярославич и Александр Невский (один после другого). Годы 1247–1263

Узнав о кончине отца, Александр спешил в Владимир, чтобы оплакать оную вместе с родными и взять нужные меры для государственного порядка. Следуя обыкновению, дядя Невского, Святослав, наследовал престол великокняжеский, утвердив сыновей Ярославовых на их частных княжениях.



Великие князья Святослав Всеволодович и Андрей Ярославич

Доселе Александр не преклонял выи в Орде, и россияне еще с гордостию именовали его своим независимым князем, даже стращали им моголов. Батый слышал о знаменитых его достоинствах и велел сказать ему: «Князь новогородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов? Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моем, да познаешь славу и

величие моголов». Александр любил отечество более своей княжеской чести: не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и, презирая личную опасность не менее тщеславия, вслед за братом Андреем поехал в стан могольский, где Батый, приняв их с ласкою, объявил вельможам, что слава не увеличила достоинств Александровых и что сей князь действительно есть человек необыкновенный: такое сильное впечатление сделали в нем мужественный вид Невского и разумные слова его, одушевленные любовию к народу российскому и благородством сердца! Но Александр и брат его долженствовали, подобно Ярославу, ехать в Татарию к великому хану. Сии путешествия были ужасны: надлежало проститься с отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца; везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов кочующих. Может быть, в самой глубокой древности ходили там караваны купеческие: скифы и греки сражались с опасностию, нуждою и скукою, по крайней мере в надежде обогатиться золотом; но что ожида-

ло князей российских в Татарии? Уничижение и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснее для государей, рожденных с правом властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь в сих мертвых пустынях, воспоминали плачевный конец отца своего и думали, что они также, может быть, навеки простились с любезным отечеством.

[1248 г.] В отсутствие Александра меньший брат его, Михаил Московский, прозванием *Храбрый*[52], изгнал — как сказано в некоторых летописях — *дядю* их, Святослава, из Владимира, но в ту же зиму, воюя с Литвою, положил свою голову в битве. Тело его осталось на берегу Протвы[53]: епископ суздальский Кирилл, ревностный блюститель княжеской чести, велел привезти оное в Владимир и положил в стене храма соборного; а братья Михаиловы отмстили литовцам, разбив их близ Зубцова.

[1249–1250 гг.] Наконец Александр и брат его благополучно возвратились от великого хана, который столь был доволен ими, что поручил Невскому всю южную Россию и Киев, где господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сел на престоле Владимирском; а дядя их, Святослав, без успеха ездив жаловаться на то в Орду, чрез два

года скончался в Юрьеве Польском. Удельные князья владимирские зависели тогда в особенности от Сартака[54] и часто бывали в его стане — как то Борис Ростовский и Глеб Василькович Белозерский, — ибо дряхлый Батый[55], отец Сартаков, хотя жил еще несколько лет, но уже мало занимался делами покоренной России.

В сие время герой Невский, коего имя сделалось известно в Европе, обратил на себя внимание Рима и получил от Папы[56] Иннокентия IV письмо, врученное ему, как сказано в наших летописях, двумя хитрыми кардиналами, Гальдом и Гемонтом. Иннокентий уверял Александра, что Ярослав, отец его, находясь в Татарии у великого хана, с ведома или по совету какого-то боярина дал слово монаху Карпину[57] принять веру латинскую и, без сомнения, исполнил бы свое обещание, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный к истинному стаду Христову; что сын обязан следовать благому примеру отца, если хочет душевного спасения и мирского счастия; что в противном случае он доказал бы свою безрассудность, не слушаясь Бога и римского его наместника; что князь и народ российский найдут тишину и славу под сению Западной Церкви; что Александр должен, как верный страж христи-

ан, немедленно уведомить рыцарей Ливонского ордена, если моголы снова пойдут на Европу. Папа в заключение хвалит Невского за то, что он не признал над собою власти хана, ибо Иннокентий еще не слыхал тогда о путешествии сего князя в Орду. Александр, призвав мудрых людей, советовался с ними и написал к Папе: «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим». Он, без сомнения, не поверил клевете на память отца его: сам Карпин в описании своего путешествия не говорит ни слова о мнимом обращении Ярослава.

[1251–1252 гг.] Новгородцы встретили Невского с живейшею радостию, также и митрополита Кирилла[58], который прибыл из Владимира и, к общему удовольствию, посвятил их архиепископа Далмата[59]. Внутреннее спокойствие Новагорода было нарушено только случайным недостатком в хлебе, пожарами и весьма опасною болезнию князя Александра, в коей все государство принимало участие, возлагая на него единственную свою надежду, ибо он, умев заслужить почтение моголов, разными средствами благотворил несчастным согражданам и посылал в Орду множество золота для искупления россиян, бывших там в неволе. Бог услышал искреннюю молитву

народа, бояр и духовенства: Александр выздоровел и, желая оградить безопасностию северную область Новогородскую, отправил посольство к норвежскому королю Гакону в Дронтгейм[60], предлагая ему, чтобы он запретил финмаркским своим подданным грабить нашу Лопь[61] и Корелию. Послам российским велено было также узнать лично Гаконову дочь, именем Христину[62], на коей Александр думал женить сына своего Василия[63]. Король норвежский, согласный на то и другое, послал в Новгород собственных вельмож, которые заключили мир и возвратились к Гакону с богатыми дарами; но с обеих сторон желаемый брак не мог тогда совершиться, ибо Александр, сведав о новых несчастиях Владимирского княжения, отложил семейственное дело до иного, благоприятнейшего времени и спешил в Орду, чтобы прекратить сии бедствия.

Брат его Андрей, зять Даниила Галицкого, хотя имел душу благородную, но ум ветреный и неспособный отличать истинное величие от ложного: княжа в Владимире, занимался более звериною ловлею, нежели правлением; слушался юных советников и, видя беспорядок, обыкновенно происходящий в государстве от слабости государей, винил в том не самого себя, не любимцев

своих, а единственно несчастные обстоятельства времени. Он не мог избавить Россию от ига: по крайней мере, следуя примеру отца и брата, мог бы деятельным, мудрым правлением и благоразумною уклончивостию в рассуждении моголов облегчить судьбу подданных; в сем состояло тогда истинное великодушие. Но Андрей, пылкий, гордый, положил, что лучше отказаться от престола, нежели сидеть на нем данником Батыевым, и тайно бежал из Владимира с женою своею и с боярами. Неврюй, Олабуга, прозванием *Храбрый,* и Котья, воеводы татарские, уже шли в сие время наказать его за какое-то ослушание[64]: настигнув [24 июля 1252 г.] Андрея у Переславля, разбили княжескую дружину и едва не схватили самого князя. Обрадованные случаем мстить россиянам как мятежникам, толпы Неврюевы рассыпались по всем областям Владимирским; брали скот, людей; убили в Переславле воеводу, супругу юного Ярослава Ярославича[65], пленили его детей и с добычею удалились. Несчастный Андрей искал убежища в Новегороде; но жители не хотели принять его. Он дождался своей княгини во Пскове; оставил ее в Колыване, или Ревеле, у датчан и морем отправился в Швецию, куда чрез некоторое время приехала к нему и супруга. Но

добродушная ласка шведов не могла утешить его в сем произвольном изгнании: отечество и престол не заменяются дружелюбием иноземцев.

Александр благоразумными представлениями смирил гнев Сартака на россиян и, признанный в Орде *великим князем,* с торжеством въехал в Владимир. Митрополит Кирилл, игумены, священники встретили его у Золотых ворот, также все граждане и бояре под начальством тысяцкого столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александр спешил оправдать ее неусыпным попечением о народном благе, и скоро воцарилось спокойствие в великом княжении: люди, испуганные нашествием Неврюя, возвратились в домы, земледельцы к плугу и священники к олтарям. В сие время татары отпустили от себя рязанского князя Олега Ингварича, который, долгое время страдав в неволе, чрез 6 лет умер в отчизне монахом и схимником. Сын его Роман[66] наследовал престол Рязанский.

[1253 г.] Выехав из Новагорода, Александр оставил там сына своего Василия, который счастливо отразил литовцев. Псков, внезапно осажденный ливонскими рыцарями, защищался мужественно. Неприятель отступил, сведав, что идут новгородцы; а россияне и корела, опу-

стошив часть Ливонии, в окрестностях Наровы разбили немцев, таким образом наказанных за нарушение мира и принужденных согласиться на все требования победителей.

[1255 г.] Между тем как великий князь радовался успехам оружия новогородского, он был изумлен нечаянным известием, что сын его Василий с бесчестием изгнан оттуда и приехал в Торжок. За год до сего времени брат Невского, Ярослав, княжив в Твери, по каким-то неудовольствиям выехал оттуда с боярами, сделался князем псковским и разными хитростями преклонил к себе новгородцев. Они стали жаловаться на Василия, хотели послать архиепископа с челобитьем к Александру и вдруг, забыв благодеяние Невского героя, объявили Ярослава своим правителем. Великий князь, огорченный поступком брата и народа, ему любезного, вооружился в надежде смирить их без кровопролития. Ярослав, не посмев обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на вече умереть друг за друга и стали полками на улицах. Впрочем, не все действовали единодушно, многие бояре думали единственно о личных выгодах: они желали торговаться с великим князем, чтобы предать ему народ. В числе их был некто Михал-

ко, гражданин властолюбивый, который, лаская посадника Ананию, тайно намеревался заступить его место и бежал в Георгиевский монастырь, велев собраться там своим многочисленным единомышленникам. Граждане устремились за ним в погоню, кричали: «Он изменник! Убьем злодея!» Но посадник, не зная Михалкова умыслу, спас сего мнимого друга и говорил им с твердостию: *убейте прежде меня самого!* В благодарность за такую услугу Михалко, встретив Александра, описал ему Ананию как первого мятежника, и посол великого князя, приехав в Новгород, объявил жителям на вече, чтобы они выдали ему посадника или разгневанный государь будет их неприятелем. Народ отправил к Александру Далмата-архиепископа и Клима-тысяцкого. «Новгород любит тебя и не хочет противиться своему законному князю, — говорили ему сии послы, — иди к нам с Богом, но без гнева и не слушайся наших изменников. Анания есть добрый гражданин». Александр, отвергнув все их убеждения, требовал головы посадника. В подобных случаях новгородцы стыдились казаться малодушными. «Нет, — говорил народ, — если князь верит новогородским клятвопреступникам более, нежели Новугороду, то Бог и святая София не оставят нас.

Не виним Александра, но будем тверды». Они три дня стояли вооруженные. Наконец князь велел объявить им, что он удовольствуется сменою посадника. Тогда Анания с радостию отказался от своего верховного сана, а коварный Михалко принял начальство. Александр вступил в Новгород, дав слово не стеснять прав народных, и с честию возвратился в столицу Владимирскую.

[1256 г.] Скоро шведы, финны и немцы явились на берегах Наровы и заложили там город. Встревоженные новгородцы послали гонцов к Александру и в свои области для собирания людей ратных. Хотя опасность миновалась — ибо шведы ушли, не достроив крепости, — но великий князь, немедленно прибыв в Новгород с митрополитом Кириллом, велел полкам изготовиться к важному предприятию, не сказывая ничего более. Только у Копорья, где митрополит дал Невскому благословение на путь, сведали воины, что они идут в Финляндию: устрашенные дальним зимним походом, многие новгородцы возвратились домой; прочие сносили терпеливо ужасные вьюги и метели. Погибло множество людей; однако ж россияне достигли своей цели, то есть опустошили знатную часть Финляндии, где, по сказанию шведских историков, некоторые

жители держали нашу сторону, недовольные правлением шведов и насильственными их поступками.

Поручив Новгород сыну своему Василию, Александр долженствовал снова ехать в Орду, где произошла тогда великая перемена. Батый умер, сын его — вероятно, Сартак — хотел господствовать над татарами, но был жертвою властолюбивого дяди, именем Берки[67], который, умертвив племянника, согласно с волею великого хана объявил себя преемником Батыевым и вверил дела российские своему наместнику Улавчию[68]. [1257 г.] Сей вельможа принимал наших князей и дары их: к нему явился Александр с Борисом Васильковичем и братом Андреем (ибо сей последний уже возвратился тогда в отечество и жил в Суздале). Вероятно, что они, сведав намерение татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому княжению, определенною данию по числу людей, желали отвратить сию тягость, но тщетно: вслед за ними приехали чиновники татарские в область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, сочли жителей и поставили над ними десятников, сотников, темников для собрания налогов, увольняя от сей общей дани только церковников и монахов.

Хитрость, достойная замечания. Моголы, вступив в наше отечество, с равною свирепостию лили кровь и мирян, и духовных, ибо не думали жить близ его пределов и, страшась оставить за собою многочисленных врагов, хотели мимоходом истребить всех людей; но обстоятельства переменились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать в привольных окрестностях Волги и Дона; хан ее для своих выгод должен был в некотором смысле щадить подданную ему Россию, богатую естественными и для самых варваров нужными произведениями; узнав же власть духовенства над совестию людей, вообще усердных к вере, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россиян противоборствовать игу татарскому и чтобы хан тем спокойнее мог повелевать нами. Изъявляя уважение к духовенству, сии завоеватели хотели доказать, что они не суть враги Бога русского, как думал народ. В одно время с Александром возвратился из Орды Глеб Василькович: сей князь белозерский ездил к великому хану и там женился[69], без сомнения, на какой-нибудь могольской христианке, ибо самые жены ханов явно исповедовали веру Спасителеву. Он надеялся сим брачным союзом доставить некоторые выгоды своему утесненно-

му отечеству.

[1257–1258 гг.] Чрез несколько месяцев великий князь вторично ездил к Улавчию с Борисом Ростовским, с Андреем Суздальским и Ярославом Тверским (который, признав вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Наместник ханский требовал, чтобы Новгород также платил дань поголовную: герой Невский, некогда ревностный поборник новогородской чести и вольности, должен был с горестию взять на себя дело столь неприятное и склонить к рабству народ гордый, пылкий, который все еще славился своею исключительною независимостию. Вместе с татарскими чиновниками и с князьями, Андреем и Борисом, Александр поехал в Новгород, где жители, сведав о его намерении, пришли в ужас. Напрасно говорили некоторые и посадник Михалко, что воля сильных есть закон для благоразумия слабых и что сопротивление бесполезно: народ ответствовал грозным воплем, умертвил посадника и выбрал другого. Сам юный князь Василий, по внушению своих бояр, уехал из Новагорода в Псков, объявив, что не хочет повиноваться отцу, везущему с собою оковы и стыд для людей вольных. В сем расположении Александр нашел большую часть граждан и не мог ничем

переменить его: они решительно отказались от дани, но отпустили могольских чиновников с дарами, говоря, что желают быть в мире с ханом, однако ж свободными от ига рабского.

Великий князь, негодуя на ослушного сына, велел схватить его во Пскове и под стражею отвезти в Суздальскую землю; а бояр, наставников Василиевых, казнил без милосердия. Некоторые были ослеплены, другим обрезали нос: казнь жестокая, но современники признавали ее справедливою[70], и самый народ считал их виновными, ибо они возмутили сына против отца: столь власть родительская казалась священною!

[1259 г.] Александр остался в Новегороде и, предвидя, что хан не удовольствуется дарами, ждал следствий неприятных. В самом деле пришло известие из Владимира, что войско ханово уже готово идти к Новугороду. Сия весть, впрочем ложная, имела такое действие в народе, что он на все согласился, и великий князь уведомил моголов о его покорности. Чиновники их, Беркай и Касачик, с женами и со многими товарищами явились на берегах Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань в окрестностях столицы, но столь наглым и для бедных утеснительным образом, что граждане, сведав о том,

вдруг переменили мысли. Сделалось волнение: чиновники могольские требовали стражи для своей безопасности. Александр приставил к ним посадникова сына и боярских детей, чтобы они днем и ночью стерегли их домы. Мятеж не утихал. Бояре советовали народу исполнить волю княжескую, а народ не хотел слышать о дани и собирался вокруг Софийской церкви, желая умереть за честь и свободу, ибо разнесся слух, что татары и сообщники их намерены с двух сторон ударить на город. Наконец Александр прибегнул к последнему средству: выехал из дворца с могольскими чиновниками, объявив, что он предает мятежных граждан гневу хана и несчастной судьбе их, навсегда расстается с ними и едет в Владимир. Народ поколебался: бояре воспользовались сим расположением, чтобы склонить его упорную выю под ненавистное ему иго, действуя, как говорит летописец, согласно с своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая моголами, угнетала скудных, а не богатых людей, будучи для всех равная; бедствие же войны отчаянной страшило последних гораздо более, нежели первых. И так народ покорился, с условием, кажется, не иметь дела с баскаками и доставлять определенное количество серебра

прямо в Орду или чрез великих князей. Моголы ездили из улицы в улицу, переписывая домы; безмолвие и скорбь царствовали в городе. Бояре еще могли утешаться своею знатностию и роскошным избытком: добрые, простые граждане, утратив народную честь, лишились своего лучшего достояния. Вельможи татарские, распорядив налоги, удалились. Александр поручил Новгород сыну Димитрию[71] и возвратился в великое княжение через Ростов, где вдовствующая супруга Василькова, Мария, князь Борис и Глеб угостили его с любовию; но сей государь великодушный мог ли быть счастлив и весел в тогдашних обстоятельствах России?

Отечество наше рабствовало от Днестра до Ильменя. Даниил Галицкий, будучи смелее Александра, тщетно думал по смерти Батыя избавиться от власти моголов. Деятельностию ума необыкновенного восстановив свое княжение и загладив в нем следы татарского опустошения, он брал участие в делах Европы и два раза ходил помогать Беле Венгерскому[72], неприятелю императора Фридерика и короля богемского. (Венгры, по словам летописца, удивлялись стройности полков российских, их татарскому оружию и пышности самого князя, его богатой одежде гре-

ческой, обшитой золотыми кружевами, — сабле, стрелам, седлу, окованным драгоценными металлами с блестящею резьбою.) Сия вражда была за области умершего герцога австрийского Фридерика: Бела, император и король богемский хотели овладеть ими. Первый объявил себя защитником дочери Фридериковой, именем Гертруды[73], уступившей ему свои наследственные права; женил на ней Даниилова сына Романа[74]; отправил их в Юденбург и клялся Гертруде отдать ей Австрию и Стирию, как скоро завоюет оные. Тем усерднее Даниил доброжелательствовал королю венгерскому; несмотря на глазную болезнь, которая мешала ему видеть, выступил в поле с краковским герцогом[75], разорил Богемскую Силезию, взял Носсельт, выжег окрестности Троппавские[76] и возвратился, довольный мыслию, что никто из древних героев российских, ни св. Владимир, ни великий отец его, не воевал столь далеко в земле Немецкой. Хотя Бела не исполнил данного Гертруде слова и даже не защитил ее супруга, осажденного богемским принцем в Юденбурге (так что Роман, оставив беременную жену, принужден был уйти к отцу), но Даниил остался другом венгров[77]. Счастливые войны с ятвягами и с Литвою более и более прославляли мужество

сего князя. Первые, не находя безопасности и за своими лесистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебром. В Литве господствовал тогда славный Миндовг, баснословно производимый некоторыми летописцами от племени древних римлян, а другими от наших князей полоцких. Он жил в Кернове[78], повелевал всеми иными князьками литовскими и, грабя соседственные земли христианские, искал приязни одного Даниила, который женился вторым браком на его племяннице[79]. Несколько времени быв друзьями, они сделались неприятелями. Миндовг, опасаясь честолюбивых братьев Данииловой супруги, Товтивила и Эдивида, велел им воевать Смоленскую область[80], но в то же время замышлял их убить. Племянники сведали и бежали в Владимир Волынский. Обрадованный случаем унизить гордость Миндовга, Даниил представил ляхам и рижским немцам, что междоусобие князей литовских есть счастие для христиан и что надобно оным воспользоваться. Немцы действительно вооружились, россияне также; самые ятвяги и жмудь, в угодность им, восстали на Литву. Даниил завоевал Гродно и другие места литовские[81]; но скоро немцы изменили, отчасти подкупленные Миндовгом, отчасти им

обманутые, ибо сей хитрый язычник, видя беду, принял веру латинскую и заслужил покровительство легкомысленного Папы Александра IV, давшего ему сан королевский[82]. Чрез два года увидели обман: Миндовг, в крайности уступив Даниилову сыну Роману Новогродок, Слоним, Волковиск и выдав дочь свою за его меньшего брата, именем Шварна[83], отдохнув и собрав силы, снова обратился к идолослужению[84] и к разбоям, гибельным для рижского ордена, Мазовии, Смоленских, Черниговских, даже Новогородских областей.

В сие время Даниил, ободряемый королем венгерским, ляхами и собственными успехами воинскими, дерзнул объявить себя врагом моголов. Они вступили в Понизье и заняли Бакоту: юный Лев Даниилович, выгнав их оттуда, пленил баскака ханского. Темник Батыев, Куремса, не мог взять Кременца и, сильно убеждаемый Изяславом Владимировичем[85] (внуком Игоря Северского) идти к Галичу, ответствовал: «Даниил страшен!» Вся южная Россия с беспокойством ждала следствий; а мужественный Даниил, пленив Изяслава и пользуясь изумлением татар, отнял у них города между реками Бугом и Тетеревом[86], где баскаки господствовали как в

своих улусах. Он хотел даже освободить и Киев, но возвратился с пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даниил веселился мыслию о совершенной независимости, когда новые бесчисленные толпы моголов, ведомые свирепым Бурондаем[87], преемником слабого Куремсы, явились на границах Литвы и России. «Желаю знать, друг ли ты хану или враг? — сказали королю галицкому послы Бурондаевы. — Если друг, то иди с нами воевать Литву». Даниил колебался, видел превосходство сил татарских, медлил и наконец послал Василька к Бурондаю с дружиною и с ласковыми словами, которые сперва имели счастливое действие. Сонмы моголов устремились на Литву, дотоле им неизвестную; одни дремучие леса и вязкие болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бедствие. Хваля мужество, оказанное братом Данииловым в разных сшибках, Бурондай отпустил его в Владимир. Прошло два года в тишине и спокойствии для юго-западной России. Даниил, именуя себя другом ханским, строил, укреплял города и не переставал надеяться, что державы соседственные рано или поздно увидят необходимость действовать общими силами

против варваров; но Бурондай открыл глаза и, вступив в область Галицкую, дал знать ее королю, чтобы он явился в его стане как смиренный данник или ждал казни. Даниил послал к нему брата, сына, холмского епископа Иоанна и дары. «Хотите ли уверить нас в искренней покорности? — говорил темник ханов. — Разберите или предайте огню стены крепостей ваших; сровняйте их окопы с землею». Василько и Лев не смели ослушаться: города Данилов, Стожек, Кременец, Луцк, Львов, незадолго до того времени основанный и названный именем старшего сына Даниилова, обратились в села, быв лишены своих укреплений, ненавистных татарам. Бурондай веселился, смотря на пылающие стены и башни владимирские; хвалил повиновение Василька и, в знак особенного удовольствия несколько дней пировав в его дворце, пошел к Холму, откуда горестный Даниил уехал в Венгрию. Провидение вторично спасло сей город хитростию Василька, который, будучи послан с двумя мурзами (знавшими русский язык), чтобы склонить жителей к сдаче, взял в руку камень и, сказав: «Не велю вам обороняться», кинул его на землю. Воевода холмский угадал мысль князя и с притворным гневом ответствовал ему: «Удалися; ты враг государя

нашего». Василько действительно хотел, чтобы жители сопротивлялись, имея лучших ратников, укрепления надежные и много самострелов; а татары, не любя долговременных, кровопролитных осад, чрез несколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, где Василько и Лев служили им невольным орудием в злодействах. Так, сии князья уговорили сендомирского начальника сдаться, обещая ему и гражданам безопасность; но с горестию должны были видеть, что моголы, в противность условию, резали и топили народ в Висле. Наконец Бурондай возвратился к берегам Днепра с угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будут пеплом, если их князья не захотят мирно рабствовать и платить дани хану.

Следственно, важные усилия и хитрости Даниловы остались бесполезными. Он не нашел помощи ни в Кракове, ни в Венгрии, к единственному утешению своему сведав на пути, что Василько победил Миндовга, слабого против моголов, но ужасного для соседственных образованных государств. Как скоро Бурондай удалился, хищные литовцы опустошили Мазовию, убили ее князя Самовита[88] и впали в наше владение близ Камена, предводимые каким-то изменником, боярином рязанским Евстафием. Василько,

разбив их на берегах озера Невельского[89], послал к брату множество трофеев, коней оседланных, щитов, шлемов и копий литовских.

Мы описали здесь случаи нескольких лет относительно к юго-западной России, которая со времен Батыева нашествия отделилась от северной, имея особенную систему государственную, связанную с делами Венгрии, Польши и немецкого ордена гораздо более, нежели с суздальскими или новогородскими. Последние для нас важнее, ибо там решилась судьба нашего отечества.

Александр Невский по возвращении своем в Владимир терпеливо сносил бремя жестокой зависимости, которое более и более отягощало народ. Господство моголов в России открыло туда путь многим купцам бесерменским, харазским или хивинским[90], издревле опытным в торговле и хитростях корыстолюбия: сии люди откупали у татар дань наших княжений, брали неумеренные росты с бедных людей и, в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и [в 1262 г.] единодушно восстали, при звуке вечевых колоколов, на сих лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали. То же сделалось и в других городах

северной России. В Ярославле народ умертвил какого-то злочестивого отступника, именем Зосиму, бывшего монаха, который, приняв веру магометанскую в Татарии, хвалился милостию нового великого хана Коблая[91] и ругался над святынею христианства; тело его бросили псам на снедение. В Устюге находился тогда могольский чиновник Буга: собирая дань с жителей, он силою взял себе в наложницы дочь одного гражданина, именем Марию, но умел снискать ее любовь и, сведав от нее, что устюжане хотят лишить его жизни, объявил желание креститься. Народ простил ему свои обиды, а Буга, названный в христианстве Иоанном, из благодарности женился на Марии. Сей человек добродетелями и набожностию приобрел всеобщую любовь, и память его еще хранится в Устюге: там показывают место, на коем он, забавляясь *соколиною* охотою, вздумал построить церковь Иоанна Предтечи и которое доныне именуется *Сокольею горою*.

Сии происшествия должны были иметь следствие весьма несчастное: россияне, наказав лихоимцев харазских, озлобили татар, их покровителей. Правительство не могло или не хотело удержать народа: то и другое обвиняло Александра в глазах хановых, и великий князь

решился ехать в Орду с оправданием и с дарами. Летописцы сказывают и другую причину его путешествия: моголы незадолго до того времени требовали вспомогательного войска от Александра, он хотел избавиться от сей тягостной обязанности, чтобы бедные россияне по крайней мере не проливали крови своей за неверных. Уже готовый к отъезду, Александр послал дружину в Новгород и велел Димитрию идти на ливонских рыцарей. Сей юный князь взял приступом Дерпт, укрепленный тремя стенами, истребил жителей и возвратился обремененный добычею. Кроме многих новгородцев, с ним ходили Ярослав Тверской, Константин, зять Александров[92] (сын Ростислава Смоленского), и князь литовский Товтивил, племянник Миндовгов, который принял веру христианскую и господствовал в Полоцке или завоевав его, или — что гораздо вероятнее — будучи добровольно призван жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова, ибо Товтивил имел славу доброго князя. С помощию Даниила Галицкого и ливонских рыцарей он утвердил оружием свою независимость от дяди и жил мирно с россиянами.

Александр нашел хана Берку в волжском городе Сарае. Сей Батыев преемник любил искусства

и науки; ласкал ученых, художников; украсил новыми зданиями свою капчакскую столицу и позволил россиянам, в нем обитавшим, свободно отправлять христианское богослужение, так что митрополит Кирилл (в 1261 году) учредил для них особенную епархию под именем *Сарской,* с коею соединили после епископию южного Переяславля. Великий князь успел в своем деле, оправдав изгнание бесерменов из городов Суздальских. Хан согласился также не требовать от нас войска, но продержал Невского в Орде всю зиму и лето. Осенью [1263 г.] Александр, уже слабый здоровьем, возвратился в Нижний Новгород и, приехав оттуда в Городец, занемог тяжкою болезнию, которая пресекла его жизнь 14 ноября. Истощив силы душевные и телесные в ревностном служении отечеству, пред концом своим он думал единственно о Боге: постригся, принял схиму и, слыша горестный плач вокруг себя, тихим голосом, но еще с изъявлением нежной чувствительности сказал добрым слугам: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостию!» Они все готовы были лечь с ним в гроб, любив его всегда — по собственному выражению одного из них — гораздо более, нежели отца родного. Митрополит Кирилл жил тогда в Владимире; сведав о

кончине великого князя, он в собрании духовенства воскликнул: «Солнце отечества закатилось!» Никто не понял сей речи. Митрополит долго безмолвствовал, залился слезами и сказал: «Не стало Александра!» Все оцепенели от ужаса, ибо Невский казался необходимым для государства и по летам своим мог бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народ в глубокой скорби повторяли одно слово: «погибаем!»… Тело великого князя уже везли в столицу; несмотря на жестокий зимний холод, митрополит, князья, все жители Владимира шли навстречу ко гробу до Боголюбова; не было человека, который бы не плакал и не рыдал; всякому хотелось облобызать мертвого и сказать ему, как живому, чего Россия в нем лишилась. Что может прибавить суд историка в похвалу Александру к сему простому описанию народной горести, основанному на известиях очевидцев? Добрые россияне включили Невского в лик своих ангелов-хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому небесному заступнику отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего князя! Имя *святого,* ему данное, гораздо выразительнее *великого,* ибо *великими* называют

обыкновенно *счастливых*; Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их во внешнем блеске государства. Самые легкомысленные новгородцы, неохотно уступив Александру некоторые права и вольности, единодушно молили Бога за усопшего князя, говоря, что «он много потрудился за Новгород и за всю землю Русскую». Тело Александрово было погребено [23 ноября] в монастыре Рождества Богоматери[93] (именуемом тогда *Великою архимандритиею*), где и покоилось до самого XVIII века, когда государь Петр I вздумал перенести сии остатки бессмертного князя на берега Невы, как бы посвящая ему новую свою столицу и желая тем утвердить ее знаменитое бытие.

По кончине первой супруги, именем *Александры,* дочери полоцкого князя Брячислава, Невский сочетался вторым браком с неизвестною для нас княжною *Вассою*[94], коей тело лежит в Успенском монастыре владимирском, в церкви Рождества Христова, где погребена и дочь его Евдокия.



Великий князь Александр Ярославич Невский

Слава Александрова, по свидетельству наших *родословных книг,* привлекла к нему из чужих земель — особенно из Германии и Пруссии — многих именитых людей, которых потомство доныне существует в России и служит государству в первейших должностях воинских или гражданских.

В княжение Невского начались в Волжской, или Капчакской, Орде несогласия, бывшие предвестием ее падения. Ногай, один из главных воевод татарских, надменный могуществом, не

захотел повиноваться хану[95], сделался в окрестностях Черного моря владетелем независимым и заключил союз с Михаилом Палеологом[96], императором греческим, который в 1261 году, к общему удовольствию россиян взяв Царьград и восстановив древнюю монархию византийскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинию, за сего мятежника. От имени Ногая произошло, как вероятно, название татар ногайских, ныне подданных России. Несмотря на внутреннее неустройство, моголы более и более распространяли свои завоевания и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где король Гакон обратил их в веру христианскую и дал им земли для поселения.

⟨…⟩

Глава VII
Великий князь Михаил Ярославич. Годы 1304–1319

[1304–1305 гг.] Как жизнь, так и кончина Андреева была несчастием для России[97]. Два князя объявили себя его наследниками: Михаил Тверской и Георгий Даниилович Московский; но первый с большим правом, будучи внуком Ярослава Всеволодовича и дядею Георгиевым, следственно, старейшим в роде. Сие право казалось вообще неоспоримым, и бояре великого княжения, предав земле тело Андреево, спешили в Тверь поздравить Михаила государем владимирским. Новгородцы также признали его своим главою, в уверении, что хан утвердит за ним великое княжение. Михаил обязался, подобно отцу, блюсти их уставы, восстановить древние границы между Новым городом и землею Суздальскою; не требовать бывших волостей Димитриевых и Андреевых: купленные же им самим, княгинею или боярами его в земле Новогородской отдать на выкуп или прежним владельцам, или правительству; не позволять *самосуда* ни себе, ни

княжеским судиям, но решать тяжбы единственно по законам; отправлять людей своих за Волок только из Новагорода, в двух ладиях, и проч.

Добрый митрополит Максим[98] тщетно уговаривал Георгия не искать великого княжения, обещая ему именем Ксении, матери Михаиловой-[99], и своим собственным любые города в прибавок к его Московской области. Дядя и племянник поехали судиться к хану, оставив Россию в несогласии и в мятеже. Одни города стояли за князя тверского, иные за московского. Георгий едва мог спастися от друзей Михаиловых, которые не хотели пустить его в Орду и думали задержать на пути в области Суздальской; а Бориса Данииловича[100], приехавшего в Кострому, схватили и послали в Тверь. Но второй Георгиев брат, Иоанн, разбил тверитян, хотевших взять Переславль, и воевода их Акинф остался на месте сражения в числе убитых. Наместники Михаиловы хотели въехать в Новгород; жители не впустили их, сказав: «Мы избрали Михаила *с условием,* да явит грамоту ханскую и будет тогда князем нашим, но не прежде!» В других областях господствовало безначалие и неустройство. Граждане костромские, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывших его любимцев, самоволь-

но их судили и наказывали; а чернь Нижнего Новагорода, вследствие мятежного веча, умертвила многих бояр как мнимых врагов отечества. Князь нижегородский Михаил[101], сын Андрея Ярославича, находился в Орде: он там женился; возвратясь в свой удел, казнил виновников сего беззаконного веча, ибо чернь не имела власти судебной, исключительного права княжеского.



Великий князь Михаил Ярославич

[1305–1308 гг.] Чрез несколько месяцев реши-

лась неизвестность: Михаил превозмог соперника и приехал с ханскою грамотою в Владимир, где митрополит возвел его на престол великого княжения. Зная неуступчивость врага своего, он хотел оружием смирить Георгия и дважды приступал к Москве, однако ж без успеха; кровопролитный бой под ее стенами усилил только взаимную их злобу, бедственную для обоих, как увидим. Современные летописцы винят одного князя московского, который в противность древнему обыкновению спорил с дядею о старейшинстве. Сверх того, Георгий по качествам черной души своей заслужил всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престоле наследственном, гнусным делом изъявил презрение к святейшим законам человечества. Мы говорили о несчастной судьбе рязанского владетеля Константина[102], плененного Даниилом: он шесть лет томился в неволе; княжение его, лишенное главы, зависело некоторым образом от московского. Георгий велел умертвить Константина, считая сие злодейство нужным для беспрекословного господства над Рязанью, и весьма ошибся: ибо сын убиенного, Ярослав[103], под защитою хана спокойно наследовал престол отеческий как владетель независимый, оставив в добычу Георгию

из городов своих одну Коломну. Самые меньшие братья Георгиевы, дотоле служив ему верно, не могли с ним ужиться в согласии. Двое из них, Александр[104] и Борис Данииловичи, уехали в Тверь, без сомнения недовольные его жестокостию.

Михаил несколько лет властвовал спокойно и жил большею частию в Твери. Его наместники правили великим княжением и Новым городом, коего чиновники относились к нему во всех делах государственных. Так, они письменно жаловались Михаилу на двух княжеских вельмож, Феодора и Бориса, бывших начальниками во Пскове и в области Корельской: первый, сведав о нашествии ливонских рыцарей (в 1307 году), уехал из города, принудив тем оставленных без вождя псковитян заключить с магистром Гертом фон Йокке[105] не весьма выгодный мир, и разорил многие села новогородские; второй, утесняя корелов, заставил их бежать к шведам и силою брал, что ему не принадлежало. Новгородцы желали навсегда избавиться от таких недостойных правителей, взносили деньги за села, купленные в их областях сими боярами, и предоставляли себе условиться изустно с князем о прочем. Он ездил из Твери к Святой Софии и был принят

гражданами с обыкновенными знаками усердия; однако ж не хотел сам предводительствовать ими, когда они, построив новую крепость на месте нынешнего Кексгольма[106], ходили на судах в Финляндию до реки Черной, или Кумо[107], где [в 1311 г.] сожгли город Ванай[108], осаждали шведов в замке, на скале неприступной, и разорили множество селений. У бедных жителей, по словам летописца, не осталось ни одной рогатой скотины, ибо россияне истребили там все, чего не могли увести с собою.

[1312 г.] Совершив благополучно сей дальний поход, новгородцы начали ссориться с князем, жалуясь, что он не исполняет договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаил, заняв войском Торжок, не велел пускать к ним хлеба, народ встревожился и, несмотря на весеннюю распутицу, отправил в Тверь своего архиепископа Давида[109], чтобы обезоружить великого князя. Мир заключили скоро, ибо искренно желали его с обеих сторон: Новгород, опустошенный в сие время пожаром, имел необходимую нужду в подвозах и, лишенный оных, мог быть жертвою голода; а Михаил долженствовал немедленно ехать в Орду. Хан Тохта умер; сын его, юный Узбек, воцарился, славный в летописях Востока

правосудием и ревностию к вере Магометовой, восстановленной им во всех могольских владениях, ибо Тохта был, кажется, язычником и не следовал учению Алкорана. Историк Абулгази[110] пишет, что многие татары, в знак особенной любви к сему царю, назвалися его именем, или *узбеками,* доныне известными в Хиве и в землях окрестных.

[1313–1315 гг.] Взяв с новгородцев 1500 гривен серебра, Михаил возвратил им своих наместников и, поехав в Орду, жил там целые два года. Столь долговременное отсутствие, без сомнения невольное, имело вредные следствия для него и для России. Шведы [в 1314 г.] сожгли Ладогу; корелы, впустив их в Кексгольм, умертвили там многих россиян. Хотя новгородцы отмстили тем и другим, под начальством Михаилова наместника выгнали шведов и казнили изменников корельских, но винили Михаила, что он, пресмыкаясь в Орде у ног хановых, забывает отечество. Георгий Московский не замедлил воспользоваться сим расположением: родственник его князь Феодор Ржевский[111] приехал в Новгород, взял под стражу наместников Михаиловых и так обольстил легкомысленных граждан, что они, признав Георгия своим начальником, объявили даже войну вели-

кому князю. Едва не дошло до битвы: на одном берегу Волги стояли новгородцы, на другом — сын Михаилов Димитрий с верною тверскою ратию. К счастию, осенние морозы, покрыв реку тонким льдом, удалили кровопролитие, и новгородцы согласились на мир; а князь московский, обещая им благоденствие и вольность, сел на престоле Святой Софии.

Скоро позвали Георгия к хану дать ответ на справедливые жалобы Михаиловы. Он поручил Новгород брату своему Афанасию[112] и, взяв с собою богатые дары, надеялся быть правым в таком судилище, где председательствовало алчное корыстолюбие. Но Михаил уже нес обнаженный меч и грамоту Узбекову. Сильные полки моголов окружили его и вступили в Россию с воеводою Тайтемерем. Сия грозная весть поколебала, однако ж не смирила новгородцев. Исчисляя в мыслях все одержанные ими победы со времен Рюрика до настоящего и вспомнив, что сам Михаил великодушною решимостию спас Тверь от нашествия моголов[113], они вооружились и ждали неприятеля близ Торжка. Прошло шесть недель. Наконец явилась сильная рать Михаилова, владимирская, тверская и могольская. Переговоров не было: [10 февраля 1316 г.] вступили в бой,

жестокий, хотя и неравный. Никогда новгородцы не изъявляли более мужества; чиновники и бояре находились впереди; купцы сражались как герои. Множество их легло на месте; остаток заключился в Торжке, и Михаил, как победитель, велел объявить, чтобы новгородцы выдали ему князей Афанасия и Феодора Ржевского, если хотят мира. Слабые числом, обагренные кровию, своею и чуждою, они единодушно ответствовали: «Умрем за Святую Софию и за Афанасия; честь всего дороже». Михаил требовал по крайней мере одного Феодора Ржевского, многие и того не хотели; наконец уступили необходимости и еще обязались заплатить великому князю знатное количество серебра. Некоторые из бояр новогородских вместе с князем Афанасием остались аманатами в руках победителя; другие отдали ему все, что имели: коней, оружие, деньги. Написали следующую грамоту: «Великий князь Михаил условился с владыкою и с Новым городом не воспоминать прошедшего. Что с обеих сторон захвачено в междоусобие, того не отыскивать. Пленники свободны без окупа. Прежняя тверская Феоктистова грамота должна иметь всю силу свою. Новгород платит князю в разные сроки от второй недели Великого поста до Вербной 12

000 гривен серебра, зачитая в сей платеж взятое в Торжке у бояр новогородских имение. Князь, приняв сполна вышеозначенную сумму, должен освободить аманатов, изрезать сию грамоту и править нами согласно с древним уставом».

Сей мир, вынужденный крайностию, не мог быть истинным, и великий князь, сведав, что послы новогородские тайно едут в Орду с жалобою на него, велел переловить их; отозвал наместников княжеских из Новагорода и пошел туда с войском. Новгородцы укрепили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, корелов, ижорцев, вожан и ревностно готовились к битве, одушевленные любовию к вольности и ненавистию к великому князю. Он имел еще друзей между ими, но робких, безмолвных, ибо народ свирепо вопил на вече и грозил им казнию; свергнул одного боярина с моста за мнимую измену, а другого, совершенно невинного, умертвил по доносу раба, что господин его в переписке с Михаилом. Такое ужасное остервенение и многочисленность собранных в Новегороде ратников изумили великого князя: он стоял несколько времени близ города, решился отступить и вздумал, к несчастию, идти назад ближайшею дорогою, сквозь леса дремучие. Там войско его между

озерами и болотами тщетно искало пути удобного. Кони, люди падали мертвые от усталости и голода; воины сдирали кожу с щитов своих, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышел наконец из сих мрачных пустынь с одною пехотою, изнуренною и почти безоружною.

[1317 г.] Тогда новгородцы прислали в Тверь архиепископа Давида, без всякой надменности моля великого князя освободить их аманатов; предлагали ему серебро, мир и дружбу. «Дело сделано, — говорили они, — желаем спокойствия и тишины». Михаил отвергнул сие предложение; стыдился мира *бесчестного,* хотел победить и даровать его.

[1318 г.] Между тем Георгий жил в Орде, три года кланялся, дарил и приобрел наконец столь великую милость, что юный Узбек, дав ему старейшинство между князьями российскими, женил его на своей любимой сестре Кончаке, названной в крещении Агафиею: дело не весьма согласное с ревностию сего хана к вере Магометовой! Провождаемый моголами и воеводою их Кавгадыем, Георгий возвратился в Россию и, пылая нетерпением сокрушить врага, хотел немедленно завоевать Тверь. Михаил отправил

к нему послов. «Будь великим князем, если так угодно царю, — сказали они Георгию именем своего государя, — только оставь Михаила спокойно княжить в его наследии; иди в Владимир и распусти войско». Ответом князя московского было опустошение тверских сел и городов до самых берегов Волги. Тогда Михаил призвал на совет княжеский епископа и бояр. «Судите меня с племянником, — говорил он, — не сам ли хан утвердил меня на великом княжении? Не заплатил ли я ему *выхода,* или царской пошлины? Теперь отказываюсь от сего достоинства и не могу укротить злобы Георгия. Он ищет головы моей; жжет, терзает мою наследственную область. Совесть меня не упрекает; но, может быть, ошибаюсь. Скажите ваше мнение: виновен ли я пред Георгием?» Епископ и бояре, умиленные горестию и добросердечием князя, единогласно отвечали ему: «Ты прав, государь, пред лицом Всевышнего, и когда смирение твое не могло тронуть ожесточенного врага, то возьми праведный меч в десницу; иди, с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за доброго князя». — «Не за меня одного, — сказал Михаил, — но за множество людей невинных, лишаемых крова отеческого, свободы и жизни. Вспомните речь евангельскую:

кто положит душу свою за друга, той велик наречется. Да будет нам слово Господне во спасение!» Великий князь, предводительствуя войском мужественным, встретил полки Георгиевы, соединенные с татарами и мордвою, в 40 верстах от Твери, где ныне селение Бортново[114]. Началась битва. Казалось, что Михаил искал смерти: шлем и латы его были все исстрелены, обсечены, но князь цел и невредим; везде отражал неприятелей и наконец обратил их в бегство. Сия победа [22 декабря] спасла множество несчастных россиян, жителей Тверской области, взятых в неволю татарами; смотря издали на кровопролитие, безоружные, скованные, они помогали своему князю усердными молитвами и, видя его торжество, плакали от радости. Михаилу представили жену Георгиеву, брата его Бориса Данииловича и воеводу Узбекова, Кавгадыя, вместе с другими пленниками. Великий князь запретил воинам убивать татар и, ласково угостив Кавгадыя в Твери, с богатыми дарами отпустил его к хану. Сей лицемер клялся быть ему другом, обвинял себя, Георгия и говорил, что они воевали Тверскую область без повеления Узбекова.

Князь московский бежал к новгородцам, которые, еще не знав об успехе его в Орде, дали

Михаилу слово не вмешиваться в их распрю. (В сие время они мстили шведам за разбитие наших судов на Ладожском озере: воевали приморскую часть Финляндии; взяли город *финского князя* и другой — *епископов,* или нынешний Або[115].) Узнав торжество Михаилово, новгородцы вступились за Георгия: собрали полки и приближились к Волге. На другой стороне ее развевались знамена тверские, украшенные знаками свежей победы; однако ж великий князь не хотел вторичной жестокой битвы и предложил Георгию ехать с ним в Орду. «Хан рассудит нас, — говорил Михаил, — и воля его будет мне законом. Возвращаю свободу супруге твоей, брату и всем новогородским аманатам». На сем основании сочинили договорную грамоту, в коей *Георгий* именован *великим князем* и по коей новгородцы, в ожидании суда Узбекова, могли свободно торговать в Тверской области, а послы их ездить чрез оную безопасно. К несчастию, жена Георгиева скоропостижно умерла в Твери, и враги Михаиловы распустили слух, что она была отравлена ядом. Может быть, сам Георгий вымыслил сию клевету, по крайней мере охотно верил ей и воспользовался случаем очернить своего великодушного неприятеля в глазах Узбековых. Провождаемый многими

князьями и боярами, он вместе с Кавгадыем отправился к хану; а неосторожный Михаил еще долго медлил, послав в Орду двенадцатилетнего сына Константина[116], защитника слабого и бессловесного.

Между тем как враг его ревностно действовал в Сарае и подкупал вельмож могольских, великий князь, имея чистую совесть и готовый всем жертвовать благу России, спокойно занимался в Твери делами правления; наконец, взяв благословение у епископа, поехал. Великая княгиня Анна[117] провожала его до берегов Нерли: там он исповедался с умилением и, вверяя духовнику свою тайную мысль, сказал: «Может быть, в последний раз открываю тебе внутренность души моей. Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий: по крайней мере буду доволен, если хотя смерть моя успокоит его». Михаил, скрывая сие горестное предчувствие от нежной супруги, велел ей возвратиться. Посол ханский, именем Ахмыл, объявил ему в Владимире гнев Узбеков. «Спеши к царю, — говорил он, — или полки его чрез месяц вступят в твою область. Кавгадый уверяет, что ты не будешь повиноваться». Устрашенные сим известием, бояре советовали великому князю остановиться. Доб-

рые сыновья Михаиловы, Димитрий и Александр, также заклинали отца не ездить в Орду и послать туда кого-нибудь из них, чтобы умилостивить хана. «Нет, — отвечал Михаил. — Царь требует меня, а не вас: подвергну ли отечество новому несчастию? Можем ли бороться со всею силою неверных? За мое ослушание падет множество голов христианских, бедных россиян толпами поведут в плен. Мне надобно будет умереть и тогда, не лучше ли же ныне, когда могу еще своею погибелию спасти других?» Он написал завещание, распорядил сыновьям уделы, дал им отеческое наставление, как жить добродетельно, и простился с ними навеки.

Михаил нашел Узбека на берегу моря *Сурожского,* или Азовского, при устье Дона; вручил дары хану, царице, вельможам и шесть недель жил спокойно в Орде, не слыша ни угроз, ни обвинений. Но вдруг, как бы вспомнив дело совершенно забытое, Узбек сказал вельможам своим, чтобы они рассудили Михаила с Георгием и без лицеприятия решили, кто из них достоин казни. Начался суд. Вельможи собрались в особенном шатре, подле царского; призвали Михаила и велели ему отвечать на письменные доносы многих баскаков, обвинявших его в том, что он не платил

хану всей определенной дани. Великий князь ясно доказал их несправедливость свидетельствами и бумагами; но злодей Кавгадый, главный доноситель, был и судиею! Во второе заседание привели Михаила уже связанного и грозно объявили ему две новые вины его, сказывая, что он дерзнул обнажить меч на посла царева и ядом отравил жену Георгиеву. Великий князь отвечал: «В битве не узнают послов; но я спас Кавгадыя и с честию отпустил его. Второе обвинение есть гнусная клевета: как христианин свидетельствуюсь Богом, что у меня и на мысли не было такого злодеяния». Судии не слушали его, отдали под стражу, велели оковать цепями. Еще верные бояре и слуги не отходили от своего злосчастного государя; приставы удалили их, наложили ему на шею тяжелую колодку, разделили между собою все драгоценные одежды княжеские.

Узбек ехал тогда на ловлю к берегам Терека со всем войском, многими знаменитыми данниками и послами разных народов. Сия любимая забава ханова продолжалась обыкновенно месяц или два и разительно представляла их величие: несколько сот тысяч людей было в движении; каждый воин украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшего коня; купцы на бесчислен-

ных телегах везли товары индейские и греческие; роскошь, веселие господствовали в шумных, необозримых станах, и дикие степи казались улицами городов многолюдных. Вся Орда тронулась, вслед за нею повлекли и Михаила, ибо Узбек еще не решил судьбы его. Несчастный князь терпел уничижение и муку с великодушною твердостию. На пути из Владимира к морю Азовскому он несколько раз приобщался Святых Тайн и, готовый умереть, как должно христианину, изъявил чудесное спокойствие. Печальные бояре снова имели к нему доступ: Михаил ободрял их и с веселым лицом говорил: «Друзья! Вы долго видели меня в чести и славе, будем ли неблагодарны? Вознегодуем ли на Бога за уничижение кратковременное? Выя моя скоро освободится от сего древа, гнетущего оную». Ночи проводил он в молитве и в пении утешительных псалмов Давидовых; отрок княжеский держал перед ним книгу и перевертывал листы, ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый в один день вывел его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставил на колена, ругался над ним и вдруг, как бы тронутый сожалением, сказал ему: «Не унывай! Царь поступает так и с родными в случае

гнева; но завтра, или скоро, объявят тебе милость и снова будешь в чести». Торжествующий злодей удалился. Князь, изнуренный, слабый, сел на площади, и любопытные окружили его, рассказывая друг другу, что сей узник был великим государем в земле своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами, он встал и пошел в вежу, или шатер, читая тихим голосом из псалма: *Вси видящие мя покиваху главами своими… уповаю на Господа!* Несколько раз верные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не знал постыдного бегства, — отвечал Михаил, — оно может только спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будет!»

Орда находилась уже далеко за Тереком и горами Черкасскими, близ Врат Железных, или Дербента, подле ясского города Тетякова, в 1277 году взятого нашими князьями для хана Мангу-Тимура[118]. Кавгадый ежедневно приступал к царю со мнимыми доказательствами, что великий князь есть злодей обличенный: Узбек, юный, неопытный, опасался быть несправедливым; наконец, обманутый согласием бессовестных судей, единомышленников Георгиевых и Кавгадыевых, утвердил их приговор.

Михаил сведал и не ужаснулся; отслушав заут-

реню (ибо с ним были игумен и два священника), благословил сына своего Константина; поручил ему сказать матери и братьям, что он умирает их нежным другом; что они, конечно, не оставят верных бояр и слуг его, которые у престола и в темнице изъявляли государю равное усердие. Час решительный наступал. Михаил, взяв у священника Псалтирь и разогнув оную, читал слова: *Сердце мое смятеся во мне, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игумен сказал ему: «Государь! В сем же псалме, столь тебе известном, написано: *Возверзи на Господа печаль твою*». Великий князь продолжал: *Кто даст ми криле яко голубине? и полещу, и почию*… Умиленный сим живым образом свободы, он закрыл книгу, и в то самое мгновение вбежал в ставку один из его отроков с лицом бледным, сказывая дрожащим голосом, что князь Георгий Даниилович, Кавгадый и множество народа приближаются к шатру. «Ведаю, для чего», — ответствовал Михаил и немедленно послал юного сына своего к царице, именем Баялыни, будучи уверен в ее жалости. Георгий и Кавгадый остановились близ шатра, на площади, и сошли с коней, отрядив убийц совершить беззаконие. Всех людей княжеских разогнали, Михаил стоял один и

молился. Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами. Один из них, именем *Романец* (следственно, христианской веры), вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Народ вломился в ставку для грабежа, позволенного у моголов в таком случае. Георгий и Кавгадый, узнав о смерти святого мученика — ибо таковым справедливо признает его наша Церковь, — сели на коней и подъехали к шатру. Тело Михаила лежало нагое. Кавгадый, свирепо взглянув на Георгия, сказал ему: «Он твой дядя, оставишь ли труп его на поругание?» Слуга Георгиев закрыл оный своею одеждою.

Михаил не обманулся в надежде на добродушие супруги Узбековой: она с чувствительностию приняла и старалась утешить юного Константина, защитила и бояр его, успевших отдать себя в ее покровительство; другие же, схваченные злобными врагами их государя, были истерзаны и заключены в оковы. Георгий послал тело великого князя в Маджары[119], город торговый (на реке Куме, в Кавказской губернии), где, как вероятно, обитали некогда угры, изгнанные печенегами из Лебедии. Там многие купцы, знав лично Михаила, желали прикрыть оное драгоценными плащеницами и внести в *церковь*; но бояре Георгиевы не пустили их к окровавленному трупу и поставили

его в хлеве. В ясском городе *Бездеже* они также не хотели остановиться у *церкови христианской,* днем и ночью стерегли тело; наконец привезли в Москву и погребли в монастыре Спасском (в кремле, где стоит еще древняя церковь Преображения)[120].

Злодей Кавгадый чрез несколько месяцев кончил жизнь свою внезапно; увидим, что Провидение наказало и жестокого Георгия; а память Михаилова была священна для современников и потомства, ибо сей князь, столь великодушный в бедствии, заслужил славное имя *отечестволюбца*. Кроме одних новгородцев, считавших его опасным врагом народной вольности, все жалели об нем искренно, но всех более верные, мужественные тверитяне, ибо он возвеличил сие княжение и любил их действительно как отец. Сверх достоинств государственных — ума проницательного, твердости, мужества, — Михаил отличался и семейственными: нежною любовию к супруге, к детям, в особенности к матери, умной, добродетельной Ксении, воспитавшей его в правилах благочестия и скончавшей дни свои монахинею.

⟨…⟩

Том 5

Глава I
Великий князь Димитрий Иоаннович, прозванием Донской. Годы 1363–1389

Калита и Симеон готовили свободу нашу более умом, нежели силою; настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные гением России, ибо гром их пробудил ее спящую славу и народу уничиженному возвратил благородство духа. Сие важное дело не могло совершиться вдруг и с непрерывными успехами: судьба испытывает людей и государства многими неудачами на пути к великой цели, и мы заслуживаем счастие мужественною твердостию в противностях оного.

Димитрий Иоаннович, удостоенный великокняжеского сана Мурутом[1], желая господствовать безопаснее, искал благосклонности и в другом царе, Авдуле[2], сильном Мамаевою Ордою: посол сего хана явился с милостивою грамотою, и Димитрий долженствовал вторично ехать в Владимир, чтобы принять оную согласно с древними обрядами. Хитрость бесполезная: угождая обоим

ханам, великий князь оскорблял того и другого; по крайней мере утратил милость сарайского и, возвратясь в Москву, сведал, что Димитрий Константинович опять занял Владимир, ибо Мурут прислал ему с сыном бывшего владетеля белозерского, Иоанном Феодоровичем[3], и с тридцатью слугами ханскими ярлык на великое княжение. Но гнев царский уже не казался гневом небесным: юный внук Калитин осмелился презреть оный, выступил с полками, чрез неделю изгнал Димитрия Константиновича из Владимира, осадил его в Суздале и в доказательство великодушия позволил ему там властвовать как своему присяжнику.

Мысль великого князя или умных бояр его мало-помалу искоренить систему уделов[4] оказалась ясной: он выслал князей стародубского и галицкого из их наследственных городов, обязав Константина Ростовского[5] быть в точной и совершенной зависимости от главы России. Изумленные решительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновению древнему и закону отцов их, они жаловались, но повиновались: первые отъехали к князю Андрею Нижегородскому[6], а Константин в Устюг.

В сие время Димитрий Иоаннович лишился

брата и матери[7]. Тогда он с двоюродным братом своим, Владимиром Андреевичем, заключил [в 1364 г.] договор, выгодный для обоих. Митрополит Алексий был свидетелем и держал в руках святый крест: юные князья, окруженные боярами, приложились к оному, дав клятву верно исполнять условия, которые состояли в следующем: «Мы клянемся жить подобно нашим родителям: мне, князю Владимиру, уважать тебя, великого князя, как отца и повиноваться твоей верховной власти; а мне, Димитрию, не обижать тебя и любить как меньшого брата. Каждый из нас да владеет своею отчиною бесспорно: я, Димитрий, частию моего родителя и Симеоновою; ты уделом своего отца. Приятели и враги да будут у нас общие. Узнаем ли какое злоумышление — объявим его немедленно друг другу. Бояре наши могут свободно переходить, мои к тебе, твои ко мне, возвратив жалованье, им данное. Ни мне в твоем, ни тебе в моих уделах не покупать сел, не брать людей в кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владимир, обязан доставлять тебе, великому князю, с удела моего известную дань ханскую. Сборы в волостях княгини Иулиании[8] принадлежат нам обоим. Людей черных, записанных в сотни, мы не должны принимать к себе

в службу, ни свободных земледельцев, мне и тебе вообще подведомых. Выходцам ординским отправлять свою службу, как в старину бывало» (сим именем означались татары, коим наши князья дозволяли селиться в российских городах). «Если буду чего искать на твоем боярине или ты на моем, то судить его моему и твоему чиновнику вместе; а в случае несогласия между ими решить тяжбу судом третейским. Ты, меньший брат, участвуй в моих походах воинских, имея под княжескими знаменами всех бояр и слуг своих, за что во время службы твоей будешь получать от меня жалованье». Отнимая уделы свойственников дальних, великий князь не хотел поступить так с ближним, и княжение Московское оставалось еще раздробленным.



Великий князь Димитрий Иоаннович, прозванием Донской

Между тем в Сарае один хан сменял другого: преемник Мурутов, Азис[9], думал также низвергнуть Калитина внука, и Димитрий Константинович снова получил ханскую грамоту на великое княжение, привезенную к нему из Орды весною сыном его Василием и татарским вельможею Урусмандом; но сей князь, видя слабость свою, дал знать Димитрию Московскому, что он предпочитает его дружбу милости Азиса и навеки отказывается от достоинства великокняжеского. Умеренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродетель; однако ж Димитрий Иоан-

нович изъявил ему за то благодарность. Андрей Константинович преставился в Нижнем; желая наследовать сию область и сведав, что она уже занята меньшим братом его Борисом[10], князь суздальский прибегнул к московскому. Древнее обыкновение употреблять людей духовных в важных делах государственных еще не переменилось: св. Сергий, игумен пустынной Троицкой обители, был вызван из глубины лесов и послан объявить владетелю нижегородскому, чтобы он ехал судиться с братом к Димитрию Иоанновичу. Борис, утвержденный между тем на престоле ханскою грамотою, ответствовал, что князей судит Бог. Исполняя данное ему от митрополита повеление, Сергий затворил все церкви в Нижнем; но и сия духовная казнь не имела действия. Надлежало привести в движение сильную рать московскую: Димитрий Суздальский предводительствовал ею. Тогда Борис увидел необходимость повиноваться: выехал навстречу к брату, уступил ему Нижний и согласился взять один Городец; а великий князь, благодеянием привязав к себе Димитрия Константиновича, женился после на его дочери Евдокии[11]: свадьбу праздновали в Коломне со всеми пышными обрядами тогдашнего времени.

Сие происшествие случилось в год, ужасный для Москвы. Язва, описанная нами в княжение Симеоново, вторично посетила Россию. Во Пскове она возобновилась через 8 лет (и князь изборский Евстафий[12] с двумя сыновьями был ее жертвою); а в 1364 году купцы и путешественники завезли оную из Бездежа в Нижний Новгород, в Коломну, в Переславль, где умирало в день от 20 до 100 человек. Летописцы говорят о свойстве и признаках болезни таким образом: «Вдруг ударит как ножом в сердце, в лопатку или между плечами; огонь пылает внутри; кровь течет горлом; выступает сильный пот, и начинается дрожь. У других делаются железы на шее, бедре, под скулою, пазухою или за лопаткою. Следствие одно: смерть неизбежная, скорая, но мучительная. Не успевали хоронить тел; едва десять здоровых приходилось на сто больных; несчастные изды-хали без всякой помощи. В одну могилу зарывали семь, восемь и более трупов. Многие домы совсем опустели; в иных осталось по одному младенцу». В 1365 году зараза открылась в Ростове, Твери, Торжке: в первом городе скончались в одно время[13] князь Константин Васильевич, его супруга, епископ Петр, а во втором вдовствующая княгиня Александра Михайловича с тремя сыновьями,

Всеволодом Холмским, Андреем, Владимиром, их жены, также супруга и сын Константина Михайловича, Симеон, множество вельмож и купцов. В 1366 году и Москва испытала то же бедствие. Сия жестокая язва несколько раз проходила и возвращалась. В Смоленске она свирепствовала три раза: наконец (в 1387 году) осталось в нем только пять человек, которые, по словам летописи, вышли и затворили город, наполненный трупами.

Москва незадолго до язвы претерпела и другое несчастие: пожар, какого еще не бывало и который слывет в летописях *великим пожаром Всесвятским,* ибо начался церковию Всех Святых. Сей город разделялся тогда на *кремль, посад, загородье* и *заречье*; в два часа или менее огонь, развеваемый ужасною бурею, истребил их совершенно. Многие бояре и купцы не спасли ничего из своего имения. Видя, сколь деревянные укрепления ненадежны, великий князь в общем совете с братом, Владимиром Андреевичем, и с боярами решился построить *каменный кремль* и заложил его весною в 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать меры для безопасности отечества и столицы, когда Россия уже явно действовала против своих тиранов; могли ли они добровольно отказаться от господства над нею и простить

ей великодушную смелость? Мурза ординский Тагай, властвуя в земле Мордовской или в окрестностях Наровчата, выжег нынешнюю Рязань; Олег соединился с Владимиром Димитриевичем Пронским[14] и с князем Титом Козельским (одним из потомков св. Михаила Черниговского), настиг и разбил Тагая в сражении кровопролитном[15]. Столь же счастливо Димитрий Нижегородский с братом своим Борисом наказал другого сильного могольского хищника, Булат-Темира. Сей мурза, овладев течением Волги, разорил Борисовы села в ее окрестностях, но бежал от наших князей за реку Пьяну; многие татары утонули в ней или были истреблены россиянами; а сам Булат-Темир ушел в Орду, где хан Азис велел его умертвить. Сии ратные действия предвещали важнейшие.

[1367–1368 гг.) Великий князь, готовясь к решительной борьбе с Ордою многоглавою, старался утвердить порядок внутри отечества. Своевольство новгородцев возбудило его негодование: многие из них, под названием охотников, составляли тогда целые полки и, без всякого сношения с правительством, ездили на добычу в места отдаленные. Так, они (в 1364 году) ходили по реке Оби до самого моря с молодым вождем Александром Обакуновичем и сражались не только с инопле-

менными сибирскими народами, но и с своими двинянами. Сей же Александр и другие смельчаки отправились вниз по Волге на 150 лодках; умертвили в Нижнем великое число татар, армян, хивинцев, бухарцев; взяли их имение, жен, детей; вошли в Каму, ограбили многие селения в Болгарии и возвратились в отчизну, хвалясь успехом и добычею. Узнав о том, великий князь объявил гнев новогородцам; велел захватить их чиновника в Вологде, ехавшего из Двинской области, и сказать им, что они поступают как разбойники и что купцы иноземные находятся в России под защитою государя. Правительство, извиняясь неведением, нашло способ умилостивить Димитрия.

Самая язва не прекратила междоусобия тверских князей. Василий Михайлович Кашинский, долговременный неприятель Всеволода Холмского, ссорился и с братом его, Михаилом Александровичем (княжившим прежде в Микулине[16]), за область умершего Симеона Константиновича. Дядя хотел быть главою княжения; а племянник доказывал, что он, будучи сыном брата старшего, есть наследник его прав и властелин всех частных уделов. Они хотели решить тяжбу судом духовным: уполномоченный для того митро-

политом, тверской епископ обвинил дядю, но долженствовал сам ехать в Москву для ответа, ибо Василий и брат Симеонов, Иеремий Константинович[17], жаловались на его несправедливость святому Алексию. Сие дело казалось неважным: открылись следствия, несчастные для Твери и Москвы. Юноша Михаил имел достоинства, властолюбие и сильного покровителя в знаменитом Ольгерде Литовском, женатом на его сестре[18]. Зная, что великий князь и митрополит держат сторону Василиеву, зная также намерение первого господствовать самодержавно над всею Россиею, Михаил уехал в Литву. Пользуясь его отсутствием, Василий и Иеремий гнали усердных к нему бояр и, предводительствуя данною им от Димитрия московскою ратию, опустошили Михаилову область в надежде, что он не дерзнет возвратиться. Но Михаил спешил отмстить дяде и брату, ведя с собою войско литовское; взял Тверь, пленил свою тетку[19] и думал осадить Кашин, где заключился Василий; однако ж епископ примирил их, с условием, что дядя уступит старейшинство племяннику и будет довольствоваться областию Кашинскою.

Князь московский участвовал в сем мире и подтвердил его. Но прозорливые советники

Димитриевы, боясь замыслов Михаила — который назвался *великим князем тверским* и хотел восстановить независимость своей области, — употребили хитрость: ими, как вероятно, наученный, Иеремий Константинович приехал к Димитрию с новыми жалобами, требуя, чтоб он взял на себя распорядить уделы в Твери. Михаила позвали в Москву дружелюбно и ласково: сам св. Алексий обнадежил его в безопасности, уверяя, что суд великого князя навсегда утвердит тишину в Тверских владениях. Слово митрополита и святость гостеприимства не дозволяли страшиться обмана. Михаил желал видеть столицу Димитрия (уже славную тогда в России), узнать его лично, беседовать с благоразумными вельможами московскими: он въехал гостем, но сделался невольником. Нарядили третейский суд; хотели предписывать законы Михаилу; удалили от него бояр тверских и содержали их как пленников в разных домах с князем. Обман, недостойный правителей мудрых! И виновники не воспользовались оным. Летописцы говорят, что прибытие ханского вельможи Карача заставило советников Димитриевых освободить утесненного князя: сей мурза, как вероятно, вступился за него; вероятно и то, что св. Алексий, невольно

вовлеченный в дело, противное совести, удержал их от дальнейшего насилия. Михаил спешил удалиться, громогласно обвиняя Димитрия и митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольным и не жаловаться! Он уступил, без сомнения также невольно, городок или область Симеона Константиновича князю Иеремию, с коим отправился туда чиновник московский.

Надлежало довершить оружием, что начали коварством. Василий Кашинский умер: великий князь, как бы желая только защитить сына его Михаила[20] от притеснений, послал войско в Тверь; а Михаил Александрович ушел к Ольгерду. Сей литовский государь, более двадцати лет воюя непрестанно с немецким орденом, с поляками, россиянами, купил славу героя кровию бесчисленного множества людей и пеплом городов: равнодушно смотрел на изнурение своих подданных и, бодрый в летах старости, все еще искал новых приобретений. В 1363 году он ходил с войском к Синим Водам, или в Подолию, и к устью Днепра, где кочевали три орды могольские; разбив их, гнался за ними до самой Тавриды; опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей и похитил церковные сокровища: с того времени, как вероятно, опустел сей древний город и татары

заднепровские находились в некоторой зависимости от Литвы. Поход к берегам Черного моря не препятствовал Ольгерду беспокоить Россию: военачальники его взяли Ржев[21], а сын, Андрей Полоцкий[22] (в 1368 году), старался овладеть другими пограничными местами нашими. Россияне также действовали наступательно, и юный князь Владимир Андреевич ознаменовал свое мужество счастливым успехом, изгнав литву из города Ржева[23]. В сих обстоятельствах Ольгерд должен был ревностно вступиться за шурина, который предлагал ему идти прямо к Москве и смирить дерзкого юношу, уже столь решительного в замыслах самовластия. Собрав многочисленные полки, он выступил к пределам России с братом Кестутием, также поседевшим в битвах, и с сыном его, отроком Витовтом, будущим героем, грозным для всех народов соседственных. Летописцы рассказывают, что Кестутий, возвращаясь однажды с войском из Пруссии, увидел в Полонге красавицу, именем Бириту[24], и влюбился в нее; дав идолам своим обет вечно сохранить девство и за то слывя богинею в народе, она не хотела быть женою храброго князя, но Кестутий насильно сочетался с нею браком. От сей Бириты родился знаменитый Витовт.

Князь смоленский[25], добровольно или принужденно, соединил дружину свою с полками литовскими, которые шли, не зная куда, ибо Ольгерд умел хранить тайну в важных предприятиях, чтобы нападать внезапно, и любил побеждать хитростию еще более, нежели силою. Он был окружен россиянами и купцами иноземными; но цель его похода оставалась неизвестною в Москве до самого того времени, как сей завоеватель приближился к нашим границам. Изумленный великий князь отправил гонцов во все области для собрания войска и, желая остановить стремление неприятеля, велел боярину Димитрию Минину идти вперед с одними полками московскими, коломенскими и дмитровскими. Вторым начальником был воевода князя Владимира Андреевича, именем Иакинф Шуба. Уже Ольгерд, как лев, свирепствовал в российских владениях: не уступая моголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города; убил князя стародубского Симеона Димитриевича Кропиву, а в Оболенске князя Константина Юрьевича[26], происшедшего от св. Михаила Черниговского, и близ Тростенского озера[27] ударил всеми силами на воеводу Минина. Многие наши князья, бояре легли на месте, и полки московские были истреб-

лены совершенно. Ольгерд, истязая пленников, спрашивал: где великий князь и есть ли у него войско? Все ответствовали единогласно, что Димитрий в столице и еще не успел соединить сил своих. Победитель спешил к Москве, где великий князь с братом Владимиром Андреевичем, с митрополитом Алексием, со всеми знаменитейшими людьми затворился в кремле, велев обратить в пепел окрестные здания. Три дня Ольгерд стоял под стенами, грабил церкви, монастыри, не приступая к городу: каменные стены и башни устрашали его, а зимние морозы не позволяли ему заняться трудною осадою. Довольный корыстию и множеством пленников, он удалился, гоня перед собою стада и табуны, отнятые у земледельцев и городских жителей; вышел из России и хвалился тем, что она долго не забудет сделанных им в ней опустошений. В самом деле, великое княжество не видало подобных ужасов в течение сорока лет, или со времен Калиты, и сведало, что не одни татары могут разрушать государства[28].

Как скоро сия буря миновалась, великий князь отправил брата, Владимира Андреевича, защитить псковитян от немцев. Оскорбленные убиением некоторых россиян на границах Ливонии в мирное время, псковитяне (в 1362 году)

остановили у себя гостей немецких, а жители Дерпта — новогородских. Были съезды и переговоры. Новгород посылал бояр своих в Дерпт; наконец с обеих сторон задержанным купцам дали свободу; однако ж псковитяне взяли с немцев немало серебра за их вероломство и не могли долго ужиться с ними в мире. Открылась новая ссора за границы: посол от великого князя ездил в Дерпт и не успел ни в чем. Вслед за ним явилось войско немецкое, предводимое магистром Вильгельмом Фреймерзеном, архиепископом Фромгольдом[29] и многими коммандорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки под его стенами и ночью ушло. «К несчастию, — говорит тамошний летописец, — князь Александр[30] и главные чиновники наши были в разъезде по селам, а мы ссорились с Новым городом». Прибытие князя Владимира Андреевича восстановило согласие между ими; с того времени новгородцы действовали заодно с своими братьями, псковитянами; принудили немцев бежать от Изборска и вторично от Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузен[31] и (в 1371 году) заключили с орденом мир.

Потрясенная нашествием Литвы, Москва имела нужду в отдохновении: великий князь возвратил

Михаилу спорную область Симеона Константиновича, но не замедлил снова объявить ему войну: принудил его вторично бежать в Литву, взял Зубцов, Микулин и пленил множество людей, чтобы ослабить державу опасного противника. Раздраженный бедствием своего невинного народа, Михаил вздумал свергнуть Димитрия посредством татар. Уже Мамай силою или хитростию соединил так называемую *Золотую,* или Сарайскую, Орду, где царствовал Азис, и свою Волжскую; объявил ханом Мамант-Салтана[32] и господствовал под его именем. Вероятно, что он был недоволен Димитрием или, находясь в дружелюбном сношении с Ольгердом, хотел угодить ему; по крайней мере, выслушав благосклонно Михаила, дал ему грамоту на сан великого князя: посол ханский долженствовал ехать с ним в Владимир. Но времена безмолвного повиновения миновались: конные отряды московские спешили занять все пути, чтобы схватить тверского князя, и Михаил, ими гонимый из места в место, едва мог пробраться в Вильну.

Одержав победу над крестоносцами немецкими, седой Ольгерд наслаждался или скучал тогда миром. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата, а Димитрий сделал

Литве новую, чувствительную досаду, посылав воевод московских осаждать Брянск и тревожить владения союзника ее, князя смоленского. Ольгерд решился вторично идти к Москве, как скоро болота и реки замерзли от первого холода зимнего. Несколько тысяч земледельцев шли впереди, прокладывая прямые дороги. Войско не останавливалось почти ни днем ни ночью; не смело ни грабить, ни жечь селений, чтобы не тратить времени, и в исходе ноября приступило к Волоку Ламскому, где начальствовал храбрый, опытный муж Василий Иванович Березуйский[33], один из князей смоленских, верный слуга Димитриев. Три дня бились под стенами, и рать многочисленная не могла одолеть упорства осажденных, так что Ольгерд, потеряв терпение, с досадою удалился от ничтожной деревянной крепости, ибо время казалось ему дорого. Но россияне оплакивали своего знаменитого начальника: неприятельский воин скрылся во рву и, видя князя Березуйского, стоящего перед городскими воротами, ударил его сквозь мост копием. Сей верный сын отечества, довольный спасением города, посвятил небу последние минуты жизни: он скончался монахом.

6 декабря [1370 г.] Ольгерд и правая рука его,

мужественный Кестутий, расположились станом близ Москвы; с ними был и князь смоленский Святослав. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли загородье, часть посада и вторично не дерзнули приступить к кремлю, где сам Димитрий начальствовал: митрополит Алексий находился тогда в Нижнем Новегороде, к сожалению народа, всегда ободряемого в опасностях присутствием святителя. Но великий князь и бояре, предвидя следствие взятых ими мер, спокойно ожидали оного. Брат Димитриев, Владимир Андреевич, стоял в Перемышле[34] с сильными полками, готовый ударить на литовцев с тылу; а князь Владимир Димитриевич Пронский вел к Москве рязанское войско. Ольгерд устрашился и требовал мир, а уверял, что, не любя кровопролития, желает быть *вечно* нашим другом, и в залог искренности вызвался отдать дочь свою Елену[35] за князя Владимира Андреевича. Великий князь охотно заключил с ним *перемирие* до июля месяца. Несмотря на то, сей коварный старец шел назад с величайшею осторожностию, боясь тайных засад и погони: столь мало верил он святости государственных договоров и чести народа, имевшего причину ненавидеть его как жестокого злодея России![36]

Не только страх быть окруженным полками

российскими, но и другие обстоятельства вселяли в Ольгерда сие нетерпеливое желание мира, а именно новые неприятельские замыслы немецкого ордена, о коих слегка упоминается в наших летописях, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледельцам убрать хлеба; в декабре и январе было удивительное тепло, в начале же февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлеб, осенью засыпанный снегом. Сия оттепель, испорченные дороги, разлитие рек и трудность доставать съестные припасы могли иметь гибельные следствия для войска в земле неприятельской. Одним словом, Ольгерд, думая только о себе, забыл пользу своего шурина и не включил его в договор мирный.

[1371 г.] Оставленный зятем, Михаил вторично обратился к Мамаю и выехал из Орды с новым ярлыком на великое княжение Владимирское. Хан предлагал ему даже войско, но сей князь не хотел оного, боясь подвергнуть Россию бедствиям опустошения и заслужить справедливую ненависть народа: он взял только ханского посла, именем Сарыхожу, с собою. Узнав о том, Димитрий во всех городах великого княжества обязал бояр и чернь клятвою быть ему верными и вступил с

войском в Переславль-Залесский. Тщетно враг его надеялся преклонить к себе граждан владимирских; они единодушно сказали ему: «У нас есть государь законный; иного не ведаем». Тщетно Сарыхожа звал Димитрия в Владимир слушать грамоту хана, великий князь ответствовал: «К ярлыку не еду, Михаила в столицу не впускаю, а тебе, послу, даю путь свободный». Наконец сей вельможа татарский, вручив ярлык Михаилу, уехал в Москву, где, осыпанный дарами и честию, пируя с князьями, с боярами, славил Димитриево благонравие. Михаил же, видя свое бессилие, возвратился с Мологи в Тверь и разорил часть соседственных областей великокняжеских.

Между тем грамота ханская оставалась еще в его руках: сильный Мамай не мог простить Димитрию двукратное ослушание, имея тогда войско, готовое к впадению в Россию, к убийствам и грабежу. Великий князь долго советовался с боярами и с митрополитом; надлежало или немедленно восстать на татар, или прибегнуть к старинному уничижению, к дарам и лести. Успех великодушной смелости казался еще сомнительным: избрали второе средство, и Димитрий — без сомнения, зная расположение Мамаево — решился ехать в Орду, утвержденный в сем

намерении моголом Сарыхожею, который взялся предупредить хана в его пользу. Народ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый государь будет иметь в Орде участь Михаила Ярославича Тверского и что коварный Сарыхожа, подобно злодею Кавгадыю, готовит ему верную гибель. По крайней мере, никто не мог без умиления видеть, сколь Димитрий предпочитает безопасность народную своей собственной, и любовь общая к нему удвоилась в сердцах благодарных. Митрополит Алексий провожал его до берегов Оки: там усердно молился Всевышнему, благословил Димитрия, бояр, воинов, всех княжеских спутников и торжественно поручил им блюсти драгоценную жизнь государя доброго; он сам желал разделить с ним опасности, но присутствие его было нужно в Москве, где оставался совет боярский, который уже по отбытии Димитрия заключил мир с литовскими послами вследствие торжественного обручения Елены, Ольгердовой дочери, за князя Владимира Андреевича; свадьба совершилась чрез несколько месяцев.

С нетерпением ожидали вестей из Орды; суеверие, устрашенное необыкновенными явлениями естественными, предвещало народу государственное бедствие. В солнце видны были черные

места, подобные гвоздям, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днем в двух саженях нельзя было разглядеть лица человеческого; птицы, не смея летать, станицами ходили по земле. Сия тьма продолжалась около двух месяцев. Луга и поля совершенно иссохли; скот умирал; бедные люди не могли за дороговизною купить хлеба. Печальное уныние царствовало в областях великокняжеских — думая воспользоваться оным, Михаил Тверской хотел завоевать Кострому; однако ж взял одну Мологу, обратив в пепел Углич и Бежецк.

В исходе осени усердные москвитяне были обрадованы счастливым возвращением своего князя: хан, царицы, вельможи ординские, и в особенности темник Мамай, не предвидя в нем будущего грозного сопротивника, приняли Димитрия с ласкою; утвердили его на великом княжении, согласились брать с оного дань гораздо умереннейшую прежней и велели сказать Михаилу: «Мы хотели силою оружия возвести тебя на престол Владимирский, но ты отвергнул наше предложение в надежде на собственное могущество; ищи же покровителей где хочешь!» Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу князей московских и тем дороже

ценили покорность Димитрия. В Орде находился сын Михаилов, Иоанн[37], удержанный там за 10 000 рублей, коими Михаил был должен царю. Димитрий, желая иметь столь важный залог в руках своих, выкупил Иоанна и привез с собою в Москву, где сей юный князь жил несколько времени в доме у митрополита; но, согласно с правилами чести, был освобожден, как скоро отец заплатил Димитрию означенное количество серебра; Михаил же оставался неприятелем великого князя: воеводы московские, убив в Бежецке наместника Михаилова, опустошили границы тверские.

[1372 г.] Тогда явился новый неприятель, который хотя и не думал свергнуть Димитрия с престола Владимирского, однако ж всеми силами противоборствовал его системе единовластия, ненавистной для удельных князей: то был смелый Олег Рязанский, который еще в государствование Иоанна Иоанновича показал себя врагом Москвы[38]. Озабоченный иными делами, Димитрий таил свое намерение унизить гордость сего князя и жил с ним мирно: мы видели, что рязанцы ходили даже помогать Москве, теснимой Ольгердом. Не опасаясь уже ни Литвы, ни татар, великий князь скоро нашел причину объявить войну Олегу, неуступчивому соседу, всегда

готовому спорить о неясных границах между их владениями. Воевода Димитрий Михайлович Волынский[39] с сильною ратию московскою вступил в Олегову землю и встретился с полками сего князя, не менее многочисленными и столь уверенными в победе, что они с презрением смотрели на своих противников. «Друзья! — говорили рязанцы между собою. — Нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых москвитян». *Рязанцы,* прибавляет летописец, *бывали искони горды и суровы*: суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* москвитяне, устроенные вождем искусным, побили их наголову[40]. Олег едва ушел. Великий князь отдал Рязань Владимиру Димитриевичу Пронскому, согласному зависеть от его верховной власти. Но сим не кончилась история Олегова: любимый народом, он скоро изгнал Владимира и снова завоевал все свои области; а Димитрий, встревоженный иными, опаснейшими врагами, примирился с ним до времени.

Михаил, все еще имея тесную связь с Литвою, всячески убеждал Ольгерда действовать с ним заодно против великого князя, без сомнения представляя ему, что время укрепит Димитрия

в мужестве и властолюбии; что сей государь, столь еще юный, рано или поздно отмстит ему за двухкратную осаду Москвы и захочет возвратить отечеству прекрасные земли, отторженные Литвою от России; что надобно низвергнуть опасного неприятеля или по крайней мере частыми нападениями ослаблять его силу. *Вечный мир,* клятвенно утвержденный в Москве литовскими послами, и новый брачный союз с домом ее князей произвели единственно то, что Ольгерд не захотел сам предводительствовать войском, а послал Кестутия, Витовта, Андрея, сына своего, и князя Димитрия Друцкого[41] разорять наше отечество. Не уступая брату ни в скорости, ни в тайне воинских замыслов, Кестутий весною осадил Переславль столь внезапно, что схватил многих земледельцев на полях и бояр, выехавших в села для хозяйственных распоряжений. В такое время, когда едва сошел снег и глубокие реки находились в полном разливе, никто не ожидал неприятеля внутри России. Впрочем, сие литовское впадение было одним быстрым набегом: Кестутий выжег предместие, но снял осаду и соединился с войском Михаила, который опустошил села вокруг Дмитрова, взяв окуп с города. Обе рати двинулись к Кашину; истребили селения

вокруг его и также взяли дань с граждан, а князя Михаила Васильевича, преданного Димитрию, обязали клятвою быть подвластным тверскому. На возвратном пути литовцы злодействовали и в самых владениях их союзника; Михаил же, оставив наместников в Торжке, величал себя победителем.

Но победа еще ожидала его. Не зная, кто останется главою России, Михаил или Димитрий, новгородцы (в 1370 году) дали на себя грамоту первому, обещая ему повиноваться как своему законному властителю, *если* хан утвердит его в великокняжеском достоинстве. Когда же Димитрий возвратился из Орды с царскою милостию, тогда они заключили с ним договор противиться общими силами Михаилу, Литве и рижским немцам; великий князь обязывался самолично предводительствовать войском или прислать к ним брата, Владимира Андреевича. Сведав, что Михаил занял Торжок, новгородцы спешили выгнать оттуда его наместников, ограбили всех купцов тверских и взяли с жителей клятву быть верными их древнему правительству. Немедленно обступив Торжок [31 мая], Михаил требовал, чтобы виновники сего насилия и грабежа были ему выданы и чтобы жители снова приняли к

себе тверского наместника. Бояре новогородские ответствовали надменно; сели на коней и выехали в поле с гражданами. Мужество и число тверитян решили битву: смелый воевода новогородский, Александр Абакумович, победитель сибирских народов, и знаменитые товарищи его пали мертвые в первой схватке; другие бежали и не спаслися: конница Михаилова топтала их трупы, и князь, озлобленный жителями, велел зажечь город с конца по ветру. В несколько часов все здания обратились в пепел, монастыри и церкви, кроме трех каменных; множество людей сгорело или утонуло в Тверце, и победители не знали меры в свирепости: обдирали донага жен, девиц, монахинь; не оставили на образах ни одного золотого, ни серебряного оклада и с толпами пленных удалились от горестного пепелища, наполнив 5 скудельниц мертвыми телами[42]. Летописцы говорят, что злодейства Батыевы в Торжке не были так памятны, как Михаиловы.

Совершив сей подвиг, тверской князь готовился к важнейшему. Набег Кестутиев, прервав мирную связь между Литвою и Россиею, долженствовал иметь следствие, и старец Ольгерд хотел предупредить Димитрия: зная твердо путь к его столице, со многочисленным войском устре-

мился к оной; шел, по своему обыкновению, без отдыха и, соединясь [12 июля] с Михаилом близ Калуги, думал, что москвитяне увидят его только на Поклонной горе. Но знамена великого князя уже развевались в поле: передовой отряд московский, быстро ударив на Ольгердов, гнал бегущих до самого их главного войска. Российское стало против литовского, готовое к бою; числом одно не уступало другому: надлежало одолеть искусством или храбростию. Между двумя станами находился крутой овраг и глубокая дебрь: ни те ни другие не хотели сойти вниз, чтобы начать битву, и несколько дней миновало в бездействии, коим воспользовался Ольгерд для предложения мира. С обеих сторон желали оного: если бы россияне одержали верх, то литовцы, удаленные от своих границ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгерд победил, то Димитрий предал бы ему Россию в жертву. Первый имел выгоду опытности; но самая сия опытность не позволяла ему верить слепому случаю, от коего нередко зависит успех или бедствие на войне. Зная же, что так называемый *вечный* мир есть пустое слово, они заключили единственное перемирие от 1 августа до 26 октября, и вельможи литовские именем Ольгерда, Кестутия и союзника их Свято-

слава Смоленского, а бояре российские именем великого князя и брата его, Владимира Андреевича, написали договор, включив в него с одной стороны князей тверского и брянского, с другой же рязанских, названных *великими*. Главные условия были таковы: «Нет войны между нами. Путь нашим послам и купцам везде свободен. Князь Михаил должен возвратить все похищенное им в областях великого княжения во время трех бывших перемирий и вывести оттуда своих наместников; а буде они не выедут, то Димитрий может их взять под стражу и сам управиться с Михаилом в случае новых его насилий; Ольгерду же в таком случае не вступаться за шурина. Когда люди московские, посланные в Орду жаловаться на князя тверского, успеют в своем деле, то Димитрий поступит, как угодно Богу и царю, чего Ольгерд не должен ставить ему в вину. Михаилу нет дела до великого княжения, а Димитрию до Твери; они ведаются только чрез послов. Князь литовский обязан возвратить Димитрию сию договорную грамоту, буде вздумает по истечении срока возобновить неприятельские действия».

Таким образом старец Ольгерд заключил свои впадения в Россию, которые могли бы иметь гораздо вреднейшее следствие для ее целости,

если бы он нашел в Димитрии менее бодрости и неустрашимости. Историк литовский вместо трех походов описывает только один, рассказывая следующие обстоятельства, несогласные с известиями наших современных летописцев: «Димитрий, надменный успехами своего оружия, хотел отнять у Литвы Витебск, Полоцк и Киев; прислал Ольгерду *кремень, огниву, саблю* и велел объявить, что россияне намерены в Светлую неделю похристосоваться с ним в Вильне огнем и железом. Ольгерд немедленно выступил с войском в средине Великого поста и вел с собою послов Димитриевых до Можайска; там отпустил их и, дав им зажженный фитиль, сказал: *Отвезите его к вашему князю. Ему не нужно искать меня в Вильне: я буду в Москве с красным яйцом прежде, нежели этот фитиль угаснет. Истинный воин не любит откладывать: вздумал и сделал*. Послы спешили уведомить Димитрия о предстоящей опасности и нашли его в день Пасхи, идущего к заутрене; а восходящее солнце озарило на Поклонной горе стан литовский. Изумленный великий князь требовал мира; Ольгерд благоразумно согласился на оный, взяв с россиян много серебра и все их владения до реки Угры. Он вошел с боярами литовскими в

кремль, ударил копьем в стену на память Москве и вручил *красное яйцо* Димитрию». Не говоря о хронологических ошибках сего историка, заметим только, что Угра не могла быть границею между Ольгердовым государством и Россиею, пока Смоленск оставался еще княжеством особенным или не присоединенным к Литве.

[1374–1375 гг.] Ольгерд не рассудил за благо нарушить перемирия и года два не беспокоил России. Иные опасности явились; медленно, но грозно восходила туча над великим княжением от берегов Волги. Еще Димитрий соглашался быть данником моголов, однако ж не хотел терпеть насилия с их стороны. Вопреки, может быть, слову, данному ханом, послы Мамаевы, приехав в Нижний с воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошнего князя Димитрия Константиновича и граждан: сей князь, исполняя, как вероятно, предписание московского, велел или дозволил народу умертвить послов, с коими находилось более тысячи Мамаевых воинов; главного из них, мурзу Сарайку, заключили в крепости с его особенною дружиною. Прошло около года; объявили Сарайке, что он должен проститься с товарищами и что их будут содержать в разных домах. Испуганный сею вестию мурза ушел от приставов, вбежал в

дом епископский, зажег оный и с помощию слуг своих оборонялся: они пустили несколько стрел и едва не ранили самого суздальского епископа Дионисия[43], но скоро были все жертвою народной злобы.

Неизвестно, старался ли Димитрий Константинович или великий князь оправдать сие дело пред судилищем ханским: по крайней мере, гордый Мамай не стерпел такой явной дерзости и послал войско опустошить пределы Нижегородские, берега Киши и Пьяны, где начальствовал боярин Парфений и где через несколько дней не осталось ничего, кроме пепла и трупов.

[1375 г.] Сия месть не могла удовлетворить гневу Мамаеву: он клялся погубить Димитрия, и российские мятежники взялись ему в том способствовать. Мы упоминали о знаменитости московских чиновников, называемых тысяцкими, которые, подобно князьям, имели особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно с древним обычаем, чтобы предводительствовать их людьми военными. Димитрий уничтожил сей важный сан, неприятный для самовластия государей и для бояр, обязанных уступать первенство чиновнику народному. Последний московский

тысяцкий, Василий Васильевич Вельяминов, умерший схимником, оставил сына, именем Ивана, хотевшего, может быть, заступить место отца: недовольный великим князем, он вместе с богатым купцом Некоматом ушел к Михаилу Тверскому и представил ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрия, чтобы отнять Владимир у московского князя. Отправив коварного Вельяминова и Некомата к хану, Михаил сам ездил в Литву и, возвратясь в Тверь, получил из Орды грамоту на великое княжение. Мамай обещал ему войско, Ольгерд также. Не дав им времени исполнить столь нужное обещание, легкомысленный князь тверской объявил войну Димитрию, послал своих наместников в Торжок и сильный отряд к Угличу.

Великий князь оказал деятельность необыкновенную, предвидя, что он в одно время может иметь дело и с тверитянами, и с Литвою, и с моголами: гонцы его скакали из области в область; полки вслед за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинах Волока. Все князья удельные, или служащие московскому[44], находились под его знаменами: Владимир Андреевич, внук Калитин; Димитрий Константинович Суздальский с двумя братьями

и сыном; князья ростовские Василий и Александр Константиновичи, с двоюродным их братом Андреем Феодоровичем; Иоанн Смоленский, Василий Ярославский, Феодор Михайлович Моложский, Феодор Романович Белозерский, Василий Михайлович Кашинский (сын умершего Михаила Васильевича), Андрей Стародубский, Роман Михайлович Брянский, Роман Симеонович Новосильский, Симеон Константинович Оболенский и брат его Иоанн Торусский. Некоторые из сих князей — например, смоленский и брянский — не были владетельными, ибо в Смоленске господствовал Святослав, дядя сего Иоанна, а в Брянске сын Ольгердов. В Стародубе и Белозерске уже властвовали наместники московские. Оболенск, Торусса и Новосиль, древние уделы Черниговские в земле вятичей, подобно Ярославлю, Мологе и Ростову, зависели тогда от великого княжения; однако ж имели своих особенных владетелей, потомков св. Михаила Черниговского.

Димитрий, взяв Микулин, 5 августа осадил Тверь. Он велел сделать два моста чрез Волгу и весь город окружить тыном. Начались приступы кровопролитные. Верные тверитяне никогда не изменяли князьям своим: говели, пели молебны

и бились с утра до вечера; гасили огонь, коим неприятель хотел обратить их стены в пепел, и разрушили множество туров, защиту осаждающих. Все Михаиловы области были разорены московскими воеводами, города взяты, люди отведены в плен, скот истреблен, хлеб потоптан; ни церкви, ни монастыри не уцелели; но тверитяне мужественно умирали на стенах, повинуясь князю и надеясь на Бога. Осада продолжалась три недели: Димитрий с нетерпением ждал новгородцев, которые явились наконец в его стане, пылая ревностию отплатить Михаилу за бедствие Торжка. Еще сей князь, видя изнеможение своих воинов от ран и голода, ободрял себя мыслию, что Ольгерд и Кестутий избавят его в крайности; литовцы действительно шли к нему в помощь; но, узнав о силе Димитриевой, возвратились с пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться; он избрал последнее средство, и владыка Евфимий[45] со всеми знатнейшими тверскими боярами пришел в стан к Димитрию, требуя милости и спасения.

Великий князь показал достохвальную умеренность, предписав Михаилу условия не тягостные, согласные с благоразумною политикою. Главные из оных были следующие: «По благословению

отца нашего Алексия, митрополита всея Руси, ты, князь тверской, дай клятву за себя и за наследников своих признавать меня *старейшим* братом, никогда не искать великого княжения Владимирского, нашей отчины, и не принимать оного от ханов, также и Новагорода Великого; а мы обещаемся не отнимать у тебя наследственной Тверской области. Не вступайся в Кашин, отчину князя Василия Михайловича; отпусти захваченных бояр его и слуг, также и всех наших, с их достоянием. Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взятые в Торжке, вместе с имением граждан, ныне свободных от данной ими тебе присяги; да будут свободны и те, кого ты закабалил из них грамотами. Но предаем забвению все действия нынешней тверской осады: ни тебе, ни мне не требовать возмездия за убытки, понесенные нами в сей месяц. Князья ростовские и ярославские *со мною один человек*. Не обижай их, или мы за них вступимся. Откажись от союза с Ольгердом: когда Литва объявит войну смоленскому» — тогда уже союзнику Димитриеву — «или другим князьям, нашим братьям, мы обязаны защитить их, равно как и тебя. В рассуждении татар поступай согласно с нами: решимся ли воевать, и ты враг их; решимся ли платить им

дать, и ты плати оную. Когда я и брат мой князь Владимир Андреевич сядем на коней, будь нам товарищ в поле; когда пошлем воевод, да соединятся с ними и твои».

В других статьях сей договорной грамоты сказано, что Михаил, в исполнение прежних условий, освободит всех людей великокняжеских, задержанных в Твери им или его боярами по долгам, искам и ручательству; что бояре вольны отъехать для службы от московского князя к тверскому или от тверского к московскому, но лишаются в таком случае своих жалованных поместьев; что села изменников Ивана Вельяминова и Некомата принадлежат Димитрию; что земли и воды новгородцев, из чести служащих Михаилу, остаются под ведением Новагорода; что тамошние купцы могут безопасно ездить чрез области Тверские; что гражданин свободный обязан платить дань князю той области, где живет, хотя бы и находился в службе другого, но подсуден единственно своему государю; что в делах спорных бояре московские и тверские съезжаются для суда на границе, а в случае несогласия избирают князя Олега Рязанского в посредники; что беглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые московские люди не платят

в Твери ничего, кроме законных, издавна уставленных пошлин; что всякий насильственный перевод жителей из одной земли в другую воспрещается, и проч. Довольный смирением гордого соперника, Димитрий оставил ему все права князя независимого и название *великого,* подобно смоленским и рязанским князьям. Новгородцы же заключили особенный договор с Михаилом, который обязался дать свободу их пленникам, *житым* (или нарочитым) и простым людям; возвратить товары, отнятые у купцов новогородских, восстановить древние границы между обеими землями, наблюдать правила доброго соседства, не стоять за беглых рабов, должников и проч. Сия междоусобная война, счастливая для великого князя, была долгое время оплакиваема в Тверских областях, разоренных без милосердия, ибо воевать значило тогда свирепствовать, жечь и грабить. Димитрий, руководствуясь обычаем как уставом народным, не заслужил упреков от современников, которые, напротив того, славили его великодушие, ибо он не захотел совершенно истребить Твери и свергнуть Михаила с наследственного престола. Летописцы тем более клянут истинных виновников сего бедствия, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнув чрез

несколько лет возвратиться в великое княжение, были казнены всенародно, к устрашению подобных им злодеев. Народ московский, долго уважав и любив отца Иванова, чиновника столь знаменитого, с горестию смотрел на казнь сего несчастного сына, прекрасного лицом, благородного видом; она совершилась на древнем *Кучкове поле,* где ныне монастырь Сретенский[46].

[1376 г.] Великий князь, распустив часть войска, послал другую на болгаров с воеводою, князем Димитрием Михайловичем Волынским, женатым на его сестре Анне. Сей князь — один из потомков Святополка II, как вероятно, или Романа Галицкого, — выехав из Волыни служить государю московскому, усердствовал отличаться подвигами мужества. Казанская Болгария, еще прежде России покоренная Батыем, с того времени зависела от ханов, и жители смешались с моголами. Мурза Булактемир, как мы упоминали, овладел ею в 1361 году; после властвовал там Осан, неприятель Димитрия Константиновича Суздальского, сверженный им в 1370 году. Взяв с собою посла ханского — следственно, действуя с согласия Мамаева, — сын Димитриев, Василий[47], и брат, князь городецкий, ходили с войском в Болгарию: приняли дары от Осана, но возвели

на его место другого князя. Новый поход россиян в сию землю имел важнейшую цель: великий князь, уже явный враг моголов, хотел подчинить себе Болгарию. Сыновья Димитрия Суздальского соединились с полками московскими и приближались к *Казани* [16 марта], городу славному в нашей истории; сообщим любопытное предание о начале его. «Сын Батыев, — так говорит один летописец XVI века[48], бывший любимым слугою царя казанского, — сын Батыев, именем Саин, шел воевать Россию, но, обезоруженный смирением и дарами ее князей, остановился; тут он вздумал завести селение, где бы чиновники татарские, посылаемые для собрания дани в наше отечество, могли иметь отдохновение. Место было изобильно, *пчелисто* и *пажитно*, но страшные змии обитали в оном; сыскался волхв, который обратил их в пепел. Хан основал город *Казань* (что значит *котел* или *золотое дно*) и населил его болгарами, черемисами, вотяками, мордвою, ушедшими из областей Ростовских во время крещения земли Русской; любил сие место, где сближаются ее пределы с Болгариею, Вяткою, Пермию, и часто сам приезжал туда из Сарая: оно долгое время называлось еще *Саиновым Юртом*». Сей хан *Саин* был или Сартак, единственный

Батыев сын, известный по летописям, или сам Батый, коего историк татарский Абульгази обыкновенно именует *Сагином*.

Казанцы встретили россиян в поле: многие из них выехали на вельблюдах, думая видом и голосом сих животных испугать наших коней; другие надеялись произвести то же действие стуком и громом, но, видя неустрашимость россиян, побежали назад. Войско российское, истребив огнем села их, зимовища, суда, заставило двух болгарских владетелей, Осана и Махмат-Салтана, покориться великому князю. Они дали ему и Димитрию Суздальскому 2000, а на воинов 3000 рублей и приняли в свой город московского чиновника или таможенника, следственно, обязались быть данниками России. Ободренная сим успехом, она готовилась к дальнейшим подвигам.

[1377 г.] Еще Мамай отлагал до удобнейшего времени действовать всеми силами против великого князя (ибо в Орде снова свирепствовала тогда язва), однако ж не упускал случая вредить россиянам. Соседы Нижегородской области, мордва, взялись указать моголам безопасный путь в ее пределы, и царевич, именем Арапша, с берегов Синего, или Аральского, моря при-

шедши служить Мамаю, выступил с ханскими полками. Димитрий Суздальский известил о том великого князя, который немедленно собрал войско защитить тестя, но, долго ждав моголов и надеясь, что они раздумали идти к Нижнему, послал воевод своих гнаться за ними, а сам возвратился в столицу. Сие ополчение состояло из ратников переславских, юрьевских, муромских и ярославских; князь Димитрий Константинович присоединил к ним суздальцев под начальством сына, Иоанна, и другого князя, Симеона Михайловича[49]. К несчастию, ум предводителей не ответствовал числу воинов. Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною, на степи Перевозской, тешиться ловлею зверей, как дома в мирное время. Воины следовали сему примеру беспечности: утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги; спустив одежду с плеч, искали прохлады; другие расселялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на траве. Одним словом, везде представлялась глазам веселая картина охоты, пиршества, гульбища; скоро представилась иная. Князья мордовские тайно подвели Арапшу, о коем говорят летописцы, что он был

карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности. Арапша с пяти сторон ударил на россиян столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться и в общем смятении бежали к реке Пьяне, устилая путь своими трупами и неся неприятеля на плечах. Погибло множество воинов и бояр: князь Симеон Михайлович был изрублен, князь Иоанн Димитриевич утонул в реке, которая прославилась сим несчастьем (осуждая безрассудность воевод Димитриевых, древние россияне говорили в пословицу: *за Пьяною люди пьяны*). Татары, одержав совершенную победу, оставили за собою пленников с добычею и на третий день явились под стенами Нижнего Новагорода, где царствовал ужас: никто не думал обороняться. Князь Димитрий Константинович ушел в Суздаль, а жители спасались в лодках вверх по Волге. Неприятель умертвил всех, кого мог захватить; сжег город и, таким образом наказав его за убиение послов Мамаевых, удалился, обремененный корыстию. Сын Димитрия Константиновича, чрез несколько дней приехав на сие горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорелую каменную церковь Св. Спаса[50], чтобы схоронить в ней тело своего несчастного брата

Иоанна, утонувшего в реке.

В то же время моголы взяли нынешнюю Рязань: князь Олег, исстреленный, обагренный кровию, едва мог спастися. Впрочем, они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пеплом, в особенности берега Суры, где Арапша не оставил в целости ни одного селения. Многие бояре и купцы лишились всего имения; в том числе летописцы именуют одного знаменитого гостя, Тараса Петрова: моголы разорили шесть его цветущих, многолюдных сел, купленных им у князя за рекою Кудимою; видя, что собственность в сих местах ненадежна, он навсегда переехал в Москву. Чтобы довершить бедствие Нижнего Новагорода, мордовские хищники по следам татар рассеялись злодействовать в его уезде; но князь Борис Константинович настиг их, когда они уже возвращались с добычею, и потопил в реке Пьяне, где еще плавали трупы россиян. Сей князь городецкий вместе с племянником Симеоном Димитриевичем[51] и с воеводою великого князя Феодором Свиблом в следующую зиму опустошил без битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилища и жителей. Он взял в плен жен и детей,

также некоторых людей чиновных, казненных после в Нижнем. Народ в злобном остервенении влачил их по льду реки Волги и травил псами.

[1378 г.] Сия бесчеловечная месть снова возбудила гнев Мамаев на россиян, ибо земля Мордовская находилась под властию хана. Нижний Новгород, едва возникнув из пепла, вторично был взят татарами; жители бежали за Волгу. Князь Димитрий Константинович, будучи тогда в Городце, прислал объявить Мамаевым воеводам, чтобы они удовольствовались окупом и не делали зла его княжению. Но, исполняя в точности данное им повеление, они хотели крови и развалин: сожгли [24 июля] город, опустошили уезд и, выходя из наших пределов, соединились еще с сильнейшим войском, посланным от Мамая на самого великого князя.

Димитрий Иоаннович, сведав заблаговременно о замыслах неприятеля, имел время собрать полки и встретил татар в области Рязанской, на берегах Вожи. Мурза Бегич предводительствовал ими. Они сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы, ехали вперед легкою рысью. Великий князь стоял в середине, поручив одно крыло князю

Даниилу Пронскому, а другое *окольничему*, или ближнему княжескому чиновнику, Тимофею. По данному знаку все наше войско устремилось против неприятеля и дружным, быстрым нападением решило дело: моголы обратили тыл; бросая копья, бежали за реку. Россияне кололи, рубили и топили их в Воже целыми тысячами. Несколько именитых мурз находилось в числе убитых. Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день великий князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами. Довольный столь блестящим успехом, он возвратился в Москву. Сия победа достопамятна тем, что была первою, одержанною россиянами над татарами, с 1224 года[52] и не стоила им ничего, кроме труда убивать людей: столь изменился воинственный характер Чингисханова потомства! Юный герой Димитрий, торжествуя оную вместе со всеми добрыми подданными, мог сказать им словами Библии: *Отступило время от них, Господь же с нами!*

Мамай — истинный властелин Орды, во всем повелевая ханом, — затрепетал от гнева, услышав о гибели своего войска; собрал новое и столь

быстро двинулся к Рязани, что тамошний князь Олег не имел времени ни ждать вспоможения от великого князя, ни приготовиться к отпору, бежал из столицы за Оку и предал отечество в жертву варварам. Но Мамай, кровопролитием и разрушениями удовлетворив первому порыву мести, не хотел идти далее Рязани и возвратился к берегам Волги, отложив решительный удар до иного времени.

Димитрий успел между тем смирить Литву. Славный Ольгерд умер в 1377 году не только христианином, но и схимником[53], по убеждению его супруги Иулиании и печерского архимандрита Давида приняв в крещении имя Александра, а в монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее отступление от веры Иисусовой. Некоторые летописцы повествуют, что он гнал христиан и замучил в Вильне трех усердных исповедников Спасителя, включенных нашею Церковию в лик святых; но литовский историк славит его терпимость, сказывая, что Ольгерд казнил 500 виленских граждан за насильственное убиение семи францисканских монахов и торжественно объявил свободу веры. Смерть сего опасного властолюбца обещала спокойствие нашим юго-западным границам, тем более что

она произвела в Литве междоусобие. Любимый сын и преемник Ольгердов, Ягайло, злодейски умертвив старца Кестутия[54], принудил сына его, младого Витовта, искать убежища в Пруссии. Андрей Ольгердович Полоцкий, держав сторону дяди, ушел во Псков, дал клятву быть верным другом россиян и приехал в Москву служить великому князю. Перемирие, заключенное с Литвою в 1373 году, было давно нарушено, ибо москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржев. Пользуясь раздором его сыновей, Димитрий в начале зимы [1379 г.] отрядил своего брата Владимира Андреевича, князей волынского и полоцкого, Андрея Ольгердовича с сильным войском к Стародубу и Трубчевску[55], чтобы сию древнюю собственность нашего отечества снова присоединить к России. Оба города сдалися; но полководцы Димитриевы, как бы уже не признавая тамошних обитателей единокровными братьями, дозволяли воинам пленять и грабить. В Трубчевске княжил брат Андреев, Димитрий Ольгердович; ненавидя Ягайла, он не хотел обнажить меча на россиян, дружелюбно встретил их с женою, с детьми, со всеми боярами и предложил свои услуги великому князю, который в благодарность за то отдал ему Переславль Залесский

с судом и с пошлиною. Таким образом Димитрий мог надеяться в одно время и свергнуть иго татар, и возвратить отечеству прекрасные земли, отнятые у нас Литвою. Сия великая мысль занимала его благородную душу, когда он сведал о новых грозных движениях Орды и долженствовал остановить успехи своего оружия в Литве, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описания знаменитейшего из воинских подвигов Древней России предложим читателю церковные дела сего времени, коими Димитрий, несмотря на величайшую государственную опасность, занимался с особенною ревностию.

Еще в 1376 году патриарх Филофей сам собою поставил Киприана[56], ученого сербина, в митрополиты для России; но великий князь, негодуя на то, объявил, что Церковь наша, пока жив св. Алексий, не может иметь другого пастыря. Киприан хотел преклонить к себе новгородцев и сообщил им избирательную грамоту Филофееву; архиепископ и народ ответствовали, что воля государя московского в сем случае должна быть для них законом. Отверженный россиянами, Киприан жил в Киеве и повелевал литовским духовенством в надежде скоро заступить место

св. Алексия, ибо сей добродетельный старец уже стоял на пороге смерти. Но великий князь в мыслях своих назначил ему иного преемника.

Между всеми московскими иереями отличался тогда священник села Коломенского Митяй, умом, знаниями, красноречием, острою памятию, приятным голосом, красотою лица, величественною наружностию и благородными поступками, так что Димитрий избрал его себе в отцы духовные и в *печатники,* то есть вверил ему хранение великокняжеской печати: сан важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость государева к сему человеку, наставнику, духовнику всех бояр, равно сведущему в делах мирских и церковных. Он величался как царь, по словам летописцев: жил пышно, носил одежды драгоценные, имел множество слуг и отроков. Прошло несколько лет; Димитрий, желая возвести его на степень еще знаменитейшую, предложил ему заступить место спасского архимандрита Иоанна, который в глубокой старости посвятил себя тишине безмолвия. Хитрый Митяй не соглашался и был силою введен в монастырь, где надели на него клобук инока вместе с мантиею архимандрита, к удивлению народа, особенно к неудовольствию духовных. «Быть до

обеда бельцем, — говорили они, — а после обеда старейшиною монахов есть дело беспримерное».

Сей новый сан открывал путь к важнейшему. Великий князь, предвидя близкую кончину св. Алексия, хотел, чтобы он благословил Митяя на митрополию. Алексий, искренний друг смирения, давно мыслил вручить пастырский жезл свой кроткому игумену Сергию, основателю Троицкой лавры, хотя Сергий, думая единственно о посте и молитве, решительно ответствовал, что никогда не оставит своего мирного уединения, но святый старец, или в надежде склонить его к тому, или не любя гордого Митяя (названного в иночестве Михаилом), отрекся исполнить волю Димитриеву, доказывая, что сей архимандрит еще *новоук* в монашестве. Великий князь просил, убеждал митрополита: посылал к нему бояр и князя Владимира Андреевича; наконец успел столько, что Алексий благословил Митяя как своего наместника, прибавив: «*если* Бог, патриарх и Вселенский собор удостоят его править Российскою Церковию».

Св. Алексий (в 1378 году) скончался, и Митяй, к изумлению духовенства, самовольно возложил на себя *белый* клобук; надел мантию с источниками и скрижалями; взял посох, печать, казну,

ризницу митрополита; въехал в его дом и начал судить дела церковные самовластно. Бояре, отроки служили ему (ибо митрополиты имели тогда своих особенных светских чиновников), а священники присылали в его казну известные оброки и дани. Он медленно готовился к путешествию в Царьград, желая, чтобы Димитрий велел прежде святителям российским поставить его в епископы, согласно с Уставом апостольским, или Номоканоном. Великий князь призвал для того всех архиереев в Москву: никто из них не смел ослушаться, кроме Дионисия Суздальского, с твердостию объявившего, что в России один митрополит законно ставит епископов. Великий князь спорил и наконец уступил, к досаде Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между сим нареченным митрополитом и Дионисием, ибо они имели наушников, которые старались усилить их вражду. «Для чего, — сказал первый архиерею суздальскому, — ты до сего времени не был у меня и не принял моего благословения?» Дионисий ответствовал: «Я епископ, а ты поп: и так можешь ли благословлять меня?» Митяй затрепетал от гнева; грозил, что не оставит Дионисия и *попом,* когда возвратится из Царяграда, и что собственными руками спорет скрижали

с его мантии. Епископ суздальский хотел предупредить врага своего и ехать к патриарху, но великий князь приставил к нему стражу. Тогда Дионисий решился на бесчестный обман: дал клятву не думать о путешествии в Константинополь и представил за себя порукою мужа, славного добродетелию, троицкого игумена Сергия; получив же свободу, тайно уехал в Грецию и ввел невинного Сергия в стыд. Сей случай ускорил отъезд Митяя, который уже 18 месяцев управлял Церковию, именуясь наместником. В знак особенной доверенности великий князь дал ему несколько белых хартий, запечатанных его печатию, дабы он воспользовался ими в Константинополе сообразно с обстоятельствами, или для написания грамот от имени Димитриева, или для нужного займа денег. Сам государь, все бояре старейшие, епископы проводили Митяя до Оки, в Грецию же отправились с ним 3 архимандрита, московский протопоп Александр, несколько игуменов, 6 бояр митрополитских, 2 переводчика и *целый полк*, как говорят летописцы, всякого рода людей под главным начальством *большого* великокняжеского боярина Юрья Васильевича Кочевина-Олешинского, собственного посла Димитриева. Казну и ризницу везли на телегах.

За пределами Рязанскими, в степях половецких, Митяй был остановлен татарами и не испугался, зная уважение их к сану духовному. Приведенный к Мамаю, он умел хитрою лестию снискать его благоволение, получил от нового тогдашнего хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлык, — достиг Тавриды и в генуэзской Кафе[57] сел на корабль. Уже Царьград открылся глазам российских плавателей; но Митяй, как второй Моисей (по выражению летописца), долженствовал только издали видеть цель своего путешествия и честолюбия: занемог и внезапно умер, может быть весьма естественно; но в таких случаях обыкновенно рождается подозрение: он был окружен тайными неприятелями; ибо, уверенный в особенной любви великого князя, излишнею своею гордостию оскорблял и духовных, и светских чиновников. Тело его свезли на берег и погребли в Галате[58].

Вместо того чтобы уведомить великого князя о происшедшем и ждать от него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить в митрополиты кого-нибудь из бывших с ними духовных: одни хотели Иоанна, архимандрита петровского, который первый учредил в Москве общее житие братское; а другие Пимена,

архимандрита переславского[59]. Долго спорили; наконец бояре избрали Пимена и, будучи озлоблены укоризнами Иоанна, грозившего обличить их несправедливость пред великим князем, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пимен торжествовал и, нашедши в ризнице Митяевой белую хартию Димитрия, написал на оной письмо от государя московского к императору и патриарху такого содержания: «Посылая к вам архимандрита Пимена, молю, да удостоите его быть митрополитом российским, ибо не знаю лучшего». Царь и патриарх Нил[60] изъявили сомнение. «Для чего, — говорили они, — князь ваш требует нового митрополита, имея Киприана, поставленного Филофеем?» Но Пимен и бояре достигли своей цели щедрыми дарами, посредством других белых хартий Димитриевых заняв у купцов италиянских и восточных столь великое количество серебра, что сей государь долго не мог выплатить оного. Смягченный корыстию, патриарх сказал: «Не знаю, верить ли послам российским; но совесть наша чиста» — и посвятил Пимена в Софийском храме[61].

Оскорбленный вестию о кончине Митяевой, великий князь едва верил самовольству послов своих; объявил Пимена наглым хищником

святительства и, призвав в Москву Киприана[62] заступить место св. Алексия, встретил его с великими почестями, с колокольным звоном, со всеми знаками искреннего удовольствия; а Пимена велел остановить на возвратном пути, в Коломне, и за крепкою стражею отвезти в Чухлому. С него торжественно сняли белый клобук: столь власть княжеская первенствовала у нас в делах церковных! Главный боярин Юрий Олешинский и все сообщники Пименовы были наказаны заточением. Сие случилось уже в 1381 году, то есть после славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

[1380 г.] Мамай пылал яростию и нетерпением отомстить Димитрию за разбитие ханских полков на берегах Вожи; но, видя, что россияне уже не трепещут имени могольского и великодушно решились противоборствовать силе силою, он долго медлил, набирая войско из татар, половцев, харазских турков, черкесов, ясов, буртанов или жидов кавказских[63], армян и самых крымских генуэзцев: одни служили ему как подданные, другие как наемники. Наконец, ободренный многочисленностию своей рати, Мамай призвал на совет всех князей ординских и торжественно объявил им, что идет по древним следам Батыя

истребить государство Российское. «Казним рабов строптивых! — сказал он в гневе. — Да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!» Желая еще более обнадежить себя в успехе, Мамай вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским, который условился действовать с ним заодно. К сим двум главным утеснителям и врагам нашего отечества присоединился внутренний изменник, менее опасный могуществом, но зловреднейший коварством: Олег Рязанский, воспитанный в ненависти к московским князьям, жестокосердый в юности и зрелым умом мужеских лет наученный лукавству. Испытав в поле превосходную силу Димитрия, он начал искать его благоволения; будучи хитр, умен, *велеречив,* сделался ему другом, советником в общих делах государственных и посредником — как мы видели — в гражданских делах великого княжения с Тверским. Думая, что грозное ополчение Мамаево, усиленное Ягайловым, должно необходимо сокрушить Россию, страшась быть первою жертвою оного и надеясь хитрым предательством не только спасти свое княжество, но и распространить его владения падением московского, Олег вошел в переговоры с моголами и с Литвою чрез боярина рязанского

Епифана Кореева; заключил с ними союз и тайно условился ждать их в начале сентября месяца на берегах Оки. Мамай обещал ему и Ягайлу все будущие завоевания в великом княжении, с тем чтобы они, получив сию награду, были верными данниками ханскими.

Димитрий в исходе лета сведал о походе Мамаевом, и сам Олег, желая скрыть свою измену, дал ему знать, что надобно готовиться к войне. «Мамай *со всем царством* идет в землю Рязанскую против меня и тебя, — писал он к великому князю, — Ягайло также; *но еще рука наша высока*: бодрствуй и мужайся!» В обстоятельствах столь важных, решительных, первою мыслию Димитрия было спешить в храм Богоматери и молить Всевышнего о заступлении. Облегчив сердце излиянием набожных чувств, он разослал гонцов по всем областям великого княжения, чтобы собирать войско и немедленно вести оное в Москву. Повеление его было исполнено с редким усердием: целые города вооружились в несколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду к столице. Князья ростовские, белозерские, ярославские с своими слугами, бояре владимирские, суздальские, переславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские,

углицкие, серпуховские с *детьми боярскими*, или с воинскими дружинами, составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали в ворота кремлевские. Стук оружия не умолкал в городе, и народ с умилением смотрел на бодрых воинов, готовых умереть за отечество и веру. Казалось, что россияне пробудились от глубокого сна: долговременный ужас имени татарского, как бы от действия сверхъестественной силы, исчез в их сердце. Они напоминали друг другу славную победу Вожскую; исчисляли все бедствия, претерпенные ими от варваров в течение ста пятидесяти лет, и дивились постыдному терпению своих отцов. Князья, бояре, граждане, земледельцы были воспламенены равным усердием, ибо тиранство ханов равно всех угнетало, от престола до хижины. Какая война была праведнее сей? Счастлив государь, обнажая меч по движению столь добродетельному и столь единодушному! Народ, до времен Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами моголов, в бедности, в отчаянии, не смел и думать о свободе; отдохнув под умным правлением князей московских, он вспомнил древнюю независимость россиян и, менее страдая от ига иноплеменников, тем более хотел свергнуть оное совершенно. Облегчение

цепей не мирит нас с рабством, но усиливает желание прервать оные.

Каждый ревновал служить отечеству: одни мечом, другие молитвою и делами христианскими. Между тем как юноши и мужи блистали оружием на стогнах Москвы, жены и старцы преклоняли колена в святых храмах; богатые раздавали милостыню, особенно великая княгиня, супруга нежная и чувствительная; а Димитрий, устроив полки к выступлению, желал с братом Владимиром Андреевичем, со всеми князьями и воеводами принять благословение Сергия, игумена уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродетелями своего основателя. Сей святой старец, отвергнув мир, еще любил Россию, ее славу и благоденствие: летописцы говорят, что он предсказал Димитрию кровопролитие ужасное, но победу; смерть многих героев православных, но спасение великого князя; упросил его обедать в монастыре, окропил святою водою всех бывших с ним военачальников и дал ему двух иноков в сподвижники, именем Александра Пересвета и Ослябю, из коих первый был некогда боярином брянским и витязем мужественным. Сергий вручил им знамение креста на схимах и сказал: «Вот оружие нетленное! Да служит оно

вам вместо шлемов!» Димитрий выехал из обители с новою и еще сильнейшею надеждою на помощь небесную.

В тот час, когда полки с распущенными знаменами уже шли из кремля в ворота Флоровские, Никольские и Константино-Еленские, будучи провождаемы духовенством с крестами и чудотворными иконами, великий князь молился над прахом своих предместников, государей московских, в церкви Михаила Архангела, воспоминая их подвиги и добродетели. Он нежно обнял горестную супругу, но удержал слезы, окруженный свидетелями, и, сказав ей: «Бог наш заступник!» — сел на коня. Одни жены плакали. Народ стремился вслед за воинством, громогласно желая ему победы. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливым предзнаменованием. В Москве остался воеводою Феодор Андреевич, блюсти столицу и семейство княжеское.

В Коломне соединились с Димитрием верные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрий, предводительствуя сильною дружиною полоцкою и брянскою. Великий князь хотел осмотреть все войско; никогда еще Россия не имела подобного, даже в самые счастливые времена ее независимости и целости: *более ста пятидеся-*

ти тысяч[64] всадников и пеших стало в ряды, и Димитрий, выехав на обширное поле Девичье, с душевною радостию видел ополчение столь многочисленное, собранное его монаршим словом в городах одного древнего Суздальского княжения, некогда презираемого князьями и народом южной России. Скоро пришла весть, что Мамай, совокупив всю Орду, уже три недели стоит за Доном и ждет Ягайла Литовского. В то же время явился в Коломне посол ханский, требуя, чтобы Димитрий заплатил моголам ту самую дань, какую брал с его предков царь Чанибек[65]. Еще не доверяя силам своим и боясь излишнею надменностью погубить отечество, Димитрий ответствовал, что он желает мира и не отказывается от дани *умеренной,* согласно с прежними условиями, заключенными между ним и Мамаем; но не хочет разорить земли своей налогами тягостными в удовлетворение корыстолюбивому тиранству. Сей ответ казался Мамаю дерзким и коварным. С обеих сторон видели необходимость решить дело мечом.

Димитрий сведал тогда измену Олега Рязанского и тайные сношения его с моголами и с Литвою; не ужаснулся, но с видом горести сказал: «Олег хочет быть новым Святополком!» — и, приняв

благословение от коломенского епископа Герасима[66], 20 августа выступил к устью реки Лопасни. Там настиг его князь Владимир Андреевич, внук Калитин, и великий воевода Тимофей Васильевич со всеми остальными полками московскими. 26 августа войско переправилось за Оку, в землю Рязанскую, а на другой день сам Димитрий и *двор* княжеский, к изумлению Олега, уверившего своих союзников, что великий князь не дерзнет им противоборствовать и захочет спастися бегством в Новгород или в пустыни Двинские. Слыша о силах Димитрия, равно боясь его и Мамая, князь рязанский не знал, что ему делать; скакал из места в место; отправлял гонцов к татарам, к Ягайлу, уже стоявшему близ Одоева[67]; трепетал будущего и раскаивался в своей измене; чувствуя, сколь ужасен страх в злодействе, он завидовал опасностям Димитрия, ободряемого чистою совестию, верою и любовию всех добрых россиян.

6 сентября войско наше приближалось к Дону, и князья рассуждали с боярами, там ли ожидать моголов или идти далее? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовские, говорили, что надобно оставить реку за собою, дабы удержать робких от бегства; что Ярослав Великий таким образом победил Святополка и Александр

Невский — шведов. Еще и другое важнейшее обстоятельство было опорою сего мнения: надлежало предупредить соединение Ягайла с Мамаем. Великий князь решился — и, к ободрению своему, получил от св. Сергия письмо, в коем он благословлял его на битву, советуя ему не терять времени. Тогда же пришла весть, что Мамай идет к Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкие наши отряды встречались с татарскими и гнали их. Димитрий собрал воевод и, сказав им: «Час суда Божия наступает», 7 сентября велел искать в реке удобного броду для конницы и наводить мосты для пехоты. В следующее утро был густой туман, но скоро рассеялся: войско перешло за Дон и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил все полки к битве. В середине находились князья литовские, Андрей и Димитрий Ольгердовичи, Феодор Романович Белозерский и боярин Николай Васильевич; в собственном же полку великокняжеском — бояре Иоанн Родионович Квашня, Михаил Брянок, князь Иоанн Васильевич Смоленский; на правом крыле — князь Андрей Феодорович Ростовский, князь стародубский того же имени и боярин Феодор Грунка; на левом — князь Василий Васильевич Ярославский, Феодор Михайлович Моложский и

боярин Лев Морозов; в сторожевом полку — боярин Михаил Иоаннович, внук Акинфов, князь Симеон Константинович Оболенский, брат его князь Иоанн Торусский и Андрей Серкиз; а в засаде — князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и болгаров, муж, славный доблестию и разумом, Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Новосильского. Димитрий[68], стоя на высоком холме и видя стройные, необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых осенним солнцем, слыша всеобщие громогласные восклицания: «Боже! Даруй победу государю нашему!» — и вообразив, что многие тысячи сих бодрых витязей падут чрез несколько часов, как усердные жертвы любви к отечеству, Димитрий в умилении преклонил колена и, простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на *черном знамени* великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию; сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами и *милыми братьями*, утверждая их в мужестве и каждому из них обещая славную память в мире,

с венцом мученическим за гробом.

Войско тронулось, и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон вожди наблюдали друг друга и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила татар еще превосходила нашу. Димитрий, пылая ревностию служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг князя, — говорили они, — смотреть на битву, видеть подвиги воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Димитрий ответствовал: «Где вы, там и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вам: *братья! умрем за отечество?* Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушию; громогласно читая псалом: *Бог нам прибежище и сила,* первый ударил на врагов и бился мужественно как рядовой воин; наконец отъехал в средину полков, когда битва сделалась общею.

На пространстве десяти верст лилася кровь

христиан и неверных. Ряды смешались: инде россияне теснили моголов, инде моголы россиян; с обеих сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали; так некоторые московские неопытные юноши — думая, что все погибло, — обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к большим, или княжеским, знаменам и едва не овладел ими: верная дружина отстояла их с напряжением всех сил. Еще князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Димитрием Волынским. Настал девятый час дня: сей Димитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч и сказал Владимиру: «Теперь наше время». Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля, и быстро устремился на моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги, изумленные, рассеянные, не могли противиться новому строю войска свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоскою, воскликнул: «Велик Бог христианский!» — и бежал вслед за другими. Полки российские гнали их до самой реки Мечи[69], убивали, топили, взяв стан

неприятельский и несметную добычу, множество телег, коней, вельблюдов, навьюченных всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владимир, герой сего незабвенного для России дня, довершив победу, стал *на костях*, или на поле битвы, под черным знаменем княжеским и велел трубить в воинские трубы; со всех сторон съезжались к нему князья и полководцы, но Димитрия не было. Изумленный Владимир спрашивал: «Где брат мой и *первоначальник* нашей славы?» Никто не мог дать об нем вести. В беспокойстве, в ужасе воеводы рассеялись искать его, живого или мертвого; долго не находили; наконец два воина увидели великого князя, лежащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным ударом, он упал с коня, обеспамятел и казался мертвым; но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, князья, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «Государь! Ты победил врагов!» Димитрий встал; видя брата, видя радостные лица окружающих его и знамена христианские над трупами моголов, в восторге сердца изъявил благодарность небу; обнял Владимира, чиновников; целовал самых простых воинов и сел на коня, здравый веселием духа и не чувствуя из-

нурения сил. Шлем и латы его были иссечены, но обагрены единственно кровию неверных: Бог чудесным образом спас сего князя среди бесчисленных опасностей, коим он с излишнею пылкостию подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрий, провождаемый князьями и боярами, объехал поле Куликово, где легло множество россиян, но вчетверо более неприятелей, так что, по сказанию некоторых историков, число всех убитых простиралось до двухсот тысяч[70]. Князья белозерские, Феодор и сын его Иоанн, торусские Феодор и Мстислав[71], дорогобужский Димитрий Монастырев, первостепенные бояре Симеон Михайлович, сын тысяцкого Николай Васильевич, внук Акинфов Михаил, Андрей Серкиз, Волуй, Бренко, Лев Морозов и многие другие положили головы за отечество, а в числе их и Сергиев инок Александр Пересвет, о коем пишут, что он еще до начала битвы пал в единоборстве с печенегом, богатырем Мамаевым, сразив его с коня и вместе с ним испустив дух; кости сего и другого Сергиева священновитязя, Осляби, покоятся доныне близ монастыря Симонова[72]. Останавливаясь над трупами мужей знаменитейших, великий князь платил им дань слезами умиления и хвалою;

наконец, окруженный воеводами, торжественно благодарил их за оказанное мужество, обещая наградить каждого по достоинству, и велел хоронить тела россиян. После, в знак признательности к добрым сподвижникам, там убиенным, он уставил праздновать вечно их память в субботу Дмитровскую, доколе существует Россия.

Ягайло в день битвы находился не более как в 30 или в 40 верстах от Мамая: узнав ее следствие, он пришел в ужас и думал только о скором бегстве, так что легкие наши отряды нигде не могли его настигнуть[73]. Со всех сторон счастливый Димитрий, одним ударом освободив Россию от двух грозных неприятелей, послал гонцов в Москву, в Переславль, Кострому, Владимир, Ростов и другие города, где народ, сведав о переходе войска за Оку, денно и нощно молился в храмах. Известие о победе столь решительной произвело восхищение неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствие нашего отечества утверждены ею навеки; что Орда пала и не восстанет; что кровь христиан, обагрившая берега Дона, была последнею жертвою для России и совершенно умилостивила небо. Все поздравляли друг друга, радуясь, что дожили до времен столь счастливых, и славили Димитрия как вто-

рого Ярослава Великого и нового Александра, единогласно назвав его *Донским,* а Владимира Андреевича *Храбрым* и ставя Мамаево побоище выше Алтского и Невского. Увидим, что оно, к сожалению, не имело тех важных, прямых следствий, каких Димитрий и народ его ожидали; но считалось знаменитейшим в преданиях нашей истории до самых времен Петра Великого, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее и в несомнительной связи действий с причинами отдаленными служило основанием успехов Иоанна III, коему судьба назначила совершить дело предков, менее счастливых, но равно великих.

Для чего Димитрий не хотел воспользоваться победою, гнать Мамая до берегов Ахтубы и разрушить гнездо тиранства? Не будем обвинять великого князя в оплошности. Татары бежали, однако ж все еще сильные числом, и могли в волжских улусах собрать полки новые; надлежало идти вслед за ними с войском многолюдным: каким образом продовольствовать оное в степях и пустынях? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а россияне долженствовали бы везти хлеб с собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имея лошадей, не

приученных питаться одною иссохшею травою. Множество раненых требовало призрения, и победители чувствовали нужду в отдохновении. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнет восстать на Россию, Димитрий не хотел без крайней необходимости подвергать судьбу государства дальнейшим опасностям войны и, в надежде заслужить счастие умеренностию, возвратился в столицу. Шествие его от поля Куликова до врат кремлевских было торжеством непрерывным. Везде народ встречал победителя с веселием, любовию и благодарностию; везде гремела хвала Богу и государю. Народ смотрел на Димитрия как на ангела-хранителя, ознаменованного печатию небесного благоволения. Сие блаженное время казалось истинным очарованием для добрых россиян; оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой и сведав еще, что сей изменник старался вредить московским полкам на возвратном их пути чрез области Рязанские, истреблял мосты, даже захватывал и грабил слуг великокняжеских, Димитрий готовился наказать его. Тогда именитейшие бояре рязанские приехали в Москву объявить, что князь их ушел с своим семейством и двором в Литву; что Рязань поддается герою Донскому и

молит его о милосердии. Димитрий отправил туда московских наместников; но хитрый Олег, быв несколько месяцев изгнанником, умел тронуть его чувствительность знаками раскаяния и возвратился на престол с обещанием отказаться от Ягайловой дружбы, считать великого князя старшим братом и быть с ним заодно в случае войны или мира с Литвою и татарами. В сем письменном договоре сказано, что Ока и Цна служат границею между княжениями Московским и Рязанским; что места, отнятые у татар, бесспорно принадлежат тому, кто их отнял; что город *Тула,* названный именем царицы *Тайдулы,* жены Чанибековой, и некогда управляемый ее баскаками, остается собственностию Димитрия, равно как и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная им у тамошнего крещеного князя, именем Александра Уковича. Великодушие действует только на великодушных: суровый Олег мог помнить обиды, а не благотворения; скоро забыл милость Димитрия и воспользовался первым случаем нанести ему вред.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнув своих улусов в виде робкого беглеца, скрежетал зубами и хотел еще отведать сил против Димитрия; но судьба послала ему иного неприятеля.

Тохтамыш, один из потомков Чингисхановых, изгнанный из Орды Капчакской ханом Урусом[74], снискал дружбу славного Тамерлана, который, смиренно называясь эмиром, или князем моголов чагатайских, уже властвовал над обеими Бухариями[75]. С помощию сего второго Чингиса Тохтамыш, объявив себя наследником Батыева престола, шел к морю Азовскому. Мамай встретил его близ нынешнего Мариуполя, и на том месте, где моголы в 1224 году истребили войско наших соединенных князей, был разбит наголову; оставленный неверными мурзами, бежал в Кафу и там кончил жизнь свою: генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю или завладеть Мамаевою казною. Тохтамыш воцарился в Орде и дружелюбно дал знать всем князьям российским, что он победил их *врага общего*. Димитрий принял ханских послов с ласкою, отпустил с честию и вслед за ними отправил собственных с богатыми дарами для хана; то же сделали и другие князья. Но дары не дань и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамыш не мог удовольствоваться приветствиями, он хотел властвовать, как Батый или Узбек, над Россиею.

[1381 г.] В следующее лето хан послал к Ди-

митрию царевича Акхозю и с ним 700 воинов требовать, чтобы все князья наши, как древние подданные моголов, немедленно явились в Орде. Россияне содрогнулись. «Давно ли, — говорили они, — мы одержали победу на берегах Дона? Неужели кровь христианская лилась тщетно?» Государь думал согласно с народом, и царевичу в Нижнем Новегороде сказали, что великий князь не ответствует за его безопасность, если он приедет в столицу с воинскою дружиною. Акхозя возвратился к хану, отправив в Москву некоторых из своих товарищей. Даже и сии люди, устрашенные знаками народной ненависти россиян к моголам, не посмели туда ехать; а Димитрий, излишно надеясь на слабость Орды, спокойно занимался делами внутреннего правления.

[1382 г.] Прошло около года: хан молчал, но в тишине готовился действовать. Вдруг услышали в Москве, что татары захватили всех наших купцов в земле Болгарской и взяли у них суда для перевоза войска ханского чрез Волгу; что Тохтамыш идет на Россию; что вероломный Олег встретил его близ границы и служит ему путеводителем, указывая на Оке безопасные броды. Сия весть, привезенная из улусов некоторыми искренними доброхотами россиян, изумила народ:

еще великодушная решимость правителей могла бы воспламенить его ревность, и герой Донской с мужественным братом своим Владимиром Андреевичем спешили выступить в поле; но другие князья изменили чести и славе. Сам тесть великого князя, Димитрий Нижегородский, сведав о быстром стремлении неприятеля, послал к хану двух сыновей с дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что от важного урона, претерпенного россиянами в битве Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудели людьми военными; наконец, советники Димитриевы только спорили о лучших мерах для спасения отечества, и великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле. Он удалился в Кострому с супругою и с детьми, желая собрать там более войска и надеясь, что бояре, оставленные им в столице, могут долго противиться неприятелю.

Тохтамыш взял Серпухов и шел прямо к Москве, где господствовало мятежное безначалие. Народ не слушался ни бояр, ни митрополита и при звуке колоколов стекался на вече, вспомнив древнее право граждан российских в важных случаях решить судьбу свою большинством го-

лосов. Смелые хотели умереть в осаде, робкие — спасаться бегством; первые стали на стенах, на башнях и бросали камнями в тех, которые думали уйти из города; другие, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали к городским воротам; наконец, убежденные представлениями людей благоразумных, что в Москве останется еще немало воинов отважных и что в долговременной осаде всего страшнее голод, позволили многим удалиться, но в наказание отняли у них все имущество. Сам митрополит Киприан выехал из столицы в Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковного пастыря: он был иноплеменник! Волнение продолжалось: народ, оставленный государем и митрополитом, тратил время в шумных спорах и не имел доверенности к боярам.

В сие время явился достойный воевода, юный князь литовский, именем Остей, внук Ольгердов[76], посланный, как вероятно, Димитрием. Умом своим и великодушием, столь сильно действующим в опасностях, он восстановил порядок, успокоил сердца, ободрил слабых. Купцы, земледельцы окрестных селений, пришедшие в Москву с детьми и с драгоценнейшею собственностию, иноки, священники требовали оружия.

Немедленно образовались полки; каждый занял свое место, в тишине и благоустройстве. Дым и пламя вдали означали приближение моголов, которые, следуя обыкновению, жгли на пути все деревни и 25 августа обступили город. Некоторые их чиновники подъехали к стене и, зная русский язык, спрашивали, где великий князь Димитрий? Им ответствовали, что его нет в Москве. Татары, не пустив ни одной стрелы, ездили вокруг кремля, осматривали глубину рвов, башни, все укрепления и выбирали места для приступов; а москвитяне в ожидании битвы молились в церквах; другие же, менее набожные, веселились на улицах; выносили из домов чаши крепкого меду и пили с друзьями, рассуждая: «Можем ли бояться нашествия поганых, имея город твердый и стены каменные с железными воротами? Неприятели скроются, когда испытают нашу бодрость и сведают, что великий князь с сильными полками заходит им в тыл». Сии храбрецы, всходя на стену и видя малое число татар, смеялись над ними, а татары издали грозили им обнаженными саблями и ввечеру, к преждевременной радости москвитян, удалились от города.

Сие войско было только легким отрядом; в следующий день явилась главная рать, столь

многочисленная, что осажденные ужаснулись. Сам Тохтамыш предводительствовал ею. Он велел немедленно начать приступ. Москвитяне, пустив несколько стрел, были осыпаны неприятельскими. Татары стреляли с удивительною меткостию, пешие и конные, стоя неподвижно или на всем скаку, в обе стороны, взад и вперед. Они приставили к стене лестницы; но россияне обливали их кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами и к вечеру отразили. Три дня продолжалась битва; осажденные теряли многих людей, а неприятель еще более, ибо, не имея стенобитных орудий, он упорствовал взять город силою. И воины, и граждане московские, одушевляемые примером князя Остея, старались отличить себя мужеством. В числе героев летописцы называют одного суконника, именем Адама, который с ворот Флоровских застрелил любимого мурзу ханского. Видя неудачу, Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара.

В четвертый день осады неприятель изъявил желание вступить в мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъехав к стенам, сказали москвитянам, что хан любит их как *своих* добрых *подданных* и не хочет воевать с ними, будучи только личным врагом великого

князя; что он немедленно удалится от Москвы, буде жители выйдут к нему с дарами и впустят его в сию столицу осмотреть ее достопамятности. Такое предложение не могло обольстить людей благоразумных; но с послами находились два сына Димитрия Нижегородского, Василий и Симеон: обманутые уверениями Тохтамыша или единственно исполняя волю его, они, как россияне и христиане, дали клятву, что хан сдержит слово и не сделает ни малейшего зла москвитянам. Храбрый Остей советовался с боярами, с духовенством и народом: все думали, что ручательство нижегородских князей надежно, что излишняя недоверчивость может быть пагубна в сем случае и что безрассудно подвергать столицу дальнейшим бедствиям осады, когда есть способ прекратить их. Отворили ворота: князь литовский вышел первый из города и нес дары; за ним духовенство с крестами, бояре и граждане. Остея повели в стан ханский — и там умертвили. Сие злодейство было началом ужаса: по данному знаку обнажив мечи, тысячи моголов в одно мгновение обагрились кровию россиян безоружных, напрасно хотевших спастися бегством в кремль; варвары захватили путь и вломились в ворота; другие, приставив лестницы, взошли

на стену. Еще довольно ратников оставалось в городе, но без вождей и без всякого устройства: люди бегали толпами по улицам, вопили, как слабые жены, и терзали на себе волосы, не думая обороняться. Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора: граждан и монахов, жен и священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения и снова начинал кровопролитие. Многие укрывались в церквах каменных: татары отбивали двери и везде находили сокровища, свезенные в Москву из других, менее укрепленных городов. Кроме богатых икон и сосудов, они взяли, по сказанию летописцев, несметное количество золота и серебра в казне великокняжеской, у бояр старейших, у купцов знаменитых, наследие их отцов и дедов, плод бережливости и трудов долговременных. К вечному сожалению потомства, сии грабители, обнажив церкви и домы, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу историю, может быть, весьма любопытных памятников.

Не будем подробно описывать всех ужасов сего несчастного для России дня: легко представить себе оные. И в наше время, когда неприятель, раздраженный упорством осажденных, силою

входит в город, что может превзойти бедствие жителей? Ни язва, ни землетрясение. А татары со времен Батыевых не смягчились сердцем и, в своей азовской роскоши утратив отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирепость народа степного. Обремененные добычею, утружденные злодействами, наполнив трупами город, они зажгли его и вышли отдыхать в поле, гоня перед собою толпы юных россиян, избранных ими в невольники. «Какими словами, — говорят летописцы, — изобразим тогдашний вид Москвы? Сия многолюдная столица *кипела* прежде *богатством и славою*; в один день погибла ее красота, остались только дым, пепел, земля окровавленная, трупы и пустые, обгорелые церкви. Ужасное безмолвие смерти прерывалось одним глухим стоном некоторых страдальцев, иссеченных саблями татар, но еще не лишенных жизни и чувства».

Войско Тохтамышево рассыпалось по всему великому княжению. Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров имели участь Москвы. Жители Переславля бросились в лодки, отплыли на средину озера и тем спаслися от погибели; а город был сожжен неприятелем. Близ Волока стоял с дружиною смелый брат Димитриев, князь

Владимир Андреевич: отпустив мать и супругу в Торжок, он внезапно ударил на сильный отряд моголов и разбил его совершенно. Извещенный о том беглецами, хан начал отступать от Москвы; взял еще Коломну и перешел за Оку. Тут вероломный князь рязанский увидел, сколь милость татар, купленная гнусною изменою, ненадежна; они поступали в его земле, как в неприятельской: жгли, убивали, пленяли жителей и заставили самого Олега скрыться. Тохтамыш оставил наконец Россию, отправив шурина своего, именем Шихомата, послом к князю суздальскому.

С какою скорбию Димитрий и князь Владимир Андреевич, приехав с своими боярами в Москву, увидели ее хладное пепелище и сведали все бедствия, претерпенные отечеством и столь неожидаемые после счастливой Донской битвы! «Отцы наши, — говорили они, проливая слезы, — не побеждали татар, но были *менее* нас злополучны!» Действительно *менее* со времен Калиты, памятных началом устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрия в том, что он не следовал правилам Иоанна I и Симеона, которые искали милости в ханах для пользы государственной; но великий князь, чистый в совести пред Богом и народом, не боялся

ни жалобы современников, ни суда потомков; хотя скорбел, однако ж не терял бодрости и надеялся умилостивить небо своим великодушием в несчастии.

Он велел немедленно погребать мертвых и давал гробокопателям по рублю за 80 тел, что составило 300 рублей; следственно, в Москве погибло тогда 24 000 человек, кроме сгоревших и потонувших, ибо многие, чтобы спастись от убийц, бросались в реку. Еще не успели совершить сего печального обряда, когда Димитрий послал воевод московских наказать Олега, приписывая ему успех Тохтамышев и бедствие великого княжения. Подданные должны были ответствовать за своего князя: он ушел, предав их в жертву мстителям, и войско Димитриево, остервененное злобою, вконец опустошило Рязань, считая оную гнездом измены и ставя жителям в вину усердие их к Олегу. Вторым попечением Димитрия было возобновление Москвы; стены и башни кремлевские стояли в целости: хан не имел времени разрушить оные. Скоро кучи пепла исчезли, и новые здания явились на их месте; но прежнее многолюдство в столице и в других взятых татарами городах уменьшилось надолго.

В то время, когда надлежало дать Церкви но-

вых иереев вместо убиенных моголами, святить осквернённые злодействами храмы, утешать, ободрять народ пастырскими наставлениями, митрополит Киприан спокойно жил в Твери. Великий князь послал за ним бояр своих, но объявил его, как малодушного беглеца, недостойным управлять Церковию, и, возвратив из ссылки Пимена, поручил ему российскую митрополию; а Киприан с горестию и стыдом уехал в Киев, где господствовал сын Ольгердов, Владимир[77], христианин греческой веры. Столь решительно поступал Димитрий в делах церковных, живо чувствуя достоинство государя, любя отечество и желая, чтобы духовенство служило примером сей любви для граждан! Он мог досадовать на Киприана и за дружескую связь его с Михаилом Александровичем Тверским, который, вопреки торжественному обету и письменному договору 1375 года, не хотел участвовать ни в славе, ни в бедствиях московского княжения и тем изъявил холодность к общей пользе россиян. Скоро обнаружилась и личная, давнишняя ненависть его к Димитрию: как бы обрадованный несчастием Москвы и в надежде воспользоваться злобою Тохтамыша на великого князя, он с сыном своим Александром[78] уехал в Орду, чтобы снискать

милость хана и с помощию моголов свергнуть Донского с престола.

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвах: разоренное великое княжение требовало мирного спокойствия, и народ уныл. Великодушный Димитрий, скрепив сердце, с честию принял в Москве ханского мурзу Карача, объявившего ему, что Тохтамыш, страшный во гневе, умеет и миловать преступников в раскаянии. Сын великого князя Василий, со многими боярами поехав Волгою на судах в Орду, знаками смирения столь угодил хану, что Михаил Тверской не мог успеть в своих происках и с досадою возвратился в Россию. Но милость Тохтамышева дорого стоила великому княжению: кровопийцы ординские, называемые послами, начали снова являться в его пределах и возложили на оное весьма тягостную дань, в особенности для земледельцев: всякая деревня, состоящая из двух и трех дворов, обязывалась платить полтину серебром, города давали и *золото*. Сверх того, к огорчению государя и народа, хан в залог верности и осьми тысяч рублей долгу удержал при себе юного князя Василия Димитриевича вместе с сыновьями князей нижегородского и тверского. Одним словом, казалось, что россияне должен-

ствовали проститься с мыслию о государственной независимости как с мечтою; но Димитрий надеялся вместе с народом, что сие рабство будет не долговременно; что падение мятежной Орды неминуемо и что он воспользуется первым случаем освободить себя от ее тиранства.

Для того великий князь хотел мира и благоустройства внутри отечества; не мстил князю тверскому за его вражду и предлагал свою дружбу самому вероломному Олегу. Сей последний неожиданно разграбил Коломну, пленив тамошнего наместника Александра Остея со многими боярами; Димитрий послал туда войско под начальством князя Владимира Андреевича, но желал усовестить Олега, зная, что сей князь любим рязанцами и мог быть своим умом полезен отечеству. Муж, знаменитый святостию, игумен Сергий, взял на себя дело миротворца: ездил к Олегу, говорил ему именем веры земли Русской и смягчил его сердце так, что он заключил с Димитрием искренний, вечный союз, утвержденный после семейственным: Феодор, сын Олегов (в 1387 году), женился на княжне московской Софии Димитриевне[79].

Великий князь долженствовал еще усмирить новгородцев. Они (в 1384 году) дали князю литов-

скому Патрикию Наримантовичу бывший удел отца его[80]: Орехов, Кексгольм и половину Копорья; но тамошние жители изъявили негодование. Сделался мятеж в Новегороде: славянский конец, обольщенный дарами Патрикия, стоял за сего князя на вече Двора Ярославова; другие концы взяли противную сторону на вече Софийском. Вооружались; шумели, писали разные грамоты или определения и наконец согласились вместо упомянутых городов отдать Патрикию Ладогу, Русу и берег Наровский, не считая нужным требовать на то великокняжеского соизволения. Сие дело могло оскорбить Димитрия: он имел еще важнейшие причины быть недовольным. В течение десяти лет оставляемые в покое соседями, новгородцы, как бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именем *молодечества,* и многочисленными толпами ездили грабить купцов, селения и города по Волге, Каме, Вятке. В 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а в 1375-м вторично явились под стенами первой, где начальствовал воевода Плещей: их было 2000, а вооруженных костромских граждан 5000; но малодушный Плещей, с двух сторон обойденный неприятелем, бежал; разбойники взяли город и целую неделю в нем

злодействовали; пленяли людей, опустошали домы, купеческие лавки и, бросив в Волгу, чего не могли увезти с собою, отправились к Нижнему; захватили и там многих россиян и продали их как невольников восточным купцам в Болгарах. Еще недовольные богатою добычею, сии храбрецы, предводительствуемые каким-то Прокопием и другим смоленским атаманом, пустились даже вниз по Волге, к Сараю, и грабили без сопротивления до самого *Хазитороканя*, или Астрахани, древнего города козаров; наконец, обманутые лестию тамошнего князя могольского, именем Сальчея, были все побиты, а вятчане (в 1379 году) истребили другую шайку таких разбойников близ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрий терпел сию дерзость новгородцев и видел, что она возрастала: правительство их захватывало даже его собственность, или доходы великокняжеские, и (в 1385 году) отложилось от церковного суда московской митрополии: посадник, бояре, *житые* (именитые) и черные люди всех пяти концов торжественно присягнули на вече, чтобы ни в каких тяжбах, подсудных Церкви, не относиться к митрополиту, но решить оные самому архиепископу новогородскому по греческому Номоканону, или Кормчей книге, вместе с

посадником, тысяцким и четырьмя посредниками, избираемыми с обеих сторон из бояр и людей житых. Испытав бесполезность дружелюбных представлений и самых угроз, огорчаемый строптивостию новгородцев и явным их намерением быть независимыми от великого княжения, Димитрий прибегнул к оружию, чтобы утвердить власть свою над сею знаменитою областию и со временем воспользоваться ее силами для общего блага или освобождения России.

Двадцать шесть областей соединили своих ратников под знаменами великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигород, Можайск, Волок Ламский, Ржев, Серпухов, Боровск, Дмитров, Переславль, Владимир, Юрьев, Муром, Мещера, Стародуб, Суздаль, Городец, Нижний, Кострома, Углич, Ростов, Ярославль, Молога, Галич, Белозерск, Устюг. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бежецка, Торжка (кроме знатнейших бояр сего последнего) взяли сторону Димитрия. Зимою, пред самым Рождеством Христовым, он с братом Владимиром Андреевичем и другими князьями выступил из Москвы; не хотел слушать послов новогородских и в день Богоявления расположился станом в тридцати верстах от берегов Волхова, обратив в пепел мно-

жество селений. Там встретил его архиепископ, старец Алексий[81], с убедительным молением простить вину новгородцев, готовых заплатить ему 8000 рублей. Великий князь не согласился, и новгородцы, извещенные о том, готовились к сильному отпору под начальством Патрикия и других князей, нам неизвестных; оградили вал тыном, сожгли предместия, двадцать четыре монастыря в окрестностях и все домы за рвом в трех концах города, в Плотинском, в Людине и в Неревском; два раза выходили в поле для битвы, ожидая неприятеля, и возвращались, не находя его. Имея войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалев ни домов, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотели отвратить кровопролитие и послали двух архимандритов, 7 иереев и 5 граждан от имени пяти концов, чтобы склонить Димитрия к миру. С одной стороны, знаки раскаяния и смирения, с другой — твердость, но соединенная с умеренностию, произвели наконец желаемое действие. Великий князь подписал мирную грамоту, с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как государю верховному, платил ежегодно так называемый *черный бор,* или дань, собираемую с черного народа, и внес в казну княжескую

8000 рублей за долговременные наглости своих разбойников. Новгородцы тогда же вынули из Софийского сокровища и прислали к Димитрию 3000 рублей, отправив чиновников в Двинскую землю для собрания остальных пяти тысяч, ибо двиняне, имев также участие в разбоях волжских, долженствовали участвовать и в наказании за оные. Димитрий возвратился в Москву с честию и без всякого урона, оставив в областях Новогородских глубокие следы ратных бедствий. Многие купцы, земледельцы, самые иноки лишились своего достояния, а некоторые люди и вольности (ибо москвитяне по заключении мира освободили не всех пленников); другие, обнаженные хищными воинами, умерли от холода на степи и в лесах. К несчастию, новгородцы не приобрели и внутреннего спокойствия, ибо великий князь, довольный их покорностию, не отнял у них древнего права избирать главных чиновников и решить дела государственные приговором веча. Так (в 1388 году), три конца Софийской стороны восстали на посадника Иосифа и, злобствуя на Торговую, где сей чиновник нашел друзей и защитников, более двух недель не имели с нею никакого сообщения. Исполняя, кажется, волю Димитриеву, новгородцы отняли Русу и Ладогу у

Патрикия Наримантовича, а чрез два года отдали их другому князю литовскому, Лугвению-Симеону Ольгердовичу[82], желая на случай войны со шведами или немцами иметь в нем полководца и жить с его братьями в союзе.

В сие время Литва была уже в числе держав христианских. Ягайло (в 1386 году) с согласия вельмож польских женился на Ядвиге, дочери и единственной наследнице их умершего короля Людовика[83], принял веру латинскую в Кракове вместе с достоинством государя польского и крестил свой народ волею и неволею. Чтобы сократить обряд, литовцев ставили в ряды целыми полками, священники кропили их святою водою и давали имена христианские: в одном полку называли всех людей Петрами, в другом Павлами, в третьем Иоаннами и так далее; а Ягайло ездил из места в место толковать на своем отечественном языке Символ веры. Древний огонь Перунов угас навеки в городе Вильне; святые рощи были срублены или обращены в пепел, и новые христиане славили милость государя, дарившего им белые суконные кафтаны, «ибо сей народ, — говорит Стриковский, — одевался до того времени одними кожами зверей и полотном». Происшествие, столь благословенное для Рима, имело весьма

огорчительные следствия для россиян: Ягайло, дотоле покровитель греческой веры, сделался ее гонителем[84] — стеснял их права гражданские, запретил брачные союзы между ими и католиками и даже мучительски казнил двух вельмож своих, не хотевших изменить православию в угодность королю. К счастию, многие князья литовские — Владимир Ольгердович Киевский, братья его Скиригайло[85] и Димитрий, Феодор Волынский, сын умершего Любарта[86], и другие — остались еще христианами нашей Церкви и заступниками единоверных.

Впрочем, несмотря на разномыслие в духовном законе, Ягайловы родственники служили королю усердно, кроме одного Андрея Ольгердовича Полоцкого, друга Димитриева и москвитян. Между тем как сей князь делил с Димитрием опасности и славу на поле Куликове, Скиригайло господствовал в Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадив его на кобылу, с бесчестием и насмешками вывезли из города), он прибегнул к магистру ливонскому Конраду Роденштеину[87] и вместе с ним 3 месяца держал (в 1382 году) Полоцк в осаде. Напрасно жители молили новгородцев как братьев о защите; напрасно предлагали магистру быть данниками

ордена, если он избавит их от Скиригайла, — новгородцы отправили только мирное посольство к Ягайлу, а Конрад Роденштеин ответствовал: «Для кого оседлал я коня своего и вынул меч из ножен, тому не изменю вовеки». Мужество осажденных заставило неприятеля отступить, и любимый ими Андрей с радостию к ним возвратился; но Скиригайло в 1386 году, предводительствуя войском литовским, взял сей город, казнил в нем многих людей знатных и, пленив самого Андрея, отослал его в Польшу, где он три года сидел в тяжком заключении.

Сей несчастный сын Ольгердов имел верного союзника в Святославе Иоанновиче, смоленском князе; желая отмстить за него, Святослав вступил в нынешнюю Могилевскую губернию и начал свирепствовать, как Батый, в земле, населенной россиянами, не только убивая людей, но и вымышляя адские для них муки: жег, давил, сажал на кол младенцев и жен, веселяся отчаянием сих жертв невинных. Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но летописцы говорят о сих злодействах Святослава с живейшим омерзением; он получил возмездие. Войско его, осаждая Мстиславль[88], бывший город Смоленский, отнятый Литвою, увидело в поле знамена непри-

ятельские: Скиригайло Ольгердович и юный герой Витовт, сын Кестутиев, примирившийся с Ягайлом, шли спасти осажденных. Святослав мужественно сразился на берегах Вехри[89], и жители мстиславские смотрели с городских стен на битву, упорную и кровопролитную. Она решилась в пользу литовцев: Святослав пал, уязвленный копием навылет, и чрез несколько минут испустил дух. Племянник его, князь Иоанн Васильевич, также положил свою голову; а сыновья, Глеб и Юрий[90], были взяты в плен со многими боярами. Победители гнались за россиянами до Смоленска: взяли окуп с жителей сего города, выдали им тела убитых князей и, посадив Юрия, как данника Литвы, на престоле отца его, вышли из владения Смоленского. Глеб Святославич остался в их руках аманатом.

Сии происшествия долженствовали быть крайне оскорбительны для великого князя, ибо Святослав, отстав от союза с Литвою, усердно искал Димитриевой дружбы и вместе с Андреем Ольгердовичем служил щитом для московских границ на западе. Но Димитрий, опасаясь Литвы, еще более опасался моголов и, готовясь тогда к новому разрыву с Ордою, имел нужду в приязни Ягайловой. Сын великого князя Василий, три

года жив невольником при дворе ханском, тайно ушел в Молдавию, к тамошнему воеводе Петру[91], нашему единоверцу, и мог возвратиться в Россию только чрез владения Польские и Литву. Димитрий отправил навстречу к нему бояр, поручив им, для личной безопасности Василиевой, склонить Ягайла к дружелюбию. Они успели в деле своем: Василий Димитриевич прибыл благополучно в Москву, провождаемый многими панами польскими.

Вероятно, что бегство его из Орды было следствием намерения Димитриева свергнуть иго Тохтамышево: другие случаи также доказывают сие намерение. Тесть Донского, Димитрий Константинович, преставился схимником в 1383 году, памятный сооружением каменных стен в Нижнем Новегороде и любовию к отечественной истории (ибо мы ему обязаны древнейшим харатейным списком Нестора). Сыновья его и дядя их, Борис Городецкий, находились тогда в Орде, споря о наследстве: хан отдал Нижегородскую область дяде, а племянникам, Симеону и Василию, Суздаль, удержав последнего аманатом в Сарае. Скучав долго неволею и праздностию — тщетно хотев, подобно сыну Донского, бежать в Россию, — Василий умилостивил наконец Тох-

тамыша и приехал с его жалованною грамотою княжить в Городце. Но сия милость ханская казалась ему неудовлетворительною: с помощию великого князя он и брат его Симеон Суздальский (в 1388 году) отняли Нижний у дяди и, презрев грамоты ханские, обязались во всяком случае верно служить Димитрию; Борис же остался князем городецким, в зависимости от московского, который, действуя таким образом против воли Тохтамыша, явно показывал худое к нему уважение.

В то время как россияне великого княжения с надеждою или страхом могли готовиться ко второй Донской битве, они были изумлены враждою своих двух главных защитников. Димитрий и князь Владимир Андреевич, братья и друзья, казались дотоле одним человеком, имея равную любовь к отечеству и ко славе, испытанную общими опасностями, успехами и противностями рока. Вдруг Димитрий, огорченный, как надобно думать, старейшими боярами Владимира и его к ним пристрастием, велел их взять под стражу, заточить, развезти по разным городам. Сей поступок, доказывая власть великокняжескую, мог быть согласен с законами справедливости, но крайне огорчил народ, тем более что татары

начинали уже действовать против России, взяв нечаянно Переславль Рязанский: единодушие первых ее героев было всего нужнее для безопасности государства. Явив пример строгости, Димитрий спешил удовлетворить желанию народа и собственного сердца: чрез месяц, в день Благовещения, обнял брата как друга и новою договорною грамотою утвердил искренний с ним союз. В ней сказано, что Владимир признает Димитрия отцом, сына его Василия братом *старшим,* Георгия Димитриевича *равным,* а меньших сыновей великого князя *младшими* братьями; что они будут жить в любви неразрывной, подобно как их отцы жили с Симеоном Гордым, и должны взаимно объявлять друг другу наветы злых людей, желающих поселить в них вражду; что ни Димитрию, ни Владимиру без общего согласия не заключать договоров с иными владетелями; что первому не мешаться в дела братних городов, второму в дела великого княжения, но судить тяжбы москвитян обоим вместе чрез наместников, а в случае их несогласия прибегать к суду митрополита или третейскому, коего решение остается законом и для князей; что великому князю, ни боярам его не покупать сел в уделе Владимировом, ни Владимиру в областях, ему не

принадлежащих; что если Димитрий, удовлетворяя нуждам государственным, обложит данию своих бояр поместных, то и Владимировы обязаны внести такую же в казну великокняжескую; что гости, *суконники* и *городские* люди свободны от службы, и проч. Далее сказано, что Владимир, *если Богу* неугодно будет *избавить Россию от моголов*, участвует во всех ее тягостях и дает ханам *триста двадцать* рублей в число *пяти* тысяч Димитриевых, по сей же соразмерности платя и долги государственные.

Сия грамота наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в великокняжеском достоинстве, отменяя древний[92], по коему племянники долженствовали уступать оное дяде. Владимир именно признает Василия и братьев его, в случае Димитриевой смерти, законными наследниками великого княжения.

Примирение державных братьев казалось истинным торжеством государственным. Народ веселился, не предвидя несчастия, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрию едва исполнилось сорок лет: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза светлые, огненные, изображая внутреннюю крепость сложения,

ручались за долголетие. Вдруг, к общему ужасу, разнеслася весть о тяжкой болезни великого князя; к успокоению народа сказали, что опасность ее миновалась; но Димитрий, не обольщая себя надеждою, призвал игуменов Сергия и Севастиана вместе с девятью главными боярами и велел писать духовное завещание. Объявив Василия Димитриевича наследником великокняжеского достоинства, он каждому из пяти сыновей дал особенные уделы[93]: Василию — Коломну с волостями, Юрию — Звенигород и Рузу, Андрею — Можайск, Верею и Калугу, Петру — Дмитров, Иоанну — несколько сел, а великой княгине Евдокии — разные поместья и знатную часть московских доходов. Сверх областей наследственных Димитрий отказал второму сыну Галич, третьему — Белозерск, четвертому — Углич, купленные Калитою у тамошних князей удельных: сии города дотоле не были еще совершенно присоединены к Московскому княжению.

Несколько дней бояре и граждане утешались мнимым выздоровлением любимого их государя. В сие время супруга его родила шестого сына, именем Константина[94], окрещенного старшим братом, Василием Димитриевичем, и Мариею, вдовою последнего тысяцкого. Но скоро болезнь

вновь усилилась, и великий князь, чувствуя свой конец, желал видеть супругу, еще слабую от следствия родов; изъявляя удивительную твердость, долго говорил с нею и с детьми; приказывал им быть во всем ей послушными и действовать единодушно, любить отечество и верных слуг его. Бояре в безмолвной горести стояли вдали, он велел им приближиться и сказал: «Вам, свидетелям моего рождения и младенчества, известна внутренность души моей. С вами я царствовал и побеждал врагов для счастия России; с вами веселился в благоденствии и скорбел в злополучиях; любил вас искренно и награждал по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам одним грубым словом; вы были не боярами, но князьями земли Русской. Теперь вспомните, что мне всегда говорили: *Умрем за тебя и детей твоих*. Служите верно моей супруге и юным сыновьям: делите с ними радость и бедствия». Представив им семнадцатилетнего Василия Димитриевича как будущего их государя, он благословил его; избрал ему девять советников из вельмож опытных; обнял Евдокию, каждого из сыновей и бояр; сказал: *Бог мира да будет с вами!* — сложил руки на груди и скончался. На другой день погребли Димитрия

в церкви Архангела Михаила[95]. Трапезундский митрополит Феогност, приехавший на то время гостем в Москву, совершил сей печальный обряд вместе с некоторыми епископами и святым игуменом Сергием.

Нельзя, по сказанию летописцев, изобразить глубокой душевной скорби россиян в сем случае: долго стенание и вопль не умолкали при дворе и на стогнах, ибо никто из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Димитрий, за его великодушие, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, он не имел знаний, почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления; силою одного разума и характера заслужил от современников имя *орла высокопарного* в делах государственных, словами и примером вливал мужество в сердца воинов и, будучи младенец незлобием, умел с твердостию казнить злодеев. Современники особенно удивлялись его смирению в счастии. Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый россиянин сражался за отечество и ближних? Но Димитрий, осыпаемый хвалами признательного народа, опускал глаза

вниз и возносился сердцем единственно к Богу Всетворящему. Целомудренный в удовольствиях законной любви супружеской, он до конца жизни хранил девическую стыдливость и, ревностный в благочестии, подобно Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий пост приобщался Святых Тайн и носил власяницу на голом теле; однако ж не хотел следовать обыкновению предков, умиравших всегда иноками, ибо думал, что несколько дней или часов монашества перед кончиною не спасут души и что государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье.

Таким образом, летописцы изображают нам добрые свойства сего князя и, славя его как *первого победителя татар,* не ставят ему в вину, что он дал Тохтамышу разорить великое княжение, не успев собрать войска сильного, и тем продлил рабство отечества до времен своего правнука.

Димитрий сделал, кажется, и другую ошибку: имев случай присоединить Рязань и Тверь к Москве, не воспользовался оным: желая ли изъявить великодушное бескорыстие? Но добродетели государя, противные силе, безопасности, спокойствию государства, не суть добродетели. Может быть, он не хотел изгнанием Михаила Тверского, шурина Ольгердова, раздражить

Литвы и думал, что Олег, хитрый, деятельный, любимый подданными, лучше московских наместников сохранит безопасность юго-восточных пределов России, если искренно с ним примирится для блага отечества. Димитрий прибавил к Московским владениям одну купленную им Мещеру и, подчинив себе князей ярославских, не хотел отнять у них наследственного удела, довольный правом предписывать им законы.

⟨…⟩

Глава IV
Состояние России от нашествия татар до Иоанна III

Наконец мы видим пред собою цель долговременных усилий Москвы: свержение ига, свободу отечества. Предложим читателю некоторые мысли о тогдашнем состоянии России, следствии ее двувекового порабощения.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам, основанным на развалинах Западной империи народами германскими; имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные нам варяжскими или немецкими князьями, явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодою быть под влиянием Греции, единственной державы, не испроверженной варварами. Правление Ярослава Великого есть, без сомнения, сие счастливое для России время: утвержденная и в христианстве, и в порядке государственном,

она имела наставников совести, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флот, единодержавие и свободу гражданскую. Что в начале XI века была Европа? Феатром поместного (феодального) тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, рабства народного, суеверия, невежества. Ум Альфреда и Карла Великого блеснул во мраке, но ненадолго; осталась их память: благодетельные учреждения и замыслы исчезли вместе с ними.

Но разделение нашего отечества и междоусобные войны, истощив его силы, задержали россиян и в успехах гражданского образования: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась к просвещению. Крестовые походы сообщили ей сведения и художества Востока; оживили, распространили ее торговлю. Селения и города откупались от утеснительной власти баронов; государи по собственному движению давали гражданам права и выгоды, благоприятные для общей пользы, для промышленности и для самых нравов; лучшая исправа (полиция) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностию пути, жизнь и собственность. Обретение Иустинианова кодекса в Амальфи[96] было счастливою эпохою для европейского пра-

восудия: понятия людей о сем важном предмете гражданства сделались яснее, основательнее. Всеобщее употребление языка латинского доставляло способ и духовным, и мирянам черпать мысли и познания в творениях древних, уцелевших в наводнение варварства. Одним словом, с половины XI века состояние Европы явно переменилось в лучшее; а Россия со времен Ярослава до самого Батыя орошалась кровию и слезами народа. Порядок, спокойствие, столь нужные для успехов гражданского общества, непрестанно нарушались мечом и пламенем княжеских междоусобий, так что в XIII веке мы уже отставали от держав западных в государственном образовании.

Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастию, не угасла: имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре; дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости.

Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались, народ освобождался от

рабства, города входили в тесную связь между собою для взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для вышних наук; разум приучался к созерцанию, к правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирепость; дворянство уже стыдилось разбоев, и благородные витязи славились милосердием к слабым, великодушием, честию; обходительность, людскость, учтивость сделались известны и любимы. В сие же время Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!

Если бы моголы сделали у нас то же, что в Китае, в Индии или что турки в Греции; если бы, оставив степь и кочевание, переселились в наши города, то могли бы существовать и доныне в виде государства. К счастию, суровый климат России удалил от них сию мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали,* не вмешивались в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от князей. Но так называемые *послы ординские* и баскаки, пред-

ставляя в России лицо хана, делали что хотели; самые купцы, самые бродяги могольские обходились с нами как с слугами презрительными. Что долженствовало быть следствием? Нравственное уничижение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил; не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности. Когда же сия ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцепенение миновало и закон, душа гражданских обществ, воспрянул от мертвого сна: тогда надлежало прибегнуть к строгости, неизвестной древним россиянам. Нет сомнения, что жестокие судные казни означают ожесточение сердец и бывают следствием частых злодеяний. Добросердечный Мономах говорил детям: «Не убивайте виновного; жизнь

христианина священна»; не менее добросердечный победитель Мамаев, Димитрий, уставил торжественную смертную казнь, ибо не видал иного способа устрашать преступников. Легкие денежные пени могли некогда удерживать наших предков от воровства, но в XIV столетии уже вешали татей. Россиянин Ярославова века знал побои единственно в драке — иго татарское ввело телесные наказания; за первую кражу клеймили, за вины государственные секли кнутом. Был ли действителен стыд гражданский там, где человек с клеймом вора оставался в обществе? Мы видели злодеяния и в нашей древней истории, но сии времена представляют нам черты гораздо ужаснейшего свирепства в исступлениях княжеской и народной злобы; чувство угнетения, страх, ненависть, господствуя в душах, обыкновенно производят мрачную суровость во нравах. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однако ж действие часто бывает долговременее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством моголов.

Некоторые думали, что суеверие обезоруживало нас против сих тиранов, что россияне видели в них бич гнева небесного и не дерзали восстать на исполнителей вышней мести, подобно как чернь доныне мыслит, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведенного молниею. История не доказывает того: россияне неоднократно изъявляли самую безрассудную дерзость в усилиях свергнуть иго; недоставало согласия и твердости. Но заметим, что вместе с иными благородными чувствами ослабела в нас тогда и храбрость, питаемая народным честолюбием. Прежде князья действовали мечом — в сие время низкими хитростями, жалобами в Орде. Древние полководцы наши, воспаляя мужество в воинах, говорили им о стыде и славе — герой Донской битвы о венцах мученических. Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству, то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну православия.

Внутренний государственный порядок изме-

нился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными властелинами, ибо повелевали именем царя верховного. Совершилось при моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевой колокол, глас вышнего народного законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяно-россов. Сие отличие и право городов древних уже не было достоянием новых: ни Москвы, ни Твери, коих знаменитость возникла при моголах. Только однажды упоминается в летописях о вече московском как действии чрезвычайном, когда столица, угрожаемая свирепым неприятелем, оставленная государем, видела себя в крайности без начальства. Города лишились права избирать тысяцких, которые важностию и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в княжеских чиновниках, но и в князьях.

Происхождение наших бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть еще старее княжеского, означая витязей и граждан знатнейших, которые в славянских

республиках предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наследственным, а только личным; хотя в России давалось после государем, но каждый из древних городов имел своих особенных бояр, как знатнейших чиновников народных, и самые княжеские бояре пользовались каким-то правом независимости. Так, в договорных грамотах XIV и XV века обыкновенно подтверждалась законная свобода бояр переходить из службы одного князя к другому; недовольный в Чернигове, боярин с своею многочисленною дружиною ехал в Киев, в Галич, в Владимир, где находил новые поместья и знаки всеобщего уважения. Одним словом, сии государственные сановники издревле казались народу мужами верховными и, занимая везде первые места вокруг престолов, составляли у нас некоторую аристократию. Но когда южная Россия обратилась в Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя к себе города и земли; когда число владетельных князей уменьшилось, а власть государева сделалась неограниченнее в отношении к народу, тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. Где боярин Василия Темного, им оскорбленный, мог искать иной службы в отече-

стве? Уже и слабая Тверь готовилась зависеть от Москвы. Власть народная также благоприятствовала силе бояр, которые, действуя чрез князя на граждан, могли и чрез последних действовать на первого: сия опора исчезла. Надлежало или повиноваться государю, или быть изменником, бунтовщиком; не оставалось средины и никакого законного способа противиться князю. Одним словом, рождалось самодержавие.

Сия перемена, без сомнения неприятная для тогдашних граждан и бояр, оказалась величайшим благодеянием судьбы для России. Удержав некоторые обыкновения свободы, естественной только в малых областях, предки наши не могли обуздывать ими воли государя единодержавного, каков был Владимир Святой или Ярослав Великий, но пользовались оными во время раздробления государства, и борение двух властей, княжеской с народною, еще более ослабляло силу его. Если Рим спасался диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыева, могла ли оным способом оживиться и воскреснуть в величии? Требовалось единой и тайной мысли для намерения, единой руки для исполнения: ни шумные сонмы народные, ни медленные думы аристо-

кратии не произвели бы сего действия. Народ и в самом уничижении ободряется и совершает великое, но служа только орудием, движимый, одушевляемый силою правителей. Власть боярская производила у нас *боярские смуты*. Совет вельмож иногда внушает мудрость государю, но часто волнуется и страстями. Бояре нередко питали междоусобие князей российских; нередко даже судились с ними в Орде, обнося их пред ханами. Самодержавие, искоренив сии злоупотребления, устранило важные препятствия на пути России к независимости и таким образом возникало вместе с единодержавием до времен Иоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

История свидетельствует, что есть время для заблуждений и для истины: сколько веков россияне не могли живо увериться в том, что соединение княжений необходимо для их государственного благоденствия? Некоторые венценосцы начинали сие дело, но слабо, без ревности, достойной оного; а преемники их опять все разрушали. Даже и Москва, более Киева и Владимира наученная опытами, как медленно и недружно двигалась к государственной целости! Уставилось лучшее право наследственное; древние уделы возвра-

щались к великому княжению, но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Иоанна Калиты, в истинном смысле все еще не было единым государством; даже судное право, пошлины, доходы московские принадлежали им совокупно. Так называемое *братское старейшинство* великого князя состояло в том, что удельные владетели, имея свои особенные гражданские уставы, законы, войска, монету, обязывались иметь с ним одну политическую систему, давать ему войско и серебро для ханов. Но сие обязательство было условное: если он нарушал договор, всегда обоюдный, если утеснял их, то они могли, возвратив крестные грамоты, законно искать управы мечом. Народ, граждане, бояре удельные знали только своего князя, не присягали государю московскому и в случае междоусобной войны лили кровь его подданных, не заслуживая имени бунтовщиков. Так было еще и при Василии Темном. Однако ж великий князь имел уже столько перевеса в силах, что мог легко сделаться единовластным: все зависело от решительной воли и твердого характера; все изготовилось к счастливой перемене; теперь означим или напомним читателю, какими средствами?

Москва, будучи одним из беднейших уделов Владимирских, ступила первый шаг к знаменитости при Данииле, которому внук Невского, Иоанн Димитриевич, отказал Переславль-Залесский и который, победив рязанского князя, отнял у него многие земли. Сын Даниилов, Георгий, зять хана Узбека, присоединил к своей области Коломну, завоевал Можайск и выходил себе в Орде великое княжение Владимирское; а брат Георгиев, Иоанн Калита, погубив Александра Тверского, сделался истинным главою всех иных князей, обязанный тем не силе оружия, но единственно милости Узбековой, которую снискал он умною лестию и богатыми дарами.

Предложим замечание любопытное: *иго татар обогатило казну великокняжескую* исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростию князей обращенными в их собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах. Народ жаловался, однако ж платил; страх всего лишиться изыскивал новые способы приобретения, чтобы удовлетворять корыстолюбию варваров. Таким образом,

мы понимаем удивительный избыток Иоанна Данииловича, купившего не только множество сел в разных землях, но и целые области, где малосильные князья, подверженные наглости моголов и теснимые его собственным властолюбием, волею или неволею уступали ему свои наследственные права, чтобы иметь в нем защитника для себя и народа. Сии так называемые *окупные князьки* оставались между тем в своих проданных владениях, пользуясь некоторыми доходами и выгодами. Углич, Белоозеро, Галич, Ростов, Ярославль сделались снова городами великокняжескими, как было при Всеволоде III.

Так возвеличил Москву Иоанн Калита, и внук его Димитрий дерзнул на битву с ханом… Сей герой не приобрел почти ничего, кроме славы; но слава умножает силы — и наследник Димитриев, ласкаемый, честимый в Орде, возвратился оттуда с милостивым ярлыком, или с жалованною грамотою, на Суздаль, Городец, Нижний[97]; восстановил таким образом *древнее Суздальское великокняжение Боголюбского* во всей полноте оного и мирным присвоением бывших уделов Черниговских — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространил Московскую державу, которая, с прибавлением Вятки,

составляла уже знатную часть древней единовластной России Ярослава Великого, будучи, сверх того, усилена внутри твердейшим началом самодержавия. Рюрик, Святослав, Владимир брали земли мечом, князья московские — поклонами в Орде, действие, оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытия и могущества России! Ярослав обуздывал народ и бояр своим величием: смиренные тиранством ханов, они уже не спорили о правах с государем московским, требуя от него единственно покоя и безопасности со стороны моголов; видели прежних владетельных князей слугами Донского, Василия Димитриевича, Темного и менее жалели о своей древней вольности.

История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему, ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется. Нашествие Батыево, куча пепла и трупов, неволя, рабство столь долговременное составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам по летописям государств; однако ж и благотворные следствия оного несомнительны. Лучше, если бы кто-нибудь из потомков Ярославовых отвратил

сие несчастие восстановлением единовластия в России и правилами самодержавия, ей свойственного, оградил ее внешнюю безопасность и внутреннюю тишину, но в два века не случилось того. Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие, и веру, которые спаслися Москвою; Москва же обязана своим величием ханам.

Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала Церковь и ее служителей; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве. Мы видели, как св. Алексий митрополит успокоивал отечество своим ходатайством в Орде[98]. Знатнейшие люди, отвращаемые от мира всеобщим государственным бедствием, искали мира душевного в святых обителях и, меняя одежду княжескую,

боярскую на мантию инока, способствовали тем знаменитости духовного сана, в коем даже и государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым. Всякий, готовясь умереть, что-нибудь отказывал Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россию. Владения церковные, свободные от налогов ординских и княжеских, благоденствовали: сверх украшения храмов и продовольствия епископов, монахов оставалось еще немало доходов на покупку новых имуществ. Новогородские святители употребляли Софийскую казну в пользу государственную; но митрополиты наши не следовали сему достохвальному примеру. Народ жаловался на скудость, иноки богатели. Они занимались и торговлею, увольняемые от купеческих пошлин. Кроме тогдашней набожности, соединенной с высоким понятием о достоинстве монашеской жизни, одни мирские преимущества влекли людей толпами из сел и городов в тихие, безопасные обители, где слава благочестия награждалась не только уважением, но и достоянием, где гражданин укрывался от насилия и бедности, не сеял и пожинал! Весьма

немногие из нынешних монастырей российских были основаны прежде или после татар: все другие остались памятником сего времени.



Великий князь Иоанн Данилович, прозванием Калита

Однако ж, несмотря на свою знаменитость и важность, духовенство наше не оказывало излишнего властолюбия, свойственного духовенству Западной Церкви, и, служа великим князьям

в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти. В раздорах княжеских митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского,* сей обыкновенной угрозы Пап для ослушников их воли; отступая же иногда от правил христианской любви и кротости, действовали так в угодность государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые. Одним словом, Церковь наша вообще не изменялась в своем главном, первобытном характере, смягчая жестокие нравы, умеряя неистовые страсти, проповедуя и христианские, и государственные добродетели. Милости ханские не могли ни задобрить, ни усыпить ее пастырей: они в Батыево время благословляли россиян на смерть великодушную, при Димитрии Донском на битвы и победу. Когда Василий Темный ушел из осажденной Москвы, старец митрополит Иона взял на себя отстоять кремль или погибнуть с народом[99] и наконец, будем верить летописям, в восторге духа предвестил Василию близкую независимость России. История подтверждает истину,

предлагаемую всеми политиками-философами и только для одних легких умов сомнительную, что вера есть особенная сила государственная. В западных странах европейских духовная власть присвоила себе мирскую оттого, что имела дело с народами полудикими — готфами, лонгобардами, франками, — которые, овладев ими и приняв христианство, долго не умели согласить оного с своими гражданскими законами, ни утвердить естественных границ между сими двумя властями; а Греческая церковь воссияла в державе благоустроенной, и духовенство не могло столь легко захватить чуждых ему прав. К счастию, святой Владимир предпочел Константинополь Риму.

Таким образом, имев вредные следствия для нравственности россиян, но благоприятствовав власти государей и выгодам духовенства, господство моголов оставило ли какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян? Слабые обыкновенно заимствуют от сильных. Князья, бояре, купцы, ремесленники наши живали в улусах, а вельможи и купцы ординские в Москве и в других городах. Но татары были сперва идолопоклонники, после магометане: мы называли их

обычаи *погаными*; и чем удобнее принимали византийские, освященные для нас христианством, тем более гнушались татарскими, соединяя их в нашем понятии с ненавистным зоверием. К тому же, несмотря на унижение рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство в отношении к народу кочующему. Следствием было, что россияне вышли из-под ига более с европейским, нежели азиатским характером. Европа нас не узнавала: но для того, что она в сии 250 лет изменилась, а мы остались как были. Ее путешественники XIII века не находили даже никакого различия в одежде нашей и западных народов, то же, без сомнения, могли бы сказать и в рассуждении других обычаев. Как в Италии, Франции, Англии с падения Рима, так у нас с призвания князей варяжских все в главных чертах сделалось немецким, смешанным с остатками первобытных обычаев славянских, к чему после присоединилось занятое нами от греков. Древний характер славян являл в себе нечто азиатское; являет и доныне, ибо они, вероятно, после других европейцев удалились от Востока, коренного отечества народов. Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми,

брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением), мы все то видели у славян и россиян гораздо прежде. В языке нашем довольно слов восточных, но их находим и в других славянских наречиях; а некоторые особенные могли быть заимствованы нами от козаров, печенегов, ясов, половцев, даже от сарматов и скифов: напрасно считают оные татарскими, коих едва ли отыщется 40 или 50 в словаре российском. Новые понятия, новые вещи требуют новых слов: что народ гражданский мог узнать от кочующего?

Татары не вступались в наши судные дела гражданские. Во всех московских владениях государь давал законы и судил чрез своих наместников и дворян: недовольные ими жаловались ему; ни в летописях, ни в грамотах сего времени не упоминается о приказах. От наместника зависели дворские и сотники: первые судили холопей, вторые поселян; так было и в уделах. Тяжбы между подданными двух разных княжений решились боярами, с обеих сторон избираемыми: в случае их несогласия назначался посредник, или *третейский суд,* коего решение уже всегда исполнялось. Правосудие тогдашнее не имело, по-видимому, твердого основания и большею

частию зависело от произвола судящих. Русская Правда лишилась достоинства и силы общего народного уложения, вместо коего давали судьям наказы, или грамоты княжеские, весьма краткие, неопределительные. Кроме Двинской судной грамоты Василия Димитриевича, мы имеем еще две XV века: Псковскую и Новогородскую. В обеих говорится о *законных поединках* в случае доноса сомнительного. Такое странное обыкновение господствовало в целой Европе несколько веков, заступив место *искушений посредством огня и воды*. В Русской Правде нет еще ни слова о сих поединках; но в 1228 году они уже были в России способом доказывать свою невинность пред судиями и назывались *полем*. Искусство и сила казались действием суда небесного: одолеть в бою значило оправдаться. Тщетно духовенство противилось столь несогласному с христианскою верою уставу: митрополит Фотий[100] (в 1410 году) писал к новогородскому архиепископу Иоанну[101], что поединщики не должны вкушать тела и крови Христовой; что всякий, кто умертвит человека в бою, отлучается от церкви на 18 лет и что иереи не могут отпевать убитых; но древний обычай был сильнее убеждений духовенства, церковной казни и рассудка. В грамоте Псковской опре-

делены некоторые судные пени; например, за вырывание бороды надлежало платить 2 рубля. Далее назначаются разные денежные взыскания: например, за барана хозяину 6 денег, за овцу — десять, а судье — три; объявляются недействительными купля, продажа и мена, совершаемые в пьянстве; запрещается княжеским людям держать корчмы и продавать мед, а женщинам нанимать за себя судных поединщиков и проч. Сия грамота есть только отрывок или прибавление к иным уставам; Новогородская же именно ссылается на другие, нам неизвестные грамоты и содержит в себе единственно особенные постановления, из коих явствует, что архиепископ в судах церковных руководствовался Номоканоном, а посадник и наместники великокняжеские — старыми уставами новогородскими; что они брали пошлину с дел; что тысяцкий имел свою особенную управу; что судьи ездили по городам, обязанные решить всякое дело в определенный срок или заплатить пеню; что вместе с судьями и *докладчиками* заседали присяжные, знаменитые граждане, бояре и житые люди; что дело предлагалось так называемыми *рассказчиками,* или стряпчими, а записывалось дьяком, или секретарем, с приложением их печатей; что мужья

ответствовали в судах за жен, а за вдов сыновья; что жены боярские и людей житых присягали дома; что холопи могли свидетельствовать только на холопей, а *псковитяне* никогда; что прежде законного осуждения никто не мог быть лишаем свободы и всякому обвиняемому давался срок; что истец и ответчик подвергались тяжкому взысканию, если беззаконно обносили друг друга или судей; что уличенный в насильственном владении платил пеню великому князю и Новугороду, боярин 50 рублей, житый — двадцать, а *младший* гражданин — десять: следственно, наказание умножалось по мере знатности или богатства преступников. К суду святительскому относились, кроме церковных преступлений, все дела иереев, иноков, людей монастырских и проч.; а буде они имели дело с мирянами, то наместники и судьи епископские решили оное вместе с княжескими или городскими чиновниками. В Новегороде святительские денежные пени были гораздо тягостнее иных; например, от судного рубля получал владыка, наместник или ключник его за печать гривну, а посадник, тысяцкие и судьи их только семь денег. Так ли было и в других княжениях Российских, мы не знаем; но видим, что духовенство наше везде

старалось умножать свои права судебные, доказывая их древность мнимыми церковными уставами св. Владимира и Ярослава Великого. Последним решителем в судах церковных был митрополит: новгородцы в 1385 году отняли у него сие доходное право, уставив, чтобы архиепископ и главные их чиновники вершили все дела независимо или без отчета.

Вообще, с XI века мы не подвинулись вперед в гражданском законодательстве, но, кажется, отступили назад к первобытному невежеству народов в сей важной части государственного благоустройства, чему виною были замешательства и непостоянство в правлении внутреннем. Князья, не уверенные в твердости своих престолов, судя народ по необходимости и для собственного прибытка, старались уменьшать для себя затруднения: совесть, присяга, здравый ум естественный казались самым простейшим способом решить тяжбы, согласно с древними обыкновениями и без всяких письменных, общих правил. Законодатель определял единственно род наказаний и денежные пени для главных преступлений: смертоубийства, воровства и проч. Суд духовный, основанный на Кормчей книге, или Номоканоне, был не лучше гражданского,

ибо сии законы греческие во многом не шли к России и долженствовали часто уступать место произволу судей. В таком состоянии находилось правосудие и в других землях европейских около X века; но в XV, имея училища законоведения и римское право, Европа в сем отношении уже далеко нас опередила.

Не менее отстали мы и в искусстве ратном: Крестовые походы, дух рыцарства, долговременные войны и, наконец, образование строевых, всегдашних войск произвели великие успехи оного во Франции и в других землях; а мы, кроме пороха, в течение сих веков не узнали и не приобрели ничего нового. Состав нашей рати мало изменился. Все главные чиновники государственные: бояре *старшие, большие, путные* (или поместные, коим давались земли, доходы казенные, *путевые* и другие), *окольничие* или ближние к государю люди, и дворяне были истинным сердцем, лучшею, благороднейшею частию войска и собственно именовались *двором великокняжеским*. Второй многочисленнейший род записных людей воинских назывался *детьми боярскими*: в них узнаем прежних боярских отроков, а княжеские обратились в дворян. Всякий древний областной город, имея своих бояр, имел и детей

боярских, которые составляли воинскую дружину первых. Купцы и граждане без крайности не вооружались, а земледельцы никогда. Герой Донской умел вывести в поле 150 000 ратников; но для сего требовалось усилий необыкновенных. Часто войско не успевало собраться, когда неприятель уже стоял под Москвою. Древние обычаи не скоро уступают место лучшим. Чтобы иметь всегда полки готовые и не распускать их, надлежало бы определить им жалованье: государи наши скупились или не могли сделать того без отягощения подданных налогами.

Иностранные писатели говорят, что россияне сего времени сражались подобно моголам: «не стоя на месте, а на скаку действуя стрелами и копьями, то нападая, то вдруг отступая». Но летописи наши доказывают противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда из конницы, однако ж мы имели и пехоту: становились в ряды сомкнутые; отделяли часть войска вперед, чтобы открыть или удерживать неприятеля, а другую скрывали в засаде; одни полки начинали битву, другие ждали времени и случая ударить на врага; в средине находились так называемые *большие,* или княжеские, знамена под защитою дворян. Мы умели пользоваться местом; располагались

станом за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смелую решительность великого ума воинского, как герой Донской, быстрым движением предупредив соединение Мамая с Ягайлом. Куликовская битва достопамятна не только храбростию, но и самым искусством. Александр Невский также показал оное в сражении со шведами и с ливонскими меченосцами. Летописцы отменно славят ратный ум Димитрия Волынского, победителя болгаров, Олегова и Мамаева: чем в государствование Темного отличались князь Василий Оболенский и московский дворянин Феодор Басенок[102]. Однако ж россияне XIV и XV века вообще не могли равняться с предками своими в опытности воинской, когда частые битвы с неприятелями внешними и междоусобные не давали засыхать крови на их мечах и когда они, так сказать, жили на поле сражения. Кровь лилася и во время ига ханского, но редко в битвах: видим много убийств, но гораздо менее ратных подвигов.

Заметим, что летописи времен Василия Темного в 1444 году упоминают о *козаках* рязанских, особенном легком войске, славном в новейшие времена. Итак, козаки были не в одной Украине, где имя их сделалось известно по истории

около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских козаков. Торки и берендеи назывались *черкасами,* козаки также. Вспомним *касогов,* обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну *Казахию,* полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов *касахами*: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, называясь *черкасами,* назывались и *козаками*; что некоторые из них, не хотев покориться ни моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними и под именем *козаков* составили один народ, который сделался совершенно русским тем легче, что предки их, с X века обитав в области Киевской, уже сами были почти русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, козаки образовали воинскую христианскую республику в

южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны крымцев, турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I[103], давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше Днепровских порогов, где город *Черкассы* назван их именем. Они разделились на *сотни* и *полки*, коих глава, или гетман, в знак уважения получил от государя польского Стефана Батори знамя королевское, бунчук, булаву и печать. Сии-то природные воины, усердные к свободе и к вере греческой, долженствовали в половине XVII века избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оного. Собственно, так называемые козаки *запорожские* были частию малороссийских: Сеча их, или земляная крепость ниже Днепровских порогов, служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа. Вероятно, что пример украинских козаков, всегда вооруженных и готовых встретить неприятеля, дал мысль и северным городам нашим составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболее подверженная нападению

ординских хищников, имела и более нужды в таких защитниках. Люди молодые, бездомовные записывались в козаки, побуждаемые к тому или некоторыми особенными, гражданскими выгодами — может быть, освобождением от всяких податей, — или прелестию добычи воинской. В истории следующих времен увидим *козаков ординских, азовских, ногайских* и других: сие имя означало тогда *вольницу, наездников, удальцов,* но не *разбойников,* как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон турецкий; оно, без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назвалися.

Россия, несмотря на все бедствия, нанесенные ей моголами, в XIV и в XV веке имела знатное купечество. Древний, славный *путь греческий* для нас закрылся: открылись новые пути торговли, с Востоком чрез Орду, с Константинополем и с Западом чрез Азов посредством реки Дона. Купцы, торгующие шелковыми тканями, назывались в Москве *сурожанами,* по имени Сурожского, или Азовского, моря, ибо они привозились к нам из Азова. Сии купцы были главными вместе *с суконниками,* которые продавали немецкие сукна, получая оные из Новагорода, где цвела торговля

ганзейская. За сии иностранные произведения мы платили мехами. Россия была тогда привольем зверей, птиц и ловцов. Еще непроходимые, дремучие леса осеняли большую часть земли: тишина, царствуя в глубоком уединении пустынь, благоприятствовала размножению всякого рода животных. Как в XI столетии дикие кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли в лесах южной России, так в северной около XV века бобры, козы, лоси витали на свободе; лебеди стаями плавали на реках и озерах. Россия, скудная людьми — от недавности своего населения, от меча, от пленения, от частых голодов и язвы, — тем более изобиловала дикими сокровищами природы, коих источники всегда иссякают от возрастающего многолюдства. Ординские купцы живали в Москве, в Твери, в Ростове; они доставляли нам товары ремесленной Азии и лошадей, а брали в обмен (сверх драгоценных мехов, наших собственных и пермских) множество ловчих птиц, соколов, кречетов, привозимых в великое княжение из Двинской земли. Вероятно, что россияне передавали моголам и немецкие сукна, так же как немцам плоды азиатского ремесла. Казань заступила место древнего царства Болгарского: купцы московские и другие торговали в ней с

Востоком. Ханы для своих выгод покровительствовали у нас торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тем исправнее платили ординскую дань. Славный венециянский путешественник Марко Пауло, быв около 1270 года в Великой Татарии, в Персии и на берегах Каспийского моря, говорит о *хладной* России, сказывая, что ее жители белы, вообще хороши лицом и что она богата *собственными серебряными рудниками*: мы не имели их, но действительно могли хвалиться знатным количеством серебра, получаемого нами от немецких купцов и через Югру из Сибири. Новгородцы обещали Михаилу Тверскому 6000 фунтов серебра, а Витовту действительно заплатили около шестидесяти пудов, что прежде открытия Америки было весьма много. Не знаем заподлинно, сколько мы ежегодно давали ханам; однако ж известно, что в 1384 году с каждой *деревни* собиралось для них около 12 золотников серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно из двух или трех дворов. Города платили иногда и золотом. Кроме сего, земледельцы вносили в казну великокняжескую по гривне с сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривне (что составляло более двух золотников серебра). Дань ханская отчасти возвращалась к нам из Орды

торговлею. Наконец, мы столько имели серебра, что могли отменить мордки, или *куны,* древние наши *ассигнации,* бывшие не менее пятисот лет в обращении и весьма полезные для успехов промышленности за недостатком в металлах. Казна, соблюдая умеренность в выпуске сих кожаных знаков, умела держать их в цене до самого нашествия Батыева: тогда упали куны, ибо моголы не брали их вместо серебра; они ходили еще несколько времени в Новегороде и Пскове, не имевших тесной связи с Ордою; но скоро и там исчезли от затруднения в торговых счетах с другими россиянами, которые уже не признавали достоинства *мордок*: что прежде называлось *кунами,* стало называться *деньгами* — и древняя кожаная гривна, оцененная на серебро, обратилась в десятую часть рубля. Нет сомнения, что сия перемена имела вредные следствия для внутренней торговли, вдруг уменьшив в России количество денег. Города купеческие имели серебро; но другие, менее торговые, долженствовали нуждаться в знаках для оценки вещей: так, в земле Двинской, по уничтожении кожаных лоскутков, называемых кунами и векшами, опять ходили действительные шкуры куниц и белок вместо денег, как было у нас в самую глубокую

древность; то есть возобновилась непосредственная мена вещей, обыкновенная в состоянии полудиких народов.

Касательно нашей внутренней торговли заметим, что ее свобода и выгоды обыкновенно входили в условия государственных постановлений. Владетельные князья, определяя легкие законные пошлины с купеческих возов и лодок, прибавляли в договорных грамотах: «а купцам торговать *без рубежа* или *без зацепок*». Кроме перевоза иностранных вещей из места в место, жители некоторых областей промышляли своими особенными произведениями: новогородские — хмелем и льном, новоторжские — кожами, галичане и двиняне — солью. Соль галицкая уже славилась при Донском. Псковитяне в 1364 году также завели было соляные варницы, но скоро оставили. Хлеб и рыба составляли знатнейший из торгов внутренних. Частые неурожаи, бедственные для народа, обогащали купцов прозорливых.

Хотя моголы как бы заградили нас от Европы; хотя уже венценосцы ее не вступали с нашими в брачные союзы и, кроме Иннокентиева посольства к Александру Невскому, кроме Исидорова путешествия в Италию[104], не было у нас никаких государственных сношений с Западом; хотя во-

обще иностранные летописи сего времени почти не упоминают о России: однако ж через торговые связи Новагорода с Германиею московитяне довольно скоро узнавали важнейшие европейские открытия, как то: изобретение бумаги и пороха. В XV веке мы уже перестали употреблять хартию, или пергамен, заменив его гораздо дешевейшею тряпичною бумагою, покупаемою у немцев, которые доставляли нам снаряд огнестрельный. Москва и Галич оборонялись пушками; но в описании полевых битв говорится только о стрелах, мечах и копьях: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городов. К художествам русским прибавилось еще одно новое: монетное; по крайней мере со времен Ярослава или со XII века мы, кажется, не имели оного. Монетчики назывались *денежниками*. Памятниками тогдашнего зодчества остались некоторые довольно красивые церкви, в Москве и в других местах. По летописям известно, что св. Ольга жила в каменном дворце; в Москве же, кроме церквей и городских стен, не было ни одного каменного здания до XV века, ибо князья и вельможи предпочитали деревянные домы как благоприятнейшие для здоровья. Сверх того, частые мятежи и государственные неустрой-

ства отвращали самых богатых людей от мысли строить долговременно и прочно; где нет твердого порядка гражданского, там редко бывают и твердые здания. Новогородский архиепископ Евфимий в 1433 году поставил у себя на дворе *каменную с тридцатью дверями палату*[105], украшенную живописью и боевыми часами, а митрополит Иона такую же в 1449 году, с домовым храмом Положения Риз[106]; первую строили немецкие архитекторы. Среди нынешней Москвы находилось еще немало рощей и лугов. Князья, бояре имели свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множестве слуг, в богатой одежде, в высоком доме, в глубоких погребах, наполненных бочками крепкого меда; а всего более в созидании храмов и в драгоценных окладах икон. Упомянув о слугах, заметим, что великие князья, умирая, обыкновенно давали своим холопьям волю: так поступали и другие знатные люди.

Нет сомнения, что древний Киев, украшенный памятниками византийских художеств, оживляемый стечением купцов иностранных, греков, немцев, италиянцев, превосходил Москву XV века во многих отношениях. Мы загрубели, однако ж не столько, чтобы ум лишился всей

животворной силы своей и не оказывал ни в чем успехов. Греция до самого ее падения не переставала действовать на Россию: брала от нас серебро, но давала нам вместе с мощами и книги. Основанием Московской патриаршей библиотеки, известной в ученой Европе, была митрополитская, заведенная во время господства ханского над Россиею и богатая не только церковными рукописями, но и древнейшими творениями греческой словесности. Знание еллинского языка составляло ученость, почти необходимую для знатнейшего духовенства, которое находилось в непрестанных сношениях с Царемградом. Таким образом церковная наша зависимость, вредная в смысле политики, благоприятствовала у нас просвещению; то есть не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мере в духовенстве. Любопытные миряне искали сведений в монастырях: вопрошали иноков о предметах христианства и нравственности, о самых государственных деяниях времен минувших, ибо там жила история российская; как и прежде, там, усердным пером черноризцев, она изображала плачевную судьбу отечества, мешая повествование с наставлениями. Волынский летописец приводит места из Гомера; московский упоминает о Пифагоре и Пла-

тоне. Кроме церковных или душеспасительных книг, мы имели от греков всемирные летописи и разные исторические, нравственные, баснословные повести: например, о *храбрости Александра Македонского,* перевод Арриана, *о Синагрипе, царе адоров, о витязях древности, о богатствах Индии*[107] и проч. Вторая из сих повестей есть арабская (изданная на французском языке в продолжение «Тысячи одной ночи»): вероятно, что она в XIII или в XIV веке была переведена на русский с греческого. Между тогдашними произведениями собственной нашей словесности достопамятны пиитическое изображение Куликовской битвы и похвала Димитрию Донскому. Первое, сочиненное рязанцем, иереем Софронием, многими чертами напоминает «Слово о полку Игореве», хотя и менее стихотворно. ⟨…⟩ Сии приведенные нами места суть, кажется, лучшие памятники тогдашнего красноречия. Люди всегда находили сильные черты для описания воинских ужасов и горестей любви: воображение и сердце действуют и в то время, когда ум дремлет.

Сверх церковного наставления и мудрых изречений Св. Писания, которые врезывались в память людей, Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах.

Многие из оных несомнительно относятся к сему времени; например: *где царь, там и Орда;* или: *такали, такали новгородцы да и протакали*. Ныне умники пишут: в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах, тогда жили в пословицах. Все хорошо придуманное, сильно сказанное передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу, но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопытное. Добрый купец, боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семейственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею или сквозь камни сочится мелкими ручейками. Вероятно, что и некоторые народные песни русские, в особенности исторические о благословенных временах Владимира Святого, были сочинены в веки нашего рабства государственного, когда воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться

воспоминанием прошедшей славы отечества. Русский поет в веселии и в печали. Вообще, язык наш от XIII до XV века приобрел более чистоты и правильности. Оставляя употребление собственного русского, необразованного наречия, писатели тщательнее держались грамматики церковных книг или древнего сербского, коего памятник есть наша Библия и коему следовали они не только в склонениях и в спряжениях, но и в выговоре или в изображении слов; однако ж, подобно летописцу Нестору, ошибались иногда и на употребление: отчего в слоге нашем закоренела пестрота, освященная древностию, так что мы и ныне в одной книге, на одной странице пишем *злато* и *золото, глад* и *голод, младость* и *молодость, пию* и *пью*. Еще не время было для россиян дать языку ту силу, гибкость, приятность, тонкость, которые соединяются с выспренними успехами разума в мирном благоденствии гражданских обществ, с богатством мыслей и знаний, с образованием вкуса или чувства изящности: по крайней мере видим, что предки наши трудились над яснейшим выражением своих мыслей, смягчали грубые звуки слов, наблюдали в их течении какую-то плавность. Наконец, не ослепляясь народным самолюбием, скажем, что россияне сих

веков в сравнении с другими европейцами могли по справедливости казаться невеждами; однако ж не утратили всех признаков гражданского образования и доказали, сколь оно *живуще* под самыми сильными ударами варварства!

Человек, преодолев жестокую болезнь, уверяется в деятельности своих жизненных сил и тем более надеется на долголетие: Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии так, что история едва ли представляет нам два примера в сем роде. Веря Провидению, можем ласкать себя мыслию, что оно назначило России быть долговечною.

Том 6

Глава I
Государь, державный великий князь Иоанн III Васильевич. Годы 1462–1472

Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устрояются лучшие воинства, призываются искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: император, Папа, короли, республики, цари азиатские приветству-

ют монарха российского, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия, Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей истории Иоанна III, который имел редкое счастие властвовать сорок три года и был достоин оного, властвуя для величия и славы россиян.



Государь, великий князь Иоанн III Васильевич

Иоанн на двенадцатом году жизни сочетался браком с Мариею, тверскою княжною[1]; на осьмнадцатом уже имел сына, именем также Иоанна, прозванием *Младого,* а на двадцать втором сделался государем. Но в лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности, и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный судьбою восстановить единодержавие в России, он не вдруг предприял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными. Московские наместники управляли Рязанью; малолетний князь ее, Василий[2], воспитывался в нашей столице: Иоанн одним словом мог бы присоединить его землю к великому княжению, но не хотел того и послал шестнадцатилетнего Василия господствовать в Рязани, выдав за него меньшую сестру свою Анну[3]. Признал также независимость Твери, заключив договор с шурином, Михаилом Борисовичем, как с братом и *равным ему великим*

князем; не требовал для себя никакого старейшинства; дал слово не вступаться в *Дом Святого Спаса*[4], не принимать ни Твери, ни Кашина от хана, утвердил границы их владений, как они были при Михаиле Ярославиче. Зять и шурин условились действовать заодно против татар, Литвы, Польши и немцев; второй обязывался не иметь никакого сношения с врагами первого, с сыновьями Шемяки, Василия Ярославича Боровского и с можайскими[5]; а великий князь обещал не покровительствовать врагов Тверского. Михаил Андреевич Верейский[6] по договорным грамотам уступил Иоанну некоторые места из своего удела и признал себя *младшим* в отношении к самым меньшим его братьям; в прочем удержал все старинные права князя владетельного.

Псковитяне оскорбили Иоанна. Василий Темный незадолго до кончины своей дал им в наместники, без их воли, князя Владимира Андреевича[7]; они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на вече. Владимир поехал жаловаться в Москву, куда вслед за ним прибыли и бояре псковские. Три дня великий князь не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе князя. Псковитяне

избрали князя звенигородского Ивана Александровича[8]; Иоанн утвердил его в сем достоинстве и сделал еще более: прислал к ним войско, чтобы наказать немцев за нарушение мира, ибо жители Дерпта посадили тогда наших купцов в темницу. Сия война, как обыкновенно, не имела важных следствий. Немцы с великим стыдом бежали от передового отряда российского; а псковитяне, имея у себя несколько пушек, осадили Нейгаузен и посредством магистра ливонского скоро заключили перемирие на девять лет с условием, чтобы епископ дерптский по древним грамотам заплатил какую-то дань великому князю, не утесняя в сем городе ни жителей русской слободы, ни церквей наших. Воевода Иоаннов, князь Федор Юрьевич[9], возвратился в Москву, осыпанный благодарностию псковитян и дарами, которые состояли в тридцати рублях для него и в пятидесяти для всех бывших с ним бояр ратных.

Новгородцы не взяли участия в сей войне и даже явно доброжелательствовали ордену: в досаду им псковитяне отложились от их архиепископа, хотели иметь своего особенного святителя и просили о том великого князя. Еще Новгород находился в дружелюбных сношениях с Москвою и слушался ее государя: благоразумный Иоанн

ответствовал псковитянам: «В деле столь важном я должен узнать мнение митрополита и всех русских епископов. Вы и старшие братья ваши, новгородцы, моя отчина, жалуетесь друг на друга; они требовали от меня воеводы, чтобы смирить вас оружием; я не велел им мыслить о сем междоусобии, ни задерживать ваших послов на пути ко мне; хочу тишины и мира; буду праведным судиею между вами». Сказав, совершил дело миротворца. Псковитяне возвратили церковные земли архиепископу Ионе[10] и взаимными клятвами подтвердили древний союз братский с новгородцами. Чрез несколько лет духовенство псковское, будучи весьма недовольно правлением Ионы, обвиняемого в беспечности и корыстолюбии, хотело без его ведения решить все церковные дела по Номоканону и с согласия гражданских чиновников написало судную для себя грамоту; но великий князь вторично вступился за древние права архиепископа: грамоту уничтожили, и все осталось как было.

Три года Иоанн властвовал мирно и спокойно, не сложив с себя имени данника ординского, но уже не требуя милостивых ярлыков от хана на достоинство великокняжеское и, как вероятно, не платя дани, так что царь Ахмат, повелитель

волжских улусов, решился прибегнуть к оружию: соединил все силы и хотел идти к Москве. Но счастие, благоприятствуя Иоанну, воздвигло Орду на Орду: хан крымский Ази-Гиргей[11] встретил Ахмата на берегах Дона; началася кровопролитная война между ими, и Россия осталась в тишине, готовясь к важным подвигам.

[1466–1467 гг.] Кроме внешних опасностей и неприятелей, юный Иоанн должен был внутри государства преодолеть общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных. Истекала седьмая тысяча лет от Сотворения мира по греческим хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца миру. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества; менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию независимости, думая, что все ненадолго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда-нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестным жителям. Были и важные, действительные бедствия: от чрезвычайного холода и морозов пропадал хлеб в полях; два года сряду

выпадал глубокий снег в мае месяце. Язва, называемая в летописях *железою,* еще искала жертв в России, особенно в Новогородских и Псковских владениях, где, если верить исчислению одного летописца, в два года умерло 250 652 человека; в одном Новегороде 48 402, в монастырях около 8000. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы.

Огорчаясь вместе с народом, великий князь, сверх того, имел несчастие оплакать преждевременную смерть юной, нежной супруги Марии. Она скончалась внезапно; Иоанн находился тогда в Коломне, мать его[12] и митрополит погребли ее в кремлевской церкви Вознесения[13] (где со времен Василия Димитриевича начали хоронить княгинь). Сию неожидаемую кончину приписывали действию яда, единственно потому, что тело умершей вдруг отекло необыкновенным образом. Подозревали жену дворянина Алексея Полуевктова, Наталью, которая, служа Марии, однажды посылала ее пояс к какой-то ворожее. Доказательства столь неверные не убедили великого князя в истине предполагаемого злодейства; однако ж Алексей Полуевктов шесть лет не смел показываться ему на глаза.

К горестным случаям сего времени летописцы причисляют и то, что первосвятитель Феодосий[14], добродетельный, ревностный, оставил митрополию. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслию о скором преставлении света, способствовала неумеренному размножению храмов и священнослужителей: всякий богатый человек хотел иметь свою церковь. Празднолюбцы шли в диаконы и в попы, соблазняя народ не только грубым невежеством, но и развратною жизнию. Митрополит думал пресечь зло: еженедельно собирал их, учил, вдовых постригал в монахи, распутных лишал сана и наказывал без милосердия. Следствием было, что многие церкви опустели без священников. Сделался ропот на Феодосия, и сей пастырь строгий, но не весьма твердый в душе, с горести отказался от правления. Великий князь призвал в Москву своих братьев, всех епископов, духовных сановников, которые единодушно избрали суздальского святителя Филиппа в митрополиты[15]; а Феодосий заключился в Чудове монастыре[16] и, взяв в келию к себе одного прокаженного, ходил за ним до конца жизни, сам омывая его струпы. Россияне жалели о пастыре столь благочестивом и страшились, чтобы небо не казнило их за оскорбление

святого мужа.

Наконец Иоанн предприял воинскими действиями рассеять свою печаль и возбудить в россиянах дух бодрости. Царевич Касим[17], быв верным слугою Василия Темного, получил от него в удел на берегу Оки мещерский городок, названный с того времени *Касимовым*, жил там в изобилии и спокойствии; имел сношения с вельможами казанскими и, тайно приглашенный ими свергнуть их нового царя Ибрагима, его пасынка[18], требовал войска от Иоанна, который с удовольствием видел случай присвоить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы, подверженные впадениям ее хищного, воинственного народа. Князь Иван Юрьевич Патрекеев[19] и Стрига-Оболенский[20] выступили из Москвы с полками: Касим указывал им путь и думал внезапно явиться под стенами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать казанская, предводимая царем, уже стояла на берегу Волги и принудила московских воевод идти назад. В сем неудачном осеннем походе россияне весьма много претерпели от ненастья и дождей, тонули в грязи, бросали доспехи, уморили своих коней и сами, не имея хлеба, ели в пост мясо (что могло случиться тогда

единственно в ужасной крайности). Однако ж возвратились все живы и здоровы. Царь не смел гнаться за ними, а послал отряд к Галичу, где татары не могли сделать важного вреда, ибо великий князь успел взять меры, заняв воинскими дружинами все города пограничные: Нижний, Муром, Кострому, Галич.

[1468 г.] Немедленно другая рать московская с князем Симеоном Романовичем[21] пошла из Галича в Черемисскую землю (в нынешнюю Вятскую и Казанскую губернию) сквозь дремучие леса, уже наполненные снегом, и в самые жестокие морозы. Повеление государя и надежда обогатиться добычею дали воинам силу преодолеть все трудности. Более месяца шли они по лесным пустыням, не видя ни селений, ни пути пред собою: не люди, но звери жили еще на диких берегах Ветлуги, Усты, Кумы. Вступив в землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом — управляемую собственными князьями, но подвластную царю казанскому, — россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодейство в неприятельской стране

считалось законным. Князь Симеон доходил почти до самой Казани и, без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя. Князь Иван Стрига-Оболенский выгнал казанских разбойников из Костромской области. Князь Даниил Холмский[22] побил другую шайку их близ Мурома: только немногие спаслися бегством в дремучие леса, оставив своих коней. Муромцы, нижегородцы опустошили берега Волги в пределах Ибрагимова царства.

Иоанн еще хотел подвига важнейшего, чтобы загладить первую неудачу и смирить Ибрагима; собрал всех князей, бояр и сам повел войско к границе, оставив в Москве меньшего брата Андрея[23]. По древнему обыкновению наших князей, он взял с собою и десятилетнего сына своего, чтобы заблаговременно приучить его к ратному делу. Но сей поход не совершился. Узнав о прибытии литовского, Казимирова посла[24], Якова-писаря, то есть секретаря государственного, Иоанн велел ему быть к себе в Переславль и ехать назад к королю с ответом; а сам, неизвестно для чего, возвратился в Москву, послав из Владимира только малый отряд на Кичменгу, где казанские татары жгли и грабили села. Оставив намерение лично предводительствовать ратию, Иоанн дал повеле-

ние воеводам идти к берегам Камы из Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги с детьми боярскими и козаками. Главными начальниками были Руно Московский[25] и князь Иван Звенец Устюжский[26]. Все соединились в земле Вятской, под Котельничем, и шли берегом реки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и перевоза татарского, откуда поворотили Камою к Белой Воложке, разрушая все огнем и мечом, убивая, пленяя беззащитных. Настигнув в одном месте 200 вооруженных казанцев, полководцы московские устыдились действовать против них всеми силами и выбрали охотников, которые истребили сию толпу, взяв в плен двух ее начальников. Иных битв не было: татары, привычные ко впадениям в чужие земли, не умели оборонять своих. Перехватив на Каме множество богатых купеческих судов, россияне с знатною добычею возвратились через великую Пермь к Устюгу и в Москву. С другой стороны ходил на казанцев воевода нижегородский, князь Федор Хрипун Ряполовский[27] с московскою дружиною и, встретив на Волге отряд царских телохранителей, побил его наголову. В числе пленников, отосланных к Иоанну, в Москву, находился знаменитый князь татарский Хозюм Бердей.

Но казанцы между тем присвоили себе господство над Вяткою: сильное войско их, вступив в ее пределы, так устрашило жителей, что они, не имея большого усердия к государям московским, без сопротивления объявили себя подданными царя Ибрагима. Сие легкое завоевание было непрочно: Казань не могла бороться с Москвою.

[1469 г.] В следующую весну Иоанн предприял нанести важнейший удар сему царству. Не только двор великокняжеский с боярскими детьми всех городов и всех уделов, но и московские купцы вместе с другими жителями столицы вооружились под особенным начальством князя Петра Васильевича Оболенского-Нагого[28]. Главным предводителем был назначен князь Константин Александрович Беззубцев[29], а местом соединения — Нижний Новгород. Полки сели на суда в Москве, в Коломне, в Владимире, Суздале, Муроме. Дмитровцы, можайцы, угличане, ростовцы, ярославцы, костромичи плыли Волгою, другие Окою и в одно время сошлися при устье сих двух величественных рек. Такое знаменитое судовое ополчение было зрелищем любопытным для северной России, которая еще не видала подобных.

Уже главный воевода, князь Константин, сделав общие распоряжения, готовился идти далее; но

Иоанн, вдруг переменив мысли, написал к нему, чтобы он до времени остался в Нижнем Новегороде и только легкими отрядами, составленными из охотников, тревожил неприятельскую землю на обеих сторонах Волги. Летописцы не сказывают, что побудило к тому Иоанна; но причина кажется ясною. Царевич Касим, виновник сей войны, умер; жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына к дружбе с Россиею, и великий князь надеялся без важных усилий воинских достигнуть своей цели и смирить Казань. Случилось не так.

Воевода объявил князьям и чиновникам волю государеву, они единогласно ответствовали: «Мы все хотим казнить неверных» — и с его дозволения немедленно отправились, по тогдашнему выражению, *искать ратной чести*, имея более ревности, нежели благоразумия; подняли паруса, снялись с якоря, и пристань скоро опустела. Воевода остался в Нижнем почти без войска и даже не избрал для них главного начальника. Они сами увидели необходимость сего: приплыв к месту старого Нижнего Новагорода, отпели там молебен в церкви Преображения, роздали милостыню и в общем совете выбрали Ивана Руна в предводители. Им не велено было ходить к Каза-

ни; но Руно сделал по-своему: не теряя времени, спешил к царской столице и, перед рассветом вышедши из судов, стремительно ударил на ее посад с криком и трубным звуком. Утренняя заря едва осветила небо; казанцы еще спали. Россияне без сопротивления вошли в улицы, грабили, резали; освободили бывших там пленников московских, рязанских, литовских, вятских, устюжских, пермских и зажгли предместие со всех сторон. Татары с драгоценнейшим своим имением, с женами и детьми запираясь в домах, были жертвою пламени. Обратив в пепел все, что могло сгореть, россияне, усталые, обремененные добычею, отступили, сели на суда и пошли к Коровничьему острову, где стояли целую неделю без всякого дела, чем Руно навлек на себя подозрение в измене. Многие думали, что он, пользуясь ужасом татар, сквозь пламя и дым предместия мог бы войти в город, но силою отвел полки от приступа, чтобы тайно взять окуп с царя. По крайней мере, никто не понимал, для чего сей воевода, имея славу разума необыкновенного, тратит время; для чего не действует или не удаляется с добычею и пленниками?

Легко было предвидеть, что царь не будет дремать в своей, кругом обожженной столице:

наконец русский пленник, выбежав из Казани, принес весть к нашим, что Ибрагим соединил все полки камские, сыплинские, костяцкие, беловолжские, вотяцкие, башкирские и готовится в следующее утро наступить на россиян конною и судовою ратию. Воеводы московские спешили взять меры: отобрали молодых людей и послали их с большими судами к Ирихову острову, не велев им ходить на узкое место Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать неприятеля, который действительно вышел из города. Хотя молодые люди не послушались воевод и стали как бы нарочно в узком протоке, где неприятельская конница могла стрелять в них, однако ж мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имели бой с лодками казанскими и, прогнав оные к городу, соединились с своими большими судами у Ирихова острова, славя победу и государя.

Тут прибыл к ним главный воевода, князь Константин Беззубцев, из Нижнего Новагорода, сведав, что они, в противность Иоаннову намерению, подступили к Казани. Доселе успех служил им оправданием. Константин хотел еще важнейшего: отправил гонцов в Москву с вестию о происшедшем и в Вятку с повелением, чтобы ее

жители немедленно шли к нему под Казань. Он еще не знал их коварства. Иоанн, послав весною главную рать в Нижний, в то же время приказал князю Даниилу Ярославскому[30] с отрядом детей боярских и с полком устюжан, а другому воеводе, Сабурову, с вологжанами плыть на судах к Вятке, взять там всех людей, годных к ратному делу, и с ними идти на царя казанского. Но правители вятских городов, мечтая о своей древней независимости, ответствовали Даниилу Ярославскому: «Мы сказали царю, что не будем помогать ни великому князю против него, ни ему против великого князя; хотим сдержать слово и остаемся дома». У них был тогда посол Ибрагимов, который немедленно дал знать в Казань, что россияне из Устюга и Вологды идут к ее пределам с малыми силами. Отказав в помощи князю ярославскому, вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлог, говоря: «Когда братья великого князя пойдут на царя, тогда и мы пойдем». Около месяца тщетно ждав полков вятских, не имея вести от князя ярославского и начиная терпеть недостаток в съестных припасах, воевода Беззубцев пошел назад к Нижнему.

На пути встретилась ему вдовствующая царица казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что вели-

кий князь отпустил ее с честию и с милостию, что война прекратится и что Ибрагим удовлетворит всем требованиям Иоанновым. Успокоенные ее словами, воеводы наши расположились на берегу праздновать воскресный день, служить обедню и пировать. Но вдруг показалась рать казанская, судовая и конная. Россияне едва успели изготовиться. Сражались до самой ночи; казанские суда отступили к противному берегу, где стояла конница, пуская стрелы в наших, которые не захотели биться на сухом пути и ночевали на другой стороне Волги. В следующее утро ни те ни другие не думали возобновить битвы; и князь Беззубцев благополучно доплыл до Нижнего.

Не столь счастлив был князь ярославский. Видя непослушание вятчан, он решился идти без них, чтобы в окрестностях Казани соединиться с московскою ратию. Уведомленный о походе его, Ибрагим заградил Волгу судами и поставил на берегу конницу. Произошла битва, достопамятная мужеством обоюдным: хватались за руки, секлись мечами. Главные из вождей московских пали мертвые; другие были ранены или взяты в плен; но князь Василий Ухтомский[31] одолевал многочисленность храбростию: сцеплялся с Ибрагимовыми судами, разил неприятелей

ослопом и топил их в реке. Устюжане, вместе с ним оказав редкую неустрашимость, пробились сквозь казанцев, достигли Новагорода Нижнего и дали знать о том Иоанну, который в знак особенного благоволения прислал им *две золотые деньги* и несколько кафтанов. Устюжане отдали *деньги* своему иерею, сказав ему: «Молись Богу за государя и православное воинство; а мы готовы и впредь так сражаться».

[1469 г.] Обманутый льстивыми обещаниями Ибрагимовой матери, недовольный и нашими воеводами, Иоанн предпринял новый поход в ту же осень, вручив предводительство своим братьям Юрию[32] и Андрею. Весь двор великокняжеский и все князья *служивые* находились с ними. В числе знатнейших воевод летописцы именуют князя Ивана Юрьевича Патрекеева. Даниил Холмский вел передовой полк; многочисленная рать шла сухим путем, другая плыла Волгою; обе подступили к Казани, разбили татар в вылазке, отняли воду у города и принудили Ибрагима заключить мир *на всей воле* государя московского, то есть исполнить все его требования. Он возвратил свободу нашим пленникам, взятым в течение сорока лет.

Сей подвиг был первым из знаменитых успехов

государствования Иоаннова; второй имел еще благоприятнейшие следствия для могущества великокняжеского внутри России. Василий Темный возвратил новгородцам Торжок, но другие земли, отнятые у них сыном Донского, Василием Димитриевичем[33], оставались за Москвою: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми в надежде показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостию их отцов и дедов. С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новагорода; презирали Иоанновых наместников и послов; властию веча брали знатных людей под стражу на городище, месте, не подлежащем народной управе; делали обиды москвитянам. Государь несколько раз требовал от них удовлетворения — они молчали. Наконец приехал в Москву новогородский посадник Василий Ананьин с обыкновенными делами земскими; но не было слова в ответ на жалобы Иоанновы. «Я ничего не знаю, — говорил посад-

ник боярам московским, — Великий Новгород не дал мне никаких о том повелений». Иоанн отпустил сего чиновника с такими словами: «Скажи новгородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старине,* исполняя обет крестный, если хотят от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец и что мое не продолжится».

Великий князь в то же время написал к верным ему псковитянам, чтобы они, в случае дальнейшей строптивости новгородцев, готовились вместе с ним действовать против сих ослушников. Наместником его во Пскове был тогда князь Феодор Юрьевич, знаменитый воевода, который с московскою дружиною защитил сию область в последнюю войну с немцами: из отменного уважения к его особе псковитяне дали ему судное право во всех *двенадцати* своих пригородах; а дотоле князья судили и рядили только в *семи,* прочие зависели от народной власти. Боярин московский Селиван вручил псковитянам грамоту Иоаннову. Они сами имели разные досады от новгородцев; однако ж, следуя внушениям благоразумия, отправили к ним посольство с предложением быть миротворцами между ими и

великим князем. «Не хотим кланяться Иоанну и не просим вашего ходатайства, — ответствовали тамошние правители, — но если вы добросовестны и нам друзья, то вооружитесь за нас против самовластия московского». Псковитяне сказали: «Увидим» — и дали знать великому князю, что они готовы помогать ему всеми силами.

[1470 г.] Между тем, по сказанию летописцев, были страшные знамения в Новегороде: сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние херсонские колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук; кровь являлась на гробах и проч. Люди тихие, миролюбивые трепетали и молились Богу, другие смеялись над ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народ более, нежели когда-нибудь, мечтал о прелестях свободы; хотел тесного союза с Казимиром и принял от него воеводу, князя Михаила Олельковича, коего брат Симеон господствовал тогда в Киеве[34] с честию и славою, *подобно древним князьям Владимирова племени,* как говорят летописцы. Множество панов и витязей литовских приехало с Михаилом в Новгород.

В сие время скончался новогородский владыка Иона: народ избрал в архиепископы протодиакона Фиофила[35], коему нельзя было ехать в Москву

для поставления без согласия Иоаннова: новгородцы чрез боярина своего Никиту просили о том великого князя, мать его и митрополита. Иоанн дал *опасную грамоту* для приезда Феофилова в столицу и, мирно отпуская посла, сказал ему: «Феофил, вами избранный, будет принят с честию и поставлен в архиепископы; не нарушу ни в чем древних обыкновений и готов вас жаловать как мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались великими князьями владимирскими, *Новагорода и всея Руси*» [1471 г.] Посол, возвратясь в Новгород, объявил народу о милостивом расположении Иоанновом. Многие граждане, знатнейшие чиновники и нареченный архиепископ Феофил хотели воспользоваться сим случаем, чтобы прекратить опасную распрю с великим князем; но скоро открылся мятеж, какого давно не бывало в сей народной державе.

Вопреки древним обыкновениям и нравам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей, уже взрослых, именем Марфа, предприяла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богат-

ство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном, или, по-тогдашнему, *чудном*, доме пировать и советоваться о делах важнейших. Так, св. Зосима[36], игумен монастыря Соловецкого, жалуясь в Новегороде на обиды двинских жителей, в особенности тамошних приказчиков боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в Двинской земле богатые села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его; но после, узнав истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли. Еще недовольная всеобщим уважением и тем, что великий князь, в знак особенной милости, пожаловал ее сына Димитрия в знатный чин боярина московского, сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и, по уверению летописцев, выйти замуж за какого-то вельможу литовского, чтобы вместе с ним господствовать, именем Казимировым, над своим отечеством. Князь Михаил Олелькович, служив ей несколько времени орудием, утратил ее благосклонность и с досадою уехал назад в Киев, ограбив Русу. Сей случай доказывал, что Новгород не мог ожидать

ни усердия, ни верности от князей литовских; но Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славила Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых. В числе ревностных друзей посадницы был монах Пимен, архиепископский ключник: он надеялся заступить место Ионы и сыпал в народ деньги из казны святительской, им расхищенной. Правительство сведало о том и, заключив сего коварного инока в темницу, взыскало с него 1000 рублей пени. Волнуемый честолюбием и злобою, Пимен клеветал на избранного владыку Феофила, на митрополита Филиппа; желал присоединения новогородской епархии к Литве и, лаская себя мыслию получить сан архиепископа от Григория Киевского[37], Исидорова ученика, помогал Марфе советом, кознями, деньгами.

Видя, что посольство боярина Никиты сделало в народе впечатление, противное ее намерению, и расположило многих граждан к дружелюбному сближению с государем московским, Марфа предприяла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на вече и торжественно сказали, что

настало время управиться с Иоанном; что он не государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам себе властелин; что жители его суть вольные люди и не *отчина* князей московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет Казимир и что не московский, а киевский митрополит должен дать архиепископа Святой Софии. Громогласное восклицание: «Не хотим Иоанна! Да здравствует Казимир!» — служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: «Да исчезнет Москва!» Благоразумнейшие сановники, старые посадники, тысяцкие, житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: «Братья! Что замышляете? Изменить Руси и православию? Поддаться королю иноплеменному и требовать святителя от еретика латинского? Вспомните, что предки наши, славяне, добровольно вызвали Рюрика из земли варяжской; что более шестисот лет его потомки законно княжили на престоле Новогородском; что мы обязаны истинною верою святому Владимиру, от коего происходит великий князь Иоанн, и что латинство доныне было для нас ненавистно». Единомышленники Марфины не давали им говорить; а слуги и наемники ее бросали в

них каменьями, звонили в вечевые колокола, бегали по улицам и кричали: «Хотим за короля!» Другие: «Хотим к Москве православной, к великому князю Иоанну и к отцу его митрополиту Филиппу!» Несколько дней город представлял картину ужасного волнения. Нареченный владыка Феофил ревностно противоборствовал усилиям Марфиных друзей и говорил им: «Или не изменяйте православию, или не буду никогда пастырем отступников: иду назад в смиренную келию, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа». Но Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество как жертву их страстей личных. Совершилось, чего издавна желали завоеватели литовские и чем Новгород стращал иногда государей московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие беззаконное, хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако же составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на естественном праве[38]. Многочисленное посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы Казимир был главою

Новогородской державы на основании древних уставов ее гражданской свободы. Он принял все условия, и написали грамоту следующего содержания:

«*Честный* король польский и князь великий литовский заключил дружественный союз с нареченным владыкою Феофилом, с посадниками, тысяцкими новогородскими, с боярами, людьми житыми, купцами и со всем Великим Новым городом; а для договора были в Литве посадник Афанасий Евстафиевич, посадник Димитрий Исакович (Борецкий)… от людей житых Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович… Ведать тебе, честному королю, Великий Новгород по сей крестной грамоте и держать на городище своего наместника греческой веры, вместе с дворецким и тиуном, коим иметь при себе не более пятидесяти человек. Наместнику судить с посадником на дворе архиепископском как бояр, житых людей, младших граждан, так и сельских жителей, согласно с правдою, и не требовать ничего, кроме судной законной пошлины; но в суд тысяцкого, владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на городище во дворце и собирать доходы твои вместе с посадником; а тиуну вершить дела с нашими приставами. Если государь

московский пойдет войной на Великий Новгород, то тебе, господину, честному королю, или в твое отсутствие Раде Литовской дать нам скорую помощь. Ржев, Великие Луки и Холмовский погост[39] остаются землями Новогородскими; но платят дань тебе, честному королю. Новогородец судится в Литве по вашим, литвин в Новегороде по нашим законам без всякого притеснения… В Русе будешь иметь десять соляных варниц; а за суд получаешь там и в других местах, что издревле установлено. Тебе, честному королю, не выводить от нас людей, не купить ни сел, ни рабов и не принимать их в дар, ни королеве, ни панам литовским; а нам не таить законных пошлин. Послам, наместникам и людям твоим не брать подвод в земле Новогородской, и волости ее могут быть управляемы только нашими собственными чиновниками. В Луках будет твой и наш тиун: торопецкому не судить в Новогородских владениях. В Торжке и Волоке имей тиуна; с нашей стороны будет там посадник. Купцы литовские торгуют с немцами единственно чрез новогородских. Двор немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его. Ты, честный король, не должен касаться нашей православной веры: где захотим, там и посвятим нашего владыку (в Москве или в Кие-

ве); а римских церквей не ставить нигде в земле Новогородской. Если примиришь нас с великим князем московским, то из благодарности уступим тебе всю народную дань, собираемую ежегодно в Новогородских областях; но в другие годы не требуй оной. В утверждение договора целуй крест к Великому Новугороду за все свое княжество и за всю Раду Литовскую *вправду, без извета,* а послы наши целовали крест *новогородскою душою* к честному королю за Великий Новгород».

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества российского. Хотя наместники московские, быв свидетелями торжества Марфиных поборников, уже не имели никакого участия в тамошнем правлении, однако ж спокойно жили на городище, уведомляя великого князя о всех происшествиях. Несмотря на свое явное отступление от России, новгородцы хотели казаться умеренными и справедливыми; твердили, что от Иоанна зависит остаться другом Святой Софии; изъявляли учтивость его боярам, но послали суздальского князя Василья Шуйского-Гребенку[40] начальствовать в Двинской земле, опасаясь, чтобы рать московская не овладела сею

важною для них страною.

Еще желая употребить последнее миролюбивое средство, великий князь отправил в Новгород благоразумного чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, с таким увещанием: «Люди новогородские! Рюрик, св. Владимир и великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я наследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: казнь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества». В то же время митрополит Филипп писал к ним: «Слышу о мятеже и расколе вашем. Бедственно и единому человеку уклониться от пути правого, еще ужаснее целому народу. Трепещите, да страшный серп Божий, виденный пророком Захариею, не снидет на главу сынов ослушных. Вспомните реченное в Писании: *беги греха яко ратника; беги от прелести, яко от лица змиина.* Сия *прелесть* есть латинская: она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее гибельного дей-

ствия? Греки царствовали, греки славились во благочестии; соединились с Римом — и служат ныне туркам. Доселе вы были целы под крепкою рукою Иоанна: не уклоняйтеся от *святой великой старины* и не забывайте слов апостола: *Бога бойтеся, а князя чтите*. Смиритеся, и Бог мира да будет с вами!» Сии увещания остались бесполезны: Марфа с друзьями своими делала что хотела в Новегороде. Устрашаемые их дерзостию, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на вече, где клевреты или наемники Борецких вопили: «Новгород государь нам, а король покровитель!» Одним словом, летописцы сравнивают тогдашнее состояние сей народной державы с древним Иерусалимом, когда Бог готовится предать его в руки Титовы[41]. Страсти господствовали над умом, и совет правителей казался сонмом заговорщиков.

Посол московский возвратился к государю с уверением, что не слова и не письма, но один меч может смирить новгородцев. Великий князь изъявил горесть: еще размышлял, советовался с матерью, с митрополитом и призвал в столицу братьев, всех епископов, князей, бояр и воевод. В назначенный день и час они собралися во дворце. Иоанн вышел к ним с лицом печальным,

открыл государственную думу и предложил ей на суд измену новгородцев. Не только бояре и воеводы, но и святители ответствовали единогласно: «Государь, возьми оружие в руки!» Тогда Иоанн произнес решительное слово: «Да будет война!» — и еще хотел слышать мнение совета о времени, благоприятнейшем для ее начала, сказав: «Весна уже наступила: Новгород окружен водою, реками, озерами и болотами непроходимыми. Великие князья, мои предки, страшились ходить туда с войском в летнее время, и когда ходили, то теряли множество людей». С другой стороны, поспешность обещала выгоды: новгородцы не изготовились к войне, и Казимир не мог скоро дать им помощи. Решились не медлить в надежде на милость Божию, на счастие и мудрость Иоаннову. Уже сей государь пользовался общею доверенностию: москвитяне гордились им, хвалили его правосудие, твердость, прозорливость; называли любимцем неба, властителем богоизбранным; и какое-то новое чувство государственного величия вселилось в их душу.

Иоанн послал *складную грамоту* к новгородцам, объявляя им войну [23 мая 1471 г.] с исчислением всех их дерзостей, и в несколько дней устроил ополчение: убедил Михаила Тверского

действовать с ним заодно и велел псковитянам идти к Новугороду с московским воеводою, князем Феодором Юрьевичем Шуйским; устюжанам и вятчанам в Двинскую землю под начальством двух воевод, Василья Федоровича Образца[42] и Бориса Слепого-Тютчева; князю Даниилу Холмскому с детьми боярскими из Москвы к Русе, а князю Василию Ивановичу Оболенскому-Стриге[43] с татарскою конницею к берегам Мсты.

Сии отряды были только передовыми. Иоанн, следуя обыкновению, раздавал милостыню и молился над гробами святых угодников и предков своих; наконец, приняв благословение от митрополита и епископов, сел на коня и повел главное войско из столицы. С ним находились все князья, бояре, дворяне московские и татарский царевич Данияр, сын Касимов[44]. Сын и брат великого князя, Андрей Меньший[45], остались в Москве; другие братья, князья Юрий, Андрей, Борис[46] Васильевичи и Михаил Верейский, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями к новогородским границам; а воеводы тверские, князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Жито, соединились с Иоанном в Торжке[47]. Началося страшное опустошение. С одной стороны воевода Холмский и рать великокняжеская,

с другой — псковитяне, вступив в землю Новогородскую, истребляли все огнем и мечом. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслися к берегам Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенение неописанное: новгородцы-изменники казались им хуже татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам. Летописцы замечают, что небо, благоприятствуя Иоанну, иссушило тогда все болота; что от мая до сентября месяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердели; войско с обозами везде имело путь свободный и гнало скот по лесам, дотоле непроходимым.

Псковитяне взяли Вышегород[48]. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидав войны летом и нападения столь дружного, сильного, новгородцы послали сказать великому князю, что они желают вступить с ним в переговоры и требуют от него *опасной грамоты* для своих чиновников, которые готовы ехать к нему в стан. Но в то же время Марфа и единомышленники ее старались уверить сограждан, что одна счастливая битва может спасти их свободу. Спешили вооружить всех людей, волею и неволею; ремесленников, гончаров, плотников одели в доспехи и посадили на коней; других на суда. Пехоте велели плыть

озером Ильменем к Русе, а коннице, гораздо многочисленнейшей, идти туда берегом. Холмский стоял между Ильменем и Русою, на Коростыне: пехота новогородская приближилась тайно к его стану, вышла из судов и, не дожидаясь конного войска, стремительно ударила на ополошных москвитян. Но Холмский и товарищ его, боярин Феодор Давидович[49], храбростию загладили свою неосторожность: положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, послали их, искаженных, в Новгород. Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы, щиты неприятельские, взятые в добычу ими, говоря, что войско великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новгородцы приписали сие несчастие тому, что конное их войско не соединилось с пехотным и что особенный *полк архиепископский* отрекся от битвы, сказав: «Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на великого князя, а велел сражаться только с неверными псковитянами». Желая обмануть Иоанна, новогородские чиновники отправили к нему второго посла с уверением, что они готовы на мир и что войско

их еще не действовало против московского. Но великий князь уже имел известие о победе Холмского и, став на берегу озера Коломны, приказал сему воеводе идти за Шелонь навстречу к псковитянам и вместе с ними к Новугороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон[50]. В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что москвитяне изумились. Их было 5000, а новгородцев от 30 000 до 40 000[51], ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько полков, чтобы усилить свою конную рать. Но воеводы Иоанновы, сказав дружине: «Настало время послужить государю; не убоимся ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и Господь Вседержитель», бросились на конях в Шелонь, с крутого берега и в глубоком месте; однако ж никто из москвитян не усомнился следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились [14 июля] в бой с восклицанием: *Москва!* Новогородский летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили москвитян отступить, но что конница татарская, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело. Но по другим

известиям, новгородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новагорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: *Москва! Москва!* На пространстве двенадцати верст полки великокняжеские гнали их, убили 12 000 человек, взяли 1700 пленников, и в том числе двух знатнейших посадников, Василия Казимира с Димитрием Исаковым Борецким; наконец, утомленные, возвратились на место битвы. Холмский и боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость неба. Боярский сын Иван Замятня спешил известить государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой отряд его войска решил судьбу Новагорода; что неприятель истреблен, а рать московская цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту новгородцев с Казимиром,

найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека, который писал оную. С какой радостию великий князь слушал весть о победе, с таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник новогородской измены.

Холмский уже нигде не видал неприятельской рати и мог свободно опустошать села до самой Наровы или немецких пределов. Городок Демон сдался Михаилу Верейскому. Тогда великий князь послал *опасную грамоту* к новгородцам с боярином их, Лукою, соглашаясь вступить с ними в договоры; прибыл в Русу и явил пример строгости: велел отрубить головы знатнейшим пленникам, боярам Дмитрию Исакову, Марфину сыну, Василью Селезеневу-Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухощоку, архиепископскому чашнику, ревностным благоприятелям Литвы; Василия Казимира, Матвея Селезнева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в темницы московские; а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород, соединяя милосердие с грозою мести, отличая главных деятельных врагов Москвы от людей слабых, которые служили им только орудием. Решив таким образом участь пленников, он расположился

станом на устье Шелони [17 июля].

В сей самый день новая победа увенчала оружие великокняжеское в отдаленных пределах Заволочья. Московские воеводы Образец и Борис Слепой, предводительствуя устюжанами и вятчанами, на берегах Двины сразились с князем Василием Шуйским, верным слугою новогородской свободы. Рать его состояла из двенадцати тысяч двинских и печерских жителей: Иоаннова только из четырех. Битва продолжалась целый день с великим остервенением. Убив трех двинских знаменоносцев, москвитяне взяли хоругвь новогородскую и к вечеру одолели врага. Князь Шуйский, раненный, едва мог спастися в лодке, бежал в Колмогоры, оттуда в Новгород; а воеводы Иоанновы, овладев всею Двинскою землею, привели жителей в подданство Москвы.

Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в новгородцах неописанный ужас. Они надеялись на Казимира и с нетерпением ждали вестей от своего посла, отправленного к нему через Ливонию, с усильным требованием, чтобы король спешил защитить их; но сей посол возвратился и с горестию объявил, что магистр ордена не пустил его в Литву. Уже не было времени иметь помощи, ни сил противить-

ся Иоанну. Открылась еще внутренняя измена. Некто, именем Упадыш, тайно доброхотствуя великому князю, с единомышленниками своими в одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новегороде: правители казнили сего человека; несмотря на все несчастия, хотели обороняться: выжгли посады, не жалея ни церквей, ни монастырей; учредили бессменную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народ; другие стояли на стенах и башнях, готовые к бою с москвитянами. Однако ж миролюбивые начали изъявлять более смелости, доказывая, что упорство бесполезно; явно обвиняли друзей Марфы в приверженности к Литве и говорили: «Иоанн перед нами; а где ваш Казимир?» Город, стесненный великокняжескими отрядами и наполненный множеством пришельцев, которые искали там убежища от москвитян, терпел недостаток в съестных припасах: дороговизна возрастала; ржи совсем не было на торгу: богатые питались пшеницею; а бедные вопили, что правители их безумно раздражили Иоанна и начали войну, не подумав о следствиях. Весть о казни Димитрия Борецкого и товарищей его сделала глубокое впечатление как в народе, так и в чиновниках: доселе никто из великих

князей не дерзал торжественно казнить первостепенных гордых бояр новогородских. Народ рассуждал, что времена переменились; что небо покровительствует Иоанна и дает ему смелость вместе со счастием; что сей государь правосуден: карает и милует; что лучше спастися смирением, нежели погибнуть от упрямства. Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личною безопасностию правилу или образу мыслей. Самые усердные из друзей Марфиных, те, которые ненавидели Москву по ревностной любви к вольности отечества, молчанием или языком умеренности хотели заслужить прощение Иоанново. Еще Марфа силилась действовать на умы и сердца, возбуждая их против великого князя: народ видел в ней главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Холмский, псковитяне и сам Иоанн готовились с разных сторон обступить Новгород, чтобы совершить последний удар: не много времени оставалось для размышления. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному архиепископу Феофилу быть ходатаем мира. Сей разумный инок со многими посадниками, тысяцкими и людьми житыми всех пяти концов

отправился на судах озером Ильменем к устью Шелони, в стан московский. Не смея вдруг явиться государю, они пошли к его вельможам и просили их заступления: вельможи просили Иоанновых братьев, а братья самого Иоанна. Чрез несколько дней он дозволил послам стать пред лицом своим. Феофил вместе со многими духовными особами и знатнейшие чиновники новогородские, вступив в шатер великокняжеский, пали ниц, безмолвствовали, проливали слезы. Иоанн, окруженный сонмом бояр, имел вид грозный и суровый. «Господин, князь великий! — сказал Феофил. — Утоли гнев свой, утиши ярость; пощади нас, преступников, не для моления нашего, но для своего милосердия! Угаси огнь, палящий страну Новогородскую; удержи меч, лиющий кровь ее жителей!» Иоанн взял с собою из Москвы одного ученого в летописях дьяка, именем Стефана Бородатого, коему надлежало исчислить перед новогородскими послами все древние их измены; но послы не хотели оправдываться и требовали единственно милосердия. Тут братья и воеводы Иоанновы ударили челом за народ виновный; молили долго, неотступно [11 августа]. Наконец государь изрек слово великодушного прощения, следуя, как уверяют летописцы, вну-

шениям христианского человеколюбия и совету митрополита Филиппа помиловать новгородцев, если они раскаются; но мы видим здесь действие личного характера, осторожной политики, умеренности сего властителя, коего правилом было: *не отвергать хорошего для лучшего,* не совсем верного.

Новгородцы за вину свою обещали внести в казну великокняжескую 15 500 рублей, или около осьмидесяти пуд серебра, в разные сроки, от 8 сентября до Пасхи; возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места, уступленные Василию Темному, но после отнятые ими; обязались в назначенные времена платить государям московским *черную,* или народную, дань, также и митрополиту судную пошлину; клялися ставить своих архиепископов только в Москве, у гроба св. Петра Чудотворца, в Дому Богоматери; не иметь никакого сношения с королем польским, ни с Литвою; не принимать к себе тамошних князей и врагов Иоанновых: князя можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославича Боровского; отменили так называемые вечевые грамоты; признали верховную судебную власть государя московского в случае

несогласия его наместников с новогородскими сановниками; обещались не издавать впредь судных грамот без утверждения и печати великого князя и проч. Возвращая им Торжок и новые свои завоевания в Двинской земле, Иоанн, по обычаю, целовал крест в уверение, что будет править Новым городом согласно с древними уставами оного, без всякого насилия. Сии взаимные условия или обязательства изображены в шести тогда написанных грамотах, от 9 и 11 августа, в коих юный сын Иоаннов именуется также, подобно отцу, великим князем всей России. Помирив еще Новгород с псковитянами, Иоанн уведомил своих полководцев, что война прекратилась; ласково угостил Феофила и всех послов; отпустил их с милостию и вслед за ними велел ехать боярину Феодору Давидовичу, взять присягу с новгородцев на вече. Дав слово забыть прошедшее, великий князь оставил в покое и самую Марфу Борецкую и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене. Исполнив свое намерение, наказав мятежников, свергнув тень Казимирову с древнего престола Рюрикова, он с честию, славою и богатою добычей [1 сентября] возвратился в Москву. Сын, брат, вельможи, воины и купцы встретили его за 20 верст от столицы,

народ за семь, митрополит с духовенством перед кремлем на площади. Все приветствовали государя как победителя, изъявляя радость.

Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее. Все области Новогородские, кроме столицы, являли от пределов восточных до моря зрелище опустошения, произведенного не только ратию великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из московских владений грабить и наживаться. Погибло множество людей. К довершению бедствия 9000 человек, призванных в Новгород из уездов для защиты оного, возвращаясь осенью в свои домы на 180 судах, утонули в бурном Ильмене. Зимою священноинок Феофил с духовными и мирскими сановниками приехал в Москву и был поставлен в архиепископы. Когда сей торжественный обряд совершился, Феофил на амвоне смиренно преклонил выю пред Иоанном и молил его умилосердиться над знатными новогородскими пленниками, Василием Казимиром и другими, которые еще сидели в московских

темницах; великий князь даровал им свободу, и Новгород принял их с дружелюбием, а владыку своего с благодарностию, легкомысленно надеясь, что время, торговля, мудрость веча и правила благоразумнейшей политики исцелят глубокие язвы отечества.

В исходе сего года явилась комета, в начале следующего другая; народ трепетал, ожидая чего-нибудь ужасного. Иоанн же, не участвуя в страхе суеверных, спокойно мыслил о важном завоевании. Древняя славная Биармия, или Пермь, уже в XI веке платила дань россиянам, в гражданских отношениях зависела от Новагорода, в церковных от нашего митрополита, но всегда имела собственных властителей и торговала с москвитянами как держава свободная. Присвоив себе Вологду, великие князья желали овладеть и Пермию, однако ж дотоле не могли, ибо новгородцы крепко стояли за оную, обогащаясь там меною немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось *закамским* и столь прельщало хитрого Иоанна Калиту. В самом Шелонском договоре новгородцы включили Пермь в число их законных владений; но Иоанн III, подобно Калите дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем

исполнить намерение своего пращура без явной несправедливости. В Перми обидели некоторых москвитян: сего было довольно для Иоанна; он послал туда князя Феодора Пестрого[52] с войском, чтобы доставить им законную управу.

[1472 г.] Полки выступили из Москвы зимою, на Фоминой неделе пришли к реке Черной, спустились на плотах до местечка Айфаловского, сели на коней и близ городка Искора[53] встретились с пермскою ратию. Победа не могла быть сомнительною: князь Феодор рассеял неприятелей; пленил их воевод: Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взял Искор с иными городками, сжег их и на устье Почки, впадающей в Колву, заложил крепость[54]; а другой воевода, Гаврило Нелидов, им отряженный, овладел Уросом и Чердынью, схватив тамошнего князя христианской веры, именем Михаила[55]. Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и князь Феодор прислал к нему вместе с пленными 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 *поставов* немецкого сукна, 3 панциря, шлем и две сабли булатные. Сие завоевание, коим владения Московские прислонились к хребту гор Уральских, обрадовало государя и народ, обещая важные торговые выгоды и напомнив России счастливую

старину, когда Олег, Святослав, Владимир брали мечом чуждые земли, не теряя собственных. Вероятно, что пермский князь Михаил возвратился в свое отечество, где после господствовал и сын его Матфей[56], как присяжник Иоаннов. Первым *российским* наместником Великой Перми был в 1505 году князь Василий Андреевич Ковер[57].

Доселе великий князь еще не имел дела с главным врагом нашей независимости, с царем Большой, или Золотой, Орды Ахматом, коего толпы в 1468 году нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнув идти далее, ибо в упорной битве с тамошними воеводами потеряли много людей. Благоразумный Иоанн, готовый к войне, хотел удалить ее: время усиливало Россию, ослабляя могущество ханов. Но другой естественный враг Москвы, Казимир Литовский, употреблял все способы подвигнуть Ахмата на великого князя. Дед Иоаннов, Василий Димитриевич, купил в Литве одного татарина, именем Мисюря, Витовтова пленника, которого внук Кирей рожденный в холопстве, бежал от Иоанна в Польшу и снискал особенную милость Казимирову. Сей государь хотел употребить его в орудие своей ненависти к России, послал в Золотую Орду с ласковыми грамотами, с богатыми дарами и

предлагал Ахмату тесный союз, чтобы вместе воевать наше отечество. Кирей имел ум хитрый, знал хорошо и татар, и Москву: доказывал хану необходимость предупредить Иоанна, замышляющего быть самовластителем независимым; подкупал вельмож ординских и легко склонил их на свою сторону, ибо они недоброжелательствовали великому князю за его к ним презрение или скупость. Уже Москва не удовлетворяла их алчному корыстолюбию; уже послы наши не пресмыкались в улусах с мешками серебра и золота. Главный из вельмож ханских, именем Темир, всех ревностнее помогал Кирею; но целый год миновал в одних переговорах. Междоусобия татар не дозволяли Ахмату удалиться от берегов Волги, и в то время, когда посол литовский твердил ему о древнем величии ханов, знаменитая их столица, город Сарай, основанный Батыем, не мог защитить себя от набега смелых вятчан: приплыв Волгою и слыша, что хан кочует верстах в пятидесяти оттуда, они врасплох взяли сей город, захватили все товары, несколько пленников и с добычею ушли назад сквозь множество татарских судов, которые хотели преградить им путь. Наконец Ахмат, взяв меры для безопасности улусов, отправил с Киреем собственного посла к

Казимиру, обещал немедленно начать войну и чрез несколько месяцев действительно вступил в Россию с знатными силами, удержав при себе московского чиновника, который был послан к нему от государя с мирными предложениями.

Великий князь, узнав о том, отрядил боярина Феодора Давидовича с коломенскою дружиною к берегам Оки; за ним Даниила Холмского, князя Оболенского-Стригу и братьев своих с иными полками; услышал о приближении хана к Алексину и сам немедленно выехал из столицы в Коломну, чтобы оттуда управлять движениями войска. При нем находился и сын Касимов, царевич Данияр, с своею дружиною; таким образом, политика великих князей вооружала моголов против моголов. Но еще сильно действовал ужас ханского имени: несмотря на 180 000 воинов[58], которые стали между неприятелем и Москвою, заняв пространство ста пятидесяти верст; несмотря на общую доверенность к мудрости и счастию государя, Москва страшилась, и мать великого князя с его сыном для безопасности уехала в Ростов.

Ахмат приступил к Алексину, где не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов; однако ж граждане побили множество неприятелей. На другой день татары сожгли город вместе с

жителями; бегущих взяли в плен и бросились целыми полками в Оку, чтобы ударить на малочисленный отряд москвитян, которые стояли на другом берегу реки. Начальники сего отряда, Петр Федорович и Семен Беклемишев, долго имев перестрелку, хотели уже отступить, когда сын Михаила Верейского, князь Василий, прозванием Удалый, подоспел к ним с своею дружиною, а скоро и брат Иоаннов, Юрий. Москвитяне прогнали татар за Оку и стали рядами на левой стороне ее, готовые к битве решительной: новые полки непрестанно к ним подходили с трубным звуком, с распущенными знаменами. Хан Ахмат внимательно смотрел на них с другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оных, блеску оружия и доспехов. «Ополчение наше, — говорят летописцы, — колебалось подобно величественному морю, ярко освещенному солнцем». Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побежали, гонимые одним страхом, ибо никого из москвитян не было за Окою. Сие нечаянное бегство произошло, как сказывали, от жестокой заразительной болезни, которая открылась тогда в Ахматовом войске. Великий князь послал воевод своих вслед за неприятелем; но татары в шесть дней достигли

до своих катунов, или улусов, откуда прежде шли к Алексину шесть недель; россияне не могли или не хотели нагнать их, взяв несколько пленников и часть обоза неприятельского; а великий князь распустил войско, удостоверенный, что хан не скоро осмелится предпринять новое впадение в Россию. Между тем Казимир, союзник моголов, не сделал ни малейшего движения в их пользу: имея важную распрю с государем венгерским и занятый делами Богемии[59], сей слабодушный король предал Ахмата так же, как и новгородцев.

Скоро после того он и все москвитяне были огорчены преждевременною кончиною князя Юрия Васильевича. Меньшие братья его и сам великий князь находились в Ростове, у матери, тогда нездоровой. Митрополит Филипп не смел без повеления Иоаннова хоронить тела Юриева, которое, в противность обыкновению, четыре дня стояло в церкви Архангела Михаила. Великий князь приехал оросить слезами гроб достойного брата, не только им, но и всеми искренно любимого за его добрые свойства и за ратное мужество, коим он славился. Юрий скончался холостым на тридцать втором году жизни и в духовном завещании отказал свое имение матери, братьям, сестре, княгине рязанской, поручив им выку-

пить разные заложенные им вещи, серебряные, золотые, и даже сукна немецкие, ибо на нем осталось более семисот рублей долгу. О городах своих — Дмитрове, Можайске, Серпухове — он не упоминает в духовной. Иоанн, присоединив их к великому княжению, досадил завистливым братьям; но мать благоразумными увещаниями прекратила ссору, отдав Андрею Васильевичу местечко Романов[60]; великий князь уступил Борису Вышегород[61], а меньшему Андрею Торусу, утвердив грамотами наследственные уделы за ними и за детьми их.

Глава II
Продолжение государствования Иоаннова. Годы 1472–1477

В сие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России, ибо следствием оного было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что государи и народы просвещенные захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Последний император греческий, Константин Палеолог[62], имел двух братьев, Димитрия и Фому, которые, под именем деспотов господствуя в Пелопоннесе, или в Морее, ненавидели друг друга, воевали между собою[63] и тем довершили торжество Магомета II: турки овладели Пелопоннесом. Димитрий искал милости в султане, отдал ему дочь в сераль и получил от него в удел город Эн во Фракии[64]; но Фома, гнушаясь неверными, с

женою, с детьми, с знатнейшими греками ушел из Корфу в Рим, где Папа Пий II[65] и кардиналы, уважая в нем остаток древнейших государей христианских и в благодарность за сокровище, им привезенное: за главу апостола Андрея (с того времени хранимую в церкви Св. Петра), — назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотых ефимков ежемесячного жалованья. Фома умер в Риме. Сыновья его, Андрей и Мануил[66], жили благодеяниями нового Папы Павла II[67], не заслуживая оных своим поведением, весьма легкомысленным и соблазнительным; но юная сестра их, девица, именем София, одаренная красотою и разумом, была предметом общего доброжелательства. Папа искал ей достойного жениха и, замышляя тогда воздвигнуть всех государей европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей политики. К удивлению многих, Павел обратил взор на великого князя Иоанна, по совету, может быть, славного кардинала Виссариона[68]: сей ученый грек издавна знал единоверную Москву и возрастающую силу ее государей, известных и Риму по делам их с Литвою, с немецким орденом и в особенности по Флорентийскому собору, где митрополит наш

Исидор представлял столь важное лицо в церковных прениях. Отдаленность, благоприятствуя баснословию, рождала слухи о несметном богатстве и многочисленности россиян. Папа надеялся, во-первых, чрез царевну Софию, воспитанную в правилах Флорентийского соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу Церковь; во-вторых, лестным для его честолюбия свойством с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова. Вследствие сего намерения кардинал Виссарион, в качестве нашего единоверца, отправил грека, именем Юрия, с письмом к великому князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери деспота морейского, которая будто бы отказала двум женихам, королю французскому и герцогу медиоланскому, не желая быть супругою государя латинской веры. Вместе с Юрием приехали в Москву два венецианина, Карл и Антон, брат и племянник Ивана Фрязина[69], денежника, или монетчика, который уже давно находился в службе великого князя, переселясь к нам, как вероятно, из Тавриды и приняв веру греческую.

Сие важное посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного

хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, митрополита Филиппа, знатнейших бояр: все думали, согласно с ним, что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль царственного древа, коего сень покоила* некогда *все христианство* православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст монархам нашим права императоров греческих. Великий князь желал чрез собственного посла удостовериться в личных достоинствах Софии и велел для того Ивану Фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему венециянскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии и вручил ему живописный образ ее вместе с листами от Папы для свободного проезда наших послов в Италию за невестою, о чем Павел особенно писал к королю польскому, именуя Иоанна любезнейшим сыном, государем *Московии*, Новагорода, Пскова и других земель. Между тем сей Папа умер, и слух пришел в Москву, что место его заступил Калист: великий князь в 1472 году, января 17-го, отправил того же Ивана Фрязина со многими людьми в Рим, чтобы привезти оттуда

царевну Софию, и дал ему письмо к новому Папе. Но дорогою узнали послы, что преемник Павлов называется Сикстом[70]; они не хотели возвратиться для переписывания грамоты; вычистив в ней имя Калиста, написали Сикстово и в мае прибыли в Рим.

Папа, Виссарион и братья Софиины приняли их с отменными почестями. 22 мая, в торжественном собрании кардиналов, Сикст IV объявил им о посольстве и сватовстве Иоанна, великого князя *Белой России*. Некоторые из них сомневались в православии сего монарха и народа его; но Папа ответствовал, что россияне участвовали в Флорентийском соборе и приняли архиепископа или митрополита от Латинской Церкви; что *они желают ныне иметь у себя легата римского, который мог бы исследовать на месте обряды веры их и заблуждающимся указать путь истинный*; что ласкою, кротостию, снисхождением надобно обращать сынов ослепленных к нежной матери, то есть к Церкви; что закон не противится бракосочетанию царевны Софии с Иоанном.

25 мая послы Иоанновы были введены в тайный совет папский, вручили Сиксту великокняжескую, писанную на русском языке грамоту с золотою печатию и поднесли в дар шестьдесят

соболей. В грамоте сказано было единственно так: «Сикcту, первосвятителю римскому, Иоанн, великий князь Белой Руси, кланяется и просит верить его послам». Именем государя они приветствовали Папу, который в ответе своем хвалил Иоанна за то, что он, как добрый христианин, *не отвергает собора Флорентийского* и не принимает митрополитов от патриархов константинопольских, избираемых турками; что хочет совокупиться браком с христианкою, воспитанною в столице апостольской, и что *изъявляет приверженность к главе Церкви*. В заключение святой отец благодарил великого князя за дары. Тут находились послы неаполитанские, венецианские, медиоланские, флорентийские и феррарские. Июня 1-го София в церкви Св. Петра была обручена государю московскому, коего лицо представлял главный из его поверенных, Иван Фрязин.

Июня 12-го собралися кардиналы для дальнейших переговоров с российскими послами, *которые уверяли Папу о ревности их монарха к благословенному соединению Церквей*. Сикст IV, так же как и Павел II, имея надежду изгнать Магомета из Царяграда, хотел, чтобы государь московской склонил хана Золотой Орды воевать

Турцию. Послы Иоанновы ответствовали, что России легко воздвигнуть татар на султана; что они своим несметным числом могут еще подавить Европу и Азию; что для сего нужно только послать в Орду тысяч десять золотых ефимков и богатые, особенные дары хану, коему удобно сделать впадение в султанские области чрез Паннонию; но что король венгерский едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрез свою державу; что сии вероломные наемники, в случае неисправного платежа, бывают злейшими врагами того, кто их нанял; что победа татар оказалась бы равно бедственною и для турков, и для христиан. Одним словом, послы московские старались доказать, что неблагоразумно искать помощи в Орде, и Папа удовольствовался надеждою на собственные силы Иоанна, единоверца греков и естественного неприятеля их утеснителей.

Так говорят церковные летописи римские о посольстве московском. Действительно ли великий князь манил Папу обещаниями принять устав Флорентийского собора, или Иван Фрязин клеветал на государя, употребляя во зло его доверенность? Или католики, обманывая самих себя, не то слышали и писали, что говорил посол наш? Сие остается неясным. Папа дал Софии богатое

вено и послал с нею в Россию легата, именем Антония, провождаемого многими римлянами; а царевичи Андрей и Мануил отправили послом к Иоанну грека Димитрия. Невеста имела свой особенный двор, чиновников и служителей, к ним присоединились и другие греки, которые надеялись обрести в единоверной Москве второе для себя отечество. Папа взял нужные меры для безопасности Софии на пути и велел, чтобы во всех городах встречали царевну с надлежащею честию, давали ей съестные припасы, лошадей, проводников, в Италии и в Германии, до самых областей Московских. 24 июня она выехала из Рима, сентября 1-го прибыла в Любек, откуда 10-го числа отправилась на лучшем корабле в Ревель; 21 сентября вышла там на берег и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивение ордена. Гонец Ивана Фрязина спешил из Ревеля через Псков и Новгород в Москву с известием, что София благополучно переехала море. Посол московский встретил ее в Дерпте, приветствуя именем государя и России.

Между тем вся область Псковская была в движении: правители готовили дары, запас, мед и вина для царевны; рассылали всюду гонцов; украшали суда, лодки и 11 октября выехали на Чудское озе-

ро, к устью Эмбаха[71], встретить Софию, которая со всеми ее многочисленными спутниками тихо подъезжала к берегу. Посадники, бояре, вышедши из судов и налив вином кубки, ударили челом своей будущей великой княгине. Достигнув наконец земли Русской, где Провидение судило ей жить и царствовать, видя знаки любви, слыша усердные приветствия россиян, она не хотела медлить ни часу на берегу ливонском: степенный посадник принял ее и всех бывших с нею на суда. Два дня плыли озером; ночевали у Св. Николая в Устьях[72] и 13 октября остановились в монастыре Богоматери[73]: там игумен с братиею отпел за Софию молебен; она оделась в *царские ризы* и, встреченная псковским духовенством у ворот, пошла в соборную церковь, где народ с любопытством смотрел на папского легата Антония, на его червленую одежду, высокую епископскую шапку, перчатки и на серебряное литое распятие, которое несли перед ним. К соблазну наших христиан правоверных, сей легат, вступив в церковь, не поклонился святым иконам; но София велела ему приложиться к образу Богоматери, заметив общее негодование. Тем более народ пленился царевною, которая с живейшим усердием молилась Богу, наблюдая все обряды греческого закона. Из

церкви повели ее в великокняжеский дворец. По тогдашнему обыкновению, гостеприимство изъявлялось дарами: бояре и купцы поднесли Софии пятьдесят рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная к усердию псковитян, она, чрез пять дней выезжая оттуда, сказала им с ласкою: «Спешу к моему и вашему государю; благодарю чиновников, бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае ходатайствовать в Москве по делам вашим». В Новегороде была ей такая же встреча от архиепископа, посадников, тысяцких, бояр и купцов; но царевна спешила в Москву, где Иоанн ожидал ее с нетерпением.

Уже София находилась в пятнадцати верстах от столицы, когда великий князь призвал бояр на совет, чтобы решить свое недоумение. Легат папский, желая иметь более важности в глазах россиян, во всю дорогу ехал с латинским *крыжем*: то есть пред ним в особенных санях везли серебряное распятие, о коем мы выше упоминали. Великий князь не хотел оскорбить легата, но опасался, чтобы москвитяне, увидев сей торжественный обряд иноверия, не соблазнились, и желал знать мнение бояр. Некоторые думали, согласно с нашим послом, Иваном Фрязином,

что не должно запрещать того из уважения к Папе; другие, что доселе в земле Русской не оказывалось почестей латинской вере; что пример и гибель Исидора еще в свежей памяти. Иоанн отнесся к митрополиту Филиппу, и сей старец с жаром ответствовал: «Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед латинским епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Чтить веру чуждую есть унижать собственную». Великий князь немедленно послал боярина Феодора Давидовича взять крест у легата и спрятать в сани. Легат повиновался, хотя и с неудовольствием: тем более спорил Иван Фрязин, осуждая митрополита. «В Италии, — говорил он, — честили послов великокняжеских: следственно, в Москве надо честить папского». Сей Фрязин, будучи в Риме, таил перемену веры своей, сказывался католиком и, в самом деле приняв греческий закон в России только для мирских выгод, внутренно исповедовал латинский, считая нас суеверами. Но боярин Феодор Давидович исполнил повеление государя.

Царевна въехала в Москву 12 ноября, рано поутру, при стечении любопытного народа. Митрополит встретил ее в церкви: приняв его

благословение, она пошла к матери Иоанновой, где увиделась с женихом. Тут совершилось обручение; после чего слушали обедню в деревянной соборной церкви Успения (ибо старая каменная была разрушена, а новая не достроена). Митрополит служил со всем знатнейшим духовенством и великолепием греческих обрядов; наконец обвенчал Иоанна с Софиею, в присутствии его матери, сына, братьев, множества князей и бояр, легата Антония, греков и римлян. На другой день легат и посол Софииных братьев, торжественно представленные великому князю, вручили ему письма и дары.

В то время, когда двор и народ в Москве праздновали свадьбу государя, главный пособник сего счастливого брака, Иван Фрязин, вместо чаемой награды заслужил оковы. Возвращаясь в первый раз из Рима чрез Венецию и называясь великим боярином московским, он был обласкан дожем Николаем Троно[74], который, узнав от него о тесных связях россиян с моголами Золотой Орды, вздумал отправить туда посла чрез Москву, чтобы склонить хана к нападению на Турцию. Сей посол, именем Иван Батист Тревизан, действительно приехал в нашу столицу с грамотою от дожа к великому князю и с просьбою, чтобы он

велел проводить его к хану Ахмату; но Иван Фрязин уговорил Тревизана не отдавать государю ни письма, ни обыкновенных даров; обещал и без того доставить ему все нужное для путешествия в Орду и, пришедши с ним к великому князю, назвал сего посла купцом венециянским, своим племянником. Ложь их открылась прибытием Софии: легат папский и другие из ее спутников, зная лично Тревизана — зная также, с чем он послан в Москву, — сказали о том государю. Иоанн, взыскательный, строгий до суровости, в гневе своем за дерзкий обман велел Фрязина оковать цепями, сослать в Коломну, дом разорить, жену и детей взять под стражу, а Тревизана казнить смертию. Едва легат папский и греки могли спасти жизнь сего последнего усердным за него ходатайством, умолив государя, чтобы он прежде обослался с сенатом и дожем венециянским.

Ласкаемый в Москве, посол римский, согласно с данным ему от Папы наставлением, домогался, чтобы Россия приняла устав Флорентийского собора. Может быть, Иоанн, во время сватовства искав благосклонности Папы, давал сию надежду словами двусмысленными; но, будучи уже супругом Софии, не хотел о том слышать. Летописец говорит, что легат Антоний имел пре-

ния с нашим митрополитом Филиппом, но без малейшего успеха; что митрополит, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты, московского книжника, ясно доказал истину греческого исповедания и что Антоний, не находя сильных возражений, сам прекратил спор, сказав: «Нет книг со мною». Пробыв одиннадцать недель в Москве, легат и посол Софииных братьев отправились назад в Италию с богатыми дарами для Папы и царевичей от великого князя, сына его и Софии, которая, по известию немецких историков, обещав Сиксту IV наблюдать внушенные ей правила Западной Церкви, обманула его и сделалась в Москве ревностною христианкою веры греческой.

Главным действием сего брака (как мы уже заметили) было то, что Россия стала известнее в Европе, которая чтила в Софии племя древних императоров византийских и, так сказать, провождала ее глазами до пределов нашего отечества; начались государственные сношения, пересылки; увидели москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество. Сверх того, многие греки, приехавшие к нам с царевною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и

в языках, особенно в латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от турецкого варварства книгами московские церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов византийского, так что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву. Следственно, падение Греции, содействовав возрождению наук в Италии, имело счастливое влияние и на Россию. Некоторые знатные греки выехали к нам после из самого Константинополя: например, в 1485 году Иоанн Палеолог Рало, с женою и с детьми, а в 1495-м боярин Феодор Ласкир с сыном Димитрием. София звала к себе и братьев; но Мануил предпочел двор Магомета II, уехал в Царьград и там, осыпанный благодеяниями султана, провел остаток жизни в изобилии; Андрей же, совокупившись браком с одною распутною гречанкою, два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в Москву и выдал дочь свою Марию[75] за князя Василия Михайловича Верейского; однако ж возвратился в Рим (где лежат кости его подле отцовских в храме Св. Петра). Кажется, что он был недоволен великим князем, ибо в духовном завещании отказал свои права

на Восточную империю не ему, а иноверным государям Кастилии, Фердинанду и Елисавете, хотя Иоанн, по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона, с надписью: *«Великий князь, Божиею милостию господарь всея Руси»*.

Вслед за легатом римским великий князь послал в Венецию Антона Фрязина с жалобою на Тревизана, велев сказать дожу: «Кто шлет посла чрез мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести». Дож и сенат, услышав, что бедный Тревизан сидит в Москве под стражею, окованный цепями, прибегнули к ласковым убеждениям, прося, чтобы великий князь освободил его для общего блага христиан и отправил к хану, снабдив всем нужным для сего путешествия, из дружбы к республике, которая с благодарностию заплатит сей долг. Иоанн умилостивился, освободил Тревизана, дал ему семьдесят рублей и, вместе с ним послав в Орду дьяка своего возбуждать хана против Магомета II, уведомил о том венецианского дожа. Сие новое посольство в Италию особенно любопытно тем, что главою оного был уже не

иноземец, но россиянин, именем Семен Толбузин, который взял с собою Антона Фрязина в качестве переводчика и сверх государственного дела имел поручение вывезти оттуда искусного зодчего.

Здесь в первый раз видим Иоанна, пекущегося о введении художеств в Россию: ознаменованный величием духа, истинно царским, он хотел не только ее свободы, могущества, внутреннего благоустройства, но и внешнего велелепия, которое сильно действует на воображение людей и принадлежит к успехам их гражданского состояния. Владимир Святой и Ярослав Великий украсили древний Киев памятниками византийских искусств; Андрей Боголюбский призывал оные и на берега Клязьмы, где Владимирская церковь Богоматери еще служила предметом удивления для северных россиян; но Москва, возникшая в веки слез и бедствий, не могла еще похвалиться ни одним истинно величественным зданием. Соборный храм Успения[76], основанный св. митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением, и митрополит Филипп желал воздвигнуть новый по образцу владимирского. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным звоном, в присутствии всего двора:

перенесли в оную из старой гробы князя Георгия Данииловича и всех митрополитов (сам государь, сын его, братья, знатнейшие люди несли мощи св. чудотворца Петра, особенного покровителя Москвы). Сей храм еще не был достроен, когда Филипп митрополит скоро после Иоаннова бракосочетания преставился, испуганный пожаром, который обратил в пепел его кремлевский дом; обливаясь слезами над гробом св. Петра и с любовию утешаемый великим князем, Филипп почувствовал слабость в руке от паралича, велел отвезти себя в монастырь Богоявленский и жил только один день, до последней минуты говорив Иоанну о совершении новой церкви. Преемник его Геронтий[77] (бывший коломенский епископ, избранный в митрополиты собором наших святителей) также ревностно пекся об ее строении; но едва складенная до сводов, она с ужасным треском упала, к великому огорчению государя и народа. Видя необходимость иметь лучших художников, чтобы воздвигнуть храм, достойный быть первым в Российской державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками немцев, и велел Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать в Италии архитектора опытного для сооружения Успенской кафедральной церкви.

Вероятно даже, что сие дело было главною виною его посольства. Уже Италия, пробужденная зарею наук, умела ценить памятники древней римской изящной архитектуры, презирая готическую, столь несоразмерную, неправильную, тяжелую, и арабскую, расточительную в мелочных украшениях. Образовался новый, лучший вкус в зданиях, хотя еще и несовершенный, но италиянские архитекторы уже могли назваться превосходнейшими в Европе.

Принятый в Венеции благосклонно от нового дожа, Марчелла[78], и взяв с республики семьсот рублей за все, чем снабдили Тревизана в Москве из казны великокняжеской, Толбузин нашел там зодчего, болонского уроженца, именем Фиоравенти Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, так что правительство с трудом отпустило его, в угождение государю московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой кремлевской церкви, хвалил

гладкость работы, но сказал, что известь наша не имеет достаточной вязкости, а камень не тверд и что лучше делать своды из плит; он ездил в Владимир, видел там древнюю соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем[79]; махиною, неизвестною тогдашним москвитянам и называемою *бараном,* разрушил до основания стены кремлевской церкви, которые уцелели в ее падении; выкопал новые рвы и наконец заложил великолепный храм Успения, доныне стоящий пред нами как знаменитый памятник греко-италиянской архитектуры XV века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков искусства своим твердым основанием, расположением, соразмерностию, величием. Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году, августа 12-го, митрополитом Геронтием с епископами.

Чтобы представить читателям в одном месте все, сделанное Иоанном для украшения столицы, опишем здесь и другие здания его времени. Довольный столь счастливым опытом Аристотелева искусства, он разными посольствами

старался призывать к себе художников из Италии: создал новую церковь Благовещения на своем дворе, а за нею — на площади, где стоял терем, — огромную палату, основанную Марком Фрязином[80] в 1487 году и совершенную им в 1491-м с помощию другого италиянского архитектора, Петра Антония[81]. Она долженствовала быть местом торжественных собраний двора, особенно в случае посольств иноземных, когда государь хотел являться в величии и блеске, следуя обычаю монархов византийских. Сия палата есть так называемая *Грановитая*, которая в течение трехсот двадцати лет сохранила всю целость и красоту свою: там видим и ныне трон венценосцев российских, с коего они в первые дни их царствования изливают милости на вельмож и народ. Дотоле великие князья обитали в деревянных зданиях: Иоанн (в 1492 году) велел разобрать ветхий дворец и поставить новый на Ярославском месте, за церковию Архангела Михаила; но недолго жил в оном: сильный пожар (в 1493 году) обратил весь город в пепел, от Св. Николая на Песках[82] до поля за Москвою-рекою и за Сретинскою улицею: Арбат, Неглинную, кремль, где сгорели дворы великого князя и митрополитов со всеми житницами на Подоле, обрушилась церковь Ио-

анна Предтечи у Боровицких ворот[83] (под коею хранилась казна великой княгини Софии), и вообще не осталось ни одного целого здания, кроме новой палаты и соборов (в Успенском обгорел олтарь, крытый немецким железом). Государь переехал в какой-то большой дом на Яузу, к церкви Св. Николая Подкопаева[84], и решился соорудить дворец каменный, заложенный в мае 1499 года медиоланским архитектором Алевизом[85], на старом месте, у Благовещения; глубокие погребы и ледники служили основанием сего великолепного здания, совершенного через девять лет и ныне именуемого *дворцом теремным*[86]. Между тем Иоанн жил на своем кремлевском дворе в деревянных хоромах, а иногда на Воронцовом поле. Угождая государю, знатные люди также начали строить себе каменные домы: в летописях упоминается о палатах митрополита Василия Федоровича Образца и головы московского Дмитрия Владимировича Ховрина.

Величественные кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном, ибо древнейшие, сделанные в княжение Димитрия Донского, разрушились и столица наша уже не имела каменной ограды. Антон Фрязин[87] в 1485 году, июля 19-го, заложил на Москве-реке стрельницу, а

в 1488-м другую, Свибловскую, с тайниками, или подземельным ходом; италиянец Марко построил Беклемишевскую; Петр Антоний Фрязин две, над Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третию Фроловскую; башня над речкою Неглинною совершена в 1492 году неизвестным архитектором[88]. Окружили всю крепость высокою, твердою, широкою стеною, и великий князь приказал сломать вокруг не только все дворы, но и церкви, уставив, чтобы между ею и городским строением было не менее ста девяти саженей. Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив кремль долговечным памятником своего царствования, едва ли не превосходнейшим в сравнении со всеми иными европейскими зданиями XV века. Последним делом италиянского зодчества при сем государе было основание нового Архангельского собора, куда перенесли гробы древних князей московских из ветхой церкви Св. Михаила, построенной Иоанном Калитою и тогда разобранной. Кроме зодчих, великий князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебреников. Фрязин, Павел Дебосис, в 1488 году слил в Москве огромную Царь-пушку[89]. В 1494 году выехал к нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именем Петр. Италиянские

серебреники начали искусно чеканить русскую монету, вырезывая на оной свое имя: так, на многих деньгах Иоанна Васильевича видим надпись: «Aristoteles», ибо сей знаменитый архитектор славился и монетным художеством (сверх того, лил пушки и колокола). Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась русских; оставлял вере и духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народа, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России.

⟨…⟩

Глава III
Продолжение государствования Иоаннова. Годы 1475–1481

Таким образом до Тибра, моря Адриатического, Черного и пределов Индии обнимая умом государственную систему держав, сей монарх готовил знаменитость внешней своей политики утверждением внутреннего состава России. Ударил последний час новогородской вольности! Сие важное происшествие в нашей истории достойно описания подробного. Нет сомнения, что Иоанн воссел на престол с мыслию оправдать титул великих князей, которые со времен Симеона Гордого именовались государями всея Руси[90], желал ввести совершенное единовластие, истребить уделы, отнять у князей и граждан права, несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности. Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе;

великий князь мог бы тогда покорить сию область, но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы и наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной государевой власти. Иоанн простил новгородцев, обогатив казну свою их серебром, утвердив верховную власть княжескую в делах судных и в политике; но, так сказать, не спускал глаз с сей народной державы, старался умножать в ней число преданных ему людей, питал несогласие между боярами и народом, являлся в правосудии защитником невинности, делал много добра и обещал более. Если наместники его не удовлетворяли всем справедливым жалобам истцов, то он винил недостаток древних законов новогородских, хотел сам быть там, исследовать на месте причину главных неудовольствий народных,

обуздать утеснителей, и (в 1475 году) действительно, призываемый младшими гражданами, отправился к берегам Волхова, поручив Москву сыну. Сие путешествие Иоанново — без войска, с одною избранною, благородною дружиною — имело вид мирного, но торжественного величия: государь объявил, что идет утвердить спокойствие Новагорода, коего знатнейшие сановники и граждане ежедневно выезжали к нему, от реки Цны до Ильменя, навстречу с приветствиями и с дарами, с жалобами и с оправданием: старые посадники, тысяцкие, люди житые, наместник и дворецкий великокняжеские, игумены, чиновники архиепископские. За 90 верст от города ожидали Иоанна владыка Феофил, князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, посадник и тысяцкий, степенные, архимандрит Юриева монастыря и другие первостепенные люди, коих дары состояли в бочках вина, белого и красного. Они имели честь обедать с государем. За ними явились старосты улиц новогородских; после бояре и все жители городища, с вином, с яблоками, винными ягодами. Бесчисленные толпы народные встретили Иоанна перед городищем, где он слушал литургию и ночевал; а на другой день угостил обедом владыку, князя Шуйского,

посадников, бояр и 23 ноября [1475 г.] въехал в Новгород. Там, у врат Московских, архиепископ Феофил, исполняя государево повеление, со всем клиросом, с иконами, крестами и в богатом святительском облачении принял его, благословил и ввел в храм Софии, в коем Иоанн поклонился гробам древних князей: Владимира Ярославича, Мстислава Храброго, и, приветствуемый всем народом, изъявил ему за любовь благодарность; обедал у Феофила, веселился, говорил только слова милостивые и, взяв от хозяина в дар 3 постава ипрских сукон, сто корабельников (нобилей, или двойных червонцев), рыбий зуб и две бочки вина, возвратился в свой дворец на городище.

За днем пиршества следовали дни суда. С утра до вечера дворец великокняжеский не затворялся для народа. Одни желали только видеть лицо сего монарха и в знак усердия поднести ему дары, другие искали правосудия. Падение держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новегороде. Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклися только о собственных выгодах; торговали властию, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя

толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на вече жалобы утесняемых. Целые улицы, чрез своих поверенных, требовали государевой защиты, обвиняя первейших сановников. «Они не судьи, а хищники», — говорили челобитчики и доносили, что степенный посадник Василий Ананьин с товарищами приезжал разбоем в улицу Славкову и Никитину, отнял у жителей на тысячу рублей товара, многих убил до смерти. Другие жаловались на грабеж старост. Иоанн, еще следуя древнему обычаю новогородскому, дал знать вечу, чтобы оно приставило стражу к обвиняемым; велел им явиться на суд и, сам выслушав их оправдания, решил — в присутствии архиепископа, знатнейших чиновников, бояр, — что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будет им возмездием, а для других примером. Обратив в ту же минуту глаза на двух бояр новогородских, Ивана Афанасьева и сына его Елевферия, он сказал гневно: «Изыдите! Вы хотели предать отечество Литве». Воины Иоанновы оковали их цепями, также посадника Ананьина и бояр Федора Исакова (Марфина сына), Ивана Лошинского и Богдана. Сие действие самовластия поразило новгородцев; но все, потупив взор,

молчали.

На другой день владыка Феофил и многие посадники явились в великокняжеском дворце, с видом глубокой скорби моля Иоанна, чтобы он приказал отдать заключенных бояр на поруки, возвратив им свободу. «Нет, — ответствовал государь Феофилу, — тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду известно, что сии люди сделали много зла отечеству и ныне волнуют его своими кознями». [1476 г.] Он послал главных преступников окованных в Москву; но, из уважения к ходатайству архиепископа и веча, освободил некоторых, менее виновных, приказав взыскать с них денежную пеню, чем и заключился грозный суд великокняжеский. Снова начались пиры для государя и продолжались около шести недель. Все знатнейшие люди угощали его роскошными обедами: архиепископ трижды; другие по одному разу, и дарили деньгами, драгоценными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами и проч. Например, князь Василий Шуйский подарил три половинки сукна, три камки, тридцать корабельников, два кречета и сокола; владыка — двести корабельников, пять поставов сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и две меда; в другой

же раз — триста корабельников, золотой ковш с жемчугом (весом в фунт), два рога, окованные серебром, серебряную мису (весом в шесть фунтов), пять сороков соболей и десять поставов сукна; Василий Казимер — золотой ковш (весом в фунт), сто корабельников и два кречета; Яков Короб — двести корабельников, два кречета, рыбий зуб и постав рудожелтого сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельников, десять поставов сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверх того, степенный посадник Фома, избранный на место сверженного Василия Ананьина, и тысяцкий Есипов поднесли великому князю от имени всего Новагорода тысячу рублей. В день Рождества Иоанн дал у себя обед архиепископу и первым чиновникам, которые пировали во дворце до глубокой ночи. Еще многие знатные чиновники готовили пиршества; но великий князь объявил, что ему время ехать в Москву, и только принял от них назначенные для него дары. Летописец говорит, что не осталось в городе ни одного зажиточного человека, который бы не поднес чего-нибудь Иоанну и сам не был одарен милостиво или одеждою драгоценною, или камкою, или серебряным кубком, соболями, конем и проч. Никогда новгородцы не изъявляли такого

усердия к великим князьям, хотя оно происходило не от любви, но от страха: Иоанн ласкал их, как государь может ласкать подданных, с видом милости и приветливого снисхождения.

Великий князь, пируя, занимался и делами государственными. Правитель Швеции Стен Стур[91] прислал к нему своего племянника Орбана с предложением возобновить мир, нарушенный впадением россиян в Финляндию. Иоанн угостил Орбана, принял от него в дар статного жеребца и велел архиепископу именем Новагорода утвердить на несколько лет перемирие с Швециею по древнему обыкновению. Послы псковские, вручив Иоанну дары, молили его, чтобы он не делал никаких перемен в древних уставах их отечества; а князь Ярослав[92], тамошний наместник, приехав сам в Новгород, жаловался, что посадники и граждане не дают ему всех законных доходов. Великий князь отправил туда бояр, Василия Китая и Морозова, сказать псковитянам, чтобы они в пять дней удовлетворили требованиям наместника или будут иметь дело с государем раздраженным. Ярослав получил все желаемое. Быв девять недель в Новегороде, Иоанн выехал оттуда со множеством серебра и золота, как сказано в летописи. Воинская дружина его стояла по

монастырям вокруг города и плавала в изобилии; брала что хотела: никто не смел жаловаться. Архиепископ Феофил и знатнейшие чиновники проводили государя до первого стана, где он с ними обедал, казался весел, доволен. Но судьба сей народной державы уже была решена в уме его.

Заточение шести бояр новогородских, сосланных в Муром и в Коломну, оставило горестное впечатление в их многочисленных друзьях: они жаловались на самовластие великокняжеское, противное древнему уставу, по коему новогородец мог быть наказываем только в своем отечестве. Народ молчал, изъявляя равнодушие; но знатнейшие граждане взяли их сторону и нарядили посольство к великому князю: сам архиепископ, три посадника и несколько житых людей приехали в Москву бить челом за своих несчастных бояр. Два раза владыка Феофил обедал во дворце, однако ж не мог умолить Иоанна и с горестию уехал на Страстной неделе, не хотев праздновать Пасхи с государем и с митрополитом.

[1477 г.] Между тем решительный суд великокняжеский полюбился многим новгородцам так, что в следующий год некоторые из них отправились с жалобами в Москву; вслед за ними

и ответчики, знатные и простые граждане, от посадников до земледельцев: вдовы, сироты, монахини. Других же позвал сам государь: никто не дерзнул ослушаться. «От времен Рюрика, — говорят летописцы, — не бывало подобного случая: ни в Киев, ни в Владимир не ездили судиться новгородцы: Иоанн умел довести их до сего уничижения». Еще он не сделал всего, пришло время довершить начатое.

Умное правосудие Иоанново пленяло сердца тех, которые искали правды и любили оную: утесненная слабость, оклеветанная невинность находили в нем защитника, спасителя, то есть истинного монарха, или судию, непричастного низким побуждениям личности; они желали видеть судную власть в одних руках его. Другие, или завидуя силе первостепенных сограждан, или ласкаемые Иоанном, внутренно благоприятствовали самодержавию. Сии многочисленные друзья великого князя, может быть, *сами собою,* а может быть, и по согласию с ним замыслили следующую хитрость. Двое из оных, чиновник Назарий и дьяк веча Захария, в виде послов от архиепископа и всех соотечественников явились пред Иоанном (в 1477 году) и торжественно наименовали его *государем* Новагорода вместо

господина, как прежде именовались великие князья в отношении к сей народной державе. Вследствие того Иоанн отправил к новгородцам боярина Феодора Давидовича спросить, что они разумеют под названием *государя,* хотят ли присягнуть ему как *полному властителю,* единственному законодателю и судии, соглашаются ли не иметь у себя тиунов, кроме княжеских, и отдать ему Двор Ярославов, древнее место веча? Изумленные граждане ответствовали: «Мы не посылали с тем к великому князю, это ложь». Сделалось общее волнение. Они терпели оказанное Иоанном самовластие в делах судных как *чрезвычайность,* но ужаснулись мысли, что сия чрезвычайность будет уже *законом,* что древняя пословица: *Новгород судится своим судом,* утратит навсегда смысл и что московские тиуны будут решить судьбу их. Древнее вече уже не могло ставить себя выше князя, но по крайней мере существовало именем и видом: Двор Ярославов был святилищем народных прав, отдать его Иоанну значило торжественно и навеки отвергнуться оных. Сии мысли возмутили даже и самых мирных граждан, расположенных повиноваться великому князю, но в угодность собственному внутреннему чувству блага, не

слепо, не под острием меча, готового казнить всякого по мановению самовластителя. Забвенные единомышленники Марфины воспрянули как бы от глубокого сна и говорили народу, что они лучше его предвидели будущее; что друзья или слуги московского князя суть изменники, коих торжество есть гроб отечества. Народ остервенился, искал предателей, требовал мести. Схватили одного знаменитого мужа, Василия Никифорова, и привели на вече, обвиняя его в том, что он был у великого князя и дал клятву служить ему против отечества. «Нет, — ответствовал Василий, — я клялся Иоанну единственно в верности, в доброжелательстве, но без измены моему истинному государю, Великому Новугороду; без измены вам, моим господам и братьям». Сего несчастного изрубили в куски топорами; умертвили еще посадника Захарию Овина, который ездил судиться в Москву и сам доносил гражданам на Василия Никифорова; казнили и брата его Козьму на дворе архиепископском; многих иных ограбили, посадили в темницу, называя их советниками Иоанновыми, другие разбежались. Между тем народ не сделал ни малейшего зла послу московскому и многочисленной дружине его: сановники честили их, держали около шести

недель и наконец отпустили именем веча с такою грамотою к Иоанну: «Кланяемся тебе, *господину нашему,* великому князю; а *государем* не зовем. Суд твоим наместникам будет на городище по старине; но твоего суда, ни твоих тиунов у нас не будет. *Дворища Ярославля* не даем. Хотим жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростыне тобою и нами (в 1471 году). Кто же предлагал тебе быть *государем* новогородским, тех сам знаешь и казни за обман; мы здесь также казним сих лживых предателей. А тебе, господин, челом бьем, чтобы ты держал нас в старине, по крестному целованию». Так писали они и еще сильнее говорили на вече, не скрывая мысли снова поддаться Литве, буде великий князь не откажется от своих требований.

Но Иоанн не любил уступать и, без сомнения, предвидел отказ новгородцев, желая только иметь вид справедливости в сем раздоре. Получив их смелый ответ, он с печалию объявил митрополиту Геронтию, матери, боярам, что Новгород, произвольно дав ему имя государя, запирается в том, делает его лжецом пред глазами всей земли Русской, казнит людей, верных своему законному монарху, как злодеев, и грозится вторично изменить святейшим клятвам,

православию, отечеству. Митрополит, двор и вся Москва думала согласно, что сии мятежники должны почувствовать всю тягость государева гнева. Началось молебствие в церквах; раздавали милостыню по монастырям и богадельням; отправили гонца в Новгород с *грамотою складною,* или с объявлением войны, и полки собрались под стенами Москвы. Медленный в замыслах важных, но скорый в исполнении, Иоанн или не действовал, или действовал решительно, всеми силами: не осталось ни одного местечка, которое не прислало бы ратников на службу великокняжескую. В числе их находились и жители областей Кашинской[93], Бежецкой, Новоторжской, ибо Иоанн присоединил к Москве часть сих Тверских и Новогородских земель.

Поручив столицу юному великому князю, сыну своему, он сам выступил с войском 9 октября, презирая трудности и неудобства осеннего похода в местах болотистых. Хотя новгородцы и взяли некоторые меры для обороны, но знали слабость свою и прислали требовать *опасных грамот* от великого князя для архиепископа Феофила и посадников, коим надлежало ехать к нему для мирных переговоров. Иоанн велел остановить сего посланного в Торжке, также и

другого; обедал в Волоке у брата, Бориса Васильевича, и был встречен именитым тверским вельможею, князем микулинским[94], с учтивым приглашением заехать в Тверь, отведать хлеба-соли у государя его Михаила. Иоанн вместо угощения требовал полков, и Михаил не смел ослушаться, заготовив, сверх того, все нужные съестные припасы для войска московского. Сам великий князь шел с отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; царевич Данияр и Василий Образец по Замсте; Даниил Холмский пред Иоанном с детьми боярскими, владимирцами, переславцами и костромитянами; за ним два боярина с дмитровцами и кашинцами; на правой стороне князь Симеон Ряполовский[95] с суздальцами и юрьевцами: на левой — брат великого князя Андрей Меньший и Василий Сабуров с ростовцами, ярославцами, угличанами и бежичанами; с ними также воевода матери Иоанновой, Семен Пешек, с ее двором; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою — князья Александр Васильевич и Борис Михайлович Оболенские[96]; первый с колужанами, алексинцами, серпуховцами, хотуничами, москвитянами, радонежцами, новоторжцами; второй с можайцами, волочанами, звенигородцами и ружанами; по

дороге Яжелбицкой — боярин Феодор Давидович с детьми боярскими двора великокняжеского и коломенцами, также князь Иван Васильевич Оболенский со всеми его братьями и многими детьми боярскими. 4 ноября присоединились к войску Иоаннову полки тверские, предводимые князем Михаилом Феодоровичем микулинским[97].

В Еглине, ноября 8-го, великий князь потребовал к себе задержанных новогородских *опасчиков* (то есть присланных за *опасными грамотами*): старосту Данславской улицы Федора Калитина и гражданина житого Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челом, именуя его *государем*. Иоанн велел им дать пропуск для послов новогородских. Между тем многие знатные новгородцы прибыли в московский стан и вступили в службу к великому князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь от злобы тамошнего народа, который гнал всех бояр, подозреваемых в тайных связях с Москвою.

Ноября 19-го, в Палине, Иоанн вновь устроил войско для начатия неприятельских действий: вверил Передовой отряд брату своему Андрею Меньшему и трем храбрейшим воеводам: Холмскому с костромитянами, Феодору Давидовичу с коломенцами, князю Ивану Оболенскому-Стриге

с владимирцами; *в Правой Руке* велел быть брату Андрею Большему с тверским воеводою, князем микулинским, с Григорием Никитичем, с Иваном Житом, с дмитровцами и кашинцами; в *Левой* — брату, князю Борису Васильевичу, с князем Васильем Михайловичем Верейским и с воеводою матери своей, Семеном Пешком, а в собственном полку великокняжеском — знатнейшему боярину Ивану Юрьевичу Патрикееву, Василию Образцу с боровичами, Симеону Ряполовскому, князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову с их дружинами, также всем переславцам и муромцам. Передовой отряд должен был занять Бронницы.

Еще недовольный многочисленностию своей рати, государь ждал псковитян. Тамошний князь Ярослав, ненавидимый народом, но долго покровительствуемый Иоанном — быв даже в явной войне с гражданами, не смевшими выгнать его, и пьяный имев с ними битву среди города, — наконец по указу государеву выехал оттуда. Псковитяне желали себе в наместники князя Василья Васильевича Шуйского[98]: Иоанн отправил его к ним из Торжка и велел, чтобы они немедленно вооружились против Новагорода. Обыкновенное их благоразумие не изменилось

и в сем случае: псковитяне предложили новгородцам быть за них ходатаями у великого князя; но получили в ответ: «Или заключите с нами особенный тесный союз как люди вольные, или обойдемся без вашего ходатайства». Когда же псковитяне, исполняя Иоанново приказание, грамотою объявили им войну, новгородцы одумались и хотели, чтобы они вместе с ними послали чиновников к великому князю; но дьяк московский Григорий Волнин, приехав во Псков от государя, нудил их немедленно сесть на коней и выступить в поле. Между тем сделался там пожар: граждане письменно известили Иоанна о своей беде, называли его *царем русским* и давали ему разуметь, что не время воевать людям, которые льют слезы на пепле своих жилищ; одним словом, всячески уклонялись от похода, предвидя, что в падении Новагорода может не устоять и Псков. Отговорки были тщетны: Иоанн велел, и князь Шуйский, взяв осадные орудия — пушки, пищали, самострелы, — с семью посадниками вывел рать псковскую, которой надлежало стать на берегах Ильменя, при устье Шелони.

Ноября 23-го великий князь находился в Сытине, когда донесли ему о прибытии архиепископа Феофила и знатнейших сановников

новогородских. Они явились. Феофил сказал: «*Государь* князь великий! Я, богомолец твой, архимандриты, игумены и священники всех семи соборов бьем тебе челом. Ты возложил гнев *на свою отчину*, на Великий Новгород; огнь и меч твой ходят по земле нашей; кровь христианская льется. Государь! Смилуйся, молим тебя со слезами: дай нам мир и освободи бояр новогородских, заточенных в Москве!» А посадники и житые люди говорили так: «*Государь* князь великий! Степенный посадник Фома Андреев и старые посадники, степенный тысяцкий Василий Максимов и старые тысяцкие, бояре, житые, купцы, черные люди и весь Великий Новгород, твоя отчина, мужи вольные, бьют тебе челом и молят о мире и свободе наших бояр заключенных». Посадник Лука Федоров примолвил: «Государь! Челобитье Великого Новагорода пред тобою: повели нам говорить с твоими боярами». Иоанн не ответствовал ни слова, но пригласил их обедать за столом своим.

На другой день послы новогородские были с дарами у брата Иоаннова, Андрея Меньшего, требуя его заступления. Иоанн приказал говорить с ними боярину, князю Ивану Юрьевичу. Посадник Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы государь принял

в милость Великий Новгород, мужей вольных, и меч свой унял». Феофилакт посадник: «Желаем освобождения бояр новогородских». Лука посадник: «Желаем, чтобы государь всякие четыре года ездил в свою отчину, Великий Новгород, и брал с нас по тысяче рублей; чтобы наместник его судил с посадником в городе; а чего они не управят, то решит сам великий князь, приехав к нам на четвертый год; но в Москву да не зовет судящихся!» Яков Федоров: «Да не велит государь вступаться своему наместнику в особенные суды архиепископа и посадника!» Житые люди сказали, что подданные великокняжеские зовут их на суд к наместнику и посаднику в Новегороде, а сами хотят судиться единственно на городище; что сие несправедливо и что они просят великого князя подчинить тех и других суду новогородскому. Посадник Яков Короб заключил сими словами: «Челобитье наше пред государем: да сделает, что ему Бог положит на сердце!»

Иоанн в тот же день велел Холмскому, боярину Феодору Давидовичу, князю Оболенскому-Стриге и другим воеводам под главным начальством брата его Андрея Меньшего идти из Бронниц к городищу и занять монастыри, чтобы новгородцы не выжгли оных. Воеводы перешли озеро

Ильмень по льду и в одну ночь заняли все окрестности Новогородские.

25 ноября бояре великокняжеские Иван Юрьевич, Василий и Иван Борисовичи[99] дали ответ послам. Первый сказал: «Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси тебе, своему богомольцу владыке, посадникам и житым людям так ответствует на ваше челобитье». Боярин Василий Борисович продолжал: «Ведаете сами, что вы предлагали нам, мне и сыну моему, чрез сановника Назария и дьяка вечевого Захарию быть вашими государями; а мы послали бояр своих в Новгород узнать, что разумеется под сим именем? Но вы заперлися, укоряя нас, великих князей, насилием и ложью; сверх того, делали нам и многие иные досады. Мы терпели, ожидая вашего исправления; но вы более и более лукавствовали, и мы обнажили меч, по слову Господню: *Аще согрешит к тебе брат твой, обличи его наедине; аще не послушает, поими с собою два или три свидетеля; аще ли и тех не послушает, повеждь Церкви; аще ли и о Церкви нерадети начнет, будете яко же язычник и мытарь.* Мы посылали к вам и говорили: *Уймитесь, и будем вас жаловать*. Но вы не захотели того и сделались нам как бы чужды. Итак, возложив упование на Бога и на мо-

литву наших предков, великих князей русских, идем наказать дерзость». Боярин Иван Борисович говорил далее именем великого князя: «Вы хотите свободы бояр ваших, мною осужденных; но ведаете, что весь Новгород жаловался мне на их беззакония, грабежи, убийства; ты сам, Лука Исаков, находился в числе истцов; и ты, Григорий Киприанов, от имени Никитиной улицы; и ты, владыка, и вы, посадники, были свидетелями их уличения. Я мыслил казнить преступников, но даровал им жизнь, ибо вы молили меня о том. Пристойно ли вам ныне упоминать о сих людях?» Князь Иван Юрьевич заключил сими словами ответ государев: «Буде Новгород действительно желает нашей милости, то ему известны условия».

Архиепископ и посадники отправились назад с великокняжеским приставом для их безопасности. 27 ноября Иоанн, подступив к Новугороду с братом Андреем Меньшим и с юным верейским князем Василием Михайловичем, расположился у Троицы Паозерской[100] на берегу Волхова, в трех верстах от города, в селе Лошинского, где был некогда дом Ярослава Великого, именуемый Ракомлею; велел брату стать в монастыре Благовещения, князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве,

Холмскому в Аркадьевском, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищах, Борису Оболенскому на Сокове у Богоявления, Ряполовскому на Пидьбе, князю Василию Верейскому на Лисьей Горке, а боярину Феодору Давидовичу и князю Ивану Стриге на городище. 29 ноября пришел с полком брат Иоаннов, князь Борис Васильевич, и стал на берегу Волхова в Кречневе, селе архиепископа. 30 ноября государь велел воеводам отпускать половину людей для собрания съестных припасов до 10 декабря, а 11-е число быть всем налицо, каждому на своем месте; и в тот же день послал гонца сказать наместнику псковскому, князю Василию Шуйскому, чтобы он спешил к Новугороду с огнестрельным снарядом.

Новгородцы хотели сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков с товарами; укрепились деревянною стеною по обеим сторонам Волхова; заградили сию реку судами; избрали князя Василия Шуйского-Гребенку в военачальники и, не имея друзей, ни союзников, не ожидая ниоткуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надеются в крайности на самое отчаяние и го-

товы отразить приступ, как некогда предки их отразили сильную рать Андрея Боголюбского. Но Иоанн не хотел кровопролития в надежде, что они покорятся, и взял меры для доставления всего нужного многочисленной рати своей. Исполняя его повеление, богатые псковитяне отправили к нему обоз с хлебом, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медом и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостников. Великокняжеский стан имел вид шумного торжища, изобилия; а Новгород, окруженный полками московскими, был лишен всякого сообщения. Окрестности также представляли жалкое зрелище: воины Иоанновы не щадили бедных жителей, которые в 1471 году безопасно скрывались от них в лесах и болотах, но в сие время умирали там от морозов и голода.

Декабря 4-го вторично прибыл к государю архиепископ Феофил с теми же чиновниками и молил его только о мире, не упоминая ни о чем ином. Бояре московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и князь Иван Стрига отпустили их с прежним ответом, что новгородцы знают, как надобно бить челом великому князю. В сей день пришли к городу царевич Данияр с воеводою Василием Образцом и брат великого

князя Андрей Старший с тверским воеводою: они расположились в монастырях Кириллове, Андрееве, Ковалевском, Болотове, На Деревенице и у Св. Николы на Островке.

Видя умножение сил и непреклонность великого князя — не имея ни смелости отважиться на решительную битву, ни запасов для выдержания осады долговременной, — угрожаемые и мечом, и голодом, новгородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время и без надежды спасти вольность надеялись переговорами сохранить хотя некоторые из ее прав. Декабря 5-го владыка Феофил с посадниками и с людьми житыми, ударив челом великому князю в присутствии его трех братьев, именем Новагорода сказал: «Государь! Мы, виновные, ожидаем твоей милости: *признаем* истину посольства Назариева и дьяка Захарии; но какую власть желаешь иметь над нами?» Иоанн ответствовал им чрез бояр: «Я доволен, что вы признаете вину свою и сами на себя свидетельствуете. Хочу властвовать в Новегороде, как властвую в Москве». Архиепископ и посадники требовали времени для размышления. Он отпустил их с повелением дать решительный ответ в третий день. Между тем пришло войско

псковское, и великий князь, расположив его в Бискупицах, в селе Федотине, в монастыре Троицком на Варяжи, приказал знаменитому своему художнику Аристотелю строить мост под городищем, как бы для приступа. Сей мост, с удивительною скоростию сделанный на судах через реку Волхов, своею твердостию и красою заслужил похвалу Иоаннову.

7 декабря Феофил возвратился в стан великокняжеский с посадниками и с выборными от пяти концов новогородских. Иоанн выслал к ним бояр. Архиепископ молчал, говорили только посадники. Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы государь велел наместнику своему судить вместе с нашим степенным посадником». Феофилакт: «Предлагаем государю ежегодную дань со всех волостей новогородских, с двух сох гривну». Лука: «Пусть государь держит наместников в наших пригородах; но суд да будет по старине». Яков Федоров бил челом, чтобы великий князь не выводил людей из владений новогородских, не вступался в отчины и земли боярские, не звал никого на суд в Москву. Наконец все просили, чтобы государь не требовал новгородцев к себе на службу и поручил им единственно оберегать северо-западные пределы России.

Бояре донесли о том великому князю и вышли от него с следующим ответом: «Ты, богомолец наш, и весь Новгород признали меня государем; а теперь хотите мне указывать, как править вами?» Феофил и посадники били челом и сказали: «Не смеем *указывать*, но только желаем ведать, как государь намерен властвовать в своей Новогородской отчине, ибо московских обыкновений не знаем». Великий князь велел своему боярину Ивану Юрьевичу ответствовать так: «Знайте же, что в Новегороде не быть ни вечевому колоколу, ни посаднику, а будет одна власть государева; что как в стране Московской, так и здесь хочу иметь волости и села; что древние земли великокняжеские, вами отнятые, суть отныне моя собственность. Но, снисходя на ваше моление, обещаю не выводить людей из Новагорода, не вступаться в отчины бояр и суд оставить по старине».

Прошла целая неделя. Новгород не присылал ответа Иоанну. Декабря 14-го явился Феофил с чиновниками и сказал боярам великокняжеским: «Соглашаемся не иметь ни веча, ни посадника; молим только, чтобы государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно, но с условием не выводить новгородцев в Низовскую землю, не

касаться собственности боярской, не судить нас в Москве и не звать туда на службу». Великий князь дал слово. Они требовали присяги. Иоанн ответствовал, что государь не присягает. «Удовольствуемся клятвою бояр великокняжеских или его будущего наместника новогородского», — сказал Феофил и посадники, но и в том получили отказ; просили *опасной грамоты,* и той им не дали. Бояре московские объявили, что переговоры кончились. Тут любовь к древней свободе в последний раз сильно обнаружилась на вече. Новгородцы думали, что великий князь хочет обмануть их и для того не дает клятвы в верном исполнении его слова. Сия мысль поколебала в особенности бояр, которые не стояли ни за вечевой колокол, ни за посадника, но стояли за свои отчины. «Требуем битвы! — восклицали тысячи. — Умрем за вольность и Святую Софию!» Но сей порыв великодушия не произвел ничего, кроме шума, и должен был уступить хладнокровию рассудка. Несколько дней народ слушал прение между друзьями свободы и мирного подданства: первые могли обещать ему одну славную гибель среди ужасов голода и тщетного кровопролития; другие жизнь, безопасность, спокойствие, целость имения, и сии наконец превозмогли. Тогда

князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, доселе верный защитник свободных новгородцев, торжественно сложил с себя чин их воеводы и перешел в службу к великому князю, который принял его с особенною милостию.

29 декабря послы веча, архиепископ Феофил и знатнейшие граждане, снова прибыли в великокняжеский стан, хотя и не имели *опаса*; изъявили смирение и молили, чтобы государь, отложив гнев, сказал им изустно, чем жалует свою Новогородскую отчину. Иоанн приказал впустить их и говорил так: «Милость моя не изменилась; что обещал, то обещаю и ныне: забвение прошедшего, суд по старине, целость собственности частной, увольнение от низовской службы; не буду звать вас в Москву; не буду выводить людей из страны Новогородской». Послы ударили челом и вышли; а бояре великокняжеские напомнили им, что государь требует волостей и сел в земле их. Новгородцы предложили ему Луки Великие и Ржеву Пустую: он не взял. Предложили еще десять волостей архиепископских и монастырских: не взял и тех. «Избери же, что тебе самому угодно, — сказали они, — полагаемся во всем на Бога и на тебя». Великий князь хотел половины всех волостей архиепископских и монастырских: новгородцы

согласились, но убедили его не отнимать земель у некоторых бедных монастырей. Иоанн требовал верной описи волостей и в знак милости взял из Феофиловых только десять, что вместе с монастырскими составляло около 2700 *обеж,* или тягол, кроме земель Новоторжских, также ему отданных. Прошло шесть дней в переговорах.

[1478 г.] Января 8-го владыка Феофил, посадники и житые люди молили великого князя снять осаду, ибо теснота и недостаток в хлебе произвели болезни в городе так, что многие умирали. Иоанн велел боярам своим условиться с ними о дани и хотел брать по семи денег с каждого земледельца, но согласился уменьшить сию дань втрое. «Желаем еще другой милости, — сказал Феофил, — молим, чтобы великий князь не посылал к нам своих писцов и даньщиков, которые обыкновенно теснят народ; но да верит он совести новогородской: сами исчислим людей и вручим деньги, кому прикажет; а кто утаит хотя единую душу, да будет казнен». Иоанн обещал.

Января 10-го бояре московские требовали от Феофила и посадников, чтобы Двор Ярославов был немедленно очищен для великого князя и чтобы народ дал ему клятву в верности. Новгородцы хотели слышать присягу: государь послал

ее к ним в архиепископскую палату с своим подьячим. На третий день владыка и сановники их сказали боярам Иоанновым: «Двор Ярославов есть наследие государей, великих князей: когда им угодно взять его, и с площадью, да будет их воля. Народ слышал присягу и готов целовать крест, ожидая всего от государей, как Бог положит им на сердце и не имея уже иного упования». Дьяк новогородский списал сию клятвенную грамоту, а владыка и пять концов утвердили оную своими печатями. Января 13-го многие бояре новогородские, житые люди и купцы присягнули в стане Иоанновом. Тут государь велел сказать им, что пригороды их, заволочане и двиняне будут оттоле целовать крест на имя великих князей, не упоминая о Новегороде; чтобы они не дерзали мстить своим единоземцам, находящимся у него в службе, ни псковитянам, и в случае споров о землях ждали решения от наместников, не присвоивая себе никакой своевольной управы. Новгородцы обещались и вместе с Феофилом просили, чтобы государь благоволил изустно и громко объявить им свое милосердие. Иоанн, возвысив голос, сказал: «Прощаю и буду отныне жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великий Новгород».

Января 15-го рушилось древнее вече, которое до сего дня еще собиралось на Дворе Ярослава. Вельможи московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и Стрига-Оболенский, вступив в палату архиепископскую, сказали, что государь, вняв молению Феофила, всего Священного собора, бояр и граждан, навеки забывает вины их, в особенности из уважения к ходатайству своих братьев, с условием, чтобы Новгород, дав искренний обет верности, не изменял ему ни делом, ни мыслию. Все знатнейшие граждане, бояре, житые люди, купцы целовали крест в архиепископском доме, а дьяки и воинские чиновники Иоанновы взяли присягу с народа, с боярских слуг и жен в пяти концах. Новгородцы выдали Иоанну ту грамоту, коею они условились стоять против него единодушно и которая скреплена была пятидесятью осьмью печатями.

Января 18-го все бояре новогородские, дети боярские и житые люди били челом Иоанну, чтобы он принял их в свою службу. Им объявили, что сия служба, сверх иных обязанностей, повелевает каждому из них извещать великого князя о всяких злых против него умыслах, не исключая ни брата, ни друга, и требует скромности в тайнах государевых. Они обещали то и другое. В сей день

Иоанн позволил городу иметь свободное сообщение с окрестностями; января 20-го отправил гонца в Москву к матери своей (которая без него постриглась в инокини), к митрополиту и к сыну с известием, что он *привел Великий Новгород во всю волю свою,* на другой день допустил к себе тамошних бояр, житых людей и купцов с дарами и послал своих наместников, князя Ивана Стригу и брата его Ярослава, занять Двор Ярославов; а сам не ехал в город, ибо там свирепствовали болезни.

Наконец 29 января, в четверток Масленой недели, он с тремя братьями и с князем Василием Верейским прибыл в церковь Софийскую, отслушал литургию, возвратился на Паозерье и пригласил к себе на обед всех знатнейших новгородцев. Архиепископ пред столом поднес ему в дар панагию, обложенную золотом и жемчугами, струфово яйцо, окованное серебром в виде кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников, или 400 червонцев. Гости пили, ели и беседовали с Иоанном.

Февраля 1-го он велел взять под стражу купеческого старосту Марка Памфилиева, февраля 2-го славную Марфу Борецкую с ее внуком Васи-

лием Феодоровым (коего отец умер в муромской темнице), а после из житых людей — Григория Киприанова, Ивана Кузмина, Акинфа с сыном Романом и Юрия Репехова, отвезти в Москву и все их имение описать в казну. Сии люди были единственною жертвою грозного московского самодержавия или как явные, непримиримые враги его, или как известные друзья Литвы. Никто не смел за них вступиться. Февраля 3-го наместник великокняжеский Иван Оболенский-Стрига отыскал все письменные договоры, заключенные новгородцами с Литвою, и вручил их Иоанну. Все было спокойно; но великий князь прислал в город еще двух иных наместников, Василия Китая и боярина Ивана Зиновьевича, для соблюдения тишины, велев им занять дом архиепископский.

Февраля 8-го Иоанн вторично слушал литургию в Софийской церкви и обедал у себя в стане с братом Андреем Меньшим, с архиепископом и знатнейшими новгородцами. Февраля 12-го владыка Феофил пред обеднею вручил государю дары: цепь, две чары и ковш золотые, весом около девяти фунтов; вызолоченную кружку, два кубка, мису и пояс серебряные, весом в тридцать один фунт с половиною, и 200 корабельников. Февраля 17-го, рано поутру, великий князь отправился в

Москву; на первом стане, в Ямнах, угостил обедом архиепископа, бояр и житых людей новогородских; принял от них несколько бочек вина и меда; сам отдарил всех, отпустил с милостию в Новгород и приехал в столицу 5 марта. Вслед за ним привезли в Москву славный вечевой колокол новогородский и повесили его на колокольне Успенского собора, на площади. Если верить сказанию современного историка Длугоша[101], то Иоанн приобрел несметное богатство в Новегороде и нагрузил 300 возов серебром, золотом, каменьями драгоценными, найденными им в древней казне епископской или у бояр, коих имение было описано, сверх бесчисленного множества шелковых тканей, сукон, мехов и проч. Другие ценят сию добычу в 14 000 000 флоринов, что, без сомнения, увеличено.

Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков слыв в России и в Европе державою народною, или республикою, и действительно имев образ демократии: ибо вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, сменяло не только посадников, тысяцких, но и князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчи-

няло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с московскими государями, даже и с Иоанном заключало условия, *взаимною* клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало, как собрание народа афинского или франков на поле Марсовом, представляя лицо Новагорода, который именовался *государем*. Не в правлении вольных городов немецких — как думали некоторые писатели, — но в первобытном составе всех держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежит искать образцов новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народов, когда они, избирая сановников вместе для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними, свергать в случае неспособности, казнить в случае измены или несправедливости и решить все важное или чрезвычайное в общих советах. Мы видели, что князья, посадники, тысяцкие в Новегороде судили тяжбы и предводительствовали войском: так древние славяне, так некогда и все иные народы не знали различия между воинскою и судебною властию. Сердцем или главным составом сей державы были огнищане, или житые

люди, то есть домовитые, или владельцы: они же и первые воины, как естественные защитники отечества; из них выходили *бояре* или граждане, знаменитые заслугами. Торговля произвела купцов: они, как менее способные к ратному делу, занимали вторую степень; а третью — свободные, но беднейшие люди, названные черными. Граждане *младшие* явились в новейшие времена и стали между купцами и черными людьми. Каждая степень, без сомнения, имела свои права: вероятно, что посадники и тысяцкие избирались только из бояр; а другие сановники из житых, купцов и младших граждан, но не из черных людей, хотя и последние участвовали в приговорах веча. Бывшие посадники, в отличие от степенных, или настоящих, именуясь *старыми*, преимущественно уважались до конца жизни. Ум, сила и властолюбие некоторых князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невского, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу новогородскую, однако ж не переменили ее главных уставов, коими она столько веков держалась, стесняемая временно, но никогда не отказываясь от своих прав.

История Новагорода составляет любопытнейшую часть древней российской. В самых диких

местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою славянских рыбарей, которые в водах Ильменя наполняли свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами финскими, рано научился господствовать в соседстве; покоренный смелыми варягами, заимствовал от них дух купечества, предприимчивость и мореплавание; изгнал сих завоевателей и, будучи жертвою внутреннего беспорядка, замыслил монархию в надежде доставить себе тишину для успехов гражданского общежития и силу для отражения внешних неприятелей; решил тем судьбу целой Европы Северной и, дав бытие, дав государей нашему отечеству, успокоенный их властию, усиленный толпами мужественных пришельцев варяжских, захотел опять древней вольности: сделался собственным законодателем и судиею, ограничив власть княжескую; воевал и купечествовал; еще в X веке торговал с Царемградом, еще во XII посылал корабли в Любек; сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири и, горстию людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обию и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданствен-

ности и веры христианской; передавал Европе товары азиатские и византийские, сверх драгоценных произведений дикой натуры; сообщал России первые плоды ремесла европейского, первые открытия искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле, славился и мужеством в битвах, с гордостию указывая на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными новгородцами победил злочестивого Святополка; на Липицу, где Мстислав Храбрый с их дружиною сокрушил ополчение князей суздальских; на берега Невы, где Александр смирил надменность Биргера, и на поля ливонские, где орден меченосцев столь часто уклонял знамена пред Святою Софиею, обращаясь в бегство. Такие воспоминания, питая народное честолюбие, произвели известную пословицу: *кто против Бога и Великого Новагорода*? Жители его хвалились и тем, что они не были рабами моголов, как иные россияне; хотя и платили дань ординскую, но великим князьям, не зная баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству.

Летописи республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и нередко умилительное

торжество добродетели среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новагорода в неискусственной простоте своей являют черты, пленительные для воображения. Там народ, подвигнутый омерзением к злодействам Святополка, забывает жестокость Ярослава I, хотящего удалиться к варягам, рассекает ладии, приготовленные для его бегства, и говорит ему: «Ты умертвил наших братьев, но мы идем с тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нет казны: возьми все, что имеем». Здесь посадник Твердислав[102], несправедливо гонимый, слышит вопль убийц, посланных вонзить ему меч в сердце, и велит нести себя больного на градскую площадь, да умрет пред глазами народа, если виновен, или будет спасен его защитою, если невинен; торжествует и навеки заключается в монастырь, жертвуя спокойствию сограждан всеми приятностями честолюбия и самой жизни. Тут достойный архиепископ, держа в руке крест, является среди ужасов междоусобной брани; возносит руку благословляющую, именует новгородцев детьми своими, и стук оружия умолкает: они смиряются и братски обнимают друг друга. В битвах с врагами иноплеменными посадники, тысяцкие умирали впереди за Святую Софию.

Святители новогородские, избираемые гласом народа, по всеобщему уважению к их личным свойствам, превосходили иных достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общего блага; строили стены, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полк, который назывался *владычным*, будучи главными блюстителями правосудия, внутреннего благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгород и не боялись ни гнева митрополитов, ни мести государей московских. Видим также некоторые постоянные правила великодушия в действиях сего часто легкомысленного народа: таковым было не превозноситься в успехах, изъявлять умеренность в счастии, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять договоры, и слово: *новогородская честь, новогородская душа,* служило иногда вместо клятвы. Республика держится добродетелию и без нее упадает.

Падение Новагорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным. Сей народ считался некогда самым воинственным в России и где сражался, там побеждал, в

войнах междоусобных и внешних: так было до XIV столетия. Счастием спасенный от Батыя и почти свободный от ига моголов, он более и более успевал в купечестве, но слабел доблестию: сия вторая эпоха, цветущая для торговли, бедственная для гражданской свободы, начинается со времен Иоанна Калиты. Богатые новгородцы стали откупаться серебром от князей московских и Литвы; но вольность спасается не серебром, а готовностию умереть за нее: кто откупается, тот признает свое бессилие и манит к себе властелина. Ополчения новогородские в XV веке уже не представляют нам ни пылкого духа, ни искусства, ни успехов блестящих. Что, кроме неустройства и малодушного бегства, видим в последних решительных битвах за свободу? Она принадлежит льву, не агнцу, и Новгород мог только избирать одного из двух государей, литовского или московского: к счастию, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог даровал России Иоанна.

Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и беспокойства ее, питая великодушие, пленяют ум, в особенности

юный, малоопытный; хотя новгородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими немцами, без сомнения, отличались благородными качествами от других россиян, униженных тиранством моголов, однако ж история должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, то есть чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород; взяв его владения, государь московский поставил одну грань своего царства на берегу Наровы, в угрозу немцам и шведам, а другую за Каменным Поясом, или хребтом Уральским, где баснословная древность воображала источники богатства и где они действительно находились в глубине земли, обильной металлами, и во тьме лесов, наполненных соболями. Император Гальба[103] сказал: «Я был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею». Историк русский, любя и человеческие, и государственные добродетели, может сказать: «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность новогородскую, ибо хотел твердого блага всей России».

Здесь умолкает *особенная* история Новагорода. Прибавим к ней остальные известия о судьбе его в государствование Иоанна. В 1479 году великий князь ездил туда, сменил архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвою, и прислал в Москву, где он через шесть лет умер в обители Чудовской как последний из знаменитых народных владык; преемником его был иеромонах троицкий, именем Сергий[104], избранный *по жребию* из трех духовных особ: чем великий князь хотел изъявить уважение к древнему обычаю новгородцев, отняв у них право иметь *собственных* святителей. Сей архиепископ, не любимый гражданами, через несколько месяцев возвратился в Троицкую обитель за болезнию. Место его заступил чудовский архимандрит Геннадий[105]. Не мог вдруг исчезнуть дух свободы в народе, который пользовался ею столько веков, и хотя не было общего мятежа, однако ж Иоанн видел неудовольствие и слышал тайные жалобы новгородцев: надежда, что вольность может воскреснуть, еще жила в их сердце; нередко обнаруживалась природная их строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный дух, он прибегнул к средству решительному: в 1481 году велел взять там под

стражу знатных людей — Василия Казимера с братом Яковом Коробом, Михаила Берденева и Луку Федорова, а скоро и всех главных бояр, коих имущество, движимое и недвижимое, описали на государя. Некоторых, обвиняемых в измене, пытали: они сами доносили друг на друга; но, приговоренные к смерти, объявили, что взаимные их доносы были клеветою, вынужденною муками; Иоанн велел разослать их по темницам; другим, явно невинным, дал поместья в областях Московских. В числе богатейших граждан, тогда заточенных, летописец именует *славную* жену Анастасию и боярина Ивана Козмина: у первой в 1476 году пировал великий князь с двором своим; а второй уходил в Литву с тридцатью слугами, но, будучи недоволен Казимиром, возвратился в отчизну и думал по крайней мере умереть там спокойно. В 1487 году перевели из Новагорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. В 1488 году наместник новогородский Яков Захарьевич[106] казнил и повесил многих житых людей, которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми тысяч бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли в Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали

москвитян, людей служивых и гостей. Сим переселением был навеки усмирен Новгород. Остался труп, душа исчезла: иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные самодержавию. Иоанн в 1500 году, с согласия митрополитова, роздал все новогородские церковные имения в поместье детям боярским.

Один Псков еще сохранил древнее гражданское образование, вече и народных сановников, обязанный тем своему послушанию. Великий князь, довольный его содействием в походе Новогородском, прислал ему в дар кубок и милостиво обещал *не променять старины,* а сведав, что послы великокняжеские делают там наглые обиды жителям, с гордостию отвергают дары веча, но своевольно берут у граждан и поселян, что им вздумается, он строго запретил такие насилия. В сем случае, как и в других, видим Иоанново правило соглашать вводимое им единовластие с уставом естественной справедливости и не отнимать ничего без вины. Псков удержал до времени свои законы гражданские, ибо не оспоривал государевой власти отменить их.

Довольный славным успехом Новогородского похода, Иоанн скоро насладился и живейшею семейственною радостию. София была уже ма-

терию трех дочерей: Елены, Феодосии и второй Елены[107]; хотела сына и вместе с супругом печалилась, что Бог не исполняет их желания. Для сего ходила она пешком молиться в обитель Троицкую, где, как пишут, явился ей св. Сергий, держа на руках своих благовидного младенца, приближился к великой княгине и *ввергнул его в ее недра*; София затрепетала от видения столь удивительного; с усердием облобызала мощи святого и чрез девять месяцев родила сына, Василия-Гавриила. Сию повесть рассказывал сам Василий (уже будучи государем) митрополиту Иоасафу[108]. После того София имела четырех сыновей: Георгия, Димитрия, Симеона, Андрея, дочерей Феодосию и Евдокию[109].

Покорение Новагорода есть важная эпоха сего славного княжения; следует другая, еще важнейшая: торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой, или Золотой, Орды. Тут ясно открылась мудрость Иоанновой политики, которая неусыпно искала дружбы ханов таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву. Недолго Зенебек господствовал в Тавриде[110]: Менгли-Гирей изгнал его, воцарился снова и прислал известить о том Иоанна, который

немедленно отправил к нему гонца с поздравлением, а скоро (в 1480 году) и боярина, князя Ивана Звенца. Сей посол должен был сказать хану, что великий князь, из особенной к нему дружбы, принял к себе не только изгнанного царя Зенебека, но и двух братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара[111], живших прежде в Литве, дабы отнять у них способ вредить ему; что государь согласен действовать с Менгли-Гиреем против Ахмата, если он будет ему поборником против Казимира Литовского. На сих условиях надлежало после заключить союз с ханом: для чего и дали ему *шертную,* или клятвенную, грамоту с повелением изъяснить вельможам крымским, сколь усердно государь доброжелательствует их царю. Сверх того, боярин Звенец имел поручение отдать хану наедине тайную грамоту, утвержденную крестным целованием и золотою печатию: сею грамотою, по желанию Менгли-Гирея написанною, великий князь обязывался дружески принять его в России, буде он в третий раз лишится престола; не только обходиться с ним как с государем вольным, независимым, но и способствовать ему всеми силами к возвращению царства. Испытав непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотел взять меры на слу-

чай ее новых превратностей и заблаговременно изготовить себе убежище: сия печальная мысль расположила его к самому верному дружеству с Иоанном. Боярин Звенец успел совершенно в деле своем: заключили союз, искренностию и политикою утвержденный; условились вместе воевать или мириться; наблюдать все движения Ахмата и Литвы; тайно или явно мешать их замыслам, вредным для той или другой стороны; наконец, обеим державам, Москве и Крыму, действовать как единой во всех случаях.

Уверенный в дружбе Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн, по известию некоторых летописцев, решился вывести Ахмата из заблуждения и торжественно объявить свободу России следующим образом. Сей хан отправил в Москву новых послов требовать дани. Их представили к Иоанну: он взял *басму* (или образ царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: «Спеши объявить царю виденное тобою; что сделалось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Ахмат воскипел яростию. «Так поступает раб наш, князь московский!» — говорил он своим вельможам и начал собирать войско. Другие летописцы, со-

гласнее с характером Иоанновой осторожности и с последствиями, приписывают ополчение ханское единственно наущениям Казимировым. С ужасом видя возрастающее величие России, сей государь послал одного служащего ему князя татарского, именем Акирея Муратовича, в Золотую Орду склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая, с своей стороны, сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго споривъ с дядею о царстве, наконец с ним примирился. Злобствуя на великого князя за его ослушание и недовольный умеренностию даров его, хан условился с королем, чтобы татарам идти из волжских улусов к Оке, а литовцам к берегам Угры и с двух сторон в одно время вступить в Россию. Первый сдержал слово, и летом (в 1480 году) двинулся к пределам Московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством князей татарских. К ободрению врагов наших служила тогда и несчастная распря Иоаннова с братьями, обстоятельства ее достойны замечания.

Государь, сменив наместника, бывшего в Великих Луках, князя Ивана Оболенского-Лыка[112], велел ему заплатить большое количество серебра

тамошним гражданам, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливые. Князь Лыко в досаде уехал к брату Иоаннову, Борису, в Волок Ламский, пользуясь древним правом боярским переходить из службы государя московского к князьям удельным. Иоанн требовал сего беглеца от брата; но Борис ответствовал: «Не выдаю; а если он виновен, то нарядим суд». Вместо суда великий князь приказал наместнику Боровскому тайно схватить Лыка где бы то ни было и скованного представить в Москву, что он и сделал. Князь Борис Васильевич оскорбился; писал к брату, Андрею Суздальскому, о сем беззаконном насилии и говорил, что Иоанн тиранствует, презирает святые древние уставы и единоутробных, не дал им части ни из удела Юриева, ни из областей Новогородских, завоевав их вместе с ними; что терпению должен быть конец и что они не могут после того жить в государстве Московском. Андрей был такого же мнения: собрав многочисленную дружину, оба с женами и детьми выехали из своих уделов; не хотели слушать боярина Иоаннова, посланного уговорить их; спешили к литовской границе, злодействуя на пути огнем и мечом, как в земле неприятельской; остановились в Великих Луках

и требовали от Казимира, чтобы он за них вступился. Король, обрадованный сим случаем, дал город Витебск на содержание их семейств, к крайнему беспокойству всех россиян, устрашенных вероятностию междоусобной войны. Между тем великий князь подозревал мать свою в тайном согласии с его братьями, зная отменную любовь ее к Андрею, и хотел быть великодушным: послал к ним ростовского святителя Вассиана[113] с боярином Василием Федоровичем Образцом и предлагал мир искренний, обещая Андрею сверх наследственного удела Алексин и Калугу. Но братья с гордостию отвергнули все убеждения Вассиановы и милость Иоаннову.

Тогда услышали в Москве о походе Ахмата, который шел медленно, ожидая вестей от Казимира. Иоанн все предвидел: как скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, верный его союзник, по условию с ним напал на литовскую Подолию и тем отвлек Казимира от содействия с Ахматом. Зная же, что сей последний оставил в своих улусах только жен, детей и старцев, Иоанн велел крымскому царевичу Нордоулату и воеводе звенигородскому, князю Василью Ноздроватому[114], с небольшим отрядом сесть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащит-

ную Орду или по крайней мере устрашить хана. Москва в несколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сын великого князя, младой Иоанн, выступил со всеми полками из столицы в Серпухов 8 июня [1480 г.]; а дядя его, Андрей Меньший, из своего удела. Сам государь еще оставался в Москве недель шесть; наконец, сведав о приближении Ахмата к Дону, 23 июля отправился в Коломну, поручив хранение столицы дяде своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и боярину князю Ивану Юрьевичу, духовенству, купцам и народу. Кроме митрополита, находился там архиепископ ростовский Вассиан, старец ревностный ко славе отечества. Супруга Иоаннова выехала с двором своим в Дмитров, откуда на судах удалилась к пределам Белаозера; а мать его, инокиня Марфа, вняв убеждениям духовенства, к утешению народа, осталась в Москве.

Великий князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки-реки, готовое к битве. Вся Россия с надеждою и страхом ожидала следствий. Иоанн был в положении Димитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем: имел полки, лучше устроенные, воевод опытнейших, более славы

и величия; но зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностию располагаемый не верить слепому счастию, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах, он не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России; что все его великодушные замыслы, все успехи медленные, постепенные, могут кончиться гибелию нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею нашего отечества, и единственно *от нетерпения,* ибо Золотая Орда ныне или завтра долженствовала исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения. Димитрий победил Мамая, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовт, презирая остатки Капчакского ханства, хотел одним ударом сокрушить их и погубил рать свою на берегах Ворсклы. Иоанн имел славолюбие не воина, но государя; а слава последнего состоит в целости государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительною уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием великому князю и некоторым из бояр, так что он желал, если можно, удалить решительную битву.

Ахмат, слыша, что берега Оки к Рязанским пре-

делам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре в надежде соединиться там с королевскими полками или вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали. Великий князь, дав повеление сыну и брату идти к Калуге и стать на левом берегу Угры, сам приехал в Москву, где жители посадов перебиралися в кремль с своим драгоценнейшим имением и, видя Иоанна, вообразили, что он бежит от хана. Многие кричали в ужасе: «Государь выдает нас татарам! Отягощал землю налогами и не платил дани ординской! Разгневил царя и не стоит за отечество!» Сие неудовольствие народное, по словам одного летописца, столь огорчило великого князя, что он не въехал в кремль, но остановился в Красном селе, объявив, что прибыл в Москву для совета с материю, духовенством и боярами. «Иди же смело на врага!» — сказали ему единодушно все духовные и мирские сановники. Архиепископ Вассиан, седой, ветхий старец, в великодушном порыве ревностной любви к отечеству воскликнул: «Смертным ли бояться смерти? Рок неизбежен. Я стар и слаб; но не убоюся меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска». Иоанн желал видеть сына и велел ему быть в столицу с Дани-

илом Холмским; сей пылкий юноша не поехал, ответствуя родителю: «Ждем татар»; а Холмскому: «Лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска». Великий князь уступил общему мнению и дал слово крепко противоборствовать хану. В сие время он помирился с братьями, коих послы находились в Москве; обещал жить с ними дружно, наделить их новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спешили к нему с своею воинскою дружиною для спасения отечества. Мать, митрополит, архиепископ Вассиан, добрые советники, а всего более опасность России, к чести обеих сторон, прекратили вражду единокровных. Иоанн взял меры для защиты городов; отрядил дмитровцев в Переславль, москвитян в Дмитров; велел сжечь посады вокруг столицы и 3 октября, приняв благословение от митрополита, поехал к войску. Никто ревностнее духовенства не ходатайствовал тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечом. Первосвятитель Геронтий, знаменуя государя крестом, с умилением сказал: «Бог да сохранит твое царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крепися, о сын духовный, как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает душу свою за овцы:

ты не наемник! Избави врученное тебе Богом словесное стадо от грядущего ныне зверя. Господь нам поборник!» Все духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* — и молили великого князя не слушать мнимых друзей мира, коварных или малодушных.

Иоанн приехал в Кременец, городок на берегу Лужи[115], и дал знать воеводам, что будет оттуда управлять их движениями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля, отразив легкий передовой отряд его, который искал переправы через Угру. 8 октября, на восходе солнца, вся сила ханская подступила к сей реке. Сын и брат великого князя стояли на противном берегу. С обеих сторон пускали стрелы, россияне действовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бегут и стреляют метко, в особенности из пищалей, Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для собрания съестных припасов. Между тем многие татары выезжали из стана на берег и кричали нашим: «Дайте путь царю, или он силою дойдет до великого князя, а вам будет худо».

Миновало несколько дней. Иоанн советовался с воеводами; все изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы неприятельские велики. Но он имел двух любимцев, боярина Ощеру и Григория Мамона, коего мать была сожжена князем Иоанном Можайским за мнимое волшебство: сии, как сказано в летописи, тучные вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества и не преставали *шептать* государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего духовенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы; напоминали великому князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного татарами, не устыдились думать, что государи московские, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на ханов, не могут без вероломства воевать с ними. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова. Любимцы его жалели своего богатства, он жалел своего величия, снисканного трудами осьмнадцати лет, и, не уверенный в победе, мыслил сохранить оное дарами, учтивостями, обещаниями. Одним словом, государь послал боярина Ивана Федоровича Товаркова с мирными предложениями к Ахмату

и князю ординскому Темиру. Но царь не хотел слушать их, отвергнул дары и сказал боярину: «Я пришел сюда наказать *Ивана* за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет челом и уже *девять* лет не платил дани. Пусть сам явится предо мною: тогда князья наши будут за него ходатайствовать и я могу оказать ему милость». Темир также не взял даров, ответствуя, что Ахмат гневен и что Иоанн должен у *царского стремени* вымолить себе прощение. Великий князь не мог унизиться до такой степени раболепства. Получив отказ, Ахмат сделался снисходительнее и велел объявить Иоанну, чтобы он прислал сына, или брата, или хотя вельможу, Никифора Басенка, угодника ординского. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Сведав об них, митрополит Геронтий, архиепископ Вассиан и Паисий, игумен троицкий, убедительными грамотами напоминали великому князю обет его стоять крепко за отечество и веру. Старец Вассиан писал так: «Наше дело говорить царям истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе митрополита, своей родитель-

ницы, благоверных князей и бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали к олтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит христианство, грозит тебе и отечеству; ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление!.. Государь! Каким советам внимаешь? Людей, недостойных имени христианского. И что советуют? Повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли, от какой славы и в какое уничижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не излияется в слезах от единыя мысли? О государь! Кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря. И куда бежать? Где воцаришься, погубив данное тебе Богом стадо? *Взыграеши ли, яко орел, и посреди ли звезд гнездо себе устроишь? Свергнет тебя Господь и оттуду…* Нет, нет! Уповаем на Вседержителя. Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом и не будешь именоваться предателем отечества!.. Отложи страх и возмогай о Господе в державе крепости

Его! Един пожнет тысящу и два двигнут тьму, по слову мужа святого: *не суть боги их, яко Бог наш!* Господь мертвит и живит: Он даст силу твоим воинам. Язычник философ Демокрит в числе главных царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данники были цари греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для половцев; а прадед твой великий, хвалы достойный Димитрий, не сих ли неверных татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди; не думал: *имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде,* — но стал в лицо Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. Неужели скажешь, что ты обязан клятвою своих предков не поднимать руки на ханов? Но Димитрий поднял оную. Клятва принужденная разрешается митрополитом и нами: мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, но разбойника и *богоборца*. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, государь православный, обязан уважать сего злочестивого самозванца, который

силою поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни царем, ни племени царского? То было действием гнева небесного; но Бог есть отец чадолюбивый: наказует и милует; древле потопил фараона и спас Израиля: спасет и народ твой, и тебя, когда покаянием очистишь свое сердце, ибо ты человек и грешен. Покаяние государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным… Тогда Бог восставит нам тебя, государя, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою от нечестивого Ахмата, нового фараона: ангелы снидут с небес в помощь твою; Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы, и одолеешь врагов, и смятутся, и погибнут. Тако глаголет Господь: *Аз воздвигох тя, царя правды, и приях тя за руку десную, и укрепих тя, да послушают тебе языцы, и крепость царей разрушиши; и Аз пред тобою иду, и горы сравняю, и двери медные сокрушу, и затворы железные сломлю…* и дарует тебе Всевышний царство славное и сынам сынов твоих в род и род во веки. А мы соборами святительскими день и нощь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут

омрачены молниею небесною и, яко псы гладные, да лижут землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богом данного тебе сына: уже вы поразили неверных; но не забуди слова евангельского: *претерпевый до конца, той спасен будет*. Наконец прошу тебя, государь, не осудить моего худоумия; писано бо есть: *дай мудрому вину, и будет мудрее*. Да будет тако! Благословение нашего смирения на тебе, на твоем сыне, на всех боярах и воеводах, на всем христолюбивом воинстве… Аминь».

Прочитав сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа, Иоанн, как сказано в летописи, *исполнился веселия, мужества и крепости*: не мыслил более о средствах мира, но мыслил единственно о средствах победы и готовился к битве. Скоро прибыли к нему братья его, Андрей и Борис, с их многочисленною дружиною: не было ни упреков, ни извинений, ни условий; единокровные обнялися с видом искренней любви, чтобы вместе служить отечеству и христианству.

Прошло около двух недель в бездействии: россияне и татары смотрели друг на друга чрез Угру, которую первые называли *поясом Богоматери*, охраняющим Московские владения. Ахмат послал лучшую свою конницу к городищу

Опакову[116] и велел ей украдкою переплыть Оку: воеводы Иоанновы не пустили татар на свой берег. Ахмат злобился; грозил, что морозы откроют ему путь через реки; ждал литовцев и зимы. О литовцах не было слуха; но в исходе октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдом, и великий князь приказал всем нашим воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с ханом на полях Боровских, удобнейших для битвы.

Так говорил он; так, вероятно, и мыслил. Но бояре и князья изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам летописцев: татары, видя левый берег Угры оставленный россиянами, вообразили, что они манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засады: объятый странным ужасом, хан спешил удалиться [7 ноября]. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел восвояси, разорив в Литве двенадцать городов за то, что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось сие последнее нашествие ханское на Россию: царь не мог ворваться в ее пределы; не вывел ни одного пленника московского.

Только сын его, Амуртоза, на возвратном пути захватил часть нашей Украины; но был немедленно изгнан оттуда братьями великого князя, посланными с войском вслед за неприятелем. Один летописец казанский удовлетворительно изъясняет сие бегство Ахматово, сказывая, что крымский царевич Нордоулат и князь Василий Ноздроватый счастливо исполнили повеление Иоанново: достигли Орды, взяли *юрт Батыев* (вероятно, Сарай), множество пленников, добычи и могли бы вконец истребить сие гнездо наших злодеев, если бы улан Нордоулатов, именем Обуяз, не помешал тому своими представлениями. «Что делаешь? — сказал он своему царевичу. — Вспомни, что сия древняя Орда есть наша общая мать; все мы от нее родились. Ты исполнил долг чести и службы московской: нанес удар Ахмату; довольно; не губи остатков!» Нордоулат удалился; а хан, сведав о разорении улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв меры отвлечь Ахмата от России, великий князь ждал их действия и для того не хотел битвы. Но все другие летописцы славят единственно милость Божию и говорят: «Да не похвалятся легкомысленные страхом их ору-

жия! Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!» Иоанн, распустив войско, с сыном и с братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития. Он не увенчал себя лаврами как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость государства. Народ веселился; а митрополит уставил особенный ежегодный праздник Богоматери и крестный ход июня 23-го в память освобождения России от ига моголов, ибо здесь конец нашему рабству.

Ахмат имел участь Мамая. Он вышел из Литвы с богатою добычею; князь *шибанских,* или тюменских, улусов Ивак[117], желая отнять ее, с ногайскими мурзами Ямгурчеем, Мусою и с шестнадцатью тысячами козаков гнался за ним от берегов Волги до Малого Донца, где сей хан, близ Азова, остановился зимовать, распустив своих уланов. Ивак приближился ночью, окружил на рассвете царскую *белую вежу,* собственною рукою умертвил спящего Ахмата, без сражения взял Орду, его жен, дочерей, богатство, множество литовских пленников, скота; возвратился в Тюмень и прислал объявить великому князю, что злодей России лежит в могиле. Еще так называемая Большая Орда не совсем исчезла, и

сыновья Ахматовы удержали в степях волжских имя царей; но Россия уже не поклонялась им, и знаменитая столица Батыева, где наши князья более двух веков раболепствовали ханам, обратилась в развалины, доныне видимые на берегу Ахтубы: там среди обломков гнездятся змеи и ехидны. Отселе татары шибанские и ногайские, коих улусы находились между рекою Бузулуком и морем Аральским, являются действующими в нашей истории и в сношениях с Москвою, нередко служа орудием ее политике. Князь Ивак Тюменский хвалился происхождением своим от Чингиса и правом на трон Батыев, называя Ахмата, его братьев и сыновей детьми Темир-Кутлуя[118], а себя истинным царем *бесерменским,* искал дружбы Иоанновой и величался именем равного ему государя, уже не дерзая требовать с нас дани и мыслить, чтобы россияне были природными подданными всякого хана татарского.

Заметим тогдашнее расположение умов. Несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления государства от злобы Ахматовой; несмотря на бегство неприятеля, на целость войска и державы, москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны государем, ибо думали, что он не явил в сем случае

свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные северные земли, думая о личной ее безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием великокняжеского семейства. Строго осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами боярскими из места в место, не хотела даже остаться и в Белозерске, уехала далее к морю и на пути позволяла многочисленным слугам своим грабить жителей, как неприятелей. И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой, которая не есть Божественная и, предвидя многое, знает, что не предвидит всего.

Тем более народ славил твердость нашего духовенства, и в особенности Вассиана, коего послание к великому князю ревностные друзья отечества читали и переписывали с слезами умиления. Сей добродетельный старец едва имел

время благословить начало государственной независимости в России: занемог и скончался [в 1481 году], оплакиваемый всеми добрыми согражданами. Славная память его осталась навеки неразлучною с памятию нашей свободы. Тогда же преставился и брат великого князя, Андрей Меньший, любимый народом за верность и бодрую деятельность, оказанную им против Ахмата. В духовном завещании он признает себя должником Иоанна, получив от него 30 000 рублей для платежа в Орды, в Казань и царевичу Данияру; велит выкупить разные вещи, отданные им в залог Ивану Фрязину и другим; не оставив ни детей, ни жены, отказывает государю удел свой, его сыновьям иконы, кресты, поясы и цепи золотые, братьям Андрею и Борису некоторые волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Вологде и проч. Таким образом, делая себя единственным наследником своих ближних, умирающих бездетными, великий князь новыми договорными грамотами утвердил за Андреем-старшим, за Борисом и за детьми их уделы родительские с частию московских пошлин; дал еще первому город Можайск, а второму несколько сел, с условием, чтобы они не вступались в его приобретения, настоящие и будущие. В сих грамотах упоминается

об издержках ординских: хотя великий князь уже не мыслил быть данником, но предвидел необходимость подкупать татар, чтобы располагать их остальными силами в нашу пользу. Содержание царевича Данияра и братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то в Вологду; наконец, дары, посылаемые в Тавриду, в Казань, в ногайские улусы, требовали немалых расходов, в коих Андрей и Борис Васильевичи обязывались участвовать.

Благополучно отразив Ахмата, сведав о гибели его и миром с братьями успокоив как Россию, так и собственное сердце, Иоанн послал к Менгли-Гирею боярина Тимофея Игнатьевича Скрябу с известием о своем успехе и с напоминанием, чтобы сей хан не забывал их договора действовать всегда общими силами против Волжской Орды и Казимира, в случае если преемники Ахматовы или король замыслят опять воевать Россию. Боярин Тимофей должен был говорить в особенности с князем крымским Именеком, нашим доброжелателем, и вручить его сыну Довлетеку *опасную грамоту* с золотою печатию для свободного пребывания во всех Московских владениях, ибо Довлетек, не веря спокойствию мятежной Тавриды, просил о том Иоанна. Стран-

ное действие судьбы: Россия, столь долго губимая татарами, сделалась их покровительницею и верным убежищем в несчастиях!

⟨…⟩

Том 7

⟨...⟩

Глава IV
Состояние России. Годы 1462–1533

В сие время отечество наше было *как бы новым светом, открытым* царевною Софиею для знатнейших европейских держав. Вслед за нею послы и путешественники, являясь в Москве, с любопытством наблюдали физические и нравственные свойства земли, обычаи двора и народа; записывали свои примечания и выдавали оные в книгах, так что уже в первой половине XVI века состояние и самая древняя история России были известны в Германии и в Италии. Контарини, Павел Иовий, Франциск да Колло[1], в особенности Герберштеин[2] старались дать современникам ясное, удовлетворительное понятие о сей новой державе, которая вдруг обратила на себя внимание их отечества.

Ничто не удивляло так иноземцев, как самовластие государя российского и легкость употребляемых им средств для управления землею. «Скажет, и сделано, — говорит барон Герберштеин. — Жизнь, достояние людей, мирских и духовных, вельмож и граждан, совершенно

зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо, как в делах Божества, ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово их: *так угодно Богу и государю; ведает Бог и государь*. Усердие сих людей невероятно. Я видел одного из знатных великокняжеских чиновников, бывшего послом в Испании, седого старца, который, встретив нас при въезде в Москву, скакал верхом, суетился, бегал, как молодой человек; пот градом тек с лица его. Когда я изъявил ему свое удивление, он громко сказал: *Ах, господин барон! мы служим государю не по-вашему!* Не знаю, свойство ли народа требовало для России таких самовластителей, или самовластители *дали* народу такое свойство». Без сомнения, *дали*, чтобы Россия спаслась и была великою державою. Два государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимою принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам *тираниею*, они в легкомысленном суждении своем забывали, что *тирания* есть только злоупотребление самодер-

жавия, являясь и в республиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество. Самодержавие не есть отсутствие законов, ибо где *обязанность*, там и *закон*; никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастие народное.

Сии иноземные наблюдатели сказывают, что великий князь, будучи для подданных образом Божества, превосходя всех иных венценосцев в *нравственном могуществе*, не уступал никому из них и в воинских силах, имея *триста тысяч* боярских детей и *шестьдесят тысяч* сельских ратников, коих содержание ему ничего или мало стоило, ибо всякий боярский сын, наделенный от казны землею, служил без жалованья, кроме самых беднейших из них и кроме литовских или немецких пехотных воинов, числом менее двух тысяч. Конница составляла главную силу; пехота не могла с успехом действовать в степях против неприятелей конных. Оружием были лук, стрелы, секира, кистень, длинный кинжал, иногда меч, копье. Знатнейшие имели кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными в поле: вылитые италиянскими художниками для защиты и осады городов, они стояли неподвижно в кремле на лафетах.

В битвах мы надеялись более на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти в тыл неприятелю, окружить его, вообще действовать издали, не врукопашь; а когда нападали, то с ужасным стремлением, но непродолжительным. «Они, — пишет Герберштеин, — в быстрых своих нападениях как бы говорят неприятелю: *беги, или мы сами побежим!* И в общежитии, и в войне народы удивительно разнствуют между собою. Татарин, сверженный с коня, обагренный кровию, лишенный оружия, еще не сдается в плен: машет руками, толкает ногою, грызет зубами. Турок, видя слабость свою, бросает саблю и молит победителя о милосердии. Гонись за русским: он уже не думает обороняться в бегстве; но никогда не требует пощады. Коли, руби его: молчит и падает». Щадя людей и худо употребляя снаряд огнестрельный, мы редко брали города приступом, надеясь изнурить жителей долговременною осадою и голодом. Располагались станом обыкновенно вдоль реки, недалеко от леса, в местах пастбенных. Одни чиновники имели наметы; воины строили себе шалаши из прутьев и крыли их подседельными войлоками в защиту от дождя. Обозов почти не было: возили все нужное на вьючных лошадях. Каждый воин брал с собою в

поход несколько фунтов толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кроме воевод, которые иногда давали им вкуснейшие обеды. Полки имели своих музыкантов или трубачей. На великокняжеских знаменах изображался Иисус Навин, останавливающий солнце[3]. В каждом полку особенные сановники записывали имена храбрых и малодушных, означая первых для благоволения государева и наград, а других для его немилости или общественного стыда. Молодые люди обыкновенно готовили себя к воинской службе богатырскими играми: выходили в поле, стреляли в цель; скакали на конях, боролись, и победителям была слава.



Государь, великий князь Василий Иоаннович

Хваля ясность, простоту наших законов и суда, не имевших нужды ни в толкователях, ни в стряпчих — не менее хваля и Василиеву любовь к справедливости, — иноземцы замечали, однако ж, что богатый реже бедного оказывался у нас виновным в тяжбах; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душою в своих решениях. Однажды донесли Василию, что судья московский, взяв деньги с истца и с ответчика, обвинил того, кто ему дал менее. Великий князь призвал его к себе. Судья не запирался и с видом невинного ответствовал: «Государь! Я всегда верю лучше богатому, нежели бедному», разумея, что первому менее нужды в обманах и в чужом. Василий улыбнулся, и корыстолюбец остался по крайней мере без тяжкого наказания. Не только законодательная, но и судная власть, как в самую глубокую древность, принадлежала единственно государю: все другие судьи были только его временными или чрезвычайными поверенными, от великокняжеских думных советников до тиунов сельских. Государь нередко уничтожал их приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мирская власть наказывала и духовных[4]. Иногда митрополит

жаловался на уголовных судей, которые приговаривали священников к кнуту и к виселице; судьи отвечали: «Казним не священников, а негодяев, по древнему уставу наших отцов». В сочинении Иовия и Герберштейна находим первое известие о жестоких судных пытках, коими заставляли у нас преступников виниться в их злодеяниях: воров били по пятам; разбойникам капали сверху на голову и на все тело самую холодную воду и вбивали деревянные спицы за ногти. Обыкновение ужасное, данное нам татарским игом вместе с кнутом и всеми телесными мучительными казнями.

Торговля сего времени была в цветущем состоянии. К нам привозили из Европы серебро в слитках, сукна, сученое золото, медь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; из Азии шелковые ткани, парчи, ковры, жемчуг, драгоценные каменья; от нас вывозили в Немецкую землю меха, кожи, воск; в Литву и в Турцию меха и моржовые клыки; в Татарию седла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи в обмен на лошадей азиатских. Оружие и железо не выпускалось из России. В Москву ездили польские и литовские купцы; датские, шведские и немецкие торговали в Новегороде; азиатские и турецкие на Мологе, где существовал

прежде Холопий городок[5] и где находилась тогда одна церковь. Сия ярмонка еще славилась своею знатною меною. Иноземцы обязывались показывать товары свои в Москве великому князю: он выбирал для себя, что ему нравилось; платил деньги и дозволял продажу остальных. Пряные зелия, шелковые ткани и многие иные вещи были у нас дешевы в сравнении с их ценою в Германии. Лучшие меха шли из земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотых флоринов, за черную лисицу (употребляемую на боярские шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядные платья. Волчьи меха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоил три или четыре, белка две деньги и менее. С товаров ввозимых и вывозимых брали в казну пошлины, семь денег с рубля, а за воск четыре деньги с пуда сверх цены оного. Россия считалась в Европе землею изобильнейшею диким или бортевым медом. Монастырь Троицкий[6] в Смоленской области, на берегу Днепра, был главным пристанищем для купцов литовских: они жили там в гостиницах и грузили товары, покупаемые ими в России для отправления в их землю. Некоторые места особенно славились своими произведениями для внутренней торгов-

ли: например, Калуга — деревянною, красивою посудою, Муром — вкусною рыбою, Переславль — сельдями, а еще более Соловки, где находились лучшие соляные варницы. Многие судоходные реки облегчали перевоз товаров; но Россия еще не имела морей, кроме Северного океана, к коему она примыкала своими полунощными хладными пустынями. Иногда небольшие суда ходили от устья Двины Белым морем мимо Святого Носа, Семи островов и шведской Лапландии в Норвегию и в Данию. Сим путем датский посол возвращался из Москвы в Норвегию с нашим толмачом Истомою. Другой толмач, именем Власий, плыл Сухоною, югом и Двиною до Белого моря, чтобы ехать оттуда в Копенгаген[7]. Сие плавание считалось весьма опасным и затруднительным: купцы скандинавские не смели вверять оному своих товаров и держались Новагорода. Любопытно знать, что россияне уже имели тогда сведение о Китае и думали, что можно Северным океаном достигнуть берегов сей отдаленной империи.

В России ходили серебряные и медные деньги: московские, тверские, псковские, новогородские; серебряных считалось 200 в рубле (который стоил два червонца), а медных *пул* 1200 в гривне. Новогородские деньги имели почти двойную

цену: их было только 140 в рубле. На сих монетах изображался великий князь, сидящий в креслах, и другой человек, склоняющий пред ним голову; на псковских — голова в венце; на московских — всадник с мечом; *новые* были ценою в половину менее старых. Золотые деньги ходили только иностранные: венгерские червонцы, римские гульдены и ливонские монеты, коих цена переменялась. Всякий серебреник бил и выпускал монету: правительство наблюдало, чтобы сии *денежники* не обманывали в весе и чистоте металла. Государь не запрещал вывозить монету из России, однако ж хотел, чтобы мы единственно менялись товарами с иноземцами, а не покупали их на деньги. Вместо нынешнего *ста* обыкновенным торговым счетом было *сорок* и *девяносто,* говорили: *сорок, два сорока* или *девяносто, два девяноста* и проч.

Успехи торговли более и более умножали доходы государевы. Современники славят богатство и бережливость Василия. Главная казна его хранилась на Белеозере и в Вологде, как в безопаснейших и недоступных для неприятеля местах, окруженных лесами и болотами непроходимыми. «Удивительно ли, — пишут иноземцы, — что великий князь богат? Он не дает денег ни войску,

ни послам и даже берет у них, что они вывозят драгоценного из чужих земель: так, князь ярославский, возвратясь из Испании[8], отдал в казну все тяжелые золотые цепи, ожерелья, богатые ткани, серебряные сосуды, подаренные ему императором и Фердинандом Австрийским[9]. Сии люди не жалуются, говоря: *великий князь возьмет, великий князь и наградит*». Не тем, без сомнения, Иоанн и Василий богатели, что не давали серебром жалованья войску (ибо поместья стоили серебра), и не тем, что брали иногда у послов вещи, которые им отменно нравились; но мудрою бережливостию, точным соображением предприятий с государственными способами, запасом на случай нужды: правило важное для благоденствия держав. Карл V с сокровищами Нового Света часто не имел денег, а великие князья наши могли хвалиться богатством, издерживая менее, нежели получая.

Несмотря на деятельность торговли, Россия казалась путешественникам малонаселенною в сравнении с иными европейскими странами: редкие жительства, степи, дремучие леса, худые, пустынные, уединенные дороги свидетельствовали, что сия держава была еще новою в гражданском образовании. С ужасом говоря о

наших распутицах, тленных мостах, опасностях, неудобствах в пути, чужестранцы хвалят исправность и скорость нашей почты: из Новагорода в Москву приезжали они в 72 часа, платя 6 денег за 20 верст. Лошадей было множество на учрежденных ямах: кто требовал десяти или двенадцати, тому приводили сорок или пятьдесят. Усталых кидали на дороге; брали свежих в первом селении или у проезжих.

Чем ближе к столице, тем более селений и людей встречалось глазам путешественника. Все оживлялось: на дороге обозы, вокруг частые поля, луга представляли картину человеческой деятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнине с блестящими куполами своих несметных храмов, с красивыми башнями, с белыми стенами кремлевскими[10], с редкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянных зданий, среди зеленых садов и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. В слободах жили кузнецы и другие ремесленники, которые непрестанным употреблением огня могли быть опасны в соседстве: расселенные на большом пространстве, они сеяли хлеб и косили траву пред их домами, на обеих сторонах улицы.

Один кремль считался городом: все иные части Москвы, уже весьма обширной, назывались предместиями, ибо не имели никаких укреплений, кроме рогаток. На крутоберегой Яузе стояло множество мельниц. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ров кремлевский. Некоторые улицы были тесны и грязны; но сады везде чистили воздух, так что в Москве не знали никаких заразительных болезней, кроме наносных. В 1520 году, как пишут, находилось в ней 41 500 домов, исчисленных по указу великого князя; а сколько жителей, неизвестно, но можно полагать, их гораздо за 100 000. В кремле, в разных улицах, в огромных деревянных домах (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнейшие люди, митрополит, князья, бояре. Гостиный двор[11] (там же, где и ныне, на площади Китая-города), обнесенный каменною стеною, прельщал глаза не красотою лавок, но богатством товаров, азиатских и европейских. Зимою хлеб, мясо, дрова, лес, сено обыкновенно продавались на Москве-реке в лавках или в шалашах.

Наши свойства казались наблюдателям и худыми, и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишет, что москви-

тяне толпятся с утра до обеда на площадях, на рынках, а заключают день в питейных домах: глазеют, шумят, а дела не делают. Герберштейн, напротив того, с удивлением видел их работающих в праздники. В будни запрещалось им пить; одни иноземные воины, служа государю за деньги, имели право быть невоздержными в употреблении хмельного: для чего слобода за Москвою-рекою, где они жили, именовалась *Налейками,* от слова *наливай*. Великий князь Василий, опасаясь действий худого примера, не дозволял своим подданным жить вместе с ними. У всякой рогатки на улицах стоял караул: никто не смел ходить ночью без особенной важной причины и без фонаря. Тишина царствовала в городе. Замечали, что россияне не злы, не сварливы, терпеливы, но склонны (особенно москвитяне) к обманам в торговле. Славили древнюю честность новгородцев и псковитян, которые тогда уже начинали изменяться в характере. Пословица: *товар лицом продать* — служила уставом в купечестве. Лихоимство не считалось стыдом: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100 и еще хвалились умеренностию, ибо в древние времена должники платили у нас 40 на 100. «Рабство, несовместимое с душевным благородством,

было, — по словам Герберштейна, — общим в России, ибо и самые вельможи назывались *холопями* государя»; но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность россиян к монарху; а в самом деле народ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крепостные холопи, или дворовые, или сельские, потомки людей купленных, военнопленных, законом лишенных вольности. В XI веке они не имели у нас ни гражданских, ни человеческих прав (так и в Древнем Риме): господин мог располагать ими как собственностию, как *вещию,* мог своевольно отнимать у них жизнь, никому не ответствуя. Но в сие время — или в XVI веке — уже одна государственная власть смертию казнила холопа, следственно уже *человека,* уже *гражданина, покровительствуемого законом*. Здесь видим успех нравственности и действие лучших гражданских понятий. Вообще, судьба сих природных рабов не казалась им тяжкою, ибо многие из них, освобождаемые по духовным завещаниям, немедленно искали себе новых господ и шли к ним в кабалу или в новую крепость не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хороший поденщик в Москве вырабатывал с утра до вечера две деньги, или около двадцати

копеек нынешних), но для того, что любили домашнюю легкую службу и беспечность: раб-отец не заботился о многочисленном семействе, не боялся ни старости, ни болезни. Закон молчал о должности господ: общее мнение предписывало им человеколюбие и справедливость; тираном гнушались как бесчестным гражданином; никто из вольных людей не хотел идти к нему в услужение; именем его бранились на площадях. Гораздо несчастнее холопства было состояние земледельцев свободных, которые, нанимая землю в поместьях или в отчинах у дворян, обязывались трудиться для них свыше сил человеческих, не могли ни двух дней в неделе работать на себя, переходили к иным владельцам и обманывались в надежде на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помещики нигде не жалели, не берегли их для будущего. Государь мог бы отвести им степи, но не хотел того, чтобы поместья не опустели, и сей многочисленный род людей, обогащая других, сам только что не умирал с голоду: старец, бездомок от юности, изнурив жизненные силы в работе наемника, при дверях гроба не знал, где будет его могила. Бедность рождает презрение: в старину называли у нас земледельцев *смердами,* в XVI веке

крестьянами, то есть *христианами,* но в худом, варварском смысле, ибо долговременные наши тираны, Батыевы моголы, поносили россиян сим именем. Вероятно, что многие земледельцы шли тогда в кабалу к дворянам; по крайней мере знаем, что многие отцы продавали своих детей, не имея способа кормиться. Сын мог быть несколько раз продан отцом; но в четвертый раз отпущенный господином на волю, уже зависел единственно от себя.

Здесь представляется любопытный вопрос: неужели никогда не бывало в России крестьян-*владельцев*? По крайней мере не знаем, когда они были. Видим, что князья, бояре, воины и купцы — то есть *городские жители,* — искони владея землями, отдавали их в наем крестьянам свободным. Всякая область принадлежала городу; все ее земли считались как бы законною собственностию его жителей, древних господ России, купивших, вероятно, сие право мечом в такое время, до коего не восходят летописи, ни предания. Но крестьяне, платя дань или оброк владельцам, имели свободу личную и движимую собственность.

Не только бояре знатные, но и самые простые, бедные дворяне казались спесивыми, недоступ-

ными. К первым никто не смел въехать на двор: оставляли лошадей у ворот. Благородные стыдились ходить пешком и не имели знакомства с мещанами, опасаясь тем унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, как можно заниматься делами стоя или ходя. Молодые женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужим людям и в церковь ходили редко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для них позволенною: качели. Богатые не пеклися о домашнем хозяйстве, которое лежало единственно на слугах и служанках. Бедные поневоле трудились; но самая беднейшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животного: стояла у ворот с курицею или с уткою и просила мимоходящих, чтобы они закололи сию птицу ей на обед. Несмотря на строгое заключение жен, бывали, как и везде, примеры неверности, тем естественнее, что взаимная любовь не участвовала в браках и что мужья-дворяне, находясь в государевой службе, редко живали дома. Не жених обыкновенно сватался за невесту, но отец ее выбирал себе зятя и говорил о том с отцом его. Назначали день свадьбы, а будущие супруги еще не знали друг друга в глаза. Когда нетерпеливый жених домогался видеть

невесту, то родители ее всегда отвечали ему: «Спроси у добрых людей, какова она?» Приданое состояло в одежде, в драгоценных украшениях, в слугах, в конях и проч.; а что родственники и приятели дарили невесте, то муж должен был после свадьбы возвращать им или платить деньгами. Герберштейн первый сказал, что жена-россиянка не уверена в любви супруга без частых от него побоев: сие вошло в пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для нас древними обычаями славянскими и грубою нравственностию времен Батыева ига.

Спесивые против бедных мещан, дворяне и богатые купцы были гостеприимны и вежливы между собою. Гость, входя в комнату, глазами искал святых образов, шел к ним, крестился и, несколько раз сказав вслух: *Господи помилуй!* — обращался к хозяину с приветствием: *Дай Боже тебе здравия!* Они целовались, кланялись друг другу, и чем ниже, тем лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, беседовали, и гость, взяв шапку, шел опять к образам; хозяин провожал его до крыльца, а любимого до самых ворот. Потчевали приятелей медом, пивом, винами иноземными: романеею, мушкателем, канарским, белым рейнским; лучшим счита-

лась мальвазия, употребляемая, однако ж, более в лекарство и во дворце за великокняжескою трапезою. Ужинов не знали: обеды были изобильные и вкусные для самых иноземцев, которые дивились у нас множеству и дешевизне всякого скота, рыбы, птиц, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще, роскошь тогдашняя состояла в избытке обыкновенных, дешевых вещей; умели хвалиться ею, не разоряясь; бережливость не славилась добродетелию, ибо казалась естественною людям, которые еще не ведали прелестей изнеженного вкуса. Дорогие одежды означали первостепенных государственных сановников: если не закон, то обыкновение воспрещало другим равняться с ними в сих принадлежностях знатности, соединенной всегда с богатством. Сии наряды употреблялись бережно; ветреная мода не изменяла оных, и вельможа оставлял свою праздничную одежду в наследство сыну. Платье боярское, дворянское, купеческое не различалось покроем: верхнее с опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками*, другое *охабнями*, с воротником; третье *ферезями*, с пуговицами до подола, с нашивками или без нашивок, такое же длинное, с нашивками или только с пуговицами до пояса, *кунтышами*,

доломанами, кафтанами; у всякого были клинья, а на боках прорехи. Полукафтанье носили с козырем; рубахи с вышитым разноцветным воротником и с серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, с железными подковами; шапки высокие, шляпы поярковые, черные и белые. Мужчины стригли себе волосы. Домы не блистали внутренним украшением: самые богатые люди жили в голых стенах. Сени огромные, а двери низкие, и входящий всегда наклонялся, чтобы не удариться головою об верхний косяк.

Опишем некоторые достопамятные обыкновения. Посланник великокняжеский Димитрий, будучи в Риме и беседуя с Павлом Иовием о нравах своего отечества, сказывал ему, что россияне, искони набожные, любя чтение душеспасительных книг, не терпят проповеди в церквах, дабы слышать в них единственно слово Господне, без примеса мудрований человеческих, несогласных с простотою евангельскою; что нигде не имеют такого священного уважения к храмам, как у нас; что муж и жена, вкусив удовольствие законной любви, не дерзают войти в церковь и слушают обедню, стоя на паперти; что молодые нескромные люди, видя их там, угадывают причину и своими насмешками заставляют женщин крас-

неться; что мы весьма не любим католиков, а евреями гнушаемся и не дозволяем им въезжать в Россию. Сие время особенно славилось открытием многих святых целебных мощей; но Иоанн и Василий не всегда верили молве и рассказам народным; а без согласия государева духовенство не умножало числа святых; когда же строгое исследование и достоверные свидетельства убеждали великого князя в истине чудес, то объявляли их всенародно, звонили в колокола, пели молебны, и недужные со всех сторон спешили ко праху новых угодников, как ныне спешат к новым славным врачам, чтобы найти исцеление. Тогдашняя христианская набожность произвела один умилительный обычай. Близ Москвы было кладбище, называемое *селом скудельничим*, где люди добролюбивые в четверток перед Троицыным днем сходились рыть могилы для странников и петь панихиды в успокоение души тех, коих имена, отечество и вера были им неизвестны; они не умели назвать их, но думали, что Бог слышит и знает, за кого воссылаются к нему сии чистые, бескорыстные, истинно христианские молитвы. Там погребались тела, находимые в окрестностях города, а может быть, и всех иноземцев.

Иовий пишет, что великие князья, подобно

султанам, избирают себе жен за красоту и добродетель, нимало не уважая знатности; что невест привозят из всей России; что искусные, опытные бабки осматривают их тайные прелести; что совершеннейшая или счастливейшая выходит за государя, а другие в тот же день за молодых придворных чиновников. Сие известие может относиться единственно к двум бракам Василия, ибо отец, дед и предки его женились обыкновенно на княжнах владетельных. Сообщим здесь любопытные подробности из описания Василиевой свадьбы 1526 года.

«Державный жених, нарядясь, сидел в *брусяной столовой избе* с своим поездом; а невеста, Елена Глинская, с женою тысяцкого, двумя свахами, боярынями и многими знатными людьми шла из дому в *середнюю палату*. Перед нею несли две *брачные* свечи в фонарях, два коровая и серебряные деньги. В сей палате были сделаны два места, одетые бархатом и камками; на них лежали два зголовья и два сорока черных соболей; а третьим сороком надлежало опахивать жениха и невесту. На столе, покрытом скатертью, стояло блюдо с калачами и солью. Елена села на своем месте; сестра ее, княжна Анастасия, на женихов; боярыни вокруг стола. Василий прислал

туда брата, князя Юрия, который, заняв *большое место,* велел звать жениха. *Государь!* — сказали ему, — *иди с Богом на дело*. Великий князь вошел с тысяцким и со всеми чиновниками, поклонился иконам, свел княжну Анастасию с своего места и сел на оное. Читали молитву. Жена тысяцкого гребнем чесала голову Василию и Елене. Свечами *богоявленскими* зажгли *брачные,* обогнутые соболями и вдетые в кольцы. Невесте подали кику и фату. На золотой мисе, в трех углах, лежали хмель, соболи, одноцветные платки, бархатные, атласные, камчатные, и пенязи[12], числом по девяти в каждом угле. Жена тысяцкого осыпала хмелем великого князя и Елену, опахиваемых соболями. Дружка государев, благословясь, изрезал перепечу и сыры для всего поезда; а Еленин дружка раздавал ширинки. Поехали в церковь Успения: государь с братьями и вельможами, Елена в одних санях с женою тысяцкого и с двумя *большими* свахами; за нею шли некоторые бояре и чиновники; перед нею несли свечи и короваи. Жених стоял в церкви на правой стороне у столпа, невеста на левой. Они шли к венчанию по камкам и соболям. Знатнейшая боярыня держала скляницу с вином фряжским: митрополит подал ее государю и государыне; первый, выпив вино,

растоптал скляницу ногою. Когда священный обряд совершился, новобрачные сели на двух красных зголовьях. Митрополит, князья и бояре поздравляли их; певчие пели многолетие. Возвратились во дворец. Свечи с короваями отнесли в спальню, или в *сенник,* и поставили в кадь пшеницы. В четырех углах сенника были воткнуты стрелы, лежали калачи с соболями, у кровати два зголовья, две шапки, одеяло кунье, шуба; на лавках стояли *оловянники* с медом; в головах кровати икона Рождества Христова, Богоматери и Крест Воздвизальный; на стенах также иконы Богоматери со Младенцем; над дверью и над всеми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати семи ржаных снопах. Великий князь завтракал с людьми ближними; ездил верхом по монастырям и обедал со всем двором. Князь Юрий Иоаннович сидел опять на *большом месте,* а Василий рядом с Еленою; перед ними поставили жареного петуха; дружка взял его, обвернул верхнею скатертью и отнес в спальню, куда повели и молодых из-за стола. В дверях знатнейший боярин выдавал великую княгиню и говорил речь. Жена тысяцкого, надев две шубы, одну наизворот, вторично осыпала новобрачных хмелем; а дружки и свахи кормили

их петухом. Во всю ночь конюший государев ездил на жеребце под окнами спальни с обнаженным мечом. На другой день супруги ходили в мыльню и ели кашу на постеле». Легко угадать разум сих обрядов, без сомнения весьма древних, отчасти, может быть, славянских, отчасти скандинавских: некоторые образовали любовь, согласие, чадородие, богатство; другие должны были удалять действие злого волшебства.

Василий, находясь в частых сношениях с государями европейскими, любил хвалиться ласкою, оказываемою их послам в России; но иноземцы жаловались на сей милостивый прием, соединенный с обрядами скучными и тягостными. Приближаясь к границе, посол давал о том знать наместникам ближайших городов. Ему предлагали множество вопросов: «Из какой земли, от кого едет? Знатный ли человек? Какого именно звания? Бывал ли прежде в России? Говорит ли нашим языком? Сколько с ним людей и каких?» О сем немедленно доносили великому князю; а к послу высылали чиновника, который, встретив его, не уступал ему дороги и всегда требовал, чтобы он стоя выслушивал государево приветствие со всем великокняжеским титулом, несколько раз повторяемым. Назначали дорогу

и места, где надлежало обедать, ночевать. Ехали тихо, иногда не более пятнадцати или двадцати верст в день, ибо ждали ответа из Москвы. Иногда останавливались в поле, несмотря на зимний мороз; иногда худо ели. За то пристав терпеливо сносил брань иноземцев. Наконец государь высылал дворян своих к послу: тут везли его уже скорее и лучше содержали. Встреча перед Москвою была всегда пышная: являлось вдруг несколько чиновников в богатых одеждах и с отрядом конницы; говорили речи, спрашивали о здоровье и проч. Двор посольский находился близ Москвы-реки: большое здание со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жил в сем доме. Приставы служили гостям, непрестанно заглядывая в роспись, где было все исчислено, все измерено, что надлежало давать послам немецким, литовским, азиатским: сколько мясных блюд, меду, луку, перцу, масла, даже дров. Между тем придворные чиновники ежедневно спрашивали у них, довольны ли они угощением? Не скоро назначался день представления, ибо любили долго изготовляться к оному. Послы сидели одни, не могли заводить знакомств и скучали. Великий князь к сему дню, для их торжественного въезда в кремль, обыкновенно

дарил им коней с богатыми седлами.

Кроме зодчих, денежников, литейщиков, находились у нас тогда и другие иноземные художники и ремесленники. Толмач Димитрий Герасимов, будучи в Риме, показывал историку Иовию портрет великого князя Василия, писанный, без сомнения, не русским живописцем. Герберштеин упоминает о немецком слесаре в Москве, женатом на россиянке. Искусства европейские с удивительною легкостию переселялись к нам, ибо Иоанн и Василий, по внушению истинно великого ума, деятельно старались присвоить оные России, не имея ни предрассудков суеверия, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные воле государей, рано выучились уважать сии плоды гражданского образования, собственность не вер и не языков, а человечества; мы хвалились исключительным православием и любили святыню древних нравов, но в то же время отдавали справедливость разуму, художеству западных европейцев, которые находили в Москве гостеприимство, мирную жизнь, избыток. Одним словом, Россия и в XVI веке следовала правилу: «хорошее от всякого хорошо» — и никогда не была вторым Китаем в отношении к иноземцам.

Язык наш, то есть славянский, был в сие время

известен от Каменного Пояса до Адриатического моря, Воспора Фракийского и Нила: им говорили при дворе турецкого и египетского султанов, жены их, ренегаты, мамелюки. Мы имели в переводах сочинения св. Амвросия, Августина, Иеронима, Григория, историю римских императоров (вероятно, Светонову)[13], Марка Антония и Клеопатры; но Иовий укоряет нас совершенным невежеством в науках: в философии, астрономии, физике, медицине, сказывая, что мы именуем лекарем всякого, кто знает некоторые целебные свойства растений. Успехи словесности примечались в чистейшем слоге летописей, пастырских духовных посланий, святых житий и проч. Старец архиепископ ростовский Вассиан мог назваться Демосфеном сего времени, если истинное красноречие состоит в сильном выражении мыслей и чувств: славное послание его к Иоанну уже известно читателю. Житие св. Даниила Переяславского[14] писано не без искусства, умно и приятно. Особенного замечания достойны два слова: первое — о рождении царя Иоанна, второе — похвальное Василию[15]; в том и в другом есть прекрасные места; выпишем некоторые:

«Кто поведает силу Господню и все чудеса Его? Во дни наши совершилось дело небесной любви,

коего примеры видели мы в Ветхом и Новом Завете: молитва отверзает ложесна неплодные! Господь милостию утешает людей Своих в отчаянии, ибо славный и великий во царях не скудеет в вере, припадая ко Всевышнему; уже вступает в шестое десятилетие жизни и еще надеется благословить чадо милое, вожделенное не только родителю, но и всей державе христианской: она требует пастыря для дней будущих. Слышит Господь молитву и долго не исполняет, да более и более разгорается усердием сердце державного. О диво! Монарх оставляет престол и величие, идет с жезлом, как бедный странник, в обители дальние, смиренный видом и душою: се царские стопы его изображаются на песках дикой пустыни! За ним добродетельная, премудрая царица, ему подобная. Оба исполнены смирения и надежды; оба ведают, что *вера возмогает и надежда не посрамит*. И бысть! Лобызаем наследника державы!.. Когда бы Всевышний даровал Василию дщерь, и тогда бы сердце родителя возвеселилось, но едино: Господь дарует ему сына, да веселится и блаженствует с ним вся Россия!» В похвальном слове Василию так описаны дела и свойства его: «Сей государь *добре правил хоругвями* отечества, твердо укоренного Богом,

подобно вековому древу; всегда благословляемый успехом, всегда спасаемый от врагов видимых и невидимых, покорял страны мечом и миром, а в своей наблюдал правду, не усыпая ни умом, ни сердцем; бодрствовал над душами, питал в них добродетель, гнал злобу, да не погрязнет корабль великой державы его в волнах беззакония! Душа царева светилась яко зерцало, блистая в лучах Божественной премудрости. Мы знаем, что государь естеством телесным равен всем людям; но властию не подобен ли Богу Единому? Неприступен во славе земного царствия: но есть вышнее, небесное, для коего он должен быть приступен и снисходителен к людям. Телу дано око, а миру — царь, да промышляет о благе его. Царь истинный царствует над страстями в венце святого целомудрия, в порфире закона и правды. Таков был великий князь Василий, правитель *велеумный,* наказатель добродетельный, истинный кормчий, образ благости, столп твердости и терпения; защитник государства, отец вельмож и народа, мудрый *соглагольник* духовенства; высокий житием на престоле, смиренный сердцем яко в пещере, кроток взором, почтен Божиею благостию; всех любил и любим всеми: ближние и дальние припадали к нему, от Синая и Пале-

стины, от Италии и Антиохии, да узрят лицо его, да услышат слово. Кто опишет его достоинства? Как саламандр, по сказанию богослова, среди огня не сгорает; как светлая река, именуемая Кафос, течет сквозь море и не теряет сладости вод своих, так огнь страстей человеческих, так бурное житейское море не повредило душе Василия: она чистою, благою воспарила от земли на небо. Одним словом, сей великий князь в житии богомудром уподоблялся Димитрию Иоанновичу Донскому». Мы предложили здесь читателю не точные *слова,* но *точные мысли авторов*; слова принадлежат веку, а мысли векам.

Судя по слогу, можем отнести к сему времени сочинение двух русских сказок: *о купце киевском* и *Дракуле, мутьянском воеводе*[16]. В первой описывается мучитель, именем *Смиян гордый,* владетель неизвестной приморской страны, гибельной для всех плавателей, которые искали там убежища от бурь и не умели отгадать царских загадок: им надлежало отвергнуться Христа или умереть. Сын путешествующего киевлянина Борзосмысл, юный отрок, вдохновенный небесною мудростию, как новый Эдип, решит все хитрые задачи Смияна, отсекает ему голову в присутствии народа, садится на трон,

проповедует веру Христову, пленяет граждан, остается у них царем и женится на Смияновой дочери. Вот содержание. Красот пиитических мало, остроумия также; рассказ довольно складен. Вторая повесть любопытнее. Дракула, хищник Мутьянской, или Волошской, державы (о коем упоминается в византийской истории Дуки[17] около 1430 года), представлен гонителем всякой неправды, обманов, воровства и свирепым кровопийцею. Никто в земле Волошской не дерзает взять чужого, ни обидеть слабого. Испытывая народ, он поставил золотую чару у колодезя, отдаленного от домов: мимоходящие пили воду и не трогали богатого сосуда. Искоренив злодеев, сей воевода казнил и за самые легкие вины. Не только жена вероломная, любострастная, но и ленивая, у которой в доме было не чисто или муж не имел хорошего белья, лишалась жизни. На площади, вместо украшений, висели трупы. Однажды пришли к нему два монаха из Венгрии: Дракула желал знать их мысли о себе. «Ты хочешь быть правосудным, — отвечал старейший из них, — но делаешься тираном, наказывая тех, коих должны наказывать единственно Бог и совесть, а не закон гражданский». Другой хвалил тирана как исполнителя судов Божественных. Ве-

лев умертвить первого монаха, Дракула отпустил его товарища с дарами и наконец увенчал свои подвиги сожжением всех бедных, дряхлых, увечных в земле Волошской, рассуждая: «На что жить людям, живущим в тягость себе и другим?» Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о *философии* Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертию! Заметим, что древние русские *писцы* имели более гордости, нежели *писатели*: первые почти всегда означали имя свое в конце переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь таким образом от хвалы и критики: знаем творения, не зная творцов. По крайней мере видим, что предки наши занимались не только историческими или богословскими сочинениями, но и романами; любили произведение остроумия и воображения.

В окончании сей статьи предложим некоторые известия из Герберштеиновой книги о соседственных с Россиею землях, восточных и северных. Ногайские татары, кочуя близ моря Каспийского, разделялись в Василиево время на три улуса, принадлежащие трем князьям-братьям: Шидаку, Кошуму и Шиг-Мамаю[18]; первый жил в городе

Сарайчике[19] на Яике; второй повелевал всею землею между Кумою, Яиком и Волгою; третий господствовал над частию Сибири. В двадцати днях пути от Шидаковых владений, к востоку[20], обитали юргенские, или хивинские, татары, повинуясь Барак-Солтану, брату соседственного хана катайского, или киргиз-кайсакского, Бебейда. За Вяткою и Пермию жили в лесах тюменские и шибанские моголы; первых считалось не более десяти тысяч. За Волгою находились еще улусы калмыков: сие имя дано им для того, что они не стригли волос на голове, как другие моголы. Астрахань, знатнейший *базар татарский,* славилась богатством, а Шамаха, уже подвластная тогда Персии, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, в двенадцати милях от Азова, был город *Ахас* (где ныне Старый Черкасск), изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый местоположением, окруженный садами природными, богатый всем, что нужно человеку для самой роскошной жизни. Говорили: «Имей только огонь и соль, все прочее найдешь в Ахасе!» На восточном берегу Черного моря жили авхасы; далее в горах вольные черкесы, не подвластные ни туркам, ни татарам, ужасные разбойники; текущими из гор реками выплывая на лодках в

море, они грабили суда купеческие; исповедовали христианскую греческую веру, употребляли в богослужении язык славянский, впрочем мало думали о законе. Близ устья реки Фазиса, или Риона, показывали остров, где будто бы стоял корабль Язонов.

Описывая наружность татар, Герберштеин сказывает, что они были среднего роста, черноволосые, широколицые, с маленькими, впалыми глазами и что знатнейшие носили длинные плетенки, или косы: в сем изображении еще узнаем истинных моголов, нынешних калмыков и киргизов. Сему же писателю обязаны мы изъяснением достоинств и чинов татарских. Солтанами назывались сыновья ханские, уланами — главнейшие по хане сановники, беями — князья, их дети — мурзами, первосвященники (Магометова рода) — сеитами.

Север России был еще предметом баснословия для самых москвитян. Уверяли, что там, на берегах океана, в горах, пылает неугасимый огнь чистилища; что в Лукоморье есть люди, которые ежегодно 27 ноября, в День св. Георгия, умирают, а 24 апреля оживают снова; что они перед смертию сносят товары свои в одно место, где соседи в течение зимы могут брать оные, за всякую вещь

оставляя должную плату и не смея обманывать, ибо мертвецы, воскресая весною, рассчитываются с ними и всегда наказывают бессовестных; что там есть и другие чудесные люди, покрытые звериною шерстью, с собачьими головами, с лицом на груди, с длинными руками, но безногие; есть рыбы человекообразные, но только немые, и проч. Сии басни питали любопытство грубых умов. Однако ж москвитяне уже знали имена всех главных рек Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекает из озера (Телейского); что за сею рекою и за Иртышом находятся два города, *Серпонов* и *Грустина*[21], коих жители получают жемчуг и драгоценные каменья от *черных людей,* обитающих близ озера Китая. Мы обязаны были сими сведениями господству великих князей над землею Пермскою и Югорскою. Лапландия также платила нам дань. Дикие жители ее приходили иногда в соседственные российские области, начинали заимствовать некоторые гражданские обыкновения и ласково угощали купцов иноземных, которые привозили к ним вещи, нужные для хозяйства.

Вообще, Герберштеиново описание России есть важное творение для нашей истории XVI века, хотя и содержит в себе некоторые ошибки.

Том 8

⟨...⟩

Глава III
Продолжение государствования Иоанна IV. Годы 1546–1552

Великому князю исполнилось 17 лет от рождения. Он призвал митрополита и долго говорил с ним наедине. Митрополит вышел от него с лицом веселым, отпел молебен в храме Успения, послал за боярами — даже и за теми, которые находились в опале, — и вместе с ними был у государя. Еще народ ничего не ведал; но бояре, подобно митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину и с нетерпением ждали открытия счастливой тайны.

Прошло три дни. Велели собраться двору: первосвятитель, бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который, помолчав, сказал митрополиту: «Уповая на милость Божию и на святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не

сойтися нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастием? Желаю найти невесту в России по воле Божией и твоему благословению». Митрополит с умилением ответствовал: «Сам Бог внушил тебе намерение столь вожделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца Небесного». Бояре плакали от радости, как говорит летописец, и с новым восторгом прославили мудрость державного, когда Иоанн объявил им другое намерение: «Еще до своей женитьбы исполнить древний обряд предков его и *венчаться на царство*». Он велел митрополиту и боярам готовиться к сему великому торжеству, как бы утверждающему печатию веры святой союз между государем и народом. Оно было не новое для Московской державы: Иоанн III *венчал* своего внука *на царство*[1], но советники великого князя — желая или дать более важности сему обряду, или удалить от мыслей горестное воспоминание о судьбе Димитрия Иоанновича — говорили единственно о древнейшем примере Владимира Мономаха[2], на коего митрополит ефесский возложил венец, златую цепь и бармы Константиновы. Писали и рассказывали, что Мономах, умирая, отдал царскую утварь шестому сыну своему, Георгию; велел только хранить ее

как зеницу ока и передавать из рода в род без употребления, доколе Бог не умилостивится над бедною Россиею и не воздвигнет в ней истинного самодержца, достойного украситься знаками могущества. Сие предание вошло в летописи XVI века, когда Россия действительно увидела самодержца на троне и Греция, издыхая в бедствии, отказала нам величие своих царей.

Января 16-го [1547 г.], утром, Иоанн вышел в столовую комнату, где находились все бояре; а воеводы, князья и чиновники, богато одетые, стояли в сенях. Духовник государев, благовещенский протоиерей, взяв из рук Иоанновых, на златом блюде, Животворящий Крест, венец и бармы, отнес их (провождаемый конюшим, князем Михайлом Глинским[3], казначеями и дьяками) в храм Успения. Скоро пошел туда и великий князь, перед ним духовник с крестом и святою водою, кропя людей на обеих сторонах; за ним князь Юрий Василиевич[4], бояре, князья и весь двор. Вступив в церковь, государь приложился к иконам: священные лики возгласили ему многолетие; митрополит благословил его. Служили молебен. Посреди храма, на амвоне с двенадцатью ступенями, были изготовлены два места, одетые златыми паволоками; в ногах лежали

бархаты и камки: там сели государь и митрополит. Пред амвоном стоял богато украшенный налой с царскою утварию: архимандриты взяли и подали ее Макарию; он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы, венец, громогласно молился, чтобы Всевышний оградил сего христианского Давида силою Св. Духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и *милостивое око* для послушных. Обряд заключился возглашением нового многолетия государю. Приняв поздравление от духовенства, вельмож, граждан, Иоанн слушал литургию, возвратился во дворец, ступая с бархата на камку, с камки на бархат. Князь Юрий Василиевич осыпал его в церковных дверях и на лестнице золотыми деньгами из мисы, которую нес за ним Михайло Глинский. Как скоро государь вышел из церкви, народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать *царское место,* всякий хотел иметь лоскут паволоки на память великого дня для России.

Одним словом, сие торжественное венчание было повторением Димитриева, с некоторою переменою в словах молитв и с тою разностию, что Иоанн III сам (а не митрополит) надел венец на главу юного монарха. *Современные* летописцы

не упоминают о *скипетре,* ни о *миропомазании,* ни о *причащении,* не сказывают также, чтобы Макарий говорил царю поучение: самое умное, красноречивое не могло быть столь действительно и сильно, как искреннее, умилительное воззвание к Богу Вседержителю, дающему и властителей народам, и добродетель властителям! С сего времени российские монархи начали уже не только в сношениях с иными державами, но и внутри государства, во всех делах и бумагах, именоваться *царями,* сохраняя и титул *великих князей,* освященный древностию; а книжники московские объявили народу, что сим исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестом царстве*[5], которое есть Российское. Хотя титло не придает естественного могущества, но действует на воображение людей, и библейское имя царя, напоминая ассирийских, египетских, иудейских, наконец, православных греческих венценосцев, возвысило в глазах россиян достоинство их государей. «Смирились, — говорят летописцы, — враги наши, цари неверные и короли нечестивые: Иоанн стал на первой степени державства между ими!» Достойно примечания, что константинопольский патриарх Иоасаф[6], в знак своего усердия к венценосцу России, в 1561 году

соборною грамотою утвердил его в сане царском, говоря в ней: «Не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянородного, и что митрополит ефесский, уполномоченный для того собором духовенства византийского, венчал российского великого князя Владимира на царство». Сия грамота подписана тридцатью шестью митрополитами и епископами греческими.

Между тем знатные сановники, окольничие, дьяки объезжали Россию, чтобы видеть *всех* девиц благородных и представить лучших невест государю: он избрал из них юную Анастасию, дочь вдовы Захарьиной, которой муж, Роман Юрьевич, был окольничим[7], а свекор боярином Иоанна III. Род их происходил от Андрея Кобылы, выехавшего к нам из Пруссии в XIV веке. Но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным; не говорят о красоте, ибо

она считалась уже необходимою принадлежностию счастливой царской невесты. Совершив обряд венчания [13 февраля] в храме Богоматери, митрополит сказал новобрачным: «Днесь таинством Церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели; а добродетель ваша есть правда и милость. Государь! Люби и чти супругу; а ты, христолюбивая царица, повинуйся ему. Как святый крест — глава Церкви, так муж — глава жены. Исполняя усердно все заповеди Божественные, узрите благая Иерусалима и мир во Израиле». Юные супруги явились глазам народа: благословения гремели на стогнах кремля. Двор и Москва праздновали несколько дней. Царь сыпал милости на богатых, царица питала нищих. Воспитанная без отца в тишине уединения, Анастасия увидела себя как бы действием сверхъестественным пренесенную на феатр мирского величия и славы; но не забылась, не изменилась в душе с обстоятельствами и, все относя к Богу, поклонялась ему и в царских чертогах так же усердно, как в смиренном, печальном доме своей вдовы-матери. Прервав веселые пиры двора, Иоанн и супруга его ходили пешком зимою в Троицкую Сергиеву лавру и провели там первую неделю Великого поста,

ежедневно моляся над гробом св. Сергия.

Сия набожность Иоаннова, ни искренняя любовь к добродетельной супруге не могли укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной в движениях гнева, приученной к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочинным. Он любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами: умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от вельмож, ибо не трудился в устроении царства и не знал, что государь истинно независимый есть только государь добродетельный. Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юноши-государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости. Кто уклонялся пред Глинскими, тот мог смело давить пятою народ, и быть их слугою значило быть господином в России. Наместники не знали страха — и горе угнетенным, которые мимо вельмож шли ко трону с жалобами! Так, граждане псковские, по-

следние из присоединенных к самодержавию и смелейшие других (весною в 1547 году), жаловались новому царю на своего наместника, князя Турунтая-Пронского[8], угодника Глинских. Иоанн был тогда в селе Островке[9]: семьдесят челобитчиков стояло перед ним с обвинениями и с уликами. Государь не выслушал: закипел гневом; кричал, топал; лил на них горящее вино; палил им бороды и волосы; велел их раздеть и положить на землю. Они ждали смерти. В сию минуту донесли Иоанну о падении большого колокола в Москве: он ускакал в столицу, и бедные псковитяне остались живы. Честные бояре с потупленным взором безмолвствовали во дворце: шуты, скоморохи забавляли царя, а льстецы славили его мудрость. Добродетельная Анастасия молилась вместе с Россиею, и Бог услышал их. Характеры сильные требуют сильного потрясения, чтобы свергнуть с себя иго злых страстей и с живою ревностию устремиться на путь добродетели. Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве!

Сия столица ежегодно возрастала своим пространством и числом жителей. Дворы более и более стеснялись в кремле, в Китае; новые улицы примыкали к старым в посадах; домы строились лучше для глаз, но не безопаснее прежнего:

тленные громады зданий, где-где разделенные садами, ждали только искры огня, чтобы сделаться пеплом. Летописи Москвы часто говорят о пожарах, называя иные *великими,* но никогда огонь не свирепствовал в ней так ужасно, как в 1547 году. 12 апреля сгорели лавки в Китае с богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Богоявленская[10] и множество домов от Ильинских ворот до кремля и Москвы-реки. Высокая башня, где лежал порох, взлетела на воздух с частию городской стены, пала в реку и запрудила оную кирпичами. 20 апреля обратились в пепел за Яузою все улицы, где жили гончары и кожевники; а 24 июня, около полудня, в страшную бурю начался пожар за Неглинною, на Арбатской улице, с церкви Воздвижения; огонь лился рекою, и скоро вспыхнул кремль, Китай, Большой посад. Вся Москва представила зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело, как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в кремле и в других частях города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, казна,

сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже мощи святых истлели. Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма: силою вывели его оттуда и хотели спустить на веревке с тайника к Москве-реке: он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь[11]. Из собора вынесли только образ Марии, писанный св. Петром митрополитом, и *правила церковные*, привезенные Киприаном из Константинополя. Славная Владимирская икона Богоматери оставалась на своем месте: к счастию, огонь, разрушив кровлю и паперти, не проник во внутренность церкви. К вечеру затихла буря, и в три часа ночи угасло пламя; но развалины курились несколько дней, от Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцелели: дерева обратились в уголь, трава в золу. Сгорело 1700 человек, кроме младенцев. Нельзя, по сказанию современников, ни описать, ни вообразить сего бедствия. Люди с опаленными волосами, с черными лицами, бродили как тени среди ужасов обширного пепелища: искали детей, родителей, остатков имения; не находили и выли, как дикие звери. «Счастлив, — говорит летописец, — кто, умиляясь

душою, мог плакать и смотреть на небо!» Утешителей не было: царь с вельможами удалился в село Воробьево[12], как бы для того, чтобы не слыхать и не видать народного отчаяния. Он велел немедленно возобновить Кремлевский дворец; богатые также спешили строиться; о бедных не думали… Сим воспользовались неприятели Глинских[13]: духовник Иоаннов, протоиерей Феодор, князь Скопин-Шуйский, боярин Иван Петрович Федоров, князь Юрий Темкин, Нагой и Григорий Юрьевич Захарьин, дядя царицы: они составили заговор; а народ, несчастием расположенный к исступлению злобы и к мятежу, охотно сделался их орудием.

В следующий день государь поехал с боярами навестить митрополита в Новоспасской обители. Там духовник его, Скопин-Шуйский и знатные их единомышленники объявили Иоанну, что Москва сгорела от волшебства некоторых злодеев. Государь удивился и велел исследовать сие дело боярам, которые, чрез два дни приехав в кремль, собрали граждан на площади и спрашивали, кто жег столицу? В несколько голосов отвечали им: «Глинские! Глинские! Мать их, княгиня Анна[14], вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, ездя по Москве.

Вот от чего мы сгорели!» Сию басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не верили ей, однако ж молчали, ибо Глинские заслужили общую ненависть. Многие поджигали народ, и самые бояре. Княгиня Анна, бабка государева, с сыном Михаилом находилась тогда во ржевском своем поместье. Другой сын ее, князь Юрий, стоял на кремлевской площади в кругу бояр: изумленный нелепым обвинением и видя ярость черни, он искал безопасности в церкви Успения, куда вломился за ним и народ. Совершилось дотоле неслыханное в Москве злодейство: мятежники в святом храме убили родного дядю государева, извлекли его тело из кремля и положили на Лобном месте; разграбили имение Глинских, умертвили множество их слуг и детей боярских. Никто не унимал беззакония: правительства как бы не было…

В сие ужасное время, когда юный царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия молилась, явился там какой-то удивительный муж именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новагорода; приближился к Иоанну с подъятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою

царя легкомысленного и злострастного; что огнь небесный испепелил Москву; что сила Вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв Святое Писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным — и приял оную. Смиренный иерей, не требуя ни высокого имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юного венценосца на пути исправления, заключив тесный союз с одним из любимцев Иоанновых, Алексеем Федоровичем Адашевым, прекрасным молодым человеком, коего описывают земным ангелом: имея нежную, чистую душу, нравы благие, разум приятный, основательный и бескорыстную любовь к добру, он искал Иоанновой милости не для своих личных выгод, а для пользы отечества, и царь нашел в нем редкое сокровище, друга, необходимо нужного самодержцу, чтобы лучше знать людей, состоя-

ние государства, истинные потребности оного: ибо самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления; а друг его как подданный стоит наряду со всеми, смотрит прямее в сердца и вблизи на предметы. Сильвестр возбудил в царе желание блага, Адашев облегчил царю способы благотворения. Так повествует умный современник, князь Андрей Курбский, бывший тогда уже знатным сановником двора. По крайней мере здесь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная деятельность в правлении, ознаменованная счастливыми для государства успехами и великими намерениями.

[1548–1550 гг.] Во-первых, обуздали мятежную чернь, которая на третий день по убиении Глинского явилась шумною толпою в Воробьеве, окружила дворец и кричала, чтобы государь выдал ей свою бабку, княгиню Анну, и сына ее Михайла. Иоанн велел стрелять в бунтовщиков; толпу рассеяли; схватили и казнили некоторых; многие ушли; другие падали на колена и винились. Порядок восстановился. Тогда государь изъявил попечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба.

Во-вторых, истинные виновники бунта, под-

стрекатели черни, князь Скопин-Шуйский с клевретами, обманулись, если имели надежду, свергнув Глинских, овладеть царем. Хотя Иоанн пощадил их, из уважения ли к своему духовнику и к дяде царицы, или за недостатком ясных улик, или предав одному суду Божию такое дело, которое, несмотря на беззаконие способов, удовлетворяло общей справедливой ненависти к Глинским, но мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Тайн. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя пред лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собралися — и в день воскресный, после обедни, царь вышел из кремля с духовенством, с крестами, с боярами, с дружиною воинскою на Лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Ио-

анн обратился к митрополиту и сказал: «Святый владыко! Знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству; будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а вельможи не радели о мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда небесного!»… Тут государь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшего* зла, могу только *впред*ь спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовию христианскою. Отныне я судия ваш и защитник». В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на Лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного венценосца

жить для ее счастья, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным боярам; хотел, чтобы митрополит и святители также их простили именем Судии Небесного; хотел, чтобы все россияне братски обнялися между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока. В тот же день он поручил Адашеву принимать челобитные от бедных, сирот, обиженных и сказал ему торжественно: «Алексий! Ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое не по твоему желанию, но в помощь душе моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клевещет на богатого! Все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшася единственно суда Божия». Народ плакал от умиления вместе с юным своим царем.

Царь говорил и действовал, опираясь на чету избранных, Сильвестра и Адашева, которые приняли в священный союз свой не только благоразумного митрополита, но и всех мужей добродетельных, опытных, в маститой старости

еще усердных к отечеству и прежде отгоняемых от трона, где ветреная юность не терпела их угрюмого вида. Ласкатели и шуты онемели при дворе; в думе заграждались уста наветникам и кознодеям, а правда могла быть откровенною. Несмотря на доверенность, которую Иоанн имел к Совету, он сам входил и в государственные, и в важнейшие судные дела, чтобы исполнить обет, данный им Богу и России. Везде народ благословил усердие правительства к добру общему, везде сменяли недостойных властителей: наказывали презрением или темницею, но без излишней строгости; хотели ознаменовать счастливую государственную перемену не жестокою казнию худых старых чиновников, а лучшим избранием новых, как бы объявляя тем народу, что злоупотребления частной власти бывают обыкновенным неминуемым следствием усыпления или разврата в главном начальстве: где оно терпит грабеж, там грабители почти невинны, пользуясь дозволяемым. Только в одних самодержавных государствах видим сии легкие, быстрые переходы от зла к добру, ибо все зависит от воли самодержца, который, подобно искусному механику, движением перста дает ход громадам, вращает махину неизмеримую и влечет ею миллионы ко благу или бедствию.

Вообще, мудрая умеренность, человеколюбие, дух кротости и мира сделались правилом для царской власти. Весьма немногие из прежних царедворцев — и самые злейшие — были удалены; других обуздали или исправили, как пишут. Духовник Иоаннов, протоиерей Феодор, один из главных виновников бывшего мятежа, терзаемый совестию, заключился в монастыре. В думу поступили новые бояре[15]: дядя царицы Захарьин, Хабаров (верный друг несчастного Ивана Бельского), князья Куракин-Булгаков, Данило Пронский и Дмитрий Палецкий, коего дочь, княжна Иулиания, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцатилетнего брата государева, князя Юрия Васильевича[16]. Отняв у ненавистного Михайла Глинского знатный сан конюшего, оставили ему боярство, поместья и свободу жить где хочет; но сей вельможа, устрашенный судьбою брата, вместе с другом своим, князем Турунтаем-Пронским, бежал в Литву. За ними гнался князь Петр Шуйский[17]: видя, что им нельзя уйти, они возвратились в Москву и, взятые под стражу, клялися, что ехали не в Литву, а на богомолье в Оковец[18]. Несчастных уличили во лжи, но милостиво простили, извинив бегство их страхом. В самом семействе государском, где

прежде обитали холодность, недоверие, зависть, вражда, Россия увидела мир и тишину искренней любви. Узнав счастие добродетели, Иоанн еще более узнал цену супруги добродетельной: утверждаемый прелестною Анастасиею во всех благих мыслях и чувствах, он был и добрым царем, и добрым родственником: женив князя Юрия Василиевича, избрал супругу и для князя Владимира Андреевича, девицу Евдокию из рода Нагих[19]; жил с первым в одном дворце; ласкал, чтил обоих; присоединяя имена их к своему в государственных указах, писал: «Мы уложили с братьями и с боярами».

Желая уподобиться во всем великому Иоанну III — желая, по его собственному слову, быть *царем правды,* — он не только острил меч на врагов иноплеменных, но в цветущей юности лет занялся и тем важным делом государственным, для коего в самые просвещенные времена требуется необыкновенных усилий разума и коим немногие венценосцы приобрели истинную, бессмертную славу: *законодательством*. Окруженный сонмом бояр и других мужей, сведущих в искусстве гражданском, царь предложил им рассмотреть, дополнить уложение Иоанна III согласно с новыми опытами, с новыми потребностями России в

ее гражданской и государственной деятельности. Вышел Судебник (в 1550 году), или *вторая* Русская Правда, вторая полная система наших древних законов, достойная подробного изложения в статье особенной, где будем говорить вообще о тогдашнем состоянии России. Здесь скажем единственно, что Иоанн и добрые его советники искали в труде своем не блеска, не суетной славы, а верной, явной пользы, с ревностною любовию к справедливости, к благоустройству; не действовали воображением, умом не обгоняли настоящего порядка вещей, не терялись мыслями в возможностях будущего, но смотрели вокруг себя, исправляли злоупотребления, не изменяя главной, древней основы законодательства; все оставили как было и чем народ казался довольным; устраняли только причину известных жалоб; хотели лучшего, не думая о совершенстве и без учености, без феории, не зная ничего, кроме России, но зная хорошо Россию, написали книгу, которая будет всегда любопытною, доколе стоит наше отечество, ибо она есть верное зерцало нравов и понятий века. В прибавлениях к Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указ о *местничестве*; государь еще не мог совершенно искоренить сего великого зла[20],

а хотел единственно умерить оное, запретив детям боярским и княжатам считаться родом с воеводами; уставил также, что воевода Большого полку должен быть всех знатнее; что начальники Передового и Сторожевого полку ему одному уступают в старейшинстве и не считаются с воеводами Правой и Левой Руки; что государю принадлежит судить о родах и достоинствах; что кто с кем послан, тот тому и повинуется.

Одобрив Судебник, Иоанн назначил быть в Москве *Собору слуг Божиих*, и в 1551 году, 23 февраля, дворец Кремлевский наполнился знаменитейшими мужами Русского царства, духовными и мирскими. Митрополит, девять святителей, все архимандриты, игумены, бояре, сановники первостепенные сидели в молчании, устремив взор на царя-юношу, который с силою ума и красноречия говорил им о возвышении и падении царств от мудрости или буйства властей, от благих или злых обычаев народных; описал все претерпенное *вдовствующею* Россиею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а после развратной; упомянул о слезной кончине дядей своих, о беспорядках вельмож, коих худые примеры испортили в нем сердце; но повторил, что все минувшее предано им забвению. Тут Иоанн изоб-

разил бедствие Москвы, обращенной в пепел, и мятеж народа. «Тогда, — сказал он, — ужаснулась душа моя и кости во мне затрепетали; дух мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродетель. От вас требую ревностного наставления, пастыри христиан, учители царей и вельмож, достойные святители Церкви! Не щадите меня в преступлениях; смело упрекайте мою слабость; гремите словом Божиим, да жива будет душа моя!» Далее, изъяснив свое благодетельное намерение устроить счастие России всеми данными ему от Бога способами и доказав необходимость исправления законов для внутреннего порядка, царь предложил святителям Судебник на рассмотрение и грамоты уставные, по коим во всех городах и волостях надлежало избрать старост и целовальников, или присяжных, чтобы они судили дела вместе с наместниками или с их тиунами, как дотоле было в одном Новегороде и Пскове; а сотские и пятидесятники, также избираемые общею доверенностию, долженствовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники царские не могли действовать самовластно и народ не был безгласным. Собор утвердил все новые, мудрые постановления Иоанновы[21].

Но сим не кончилось его действие; государь, устроив державу, предложил святителям устроить Церковь: исправить не только обряды ее, книги, искажаемые писцами-невеждами, но и самые нравы духовенства в пример мирянам; учением образовать достойных служителей олтаря; уставить правила благочиния, которое должно быть соблюдаемо в храмах Божиих; искоренить соблазн в монастырях, очистить христианство российское от всех остатков древнего язычества и проч. Сам Иоанн именно означил все более или менее важные предметы для внимания отцов собора, который назвали *Стоглавным* по числу законных статей, им изданных. Одним из полезнейших действий оного было заведение училищ в Москве и в других городах, чтобы иереи и диаконы, известные умом и добрыми свойствами, наставляли там детей в грамоте и страхе Божием: учреждение тем нужнейшее, что многие священники в России едва умели тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную. Желая укоренить в сердцах истинную веру, отцы собора взяли меры для обуздания суеверия и пустосвятства: запретили тщеславным строить без всякой нужды новые церкви, а бродягам-тунеядцам келии в лесах и в пустынях; запретили также, ис-

полняя волю государя, епископам и монастырям покупать отчины без ведома и согласия царского, ибо государь благоразумно предвидел, что они могли бы сею куплею присвоить себе наконец большую часть недвижимых имений в России, ко вреду общества и собственной их нравственности. Одним словом, сей достопамятный собор по важности его предмета знаменитее всех иных, бывших в Киеве, Владимире и Москве.

К сим, можно сказать, великим намерениям Иоанна принадлежит и замысл его обогатить Россию плодами искусств чужеземных. Саксонец Шлитт[22] в 1547 году был в Москве, выучился языку нашему, имел доступ к царю и говорил с ним об успехах художеств, наук в Германии, неизвестных россиянам. Иоанн слушал, расспрашивал его с любопытством и предложил ему ехать от нас посланником в Немецкую землю, чтобы вывезти оттуда в Москву не только ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков, но и людей, искусных в древних и в новых языках, — даже феологов! Шлитт охотно взялся услужить тем государю и России; нашел императора Карла V в Аугсбурге, на сейме, и вручил ему Иоанновы письма о своем деле. Император хотел знать мнение сейма: долго рассуждали и

согласились исполнить желание царя, но с условием, чтобы Шлитт именем Иоанновым обязался клятвенно не выпускать ученых и художников из России в Турцию и вообще не употреблять их способностей ко вреду немецкой империи. Карл V дал нашему посланнику грамоту с дозволением искать в Германии людей, годных для службы царя; а Шлитт набрал более ста двадцати человек и готовился плыть с ними из Любека в Ливонию. Но все разрушилось от низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонского ордена. Они боялись нашего просвещения; думали, что Россия сделается от того еще сильнее, опаснее для соседственных держав; и своими коварными представлениями заставили императора думать так же: вследствие чего сенаторы любекские беззаконно посадили Шлитта в темницу; многочисленные сопутники его рассеялись, и долго Иоанн не знал о несчастной судьбе своего посланника, который, бежав наконец из заключения, уже в 1557 году возвратился в Москву один, без денег, с долгами и с разными легкомысленными предложениями: например, чтобы царь помогал императору людьми и деньгами в войне турецкой, дал ему аманатов (двадцать пять князей и дворян) в залог верности, обещался соединить

Церковь нашу с Латинскою, имел всегдашнего посла при дворе Карловом, основал орден для россиян и чужестранцев, нанял 6000 немецких воинов, учредил почту от Москвы до Аугсбурга и проч. Хотя благое намерение царя не исполнилось совершенно от недоброжелательства любчан и правительства ливонского, после им жестоко наказанного, однако ж многие из немецких художников, остановленных в Любеке, вопреки запрещению императора и магистра ливонского, умели тайно проехать в Россию и были ей полезными в важном деле гражданского образования.

Сие истинно царское дело совершалось под звуком оружия и побед, тогда необходимых для благоденствия России. Надлежало унять варваров, которые, пользуясь юностию венценосца и смутами бояр, столь долго свирепствовали в наших пределах, так что за 200 верст от Москвы, к югу и северо-востоку, земля была усеяна пеплом и костями россиян. Не оставалось ни селения, ни семейства целого! Чтобы начать с ближайшего, зловреднейшего неприятеля, семнадцатилетний Иоанн, пылая ревностию славы, хотел сам вести рать к Казани и выехал из Москвы в декабре месяце; но судьба искусила его твердость

неудачею. Презирая негу, он готовился терпеть в походе холод и метели, обыкновенные в сие время года, — вместо снега шел непрестанно дождь; обозы и пушки тонули в грязи. 2 февраля, когда царь, ночевав в Ельне, в 15 верстах от Нижнего, прибыл на остров Роботку, вся Волга покрылась водою: лед треснул; снаряд огнестрельный провалился, и множество людей погибло. Три дни государь жил на острове и тщетно ждал пути: наконец, как бы устрашенный худым предзнаменованием, возвратился с печалию в Москву; однако ж велел князю Димитрию Бельскому[23] идти с полками к Казани, не для ее завоевания, но чтобы нанести ей чувствительный удар. Царь Шиг-Алей[24] и другие воеводы шли из Мещеры к устью Цивили и соединились там с Бельским: Сафа-Гирей[25] ждал их на Арском поле[26], где один князь Симеон Микулинский[27] с передовою дружиною разбил его наголову и *втоптал* в город, пленив богатыря Азика и многих знатных людей. Татары отмстили нам разорением галицких сел; но костромской воевода Яковлев[28] истребил всю толпу сих хищников на берегах речки Еговки, на Гусеве поле, убив их предводителя, богатыря Арака [в октябре 1548 г.].

Недовольный сими легкими действиями на-

шей силы, Иоанн готовился к предприятию решительному: для того желал мира с Литвою, где ветхий Сигизмунд кончил дни свои, а юный его наследник Август[29] занимался более любовными, нежели государственными делами и не имел в течение пяти лет никакого сношения с Москвою. Сигизмунд умер в 1548 году. Уже срок перемирия исходил[30], а новый король молчал и даже не известил Иоанна о смерти отца. Бояре наши, князь Димитрий Бельский и Морозов, писали о том к литовским вельможам и дали им знать, что мы ждем их послов для мирного дела. В январе 1549 года воевода витебский Станислав Кишка и маршалок Комаевский приехали в Москву; вступили в переговоры о вечном мире; требовали, как обыкновенно, Новагорода, Пскова, Смоленска, городов Северских и в извинение сих нелепых предложений твердили боярам: *«Посол как мех: что в него вложишь, то и несет*. Исполняем данное нам от короля и думы повеление». Бояре ответствовали: «Итак, будем говорить единственно о перемирии». Заключили его на старых условиях. Но паны литовские не согласились внести нового царского титула в грамоту. С обеих сторон упрямились так, что послы было уехали из Москвы: их воротили и, соблюдая

перемирие, спорили о титуле. Август признавал Иоанна только великим князем, а мы с досады уже не называли Августа королем. Были и другие неудовольствия. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за наших знатных пленников, князей Федора Оболенского и Михайла Голицу[31], получил отказ и сам отказал королю в его требовании, чтобы евреи литовские могли свободно торговать в России, согласно с прежними договорами. «Нет, — отвечал Иоанн, — сии люди привозили к нам отраву телесную и душевную: продавали у нас смертоносные зелия и злословили Христа Спасителя; не хочу об них слышать». Но ни Россия, ни Литва не желали войны.

Один хан Саип-Гирей[32] грозил мечом Иоанну и был тем надменнее, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечеством, но скудную войском и беззащитную, несмотря на пышное имя царства, ею носимое. Взяв сей город, хан разорил его до основания, вывел многих жителей в Крым и считал себя законным властелином единоплеменных с ними ногаев. Он сам писал о том к Иоанну; сказывал, что кабардинцы и горные кайтаки платят ему дань; хвалился своим могуществом и говорил: «Ты был молод, а ныне уже в разуме: объяви, чего хочешь? Любви

или крови? Ежели хочешь любви, то присылай не безделицы, а дары знатные, подобно королю, дающему нам 15 000 золотых ежегодно. Когда же угодно тебе воевать, то я готов идти к Москве, и земля твоя будет под ногами коней моих». Зная, что Саип-Гирей возьмет дары, но не отступится от Казани и что война с нею должна быть и войною с Крымом, государь уже презирал гнев хана и засадил его послов в темницу, сведав, что он берет к себе московских купцов в домашнюю услугу как невольников и что в Тавриде обесчестили нашего гонца. Одним словом, мы чувствовали силу свою и надеялись управиться со всем Батыевым потомством.

В сие время (в марте 1549 года) Казань лишилась царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворце и кончил жизнь внезапно, оставив двулетнего сына именем Утемиш-Гирея[33], коего мать, прекрасная Сююнбека, дочь князя ногайского Юсуфа[34], была ему любезнее всех иных жен; вельможи возвели младенца Утемиш-Гирея на престол, но искали лучшего властителя и хотели, чтобы хан крымский дал им своего сына защитить их от россиян; а в Москву прислали гонца с письмом от юного царя, требуя мира. Иоанн ответствовал, что о мире говорят только

с послами; спешил воспользоваться мятежным безначалием Казани и велел собираться полкам: Большому в Суздале, Передовому в Шуе и Муроме, Сторожевому в Юрьеве, Правому в Костроме, Левому в Ярославле. 24 ноября сам государь выехал из Москвы в Владимир, где митрополит, благословив его, убеждал воевод служить великодушно отечеству и царю в духе любви и братства, забыть гордость и местничество, терпимое в мирные дни, а на войне преступное. Начальником в Москве остался князь Владимир Андреевич. Иоанн взял с собою меньшого брата, князя Юрия, царя Шиг-Алея и всех знатных казанских беглецов. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути от несносного холода. Государь все терпел и всех ободрял, забыв негу, роскошь двора и ласки прелестной супруги. В Нижнем Новегороде соединились полки и 14 февраля стали под Казанью: Иоанн с дворянами на берегу озера Кабана, Шиг-Алей и князь Димитрий Бельский с главною силою на Арском поле, другая часть войска — за рекою Казанкою, снаряд огнестрельный — на устье Булака и Поганом озере. Изготовили туры и приступили к городу. Дотоле государи наши не бывали под стенами сей мятежной столицы, посылая единственно воевод для наказания веро-

ломных ее жителей: тут юный, бодрый, любимый монарх сам обнажил меч; все видел, распоряжал, своим голосом и мужеством призывал воинов ко славе и победе легкой. Царь Казани был в пеленах, ее знатнейшие вельможи погибли в крамолах или передались к нам, окружали Иоанна и чрез своих тайных друзей склоняли единоземцев покориться его великодушию. 60 000 россиян стремилось к крепости деревянной, сокрушаемой ужасным громом стенобитных орудий. Но последний час для Казани еще не настал; сражались целый день. Россияне убили множество людей в городе, князя крымского Челбака и сына одной из жен Сафа-Гиреевых, но не могли овладеть крепостию. В следующие дни сделалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стреляли, лед на реках взломало, дороги испортились, и войско, не имея подвозов, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и с величайшим трудом идти назад. Отправив вперед Большой полк и тяжелый снаряд, государь сам шел за ними с легкою конницею, чтобы спасти пушки и удерживать напор неприятеля; изъявлял твердость, не унывал и, занимаясь только одною мыслию, низложением сего зловредного, ненавистного для России царства, внимательно

наблюдал места; остановился при устье Свияги, увидел высокую гору, называемую Круглою; и, взяв с собою царя Шиг-Алея, князей казанских, бояр, взъехал на ее вершину… Открылся вид неизмеримый во все стороны: к Казани, к Вятке, к Нижнему и к пустыням нынешней Симбирской губернии. Удивленный красотою места, Иоанн сказал: «Здесь будет город христианский; стесним Казань: Бог вдаст ее нам в руки». Все похвалили его счастливую мысль, а Шиг-Алей и вельможи татарские описали ему богатство, плодородие окрестных земель — и государь, в надежде на будущие успехи, возвратился в Москву с лицом веселым [25 марта 1550 г.].

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность царя, упрекали главного воеводу, князя Димитрия Бельского; говорили, что имя Бельских несчастливо в Казанских походах; рассказывали, что будто бы казанцы в своих набегах явно щадили поместья сего боярина из благодарности за его малодушие или самую измену. Он в тот же год умер, не быв, конечно, ни предателем, ни искусным полководцем, ни властолюбивым вельможею: иначе Шуйские не дали бы ему спокойно заседать в думе на первом месте, свергнув и погубив его брата, незабвенного князя Ивана[35].

Ни государь, ни войско не успели еще отдохнуть, когда пришла в Москву весть о замысле хана Саип-Гирея идти на Россию; немедленно полки двинулись к границам, и сам Иоанн осмотрел их в Коломне, в Рязани; но чрез месяц возвратился в Москву, ибо осень наступала, а неприятеля не было. Зимою вместо хана явились другие разбойники, ногайские мурзы, в Мещере и близ Старой Рязани. Воеводы Иоанновы били их везде, где находили; гнали до ворот Шацких[36]; взяли много пленников и с ними мурзу Теляка: холод истребил остальных, и едва 50 человек спаслося. За то государь милостиво угостил воевод в кремлевской набережной палате и *жаловал* всех детей боярских *великим жалованьем*.

[1551 г.] Еще казанцы надеялись обмануть Иоанна и писали к нему о мире. Ходатаем за них был князь ногайский Юсуф; тесть Сафа-Гирея, властитель, знаменитый умом и силою, так что султан турецкий писал к нему ласковые грамоты, называя его *князем князей*. Юсуф хотел выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шиг-Алея, чтобы согласить волю Иоаннову с желанием народа казанского; представлял суету мира и земного величия, ссылался на Алкоран и на Евангелие, убеждая государя не проливать крови и быть

ему истинным другом; винил умершего зятя в неверности, кровопийстве; винил и казанских чиновников в духе мятежном, но стоял за дочь и за внука. Иоанн сказал, что объявит условия мира, если казанцы пришлют в Москву пять или шесть знатнейших вельмож и, не теряя времени, в самом начале весны, после многих совещаний с думными боярами и с казанскими изгнанниками, после торжественного молебствия в церквах, приняв благословение от митрополита, отпустил Шиг-Алея с пятьюстами знатных казанцев и с сильным войском к устью Свияги, где надлежало им *во имя Иоанново* поставить город, для коего стены и церкви, срубленные в лесах углицких, были посланы на судах Волгою. Князь Юрий Михайлович Булгаков[37] и Симеон Иванович Микулинский, дворецкий Данило Романович Юрьев[38] (брат царицы), конюший Иван Петрович Федоров, бояре Морозов и Хабаров, князья Палецкий и Нагаев[39] предводительствовали московскою ратию. Из Мещеры вышел князь Хилков[40], из Нижнего Новагорода — князь Петр Серебряный-Оболенский[41], из Вятки — Бахтеяр Зюзин с стрельцами и козаками. Отняли у неприятеля все перевозы на Волге и Каме, все сообщения. Князь Серебряный первый распу-

стил знамя на Круглой горе 16 мая, при закате солнца; отпел там вечернюю молитву и рано, 18 мая, нечаянно ударил на посад казанский: истребив около тысячи сонных людей, более ста князей, мурз, знатных граждан, освободил многих пленников российских, возвратился к устью Свияги и ждал главного войска. Оно прибыло на судах 24 мая и, радостными кликами приветствуя землю, которой надлежало быть *новою Россиею,* с торжеством вышло на берег, где полки князя Серебряного-Оболенского стояли в рядах и показывали братьям свои трофеи. Густой лес осенял гору; оставив мечи, воины взяли секиры, и в несколько часов ее вершина обнажилась. Назначили, размерили место, обошли вокруг оного с крестами, святили воду, основали стены, церковь во имя Рождества Богоматери и св. Сергия[42] и в четыре недели совершили город Свияжск, к изумлению окрестных жителей, которые, видя сию грозную твердыню над главою ветхого Казанского царства, смиренно просили Шиг-Алея взять их под державу Иоаннову. Вся Горная сторона — чуваши, мордва, черемисы — идолопоклонники финского племени, некогда завоеванные татарами и не привязанные к ним ни единством веры, ни единством языка, — послали своих знат-

ных людей в Москву, дали клятву в верности к России, получили от царя жалованную грамоту с золотою печатию, были приписаны к новому городу Свияжскому и на три года освобождены от *ясаков*, или дани. Чтобы удостовериться в их искренности, Иоанн велел им воевать Казань; они не смели ослушаться, собралися и, перевезенные в российских судах на Луговую сторону, в присутствии наших чиновников имели битву с казанцами среди поля Арского: хотя, рассеянные пушечными выстрелами, бежали в беспорядке, однако ж, не доказав храбрости, доказали по крайней мере свою верность. Их князья, мурзы и сотники в течение сего лета непрестанно ездили в Москву; обедали во дворце и, награждаемые шубами, тканями, доспехами, конями, деньгами, славили милость царя и хвалились новым отечеством. Государь сыпал тогда серебро и золото, не жалея казны для исполнения великих намерений. Довольный успехом воевод, он прислал к Шиг-Алею множество золотых медалей, чтобы раздать оные войску.

Между тем ужас и смятение господствовали в Казани, где не было ни двадцати тысяч воинов. Подданные изменяли ей, князья и мурзы тайно уходили к Шиг-Алею, а россияне опустошали ее

ближайшие села и никого не пускали в город: от устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престоле Казанском играл невинный, бессловесный младенец; вдовствующая царица Сююнбека то плакала над ним, то веселилась с своим любовником, крымским уланом Кощаком, ненавистным народу; граждане укоряли вельмож, вельможи друг друга. Казанские чиновники желали покориться Иоанну; крымские гнушались сим малодушием; ждали войска из Тавриды, из Астрахани, из ногайских улусов — и надменный Кощак, гремя саблею, обещал победу царице: пишут, что он думал жениться на ней, умертвить ее сына и быть царем. Но сделался бунт: крымцы, видя, что народ готов выдать их московским воеводам, бежали, числом более трехсот, князей и сановников. Они не могли спастися, везде находили россиян и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кощак и сорок пять знатнейших его единоземцев были взяты в плен и казнены в Москве.

Тогда казанцы, немедленно заключив перемирие с нашими воеводами, отправили послов к Иоанну: молили, чтобы он снова дал им Шиг-Алея в цари; обязывались прислать к нему младенца Утемиш-Гирея, царицу Сююнбеку, жен и детей,

оставленных у них крымцами; хотели также освободить всех российских пленников. Иоанн согласился, вспомнив осторожную политику своего деда, которая состояла в том, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять в нем силы, губить его без спеха, но верно, зависеть от случая как можно менее, беречь людей как можно более и в неудачах войны оправдываться ее необходимостию. Но дед Иоаннов, наблюдая умеренность, наблюдал и другое правило: *удерживать взятое*. Послав Адашева к воеводам, чтобы исполнить условия мира и объявить Шиг-Алея царем казанским, он велел отдать ему единственно Луговую сторону, а Горную, завоеванную мечом России, приписать к Свияжску. Сия мысль разделить владения Казани огорчила и народ ее, и самого Шиг-Алея. «Что ж будет мое царство? — говорил он. — Могу ли требовать любви от подданных, уступив России знатную часть земли их?» Воеводы ответствовали, что так угодно Иоанну. Тщетно казанцы думали лукавствовать, отрицались от условий, не хотели выдать ни царицы, ни пленников. Воеводы сказали им решительно: «Или они будут в руках наших, или государь в начале осени будет здесь с огнем и мечом для истребления вероломных». Надлежало повиноваться,

и казанцы известили Шиг-Алея, что царица с сыном уже едет в Свияжск.

Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнав, что сию несчастную как пленницу выдают государю московскому. Не укоряя ни вельмож, ни граждан, Сююнбека жаловалась только на судьбу: в отчаянии лобызала гроб Сафа-Гиреев и завидовала его спокойствию. Народ печально безмолвствовал: вельможи утешали ее и говорили, что Иоанн милостив; что многие цари мусульманские служат ему; что он изберет ей достойного между ими супруга и даст владение. Весь город шел за нею до реки Казанки, где стояла богато украшенная ладия. Сююнбека тихо ехала в колеснице; пестуны несли ее сына. Бледная, слабая, она едва могла сойти на пристань и, входя в ладию, с умилением поклонилась народу, который пал ниц, горько плакал, желал счастия бывшей своей царице. Князь Оболенский встретил ее на берегу Волги, приветствовал именем государя и повез на судах в Москву с Утемиш-Гиреем и с семействами знатных крымцев.

Так исполнилось первое условие мира: воеводы требовали еще свободы наших пленников и присяги всех казанцев в верности к России; назначили день и стали у Казани, от Волги до

Царева луга. Алей послал своих вельмож в город, чтобы очистить дворец, и ночевал в шатре. В следующее утро все сановники и граждане собрались на лугу: выслушали написанную для них клятвенную грамоту; благодарили Иоанна за данного им царя, но долго не хотели уступить Горной стороны. «И вы думаете, — сказали бояре, — что Иоанн, подобно вам, легкомыслен? Взгляните на устье Свияги: там город христианский! Жители окрестных земель торжественно поддалися нам и воевали Казань: могут ли снова принадлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится». Наконец *шертные* грамоты были утверждены печатию царскою и подписью всех знатных людей. Народ присягал три дни, толпа за толпою. Шиг-Алей въехал в столицу. Бояре, князь Юрий Булгаков и Хабаров посадили его на трон — и двор царский наполнился российскими пленниками, из коих многие лет двадцать страдали в неволе. Алей объявил им свободу; они едва верили своему счастию; обливались слезами, воздевали руки к небу, славили Бога. «Иоанн царствует в России! — говорили им бояре. — Идите в отечество и впредь уже не бойтесь плена!» В Свияжске наделили их всем нужным, одеждою, съестными припасами и послали Вол-

гою вверх числом 60 000, кроме жителей вятских и пермских, отправленных иным путем. «Никогда, — пишут современники, — Россия не видала приятнейшего зрелища: то был новый исход Израиля!» Освобождение столь многих людей, основание Свияжска, взятие знатной части казанских владений и воцарение Алея не стоили Иоанну ни одного человека: россияне везде гнали, били неприятелей в маловажных встречах, на берегах Камы, Волги и только их кровию обагрялись. Князь Булгаков поехал к государю с счастливою вестию. Боярин Данило Романович и князь Хилков также возвратились. Хабаров с пятьюстами московских стрельцов остался у Шиг-Алея, а князь Симеон Микулинский, муж, известный умом и храбростию, — в Свияжске.

Еще Казань тишиною и верностию к России могла бы продлить бытие свое в виде особенного мусульманского царства, но рок стремил ее к падению. Напрасно Иоанн изъявлял милость и ласку к ее царю и вельможам; дарил первого богатыми одеждами, сосудами, деньгами — также и царицу его, одну из бывших жен Сафа-Гиреевых; дарил и всех знатных казанцев, предостерегал их от гибельных следствий новой измены. Шиг-Алей непрестанно докучал ему о Горной стороне,

желая, чтобы он возвратил хотя половину или часть ее, и, недовольный решительными отказами, равнодушно видел, что казанцы укрывают еще многих пленников российских, сажают в ямы, заключают в цепи; не хотел никого наказывать за то и говорил нашим сановникам: «Боюсь мятежа!» Но, сведав, что некоторые вельможи, по старому обычаю, втайне крамольствуют, пересылаются с ногаями, замышляют убить его и всех россиян, Алей не усомнился прибегнуть к жестоким мерам: дал пир во дворце и велел резать гостей, уличенных или только подозреваемых в измене; одних умертвили в его столовой комнате, других на дворе царском, всего семьдесят человек, самых знатнейших; палачами служили собственные Алеевы князья и стрельцы московские. Два дни лилась кровь: народ оцепенел; виновные и невинные разбежались от страха.

[1552 г.] Сие ужасное происшествие открыло Иоанну необходимость искать новых способов для усмирения Казани. Он послал туда Адашева, который объявил Алею, что государь не может долее терпеть злодейств казанских; что время успокоить сие несчастное царство и Россию; что московские полки вступят в его столицу, защитят царя и народ, утвердят их и нашу безопасность.

«Вижу сам, — ответствовал Алей с горестию, — что мне нельзя здесь царствовать: князья и народ ненавидят меня; но кто виною? Пусть Иоанн отдаст нам Горную сторону, тогда поручусь за верность Казани; иначе добровольно схожу со трона и еду к государю, не имея другого убежища в свете. Но я мусульманин и не введу сюда христиан; впрочем, могу оказать вам услугу, если государь удостоверит меня в своей милости: до отъезда моего из Казани погублю остальных злых вельмож, испорчу весь снаряд огнестрельный и приготовлю легкую для вас победу». С сим ответом Адашев возвратился в Москву, где находились послы казанские, Муралей-князь, Костров, Алимердин, личные неприятели Шиг-Алея. Угадывая мысль государеву, они — или с общего согласия единоземцев своих, или сами собою — донесли Иоанну, что их царь есть кровожадный убийца и наглый грабитель; что Казань желает единственно избавиться от тирана и готова *повиноваться наместнику московскому*. «Если не исполнишь воли народа, — сказали послы, — то откроется бунт, неминуемо и скоро. Удали бедствие; удали ненавистного злодея. Пусть россияне займут нашу столицу: мы выедем в предместия или в села; хотим во всем зависеть от воли твоей; будем тебе

усердными слугами; а если обманем, то наши головы да падут в Москве!» Не теряя времени, Иоанн снова послал Адашева в Казань, чтобы *свести царя с престола в угодность народу,* обещал Алею милость и жалованье, требуя, чтобы он без сопротивления впустил наше войско в город. Тут Алей вторично изъявил благородную твердость. «Не жалею о престоле, — говорил он Адашеву, — я не мог или не умел быть на нем счастлив. Самая жизнь моя здесь в опасности. Повинуюсь государю: да не требует только, чтобы я изменил правоверию. Возьмите Казань, но без меня; возьмите силою или договором, но не из рук моих». Ни ласкою, ни угрозами Адашев не мог склонить его к тому, чтобы он сдал царство наместнику государеву. Тайно заколотив несколько пушек и пищали с порохом отправив в Свияжск, Алей выехал ловить рыбу на озеро со многими уланами и князьями; велел московским стрельцам окружить их и сказал сим изумленным чиновникам: «Вы думали убить меня, обносили в Москве, не хотели иметь царем и требовали наместников от Иоанна: станем же вместе пред его судилищем!» Алей приехал с ними в Свияжск.

Тогда князь Симеон Микулинский, назначенный управлять Казанью, дал знать ее жителям,

что воля их исполнилась; что Алей сведен с царства и что они должны присягнуть государю московскому. Казанцы соглашались, желали только, чтобы Микулинский отпустил к ним двух свияжских князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными России, могли бы успокоить народ своим ручательством в Иоанновой милости. Сии князья поехали туда с нашими чиновниками. Тишина царствовала в Казани. Вельможи, граждане и самые сельские жители дали клятву в верности; очистили дворы для наместника и войска; прислали в Свияжск жену Шиг-Алееву; звали князя Микулинского: встретили его на берегу Волги и били ему челом как усердные *холопи* государевы. Он шел с полками. Воеводы уже отправили легкий обоз в Казань и готовились с торжеством вступить в ее стены. Без важных усилий, без кровопролития Иоанн приобретал знаменитое царство: брался, так сказать, рукою за венец оного… Вдруг все переменилось.

Трое из вельмож казанских, отпущенные князем Микулинским в город к их семействам, возмутили народ ложною вестию, что россияне идут к ним с намерением истребить всех жителей. Распространился ужас, сделалось общее смятение; затворили крепость; начали воору-

жаться. Многие князья старались разуверить народ, представляя, что бояре Иоанновы торжественно клялись не трогать ни одного человека ни в городе, ни в селах; обещались властвовать по законам, без насилия; оставить все как было. Их не слушали и кричали, что клятва бояр есть обман; что сам Алей за тайну сказывал то своим ближним людям. Узнав о сем волнении, князь Микулинский, Оболенский, Адашев оставили войско на Булаке и с малочисленною дружиною подъехали к городу: *ворота Царские* были заперты, а стены покрыты людьми вооруженными. Вышли некоторые чиновники, извиняли народ, обещались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никак не хотели впустить россиян, захватили наш обоз, многих детей боярских и приказывали грубые речи к московским воеводам, которые узнали, что князь Чапкун, посланный ими в лице усердного слуги государева из Свияжска в Казань для успокоения жителей, обманул нас и сделался там главою мятежников. Воеводы ночевали в предместии. Видя, что все убеждения бесплодны, они могли бы обратить его в пепел и осадить город, но ждали государева указа; мирно отступили к Свияжску, заключили всех бывших с ними казанских сановников в тем-

ницу и немедленно отправили в Москву боярина Шереметева[43] с донесением о сей новой измене. Она была последнею.

Глава IV
Продолжение государствования Иоанна IV. Год 1552

24 марта узнал государь о происшествиях казанских: велел Шиг-Алею ехать в Касимов, а шурину своему, Данилу Романовичу, идти с пехотною дружиною в Свияжск, объявив в торжественном заседании думы, что настало время сразить главу Казани. «Бог видит мое сердце, — говорил он, — хочу не земной славы, а покоя христиан. Могу ли некогда без робости сказать Всевышнему: *се я и люди, Тобою мне данные*, если не спасу их от свирепости вечных врагов России, с коими не может быть ни мира, ни отдохновения?» Бояре хвалили решительность Иоаннову, но советовали ему остаться в Москве и послать воевод на Казань, «ибо Россия имеет не одного врага: если крымцы, ногаи в отсутствие государя нападут на ее пределы, кто защитит оные?» Иоанн ответствовал, что возьмет меры для безопасности государства и *пойдет на свое дело*. Велели собираться войску из дальних мест в Коломне и Кошире, из ближайших в Муроме.

Князья Александр Борисович Горбатый[44] и Петр Иванович Шуйский должны были вести московские полки в Нижний Новгород, Михайло Глинский — расположиться станом на берегах Камы с детьми боярскими, стрельцами, козаками, устюжанами и вятчанами, а свияжские воеводы — занять легкими отрядами перевозы на Волге и ждать Иоанна.

Готовясь к знаменитому подвигу, юный царь мог быть уверен в миролюбии западных держав соседственных. Швеция и Ливония не требовали ничего, кроме свободной у нас торговли. С королем польским мы спорили о титуле и землях Себежских[45]; грубили словами друг другу, но с обеих сторон удалялись от войны. Август оказал даже ласку Иоанну и, не хотев прежде за деньги освободить князя Михайла Булгакова-Голицу, освободил его даром; прислал в Москву вместе с другим сановником, князем Селеховским[46], и писал к царю: «Думая, что мы обязаны уважать верность не только в своих, но и в чужих слугах, умирающих за государя, даю свободу великому воеводе отца твоего. Все иные знатные пленники московские, взятые нами в славной Оршинской битве, уже во гробе». Царь изъявил Августу искреннюю благодарность и с живейшею любовию

принял старца Булгакова, 38 лет страдавшего в неволе; выслал ему богатую шубу, украсил его грудь золотою медалью, обнялся с ним как с другом. Изнуренный долговременным несчастием, утомленный дальним путем, старец не мог обедать с государем: плакал и благословлял милостивого державного сына Василиева.

Не опасаясь ничего со стороны образованных держав европейских, Иоанн тем более занимался безопасностию наших юго-восточных пределов. Две вновь построенные крепости — Михайлов на Проне, Шатск на Цне — служили оградою для Рязани и Мещеры. Но важнейшим страшилищем для варваров и защитою для России между Азовским и Каспийским морем сделалась новая воинственная республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь европейских с азиатскими чертами; людей, неутомимых в ратном деле, природных конников и наездников, иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои, — говорим о славных донских козаках, выступивших тогда на феатр истории. Нет сомнения, что они же назывались прежде *азовскими,* которые в течение XV века ужасали

всех путешественников в пустынях харьковских, воронежских, в окрестностях Дона; грабили московских купцов на дороге в Азов, в Кафу; хватали людей, посылаемых нашими воеводами в степи для разведывания о ногаях или крымцах, и беспокоили набегами Украйну. Происхождение их не весьма благородно: они считались российскими беглецами; искали дикой вольности и добычи в опустевших улусах Орды Батыевой, в местах ненаселенных, но плодоносных, где Волга сближается с Доном и где издавна был торговый путь из Азии в Северную Европу; утвердились в нынешней своей области; взяли город Ахас, назвали его, думаю, *Черкасским,* или Козачьим (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себе жен, как вероятно, из земли Черкесской и могли сими браками сообщить детям нечто азиатское в наружности. Отец Иоаннов жаловался на них султану как государю Азовской земли; но козаки гнушались зависимостию от магометанского царства, признали над собою верховную власть России — и в 1549 году вождь их Сарыазман[47], именуясь подданным Иоанна, строил крепости на Дону: они завладели сею рекою до самого устья, требовали дани с Азова, воевали ногаев, Астрахань, Тавриду; не щадили и турков; обязывались

служить вдали бдительною стражею для России, своего древнего отечества, и, водрузив знамение креста на пределах Оттоманской империи, поставили грань Иоанновой державы в виду у султана, который доселе мало занимался нами, но тут открыл глаза, увидел опасность и хотел быть деятельным покровителем северных владений магометанских. В Тавриде господствовал новый хан Девлет-Гирей, племянник умершего или сверженного Саипа[48]: он взялся спасти Казань. Послы Солимановы[49] убеждали князей ногайских, Юсуфа и других, соединиться под хоругвию Магомета, чтобы обуздать наше властолюбие. «Отдаление, — писал к ним султан, — мешает мне помогать Азову и Казани. Заключите тесный союз с ханом крымским. Я велел ему отпустить всех астраханских жителей в их отечество, мною восстановляемое. Немедленно пришлю туда и царя; дам главу и Казани из рода Гиреев; а до того времени будьте ее защитниками». Но сии князья, находя выгоды в торговле с Россиею, не хотели войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азии, возникала на развалинах: в ней властвовал Ямгурчей[50], он вызвался быть усердным слугою Иоанновым, и чиновник московский поехал к нему для договора. Царевич

астраханский Кайбула, сын Аккубеков, женился в России на племяннице Шиг-Алея, дочери Еналеевой, получив город Юрьев во владение. Опасаясь единственно хана крымского, Иоанн ждал вестей об его движениях и, собирая войско, готовился иметь дело с двумя неприятелями: с Казанью и Тавридою.



Царь Иоанн IV Васильевич Грозный

Между тем мятежники казанские, послав ис-

кать себе царя в ногайских улусах, взволновали Горную сторону; к несчастию, открылась весною ужасная болезнь в Свияжске, цинга, от коей множество людей умирало. Воеводы были в унынии и в бездействии, а казанцы тем деятельнее: отчасти силою, отчасти убеждениями они заставили всех своих бывших подданных отложиться от России. Государь велел князьям Горбатому и Шуйскому спешить туда с полками из Нижнего Новагорода; но печальные вести одна за другою приходили в Москву: болезнь усиливалась в Свияжске; горные жители, действуя как неприятели, отгоняли наши табуны; казанцы побеждали россиян в легких сшибках, умертвив всех детей боярских и козаков, захваченных ими в плен. Воеводы знали, что астраханский царевич Едигер Магмед[51] едет из ногайских улусов с 500 воинов: стерегли и не умели схватить его на пути; он приехал в Казань и сел на ее престоле, дав клятву быть неумолимым врагом России.

В то же время Иоанн, к прискорбию своему, узнал, что не одна телесная, но и душевная зараза господствует в Свияжске, наполненном людьми военными, которые думали, что они вне России, следственно и вне закона, и среди ужасов смерти предавались необузданному, самому гнусному

любострастию. Исполняя волю Иоаннову, митрополит послал туда умного архангельского протоиерея Тимофея с святою водою, с наставлением словесным и письменным к начальникам и ко всем воинам. «Милостию Божиею, мудростию нашего царя и вашим мужеством, — писал он, — твердыня христианская поставлена в земле враждебной. Господь дал нам и Казань без кровопролития. Мы благоденствуем и славимся. Литва, Германия ищут нашего дружества. Чем же можем изъявить признательность Всевышнему? Исполнением его заповедей. А вы исполняете ли их? Молва народная тревожит сердце государево и мое. Уверяют, что некоторые из вас, забыв страх Божий, утопают в грехах Содома и Гоморры; что многие благообразные девы и жены, освобожденные пленницы казанские, оскверняются развратом между вами; что вы, угождая им, *кладете бритву на брады свои* и в постыдной неге стыдитесь быть мужами. Верю сему, ибо Господь казнит вас не только болезнию, но и срамом. Где ваша слава? Быв ужасом врагов, ныне служите для них посмешищем. Оружие тупо, когда нет добродетели в сердце; крепкие слабеют от пороков. Злодейство восстало; измена явилась, и вы уклоняете щит пред ними! Бог,

Иоанн и Церковь призывают вас к раскаянию. Исправьтесь, или увидите гнев царя, услышите клятву церковную».

Государь то присутствовал в думе, то смотрел полки и снаряд огнестрельный, изъявляя нетерпение выступить в поле. Боярин князь Иван Федорович Мстиславский[52] и князь Михайло Иванович Воротынский[53], названный тогда в знак особенной к нему милости Иоанновой *слугою государевым*, пошли с главною ратию в Коломну. Передовую дружину вели князья Иван Пронский-Турунтай и Дмитрий Хилков, Правую Руку — боярин князь Петр Щенятев[54] и князь Андрей Михайлович Курбский, Левую — князь Дмитрий Микулинский[55] и Плещеев[56], стражу — князь Василий Оболенский-Серебряный[57] и Симеон Шереметев[58], а собственную царскую дружину — князь Владимир Воротынский[59] и боярин Иван Шереметев. Уже полки стояли от Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда с запасами и пушками к Нижнему Новугороду, но в царском Совете было еще несогласие: многие думали, что лучше идти на Казань зимою, нежели летом; так в особенности мыслил Шиг-Алей: Иоанн призвал его из Касимова в Москву, осыпал милостями, дал ему несколько сел в Мещере и дозволил женить-

ся на вдове Сафа-Гиреевой, царице Сююнбеке. Будучи не способен к ратному делу ни духом слабым, ни телом чрезмерно тучным, Алей славился умом основательным. «Казань, — говорил он, — заграждена лесами, озерами и болотами: зима будет вам мостом». Иоанн не хотел ждать и, сказав: «Войско готово, запасы отправлены, и с Божиею помощию найдем путь к доброй цели», решился ехать немедленно в стан коломенский.

16 июня государь простился с супругою. Она была беременна: плакала, упала к нему в объятия. Он казался твердым; утешал ее; говорил, что исполняет долг царя и не боится смерти за отечество; поручил Анастасию Богу, а ей всех бедных и несчастных; сказал: «Милуй и благотвори без меня; даю тебе волю царскую; отворяй темницы; снимай опалу с самых виновных по твоему усмотрению, и Всевышний наградит меня за мужество, тебя за благость». Анастасия стала на колена и вслух молилась о здравии, о победе, о славе супруга; укрепилась душою и в последнем нежном целовании явила пример необыкновенного в юной жене великодушия. Государь пошел в церковь Успения: долго молился; просил митрополита и епископов быть ревностными ходатаями за Россию пред Богом,

утешителями Анастасии и советниками брата его Юрия, который оставался главою Москвы. Святители, бояре, народ, проливая слезы, обнимали государя. Вышедши из церкви, он сел на коня и с дружиною царскою поехал в Коломенское, где обедал с боярами и воеводами; был весел, ласков; хотел ночевать в любимом селе своем Острове и на сем пути встретил гонца с вестию из Путивля, что крымцы густыми толпами идут от Малого Дона Северского к нашей Украйне. Не знали, кто предводительствует ими: хан или сын его. Государь не оказал ни малейшего беспокойства; ободрял всех бывших с ним чиновников и говорил им: «Мы не трогали хана; но если он вздумал поглотить христианство, то станем за отечество: у нас есть Бог!» Иоанн спешил в Коломну, взяв с собою князя Владимира Андреевича, коего он хотел было отпустить назад в Москву из Острова.

В Коломне ожидали государя новые вести: крымцы шли к Рязани. Иоанн немедленно сделал распоряжение: велел стать Большому полку у Колычева, Передовому — у Мстиславля, а Левой Руке — близ Голутвина; советовался с Шиг-Алеем; отправил его в Касимов; вместе с князем Владимиром Андреевичем осмотрел войско на берегах Оки; говорил речи сановникам и рядовым; восхи-

щал их своею милостию, одушевлял бодростию и везде слышал восклицания: «Мы готовы умереть за веру и за тебя, царя добродетельного!» Избрав место для битвы, он возвратился в Коломну и написал в Москву к царице и к митрополиту, что ждет хана без ужаса, надеясь на благость Всевышнего, на их молитву и на мужество войска; что храмы в Москве должны быть отверсты, а сердца спокойны.

21 июня получили в Коломне известие, что крымцы явились близ Тулы. Воеводы, князья Щенятев, Курбский, Турунтай, Хилков, Воротынский, спешили к сему городу; но узнали, что неприятель был там в малых силах, ограбил несколько деревень и скрылся. 23 июня, когда Иоанн сидел за обедом, прискакал гонец от князя Григория Темкина[60], наместника тульского, писавшего к царю: «Хан здесь — осаждает город, — имеет много пушек и янычар султанских». Иоанн в ту же минуту велел царской дружине выступить из Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушал молебен в церкви Успения, принял благословение от епископа Феодосия и выехал на коне в поле, где войско в необозримых рядах блистало, гремело оружием — двинулось вперед с радостным кликом и *шло на битву, как на потеху*.

Летописцы не сказывают числа, говоря только, что вся Россия казалась там ополченною, хотя в Свияжске, в Муроме находилось еще другое, сильное войско, а коломенское состояло единственно из дворян, *жильцов* или отборных детей боярских, из новгородцев и прочих северных жителей. Ввечеру уже многие полки были за Окою и сам Иоанн приближался к Кошире. Тут новый гонец от князя Темкина донес ему, что Тула спасена. 22 июня, в первом часу дня, хан приступил к городу, стреляя из пушек огненными ядрами: домы загорелись, и янычары кинулись на стены. Тула для защиты своей не имела воинов, отправив их всех на службу государеву; но имела бодрого начальника и великодушных граждан: одни тушили огонь, другие бились мужественно, и янычары не могли взять крепости. Хан отложил приступ до следующего утра, а ночью удалился, сведав, что сильные полки идут от Коширы. Граждане тульские стояли на стенах всю ночь; при свете зари увидели бегство татар; увидели с другой стороны пыль столбом и, воскликнув: «Государь, государь спешит к нам!» — устремились вслед за неприятелем; взяли его снаряд огнестрельный; убили многих людей и шурина ханского, князя Камбирдея; самые жены и дети помогали им. То-

гда пришли воеводы, князья Щенятев, Курбский, и стали на том месте, где были шатры ханские. Обрадованный сим успехом, Иоанн дал отдохнуть войску и ночевал под Коширою.

На другой день он получил еще приятнейшую весть: Щенятев и Курбский, имея только 15 000 воинов, разбили 30 000 или более неприятелей, которые злодействовали в окрестностях Тулы, не знали о бегстве хана, шли к нему и встретили россиян. В сей жестокой битве князь Андрей Курбский, вождь-юноша, ознаменовался славными ранами: ему иссекли голову и плеча. Воеводы гнали татар и, на берегах речки Шевороны[61] одержав новую победу над ними, освободили множество россиян. Хан оставил нам в добычу обоз и целые табуны вельблюдов; а пленники объявили, что он шел на Москву, считая государя под Казанью; узнав же о сильном Иоанновом ополчении, хотел по крайней мере взять Тулу, чтобы с меньшим стыдом бежать восвояси. Легкие отряды наши топтали крымцев до самых степей.

Иоанн возвратился в Коломну, известил царицу, брата, митрополита о славном изгнании врага и послал в Москву трофеи: пушки неприятельские, вельблюдов, пленников, чтобы обрадовать столицу свидетельством нашей победы; а сам рас-

порядил поход к Казани двумя путями, объявив, что дружина царская, Левая Рука и Запасный полк должны идти с ним на Владимир и Муром, главные же воеводы — на Рязань и Мещеру, чтобы сойтися с государем в поле за Алатырем. В войске сделался ропот: новгородцы, дети боярские, жаловались, что царь не дает им отдохновения; что они уже несколько месяцев на службе и в трудах; что им невозможно вынести дальнего похода, для коего не имеют ни сил, ни денег. Иоанн весьма огорчился; но, скрыв досаду, велел переписать воинов усердных, желающих служить отечеству, и тех, которые по лености или неспособности отказываются от славы участвовать в великом подвиге. «Первые, — говорил он, — будут мне любезны как дети; хочу знать их нужды и все разделю с ними. Другие же могут остаться: мне не надобно малодушных!» Сии слова произвели удивительное действие. Все сказали в один голос: «Идем, куда угодно государю, а после он увидит нашу службу и не оставит бедных». Самые беспоместные дети боярские молчали о своих недостатках в надежде на будущую милость государеву.

3 июля тронулось все войско. Иоанн с отменным усердием молился пред иконою Богоматери,

которая была с Димитрием Донским в Мамаевой битве и стояла в коломенском храме Успения[62]. На пути он с умилением лобызал гроб древнего героя России Александра Невского и благословил память святых муромских угодников, князя Петра и княгини Февронии. В Владимире донесли ему из Свияжска, что болезнь там прекратилась; что войско одушевлено ревностию; что князья Микулинский, Серебряный и боярин Данило Романович ходили на мятежников Горной стороны, смирили многих и новою клятвою обязали быть верными подданными России. В Муроме уведомили государя из Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидение; что духовенство и народ непрестанно молят Всевышнего о здравии царя и воинства. Митрополит писал к Иоанну с ласкою друга и с ревностию церковного учителя. «Будь чист и целомудрен душою, — говорил он, — смиряйся в славе и бодрствуй в печали. Добродетели царя спасительны для царства». И государь, и воеводы читали сию грамоту с любовию. «Благодарим тебя, — ответствовал Иоанн митрополиту, — за пастырское учение, вписанное у меня в сердце. Помогай нам всегда наставлением и молитвою. Идем далее. Да сподобит нас Господь возвратить-

ся с миром для христиан!» Он не терял ни часа в бездействии: пеший и на коне смотрел полки, людей, оружие; велел расписать детей боярских на сотни и выбрать начальника для каждой из воинов, знатнейших родом; отпустил Шиг-Алея в судах к Казани с князем Петром Булгаковым[63] и стрельцами; послал дружину ядтоульную[64] наводить мосты и 20 июля, вслед за войском переехав Оку, ночевал в Саканском лесу, на реке Велетеме, в 30 верстах от Мурома. Второй стан был на Шилекше, третий под Саканским городищем[65]. Князья касимовские и темниковский присоединились к войску с своими дружинами, татарами и мордвою. Августа 1-го государь святил воду на реке Мяне[66]. В следующий день войско переправилось за Алатырь и 4 августа с радостию увидело на берегах Суры полки князей Мстиславского, Щенятева, Курбского, Хилкова. Обе многочисленные рати шли дремучими лесами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. «Мы не имели запасов с собою, — пишут очевидцы, — везде природа до наступления поста готовила для нас изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились в реках, птицы сами падали на землю пред нами».

Тут, у Борончеева городища[67], ждали царя по-

слы свияжские и черемисские с донесением, что весь правый берег Волги ему повинуется в тишине и мире. Мятежники раскаялись, и царь в знак милости обедал с их старейшинами. Они клялися загладить вину свою: очистили путь для войска в местах тесных; навели мосты на реках; хотели усердно служить нам мечом под Казанью. 6 августа Иоанн на речке Кивате слушал литургию и причастился Святых Тайн. 11 августа воеводы свияжские встретили государя с конницею и пехотою; они шли тремя полками: в первом князь Александр Горбатый и вельможа Данило Романович; во втором князья Симеон Микулинский и Петр Серебряный-Оболенский с детьми боярскими; в третьем козаки и горные жители, черемисы с чувашами. Царь приветствовал и воевод, и воинов, числом более двадцати тысяч; звал их к руке; говорил с ними; хвалил за устройство и мужество; угостил всех на лугу Бейском[68]: сановники, рядовые обедали под наметами шатров. Время и места были прекрасные; с одной стороны являлись глазам зеленые равнины, холмы, рощи, леса темные; с другой — величественная Волга с дикими утесами, с картинными островами, за нею необозримые луга и дубравы. Изредка показывались селения

чувашские в крутизнах и в ущельях. Жители давали нам хлеб и мед: сам государь в постное время не имел иной вкуснейшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселие господствовали в стане[69].

Августа 13-го открылся Свияжск: с любопытством и с живейшим удовольствием царь увидел сей юный, его велением созданный град, знамение победы и торжества христиан в пределах зловерия. Духовенство с крестами, князь Петр Шуйский и боярин Заболоцкий[70] с воинскою дружиною приняли Иоанна в вратах крепости. Он пошел в соборную церковь: там диаконы пели ему многолетие, а бояре поздравляли его как завоевателя и просветителя земли Свияжской. Осмотрев крепость, богатые запасы ее, красивые улицы, домы, государь изъявил благодарность князю Симеону Микулинскому и другим начальникам; любовался живописными видами и говорил вельможам, что нет в России иного столь счастливого местоположения. Для него изготовили дом. «Мы в походе», — сказал Иоанн, сел на коня, выехал из города и стал в шатрах на лугу Свияги.

Войско, утружденное путем, надеялось отдохнуть среди изобилия и приятностей сего нового

места, куда съехалось множество купцов из Москвы, Ярославля, Нижнего со всякими товарами; суда за судами входили в пристань; берег обратился в гостиный двор: на песке, в шалашах раскладывались драгоценности европейской и азиатской торговли. Люди знатные и богатые нашли там свои запасы, доставленные Волгою. Все были *как дома*: могли вкусно есть и пить, угощать друзей и роскошествовать… Но Иоанн, призвав Шиг-Алея, князя Владимира Андреевича и всех думных советников, положил с ними немедленно идти к Казани. Алей, будучи родственником ее нового царя Едигера, взялся написать к нему убедительную грамоту, чтобы он не безумствовал в надменности, не считал себя равносильным великому монарху христианскому, смирился и приехал в стан к Иоанну без всякой боязни. Написали и к вельможам казанским, что государь желает не гибели их, а раскаяния; что если они выдадут ему виновников мятежа, то все иные могут быть спокойны под его счастливою державою. Сии грамоты были посланы с татарином 15 августа, а в следующий день войско уже начало перевозиться за Волгу.

Приступая к описанию достопамятной осады казанской, заметим, что она, вместе с Мамае-

вою битвою, до самых наших времен живет в памяти народа как славнейший подвиг древности, известный всем россиянам, и в чертогах, и в хижинах. Два обстоятельства дали ей сию чрезвычайную знаменитость: она была *первым* нашим правильным опытом в искусстве брать укрепленные места, и защитники ее показали мужество удивительное, редкое, отчаяние истинно великодушное, так что победу купили мы весьма дорогою ценою. Быв готовы мирно поддаться Иоанну, чтобы избавиться от лютости Шиг-Алеевой, они в течение пяти месяцев имели время размыслить о следствиях. Казань с наместником Иоанновым уже существовала бы единственно как город московский. Ее вельможи и духовенство предвидели конечное падение их власти и веры; народ ужаснулся рабства. В душах вспыхнула благородная любовь к государственной независимости, к обычаям, к законам отцов: усиленная воспоминаниями древности — раздраженная ненавистию к христианам, прежним данникам, тогдашним угнетателям Батыева потомства, — она преодолела естественную склонность людей к мирным наслаждениям жизни; произвела восторг, жажду мести и крови, рвение к опасностям и к великим делам. В движе-

нии, в пылу геройства казанцы не чувствовали своей слабости; а как в самой отчаянной решительности надежда еще таится в сердце, то они исчисляли все безуспешные приступы наши к их столице и говорили друг другу: «Не в первый раз увидим москвитян под стенами; не в первый раз побегут назад восвояси, и будем смеяться над ними!» Таково было расположение царя и народа в Казани; но Иоанн предлагал милость, чтобы *исполнить меру долготерпения,* согласно с политикою его отца и деда.

19 августа государь с 150 000 воинов[71] был уже на Луговой стороне Волги. Шиг-Алей отправился на судах занять Гостиный остров, а боярин Михайло Яковлевич Морозов[72] вез снаряд огнестрельный, рубленые башни и *тарасы,* чтобы действовать с них против крепости. Несколько дней шли дожди; реки выливались из берегов; низкие луга обратились в болота: казанцы испортили все мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 августа на берегу Казанки Иоанн получил ответную грамоту от Едигера. Царь и вельможи казанские не оставили слова на мир; поносили государя, Россию, христианство; именовали Алея предателем и злодеем, писали: «Все готово: ждем вас на пир!» В сей день войско

увидело пред собою Казань и стало в шести верстах от нее на гладких, веселых лугах, которые *подобно зеленому сукну* расстилались между Волгою и горою, где стояла крепость с каменными мечетями и дворцом, с высокими башнями и дубовыми широкими стенами (набитыми внутри илом и хрящом). Два дня выгружали пушки и снаряды из судов. Тут явился из Казани беглец мурза Камай и донес государю, что он ехал к нам с 200 товарищей, но что их задержали в городе; что царь Едигер, Кульшериф-Молна, или глава духовенства, князья Изенеш Ногайский, Чапкун, Аталык, Ислам, Аликей Нарыков, Кебек Тюменский и Дербыш умели одушевить народ злобою на христиан; что никто не мыслит о мире; что крепость наполнена запасами хлебными и ратными; что в ней 30 000 воинов и 2700 ногаев; что князь Япанча со многочисленным отрядом конницы послан в Арскую засеку[73] вооружить, собрать там сельских жителей и непрестанными нападениями тревожить стан россиян. Иоанн принял Камая милостиво; советовался с боярами; велел для укрепления изготовить на каждого воина бревно, на десять воинов тур; Большому и Передовому полку занять поле Арское, Правой Руке — берег Казанки, Сторожевому — устье Булака, Левой Ру-

ке стать выше его, Алею — за Булаком у кладбища, а царской дружине, предводимой им и князем Владимиром Андреевичем, на Царевом лугу; строго запретил чиновникам вступать в битву самовольно, без государева слова, и 23 августа, в час рассвета, войско двинулось. Впереди шли князья Юрий Шемякин-Пронский[74] и Федор Троекуров[75] с козаками пешими и стрельцами; за воеводами атаманы, головы стрелецкие, сотники, всякий по чину и в своем месте, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освещая Казань в глазах Иоанна: он дал знак, и полки стали; ударили в бубны, заиграли на трубах, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Иисус, а вверху водружен был Животворящий Крест, бывший на Дону с великим князем Димитрием Иоанновичем. Царь и все воеводы сошли с коней, отпели молебен под сению знамен, и государь произнес речь к войску: ободрял его к великим подвигам; славил героев, которые падут за веру; именем России клялся, что вдовы и сироты их будут призрены, успокоены отечеством; наконец, сам обрекал себя на смерть, если то нужно для победы и торжества христиан. Князь Владимир Андреевич и бояре ответствовали ему со слезами: «Дерзай, царю! Мы все единою душою за Бога и

за тебя». Духовник Иоаннов, протоиерей Андрей, благословил его и войско, которое изъявляло живейшее усердие. Царь сел на аргамака, богато украшенного, взглянул на Спасителев образ святой хоругви, ознаменовал себя крестом и, громко сказав: «О Твоем имени движемся!» — повел рать прямо к городу. Там все казалось тихо и пусто; не видно было ни движения, ни людей на стенах, и многие из наших радовались, думая, что царь казанский с войском от страха бежал в леса; но опытные воеводы говорили друг другу: «Будем тем осторожнее!»

Россияне обступали Казань. 7000 стрельцов и пеших козаков по наведенному мосту перешли тинный Булак, текущий к городу из озера Кабана, и, видя пред собою, не более как в двухстах саженях, царские палаты, мечети каменные, лезли на высоту, чтобы пройти мимо крепости к Арскому полю… Вдруг раздался шум и крик: заскрипели, отворились ворота, и 15 000 татар, конных и пеших, устремились из города на стрельцов: расстроили, сломили их. Юные князья Шемякин и Троекуров удержали бегущих: они сомкнулись. Подоспело несколько детей боярских. Началась жестокая сеча. Россияне, не имея конницы, стояли грудью; победили и гнали неприятеля до

самых стен, несмотря на сильную пальбу из города; взяли пленников и медленно отступили в виду всех наших полков, которые, спокойно идучи к назначенным для них местам, любовались издали сим первым славным делом. Приказ государев в точности исполнился: никто без его слова не кидался в битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящим образом.

Полки окружили Казань. Расставили шатры и три церкви полотняные: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергия. Ввечеру государь, собрав воевод, изустно дал им все нужные повеления. Ночь была спокойна. На другой день сделалась необыкновенно сильная буря: сорвала царский и многие шатры; потопила суда, нагруженные запасами, и привела войско в ужас. Думали, что всему конец; что осады не будет; что мы, не имея хлеба, должны удалиться с стыдом. Не так думал Иоанн: послал в Свияжск, в Москву за съестными припасами, за теплою одеждою для воинов, за серебром и готовился зимовать под Казанью.

25 августа легкая дружина князей Шемякина и Троекурова двинулась с Арского поля к реке Казанке выше города, чтобы отрезать его от луговой черемисы, соединиться с Правою Рукою и стать

ближе к стене. Татары сделали вылазку. Мужественный витязь князь Шемякин был ранен; но князь Дмитрий Хилков, глава всех передовых отрядов, помог ему с детьми боярскими втоптать неприятеля в крепость. Ночью Сторожевой полк и Левая Рука без боя и сопротивления расставили туры и пушки. Стрельцы окопались рвом; а козаки под самою городскою стеною засели в каменной, так называемой Даировой бане. В сии два дня Иоанн не сходил с коня, ездил вокруг города и наблюдал места, удобнейшие для приступа.

26 августа Большой полк выступил перед вечером из стана: князь Михайло Воротынский шел с пехотою и катил туры; князь Иван Мстиславский вел конницу, чтобы помогать ему в случае нападения. Государь дал им отборных детей боярских из собственной дружины. Казанцы ударили на них с воплем; а с башен и стен посыпались ядра и пули. В дыму, в огне непоколебимые россияне отражали конницу, пехоту сильным действием своих бойниц, ружейною стрельбою, копьями и мечами; хладнокровно шли вперед, втеснили татар в город и наполнили его мосты неприятельскими телами. Пищальники, козаки стали на валу, стреляли до самой ночи и дали время князю Воротынскому утвердить, насыпать землею

туры в пятидесяти саженях от рва, между Арским полем и Булаком. Тогда он велел отступить им к турам и закопаться под оными. Но темнота не прекратила битвы: казанцы до самого утра выходили и резались с нашими. Не было отдыха; ни воины, ни полководцы не смыкали глаз. Иоанн молился в церкви и ежечасно посылал своих знатнейших сановников ободрять биющихся. Наконец неприятель утомился; восходящее солнце осветило решительную победу россиян, и государь велел петь в стане благодарные молебны. Казанцы лишились в сем деле многих храбрых людей, смелого князя Ислама Нарыкова, Сюнчелея-богатыря и других. В числе убитых москвитян находился добрый витязь Леонтий Шушерин.

27 августа боярин Михайло Яковлевич Морозов, прикатив к турам стенобитный снаряд, открыл сильную пальбу со всех наших бойниц; а пищальники стреляли в город из окопов. Казанцы скрывались за стенами; но, желая добыть языка, напали на людей, рассеянных в поле, близ того места, где стоял князь Мстиславский с частию Большого полка. Сей воевода успел защитить своих, обратил неприятеля в бегство, пленил знатного улана, именем Карамыша, и представил государю, оказав личное мужество

и в двух местах быв уязвлен стрелою. Пленник сказывал, что казанцы, готовые умереть, не хотят слышать о мирных переговорах.

В следующий день россияне ждали новой вылазки; неприятель явился с другой стороны: вышел густыми толпами из леса на Арское поле, схватил стражу Передового полка и кинулся на его стан. Воевода князь Хилков с великим усилием оборонялся, но имел нужду в немедленной помощи. Князья Иван Пронский, Мстиславский, Юрий Оболенский[76] один за другим спешили удержать стремление неприятеля. Сам Иоанн, отрядив к ним часть царской дружины, сел на коня. Многие из наших чиновников падали мертвые или раненые. Но число россиян умножалось ежеминутно: они прогнали татар в лес и сведали от пленников, что сии толпы приходили с князем Япанчею из укрепления, сделанного казанцами на пути в город Арск; что им велено не давать нам покоя и делать всевозможный вред частыми *наездами*.

29 августа воеводы Правой Руки, князья Щенятев и Курбский, подвинулись к городу и начали укреплять туры вдоль реки Казанки под защитою стрельцов; а дружина князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле, где снова

показался неприятель из леса и где Мстиславский, Хилков, Оболенский стояли в рядах, ожидая татар, между тем как иные воеводы, князь Дмитрий Палецкий, Алексей Адашев и головы царской дружины ставили туры с поля Арского до Казанки. С обеих сторон стреляли из пушек, ружей и луков, вылазки не было. Неприятель не отходил от леса, видя россиян, готовых к битве; и ввечеру донесли Иоанну, что весь город окружен нашими укреплениями, в сухих местах турами, а в грязных тыном; что нет пути ни в Казань, ни из Казани. С сего времени боярин Морозов, везде расставив снаряд огнестрельный, неутомимо громил стены изо ста пятидесяти тяжелых орудий.

Но войско наше в течение недели утомилось до крайности: всегда стояло в ружье, не имело времени отдыхать и за недостатком в съестных припасах питалось только сухим хлебом. Кормовщики наши не смели удаляться от стана: князь Япанча стерег и хватал их во всех направлениях. Казанцы сносились с ним посредством знаков: выставляя хоругвь на высокой башне, махали ею и давали разуметь, что ему должно ударить на осаждающих. Сей опасный наездник держал россиян в непрестанном страхе. Иоанн собрал думу; положил разделить войско на две части: одной

быть в укреплениях и хранить особу царя; другой, под начальством мужественного, опытного князя Александра Горбатого-Шуйского, сильно действовать против Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лес, успокоить стан наш. Имея 30 000 конных и 15 000 пеших воинов, князь Александр расположился за горами, чтобы утаить свои движения от неприятеля, и послал отряды к Арскому лесу. Япанча увидел их, и толпы его высыпали на поле. Россияне, как бы устрашенные, дали тыл. Татары гнали их, втиснули в обоз, начали *водить круги* перед нашими укреплениями и пускали стрелы дождем; а другие толпы, конные и пешие, шли медленно в боевом порядке, прямо на стан главного войска московского. Тогда князь Юрий Шемякин с готовым полком своим из засады устремился на татар: они изумились; но, будучи уже далеко от леса, должны были принять битву. Скоро явился и сам князь Александр с конными многочисленными дружинами; а пехота наша с правой и левой стороны заходила в тыл неприятелю. Татары искали спасения в бегстве: их давили, секли, кололи на пространстве десяти или более верст, до реки Килари, где князь Александр остановил своего утомленного коня и трубным звуком созвал рассеянных победите-

лей. На возвратном пути, в лесу, они убили еще множество неприятелей, которые прятались в чаще и в густоте ветвей; взяли и несколько сот пленников; одним словом, истребили Япанчу. Государь обнял вождей, покрытых бранною пылью, орошенных потом и кровию; хвалил их ум, доблесть с живейшим восторгом; изъявил благодарность и рядовым воинам. Он велел привязать всех пленников к кольям перед нашими укреплениями, чтобы они умолили казанцев сдаться. В то же время сановники государевы подъехали к стенам и говорили татарам: «Иоанн обещает им жизнь и свободу, а вам прощение и милость, если покоритесь ему». Казанцы, тихо выслушав их слова, пустили множество стрел в своих несчастных пленных сограждан и кричали: «Лучше вам умереть от нашей чистой, нежели от злой христианской руки!» Сие остервенение удивило россиян и государя.

Желая употребить все средства, чтобы взять Казань с меньшим кровопролитием, он велел служащему в его войске искусному немецкому размыслу (то есть инженеру) делать подкоп от реки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай известил государя, что осажденные берут воду из ключа близ реки Ка-

занки и ходят туда подземельным путем от ворот Муралеевых. Воеводы наши хотели открыть сей тайник, но не могли, и государь велел подкопать его от каменной Дауровой бани, занятой нашими козаками. Для сего размысл отрядил учеников своих, которые под надзором князя Василья Серебряного и любимца Иоаннова, Алексея Адашева, рылись в земле десять дней; услышали над собою голоса людей, ходящих тайником за водою; вкатили в подкоп 11 бочек пороха и дали знать государю. 5 сентября, рано, Иоанн выехал к укреплениям. Вдруг в его глазах с громом, с треском взорвало землю, тайник, часть городской стены, множество людей; бревна, камни, взлетев на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли от ужаса, не понимая, что сделалось. В сию минуту россияне, схватив знамена, устремились к обрушенной стене; ворвались было и в самый город, но не могли в нем удержаться. Казанцы опомнились, вытеснили наших, и государь не велел возобновлять усилий для приступа. Мы взяли немалое число пленных; убили еще гораздо более и ждали следствий.

Несмотря на решительность казанцев, после сего бедственного для них случая обнаружилось уныние в городе; некоторые из жителей думали,

что все погибло и что они уже не имеют средств защиты. Но смелейшие ободрили их: рыли и нашли ключ, малый, смрадный, коим надлежало довольствоваться всему городу; терпели жажду, пухли от худой воды, молчали и сражались.

Иоанн оказывал удивительную деятельность; не знали, когда он имел отдохновение: всегда, рано и поздно, молился в церкви или ездил вокруг укреплений; останавливался, говорил с воинами, утверждал их в терпении. Если казанцы тревожили нас всегдашнею стрельбою, то и мы не давали им покоя: днем и ночью гремели пушки российские, заряжаемые ядрами и камнями. Арские ворота были до основания сбиты: осажденные заградились в сем месте тарасами.

6 сентября Иоанн поручил князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острог, сделанный казанцами за Арским полем, в пятнадцати верстах от города, на крутой высоте, между двумя болотами: там соединились остатки разбитого Япанчина войска. Князь Симеон Микулинский шел впереди; с ними были бояре Данило Романович и Захария Яковлев[77], князья Булгаков и Палецкий, головы царской дружины, дети боярские, стрельцы, атаманы с козаками, мордва темниковская и горные черемисы, которые слу-

жили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрепленный засеками, острог казался неприступным. Воины сошли с коней и вслед за смелыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу леса, под градом пускаемых на них стрел, без остановки взлезли на высоту с двух сторон, отбили ворота, взяли укрепление и 200 пленников. Тела неприятелей лежали кучами. Воеводы нашли там знатную добычу, ночевали и пошли далее, к Арскому городу, местами приятными, удивительно плодоносными, где казанские вельможи имели свои домы сельские, красивые и богатые. Россияне плавали в изобилии; брали что хотели: хлеб, мед, скот; жгли селения, убивали жителей, пленяли только жен и детей. Граждане арские ушли в дальнейшие леса; но в домах и в лавках оставалось еще немало драгоценностей, особенно всяких мехов, куниц, белок. Освободив многих христиан-соотечественников, бывших там в неволе, князь Александр чрез десять дней возвратился с победою, с избытком и с дешевизною съестных припасов, так что с сего времени платили в стане 10 денег за корову, а 20 за вола. Царь и войско были в радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Лес Арский уже не метал стрел в россиян, зато луговые

черемисы отгоняли наши табуны и тревожили стан от Галицкой дороги. Стоящие тут воеводы Правой Руки ходили за ними и побили их наголову; но, опасаясь новых нападений, всегдашнею бдительною осторожностию утомляли свой полк, который, сверх того, занимая низкие равнины вдоль Казанки, более всех терпел от пальбы с крепости, от ненастья, от сильных дождей, весьма обыкновенных в сие время года, но суеверием приписываемых чародейству. Очевидец князь Андрей Курбский, равно мужественный и благоразумный, платя дань веку, пишет за истину, что казанские волшебники ежедневно, при восходе солнца, являлись на стенах крепости, вопили страшным голосом, кривлялись, махали одеждами на стан российский, производили ветер и облака, из коих дождь лился реками; сухие места сделались болотом, шатры всплывали, и люди мокли с утра до вечера. По совету бояр государь велел привезти из Москвы царский Животворящий Крест, святить им воду, кропить ею вокруг стана, и сила волшебства, как уверяют, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнее действовать на внутренность города, россияне построили тайно, верстах в двух за станом, башню вышиною в шесть сажен;

ночью придвинули ее к стенам, к самым Царским воротам; поставили на ней десять больших орудий, пятьдесят средних и дружину искусных стрелков; ждали утра и возвестили оное залпом с раската. Стрелки стояли выше стены и метили в людей на улицах, в домах; казанцы укрывались в ямах; копали себе землянки под тарасами; подобно змеям, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять больших орудий, сбитых нашею пальбою, но без умолку стреляли из ружей, из пищалей *затинных,* и мы теряли ежедневно немало добрых воинов. Тщетно Иоанн возобновлял мирные предложения, приказывая к осажденным, что если они не хотят сдаться, то пусть идут, куда им угодно, с своим царем беззаконным, со всем имением, с женами и детьми; что мы требуем только города, основанного на земле Болгарской, в древнем достоянии России. Казанцы *не слушали ни краем уха,* по выражению летописца.

Между тем храбрый князь Михайло Воротынский подвигал туры ближе и ближе к Арской башне; наконец один ров, шириною в три сажени, а глубиною в семь, отделял их от стены: стрельцы, козаки, головы с людьми боярскими стояли за оными, бились до изнурения сил и

сменялись. Иногда же, несмотря на близость расстояния, бой пресекался от усталости: те и другие воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды сим временем: видя, что многие из наших сели обедать и что у пушек осталось мало людей, они, числом до десяти тысяч, тихо вылезли из своих нор и под начальством вельмож, главных царских советников, именуемых карачами, устремились к турам, смяли россиян и схватили их пушки. Тут князь Воротынский сам, а за ним и все знатнейшие чиновники кинулись в сечу. «Не выдадим отцов!» — кричали россияне и бились мужественно. Воеводы Петр Морозов[78], князь Юрий Кашин пали в толпе, опасно уязвленные: их отнесли в стан. Князь Михайло Воротынский, раненный в лицо, не оставлял битвы: крепкий доспех его был иссечен саблями. Многие головы стрелецкие лежали мертвые у пушек, и казанцы еще не уступали нам взятых ими трофеев. Но явились муромцы, дети боярские, *стародавние племенем и доблестию*: ударили, сломили неприятеля, втиснули в ров. Победа решилась. Казанцы давили друг друга, теснясь в воротах и вползая в свои норы. Сие дело было одним из кровопролитнейших. В то же время неприятель нападал и на туры Передового полка, однако ж не

весьма усильно. Государь видел собственными глазами оба дела: изъявив особенную милость князю Михайлу Воротынскому и витязям муромским, он навестил раненых воевод, благодаря их за усердную службу.

Уже около пяти недель россияне стояли под Казанью, убив в вылазках и в городе не менее десяти тысяч неприятелей, кроме жен и детей. Наступающая осень ужасала их более, нежели труды и битвы осады; все хотели скорого конца. Чтобы облегчить приступ и нанести осажденным чувствительнейший вред, Иоанн велел близ Арских ворот подкопать тарасы и землянки, где укрывались жители от нашей стрельбы; 30 сентября они взлетели на воздух. Сие страшное действие пороха, хотя уже и не новое для казанцев, произвело оцепенение и тишину в городе на несколько минут; а россияне, не теряя времени, подкатили туры к воротам Арским, Аталыковым, Тюменским. Думая, что настал час решительный, казанцы высыпали из города и схватились с теми полками, коим велено было прикрывать туры. Битва закипела. Иоанн спешил ободрить своих, и как скоро они увидели его, то, единогласно воскликнув: «Царь с нами!» — бросились к стенам; гнали, теснили неприятеля на мостах, в воротах.

Сеча была ужасна. Гром пушек, треск оружия, крик воинов раздавался в облаках густого дыма, который носился над всем городом. Несмотря на мужественное, отчаянное сопротивление, многие россияне были уже на стене, в башне от Арского поля, резались в улицах с татарами. Князь Михайло Воротынский уведомил о том государя и требовал, чтобы он велел всем полкам идти на приступ. Успех действительно казался вероятным; но Иоанн хотел верного: большая часть войска находилась еще в стане и не могла вдруг ополчиться; излишняя торопь произвела бы беспорядок и, может быть, неудачу, которая имела бы весьма худые для нас следствия. Государь не уважил ревности войска: приказал ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники с трудом вывели его из крепости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитие сего жаркого дня не осталось бесплодным, то князь Воротынский занял Арскую башню нашими стрелками: они укрепились турами и рядом твердых щитов, сказали воеводам: «Здесь будем ждать вас» — и сдержали слово: казанцы не могли отнять у них сей башни. Во всю ночь пылали мосты, и часть стены обгорела; действие нашего снаряда огнестрельного также во многих местах разрушило

оную. Казанцы поставили там высокие срубы, осыпав их землею.

Наконец 1 октября Иоанн объявил войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть к приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велел воинам *очистить душу* накануне дня рокового. В тот самый час, когда одни из них смиренно исповедовали грехи свои пред Богом и достойные с умилением вкушали тело Христово, другие, под громом бойниц, метали в ров землю и лес, чтобы проложить путь к стенам. Еще государь хотел испытать силу увещания: мурза Камай и седые старейшины Горной стороны, держа в руке знамение мира, приближились к крепости, усыпанной людьми, и сказали им, что Иоанн в последний раз предлагает милосердие городу, уже стесненному, до половины разрушенному; требует единственно выдачи главных изменников и прощает народ. Казанцы ответствовали в один голос: «Не хотим прощения! В башне Русь, на стене Русь: не боимся; поставим иную башню, иную стену; все умрем или отсидимся!» Тогда государь начал устраивать войско *к великому делу*.

Чтобы заслонить тыл от луговой черемисы, от татар, бродящих по лесам, от ногайских улусов и чтобы отрезать казанцам все пути для бегства,

он приказал князю Мстиславскому с частию Большого полка, а Шиг-Алею с касимовцами и жителями Горной стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, князю Юрию Оболенскому и Григорию Мещерскому[79] с дворянами царской дружины — Ногайскую, князю Ивану Ромодановскому — Галицкую; другой отряд дворян, примыкая к нему, должен был стоять вверх по Казанке, на старом городище. Отпустив сих воевод, Иоанн распорядил приступ: велел быть впереди атаманам с козаками, головам с стрельцами и дворовым людям, разделенным на сотни, под начальством отборных детей боярских; за ними идти полкам воеводским: князю Михаилу Воротынскому с окольничим Алексеем Басмановым[80] ударить на крепость в пролом от Булака и Поганого озера; князьям Хилкову — в Кабацкие ворота, Троекурову — в Збойливые, Андрею Курбскому — в Ельбугины, Семену Шереметеву — в Муралеевы, Дмитрию Плещееву — в Тюменские. Каждому из них помогал особенный воевода: первому — сам государь; другим же — князья Иван Пронский-Турунтай, Шемякин, Щенятев, Василий Серебряный-Оболенский и Дмитрий Микулинский. Приказав им изготовиться к двум часам следующего утра и ждать взорвания под-

копов, Иоанн ввечеру уединился с духовным отцом своим, провел несколько времени в его душеспасительной беседе и надел доспех. Тогда князь Воротынский прислал ему сказать, что инженер кончил дело и 48 бочек зелия уже в подкопе; что казанцы заметили нашу работу и что не надобно терять ни минуты. Государь велел выступать полкам, слушал заутреню в церкви, отпустил дружину царскую, молился из глубины сердца… В сию важную ночь, предтечу решительного дня, ни россияне, ни казанцы не думали об успокоении. Из города видели необыкновенные движения в нашем стане. С обеих сторон ревностно готовились к ужасному бою.

Заря осветила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стенах: россияне пред ними, под защитою укреплений, под сению знамен, в тишине, неподвижно; звучали только бубны и трубы, неприятельские и наши; ни стрелы не летали, ни пушки не гремели. Наблюдали друг друга; все было в ожидании. Стан опустел: в его безмолвии слышалось пение иереев, которые служили обедню. Государь оставался в церкви с немногими из ближних людей. Уже восходило солнце. Диакон читал Евангелие и едва произнес слова: *Да будет едино стадо и един пастырь!* — грянул силь-

ный гром, земля дрогнула, церковь затряслася… Государь вышел на паперть, увидел страшное действие подкопа и густую тьму над всею Казанью: глыбы земли, обломки башен, стены домов, люди неслися вверх в облаках дыма и пали на город. Священное служение прервалося в церкви. Иоанн спокойно возвратился и хотел дослушать литургию. Когда диакон пред дверями царскими громогласно молился — да утвердит Всевышний державу Иоанна, да повергнет всякого врага и супостата к ногам его, — раздался новый удар: взорвало другой подкоп, еще сильнее первого, — и тогда, воскликнув: *С нами Бог!* — полки российские быстро двинулись к крепости, а казанцы, твердые, непоколебимые в час гибели и разрушения, вопили: *Алла! Алла!* — призывали Магомета и ждали наших, не стреляя ни из луков, ни из пищалей; меряли глазами расстояние и вдруг дали ужасный залп: пули, каменья, стрелы омрачили воздух… Но россияне, ободряемые примером начальников, достигли стены. Казанцы давили их бревнами, обливали кипящим варом; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стенах и помостах, презирая сильный огонь наших бойниц и стрелков. Тут малейшее замедление могло быть гибелью для россиян.

Число их уменьшилось; многие пали мертвые или раненые или от страха. Но смелые, геройским забвением смерти ободрили и спасли боязливых: одни кинулись в пролом; иные взбирались на стены по лестницам, по бревнам; несли друг друга на головах, на плечах; бились с неприятелем в отверстиях… И в ту минуту, как Иоанн, отслушав всю литургию, причастясь Святых Тайн, взяв благословение от своего отца духовного, на бранном коне выехал в поле, знамена христианские уже развевались на крепости! Войско запасное одним кликом приветствовало государя и победу.

Но еще сия победа не была решена совершенно. Отчаянные татары, сломленные, низверженные с верху стен и башен, стояли твердым оплотом в улицах, секлись саблями, схватывались за руки с россиянами, резались ножами в ужасной свалке. Дрались на заборах, на кровлях домов; везде попирали ногами головы и тела. Князь Михайло Воротынский первый известил Иоанна, что мы уже в городе, но что битва еще кипит и нужна помощь. Государь отрядил к нему часть своего полку; велел идти и другим воеводам. Наши одолевали во всех местах и теснили татар к укрепленному двору царскому. Сам Едигер с знатнейшими вельможами медленно отступал

от проломов, остановился среди города, у Тезицкого или Купеческого рва, бился упорно и вдруг заметил, что толпы наши редеют, ибо россияне, овладев половиною города, славного богатствами азиатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сечу, начали разбивать домы, лавки — и самые чиновники, коим приказал государь идти с обнаженными мечами за воинами, чтобы никого из них не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тут ожили и малодушные трусы, лежавшие на поле как бы мертвые или раненые; а из обозов прибежали слуги, кашевары, даже купцы: все алкали добычи, хватали серебро, меха, ткани; относили в стан и снова возвращались в город, не думая помогать своим в битве. Казанцы воспользовались утомлением наших воинов, верных чести и доблести: ударили сильно и потеснили их, к ужасу грабителей, которые все немедленно обратились в бегство, метались через стену и вопили: *секут! секут!* Государь увидел сие общее смятение; изменился в лице и думал, что казанцы выгнали все наше войско из города. «С ним были, — пишет Курбский, — великие *синклиты*[81], мужи века отцов наших, поседевшие в добродетелях и в ратном искусстве»; они дали совет государю, и государь

явил великодушие: взял святую хоругвь и стал пред Царскими воротами, чтобы удержать бегущих. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла с коней и ринулась в город; а с нею и вельможные старцы рядом с их юными сыновьями. Сие свежее, бодрое войско, в светлых доспехах, в блестящих шлемах, как буря нагрянуло на татар: они не могли долго противиться, крепко сомкнулись и в порядке отступали до высоких каменных мечетей, где все их духовные, абизы, сеиты, молны (муллы) и первосвященник Кульшериф, встретили россиян не с дарами, не с молением, но с оружием: в остервенении злобы устремились на верную смерть и все до единого пали под нашими мечами. Едигер с остальными казанцами засел в укрепленном дворе царском и сражался около часа. Россияне отбили ворота… Тут юные жены и дочери казанцев в богатых цветных одеждах стояли вместе на одной стороне под защитою своих прелестей; а в другой стороне отцы, братья и мужья, окружив царя, еще бились усильно: наконец вышли, числом 10 000, в задние ворота, к нижней части города. Князь Андрей Курбский с двумястами воинов пресек им дорогу; удерживал их в тесных улицах, на крутизнах; затруднял каждый шаг; давал время нашим разить

тыл неприятеля и стал в Збойливых воротах, где присоединилось к нему еще несколько сот россиян. Гонимые, теснимые казанцы по трупам своих лезли к стене, взвели Едигера на башню и кричали, что хотят вступить в переговоры. Ближайший к ним воевода, князь Дмитрий Палецкий, остановил сечу. «Слушайте, — сказали казанцы, — доколе у нас было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаем вам и царя, живого, неуязвленного; ведите его к Иоанну, а мы идем на широкое поле испить с вами последнюю чашу». Вместе с Едигером они выдали Палецкому главного, престарелого вельможу, или карача, именем Заниеша, и двух *мамичей,* или совоспитанников царских; начали снова стрелять, прыгали со стены вниз и хотели идти к стану нашей Правой Руки; но, встреченные сильною пальбою из укреплений, обратились влево: кинули тяжелое оружие, разулись и перешли мелкую там реку Казанку в виду нашего войска, бывшего в крепости, на стенах и дворе царском, за горами и стремнинами. Одни юные князья Курбские, Андрей и Роман[82], с малочисленною дружиною успели сесть на коней, обскакали неприятеля, ударили на густую толпу его, врезались в ее средину, топтали, кололи.

Но татар было еще 5000, и самых храбрейших: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули наших героев, повергнули их, уязвленных, дымящихся кровью, замертво на землю, — шли беспрепятственно далее гладким лугом до вязкого болота, где конница уже не могла гнаться за ними, и спешили к густому темному лесу: остаток малый, но своим великодушным остервенением еще опасный для россиян! Государь послал князя Симеона Микулинского, Михайла Васильевича Глинского и Шереметева с конною дружиною за Казанку в объезд, чтобы отрезать бегущих татар от леса: воеводы настигли и побили их. Никто не сдался живой; спаслись немногие, и то раненые.

Город был взят и пылал в разных местах; сеча престала, но кровь лилася; раздраженные воины резали всех, кого находили в мечетях, в домах, в ямах; брали в плен жен и детей или чиновников. Двор царский, улицы, стены, глубокие рвы были завалены мертвыми; от крепости до Казанки, далее на лугах и в лесу еще лежали тела и носились по реке. Пальба умолкла; в дыму города раздавались только удары мечей, стон убиваемых, клик победителей. Тогда главный военачальник, князь Михайло Воротынский, прислал сказать государю: «Радуйся, благочестивый самодержец! Твоим

мужеством и счастием победа совершилась: Казань наша, царь ее в твоих руках, народ истреблен или в плену; несметные богатства собраны: что прикажешь?» *Славить Всевышнего,* — ответствовал Иоанн, воздел руки на небо, велел петь молебен под святою хоругвию и, собственною рукою на сем месте водрузив Животворящий Крест, назначил быть там первой церкви христианской-[83]. Князь Палецкий представил ему Едигера; без всякого гнева и с видом кротости Иоанн сказал: «Несчастный! Разве ты не знал могущества России и лукавства казанцев?» Едигер, ободренный тихостию государя, преклонил колена, изъявлял раскаяние, требовал милости. Иоанн простил его и с любовию обнял брата, князя Владимира Андреевича, Шиг-Алея, вельмож; ответствовал на их усердные поздравления ласково и смиренно; всю славу отдавал Богу, им и воинству; послал бояр и ближних людей во все дружины *с хвалою и с милостивым словом*; велел очистить в городе одну улицу от ворот Муравлеевых ко двору царскому и въехал в Казань: пред ним воеводы, дворяне и духовник его с крестом; за ним князь Владимир Андреевич и Шиг-Алей. У ворот стояло множество освобожденных россиян, бывших пленниками в Казани: увидев государя, они пали

на землю и с радостными слезами взывали: «Избавитель! Ты вывел нас из ада! Для нас, бедных, сирых, не щадил головы своей!» Государь приказал отвести их в стан и питать от стола царского; ехал сквозь ряды складенных тел и плакал; видя трупы казанцев, говорил: «Это не христиане, но подобные нам люди»; видя мертвых россиян, молился на них Всевышнему, как за жертву общего спасения. При вступлении во дворец бояре, чиновники, воины снова поздравляли Иоанна. Они с умилением говорили друг другу: «Где царствовало зловерие, упиваясь кровию христиан, там видим Крест Животворящий и государя нашего во славе!» Все единогласно, единодушно, в умилении сердец принесли благодарность небу. Иоанн велел тушить огонь в городе и всю добычу, все богатства казанские, всех пленников, кроме одного Едигера, отдал воинству; взял только утварь царскую, венец, жезл, знамя державное и пушки, сказав: «Моя корысть есть спокойствие и честь России!» Он возвратился в стан; хотел видеть войско и вышел к полкам с лицом светлым. Они еще дымились кровию неверных и своею; многие витязи, по словам летописца, *сияли ранами драгоценнейшими алмазов*. Иоанн стал пред войском и громко произнес речь, исполненную

любви и милости. «Воины мужественные! — говорил он. — Бояре, воеводы, чиновники! В сей знаменитый день *страдая* за имя Божие, за веру, отечество и царя, вы приобрели славу, неслыханную в наше время. Никто не оказывал такой храбрости; никто не одерживал такой победы! Вы новые македоняне, достойные потомки витязей, которые с великим князем Димитрием сокрушили Мамая! Чем могу воздать вам?.. Любезнейшие сыны России там, на поле чести лежащие! Вы уже сияете в венцах небесных вместе с первыми мучениками христианства. Се дело Божие, наше есть славить вас во веки веков, вписать имена ваши на хартии священной для поминовения в соборной апостольской церкви. А вы, своею кровию обагренные, но еще живые для нашей любви и признательности, все храбрые, коих вижу пред собою, внимайте и верьте моему обету любить и жаловать вас до конца дней моих… Теперь успокойтесь, победители!» Войско ответствовало радостными кликами. Иоанн посетил, утешил раненых; немедленно отправил шурина своего Данила Романовича в Москву с счастливою вестию к супруге, к митрополиту, к князю Юрию; сел обедать с боярами и дал пир воинам. Сей великолепный праздник отечества украшался

воспоминанием минувших зол, чувством настоящей славы и надеждою будущего благоденствия.

В тот же день Иоанн послал жалованные грамоты во все окрестные места, объявляя жителям мир и безопасность. «Идите к нам, — писал он, — без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским». Устрашенные бедствием их столицы, они рассеялись по лесам; успокоенные милостивым словом Иоанновым, возвратились в домы. Сперва жители арские, а после вся луговая черемиса прислали старейшин в стан к государю и дали клятву верности.

3 октября погребали мертвых и совершенно очистили город. На другой день Иоанн с духовенством, синклитом и воинством торжественно вступил в Казань; избрал место, заложил кафедральную церковь Благовещения[84], обошел город со крестами и посвятил его *Богу истинному*. Иереи кропили улицы, стены святою водою, моля Вседержителя, да благословит сию новую твердыню православия, да цветет в ней здравие и доблесть, да будет вовеки неприступною для врагов, вовеки неотъемлемою собственностию и честию России!.. Осмотрев всю Казань; назначив, где быть храмам, и приказав немедленно возоб-

новить разрушенные укрепления, стены, башни, государь с вельможами поехал во дворец, на коем развевалось знамя христианское.

Так пало к ногам Иоанновым одно из знаменитых царств, основанных Чингисовыми моголами в пределах нынешней России. Возникнув на развалинах Болгарии и поглотив ее бедные остатки, Казань имела и хищный, воинственный дух моголов, и торговый, заимствованный ею от древних жителей сей страны, где издавна съезжались купцы арменские, хивинские, персидские (и где он доныне сохранился: доныне казанские татары, потомки Золотой Орды и болгаров, имеют купеческие связи с Востоком). Около 115 лет казанцы нам и мы им неутомимо враждовали, от первого их царя Махмета, у коего прадед Иоаннов был пленником[85], до Едигера, взятого в плен Иоанном, которого дед уже именовался государем *болгарским*, уже считал Казань нашею областию, но при конце жизни своей видел ее страшный бунт и не мог отмстить за кровь россиян, там пролиянную[86]. Новые мирные договоры служили поводом к новым изменам, и всяка была ужасом для восточной России, где, на всей длинной черте от Нижнего Новагорода до Перми, люди вечно береглися, как на отводной страже. Самая

месть стоила нам дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истреблением войска и коней от болезней, от трудностей пути в местах диких, населенных народами свирепыми. Одним словом, вопрос: надлежало ли покорить Казань? — соединялся с другим: надлежало ли безопасностию и спокойствием утвердить бытие России? Чувство государственного блага, усиленное ревностию веры, производило в победителях общий, живейший восторг, и летописцы говорят о сем завоевании с жаром стихотворцев, призывая современников и потомство к *великому зрелищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осеняемой хоругвями, украшаемой церквами православия, оживленной (после ужасов кровопролития, после безмолвия смерти) присутствием многочисленного радостного войска, среди свежих трофеев, но уже в глубокой мирной тишине ликующего на стогнах, площадях, в садах, и юного царя, сидящего на славно завоеванном престоле, в блестящем кругу вельмож и полководцев, у коих была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества!* Летописцы сказывают, что небо благоприятствовало торжеству победы; что время стояло ясное, теплое и россияне, осаждав

Казань в мрачную, дождливую осень, вступили в нее как бы весною.

6 октября духовник государев с иереями свияжскими освятил храм Благовещения. В следующие дни Иоанн занимался учреждением правительства в городе и в областях; объявил князя Александра Горбатого-Шуйского казанским наместником, а князя Василия Серебряного его товарищем; дал им письменное наставление, 1500 детей боярских, 3000 стрельцов со многими козаками и 11 октября изготовился к отъезду, хотя благоразумные вельможи советовали ему остаться там до весны со всем войском, чтобы довершить покорение земли, где обитало пять народов: мордва, чуваши, вотяки (в Арской области), черемисы и башкирцы (вверх по Каме). Еще многие из их улусов не признавали нашей власти; к ним ушли некоторые из злейших казанцев, и легко было предузнать опасные того следствия. В стане и в Свияжске находилось довольно запасов для прокормления войска. Но Иоанн, нетерпеливо желая видеть супругу и явить себя Москве во славе, отвергнул совет мудрейших, чтобы исполнить волю сердца, одобряемую братьями царицы и другими сановниками, которые также хотели скорее отдохнуть на лаврах. Отпев

молебен в церкви Благовещения и поручив хранение новой страны своей Иисусу, Деве Марии, российским угодникам Божиим, царь выехал из Казани, ночевал на берегу Волги, против Гостиного острова, и 12 октября с князем Владимиром Андреевичем, с боярами и с пехотными дружинами отплыл в ладиях к Свияжску. Князь Михайло Воротынский повел конницу берегом к Василюгороду[87], путем уже безопасным, хотя и трудным.

Пробыв только один день в Свияжске и назначив князя Петра Шуйского правителем сей области, Иоанн 14 октября под Вязовыми горами сел на суда. В Нижнем, на берегу Волги, встретили его все граждане со крестами и, преклонив колена, обливались слезами благодарности за вечное избавление их от ужасных набегов казанских; славили победителя, громогласно, с душевным восхищением, так что сей *благодарный плач*, заглушая пение священников, принудил их умолкнуть. Тут же послы от царицы, князя Юрия, митрополита *здравствовали государю на Богом данной ему отчине, царстве Казанском*. Собрав в Нижнем все воинство, снова изъявив признательность своим усердным сподвижникам, сказав, что расстается с ними до первого случая обнажить со славою меч за отечество, он уволил

их в домы; сам поехал сухим путем через Балахну в Владимир и в Судогде встретил боярина Василия Юрьевича Траханиота[88], который скакал к нему от Анастасии с вестию о рождении сына, царевича Димитрия[89]. Государь в радости спрыгнул с коня, обнял, целовал Траханиота; благодарил небо, плакал и, не зная, как наградить счастливого вестника, отдал ему с плеча одежду царскую и коня из-под себя. Иоанн имел уже двух дочерей, Анну и Марию[90], из коих первая скончалась одиннадцати месяцев; рождение наследника было тайным желанием его сердца. Он послал шурина Никиту Романовича[91] к Анастасии с нежными приветствиями; останавливался в Владимире, в Суздале единственно для того, чтобы молиться в храмах, изъявлять чувствительность к любви жителей, отовсюду стекавшихся видеть лицо его, светлое радостию; заехал в славную Троицкую обитель св. Сергия, знаменовался у гроба его, вкусил хлеба с иноками и 28 октября ночевал в селе Тайнинском[92], где ждали его брат, князь Юрий и некоторые бояре с поздравлением; а на другой день, рано, приближаясь к любезной ему столице, увидел на берегу Яузы бесчисленное множество народа, так что на пространстве шести верст, от реки до посада, оставался только

самый тесный путь для государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами московских граждан, ехал Иоанн, кланяясь на обе стороны; а народ, целуя ноги, руки его, восклицал непрестанно: «Многая лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христиан!» Там, где жители московские приняли некогда Владимирский образ Богоматери, несущий спасение граду в нашествие Тамерлана — где ныне монастырь Сретенский, — там митрополит, епископы, духовенство с сею иконою, старцы бояре, князь Михайло Иванович Булгаков, Иван Григорьевич Морозов[93], слуги отца и деда его, со всеми чиноначальниками стояли под церковными хоругвями. Иоанн сошел с коня, приложился к образу и, благословенный святителями, сказал: «Собор духовенства православного! Отче митрополит и владыки! Я молил вас быть ревностными ходатаями пред Всевышним за царя и царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю, да буду щитом ее в нашествия варваров; советовался с вами о казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огнь в наших селах, унять текущую кровь россиян, снять цепи с христианских пленников, вывести их из темницы, возвратить отечеству и церкви. Дед мой, отец

и мы посылали воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле. Тогда явился другой неприятель, хан крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить христианство. Вспомнив слово евангельское: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть!* — вы, достойные святители Церкви, молились — и Бог услышал вас и помог нам — и хан, гонимый единственно гневом небесным, бежал малодушно!.. Ободренные явным действием вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели, и милостию Божиею, мужеством князя Владимира Андреевича, наших бояр, воевод и всего воинства сей град многолюдный пал пред нами: судом Господним в единый час изгибли неверные *без вести*, царь их взят в плен, исчезла прелесть Магометова, на ее месте водружен святый крест; области Арская и Луговая платят дань России; воеводы московские управляют землею; а мы, во здравии и веселии, пришли сюда к образу Богоматери, к мощам великих угодников, к вашей святыне, в свою любезную отчизну — и за сие небесное благодеяние, вами испрошенное, тебе, отцу своему, и всему освященному собору мы с князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством в умилении сердца кланяемся». Тут

государь, князь Владимир и вся дружина воинская поклонились до земли. Иоанн продолжал: «Молю вас и ныне, да ревностным ходатайством у престола Божия и мудрыми своими наставлениями способствуете мне утвердить закон, правду, благие нравы внутри государства; да цветет отечество под сению мира в добродетели; да цветет в нем христианство; да познают Бога истинного неверные, новые подданные России, и вместе с нами да славят Святую Троицу во веки веков. Аминь!»

Митрополит ответствовал: «Царю благочестивый! Мы, твои богомольцы, удивленные избытком небесной к нам милости, что речем пред Господом? Разве токмо воскликнем: *дивен Бог творяй чудеса!*.. Какая победа! Какая слава для тебя и для всех твоих светлых сподвижников! Что мы были? И что ныне? Вероломные, лютые казанцы ужасали Россию, жадно пили кровь христиан, увлекали их в неволю, оскверняли, разоряли святые церкви. Терзаемый бедствием отечества, ты, царь великодушный, возложив *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, произнес обет спасти нас; ополчился с верою; шел на груды и на смерть; *страдал до крови,* предал свою душу и тело за Церковь, за отечество — и благодать

небесная воссияла на тебе, якоже на древних царях, угодных Господу: на Константине Великом, св. Владимире, Димитрии Донском, Александре Невском. Ты сравнялся с ними — и кто превзошел тебя? Сей царствующий град Казанский, где гнездился змий, как в глубокой норе своей, уязвляя, поядая нас, — сей град, столь знаменитый и столь ужасный, лежит бездушный у ног твоих; ты растоптал главу змия, освободил тысячи христиан плененных, знамениями истинной веры освятил скверну Магометову — навеки, навеки успокоил Россию! Се дело Божие, но чрез тебя совершенное! Ибо ты помнил слово евангельское: *рабе благий! в мале был еси верен: над многими тя поставлю!* Веселися, о царь, любезный Богу и отечеству! Даровав победу, Всевышний даровал тебе и вожделенного, первородного сына! Живи и здравствуй с добродетельною царицею Анастасиею, с юным царевичем Димитрием, с своими братьями, боярами и со всем православным воинством в богоспасаемом царствующем граде Москве и на всех своих царствах, в сей год и в предыдущие многие, многие лета. А мы тебе, государю благочестивому, за твои труды и подвиги великие со всеми святителями, со всеми православными христианами кланяемся».

Митрополит, духовенство, сановники и народ пали ниц пред Иоанном; слезы текли из глаз; благословения раздавались долго и непрерывно.

Тут государь снял с себя воинскую одежду, возложил на плеча порфиру, на выю и на перси Крест Животворящий, на главу венец Мономахов и пошел за святыми иконами в кремль; слушал молебен в храме Успения; с любовию и благодарностию поклонился мощам российских угодников Божиих, гробам своих предков; обходил все храмы знаменитые и спешил наконец во дворец. Царица еще не могла встретить его: лежала на постеле; но, увидев супруга, забыла слабость и болезнь, в восторге упала к ногам державного героя, который, обнимая Анастасию и сына, вкусил тогда всю полноту счастия, данного в удел человечеству.

Москва и Россия были в неописанном волнении радости. Везде в отверстых храмах благодарили небо и царя; отовсюду спешили усердные подданные видеть лицо Иоанна; говорили единственно о великом деле его, о преодоленных трудностях похода, усилиях, хитростях осады, о злобном ожесточении казанцев, о блистательном мужестве россиян, и возвышались сердцем, повторяя: «Мы завоевали царство! Что скажут в свете?»

Несколько дней посвятив счастию семейственному, Иоанн ноября 8-го дал торжественный обед в Большой Грановитой палате митрополиту, епископам, архимандритам, игуменам, князьям Юрию Василиевичу и Владимиру Андреевичу, всем боярам, всем воеводам, которые мужествовали под Казанью. «Никогда, — говорят летописцы, — не видали мы такого великолепия, празднества, веселья во дворце московском, ни такой щедрости». Иоанн дарил всех, от митрополита до простого воина, ознаменованного или славною раною, или замеченного в списке храбрых; князя Владимира Андреевича жаловал шубами, златыми фряжскими кубками и ковшами; бояр, воевод, дворян, детей боярских и всех воинов по достоянию — одеждами с своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспехами или деньгами; три дни пировал с своими знаменитейшими подданными и три дни сыпал дары, коих по счету, сделанному в казначействе, вышло на сорок восемь тысяч рублей (около миллиона нынешних), кроме богатых отчин и поместьев, розданных тогда воинским и придворным чиновникам.

Чтобы ознаменовать взятие Казани достойным памятником для будущих столетий, государь за-

ложил великолепный храм Покрова Богоматери у ворот Флоровских, или Спасских, о девяти куполах: он есть доныне лучшее произведение так называемой готической архитектуры[94] в нашей древней столице.

Сей монарх, озаренный славою, до восторга любимый отечеством, завоеватель враждебного царства, умиритель своего, великодушный во всех чувствах, во всех намерениях, мудрый правитель, законодатель, имел только 22 года от рождения: явление редкое в истории государств! Казалось, что Бог хотел в Иоанне удивить Россию и человечество примером какого-то совершенства, великости и счастия на троне… Но здесь восходит первое облако над лучезарною главою юного венценосца[95].

⟨…⟩

Том 9

Глава I
Продолжение царствования Иоанна Грозного. Годы 1560–1564

Приступаем к описанию ужасной перемены в душе царя и в судьбе царства.

И россияне современные, и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных к славе и счастию государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме и в молитве уединенной, и в совете боярском и среди народа у него одно чувство: *да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!* Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных *прохлад* царских. Ласковый к вельможам и народу — любя, награждая всех по

достоинству, — щедростию искореняя бедность, а зло — примером добра, сей *Богом урожденный* царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: *Ты еси царь правды!* — и ответствовать с умилением: *Се аз и люди, яже дал ми еси ты!*» Не менее хвалят его и наблюдатели иноземные, англичане, приезжавшие в Россию для торговли. «Иоанн, — пишут они, — затмил своих предков и могуществом, и добродетелию; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: *иди!* — и боярин *бежит*, изъявит досаду вельможе — и вельможа в отчаянии: скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения. Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся, и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как

служить Богу и как истреблять врагов России!»

Вероятно ли, чтобы государь любимый, обожаемый мог с такой высоты блага, счастия, славы низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы[1]; остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях.

История не решит вопроса о нравственной свободе человека; но, предполагая оную в суждении своем о делах и характерах, изъясняет те и другие, во-первых, природными свойствами людей, во-вторых, обстоятельствами или впечатлениями предметов, действующих на душу. Иоанн родился с пылкими страстями, с воображением сильным, с умом еще более острым, нежели твердым или основательным. Худое воспитание, испортив в нем естественные склонности, оставило ему способ к исправлению в одной вере, ибо самые дерзкие развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства. Друзья отечества и блага в обстоятельствах чрезвычайных умели ее спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу из сетей неги и с помощью набожной, кроткой Анастасии увлекли на путь добродетели. Несчастные следствия

Иоанновой болезни расстроили сей прекрасный союз, ослабили власть дружества, изготовили перемену. Государь возмужал: страсти зреют вместе с умом, и самолюбие действует еще сильнее в летах совершенных. Пусть доверенность Иоаннова к разуму бывших наставников не умалилась; но доверенность его к самому себе увеличилась: благодарный им за мудрые советы, государь престал чувствовать необходимость в дальнейшем руководстве и тем более чувствовал тягость принуждения, когда они, не изменяя старому обыкновению, говорили смело, решительно во всех случаях и не думали угождать его человеческой слабости. Такое прямодушие казалось ему непристойною грубостию, оскорбительною для монарха. Например, Адашев и Сильвестр не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить неверных, злых врагов России и Христа; что ливонцы хотя и не греческого исповедания, однако ж христиане и для нас не опасны; что Бог благословляет только войны справедливые, нужные для целости и свободы государств. Двор был наполнен людьми, преданными сим двум любимцам; но братья Анастасии не любили их, также и многие обыкновенные завистники, не терпящие никого

выше себя. Последние не дремали, угадывали расположение Иоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестр и Адашев суть хитрые лицемеры: проповедуя небесную добродетель, хотят мирских выгод; стоят высоко пред троном и не дают народу видеть царя, желая присвоить себе успехи, славу его царствования и в то же время препятствуют сим успехам, советуя государю быть умеренным в счастии, ибо внутренне страшатся оных, думая, что избыток славы может дать ему справедливое чувство величия, опасное для их властолюбия. Они говорили: «Кто сии люди, дерзающие предписывать законы царю великому и мудрому не только в делах государственных, но и в домашних, семейственных, в самом образе жизни; дерзающие указывать ему, как обходиться с супругою, сколько пить и есть в меру?» Ибо Сильвестр, наставник Иоанновой совести, всегда требовал от него воздержания, умеренности в физических наслаждениях, к коим юный монарх имел сильную склонность. Иоанн не унимал злословия, ибо уже скучал излишно строгими нравоучениями своих любимцев и хотел свободы; не мыслил оставить добродетели: желал единственно избавиться от учителей и доказать, что может без них обой-

тися. Бывали минуты, в которые природная его пылкость изливалась в словах нескромных, в угрозах. Пишут, что скоро по завоевании Казани он, в гневе на одного воеводу, сказал вельможам: «Теперь уже не боюсь вас!» Но великодушие, оказанное им после болезни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цветущих лет жизни, проведенных в ревностном исполнении святых царских обязанностей, свидетельствовали, казалось, неизменную верность в любви ко благу. Хотя государь уже переменился в чувстве к любимцам, но не переменялся заметно в правилах. Благочиние царствовало в Кремлевском дворце, усердие и смелая откровенность в думе. Только в делах двусмысленных, где истина или добро не были очевидны, Иоанн любил противоречить советникам. Так было до весны 1560 года.

В сие время холодность государева к Адашеву и к Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидели необходимость удалиться от двора. Первый, занимав дотоле важнейшее место в думе и всегда употребляемый в переговорах с европейскими державами, хотел еще служить царю иным способом: принял сан воеводы и поехал в Ливонию; а Сильвестр, от чистого сердца дав государю благословение, заключился в одном пустынном

монастыре[2]. Друзья их осиротели, неприятели восторжествовали; славили мудрость царя и говорили: «Ныне ты уже истинный самодержец, помазанник Божий, един управляешь землею; открыл свои очи и зришь свободно на все царство!» Но сверженные любимцы казались им еще страшными. Вопреки известной государевой немилости Адашева честили в войске; самые граждане ливонские изъявляли отменное к нему уважение: все покорялось его уму и добродетели. Не менее и Сильвестр, уже монах смиренный, блистал добродетелями христианскими в пустыне: иноки с удивлением видели в нем пример благочестия, любви, кротости. Царь мог узнать о том, раскаяться, возвратить изгнанников; надлежало довершить удар и сделать государя столь несправедливым, столь виновным против сих мужей, чтобы он уже не мог и мыслить об искреннем мире с ними. Кончина царицы подала к тому случай.

Иоанн был растерзан горестию: все вокруг его проливали слезы или от истинной жалости, или в угодность царю печальному, и в сих-то слезах явилась гнусная клевета под личиною усердия, любви, будто бы приведенной в ужас открытием неслыханного злодейства. «Государь! — сказали

Иоанну. — Ты в отчаянии, Россия также, а два изверга торжествуют: добродетельную царицу извели Сильвестр и Адашев, ее враги тайные и *чародеи,* ибо они без чародейства не могли бы так долго владеть умом твоим». Представили доказательства, которые не убеждали и самых легковерных, но государь знал, что Анастасия со времени его болезни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думал, что они также не любили ее, и принял клевету, может быть желая оправдать свою к ним немилость если не верными уликами в их злодействе, то хотя подозрением. Сведав о сем доносе, изгнанники писали к царю, требуя суда и очной ставки с обвинителями. Последнего не хотели враги их, представляя ему, что они, как василиски, ядовиты, могут одним взором снова очаровать его и, любимые народом, войском, всеми гражданами, произвести мятеж; что страх сомкнет уста доносителям. Государь велел судить обвиняемых заочно: митрополит, епископы, бояре, многие иные духовные и светские чиновники собралися для того во дворце. В числе судей были и коварные монахи Вассиан Беский, Мисаил Сукин, главные злодеи Сильвестровы. Читали не одно, но многие обвинения, изъясняемые самим Иоанном в письме к князю Андрею

Курбскому. «Ради спасения души моей, — пишет царь, — приближил я к себе иерея Сильвестра, надеясь, что он по своему сану и разуму будет мне споспешником во благе; но сей лукавый лицемер, обольстив меня сладкоречием, думал единственно о мирской власти и сдружился с Адашевым, чтобы управлять царством без царя, ими презираемого. Они снова вселили дух своевольства в бояр; раздали единомышленникам города и волости; сажали, кого хотели, в думу; заняли все места своими угодниками. Я был невольником на троне. Могу ли описать претерпенное мною в сии дни уничижения и стыда? Как пленника, влекут царя с горстию воинов сквозь опасную землю неприятельскую (Казанскую) и не щадят ни здравия, ни жизни его; вымышляют детские *страшила,* чтобы привести в ужас мою душу; велят мне быть выше естества человеческого, запрещают ездить по святым обителям, не дозволяют карать немцев… К сим беззакониям присоединяется измена: когда я страдал в тяжкой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластия хотели, мимо сына моего, взять себе иного царя, и не тронутые, не исправленные нашим великодушием, в жестокости сердец своих чем платили нам за оное? Новыми оскорбления-

ми: ненавидели, злословили царицу Анастасию и во всем доброхотствовали князю Владимиру Андреевичу. Итак, удивительно ли, что я решился наконец не быть младенцем в летах мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавым попом и неблагодарным слугою Алексием?» и проч. Заметим, что Иоанн не обвиняет их в смерти Анастасии и тем свидетельствует нелепую ложь сего доноса. Все иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безрассудны в устах тридцатилетнего самодержца, который признанием своей бывшей неволи открывает тайну своей жалкой слабости. Адашев и Сильвестр могли, как люди, ослепиться честолюбием; но государь сим нескромным обвинением уступил им славу прекраснейшего в истории царствования. Увидим, как он без них властвовал; и если не Иоанн, но любимцы его от 1547 до 1560 года управляли Россиею, то для счастия подданных и царя надлежало бы сим добродетельным мужам не оставлять государственного кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вероятнее, что Иоанн, желая винить их, клевещет на самого себя; гораздо вероятнее, что он искренно любил благо, узнав его прелесть, и наконец, увлеченный страстями, только обуздан-

ными, не искорененными, изменил правилам великодушия, сообщенным ему мудрыми наставниками: ибо легче перемениться, нежели так долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который одним словом всегда мог расторгнуть сию мнимую цепь неволи. Адашев, как советник не одобряя войны Ливонской, служил Иоанну как подданный, как министр и воин усердным орудием для успехов ее; следственно, государь *повелевал* и, вопреки его жалобам, не был рабом любимцев.

Выслушав бумагу о преступлениях Адашева и Сильвестра, некоторые из судей объявили, что сии злодеи уличены и достойны казни; другие, потупив глаза, безмолвствовали. Тут старец митрополит Макарий, близостию смерти и саном первосвятительства утверждаемый в обязанности говорить истину, сказал царю, что надобно призвать и выслушать судимых. Все добросовестные вельможи согласились с сим мнением; но *сонм губителей*, по выражению Курбского, возопил против оного, доказывая, что люди, осуждаемые чувством государя велемудрого, милостивого, не могут представить никакого законного оправдания; что их присутствие и козни опасны, что спокойствие царя и отечества

требует немедленного решения в сем важном деле. Итак, решили, что обвиняемые виновны. Надлежало только определить казнь, и государь, еще желая иметь вид милосердия, умерил оную: послали Сильвестра на дикий остров Белого моря, в уединенную обитель Соловецкую, и велели Адашеву жить в новопокоренном Феллине[3], коего взятию он способствовал тогда своим умом и распоряжениями; но твердость и спокойствие сего мужа досаждали злобным гонителям: его заключили в Дерпте, где он чрез два месяца умер горячкою, к радости своих неприятелей, которые сказали царю, что *обличенный изменник отравил себя ядом*… Муж незабвенный в нашей истории, краса века и человечества, по вероятному *сказанию его друзей,* ибо сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию царя и погиб с нею… Феномен удивительный в тогдашних обстоятельствах России, изъясняемый единственно неизмеримою силою искреннего благолюбия, коего Божественное вдохновение озаряет ум естественный в самой тьме невежества и вернее науки, вернее ученой мудрости руководствует людей к великому. Обязанный милости Иоанновой некоторым избытком, Адашев знал одну роскошь благодеяния: питал нищих, держал в

своем доме десять прокаженных и собственными руками обмывал их, усердно исполняя долг христианина и всегда памятуя бедность человечества.

Отселе начало злу, и, таким образом, уже не было двух главных действователей благословенного Иоаннова царствования; но друзья их, мысли и правила оставались: надлежало, истребив Адашева, истребить и дух его, опасный для клеветников добродетели, противный самому государю в сих новых обстоятельствах. Требовали клятвы от всех бояр и знатных людей не держаться стороны удаленных, наказанных *изменников* и быть верными государю. Присягнули, одни с радостию, другие с печалию, угадывая следствия, которые и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинством и способом угождать царю, сделалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Иоанну: «Всегда ли плакать тебе о супруге? Найдешь другую, равно прелестную; но можешь неумеренностию в скорби повредить своему здравию бесценному. Бог и народ требуют, чтобы ты в земной горести искал и земного утешения». Иоанн искренно любил супругу, но имел легкость во нраве, несогласную с глубокими впечатлениями горести.

Он без гнева внимал утешителям — и чрез восемь дней по кончине Анастасии митрополит, святители, бояре торжественно предложили ему искать невесты: законы пристойности были тогда не строги. Раздав по церквам и для бедных несколько тысяч рублей в память усопшей, послав богатую милостыню в Иерусалим, в Грецию, государь 18 августа [1560 г.] объявил, что намерен жениться на сестре короля польского.

С сего времени умолк плач во дворце. Начали забавлять царя, сперва беседою приятною, шутками, а скоро и *светлыми* пирами; напоминали друг другу, что вино радует сердце; смеялись над старым обычаем умеренности; называли постничество лицемерием. Дворец уже казался тесным для сих шумных сборищ: юных царевичей[4], брата Иоаннова Юрия и казанского царя Александра, перевели в особенные домы. Ежедневно вымышлялись новые потехи, игрища, на коих трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностию. Еще многие бояре, сановники не могли вдруг перемениться в обычаях; сидели за светлою трапезою с лицом туманным, уклонялись от чаши, не пили и вздыхали; их осмеивали, унижали: лили им вино на голову. Между новыми любимцами государевы-

ми отличались боярин Алексей Басманов, сын его, кравчий Федор, князь Афанасий Вяземский, Василий Грязной[5], Малюта Скуратов-Бельский, готовые на все для удовлетворения своему честолюбию. Прежде они под личиною благонравия терялись в толпе обыкновенных царедворцев, но тогда выступили вперед и, по симпатии зла, вкрались в душу Иоанна, приятные ему какою-то легкостию ума, искусственною веселостию, хвастливым усердием исполнять, предупреждать его волю как Божественную, без всякого соображения с иными правилами, которые обуздывают и благих царей, и благих слуг царских, первых — в их желаниях, вторых — в исполнении оных. Старые друзья Иоанновы изъявляли любовь к государю и к добродетели, новые — только к государю и казались тем любезнее. Они сговорились с двумя или с тремя монахами, заслужившими доверенность Иоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коим надлежало снисходительным учением ободрять робкую совесть царя и своим присутствием как бы оправдывать бесчиние шумных пиров его. Курбский в особенности именует здесь чудовского архимандрита Левкия[6], главного угодника придворного. Порок ведет к пороку: женолюбивый Иоанн, разгорячаемый

вином, забыл целомудрие и в ожидании новой супруги для вечной, единственной любви искал временных предметов в удовлетворение грубым вожделениям чувственным. Мнимая, прозрачная завеса тайны не скрывает слабостей венценосца: люди с изумлением спрашивали друг у друга, каким гибельным наитием государь, дотоле пример воздержания и чистоты душевной, мог унизиться до распутства?

Сие, без сомнения, великое зло произвело еще ужаснейшее. Развратники, указывая царю на печальные лица важных бояр, шептали: «Вот твои недоброхоты! Вопреки данной ими присяге они живут адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотят прежнего своевольства». Такие ядовитые наветы растравляли Иоанново сердце, уже беспокойное в чувстве своих пороков; взор его мутился; из уст вырывались слова грозные. Обвиняя бояр в злых намерениях, в вероломстве, в упорной привязанности к ненавистной памяти мнимых изменников, он решился быть строгим и сделался мучителем, коему равного едва ли найдем в самых Тацитовых летописях!.. Не вдруг, конечно, рассвирепела душа, некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны; но летописцы не могли

проникнуть в ее внутренность; не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями; видели только дела ужасные и называют тиранство Иоанново *чуждою бурею,* как бы из недр ада посланною возмутить, истерзать Россию. Оно началося гонением всех ближних Адашева: их лишали собственности, ссылали в места дальние. Народ жалел о невинных, проклиная ласкателей, новых советников царских; а царь злобился и хотел мерами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именем Мария[7], славилась в Москве христианскими добродетелями и дружбою Адашева; сказали, что она ненавидит и мыслит чародейством извести царя: ее казнили вместе с пятью сыновьями; а скоро и многих иных[8], обвиняемых в том же: знаменитого воинскими подвигами окольничего Данила Адашева, брата Алексеева, с двенадцатилетним сыном, трех Сатиных, коих сестра была за Алексием, и родственника его, Ивана Шишкина, с женою и детьми. Князь Дмитрий Оболенский-Овчинин, сын воеводы, умершего пленником в Литве, погиб за нескромное слово. Оскорбленный надменностию юного любимца государева Федора Басманова, князь Дмитрий сказал ему: «Мы служим царю трудами полезными, а ты гнусными

делами содомскими!» Басманов принес жалобу Иоанну, который в исступлении гнева, за обедом, вонзил несчастному князю нож в сердце; другие пишут, что он велел задушить его. Боярин князь Михайло Репнин также был жертвою великодушной смелости. Видя во дворце непристойное игрище, где царь, упоенный крепким медом, плясал с своими любимцами в масках, сей вельможа заплакал от горести. Иоанн хотел надеть на него маску, Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: «Государю ли быть скоморохом? По крайней мере, я, боярин и советник думы, не могу безумствовать». Царь выгнал его и через несколько дней велел умертвить, стоящего в святом храме, на молитве; кровь сего добродетельного мужа обагрила помост церковный. Угождая несчастному расположению души Иоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихие разговоры в семействах, между друзьями; смотрели на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступлений, ибо доносы нравились государю и судия не требовал улик верных. Так, без вины, без суда, убили князя Юрия Кашина, члена думы, и брата его; князя Дмитрия Курлятева, друга Адашевых, неволею постригли и скоро

умертвили со всем семейством; первостепенного вельможу, знатного *слугу государева,* победителя казанцев князя Михайла Воротынского с женою, с сыном и с дочерью сослали на Белоозеро. Ужас крымцев, воевода боярин Иван Шереметев был ввержен в душную темницу, истерзан, окован тяжкими цепями. Царь пришел к нему и хладнокровно спросил: «Где казна твоя? Ты слыл богачом». — *«Государь!* — отвечал полумертвый страдалец. — *Я руками нищих переслал ее к моему Христу Спасителю!»* Выпущенный из темницы, он еще несколько лет присутствовал в думе; наконец укрылся от мира в пустыне Белозерской, но не укрылся от гонения: Иоанн писал к тамошним монахам, что они излишно честят сего бывшего вельможу, как бы в досаду царю. Брат его, Никита Шереметев, также думный советник и воевода, израненный в битвах за отечество, был удавлен.

Москва цепенела в страхе. Кровь лилася; в темницах, в монастырях стенали жертвы; но… тиранство еще созревало: настоящее ужасало будущим! Нет исправления для мучителя, всегда более и более подозрительного, более и более свирепого; кровопийство не утоляет, но усиливает жажду крови: оно делается лютейшею из страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безумие,

казнь народов и самого тирана. Любопытно видеть, как сей государь, до конца жизни усердный чтитель Христианского Закона, хотел соглашать его Божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, *чародеи*, враги Христа и России; то смиренно винился пред Богом и людьми, называл себя *гнусным убийцею невинных*, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители Св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным иноком! Так писал Иоанн к князю Андрею Курбскому и к начальникам любимых им монастырей, во свидетельство, что глас неумолимой совести тревожил мутный сон души его, готовя ее к незапному, страшному пробуждению в могиле!

Оставим до времени ужасы тиранства, чтобы следовать за течением государственных дел, в коих природный ум Иоаннов еще был виден, как луч света посреди облаков темных.

Успехи наши в войне Ливонской заключились ударом сильным, решительным. Государь (в 1560 году) послал в Дерпт еще новую рать, 60

000 конницы и пехоты, 40 осадных пушек и 50 полевых, с знатнейшими воеводами, князьями Иваном Мстиславским и Петром Шуйским, чтобы непременно взять Феллин, главную защиту Ливонии, где заключился бывший магистр Фирстенберг[9]. Полки московские шли медленно берегом реки Эмбаха; тяжелый снаряд огнестрельный везли на судах; а воевода князь Барбашин[10] с 12 000 легких всадников спешил занять дорогу к морю, ибо носился слух, что Фирстенберг отправляет для безопасности богатую казну в Габзаль[11]. Утомив коней, Барбашин отдыхал верстах в пяти от Эрмиса[12], и в жаркий полдень, когда воины его спали в тени, сделалась тревога: 500 немецких всадников и столько же пехоты под начальством храброго ландмаршала Филиппа Беля с криком и воплем устремились из леса к нашему тихому стану, оберегаемому малочисленною стражею. Россияне хотя и знали о близости неприятеля, но думали, что он не вступит в битву с их превосходною силою. Внезапность дала ему только минутную выгоду: после первого замешательства россияне остановили, стеснили немцев и всех до единого истребили, взяв в плен 11 коммандоров и 120 рыцарей, в числе коих находился и главный предводитель. Утрата столь многих чиновников,

особенно ландмаршала, называемого последним ревностным защитником, последнею надеждою Ливонии, была величайшим бедствием для ордена. Представленный воеводам московским, сей знаменитый муж не изменился в своей душевной твердости; не таил внутренней скорби, но взирал на них с гордым величием; ответствовал на все вопросы искренно, спокойно, смело. Курбский, хваля его характер, ум, красноречие, повествует следующее:

«Стараясь приветливостию смягчить жестокую долю сего необыкновенного человека, мы за обедом ласково беседовали с ним об истории Ливонского ордена. *Когда,* — сказал он, — *усердие к истинной вере, добродетель, благочестие обитали в сердцах наших, тогда Господь явно помогал нам; не боялись мы ни россиян, ни литовских князей. Вы слыхали о той славной, достопамятной битве с грозным Витовтом*[13], *в коей легли шесть магистров орденских, один за другим избранных для предводительства, — таковы были древние рыцари; таковы и новейшие, с коими имел войну*[14] *дед нынешнего царя московского Иоанн Великий и которые столь мужественно сражались с вашим славным воеводою Даниилом. Когда же мы отступили от Бога*[15], *испровергли уставы истинной*

веры, прияли новую, изобретенную умом человеческим в угодность страстям, когда забыли чистоту нравов, вдались в гнусное сластолюбие, необузданно устремились на широкий путь разврата, тогда Бог предал орден в руки ваши. Грады красные, твердыни высокие, палаты и дворы светлые, созданные нашими предками, — сады и виноградy, ими насажденные, без труда вам достались. Но что говорю о россиянах! По крайней мере, вы брали мечом: другие (поляки) *меча не обнажали, а брали, лукаво обещая нам дружбу, защиту, вспоможение. Вот их дружба: стоим пред вами в узах и милое отечество гибнет!.. Нет, не думайте, чтобы вы доблестию победили нас: Бог вами казнит грешников!* Тут он залился слезами, отер их и с лицом светлым примолвил: *Но я благодарю Всевышнего и в оковах: сладостно терпеть за отечество, и не боюся смерти!* Воеводы российские слушали его с любопытством, с сердечным умилением и, послав в Москву вместе со всеми пленниками, убедительно писали к государю, чтобы он изъявил милосердие к сему добродетельному витязю, который, будучи столь уважаем в Ливонии, мог оказать нам великие услуги и склонить магистра к покорности. Но Иоанн уже любил тогда жестокость: призвав его

к себе, начал говорить с ним гневно. Великодушный пленник ответствовал, что Ливония стоит за честь, за свободу и гнушается рабством; что мы ведем войну как лютые варвары и кровопийцы. Иоанн велел отсечь ему голову — за *противное* слово (говорит летописец) и за вероломное нарушение перемирия. Невольно удивляясь смелой твердости Беля, Иоанн послал остановить казнь; но она между тем совершилась.

Полководцы наши, осадив Феллин, разбили пушками стены и в одну ночь зажгли город в разных местах. Тогда воины немецкие объявили Фирстенбергу, что надобно вступить в переговоры. Тщетно сей знаменитый старец убеждал их не изменять чести и долгу, предлагая им все свои сокровища, золото и серебро в награду за мужество: наемники не хотели верной смерти, ибо ниоткуда не могли ждать помощи. Фирстенберг требовал, чтобы россияне выпустили его с казною; Совет боярский не принял сего условия, ответствуя, что государь для чести желает иметь магистра пленником, а из великодушия обещает ему милость. Выпустили только воинов немецких (21 августа); но, узнав, что они разломали сундуки Фирстенберговы и похитили многие драгоценности, свезенные ливонским дворянством

в Феллин, князь Мстиславский велел отнять у них все, взятое ими беззаконно, даже и собственность, так что сии несчастные пришли нагие в Ригу, где Кетлер[16] повесил их как изменников. Заняв город, россияне удивились малодушию немцев, которые могли бы долго противиться величайшим усилиям осаждающих, имея в нем три каменные крепости с глубокими рвами, 450 пушек и множество всяких запасов. «Такая робость неприятелей, — говорили они, — есть милость Божия к царю православному». Когда пленники феллинские прибыли в Москву, Иоанн велел показать их народу и водить из улицы в улицу. Пишут, что царь казанский, находясь в числе любопытных зрителей сего торжества, плюнул на одного немецкого сановника, сказав ему: «За дело вам, безумцам! Вы научили русских владеть оружием: погубили нас и самих себя!» Государь принял Фирстенберга весьма благосклонно; исполнил все обещания воевод и дал ему костромское местечко Любим во владение, где он и кончил дни свои, жалуясь на судьбу, но искренно хваля милосердие Иоанново.

Падение Феллина предвестило совершенное падение ордена. Города Тарваст, Руя, Верполь[17] и многие укрепленные замки сдалися. Князь

Андрей Курбский разбил нового орденского ландмаршала близ Вольмара[18] и, сведав, что легкие отряды литовские приближаются к Вендену[19], встретил их как неприятелей, обратил в бегство, выгнал из пределов Ливонии. Воевода Яковлев[20], опустошив приморскую часть Эстонии, захватил множество скота и богатства, ибо знатнейшие жители Гаррии[21] укрывались там с своим имением. Он шел мимо Ревеля: смелые граждане, числом менее тысячи, сделали вылазку и были жертвою нашей превосходной силы, легли на месте или отдалися в плен. Вероятно, что россияне могли бы овладеть тогда и Ревелем; но главный воевода князь Мстиславский на пути к нему хотел без государева повеления взять крепкий, окруженный вязкими ржавцами Вейсенштейн[22]: стоял под ним шесть недель, не отважился на приступ, издержал все запасы и должен был осенью возвратиться в Россию.

В сие время Ливония уже перестала мыслить о сохранении независимости: изнуренная бесполезными усилиями, она искала только лучшего властелина, чтобы спасти бедные остатки свои от плена и меча россиян. Фридерик[23], король датский, хотел Эстонии и купил для своего брата Магнуса епископство эзельское: сей юный принц,

осужденный быть удивительным игралищем судьбы, весною 1560 года прибыл в Габзаль с лестными обещаниями для рыцарства. Король шведский не показывал властолюбивых замыслов на орденские земли, но, боясь успехов России, дал знать магистру, что он готов снабдить Ревель воинскими запасами; что тамошние жители в случае осады могут прислать жен и детей в Финляндию; что Швеция, забывая неверность ордена, искренно ему благоприятствует и никогда не согласится на его уничтожение. Так думал старец Густав Ваза[24], умерший в конце 1560 года. Новый король Эрик[25] действовал решительнее: представил чинам эстонским, с одной стороны, неминуемую гибель, с другой — защиту, спасение и без великого труда убедил их объявить себя подданными Швеции, к досаде магистра, который находился в тайных переговорах с Сигизмундом. Сие важное происшествие ускорило развязку драмы. Видя, что ветхое здание ордена рушится, Кетлер, архиепископ рижский и депутаты Ливонии спешили в Вильну, где 28 ноября 1561 года, в присутствии короля и вельмож литовских, навеки уничтожилось бытие знаменитого *братства меченосцев*, в силу торжественного, клятвою утвержденного договора, по коему Сигизмунд-

Август был признан государем Ливонии — с условием не изменять ни веры ее, ни законов, ни прав гражданских, — а Кетлер наследственным герцогом Курляндии, вассалом, или подручником королевским. В сей достопамятной грамоте сказано, что «Ливония, терзаемая лютейшим из врагов, не может спастися без тесного соединения с королевством Польским; что Сигизмунд обязан вступиться за христиан, утесняемых варварами; что он изгонит россиян и внесет войну в собственную их землю, ибо лучше питаться кровию неприятеля, нежели питать его своею». Возвратясь в Ригу, Кетлер всенародно сложил с себя достоинство магистра, крест и мантию, рыцари также, проливая слезы. Присягнув в верности к королю, он вручил его наместнику, князю Николаю Радзивилу[26], печать ордена, грамоты императоров и ключи городские; а Радзивил, именем короля, дал ему сан ливонского правителя. Таким образом, земли орденские разделились на пять частей: Нарва, Дерпт, Аллентакен, некоторые уезды Ервенские, Вирландские[27] и все места, соседственные с Россиею, были завоеваны Иоанном; Швеция взяла Гаррию, Ревель и половину Вирландии; Магнус владел Эзелем; Готгард Кетлер — Курляндиею и Семигалиею; Сигизмунд

— южною Ливониею. Каждый из сих владетелей старался приобрести любовь новых подданных, ибо сам Иоанн, ужасный в виде неприятеля, изъявлял милость народу и дворянству в областях завоеванных. Но конец ордена еще не мог быть концом бедствий для стесненной Ливонии, где четыре северные державы находились в опасном совместничестве друг с другом и где каждая из них желала распространить свое господство.

В то время, когда шведское войско уже вступало в Ревель, Эрик предлагал нам мир и дружбу, но с условием относиться во всем к самому царю, не к наместникам новогородским, и выключить из прежнего договора важную статью, коею Густав Ваза обязывался не помогать ни Литве, ни ордену. Чиновники шведские в переговорах с московскими боярами сказали им в угрозу: «Император, король Сигизмунд и Фридерик Датский убеждают государя нашего вместе с ними воевать Россию. Послы их в Стокгольме, Эрик не дал им решительного ответа, ибо ждет вашего». Бояре объявили, что Россия семь веков следует одной системе политической и не изменяет старых своих обычаев. «В Швеции, — говорили они, — было много владетелей до Эрика: который же не сносился с Новым городом? Густав Ваза, не

хотев того, видел ужасное опустошение земли своей[28] и смирился. Густав славился мудростию, а Эрик еще неизвестен. Легко начать злое дело, но трудно исправить его. Иоанн захотел — и взял два царства: что сделал ваш король новый? Или снова утвердите грамоту отца его, или вы еще не доедете до Стокгольма, а война уже запылает — и не скоро угаснет ее пламя. Вы пугаете нас Литвою, цесарем, Даниею; будьте друзьями всех царей и королей: не устрашимся». Сия твердость принудила шведов возобновить старый договор. Хотя Иоанн не мог без досады сведать о происшедшем в Эстонии; хотя чиновники новогородские, посланные в Стокгольм с мирною грамотою, жаловались царю, что Эрик принял их весьма грубо (и даже предлагал им есть мясо в постные дни); хотя они дали знать королю, что мы не будем равнодушными зрителями его властолюбия, однако ж мир состоялся, ибо царь не хотел умножать числа врагов своих до времени, чтобы управиться с главным, то есть с Литвою.

Мы говорили о сватовстве Иоанновом: он не сомневался в успехе его, и весьма ошибся, к прискорбию своего самолюбия. Послы наши, отправленные в Вильну, торжественно говорили Сигизмунду о мире, а тайно о желании царя быть

ему зятем. Им надлежало выбрать или большую сестру королевскую, Анну, или меньшую, Екатерину[29], смотря по их *красоте, здоровью и дородству*. Они избрали Екатерину. Сигизмунд ответствовал, что для сего нужно согласие императора, князя брауншвейгского и короля венгерского[30], ее покровителей и родственников; что приданое невесты, хранимое в польской казне, состоит из цепей, запон, платья и золота, всего на 100 000 червонных; что хотя и не следовало бы выдать меньшую сестру прежде большой, но он не противится сему браку с условием, чтобы Екатерина осталась в римском законе. Послы желали представиться невесте: им дозволили видеть ее в церкви и вручили портреты обеих сестер. Но Сигизмунд, уверенный в необходимости войны за Ливонию, считал бесполезным свойство с Иоанном. Прислав в Москву маршалка Шимковича будто бы для договора о мире и сватовстве, он требовал Новагорода, Пскова, земли Северской, Смоленска! Посол уехал, и неприятельские действия начались тем, что литовский гетман Радзивил[31], вступив с войском в Ливонию, взял город Тарваст: осада продолжалась пять недель, а воеводы московские не успели дать ему помощи; собирались, готовились и не хотели

слушаться друг друга, считаясь в старейшинстве между собою. Тогдашняя строгость Иоаннова не унимала зловредного местничества, и государь, казня вельмож за одно слово нескромное, за укорительный взгляд, за великодушную смелость, изъявлял снисхождение к сему старому обычаю. Подвиги нашего многочисленного войска состояли единственно в новом опустошении некоторых ливонских селений. Князь Василий Глинский[32] и Петр Серебряный ходили вслед за Радзивилом и побили его отряд близ Пернау[33]. Литовцы, заняв важнейшие крепости, не остались в Тарвасте: Иоанн велел разорить сей город до основания.

Тогда Сигизмунд написал к царю, что, долго и бесполезно убеждав его оставить Ливонию в покое, он должен прибегнуть к оружию; что Радзивил, взяв Тарваст, выпустил оттуда россиян; что виновник кровопролития даст ответ Богу; что мы еще можем отвратить войну, если выведем войско из бывших орденских владений и заплатим все убытки, или Европа увидит, на чьей стороне правда и месть великодушная, на чьей — лютость и стыд. Вручителю письма, дворянину Корсаку, единоверцу нашему, бояре объявили, что ему не будет оказано посольской чести, ибо грамота королевская исполнена выражений

непристойных; а царь отвечал Сигизмунду: «Ты умеешь слагать вину свою на других. Мы всегда уважали твои *справедливые* требования; но, забыв условия предков и собственную присягу, ты вступаешься в древнее достояние России: ибо Ливония наша, была и будет. Упрекаешь меня гордостию, властолюбием; совесть моя покойна, я воевал единственно для того, чтобы даровать свободу христианам, казнить неверных или вероломных. Не ты ли склоняешь короля шведского к нарушению заключенного им с Новым городом мира? Не ты ли, говоря со мною о дружбе и сватовстве, зовешь крымцев воевать мою землю? Грамота твоя к хану у меня в руках: прилагаю список ее, да устыдишься… И так уже знаем тебя совершенно, и более знать нечего. Возлагаем надежду на Судию Небесного: Он воздаст тебе по твоей злой хитрости и неправде».

Тогда Иоанн, уже решительно оставив мысль быть Сигизмундовым зятем, искал себе другой невесты в землях азиатских, по примеру наших древних князей. Ему сказали, что один из знатнейших черкесских владетелей, Темгрюк[34], имеет прелестную дочь; царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить закону. Митрополит был ее восприемником от купели, дав ей

христианское имя Мария. Брак совершился 21 августа 1561 года; но Иоанн не переставал жалеть о Екатерине, по крайней мере досадовать, готовясь мстить королю и за Ливонию, и за отказ в сватовстве, оскорбительный для гордости жениха.

Однако ж, несмотря на взаимные угрозы, воинские действия с обеих сторон были слабы: Иоанн опасался хана и держал полки в южной России, где предводительствовал ими князь Владимир Андреевич; а Сигизмунд, расставив войско по крепостям в Ливонии, имел в поле только малые отряды, которые приступали к Опочке, к Невлю. Князь Петр Серебряный разбил литовцев близ Мстиславля, Курбский выжег предместие Витебска; другие воеводы из Смоленска ходили к Дубровне, Орше, Копысу, Шклову. Более грабили, нежели сражались. Пан Ходкевич[35], предводитель Сигизмундова войска в Ливонии, убеждал наших воевод не тратить людей в бесполезных сшибках. Начались было и мирные переговоры: вельможи литовские писали к митрополиту и боярам московским, чтобы они своим ходатайством уняли кровопролитие. Старец Макарий велел сказать им: «Знаю только дела церковные; не *стужайте* мне государственными»; а бояре объявили, что Иоанн согласен на мир, если Си-

гизмунд не будет спорить с нами ни о Ливонии, ни о титуле царском. «Вспомните, — прибавили они, — что и самая Литва есть отчина государей московских! Для спокойствия обеих держав Иоанн хотел жениться на вашей королевне: Сигизмунд отвергнул его предложение — и для чего? Без сомнения, в угодность хану! Еще можно исправить зло; пользуйтесь временем!» Но 1563 год наступал, а послы королевские, ожидаемые в Москве, не являлись; уже не боясь хана, который, вступив в южную Россию, бежал назад от города Мценска, Иоанн замыслил нанести важный удар Литве.

В начале зимы собралися полки в Можайске, сам государь отправился туда декабря 23-го; а с ним князь Владимир Андреевич, цари казанские, Александр и Симеон, царевичи Ибак, Тохтамыш, Бекбулат, Кайбула[36] и сверх знатнейших воевод двенадцать бояр думских, 5 окольничих, 16 дьяков. Воинов было, как уверяют, 280 000, обозных людей 80 900, а пушек 200[37]. Сие огромное, необыкновенное ополчение столь внезапно вступило в Литву, что король, находясь в Польше, не хотел верить первой о том вести. Иоанн 31 января [1563 г.] осадил Полоцк и 7 февраля взял укрепления внешние. Тут узнали, что 40 000

литовцев с двадцатью пушками идут от Минска, гетман Радзивил предводительствовал ими; он дал слово королю спасти осажденный город, но, встреченный московскими воеводами, князьями Юрием Репниным[38] и Симеоном Палицким[39], не отважился на битву; хотел единственно тревожить россиян и не успел ничего сделать, ибо город 15 февраля был уже в руках Иоанновых. Тамошний начальник, именем Довойна[40], услужил царю своею безрассудностию: впустил в крепость 20 000 поселян и, через несколько дней выгнав их, дал случай Иоанну явить опасное в таких случаях великодушие. Сии несчастные шли на верную смерть и были приняты в московском стане как братья; из благодарности они указали нам множество хлеба, зарытого ими в глубоких ямах, и тайно известили граждан, что царь есть отец всех единоверных: побеждая, милует. Между тем ядра сыпались в город; стены падали, и малодушный воевода, в угодность жителям, спешил заключить выгодный договор с неприятелем снисходительным, который обещал свободу личную, целость имения — и не сдержал слова. Полоцк славился торговлею, промышленностию, избытком; Иоанн, взяв государственную казну, взял и собственность знатных, богатых людей, дворян,

купцов: золото, серебро, драгоценные вещи; отправил в Москву епископа, воеводу полоцкого, многих чиновников королевских, шляхту и граждан; велел разорить латинские церкви и крестить всех жидов, а непослушных топить в Двине. Одни королевские иноземные воины могли хвалиться великодушием победителя: им дали нарядные шубы и письменный милостивый пропуск, в коем Иоанн с удовольствием назвал себя великим князем *полоцким*, приказывая своим боярам, сановникам российским, черкесским, татарским, немецким оказывать им в пути защиту и вспоможение. Несколько дней он праздновал сие легкое, блестящее завоевание древнего княжества России, наследия достопамятной Гориславы, знаменитого в истории наших междоусобий и ранним подданством Литве спасенного от ига моголов; послал всюду гонцов, чтобы россияне изъявили благодарность небу за свою новую славу, и писал к первосвятителю Макарию: «Се ныне исполнилось пророчество дивнаго Петра-митрополита, сказавшаго, что Москва вознесет руки свои на плеща врагов ея!»

Сигизмунд и паны его были в страхе: многолюдный, укрепленный Полоцк считался главною твердынею Литвы, и воеводы московские, не

теряя времени, шли на Вильну, к Мстиславлю, в Самогитию, опустошая землю невозбранно, ибо гетман бежал назад в Минск. В сих обстоятельствах вельможи королевские писали к нашим боярам, что послы их готовы ехать в Москву, если мы остановим неприятельские действия; а царь, приказав ответствовать, что *посла ни секут, ни рубят*, дал Литве перемирие на шесть месяцев. Велев исправить укрепления, отслужив молебен в Софийском полоцком храме[41] и вверив защиту города мужественному князю Петру Шуйскому, государь 26 февраля выступил оттуда со всем войском, распустил его в Великих Луках, спешил в столицу и встретил на пути бояр, высланных к нему из Москвы с поздравлениями от сыновей и супруги. Мать князя Владимира Андреевича, Евфросиния[42], великолепно угостила его в уделе своего сына, в Старице. Царевич Иоанн ждал родителя в обители Св. Иосифа[43], Феодор в селе Крылацком[44]. Тут был новый пир; а на другой день, 21 марта, когда государь ехал Крылацким полем, явился боярин Траханиотов с вестию, что царица родила ему сына Василия[45]. У церкви Бориса и Глеба[46], на Арбате, стояло духовенство с хоругвями и крестами: Иоанн благодарил митрополита и святителей за их усердные молитвы;

святители благодарили царя за мужество и победу. Он шел в торжестве, от Арбата до соборов, среди вельмож и народа, среди приветствий и восклицаний, точно так, как по взятии Казани… Недоставало народу единственно любви к государю, а государю счастия, ибо его нет для тиранов! — новорожденный царевич жил только пять недель.

Не сомневаясь в продолжении войны с Литвою и надеясь на благоприятное действие своей знаменитой победы, Иоанн известил о том хана; писал к нему с гордостию и с ласкою, напоминал искреннюю дружбу Менгли-Гирееву с великим князем Иоанном, счастливую для обеих держав, и все худые успехи крымских впадений, хотя вредных для России, но еще более для самой Тавриды, уже бедной людьми, оружием и конями; указывал на христианские церкви в Казани, в Астрахани; хвалился усердием верных князей черкесских и ногаев, сожалел о бессильной злобе Сигизмунда, наказанного стыдом, разорением земли его, и говорил: «Все паны королевские били челом боярам нашим, да прекратим их бедствия. Бояре молили князя Владимира Андреевича и вместе с ним пали к ногам моим, вещая: *Государь, у нас одна вера: на что более проливать кровь?*

Руки твои наполнились плена и богатства; ты взял лучший город у Сигизмунда. Недруг в слезах и желает быть в твоей воле. Я не хотел оскорбить любезного мне брата и вельмож добрых; мы возвратились!.. Угодно ли тебе быть моим другом?» Уже несколько лет послы вероломного Девлет-Гирея сидели у нас в тесной неволе: их освободили в знак государева к нему благорасположения; но Иоанн в письме своем не хотел его назвать *братом* и вместо старинного *челобитья* приказал единственно поклон хану. Несмотря на то, посол московский Афанасий Нагой[47] должен был за тайну объявить крымским вельможам, что царь удалил от себя Адашевых, воеводу Шереметева и дьяка Ивана Михайлова[48] будто бы за их ненависть к Девлет-Гирею! Ум, ловкость нашего посла и богатые дары произвели действие: хан склонился к миру, года два не тревожил России и в знак своего доброжелательства открыл нам важную тайну. Мы видели, что могущественный Солиман неравнодушно смотрел на успехи Иоаннова величия и на гибель царств мусульманских: занимаясь другими, ближайшими опасностями и предприятиями, важнейшими для его славолюбия, он медлил; наконец, по внушению знатного беглеца астраханского князя Ярлыгаша замыслил

великое дело: соединить Дон с Волгою прокопом, основать крепость на Переволоке (там, где сии реки сближаются), другую на Волге, где ныне Царицын. Третью близ моря Каспийского, чтобы сперва утвердить безопасность своих Азовских владений, а после взять Астрахань, Казань, — стеснить, ослабить Россию. Главным орудием или действователем надлежало быть хану: султан велел ему идти к Астрахани, обещая прислать Доном пушки и людей, искусных в строении крепостей. Но, к счастию России, Девлет-Гирей страшился господства турков еще более, нежели ее силы: не хотел уступить им царств Батыевых и, стараясь доказать султану невозможность успеха, известил Иоанна о сем опасном для нас предприятии, которое осталось тогда без исполнения. Несмотря на дружелюбные сношения с Крымом, государь ласкал постоянного врага Девлет-Гиреева, главу ногайских владетелей, Исмаила[49], который оберегал Астрахань, уведомлял нас о вероломных замыслах ее князей, тайных друзей Крыма, и, к сожалению россиян, умер в 1563 году, оставив сына, Тин-Ахмата[50], начальником Орды Ногайской. Подобно отцу, сей князь усердно искал Иоанновой милости.

Уже Польша, Дания и Швеция воевали за Ливо-

нию; первые две хотели общими силами обуздать властолюбие Эрика, ибо шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вейсенштейн, у датчан Леаль[51] и Габзаль. Король датский Фридерик желал союза Иоаннова: царь утвердил с ним мир, как бы из великодушия уступив ему Эзель и Вик; но гордо отвергнул его посредничество в наших делах с Литвою, сказав: «Мы сами умеем стоять за себя и, кроме Божией помощи, не хотим никакой». Он велел отвести дворы купцам датским в Новегороде и Нарве, с условием, чтобы и нашим отведены были такие же в Копенгагене и Визби, где россияне издревле торговали. Гофмейстер Фридериков, Эллер Гарденберг, с другими чиновниками был в Москве для договора: князь Ромодановский[52] ездил в Данию для размена грамот. В то же время и шведы старались всячески улестить опасного царя: Эрик извинялся в неучтивостях, оказанных нашим послам, и прислал шесть знатных сановников в Москву, чтобы заключить *договор о Ливонии* с самим царем, а не с его воеводами. Ответом была грубая насмешка. Иоанн велел сказать Эрику: «Когда я с двором своим переселюсь в Швецию, тогда повелевай и величайся, а не ныне! Я от тебя так далеко, как небо от земли». Шведы уступили. Государь велел

боярину Морозову, наместнику ливонскому, дать королю особенное перемирие на семь лет по делам Ливонии; *дозволил* Эрику владеть Ревелем и всеми занятыми им городами в Эстонии, но оставил себе право по истечении означенного срока изгнать оттуда шведов как хищников; то есть Иоанн не мешал враждующим за Ливонию державам изнурять друг друга, готовый воспользоваться их ослаблением и присоединить ее к России. Увидим следствия, каких не ожидала его хитрая политика… Теперь будем говорить о внутренних происшествиях сего времени.

Второй брак Иоаннов не имел счастливых действий первого. Мария, одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии ни для его сердца, ни для государства, которое уже не могло с мыслию о царице соединять мысль о царской добродетели. Современники пишут, что сия княжна черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей, ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда. Равнодушный к Марии, Иоанн помнил Анастасию и еще лет семь, в память ее, наделял богатою милостынею святые монастыри Афонские. Та-

ким же образом государь чествил и память своего брата Юрия, умершего в исходе 1563 года. Сей князь, скудный умом, пользовался наружными знаками уважения и, не способный ни к ратным, ни к государственным делам, только именем начальствовал в Москве, когда царь выезжал из столицы. Но супруга его Иулиания считалась второю Анастасиею по своим необыкновенным достоинствам: она решилась оставить свет. Иоанн, царица Мария, князь Владимир Андреевич, бояре и народ в глубоком молчании шли за нею от кремля до Новодевичьего монастыря[53], где, названная во инокинях Александрою, она хотела кончить дни свои в мире, не предвидя, что сей тронутый ее ревностным, ангельским благочестием царь, исполненный к ней — так казалось — любви и братской нежности, в порыве безумного гнева будет ее свирепым убийцею! Он желал, чтобы невестка его и в виде смиренной монахини имела почести царские: устроил ей в келиях пышный двор, дал сановников в услугу и богатые поместья во владение, как бы желая тем еще привязать ее к суетам мира!

Еще прежде Иулиании, волею или неволею, постриглась мать князя Владимира Андреевича, честолюбивая Евфросиния, вместе с сыном за-

служив гнев царя по доносу дьяка их, который за свои худые дела сидел в темнице. Государь призвал обвиняемых, митрополита, епископов: *уличил* — как сказано в летописи — мать и сына *в неправде,* но, уважив моление духовенства, из *милосердия* отпустил им вину. Тогда Евфросиния, оставив свет, заключилась в Воскресенском монастыре на Белеозере[54], куда проводили ее знатные дворские чиновники; а князю Владимиру Иоанн дал *новых* бояр, стольников и дьяков, взяв его собственных к себе в царскую службу: то есть окружил сего князя надзирателями; между тем обходился с ним ласково, ездил к нему гостем в Старицу, в Верею, в села Вышегородские, чтобы пировать и веселиться. Еще внутренняя злоба таилась под личиною дружелюбия.

В последний день 1563 года скончался в глубокой старости знаменитый митрополит Макарий, обвиняемый современниками в честолюбии, в робости духа, но хвалимый за благонравие: не смелый обличитель царских пороков, но и не грубый льстец их. За несколько дней до смерти открывая душу пред людьми и Богом в грамоте прощальной, Макарий пишет, что, изнуряемый многими печалями, он несколько раз хотел удалиться от дел и посвятить себя *житию мол-*

чальному, или пустынному, но царь и святители всегда неотступно убеждали его остаться. Сей пастырь Церкви не был, кажется, спокойным зрителем Иоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану иерарха. Ревностный к успехам христианского просвещения, он велел перевести греческую Минею и прибавил к ней жития святых российских, как древних, так и новейших, для коих собором 26 февраля 1547 года уставил он службу и празднества: новогородскому архиепископу Иоанну, Александру Невскому, Савватию, Зосиме Соловецким и другим. Макарий велел также сочинить известную Степенную книгу, доведенную от Рюрика до 1559 года, и способствовал учреждению первой в Москве типографии. Европа уже около ста лет пользовалась счастливым открытием Гутенберга, Фауста, Шеффера[55]: государи московские слышали о том и хотели присвоить себе выгоду, столь важную для успехов просвещения, им любезного. Великий князь Иоанн III давал жалованье славному любекскому типографщику Варфоломею[56]; царь Иоанн в 1547 году искал в Германии художников *для книжного дела* и, как вероятно, нашел их для образования наших собственных в Москве, ибо в 1553 году он приказал устроить особенный дом

книгопечатания под руководством двух мастеров, Ивана Федорова, диакона церкви Св. Николая Гостунского[57], и Петра Тимофеева Мстиславца, которые в 1564 году издали *Деяния* и *Послания* апостолов, древнейшую из печатных книг российских, достойную замечания красотою букв и бумаги. В прибавлении сказано, что Макарий благословил царя на благое дело доставить христианам вместо неверных рукописей печатные, исправные книги, содержащие в себе и Закон Божий, и службу церковную: для чего надлежало сличать древнейшие, лучшие списки, дабы не обмануться ни в словах, ни в смысле. Сие важное предприятие, внушенное христианскою просвещенною ревностию, возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и суеверы, изумленные новостию. Начались толки, и художник Иван Федоров, смертию Макария лишенный усердного покровителя, как мнимый еретик, должен был — вместе с своим товарищем Петром Мстиславцем — удалиться от гонителей в Литву. Хотя московская типография, переведенная в Александровскую слободу, еще напечатала Евангелие[58], но царь уступил славу издать всю Библию волынскому князю

Константину Константиновичу[59], одному из потомков св. Владимира. Сей князь, ревностный сын нашей Церкви, с любовию приняв изгнанника Ивана Федорова, завел типографию в своем городе Остроге; достал в Москве же (чрез государственного секретаря литовского Гарабурду) полный список Ветхого и Нового Завета, сверил его с греческою Библиею, присланною к нему от Иеремии[60], патриарха константинопольского, исправил (посредством некоторых филологов) и напечатал в 1581 году, заслужив тем благодарность всех единоверцев. Между достопамятными церковными деяниями Макариева времени заметим еще учреждение полоцкой *архиепископии*[61] в честь сего древнего княжества и тамошнего знаменитого храма Софийского. Бывший святитель суздальский Трифон Ступишин, постриженник св. Иосифа Волоцкого, муж добродетельный, но ветхий и недужный, в угодность царю принял сан полоцкого архипастыря.

По кончине Макария все епископы съехались в Москву, чтобы избрать нового пастыря Церкви; но еще прежде того, исполняя волю государеву, они соборною грамотою уставили, что митрополиты российские должны впредь носить *клобуки белые, с рясами и с херувимом,* как изобража-

ются на иконах митрополиты Петр и Алексий, новогородский архиепископ Иоанн и чудотворцы ростовские Леонтий, Игнатий, Исаия. «Для чего, — сказано в сей грамоте, — для чего одни святители новогородские носят ныне белые клобуки, мы искали и не могли найти в писаниях. Да возвратится митрополитам их древнее отличие! Да печатают также, подобно архиепископам новогородскому и казанскому, все грамоты свои *красным воском*. Печать на одной стороне должна представлять образ Богоматери со Младенцем, а на другой — руку *благословенную* с именем митрополита». Чрез несколько дней [24 февраля 1564 г.] был избран в первосвятители инок Чудова монастыря Афанасий, бывший благовещенский протоиерей и духовник государев. По совершении литургии владыки, сняв с митрополита одежду служебную, возложили на него *златую икону вратную,* мантию с источниками и белый клобук. Афанасий стал на святительское место, выслушал приветственную речь царя, дал ему благословение и громогласно молил Всевышнего, да ниспошлет здравие и победы Иоанну. Он уже не смел, кажется, говорить о добродетели!

Глава II
Продолжение царствования Иоанна Грозного. Годы 1563–1569

Перемирие, данное Иоанном Сигизмунду, не мешало россиянам и литовцам нападать друг на друга. Первые малочисленными отрядами довершали завоевание Полоцкой области. Слуга Сигизмундов, князь Михайло Вишневецкий[62], с толпами козаков и белогородских татар опустошал уезды Черниговские, Стародубские: князь Иван Щербатый[63], северский воевода, разбил его наголову. Послов Сигизмундовых долго ждали в Москве; наконец они приехали, 5 декабря 1563 года, и, следуя обыкновению, требовали от нас Новагорода, Пскова, кроме всех завоеваний деда, отца Иоаннова и его собственных; а бояре наши, также следуя обыкновению, ответствовали, что мы для надежного мира должны взять у Литвы не только Киев, Волынию, Подолию, но и Вильну, которая в древние времена принадлежала России. Они говорили о неправдах, лукавстве, спеси короля, не хотящего именовать Иоанна царем и замышляющего быть государем Ливонии,

где еще в XI веке основан Ярославом Великим город Юрьев и где Александр Невский огнем и мечом казнил своих подданных, немцев, за их бунт и непослушание. «Так было, — заключили бояре словом государя, — так было до времен *великого мстителя неправдам,* моего деда; до славного родителя моего, *обретателя древней нашей отчины,* и до меня *смиренного*». Хотя с обеих сторон умерили требования; хотя мы соглашались уже не говорить о Вильне, Подолии, Волынии и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндию, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемирие на 10 или 15 лет, однако ж послы не приняли сего условия. Иоанн изустно сказал им: «Если король не хочет давать мне царского имени, да будет его воля! Не имею нужды в титуле, ибо всем известно, что род мой происходит от кесаря Августа; а данного Богом человек не отнимет». Такая генеалогия должна была удивить послов: им, без сомнения, объяснили ее. Надобно знать, что московские книжники сего времени, может быть, в угодность Иоаннову честолюбию призводили первого князя новогородского Рюрика от мнимого Прусса, Августова брата, который будто бы, оставив Рим, сделался владетелем Пруссии. Послы не спорили

о предках Рюриковых, но не хотели утвердить за ними ни Полоцкой области, ни Ливонии и выехали из Москвы 9 января [1564 г.].

Тогда воеводы московские немедленно выступили, Шуйский из Полоцка, князья Серебряные-Оболенские из Вязьмы, чтобы действовать против Литвы: государь велел им соединиться под Оршею, идти к Минску, к Новугородку Литовскому; назначил станы, предписал все движения. Но князь Петр Шуйский, завоеватель Дерпта, славный и доблестию, и человеколюбием, как бы ослепленный роком, изъявил удивительную неосторожность: шел без всякого устройства, с толпами невооруженными; доспехи везли на санях; впереди не было стражи; никто не думал о неприятеле, а воевода троцкий, Николай Радзивил, с двором королевским, с лучшими полками литовскими, стоял близ Витебска; имел верных лазутчиков; знал все и вдруг близ Орши, в местах лесных, тесных[64], напал на россиян. Не успев ни стать в ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились в бегство, и воеводы, и воины. Несчастный Шуйский заплатил жизнию за свою неосторожность. Одни пишут, что он был застрелен в голову и найден мертвый в колодезе; другие, что литовский крестьянин изрубил его

секирою. Из знатных людей пали еще два брата, князья Симеон и Федор Палецкие. Литовцы взяли в плен воеводу Захария Плещеева-Очина[65], князя Ивана Охлябинина[66] и несколько детей боярских, так что мы из двадцати тысяч воинов лишились менее двухсот человек: все другие ушли в Полоцк, оставив неприятелю в добычу обозы и пушки. Тело Шуйского с торжеством отвезли в Вильну, а пленников российских представили больному королю в Варшаве: он велел петь молебны и действием радости исцелился от недуга.

Впрочем, сия победа не имела дальнейших счастливых следствий для Сигизмунда. Князья Оболенские стояли под Оршею: Радзивил не хотел сразиться с ними; желал единственно, чтобы они вышли из королевских владений, и для того гонец литовский с вестию о бедствии Шуйского нарочно был послан в Дубровну чрез такие места, где ему надлежало встретить россиян: его схватили и привели к воеводам нашим, которые, узнав, что случилось, действительно возвратились к Смоленску, но отмстив неприятелю огнем и мечом: выжгли селения от Дубровны до Кричева[67]; взяли в плен множество земледельцев. Месяцев пять миновало в бездействии с обеих сторон: в июле полководец Иоаннов, князь Юрий Ток-

маков[68], с малочисленною пехотою и конницею ходил из Невля к Озерищу[69] в надежде завладеть сим городом. Сведав, что 12 000 литовцев идут из Витебска спасти осажденных, сей воевода, известный мужеством, отпустил снаряд и пехоту на судах в Невль, с одною конницею встретил неприятеля и разбил его передовую дружину; но когда подошло главное войско литовское, он должен был отступить, бесчеловечно умертвив взятых им пленников. Смоленский воевода Бутурлин[70], предводительствуя детьми боярскими, татарами, мордвою, снова опустошил правый берег Днепра и вывел 4800 пленников обоего пола. Между тем литовцы тревожили впадением область Дерптскую; а козаки Сигизмундовы грабили купцов и посланников Иоанновых на пути из Москвы в Тавриду. Но скоро война сделалась важнее, по крайней мере для нас опаснее, от неожидаемой измены одного из славнейших воевод Иоанновых.

Ужас, наведенный жестокостями царя на всех россиян, произвел бегство многих из них в чужие земли. Князь Димитрий Вишневецкий[71] служил примером: усердный ко славе нашего отечества и любив Иоанна добродетельного, он не хотел подвергать себя злобному своенравию тирана: из

воинского стана в южной России ушел к Сигизмунду, который принял Димитрия милостиво, как злодея Иоаннова, и дал ему собственного медика, чтобы излечить сего славного воина от тяжкого недуга, произведенного в нем отравою. Но Вишневецкий не думал лить кровь единоверных россиян: тайно убеждаемый некоторыми вельможами Молдавии изгнать недостойного их господаря Стефана[72], он с дружиною верных козаков спешил туда искать новой славы и был жертвою обмана; никто не явился под знамена героя: Стефан пленил Вишневецкого и послал в Константинополь, где султан велел умертвить его. Вслед за Вишневецким отъехали в Литву два брата, знатные сановники, Алексей и Гаврило Черкасские[73], без сомнения угрожаемые опалою. Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя*, но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству! Юный, бодрый воевода, в нежном цвете лет ознаменованный славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, герой под Тулою, под Казанью, в степях башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец, друг царя, возложил на себя печать стыда и долг на исто-

рика вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников. То был князь Андрей Курбский. Доселе он имел славу заслуг, не имея ни малейшего пятна на сей славе в глазах потомства; но царь уже не любил его как друга Адашевых: искал только случая обвинить невинного. Начальствуя в Дерпте, сей гордый воевода сносил выговоры, разные оскорбления; слышал угрозы; наконец сведал, что ему готовится погибель. Не боясь смерти в битвах, но устрашенный казнию, Курбский спросил у жены своей[74], чего она желает: видеть ли его мертвого пред собою или расстаться с ним живым навеки? Великодушная с твердостию ответствовала, что жизнь супруга ей драгоценнее счастия. Заливаясь слезами, он простился с нею, благословил девятилетнего сына, ночью тайно вышел из дому, пролез через городскую стену, нашел двух оседланных коней, изготовленных его верным слугою, и благополучно достиг Вольмара, занятого литовцами. Там воевода Сигизмундов принял изгнанника как друга, именем королевским обещая ему знатный сан и богатство. Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к

царю: усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому государю в Москве, на Красном крыльце, сказав: «От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича». Гневный царь ударил его в ногу острым жезлом своим: кровь лилася из язвы, слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курбского такого содержания.

«Царю, некогда светлому, от Бога прославленному — ныне же, по грехам нашим, омраченному адскою злобою в сердце, прокаженному в совести, тирану беспримерному между самыми неверными владыками земли. Внимай! В смятении горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзал ты сильных во Израиле, вождей знаменитых, данных тебе Вседержителем, и святую, победоносную кровь их пролиял во храмах Божиих? Разве они не пылали усердием к царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты верных называешь изменниками, христиан чародеями, свет тьмою и сладкое горьким! Чем прогневали тебя сии предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы царства, где предки наши томились в тяжкой неволе? Не ими ли взя-

ты твердыни германские в честь твоего имени? И что же воздаешь нам, бедным? Гибель! Разве ты сам бессмертен? Разве нет Бога и правосудия Вышнего для царя?.. Не описываю всего, претерпенного мною от твоей жестокости: еще душа моя в смятении; скажу единое: ты лишил меня святые Руси! Кровь моя, за тебя излиянная, вопиет к Богу. Он видит сердца. Я искал вины своей, и в делах, и в тайных помышлениях; вопрошал совесть, внимал ответам ее и не ведаю греха моего пред тобою. Я водил полки твои и никогда не обращал хребта их к неприятелю: слава моя была твоею. Не год, не два служил тебе, но много лет, в трудах и в подвигах воинских, терпя нужду и болезни, не видя матери, не зная супруги, далеко от милого отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все известно. Ему поручаю себя в надежде на заступление святых и праотца моего, князя Феодора Ярославского[75]... Мы расстались с тобою навеки: не увидишь лица моего до дни суда Страшного. Но слезы невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мертвых: убитые тобою живы для Всевышнего, они у престола Его требуют мести! Не спасут тебя воинства; не сделают бессмертным ласкатели, бояре недостойные, товарищи пиров и неги, губители

души твоей, которые приносят тебе детей своих в жертву! Сию грамоту, омоченную слезами моими, велю положить в гроб с собою и явлюся с нею на суд Божий. Аминь. Писано в граде Вольмаре, в области короля Сигизмунда, государя моего, от коего с Божиею помощию надеюсь милости и жду утешения в скорбях».

Иоанн выслушал чтение письма и велел пытать вручителя, чтобы узнать от него все обстоятельства побега, все тайные связи, всех единомышленников Курбского в Москве. Добродетельный слуга, именем Василий Шибанов (сие имя принадлежит истории) не объявил ничего; в ужасных муках хвалил своего отца-господина; радовался мыслию, что за него умирает. Такая великодушная твердость, усердие, любовь изумили всех и самого Иоанна, как он говорит о том в письме к изгнаннику, ибо царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому. «Во имя Бога всемогущего, — пишет Иоанн, — Того, Кем живем и движемся, Кем цари царствуют и сильные глаголют, смиренный христианский ответ бывшему российскому боярину, нашему советнику и воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому, *восхотевшему быть ярославским владыкою*…

Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая бренное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего же не хотел умереть от меня, строптивого владыки, и наследовать венец мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень; блажен, кто смертию приобретает душевное спасение! Устыдися раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие пред царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты, от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников; не только себя, но и душу предков твоих, ибо они клялися великому моему деду служить нам верно со всем их потомством. Я читал и разумел твое писание. Яд аспида в устах изменника; слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы ко врагу нашему, если бы мы не излишно миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вины, но всегда легко и с любовию; а жаловал примерно. Ты в юных летах был воеводою и советником царским; имел все почести и богатство. Вспомни отца своего: он служил в боярах у князя Михайла Кубенского![76] Хвалишься пролитием крови своей в битвах: но ты единственно платил долг отечеству. И велика ли слава твоих подви-

гов? Когда хан бежал от Тулы[77], вы пировали на обеде у князя Григория Темкина и дали неприятелю время уйти восвояси. Вы были под Невлем с 15 000 и не умели разбить четырех тысяч литовцев[78]. Говоришь о царствах Батыевых, будто бы вами покоренных: разумеешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани); но чего нам стоило вести вас к победе? Сами идти не желая, вы безумными словами и в других охлаждали ревность к воинской славе. Когда буря истребила под Казанью суда наши с запасом, вы хотели бежать малодушно — и безвременно требовали решительной битвы, чтобы возвратиться в домы, победителями или побежденными, но только скорее. Когда Бог даровал нам город, что вы делали? Грабили! А Ливониею можете ли хвалиться? Ты жил праздно во Пскове, и мы семь раз писали к тебе, писали к князю Петру Шуйскому: *идите на немцев!* Вы с малым числом людей взяли тогда более пятидесяти городов[79]; но своим ли умом и мужеством? Нет, только исполнением, хотя и ленивым, нашего распоряжения. Что ж вы сделали после с своим мудрым начальником Алексеем Адашевым, имея у себя войско многочисленное? Едва могли взять Феллин: ушли от Пайды (Вейсенштейна)![80] Если бы не ваша строптивость,

то Ливония давно бы вся принадлежала России. Вы побеждали невольно, действуя как рабы, единственно силою понуждения. Вы говорите, проливали за нас кровь свою; мы же проливали пот и слезы от вашего неповиновения. Что было отечество в ваше царствование и в наше малолетство? Пустынею от Востока до Запада; а мы, уняв вас, устроили села и грады там, где витали дикие звери. Горе дому, коим владеет жена; горе царству, коим владеют многие! Кесарь Август повелевал вселенною, ибо не делился ни с кем властию: Византия пала, когда цари начали слушаться эпархов, синклитов и попов, братьев вашего Сильвестра». Тут Иоанн описывает уже известные читателю вины бывших своих любимцев и продолжает: «Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим *сильных во Израиле*; их кровию не обагряем церквей Божиих: *сильные,* добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же щадят их? Константин Великий не пощадил и сына своего[81], а предок ваш, святый князь Феодор Ростиславич, сколько убил христиан в Смоленске?[82] Много опал, горестных для моего сердца; но еще более измен гнусных, везде и всем известных. Спроси у купцов чужеземных,

приезжающих в наше государство: они скажут тебе, что твои *предстатели* суть злодеи уличенные, коих не может носить земля Русская. И что такое *предстатели отечества*? Святые ли, боги ли, как Аполлоны, Юпитеры? Доселе владетели российские были вольны, независимы: жаловали и казнили своих подданных без отчета. Так и будет! Уже я не младенец. Имею нужду в милости Божией, Пречистыя Девы Марии и святых угодников: наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует; бояре мои живут в любви и согласии; одни друзья, советники ваши, еще во тьме коварствуют. Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь манихейская! Вы думаете, что Господь царствует только на небесах, диавол во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! Везде Господня держава, и в сей, и в будущей жизни. Ты пишешь, что я не узрю здесь лица твоего *ефиопского*: горе мне! Какое бедствие! Престол Всевышнего окружаешь ты убиенными мною: вот новая ересь! Никто, по слову апостола, не может видеть Бога. Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра христианства в тебе угасла, ибо христианин умирает с любовию, с

прощением, а не с злобою. К довершению измены называешь ливонский город Вольмар областию короля Сигизмунда и надеешься от него милости, оставив своего законного, Богом данного тебе властителя. Ты избрал себе государя лучшего! Великий король твой есть раб рабов: удивительно ли, что его хвалят рабы? Но умолкаю: Соломон не велит плодить речей с безумными, таков ты действительно. Писано нашея великия России в царствующем граде Москве, лета мироздания 7072, июля месяца в 5 день».

Сие письмо, наполненное изречениями Ветхого и Нового Завета, свидетельствами историческими, богословскими толкованиями и грубыми насмешками, составляет целую книгу в подлиннике. Курбский ответствовал на оное[83] с презрением: стыдил Иоанна забвением властительского достоинства, унижаемого языком бранным, суесловием жалким, непристойною смесию Божественных сказаний с ложью и клеветами. «Я невинен и бедствую в изгнании, — говорит он, — добрые жалеют обо мне, следственно не ты! Пождем мало: истина не далеко». Доселе можем осуждать изгнанника только за *язвительность* жалобы и за то, что он наслаждению мести, удовольствию терзать мучителя словами смелыми

пожертвовал добрым, усердным слугою: по крайней мере еще не видим в нем государственного преступника и не можем верить обвинению, что Курбский хотел будто бы назваться *государем ярославским*. Но, увлеченный страстию, сей муж злополучный лишил себя выгоды быть правым и главного утешения в бедствиях: внутреннего чувства добродетели. Он мог без угрызения совести искать убежища от гонителя в самой Литве, к несчастию, сделал более: пристал ко врагам отечества. Обласканный Сигизмундом, награжденный от него богатым поместьем Ковельским, он предал ему свою честь и душу; советовал, как губить Россию; упрекал короля слабостию в войне; убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас хана, и скоро услышали в Москве, что 70 000 литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Девлет-Гирей с 60 000 хищников вступил в Рязанскую область…

Сия последняя весть изумила царя: он ехал тогда на богомолье в Суздаль, всякой день ожидая новой шертной грамоты от хана, который обещал ему и мир, и союз. Грамота в самом деле была написана, и посол Иоаннов Афанасий Нагой уже готовился к отъезду из Тавриды; но золото Сигиз-

мундово все переменило: взяв его, Девлет-Гирей устремился на Россию, беззащитную, как он думал, ибо король писал к нему, что Иоанн со всеми полками на ливонской границе. Обманутый дружелюбными уверениями хана, царь действительно распустил наши полки украинские, так что в Рязани, осажденной Девлет-Гиреем, не было ни одного воина, кроме жителей. Она спаслася геройством двух любимцев государевых, боярина Алексея Басманова и сына его Федора, которые, находясь тогда в их богатом поместье на берегу Оки, первые известили царя о неприятеле, первые вооружились с людьми своими, разбили несколько отрядов ханских и засели в Рязани, где ветхие стены падали, но где ревность, неустрашимость сих витязей вместе с увещаниями епископа Филофея[84] одушевили граждан редким мужеством. Крымцы приступали днем и ночью без успеха: трупы их лежали грудами под стенами. Действие нашего огнестрельного снаряда не давало им отдыха и в стане. Узнав, что Иоанн в Москве, что воеводы Федоров и Яковлев с царскою дружиною уже стоят на берегу Оки, что из Михайлова, из Дедилова идет к ним войско, что смелые наездники российские везде бьют крымцев, приближаясь к самому их стану, Девлет-Гирей ушел

еще скорее, нежели пришел; не дождался и своих отрядов, которые жгли берега Оки и Вожи. За ним не гналися; но ширинский князь его, Мамай, хотев долее грабить в селах Пронских, был разбит и взят в плен с 500 крымцев; на месте легло их более трех тысяч. Чрез 6 дней все затихло: уже не было слуха о крымцах. Иоанн, оставив царицу и детей в Александровской слободе, выезжал из Москвы к войску, когда Басмановы донесли ему о бегстве неприятеля: личная доблесть и слава сих двух любимцев еще более оживляла его радость; он дал им золотые медали.

Внимание государя обратилось на Полоцк: и там мы торжествовали, к стыду изменника нашего и гордого пана Радзивила, главного воеводы Сигизмундова. Они расположились станом в двух верстах от города, между реками Двиною и Полотою, в надежде, что возьмут его одним страхом или изменою; но воевода полоцкий, князь Петр Щенятев, ответствовал на их предложения выстрелами, а бывший царь казанский Симеон, князья Иван Пронский, Петр и Василий Оболенские-Серебряные спешили из Великих Лук зайти неприятелю в тыл, ибо государь, угадывая действие советов Курбского, заблаговременно усилил полки свои на сей границе. Радзивил не

имел доверенности к Курбскому (такова участь предателей!): вопреки его мнению опасался битвы, в коей мог быть между двумя огнями; 17 дней стоял праздно; терял людей от выстрелов из крепости и 4 октября перешел на литовскую сторону Двины. Сего не довольно: воеводы московские, изгнав литовцев, взяли приступом [6 ноября] Озерище, и славный победитель Шуйского не сделал ни малейшего движения, чтобы спасти сию важную крепость. В ту же осень князь Василий Прозоровский[85] отразил литовцев от Чернигова и, взяв знамя пана Сапеги[86], заслужил царскую милость. Зимою Курбский с 15 000 воинов королевских входил в область Великих Лук; но подвиги его состояли единственно в разорении сел, даже монастырей. «То сделалось против моей воли, — писал он к Иоанну, — нельзя было удержать хищных ратников. Я воевал мое отечество так же, как Давид, гонимый Саулом, воевал землю Израильскую».

К общему распоряжению короля принадлежали и действия воевод его в Ливонии: чтобы способствовать успехам хана и Радзивила, он велел князю Александру Полубенскому[87] и другим своим воеводам идти к Мариенбургу[88], Дерпту, в область Псковскую. Было несколько дел,

довольно важных[89]: в одном храбрый витязь Иоаннов Василий Вешняков[90] разбил неприятеля, а в другом князь Иван Шуйский и меньший Шереметев[91] уступили ему поле битвы. Литовцы не могли овладеть Красным; не могли защитить окрестностей Шмильтена, Вендена, Вольмара, Роннебурга[92], откуда мужественный воевода Бутурлин вывел 3200 пленников, за что государь прислал к нему золотые медали. Силы литовцев были разделены: они сражались и с нами, и с шведами; последние же на сухом пути с ними, а на море с датчанами, за спорную Ливонию, к удовольствию Иоанна, который внутренне смеялся над их усилиями, считая себя единственным ее законным государем.

Иоанн надеялся еще далее распространить пламя войны Ливонской и найти нового, усердного сподвижника против короля Сигизмунда в великом магистре немецком Вольфганге[93], ибо сей древний орден, утратив свое бытие в Пруссии, был восстановлен в Германии, более именем и обрядами, нежели духом и характером. Вольфганг писал к царю, что он мыслит с помощию императора завоевать Пруссию, желает союза России, дабы общими силами наступить на Сигизмунда, и шлет послов в Москву; они действительно

приехали (в сентябре 1564 года) с письмами от императора Фердинанда и магистра, но единственно для того, чтобы исходатайствовать свободу пленнику, старцу Фирстенбергу: не было слова о союзе и войне. Государь с досадою ответствовал, что магистр ныне говорит одно, а завтра иное; что если Вольфганг отнимет у Сигизмунда Ригу и Венден, то царь пожалует ими Фирстенберга; что императору не будет ответа, ибо он писал к царю не с своим, а с чужими послами.

Таким образом, измена Курбского и замысел Сигизмундов потрясти Россию произвели одну кратковременную тревогу в Москве. Но сердце Иоанново не успокоилось, более и более кипело гневом, волновалось подозрениями. Все добрые вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского: он видел предательство в их печальных взорах, слышал укоризны или угрозы в их молчании; требовал доносов и жаловался, что их мало: самые бесстыдные клеветники не удовлетворяли его жажде к истязанию. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были пред ними и еще не издыхали, к его изумлению и муке. Иоанн искал предлога для новых ужасов, и вдруг, в начале зимы 1564 года, Москва узнала, что царь едет

неизвестно куда с своими ближними, дворянами, людьми приказными, воинскими, поимянно созванными для того из самых городов отдаленных, с их женами и детьми. 3 декабря, рано, явилось на кремлевской площади множество саней: в них сносили из дворца золото и серебро, святые иконы, кресты, сосуды драгоценные, одежды, деньги. Духовенство, бояре ждали государя в церкви Успения; он пришел и велел митрополиту служить обедню; молился с усердием; принял благословение от Афанасия, милостиво дал целовать руку свою боярам, чиновникам, купцам; сел в сани с царицею, с двумя сыновьями, с Алексеем Басмановым, Михайлом Салтыковым, князем Афанасием Вяземским, Иваном Чеботовым, с другими любимцами[94] и, провождаемый целым полком вооруженных всадников, уехал в село Коломенское, где жил две недели за распутьем, ибо сделалась необыкновенная оттепель, шли дожди и реки вскрылись. 17 декабря он с обозами своими переехал в село Тайнинское, оттуда в монастырь Троицкий, а к Рождеству в Александровскую слободу. В Москве, кроме митрополита, находились тогда многие святители: они вместе с боярами, вместе с народом, не зная, что думать о государевом необыкновенном, таинственном

путешествии, беспокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайного и, без сомнения, не радостного. Прошел месяц.

[1565 г.] 3 января вручили митрополиту Иоаннову грамоту, присланную с чиновником Константином Поливановым. Государь описывал в ней все мятежи, неустройства, беззакония боярского правления во время его малолетства; доказывал, что и вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли, поместья государевы: радели о своем богатстве, забывая отечество; что сей дух в них не изменился; что они не перестают злодействовать: воеводы не хотят быть защитниками христиан, удаляются от службы, дают хану, Литве, немцам терзать Россию; а если государь, движимый правосудием, объявляет гнев недостойным боярам и чиновникам, то митрополит и духовенство вступаются за виновных, грубят, стужают ему. «Вследствие чего, — писал Иоанн, — не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь». Другую грамоту прислал он к гостям, купцам и мещанам: дьяки Путило Михайлов и Андрей Васильев в собрании народа читали оную велегласно. Царь уверял добрых москвитян в своей милости, ска-

зывая, что опала и гнев его не касаются народа.

Столица пришла в ужас: безначалие казалось всем еще страшнее тиранства. «Государь нас оставил! — вопил народ. — Мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменными? Как могут быть овцы без пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от митрополита, чтобы он умилостивил Иоанна, никого не жалея и ничего не страшася. Все говорили ему одно: «Пусть царь казнит своих лиходеев: в животе и в смерти воля его; но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем. Мы все *с своими головами* едем за тобою *бить челом государю и плакаться*». То же говорили купцы и мещане, прибавляя: «Пусть царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!» Митрополит немедленно хотел ехать к царю; но в общем совете положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неописанном смятении. Все дела пресеклись; суды, приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными послами святителя новгородского Пимена[95] и чудовского архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие епископы[96]: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский,

Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, архимандриты троицкий, симоновский, спасский, андрониковский; за духовенством вельможи, князья Иван Дмитриевич Бельский[97], Иван Федорович Мстиславский, все бояре, окольничие, дворяне и приказные люди, прямо из палат митрополитовых, не заехав к себе в домы; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы *ударить челом государю и плакаться*.

Святители остановились в Слотине, послав доложить о себе Иоанну: он велел им ехать в Александровскую слободу с приставами и 5 января впустил их во дворец. Сказав царю благословение от митрополита, епископы слезно молили его снять опалу с духовенства, с вельмож, дворян, приказных людей, не оставлять государства, царствовать и действовать, как ему угодно; молили наконец, чтобы он дозволил боярам видеть очи царские. Иоанн впустил и бояр, которые с таким же умилением, с такою же силою убеждали царя сжалиться над Россиею, возвеличенною его победами и мудрыми уставами, славною мужеством ее народа многочисленного, богатою сокровищами природы, еще славнейшею благоверием. «Когда, — сказали вместе и духовные, и государственные сановники, — когда ты не

уважаешь мирского величия и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмов, где совершились чудеса Божественной к тебе милости, где лежат целебные мощи угодников Христовых. Вспомни, что ты блюститель не только государства, но и Церкви: первый, единственный монарх православия! Если удалишься, кто спасет истину, чистоту нашей веры? Кто спасет миллионы душ от погибели вечной?» Царь ответствовал с своим обыкновенным многоречием: повторил все известные упреки боярам в их своевольстве, нерадении, строптивости, ссылался на историю, доказывал, что они издревле были виновниками кровопролития, междоусобия в России, издревле врагами державных наследников Мономаховых, хотели (обвинение новое!) извести царя, супругу, сыновей его… Бояре безмолвствовали. «Но, — продолжал царь, — для отца моего митрополита Афанасия, для вас, богомольцев наших, архиепископов и епископов, соглашаюсь паки *взять свои государства*; а на каких условиях, вы узнаете». Условия состояли в том, чтобы Иоанну невозбранно казнить изменников, опалою, смертию, лишением достояния, без всякого стужения, без всяких претительных докук со стороны духовенства. В сих десяти сло-

вах Иоанн изрек гибель многим боярам, которые пред ним стояли: казалось, что никто из них не думал о своей жизни; хотели единственно возвратить царя царству, и все со слезами благодарили, славили Иоаннову милость, вельможи и духовенство, у коего отнимал государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинных, но и за виновных, еще достойных милосердия! — грозный владыка, как бы смягченный смирением обреченных жертв, велел святителям праздновать с ним Богоявление; удержал в слободе князей Бельского и Щенятева, а других бояр вместе с дьяками отпустил в Москву, чтобы дела не остановились в приказах.

Москва с нетерпением ждала царя, и долго; говорили, что он занимается тайным делом с людьми ближними; угадывали оное не без боязни. Наконец, 2 февраля Иоанн торжественно въехал в столицу и на другой день созвал духовенство, бояр, знатнейших чиновников. Вид его изумил всех. Опишем здесь наружность Иоаннову. Он был велик ростом, строен; имел *высокие* плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, проницательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное.

В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость; все черты исказились; взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его. Снова исчислив вины бояр и подтвердив согласие остаться царем, Иоанн много рассуждал о должности венценосцев блюсти спокойствие держав, брать все нужные для того меры, о кратковременности жизни, о необходимости видеть далее гроба и предложил устав *опричнины*: имя, дотоле неизвестное! Иоанн сказал, что он для своей и государственной безопасности учреждает особенных телохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недоверчивость, боязливость, свойственную нечистой совести; но обстоятельства удивили, а следствия привели в новый ужас Россию. 1) Царь объявлял своею собственностию города Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости Московские и другие с их доходами; 2) выбирал 1000 телохранителей из князей, дворян, детей боярских и давал им поместья в сих

городах, а тамошних вотчинников и владельцев переводил в иные места; 3) в самой Москве взял себе улицы Чертольскую, Арбатскую с Сивцевым Врагом, половину Никитской с разными слободами, откуда надлежало выслать всех дворян и приказных людей, не записанных в царскую тысячу; 4) назначил *особенных* сановников для услуг своих: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников, ремесленников; 5) наконец, как бы возненавидев славные воспоминания кремлевские и священные гробы предков, не хотел жить в великолепном дворце Иоанна III: указал строить новый[98] за Неглинною, между Арбатом и Никитскою улицею, и, подобно крепости, оградить высокою стеною. Сия часть России и Москвы, сия тысячная дружина Иоаннова, сей новый двор, как отдельная собственность царя, находясь под его непосредственным ведомством, были названы *опричниною,* а все остальное — то есть все государство — *земщиною,* которую Иоанн поручал *боярам земским,* князьям Бельскому, Мстиславскому и другим, велев старым государственным чиновникам — конюшему, дворецкому, казначеям, дьякам — сидеть в их приказах, решить все дела гражданские, а в важнейших относиться к боярам, коим дозволялось

в чрезвычайных случаях, особенно по ратным делам, ходить с докладом к государю. То есть Иоанн, по-видимому, желал как бы удалиться от царства, стеснив себя в малом кругу частного владетеля, и в доказательство, что *государево* и *государственное* уже не одно знаменуют в России, требовал себе из казны земской 100 000 рублей за издержки его путешествия от Москвы до слободы Александровской! Никто не противоречил: воля царская была законом. Обнародовали новое учреждение.

4 февраля Москва увидела исполнение *условий,* объявленных царем духовенству и боярам в Александровской слободе. Начались казни мнимых изменников, которые будто бы вместе с Курбским умышляли на жизнь Иоанна, покойной царицы Анастасии и детей его. Первою жертвою был славный воевода князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, потомок св. Владимира, Всеволода Великого и древних князей суздальских, знаменитый участник в завоевании Казанского царства, *муж ума глубокого,* искусный в делах ратных, ревностный друг отечества и христианин. Ему надлежало умереть вместе с сыном Петром, семнадцатилетним юношею. Оба шли к месту казни без страха, спокойно, держа друг друга за руку. Сын не хотел видеть казни отца и

первый склонил под меч свою голову: родитель отвел его от плахи, сказав с умилением: «Да не зрю тебя мертвого!» Юноша уступил ему первенство, взял отсеченную голову отца, поцеловал ее, взглянул на небо и с лицом веселым отдал себя в руки палача. Шурин Горбатого Петр Ховрин (родом грек), окольничий Головин[99], князь Иван Сухой-Кашин[100] и кравчий князь Петр Иванович Горенский[101] были казнены в тот же день; а князь Дмитрий Шевырев[102] посажен на кол: пишут, что сей несчастный страдал целый день, но, укрепляемый верою, забывал муку и пел канон Иисусу. Двух бояр, князей Ивана Куракина[103] и Дмитрия Немого[104], постригли; у многих дворян и детей боярских отняли имение; других с семействами сослали в Казань. Один из знатнейших вельмож, ближний родственник добродетельной царицы Анастасии, боярин и воевода Иван Петрович Яковлев также навлек на себя опалу; но Иоанн в самом ожесточении еще любил хвалиться милосердием: простив Яковлева, взял с него клятвенную грамоту, утвержденную подписями святителей, в том, чтобы не уходить ему из России ни в Литву, ни к Папе, ни к императору, ни к султану, ни к князю *Владимиру Андреевичу* и не иметь с ним никаких тайных сношений. Мы

упоминали о ссылке первостепенного боярина, славного воеводы князя Михаила Воротынского: лишенный имения, он года четыре жил на Белеозере, получая от государевой казны около 100 рублей ежегодно, сверх запаса, вин, плодов иноземных, одежды, белья. Наконец Иоанн возвратил сего знаменитого изгнанника ко двору, в думу: сделал наместником казанским и *державцем* Новосильским, обязав его в верности такою же грамотою, как и Яковлева, с прибавлением, что митрополит и епископы были их ходатаями. Не велев духовенству вступаться за опальных, царь желал польстить ему сим милостивым словом. Но ходатаев уже не было! Духовенство могло только слезами орошать олтари и воссылать теплые молитвы к Богу о спасении несчастных! Другие бояре — Лев Андреевич Салтыков[105], князья Василий Серебряный, Иван Охлябинин, Захария Очин-Плещеев — долженствовали представить за себя ручателей в неизменной службе государю; а в случае их бегства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести знатную сумму денег в казну: например, за князя Серебряного 25 000 рублей, или около полумиллиона нынешних. Предосторожность бесполезная и постыдная для государя;

но сей государь был тиран!

После казней Иоанн занялся образованием своей новой дружины. В совете с ним сидели Алексей Басманов, Малюта Скуратов, князь Афанасий Вяземский и другие любимцы. К ним приводили молодых детей боярских, отличных не достоинствами, но так называемым удальством, распутством, готовностию на все. Иоанн предлагал им вопросы о роде их, о друзьях и покровителях: требовалось именно, чтобы они не имели никакой связи с знатными боярами; неизвестность, самая низость происхождения вменялась им в достоинство. Вместо тысячи царь избрал 6000 и взял с них присягу служить ему верою и правдою, доносить на изменников, не дружиться с *земскими* (то есть со всеми не записанными в опричнину), не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За то государь дал им не только земли, но и домы и всю движимую собственность старых владельцев (числом 12 000), высланных из пределов опричнины с голыми руками, так что многие из них, люди заслуженные, израненные в битвах, с женами и детьми шли зимою пешком в иные отдаленные, пустые поместья. Самые земледельцы были жертвою се-

го несправедливого учреждения: новые дворяне, которые из нищих сделались большими господами, хотели пышностию закрасить свою подлость, имели нужду в деньгах, обременяли крестьян налогами, трудами: деревни разорились. Но сие зло казалось еще маловажным в сравнении с другим. Скоро увидели, что Иоанн предает всю Россию в жертву своим опричным: они были всегда правы в судах, а на них не было ни суда, ни управы. Опричник или *кромешник* — так стали называть их, как бы извергов тьмы *кромешней,* — мог безопасно теснить, грабить соседа и в случае жалобы брал с него пеню за бесчестье. Сверх многих иных злодейств, к ужасу мирных граждан, следующее вошло в обыкновение: слуга опричника, исполняя волю господина, с некоторыми вещами прятался в доме купца или дворянина; господин заявлял его мнимое бегство, мнимую кражу; требовал в суде пристава, находил своего беглеца с поличным и взыскивал с невинного хозяина пятьсот, тысячу или более рублей. Не было снисхождения: надлежало или немедленно заплатить, или идти на правеж: то есть неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сечь его всенародно до заплаты денег. Иногда опричник сам подметывал

что-нибудь в богатую лавку, уходил, возвращался с приставом и за сию будто бы краденную у него вещь разорял купца; иногда, схватив человека на улице, вел его в суд, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань, ибо сказать неучтивое слово кромешнику значило оскорбить самого царя; в таком случае невинный спасался от телесной казни тягостною денежною пенею. Одним словом, люди земские, от дворянина до мещанина, были безгласны, безответны против опричных; первые были *ловом,* последние *ловцами,* и единственно для того, чтобы Иоанн мог надеяться на усердие своих разбойников-телохранителей в новых замышляемых им убийствах. Чем более государство ненавидело опричных, тем более государь имел к ним доверенности: сия общая ненависть служила ему залогом их верности. Затейливый ум Иоаннов изобрел достойный символ для своих ревностных слуг: они ездили всегда с *собачьими головами* и *с метлами,* привязанными к седлам, в ознаменование того, что *грызут* лиходеев царских и *метут* Россию!

Хотя новый дворец уподоблялся неприступной крепости, но Иоанн не считал себя и в нем безопасным: по крайней мере не взлюбил Москвы и с сего времени жил большею частию в слободе

Александровской, которая сделалась городом, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошний славный храм Богоматери[106] сиял снаружи разными цветами, серебром и золотом: на всяком кирпиче был изображен крест. Царь жил в больших палатах[107], обведенных рвом и валом; придворные, государственные, воинские чиновники в особенных домах. Опричники имели свою улицу; купцы также. Никто не смел ни въехать, ни выехать оттуда без ведома Иоаннова, для чего в трех верстах от *слободы,* прозванной *Неволею,* обыкновенно стояла воинская стража. В сем грозно-увеселительном жилище, окруженном темными лесами, Иоанн посвящал большую часть времени церковной службе, чтобы непрестанною набожною деятельностью успокоивать душу. Он хотел даже обратить дворец в монастырь, а любимцев своих в иноков: выбрал из опричников 300 человек, самых злейших, назвал *братиею,* себя игуменом, князя Афанасия Вяземского келарем, Малюту Скуратова параклисиархом[108]; дал им *тафьи,* или скуфейки, и черные рясы, под коими носили они богатые, золотом блестящие кафтаны с собольею опушкою; сочинил для них устав монашеский и служил примером в исполнении онаго. Так

описывают сию монастырскую жизнь Иоаннову: в четвертом часу утра он ходил на колокольню с царевичами и с Малютою Скуратовым благовестить к заутрене; братья спешили в церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневным заключением. Служба продолжалась до шести или семи часов. Царь пел, читал, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крепких земных поклонов. В 8 часов опять собирались к обедне, а в 10 садились за братскую трапезу, все, кроме Иоанна, который стоя читал вслух душеспасительные наставления. Между тем братья ели и пили досыта; всякой день казался праздником: не жалели ни вина, ни меду; остаток трапезы выносили из дворца на площадь для бедных. Игумен — то есть царь — обедал после; беседовал с любимцами о законе; дремал или ехал в темницу пытать какого-нибудь несчастного. Казалось, что сие ужасное зрелище забавляло его: он возвращался с видом сердечного удовольствия; шутил, говаривал тогда веселее обыкновенного. В 8 часов шли к вечерне; в десятом Иоанн уходил в спальню, где трое слепых, один за другим, рассказывали ему сказки: он слушал их и засыпал, но ненадолго: в полночь вставал — и день его начинался мо-

литвою! Иногда докладывали ему в церкви о делах государственных; иногда самые жестокие повеления давал Иоанн во время заутрени или обедни! Единообразие сей жизни он прерывал так называемыми *объездами*: посещал монастыри, и ближние, и дальние; осматривал крепости на границе; ловил диких зверей в лесах и пустынях; любил в особенности медвежью травлю; между тем везде и всегда занимался делами, ибо земские бояре, мнимоуполномоченные правители государства, не смели ничего решить без его воли. Когда приезжали к нам знатные послы иноземные, Иоанн являлся в Москве с обыкновенным великолепием и торжественно принимал их в новой кремлевской палате, близ церкви Св. Иоанна[109]; являлся там и в других важных случаях, но редко. Опричники, блистая в своих златых одеждах, наполняли дворец, но не заграждали пути к престолу и старым боярам: только смотрели на них спесиво, величаясь, как подлые рабы, в чести недостойной.

Кроме сих любимцев, Иоанн удивительным образом чествил тогда некоторых ливонских пленников. В июне 1565 года, обвиняя дерптских граждан в тайных сношениях с бывшим магистром, он вывел оттуда всех немцев и со-

слал в Владимир, Углич, Кострому, Нижний Новгород с женами и детьми; но дал им пристойное содержание и христианского наставника, дерптского пастора Веттермана, который мог свободно ездить из города в город, чтобы утешать их в печальной ссылке: царь отменно уважал сего добродетельного мужа и велел ему разобрать свою библиотеку, в коей Веттерман нашел множество редких книг, привезенных некогда из Рима, вероятно царевною Софиею. Немцы Эберфельд, Кальб, Таубе, Крузе вступили к нам в службу и хитрою лестию умели вкрасться в доверенность к Иоанну. Уверяют даже, что Эберфельд склонял его к принятию Аугсбургского исповедания, доказывая ему, словесно и письменно, чистоту онаго! По крайней мере, царь дозволил лютеранам иметь церковь в Москве и взыскал важную денежную пеню с митрополита за какую-то обиду, сделанную им одному из сих иноверцев; хвалил их обычаи, славился своим германским происхождением[110], хотел женить сына на княжне немецкой, а дочь выдать за немецкого князя, дабы утвердить дружественную связь с империею. В искренних беседах он жаловался чужестранным любимцам на бояр, на духовенство и не таил мысли искоренить пер-

вых, чтобы царствовать свободнее, безопаснее с дворянством новым, или с опричниною, ему преданною: ибо она видела в нем своего отца и благодетеля, а бояре жалели о временах адашевских, когда им была свобода, а царю неволя (так говорил Иоанн)! Естественно не любя России, страшной для соседственных держав, и желая только угождать царю, иноземцы, без сомнения, не думали выводить его из мрачного заблуждения и гневить смелым языком истины; могли даже с тайным удовольствием видеть сию бурю, которая сокрушала главные столпы великой монархии, ибо царь губил лучших воевод своих, лучших советников государственных. Иноземцы молчали или, вопреки совести, хвалили тирана. Знаменитые россияне, лишаемые свободного доступа к государю, ознаменованные как бы презрительным именем *земских,* нагло оскорбляемые неистовыми кромешниками, угрожаемые опалою, казнию без вины, также молчали вместе с духовенством. Но когда старец митрополит Афанасий, изнуренный тяжкою болезнью, а может быть, и душевною горестию, оставил митрополию, тогда явился муж, смелый добродетелию и ревностною любовию к отечеству, который, подобно Сильвестру, предприял исправить царя,

но, менее счастливый, мог только умереть за царство в венце мученика.

[1566 г.] Изъявляя усердие ко благу Церкви, Иоанн хотел дать ей пастыря, отличного христианскими достоинствами. Выбор пал сперва на архиепископа казанского Германа[111], который долго уклонялся от сана опасного в таких обстоятельствах России и при таком царе, но должен был, исполняя решительную волю его, согласиться. Уже все епископы съехалися в Москву; уже написали грамоту избирательную, и Герман несколько дней жил в палатах митрополитских, готовясь к посвящению. В сие время, беседуя с Иоанном наедине, он хотел испытать его сердце: начал говорить с ним, как должно первосвятителю, о грехах и христианском покаянии, тихо, скромно, однако ж с некоторою силою; упомянул о смерти, о Страшном суде, о вечной муке злых. Иоанн задумался; вышел от него с лицом мрачным, пересказал любимцам своим речи архиепископа и спрашивал, что они думают? Алексей Басманов ответствовал: «Думаем, государь, что Герман желает быть вторым Сильвестром: ужасает твое воображение и лицемерит в надежде овладеть тобою; но спаси нас и себя от такого архипастыря!» Германа изгнали из палат,

и царь искал другого первосвятителя.

Среди хладных волн Белого моря, на острове Соловецком, в пустыне дикой, но знаменитой в России святостию своих первых тружеников Савватия и Зосимы сиял добродетелями игумен Филипп, сын боярина Колычева[112], возненавидев суету мира в самых цветущих летах юности и служа примером строгой жизни для иноков-отшельников. Государь слышал о Филиппе: дарил его монастырю сосуды драгоценные, жемчуг, богатые ткани, земли, деревни; помогал ему деньгами в строении каменных церквей, пристаней, гостиниц, плотин, ибо сей игумен был не только мудрым наставником братии, но и деятельным хозяином острова, дотоле дикого, неприступного: очистил леса, продолжил дороги, осушил болота каналами; завел оленей, домашний скот, рыбные ловли, соляные варницы; украсил, сколько мог, пустыню; смягчил суровость климата: сделал воздух благорастворенее. Бессмертный Сильвестр кончил дни свои в монастыре Соловецком, любимый, уважаемый Филиппом. Вероятно, что они вместе сетовали о перемене Иоаннова нрава; вероятно, что первый открывал игумену свою душу, некогда блаженную исправлением юного царя, устройством и счастием царства; сии

беседы могли приготовить Филиппа к великому его подвигу, хотя он, ревностию труженика удаленный на *край вселенной,* и не мог ожидать такой славы. Никто, без сомнения, не мыслил об нем, кроме Иоанна: отвергнув Германа, царь вздумал — мимо святителей, мимо всех архимандритов — возвести Филиппа на митрополию, желая изъявить тем свое особенное уважение к христианским добродетелям и показать, что самые отдаленные пустыни не скрывают их от глаз его. Филипп, царскою милостивою грамотою призываемый в Москву для *совета духовного,* отслужил литургию, причастил всю братию и со слезами выехал из своей любимой обители, как бы предчувствуя, что одно мертвое тело его туда возвратится. За три версты от Новагорода встретили смиренного соловецкого игумена все жители сей древней столицы с приветствием, с дарами и с молением, да ходатайствует за них пред троном, ибо носился слух, что Иоанн угрожает им гневом. Царь принял Филиппа с отменною честию, обедал, беседовал с ним дружелюбно и наконец объявил, что ему быть митрополитом. Пустынный инок изумился, плакал, не хотел сей блестящей тягости; убеждал его не *вверять бремени великого ладии малой*. Царь был непреклонен.

Тогда Филипп предложил условие; сказал царю: «Повинуюся твоей воле; но умири же совесть мою: да не будет опричнины, да будет только единая Россия! Ибо всякое разделенное царство, по глаголу Всевышнего, запустеет. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Иоанн имел власть над собою: остановил движение гнева в сердце своем; ответствовал тихо: «Разве не знаешь, что мои хотят поглотить меня; что ближние готовят мне гибель?» — и доказывал необходимость сего учреждения; но, скоро выведенный из терпения смелыми возражениями старца, велел ему умолкнуть. Все думали, что Филипп, подобно Герману, будет удален с бесчестием: увидели противное. Иоанн на сей раз не хотел дать ему славы гонимого за добродетель, желал склонить его к безмолвию, явить слабым в глазах России, сделать как бы соучастником в новых правилах своего царствования. Главные пастыри церковные служили для того орудием. Повинуясь воле Иоанновой, они убеждали Филиппа принять сан митрополита без всякого условия, думать единственно о благе Церкви, не гневить государя дерзостию, но утолить гнев его и применить в милосердие кротостию; доказывали, что мнимая твердость Филиппова в сем случае

будет действием гордости, несогласной с духом истинного слуги Христова; что долг святителя есть молиться и наставлять царя единственно во спасении души, а не в делах царства. Некоторые из святителей внутренно одобряли Филиппову смелость, но сами не имели ее; другие — именно Пимен Новогородский, Филофей Рязанский — искали мирской чести и раболепствовали страстям Иоанновым. Убеждения их поколебали Филиппа, не устрашенного царским гневом, не ослепленного блеском архипастырства, как доказало следствие, но, может быть, смятенного мыслию отвергнуть сей верховный сан действительно по внушению тайной гордости, по упрямству и недоверенности к Провидению, которое властвует над царями и не дает им выступать за черту Его вышних уставов, без сомнения мудрых, хотя и неизъяснимых для ума человеческого. Филипп ответствовал: «Да будет, что угодно государю и церковным пастырям!»

Написали грамоту, в коей сказано, что новый избираемый митрополит дал слово архиепископам и епископам не вступаться в опричнину государеву и не оставлять митрополии под тем предлогом, что царь не исполнил его требования и запретил ему мешаться в дела мирские. Святи-

тели утвердили сию хартию своими подписями, и Филипп, заявленный враг опричнины, был немедленно [25 июля] возведен на митрополию, к общему удовольствию народа, к досаде развратных любимцев Иоанновых. Казалось, что государь одержал счастливую победу над собою, воздав честь добродетели. Митрополит уступил, но обнаружив свою важную мысль: россияне узнали, чего он желает, и могли надеяться на будущее, имея такого первосвятителя. Все добрые слушали с восторгом приветственную речь нового митрополита к Иоанну, истинно пастырскую: о долге державных быть отцами подданных, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусных льстецах, которые теснятся к престолу, ослепляют ум государей, служат их страстям, а не отечеству, хвалят достойное хулы, порицают достохвальное; о тленности земного величия; о победах *невооруженной любви*, которые приобретаются государственными благодеяниями и еще славнее *побед ратных*. Казалось, что сам Иоанн внимал с умилением гласу наставника, уже давно молчавшему в сем храме, что сей некогда любезный для него глас напомнил ему время счастливое и дал вкусить сладость, им забвенную. Первые дни и месяцы протекли в мире,

в надеждах для столицы. Затихли жалобы на кромешников: чудовище вздремало. Царь ласкал митрополита; а сей добродетельный старец, как бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгий обет своей юности, начал строить в Москве церковь во имя ее святых Зосимы и Савватия.

[1567 г.] Но сия тишина, действие или угрызений совести, или притворства Иоаннова, была предтечею новой бури. Тиран из слободского вертепа своего свирепо глядел на Москву. Хотев удивить Россию избранием митрополита, о коем никто не думал, Иоанн не замедлил увидеть в нем орудие ненавистных бояр; уверял себя, что они внушили ему мысль требовать уничтожения опричнины и возмущают народ против сей царской дружины, ибо кромешники, посылаемые в столицу для наблюдений, доносили, что граждане бегают от них как от язвы на улицах и площадях; что все безмолвствует, где явится опричник. В воображении Иоанна составились ковы и заговоры: надлежало открыть, доказать их — и следующее происшествие служило поводом к новым убийствам. Главным боярам московским, князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому, конюшему Ивану Петровичу Федорову, тайно вручили грамоты, подписанные королем Сигизмундом и

литовским гетманом Хоткевичем[113]: король и гетман убеждали их оставить царя жестокого, звали к себе, обещали им уделы; напоминали двум первым, что они литовского роду; третьему, что он был некогда владетельным князем; а конюшему Федорову, что царь уже давал ему чувствовать гнев свой в разных случаях. Бояре, представив сии грамоты Иоанну, ответствовали королю, что склонять верных подданных к измене есть дело бесчестное; что они умрут за царя доброго, ужасного для одних злодеев; что если король желает вызвать их из России, то пусть отдаст им всю Литву, Галицию, Пруссию, Жмудь, Белоруссию, Волынскую и Подольскую земли. Федоров писал к Сигизмунду: «Как мог ты вообразить, чтобы я, занося ногу во гроб, вздумал погубить душу свою гнусною изменою? Что мне у тебя делать? Водить полков твоих я не в силах, пиров не люблю, веселить тебя не умею, пляскам вашим не учился». В письме к гетману Хоткевичу он прибавил: «Чем можете обольстить меня? Я богат и знатен. Угрожаешь мне гневом царя: вижу от него только милости». Сам Иоанн взялся, как вероятно, доставить королю сии ответы, писанные одним слогом; но доставил ли, неизвестно: по крайней мере, любя всегда упрекать Сигизмунда кознями,

нигде в сношениях с Литвою не упоминает о таком бесчестном, неосторожном подмане наших вельмож. Если государь составлением мнимых королевских грамот[114] испытывал верность бояр своих, то она сим случаем была доказана в его глазах, но не в глазах России: гражданин, дающий врагам надежду склонить его к измене, уже омрачается какою-то подозрительною тению. На сей раз князья Бельский, Мстиславский, Воротынский уцелели; но Федоров, муж старых обычаев, украшенный воинскою славою и сединою государственной опытности, быв 19 лет в знатном сане конюшего и начальника казенного приказа, вельможа щедрый, пышный, сделался предметом клеветы. Еще он ревностно служил царю, доживая век свой с супругою *святою*[115], не имея детей, и готовился дать отчет судии вышнему, когда земный судия объявил его главою заговорщиков[116], поверив или вымыслив, что сей ветхий старец думает свергнуть царя с престола и властвовать над Россиею. Иоанн спешил разрушить мнимый ужасный заговор: в присутствии всего двора, как пишут, надел на Федорова царскую одежду и венец, посадил его на трон, дал ему державу в руку, снял с себя шапку, низко поклонился и сказал: «Здрав буди, великий

царь земли Русския! Се приял ты от меня честь, тобою желаемую! Но, имея власть сделать тебя царем, могу и низвергнуть с престола!» Сказав, ударил его в сердце ножом; опричники дорезали старца, извлекли обезображенное тело из дворца, бросили псам на снедение; умертвили и престарелую жену конюшего Марию[117]. Потом казнили всех мнимых единомышленников невинного[118]: князей Ивана Адреевича Куракина-Булгакова, Дмитрия Ряполовского (мужественного воина, одержавшего многие победы над крымцами) и трех князей ростовских. Один из них воеводствовал в Нижнем Новегороде: присланные из Москвы кромешники, числом тридцать, нашли его там стоящего в церкви и сказали: «Князь ростовский! Велением государя ты наш узник». Воевода, бросив на землю властительскую булаву свою, спокойно отдался им в руки. Его раздели, повезли обнаженного и в двадцати верстах, на берегу Волги, остановились; он спросил хладнокровно: зачем? «Поить коней», — ответствовали кромешники. «Не коням, — сказал несчастный, — а мне пить сию воду и не выпить!» Ему в то же мгновение отсекли голову; тело кинули в реку, а голову положили к ногам Иоанна, который, оттолкнув ее, злобно смеялся и говорил, что сей

князь, любив обагряться кровию неприятелей в битвах, наконец обагрился и собственною. Князь Петр Щенятев, знаменитый полководец, думал укрыться от смерти в монастыре: отказался от света, от имения, от супруги и детей; но убийцы нашли его в келии и замучили: жгли на сковороде (как повествует Курбский), вбивали ему иглы за ногти. Князь Иван Турунтай-Пронский, седой старец, служил еще отцу Иоаннову, участвовал во всех походах, во всех битвах, славнейших для России, и также хотел быть наконец монахом: его утопили. Казначея государева, именем Хозяина Юрьевича Тютина, славного богатством, рассекли на части вместе с женою, с двумя сыновьями-младенцами, с двумя юными дочерьми: сию казнь совершил князь Михайло Темгрюкович Черкасский[119], брат царицы! Так же истерзали и печатника, или думского дьяка, Казарина Дубровского. Многих других именитых людей умертвили, когда они, ничего не ведая, шли спокойно или в церковь, или в свои приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, секирами, бегали по городу, искали жертв, убивали всенародно, человек десять или двадцать в день; трупы лежали на улицах, на площадях; никто не смел погребать их. Граждане боялись

выходить из домов. В безмолвии Москвы тем страшнее раздавался свирепый вопль палачей царских.

Безмолвствовал и добродетельный митрополит для граждан и бояр отчаянных; но Бог видел его сердце, а царь слышал тайные увещания, самые жестокие укоризны, к несчастию бесполезные: убегал, не хотел видеть его. Добрые вельможи приходили к Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленные стогны: он утешал горестных именем Отца Небесного; дал им слово не щадить своей жизни для спасения людей и сдержал оное.

[1568 г.] Однажды, в день воскресный, в час обедни, Иоанн, провождаемый некоторыми боярами и множеством опричников, входит в соборную церковь Успения: царь и вся дружина его были в черных ризах, в высоких шлыках. Митрополит Филипп стоял в церкви на своем месте: Иоанн приближился к нему и ждал благословения. Митрополит смотрел на образ Спасителя, не говоря ни слова. Наконец бояре сказали: «Святый владыко! Се государь: благослови его!» Тут, взглянув на Иоанна, Филипп ответствовал: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного; не узнаю и в делах царства… О государь! Мы

здесь приносим жертвы Богу, а за олтарем льется невинная кровь христианская. Отколе солнце сияет на небе, невиданно, неслыханно, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! В самых неверных, языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям, а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства — и совершаются именем царским! Ты высок на троне; но есть Всевышний, судия наш и твой. Как предстанешь на суд его? Обагренный кровию невинных, оглушаемый воплем их муки? Ибо самые камни под ногами твоими вопиют о мести!.. Государь! Вещаю яко пастырь душ. Боюся Господа единого!» Иоанн трепетал от гнева: ударил жезлом о камень и сказал голосом страшным: «Чернец! Доселе я излишно щадил вас, мятежников: отныне буду, каковым меня нарицаете!» — и вышел с угрозою. На другой день были новые казни. В числе знатных погиб князь Василий Пронский[120]. Всех главных сановников митрополитовых взяли под стражу, терзали, допрашивали о тайных замыслах Филипповых и ничего не сведали. Еще не смел Иоанн возложить руку на самого первосвятителя, любимого, чтимого народом более, нежели когда-нибудь;

готовил ему удар, но имел терпение — и между тем что делал?

Так пишут очевидцы: в июле месяце 1568 года, в полночь, любимцы Иоанновы князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Василий Грязной с царскою дружиною вломились в домы ко многим знатным людям, дьякам, купцам; взяли их жен, известных красотою, и вывезли из города. Вслед за ними, по восхождении солнца, выехал и сам Иоанн, окруженный тысячами кромешников. На первом ночлеге ему представили жен: он избрал некоторых для себя, других уступил любимцам, ездил с ними вокруг Москвы, жег усадьбы бояр опальных, казнил их верных слуг, даже истреблял скот, особенно в Коломенских селах убитого конюшего Федорова; возвратился в Москву и велел ночью развезти жен по домам: некоторые из них умерли от стыда и горести.

Убегая митрополита, царь, однако ж, видал его в церкви. В День св. апостолов Прохора и Никанора, 28 июля, Филипп служил в Новодевичьем монастыре и ходил по стене с крестами: тут был и царь с опричниками, из коих один шел за ним в *тафье*: митрополит, увидев сие бесчиние, остановился и с негодованием сказал о том государю; но опричник уже спрятал свою тафью. Царя увери-

ли, что Филипп выдумал сказку, желая возбудить народ против любимцев государевых. Иоанн забыл всю пристойность: торжественно ругал митрополита, называл лжецом, мятежником, злодеем; клялся, что уличит его во всем, — и приступил к делу по совету с коварным духовником своим, благовещенским протоиереем Евстафием, тайным Филипповым ненавистником. Немедленно отправились в Соловки епископ суздальский Пафнутий[121], архимандрит андрониковский Феодосий[122] и князь Василий Темкин, прежде воин именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановым и другим. Надлежало ли так далеко искать клеветников гнусных? Но царь хотел омрачить добродетель в самом ее светлом источнике; где Филипп прославился ею, там открыть его мнимое лицемерие и нечистоту душевную: сия мысль казалась Иоанну искусною хитростию. Послы царские то ласкали, то ужасали монахов соловецких, требуя, чтобы они бесстыдно лгали на своего бывшего игумена: все говорили, что Филипп свят делами и сердцем; но сыскался один, который дерзнул утверждать противное: их глава, игумен Паисий, в надежде сделаться епископом. Изобрели доносы, улики, представили Иоанну и велели митрополиту

явиться на суд. Царь, святители, бояре сидели в молчании. Игумен Паисий стоял и клеветал на святого мужа с неслыханною дерзостию. Вместо оправдания бесполезного митрополит тихо сказал Паисию, что злое сеяние не принесет ему плода вожделенного; а царю: «Государь, великий князь! Ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нет! Достигнув глубокой старости беспорочно, не знав в пустынной жизни ни мятежных страстей, ни козней мирских, желаю так и предать дух свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония сего несчастного времени. Твори, что тебе угодно. Се жезл пастырский; се белый клобук и мантия, коими ты хотел возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и все служители олтарей! Пасите верно стадо Христово; готовьтеся дать отчет и страшитеся Небесного Царя еще более, нежели земного». Он хотел удалиться, царь остановил его; сказал, что ему должно ждать суда, а не быть своим судиею; принудил его взять назад утварь святительскую и еще служить обедню в День архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филипп в полном облачении стоял пред олтарем в храме Успения, явился там

боярин Алексей Басманов с толпою вооруженных опричников, держа в руке свиток. Народ изумился. Басманов велел читать бумагу: услышали, что Филипп собором духовенства лишен сана пастырского. Воины вступили в олтарь, сорвали с митрополита одежду святительскую, облекли его в бедную ризу, выгнали из церкви *метлами* и повезли на дровнях в обитель Богоявления. Народ бежал за митрополитом, проливая слезы: Филипп с лицом светлым, с любовию благословлял людей и говорил им: «Молитеся!» На другой день привели его в судную палату, где был сам Иоанн, для выслушания приговора: Филиппу, будто бы уличенному в тяжких винах и в волшебстве, надлежало кончить дни в заключении. Тут он простился с миром, великодушно, умилительно; не укорял судей, но в последний раз молил Иоанна сжалиться над Россиею, не терзать подданных, вспомнить, как царствовали его предки, как он сам царствовал в юности, ко благу людей и собственному. Государь, не ответствуя ни слова, движением руки предал Филиппа воинам. Дней восемь сидел он в темнице, в узах; был перевезен в обитель Св. Николая *Старого*[123], на берегу Москвы-реки; терпел голод и питался молитвою. Между тем Иоанн истреблял знатный

род Колычевых: прислал к Филиппу отсеченную голову его племянника Ивана Борисовича[124] и велел сказать: «Се твой любимый сродник: не помогли ему твои чары!» Филипп встал, взял голову, благословил и возвратил принесшему. Опасаясь любви граждан московских ко сверженному митрополиту, слыша, что они с утра до вечера толпятся вокруг обители Николаевской, смотрят на келию заключенного и рассказывают друг другу о чудесах его святости, царь велел отвезти страдальца в Тверской монастырь, называемый Отрочим[125], и немедленно избрал нового митрополита, троицкого архимандрита, именем Кирилла[126], к досаде Пимена, имевшего надежду заступить место Филиппа.

Освободив себя от архипастыря строгого, непреклонного и дав сей важный сан иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Иоанн мог тем смелее, тем необузданнее свирепствовать; дотоле губил людей — оттоле целые города. Началося с Торжка, где неистовые опричники в день ярмонки завели ссору и драку с жителями: царь объявил граждан бунтовщиками; велел их мучить, топить в реке. То же сделалось в Коломне, и такие же были следствия. К сему городу принадлежали поместья несчастного Федорова: жители

любили его и казались Иоанну мятежниками.

Одним словом, тиранство созрело, но конец оного был еще далеко! Ничто не могло обезоружить свирепого: ни смирение, ни великодушие жертв, ни самые естественные бедствия сего времени, ибо Россия, омрачаемая ужасами мучительства, была тогда же казнима язвою, пришедшею к нам из Эстонии или Швеции. В июле 1566 года началося моровое поветрие в новогородской Шелонской пятине, а через месяц и в Новегороде, Полоцке, Озерище, Невле, Великих Луках, Торопце, Смоленске. Люди умирали скоропостижно, *знамением,* как сказано в летописи: вероятно, пятном или нарывом. Многие деревни опустели, многие домы затворились в городах; церкви стояли без пения, лишенные иереев, которые не берегли себя в усердном исполнении своих обязанностей; на место их присылали священников из других городов. Умирало более духовных и граждан, нежели воинских людей. Язва дошла и до Можайска: царь учредил там заставу и не велел никого пускать в столицу из мест зараженных. Сообщение пресеклось между многими городами, мучились страхом, терпели нужду, дороговизну. В разных областях были неурожаи: в Казанской и в соседственных с нею явилось

неописанное множество мышей, которые *тучами* выходили из лесов, ели хлеб на корню, в скирдах, в житницах, так что земледельцы не могли защитить себя от сих животных. Поветрие утишилось в начале весны, но еще несколько раз возобновлялось.

В сих внутренних бедствиях государства, в сем унынии вельмож и народа, Иоанн не слабел в делах войны и политики внешней; еще являлся с блеском и величием в отношении к другим державам. Литовцы в нападениях на Россию нигде не имели успеха: из Смоленска боярин Морозов, из Полоцка князь Андрей Ногтев[127] писали к государю, что легкие отряды наши везде бьют неприятеля. С Тавридою мы хотели мира; но казанские беглецы, князь Спат, Ямгурчей-Ази, Улан Ахмамет, сильные при дворе хана, доказывали ему, что Иоанн обманывает его: говорит о мире, а велит козакам строить город на Дону, готовит суда на Псле, на Днепре, имея намерение взять Азов, открыть себе путь в Тавриду; что сей царь умнее, счастливее, следственно опаснее всех прежних государей московских; что он, будучи в войне с ханом, умел завоевать Казань, Астрахань, Ливонию, Полоцк, овладел землею Черкесскою, располагает ногаями; что если Девлет-Гирей

выдаст короля Сигизмунда, то царю не станет Польши и на год; что, истребив короля, Иоанн на досуге истребит и последний Юрт Батыев. Сии представления имели действие; а еще более дары Сигизмунда, который послал вдруг 30 000 золотых в алчную Тавриду, и хан снова обнажил меч, написав к Иоанну: «Вспомни, что предки твои рады были своей земле, а мусульманских не трогали; если хочешь мира, то отдай мне Астрахань и Казань!» Но государь остерегся. В степях донских разъезжали козаки для открытия первых движений неприятеля; в городах стояло войско; другое, главное, под начальством знатнейших бояр, князей Бельского и Мстиславского, на берегу Оки. В сентябре (1565 года) хан перешел Донец, вез тяжелые пушки с собою на телегах и 7 октября приступил к Болхову. Там были воеводами князья Иван Золотой и Василий Кашин[128]: они сделали вылазку; бились мужественно; не дали крымцам сжечь посада; взяли пленников, а Бельский и Мстиславский уже приближались. Хан бежал ночью [19 октября], жалуясь на Литву, ибо король, убеждая его воевать Россию, клялся действовать против нас с другой стороны всеми силами и не исполнил обещания.

Между тем посол наш Афанасий Нагой жил

в Тавриде; действовал неутомимо; подкупал евреев, чиновников ханских; имел везде лазутчиков; опровергал ложные слухи, распускаемые врагами нашими о кончине Иоанновой; знал все и писал к государю, что Девлет-Гирей сносится с казанскими татарами, мордвою, черемисою: тайные послы сих изменников уверяли хана, что он, вступив в их землю, найдет между ими 70 000 усердных сподвижников и что ни одного россиянина не останется живого ни в Свияжске, ни в Казани. Когда хан понуждал Афанасия выехать из Тавриды, сей ревностный слуга Иоаннов ответствовал: «Умру здесь, а не выеду без окончания дел», то есть без мира, и не терял надежды. Иногда литовская, иногда наша сторона одерживала верх в ханской думе, так что Девлет-Гирей с дозволения султанова в 1567 году разорил часть королевских владений за неисправный платеж *дани,* однако ж и с нами не утверждал мира: требовал от Иоанна богатейших даров, какие присылались из Москвы Магмет-Гирею[129]; запрещал России вступаться в Черкесскую землю. Государь несколько раз советовался с боярами: отклоняя требования хана, предлагал ему женить сына или внука на дочери царя Шиг-Алея и взять за нею в приданое город отца ее, Касимов, ибо сей

знаменитый изгнанник тогда умер (почти в одно время с другими бывшими царями казанскими, Симеоном и Александром). Но Девлет-Гирей размышлял, колебался и снова требовал невозможного: то есть Астрахани и Казани.

С Литвою мы также были в переговорах. Казалось, что Сигизмунд искренно желал конца войны, для него тягостной; казалось, что и царь хотел отдохновения. С обеих сторон изъявляли редкую уступчивость. Единственно для соблюдения старого обычая великие послы королевские, приехав в Москву, требовали Смоленска, а наши бояре Киева, Белоруссии и Волынии: ни мы, ни они в самом деле не помышляли о сем невозможном возврате. Сигизмунд уступал нам даже Полоцк; а государь велел сказать послам: «Любя спокойствие христиан, я уже не требую царского титула от короля: довольно, что все иные венценосцы дают мне оный». Затруднение состояло в Ливонии: Сигизмунд предлагал, чтобы каждому владеть в ней своею частию, ему и нам; чтобы общими силами изгнать шведов из Эстонии и разделить ее между Польшею и Россиею: в таком случае обязывался быть истинным другом Иоанну и называть его царем. Но царь хотел Риги, Вендена, Вольмара, Роннебурга, Кокенгузена, за

что уступал королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндию и 12 городков в Ливонии; освобождал безденежно всех пленников королевских, а своих выкупал. Послы стояли за Ригу, за Венден; наконец сказали боярам, что истинный, твердый мир всего скорее может быть заключен между их государями в личном свидании на границе. Сия мысль сперва полюбилась Иоанну. Избрали место: царю надлежало приехать в Смоленск, королю в Оршу, каждому с пятью тысячами благородных воинов. Но послы не брали на себя условиться в обрядах свидания: например, Иоанн желал в первый день угостить Сигизмунда в своем шатре, что им казалось несовместно с достоинством государя их. Миновало около двух месяцев в переговорах.

Тогда (в июле 1566 года) Иоанн явил России зрелище необыкновенное[130]: призвал в земскую думу не только знатнейшее духовенство, бояр, окольничих, всех других сановников, казначеев, дьяков, дворян *первой* и *второй* статьи, но и гостей, купцов, помещиков иногородных; отдал им на суд переговоры наши с Литвою и спрашивал, что делать: мириться или воевать с королем? В собрании находились 339 человек. Все ответствовали — духовенство за себя, бояре,

сановники, граждане также особенно, но единогласно — что государю без вреда для России уже нельзя быть снисходительнее; что Рига и Венден необходимы нам для безопасности Юрьева, или Дерпта, самого Пскова и Новагорода, коих торговля стеснится и *затворится,* если сии города ливонские останутся у короля; что государи вольны видеться на границе для тишины христиан, но что Сигизмунд, по-видимому, намерен только длить время, дабы между тем устроить запутанные дела в своем отечестве, примириться с цесарем, умножить войско в Ливонии. Духовенство прибавило: «Государь! Твоя власть действовать, как вразумит тебя Бог; нам должно молиться за царя, а советовать непристойно». Воинские чиновники изъявили готовность пролить кровь свою в битвах; граждане вызывались отдать царю последнее достояние на войну, если гордый Сигизмунд отвергнет предлагаемые ему условия для мира. Была ли свобода во мнениях, была ли искренность в ответе сей земской, или государственной, думы? Но совещание имело вид торжественный, и народ с благоговением видел Иоанна не среди опричников ненавистных, а в истинном величии государя, внимающего гласу отечества из уст россиян знаменитейших:

явление, достойное лучших времен Иоаннова царствования!

Дума утвердила сей приговор грамотою; а панам королевским сказали, что государь чрез своих послов объяснится с королем, соглашаясь между тем прекратить воинские действия и разменяться пленниками. Сим кончилось дело. Вслед за послами литовскими (в 1567 году) отправились к Сигизмунду наши, боярин Умной-Колычев и дворецкий Григорий Нагой-[131], уполномоченные подписать мир: что было новостию, ибо прежние договоры с Литвою совершались единственно в Москве. Сигизмунд встретил наших бояр в Гродне: когда они вошли к нему, все литовские вельможи встали; но послы увидели тут князя Андрея Курбского и с презрением отвратились;: им велено было требовать головы сего изменника! Девять раз они съезжались с королевскими панами и не могли ни в чем согласиться: Иоанн непременно хотел, изгнав шведов и датчан, владеть всею Ливониею, уступая Сигизмунду Курляндию. Несмотря на свое искреннее желание мира, король отвергнул сии предложения; не согласился выдать и Курбского. Решились продолжать войну. «Я вижу, — писал Сигизмунд к Иоанну, — что ты хочешь крово-

пролития; говоря о мире, приводишь полки в движение. Надеюсь, что Господь благословит мое оружие в защите необходимой и справедливой».

Полки наши действительно шли из Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска к Великим Лукам. Целию была Ливония. Основав на литовской границе новые крепости Усвят, Улу, Сокол, Копие[132], государь с царевичем Иоанном выехал из Москвы к войску. 5 октября [1567 г.], в поле, близ Медного, представили ему посланника королевского Юрия Быковского с упомянутым письмом Сигизмундовым. Иоанн сидел в шатре, вооруженный, в полном доспехе, среди бояр, многих чиновников, также вооруженных с головы до ног, и сказал ему: «Юрий! Мы посылали к брату нашему, Сигизмунду Августу, своих знатных бояр с предложением весьма умеренным. Он задержал их в пути, оскорблял, бесчестил. Итак, не дивися, что мы сидим в доспехе воинском, ибо ты пришел к нам от брата нашего с язвительными стрелами». Спросив Юрия о здравии королевском, приказав ему сесть, но не дав руки, Иоанн выслал из шатра всех чиновников ратных, кроме советников, больших дворян и дьяков; выслушал речь посланника, велел угостить его в другой ставке и немедленно отослать — в темницу московскую!

Сие нарушение права народного, без сомнения, не извинялось грубыми выражениями письма королевского и тем, что бояре Колычев и Нагой, приехав тогда же в стан к Иоанну, жаловались ему на худые с ними поступки в Литве.

Кроме множества сановников, телохранителей, провождали царя суздальский епископ Пафнутий, архимандрит Феодосий, игумен Никон до Новагорода, где он жил 8 дней, усердно моляся в древнем Софийском храме и занимаясь распоряжением полков, чтобы идти к ливонским городам Луже и Резице[133]. Но вдруг воинский жар его простыл: встретились затруднения, опасности, коих Иоанн не предвидел, и для того призвал всех главных воевод на совет. Они 12 ноября съехалися близ Красного, в селении Оршанском, и рассуждали с царем, начать ли осаду неприятельских городов или отложить поход, ибо за худыми дорогами обозы с тяжелым снарядом двигались медленно к границе, лошади падали, люди разбегались; надлежало ждать долго и стоять в местах скудных хлебом. Узнали также, что король собирает войско в Борисове, замышляя идти зимою к Полоцку и Великим Лукам. Боялись утомить рать осадою крепостей в то время, когда неприятель с другой стороны может явиться в наших

собственных пределах; а всего более опасались найти язву в Ливонии, где, по слуху, многие люди умирали от заразительных болезней. Решили, чтобы государю ехать назад в Москву, а воеводам стоять в Великих Луках, в Торопце и наблюдать неприятеля.

Таким образом, Иоанн не без внутренней досады возвратился в столицу; но, к утешению его самолюбия, король польский сделал то же: (в 1568 году) собрав 60 000 или более воинов, хваляся по следам Ольгерда устремиться к Москве и действительно выступив в поле с двором блестящим, Сигизмунд несколько недель стоял праздно в Минской области, распустил главное войско и, сам уехав в Гродно, послал только отряды в Западную Россию. Под Улою литовцы претерпели великий урон; но имели и некоторые выгоды. Строением новой крепости, названной Копием, управляли князья Петр Серебряный и Василий Палецкий[134]; литовцы в нечаянном нападении убили Палецкого, а князь Серебряный едва ускакал в Полоцк. Близ Велижа пленив знатного чиновника, Петра Головина, они истребили несколько селений в Смоленской области и каким-то обманом взяли Изборск[135] (в начале 1569 года); но россияне выгнали их немедленно:

громили Польскую Ливонию, сожгли большую часть Витебска. Между тем разменивались пленниками на границе: Иоанн освободил королевского воеводу Довойну, Сигизмунд — князя Темкина. Жена Довойны умерла в Москве: царь согласился отпустить ее тело в Литву с условием, чтобы король прислал в Москву тело князя Петра Шуйского, о чем просили добрые сыновья сего несчастного воеводы.

Уважив совет бояр не прерывать мирных сношений с Литвою, государь освободил посланника Сигизмундова, семь месяцев страдавшего в темнице; дал ему видеть лицо свое, говорил с ним милостиво; сказал: «Юрий! Ты вручил нам письмо столь грубое, что тебе не надлежало бы остаться живым; но мы не любим крови. Иди с миром к государю своему, который забыл тебя в несчастии. Мы готовы с ним видеться; готовы прекратить бедствие войны. Кланяйся от нас брату, королю Сигизмунду Августу». Начались снова переговоры. Гонцы ездили из земли в землю; Сигизмундовы в речах с боярами именовали Иоанна *царем* и на вопрос: что значит сия новость? — ответствовали: «Так нам приказано от вельмож литовских». Гонцам московским давались также наставления миролюбивые и следующее, достой-

ное замечания: «Если будет говорить с вами в Литве князь Андрей Курбский или ему подобный *знатный* беглец российский, то скажите им: *ваши гнусные измены не вредят ни славе, ни счастию царя великого: Бог дает ему победы, а вас казнит стыдом и отчаянием.* С *простым* же беглецом не говорите ни слова, только плюньте ему в глаза и отворотитесь… Когда же спросят у вас: что такое московская опричнина? — скажите: *Мы не знаем опричнины; кому велит государь жить близ себя, тот и живет близко; а кому далеко, тот далеко. Все люди Божии да государевы*». Наконец Иоанн и Сигизмунд условились остановить неприятельские действия. Послам литовским надлежало быть в Москву для заключения мира, коего желали искренно обе стороны, что изъясняется обстоятельствами времени. Сигизмунд не имел детей; движимый истинною любовию к отечеству, он хотел неразрывным соединением Литвы с Польшею утвердить их могущество, опасаясь, чтобы та и другая держава по его смерти не избрала себе особенного властителя. Намерение было достохвально, полезно, но исполнение трудно, ибо вельможи польские и литовские жили в вечной вражде между собою; одна власть королевская могла обуздывать их страсти. Сигизмунд

желал внешнего спокойствия, чтобы успеть в сем важном деле, предложенном тогда люблинскому сейму; а царь желал короны Сигизмундовой, ибо носился слух, что паны мыслят избрать в короли сына его, царевича Иоанна. Гонцам нашим велено было разведать о том в Литве и ласкать вельмож. Государь унял кровопролитие, дабы потушить в литовцах враждебное к нам чувство.

Перемена в отношениях Швеции к России также немало способствовала миролюбию Иоаннову в отношении к Сигизмунду. Чтобы удержать Эстонию за собою вопреки Дании и Польше, король Эрик имел нужду не только в мире, но и в союзе с царем: для чего употреблял все возможные средства и мыслил даже совершить подлое, гнусное злодеяние. Прелестная и не менее добрая сестра Сигизмундова Екатерина, на коей царь хотел жениться и которая, может быть, спасла бы его и Россию от великих несчастий, Екатерина в 1562 году вступила в супружество с любимым сыном Густава Вазы, герцогом финляндским Иоанном[136]. Завистливый, безрассудный Эрик издавна не терпел сего брата и возненавидел еще более за противный ему союз с королем польским; выдумал клевету и заключил Иоанна. Тут обнаружилось великодушие Екатерины: ей

предложили на выбор, оставить супруга или свет. Вместо ответа она показала свое кольцо с надписью: *ничто, кроме смерти,* — и четыре года была ангелом-утешителем злосчастного Иоанна в Грипсгольмской темнице[137], не зная того, что два тирана готовили ей гораздо ужаснейшую долю. Царь предложил, и король согласился выдать ему Екатерину как предмет странной любви или злобы его за бесчестие отказа. Дело началось тайною перепискою, а кончилось торжественным договором: в феврале 1567 года приехали шведские государственные сановники, канцлер Нильс Гилленстирна[138] и другие, прямо в Александровскую слободу, были угощены великолепно и подписали хартию союза Швеции с Россиею. Царь назвал Эрика другом и братом, уступал ему навеки Эстонию, обещал помогать в войне с Сигизмундом, доставить мир с Даниею и с городами ганзейскими, за что Эрик обязывался прислать свою невестку в Москву. Думный советник Воронцов и дворянин Наумов[139] поехали в Стокгольм с договорною грамотою, а бояре Морозов, Чеботов, Сукин должны были принять Екатерину на границе. Но Провидение не дало восторжествовать Иоанну. Послы наши, встреченные в Стокгольме с великою честию, жили там целый год без вся-

кого успеха в своем деле. Пригласив их обедать с собою, Эрик упал в обморок и не мог выйти к столу: с сего времени послы не видали короля; им сказывали, что он или болен, или сражается с датчанами. Для переговоров являлись к Воронцову только советники думы королевской и говорили, что выдать Екатерину царю, отнять жену у мужа, мать у детей, противно Богу и закону; что сам царь навеки обесславил бы себя таким нехристианским делом; что у Сигизмунда есть другая сестра, девица, которую Эрик может *достать* для царя; что послы шведские заключили договор о Екатерине без ведома королевского. Боярин московский не щадил в ответах своих ни советников, ни государя их; доказывал, что они лжецы, клятвопреступники, и требовал свидания с Эриком. Сей несчастный король был тогда в жалостном состоянии: многими жестокими, безрассудными делами заслужив общую ненависть, боялся и народа, и дворянства; мучился совестию, терял ум, освободил и думал снова заключить брата; в смятении духа, в малодушном страхе то объявлял нашим послам, что сам едет в Москву, то опять хотел послать Екатерину к царю. Наконец совершился удар: 29 сентября 1568 года послы московские увидели страшное волнение в

столице и недолго были спокойными зрителями оного: воины с ружьями, с обнаженными мечами вломились к ним в дом, сбили замки, взяли все: серебро, меха; даже раздели послов, грозили им смертию. В сию минуту явился принц Карл[140], меньший брат Эриков; боярин Воронцов, стоя перед ним в одной рубашке, с твердостию сказал ему, что так делается в вертепе разбойников, а не в государствах христианских. Карл выгнал неистовых воинов: изъяснил боярину, что Эрик, как безумный тиран, свержен с престола; что новый король, брат его Иоанн, желает дружбы царя московского; что обида, сделанная послам, не останется без наказания, будучи единственно следствием беспорядка, соединенного с переменою верховной власти. Послы требовали отпуска: выехали из Стокгольма, но 8 месяцев жили в Або-ве[141] как невольники и возвратились в Москву уже в июле 1569 года донести царю о судьбе его *друга* и *брата,* несчастного Эрика, торжественно осужденного государственными чинами умереть в темнице, за разные злодейства, как сказано в сем приговоре, и за бесчестные, *нехристианские* условия союза с Россиею. Легко представить себе досаду царя; он умел скрывать свои чувства: дозволил шведским послам, епископу Абовскому,

Павлу Юсту[142], с другими знатными чиновниками быть в Москву и велел их *ограбить*, задержать в Новегороде точно так, как боярин Воронцов и Наумов были ограблены, задержаны в Швеции. Сие действие казалось ему справедливою местию; но он хотел и важнейшей: хотел немедленно выгнать шведов из Эстонии, и для того примириться на время с Сигизмундом, чтобы не иметь дела с двумя врагами.

Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для России, но недолго тревожила Иоанна и дала без победы новую воинскую славу его царствованию. Что замышлял против нас Солиман Великий, то сын его, малодушный Селим[143], хотел исполнить: восстановить царство Мусульманское на берегах Ахтубы, к чему склоняли султана некоторые князья ногайские, хивинцы и бухарцы, представляя ему, что государь российский истребляет магометанскую веру и пресек для них сообщение с Меккою; что Астрахань есть главная пристань Каспийского моря, наполненная кораблями всех народов азиатских, и что в казну царскую входит там ежедневно около тысячи золотых монет. Послы литовские, находясь в Константинополе, говорили то же. Один хан Девлет-Гирей доказы-

вал, что к Астрахани нельзя идти ни зимою, ни летом: зимою от несносного для турков холода, летом от безводия; и что гораздо лучше воевать Московскую Украйну. Не слушая возражений хана, Селим (весною 1569 года) прислал в Кафу 15 000 спагов[144], 2000 янычар и велел ее паше Касиму идти к Переволоке, соединить Дон с Волгою, море Каспийское с Азовским, взять Астрахань или, по крайней мере, основать там крепость в ознаменование султанской державы. 31 мая паша выступил в поход; хан также, имея до 50 000 всадников. Они сошлися в нынешней Качалинской станице и ждали судов, которые плыли Доном от Азова с тяжелым снарядом, с богатою казною, имея для защиты своей только 500 воинов и 2500 гребцов, большею частию христианских невольников, окованных цепями. Турки в отмелях выгружали пушки, влекли их берегом, с трудом неописанным. Тысячи две россиян могли бы без кровопролития взять снаряд и казну: невольники ждали их с надеждою, а турки с трепетом, — никто не показывался! Донские козаки, испуганные слухом о походе султанского войска, скрылись в дальних степях, и суда 15 августа благополучно достигли Переволоки. Тут началась работа жалкая и смешная: Касим велел рыть канал от Дона

до Волги; увидев невозможность, велел тащить суда землею. Турки не хотели слушаться и говорили, что паша безумствует, предпринимая такое дело, для коего мало ста лет для всех работников Оттоманской империи. Хан советовал возвратиться; но, к удовольствию Касима, явились послы астраханские. «На что вам суда? — сказали они. — Мы дадим их вам сколько хотите; идите только избавить нас от власти россиян». Паша усмирил войско: 2 сентября отпустил пушки назад в Азов и с 12 легкими орудиями пошел к Астрахани, где жители готовились встретить его как избавителя; надежда их не исполнилась.

Посол Иоаннов, Афанасий Нагой, писал к государю из Тавриды о замысле султановом: письма его, хотя и не скоро, доходили. Война с Турциею не представляла Иоанну ничего, кроме опасностей: собирая многочисленное войско в Нижнем Новегороде и немедленно отрядив мужественного князя Петра Серебряного с легкою дружиною занять Астрахань, он в то же время послал дары к паше кафинскому, чтобы склонить его к миролюбию. Паша взял дары, целовал грамоту Иоаннову, три дня честил гонцов московских, а на четвертый заключил в темницу. Но государь успокоился, сведав о малом числе турков и худом

усердии Девлет-Гирея к сему походу; угадывал следствия и не обманулся.

16 сентября паша и хан стали ниже Астрахани, на городище, где была, как вероятно, древняя столица козарская. Тут ждали их наши изменники астраханские с судами и ногаи с дружественными увериями: Касим, велев ногаям прикочевать к Волге, начал строить новую крепость на городище, и турки, к изумлению своему, узнали, что паша намерен зимовать под Астраханью, где горсть бодрых россиян обуздывала измену жителей и казалась ему страшною, так что он не смел отважиться на приступ. В самом деле, ничто не могло быть безрассуднее сего намерения: паша давал россиянам время изготовиться к обороне; давал время царю прислать войско в Астрахань, а свое изнурял трудами, голодом, ибо астраханцы не могли доставлять ему хлеба в избытке. Ропот обратился в мятеж, когда услышали турки, что хан по совершении крепости должен возвратиться в Тавриду. Они решительно объявили, что никто из них не останется зимовать в земле неприятельской. Еще Касим упорствовал, грозил; но вдруг 26 сентября зажег сделанные им деревянные укрепления и вместе с ханом удалился от Астрахани; причиною было то, что князь Петр

Серебряный вступил в сей город с войском и что за ним, как сказывали, шло другое, сильнейшее. Турки и крымцы бежали день и ночь. В шестидесяти верстах, на Белом озере[145], встретились им гонцы султанский и литовский: Селим писал к паше, чтобы он непременно держался под Астраханью до весны; что к нему будет новая рать из Константинополя; что летом увидит Россия в недрах своих знамена оттоманские, за коими должен идти и хан к Москве, утвердив союз и дружбу с Литвою. Но Касим продолжал бегство. Путеводитель его, Девлет-Гирей, умышленно вел турков местами безводными, голодною пустынею, где кони и люди умирали от изнурения; где черкесы стерегли их в засадах и томных, полумертвых брали в плен; где россияне могли бы совершенно истребить сие жалкое войско, если бы они не следовали правилу, что надобно давать волю бегущему неприятелю. Турки были в отчаянии: проклиная пашу, не щадили и султана, который послал их в землю неизвестную, в ужасную Россию, не за победою, а за голодом и смертию бесчестною. Касим с толпою бледных теней через месяц достиг Азова, чтобы золотом откупиться от петли. Он приписывал свое несчастие единственно тому, что не мог ранее начать

похода; но Девлет-Гирей уверял султана в невозможности взять или удержать Астрахань, столь отдаленную от владений турецких; а крымскому послу нашему сказал: «Государь твой должен благодарить меня: я погубил султанское войско; не хотел ни приступать к Астрахани, ни строить там крепости на старом городище, во-первых, желая угодить ему, во-вторых, и для того, что не хочу видеть турков властелинами древних улусов татарских». К утверждению нашей безопасности с сей стороны Азовская крепость со всеми пороховыми запасами взлетела тогда на воздух; не только большая часть города, зажженного, как думали, россиянами, но и пристань с военными судами обратилась в пепел.

Сей несчастный поход войска Селимова описан нами по сказанию очевидца, царского сановника Семена Мальцова[146], достойного быть известным потомству. Он ехал из ногайских улусов и встретил неприятеля на берегу Волги; окруженный ими, скрыл государев наказ как неприкосновенную святыню в дереве на Царицыне-острове; сдался уже полумертвый от ран; прикованный к пушке, терзаемый чувством боли, жажды, голода, — ежечасно угрожаемый смертию, не преставал ревностно служить царю своему; стра-

щал турков рассказами: уверял, что астраханцы и ногаи манят их в сети; что шах персидский есть союзник России; что мы послали к нему 100 пушек и 500 пищалей для нападения на Касима; что князь Серебряный плывет с тридцатью тысячами к Астрахани, а князь Иван Бельский идет полем с несметною силою. Мальцов учил и других наших пленников сказывать то же; склонял греков и волохов, бывших с Касимом, пристать к россиянам в случае битвы; звал сыновей Девлет-Гиреевых к нам в службу, говорил им: «Вас у отца много: он раздает вас по людям. Вы ни сыты, ни голодны; скитаетесь из места в место. В Москве же найдете честь и богатство. Сам отец будет вам завидовать». Без всякой надежды увидеть святую Русь, без всякой мысли о награде, о славе сей усердный гражданин хотел еще и накануне смерти быть полезным государю, отечеству. Таких слуг имел Иоанн Грозный, упиваясь кровию своих подданных! Провидение спасло Мальцева. Выкупленный в Азове нашим крымским послом Афанасием Нагим, он возвратился в Москву донести царю, что россияне могут не страшиться оттоманов.

Итак, внешние действия или отношения России к иноземным державам были довольно

благоприятны. С Литвою мы ожидали мира, удерживая за собою новые важные завоевания; слабую Швецию презирали; видели тыл и гибель султанской рати; узнав неприязнь хана к туркам, тем менее опасались его впадений и тем более надеялись с ним примириться. Войско наше было многочисленно, границы укреплены: на самом отдаленном Тереке Иоанн поставил город[147] как для защиты своего тестя, черкесского князя Темгрюка, так и для утверждения своей власти над сим краем. Шах персидский Тамас[148] хотел быть другом Иоанну, который, желая заключить с ним тесный союз против султана, в мае 1569 года посылал в Персию чиновника Алексея Хозникова[149]. Сибирь платила нам дань: около 1563 года новый князь ее, шибанский царевич Едигерь, убил там нашего данщика[150], за что государь остановил в Москве посла сибирского, но скоро освободил его из уважения к ходатайству Исмаила, ногайского владетеля, и в 1569 году торжественным договором с новым сибирским *царем* Кучумом утвердил сию землю в подданстве России. Иоанн *взял* Кучума *под свою руку, в оберегание,* с условием, чтобы он давал ему ежегодно тысячу соболей, а посланнику государеву, который приедет за данию, тысячу белок. Боярский

сын Третьяк Чабуков (в 1571 году) отвез в Сибирь жалованную Иоаннову грамоту, украшенную златою печатию. Россия внутри бедствовала — от язвы, голода и тиранства, — но торговля ее процветала. Цари Абдула шамаханский и бухарский того же имени, Сеит самаркандский, Азим хивинский[151] присылали дары в Москву, чтобы Иоанн дозволял их подданным купечествовать не только в Астрахани и в Казани, но и в других городах наших. Несмотря на явную вражду султана, россияне еще торговали в Кафе, в Азове, а турки в Москве вместе с армянами. Сам государь из казны своей отправлял за Каспийское море меха драгоценные и купцов московских в Антверпен, в Лондон, даже в Ормус[152]. Ганза не преставала искать милости в Иоанне и менялась с нами товарами в Нарве, завидуя англичанам, которые пользовались благосклонностию царя и правами исключительными в России, особенно с восшествия на престол Елисаветы, ибо сия знаменитая королева, одаренная и великим умом, и любезными свойствами, снискала его дружбу. Лондонское российское общество дарило царя алмазами; Елисавета писала к нему ласковые письма. Три раза посланник ее Дженкинсон[153] был в Москве; ездил оттуда в Персию и с усер-

дием исполнил тайный наказ государев к шаху. Следствием было то, что в 1567 и в 1569 году Иоанн дал новые выгоды купцам английским: дозволил им ездить из России в Персию, завести селение на реке Вычегде[154], искать железной руды и плавить ее, с условием выучить россиян сему искусству, а при вывозе железа в Англию платить деньгу с фунта. Англичане должны были все драгоценные вещи показывать государеву казначею; обязывались также продавать царские товары в Англии и в Персии; впрочем, могли везде купечествовать свободно, без пошлин, везде строить жилища, лавки и чеканить для себя талеры; судились только судом опричнины, и московский их двор, у церкви Св. Максима[155], находился в ее ведомстве. Напрасно купцы ганзейские старались вредить англичанам в уме Иоанна; напрасно короли польский и шведский убеждали Елисавету не способствовать выгодами торговли могуществу опасной России. Бывали неудовольствия взаимные, однако ж прекращались дружелюбно. Например, в 1568 году посланник Елисаветин Томас Рандольф[156] около четырех месяцев жил в Москве, не видав царя. Иоанн досадовал на английских купцов за то, что они ежегодно возвышали цену своих товаров;

наконец велел Рандольфу быть к себе, но не дал лошадей: люди посольские шли во дворец пешком, и никто из царских сановников не кланялся представителю лица королевина. Гордый англичанин, оскорбленный сею грубостию, сам надел шляпу во дворце. Ждали гнева, опалы, вместо чего Иоанн принял Рандольфа весьма ласково, уверял в своей дружбе к *любезной сестре* Елисавете и возвратил милость купцам английским; имел с ним другое свидание наедине, ночью; говорил три часа — и послал к Елисавете дворянина Андрея Савина[157] с делом тайным, которое знаем только по ответу Елисаветину, хранящемуся в нашем архиве[158]: оно весьма любопытно и доказывает малодушие Иоанна. Сей монарх, еще победитель, еще гроза всех держав соседственных, не находя ни малейшего сопротивления в своих бедных подданных, невинно им губимых, трепетал в сердце, ждал казни, мечтал о бунтах, об изгнании; не устыдился писать о том к Елисавете и просить убежища в ее земле на сей случай: унижение, достойное мучителя! Благоразумная королева ответствовала, что желает ему царствовать со славою в России, но готова дружественно принять его вместе с супругою и детьми, ежели, вследствие *тайного заговора*, внутренние мятеж-

ники или внешние неприятели изгонят Иоанна из отечества; что он может жить, где ему угодно в Англии, наблюдать в богослужении все обряды веры греческой, иметь своих слуг и всегда свободно выехать назад ли в Россию или в другую землю. В верности сих обещаний Елисавета дала ему *слово христианского венценосца* и грамоту, ею собственноручно подписанную в присутствии всех ее государственных советников, великого канцлера Николая Бакона, лорда Нортамптона, Русселя, Арунделя[159] и других, с прибавлением, что Англия и Россия будут всегда соединенными силами противиться их врагам общим. Донесения Савина, хотя обласканного в Лондоне, не весьма благоприятствовали англичанам: он сказал царю, что королева думает единственно о выгодах лондонского купечества. Иоанн был недоволен и тем, что Елисавета в деле столь важном ответствовала ему чрез его посланника, а не прислала своего; но берег ее дружбу, ибо действительно хотел бежать в крайности за море. Сию мысль вселил в него, как уверяют, голландский доктор Елисей Бомелий[160], негодяй и бродяга, изгнанный из Германии; снискав доступ к царю, он полюбился ему своими кознями; питал в нем страх, подозрения; чернил бояр и народ,

предсказывал бунты и мятежи, чтобы угождать несчастному расположению души Иоанновой. Цари и в добре, и в зле имеют всегда ревностных помощников: Бомелий заслужил первенство между услужниками Иоанна, то есть между злодеями России. Казнь Божия для них готовилась; но кровавый пир тиранства был еще в средине. Открывается новый феатр ужасов!

⟨…⟩

Глава VII
Продолжение царствования Иоанна Грозного. Годы 1582–1584

⟨…⟩

Между иными тяжкими опытами судьбы, сверх бедствий удельной системы, сверх ига моголов, Россия должна была испытать и грозу самодержца-мучителя: устояла с любовию к самодержавию, ибо верила, что Бог посылает и язву, и землетрясение, и тиранов; не преломила железного скиптра в руках Иоанновых и двадцать четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпением, чтобы в лучшие времена иметь Петра Великого, Екатерину Вторую (история не любит именовать живых). В смирении великодушном страдальцы умирали на Лобном месте, как греки в Термопилах, за отечество, за веру и верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иоаннову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею: сии заговоры существовали единственно в смутном уме царя, по всем свидетельствам наших летописей и

бумаг государственных. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа слободы Александровской, если бы замышляли измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровию агнцев — и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умилительного воспоминания от современников и потомства!

Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы в истине самых достоверных о нем известий, если бы летописи других народов не являли нам столь же удивительных примеров; если бы Калигула, *образец государей* и *чудовище*, если бы Нерон, питомец мудрого Сенеки, *предмет любви, предмет омерзения,* не царствовали в Риме. Они были язычники; но Людовик XI был христианин, не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коим они хотели загладить свои беззакония: оба набожные от страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно азиатским и римским мучителям. Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка, сии ужасные

метеоры, сии блудящие огни страстей необузданных озаряют для нас, в пространстве веков, бездну возможного человеческого разврата, да видя содрогаемся! Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели — и слава времени, когда вооруженный истиною дееписатель может, в правлении самодержавном, выставить на позор такого властителя, да не будет уже впредь ему подобных! Могилы бесчувственны; но живые страшатся вечного проклятия в истории, которая, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои исступления.

Так, Иоанн имел разум превосходный, не чуждый образования и сведений, соединенный с необыкновенным даром слова, чтобы бесстыдно раболепствовать гнуснейшим похотям. Имея редкую память, знал наизусть Библию, историю греческую, римскую, нашего отечества, чтобы нелепо толковать их в пользу тиранства; хвалился твердостию и властию над собою, умея

громко смеяться в часы страха и беспокойства внутреннего, хвалился милостию и щедростию, обогащая любимцев достоянием опальных бояр и граждан; хвалился правосудием, карая вместе, с равным удовольствием, и заслуги, и преступления; хвалился *духом царским, соблюдением державной чести,* велев изрубить присланного из Персии в Москву слона, не хотевшего стать перед ним на колена, и жестоко наказывая бедных царедворцев, которые смели играть лучше державного в шашки или в карты; хвалился, наконец, глубокою мудростию государственною по системе, по эпохам, с каким-то хладнокровным размером истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для царской власти, возводя на их степень роды новые, подлые и губительною рукою касаясь самых будущих времен, ибо туча доносителей, клеветников, кромешников, им образованных, как туча гладоносных насекомых, исчезнув, оставила злое семя в народе; и если иго Батыево унизило дух россиян, то, без сомнения, не возвысило его и царствование Иоанново.

Но отдадим справедливость и тирану: Иоанн в самых крайностях зла является как бы призраком великого монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный в государственной де-

ятельности; хотя, любив всегда равнять себя в доблести с Александром Македонским, не имел ни тени мужества в душе, но остался завоевателем; в политике внешней неуклонно следовал великим намерениям своего деда; любил правду в судах, сам нередко разбирал тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно; казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом (рядил их в великолепную одежду, сажал на колесницу и приказывал живодерам возить из улицы в улицу); не терпел гнусного пьянства (только на Святой неделе и в Рождество Христово дозволялось народу веселиться в кабаках; пьяных во всякое иное время отсылали в темницу). Не любя смелой укоризны, Иоанн не любил иногда и грубой лести; представим доказательство. Воеводы, князья Иосиф Щербатый и Юрий Борятинский[161], выкупленные царем из литовского плена, удостоились его милости, даров и чести с ним обедать. Он расспрашивал их о Литве: Щербатый говорил истину; Борятинский лгал бессовестно, уверяя, что король не имеет ни войска, ни крепостей и трепещет Иоаннова имени. «Бедный король! — сказал тихо царь, кивая головою. — Как ты мне жалок!» — и вдруг,

схватив посох, изломал его в мелкие щепы о Борятинского, приговаривая: «Вот тебе, бесстыдному, за грубую ложь!» Иоанн славился благоразумною терпимостию вер (за исключением одной иудейской); хотя, дозволив лютеранам и кальвинистам иметь в Москве церковь, лет через пять велел сжечь ту и другую[162] (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствии народа?); однако ж не мешал им собираться для богослужения в домах у пасторов; любил спорить с учеными немцами о законе и сносил противоречия: так (в 1570 году), имел он в Кремлевском дворце торжественное прение с лютеранским богословом Роцитою[163], уличая его в ереси; Роцита сидел пред ним на возвышенном месте, устланном богатыми коврами, говорил смело, оправдывал догматы Аугсбургского исповедания, удостоился знаков царского благоволения и написал книгу о сей любопытной беседе. Немецкий проповедник Каспар[164], желая угодить Иоанну, крестился в Москве по обрядам нашей Церкви и вместе с ним, к досаде своих единоземцев, шутил над Лютером; но никто из них не жаловался на притеснение. Они жили спокойно в Москве, в новой Немецкой слободе, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами. Иоанн изъявлял уважение к искусствам и наукам,

лаская иноземцев просвещенных: не основал академий, но способствовал народному образованию размножением школ церковных, где и миряне учились грамоте, закону, даже истории, особенно готовясь быть людьми приказными, к стыду бояр, которые еще не все умели тогда писать. Наконец, Иоанн знаменит в истории как законодавец и государственный образователь. ⟨…⟩

К достохвальным деяниям сего царствования принадлежит еще строение многих новых городов для безопасности наших пределов. Кроме Лаишева, Чебоксар, Козмодемьянска, Болхова, Орла и других крепостей, о коих мы упоминали, Иоанн основал Донков, Епифань, Венев, Чернь, Кокшажск, Тетюши, Алатырь, Арзамас. Но, воздвигая красивые твердыни в лесах и в степях, он с прискорбием видел до конца жизни своей развалины и пустыри в Москве, сожженной ханом в 1571 году, так что в ней, если верить Поссевинову исчислению[165], около 1581 года считалось не более тридцати тысяч жителей, в шесть раз менее прежнего, как говорит другой иноземный писатель[166], слышав то от московских старожилов в начале XVII века. Стены новых крепостей были деревянные, насыпанные внутри землею с песком, или крепко сплетенные из хвороста;

а каменные единственно в столице, Александровской слободе, Туле, Коломне, Зарайске, Старице, Ярославле, Нижнем, Белозерске, Порхове, Новегороде, Пскове.

Размножение городов благоприятствовало и чрезвычайным успехам торговли, более и более умножавшей доходы царские (которые в 1588 году простирались до шести миллионов нынешних рублей серебряных). Не только на ввоз чужеземных изделий или на выпуск наших произведений, но даже и на съестное, привозимое в города, была значительная пошлина, иногда откупаемая жителями. В Новогородском таможенном уставе 1571 года сказано, что со всех товаров, ввозимых иноземными гостями и ценимых людьми присяжными, казна берет семь денег на рубль, купцы же российские платили 4, а новогородские $1^1/_2$ деньги: с мяса, скота, рыбы, икры, меду, соли (немецкой и *морянки*), луку, орехов, яблок, кроме особенного сбора с телег, судов, саней. За ввозимые металлы драгоценные платили, как и за все иное; а вывоз их считался преступлением. Достойно замечания, что и государевы товары не освобождались от пошлины. Утайка наказывалась тяжкою пенею. В сие время древняя столица Рюрикова, хотя и среди

развалин, начинала было снова оживляться торговою деятельностию, пользуясь близостию Нарвы, где мы с целою Европою купечествовали; но скоро погрузилась в мертвую тишину, когда Россия в бедствиях Литовской и Шведской войны утратила сию важную пристань. Тем более цвела наша двинская торговля, в коей англичане должны были делиться выгодами с купцами нидерландскими, немецкими, французскими, привозя к нам сахар, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева и выменивая на них меха, пеньку, лен, канаты, шерсть, воск, мед, сало, кожи, железо, лес. Французским купцам, привезшим к Иоанну дружественное письмо Генрика III[167], дозволялось торговать в Коле, а испанским или нидерландским — в Пудожерском устье[168]: знаменитейший из сих гостей назывался Иваном Девахом Белобородом[169], доставлял царю драгоценные каменья и пользовался особенным его благоволением, к неудовольствию англичан. В разговоре с Елисаветиным послом Баусом[170] Иоанн жаловался, что лондонские купцы не вывозят к нам ничего хорошего; снял с руки перстень, указал на изумруд *колпака* своего и хвалился, что Девах уступил ему первый за 60 рублей, а вторый за тысячу: чему дивился Баус,

оценив перстень в 300 рублей, а изумруд в 40 000. В Швецию и в Данию отпускали мы знатное количество хлеба. «Сия благословенная земля, — пишет Кобенцель[171] о России, — изобилует всем необходимым для жизни человеческой, не имея действительной нужды ни в каких иноземных произведениях». Завоевание Казани и Астрахани усилило нашу мену азиатскую.

Обогатив казну торговыми, городскими и земскими налогами, также и присвоением церковного имения, чтобы умножить войско, завести арсеналы (где находилось всегда в готовности не менее двух тысяч осадных и полевых орудий), строить крепости, палаты, храмы, Иоанн любил употреблять избыток доходов и на роскошь: мы говорили об удивлении иноземцев, видевших в казне московской груды жемчугу, горы золота и серебра во дворце, блестящие собрания, обеды, за коими в течение пяти-шести часов *пресыщалось* 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жарких, отдаленных климатов; однажды, сверх людей именитых, в кремлевских палатах обедало у царя 2000 ногайских союзников, шедших на войну Ливонскую. В торжественных выходах и выездах государевых все также представляло образ

азиатского великолепия: дружины телохранителей, облитых золотом, богатство их оружия, убранство коней. Так, Иоанн 12 декабря обыкновенно выезжал верхом за город видеть действие снаряда огнестрельного: пред ним несколько сот князей, воевод, сановников, по три в ряд; пред сановниками 5000 отборных стрельцов по пяти в ряд. Среди обширной снежной равнины, на высоком помосте длиною саженей в 200 или более, стояли пушки и воины, стреляли в цель, разбивали укрепления, деревянные, осыпанные землею, и ледяные. В торжествах церковных, как мы видели, Иоанн также являлся народу с пышностию разительною, умея видом искусственного смирения придавать себе величия и с блеском мирским соединяя наружность христианских добродетелей: угощая вельмож и послов в светлые праздники, сыпал богатую милостыню на бедных.

В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу *в народной памяти*: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех царств могольских; доказательства дел ужасных лежали в книго-

хранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы царя-завоевателя; чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название *Мучителя,* данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доныне именует его только *Грозным,* не различая внука с дедом, так названным Древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну. История злопамятнее народа!

Том 10

⟨…⟩

Глава IV
Состояние России в конце XVI века

Описав судьбу нашего отечества под наследственным скипетром монархов варяжского племени[1], заключим историю *семисот тридцати шести лет* обозрением тогдашнего состояния России в государственном и гражданском смысле.

Никогда *внешние* обстоятельства Московской державы, основанной, изготовленной к величию Иоанном III, не казались столь благоприятными для ее целости и безопасности, как в сие время. В Литве преемник Баториев[2] дремал на троне, окруженном строптивыми, легкомысленными и несогласными вельможами; Швеция колебалась в безначалии[3]; хан умел только грабить оплошных; Магомет III в сильном борении с Австриею[4] предвидел еще опаснейшую войну с шахом, а Россия, почти без кровопролития взяв неизмеримые земли на северо-востоке, заложив крепости под сению Кавказа, восстановив свои древние грани на скалах корельских[5], ожидая случая возвратить и другие несчастные уступки Иоан-

нова малодушия, города в Ливонии и важную пристань Балтийскую, Россия, спокойная извне, тихая внутри, имела войско, многочисленнейшее в Европе, и еще непрестанно умножала его. Так говорят иноземные современники[6] о ратных силах Феодоровых:

«Пятнадцать тысяч дворян, разделенных на три степени: больших, средних и меньших, московских и так называемых *выборных* (присылаемых в столицу из всех городов и чрез три года сменяемых иными), составляют конную дружину царскую. Шестьдесят пять тысяч всадников из детей боярских ежегодно собирается на берегах Оки, в угрозу хану. Лучшая пехота — стрельцы и козаки: первых 10 000, кроме двух тысяч отборных, или стремянных; вторых около шести тысяч. Наряду с ними служат 4300 немцев и поляков, 4000 козаков литовских, 150 шотландцев и нидерландцев, 100 датчан, шведов и греков. Для важного ратного предприятия выезжают на службу все поместные дети боярские с своими холопями и *людьми даточными* (из отчин боярских и церковных), более крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одетыми (в чистые узкие кафтаны с длинным отложным воротником): невозможно определить их числа, умножаемо-

го в случае нужды людьми купецкими, также наемниками и слугами государя московского, ногаями, черкесами, древними подданными Казанского царства. Сборные областные дружины называются именами городов своих: смоленскою, новогородскою и проч.; в каждой бывает от 300 до 1200 ратников. Многие вооружены худо; только пехота имеет пищали, но огнестрельный снаряд не уступает лучшему в Европе. Доспехи и конские приборы воевод, чиновников, дворян блистают светлостию булата и каменьями драгоценными; на знаменах, освящаемых патриархом, изображается св. Георгий. В битвах удары конницы бывают всегда при звуке огромных *набатов* (или барабанов), сурн и бубнов: всадники пускают тучу стрел, извлекают мечи, машут ими вокруг головы и стремятся вперед густыми толпами. Пехота, действуя в степи против крымцев, обыкновенно защищает себя *гуляем,* или подвижным складным городком, возимым на телегах, то есть ставят два ряда досок на пространстве двух или трех верст в длину и стреляют из сего укрепления сквозь отверстия в обеих стенах. Ожидая хана, воеводы высылают козаков в степи, где изредка растут высокие дубы; там, под каждым деревом, видите двух оседланных лошадей: один из всад-

ников держит их под узду, а товарищ его сидит на вершине дуба и смотрит во все стороны; увидев пыль, слезает немедленно, садится на лошадь, скачет к другому дубу, кричит издали и показывает рукою, где видел пыль; страж сего дерева велит своему товарищу также скакать к третьему дереву с вестию, которая в несколько часов доходит до ближайшего города или до передового воеводы». Далее сии иноземные наблюдатели, замечая (как и в Иоанново время), что россияне лучше бьются в крепостях, нежели в поле, спрашивают: «Чего со временем нельзя ожидать от войска бессметного, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кроме гнева царского, с толокном и *сухарями,* без обоза и крова, с неодолимым терпением скитается в пустынях Севера и в коем за славнейшее дело дается только маленькая золотая деньга (с изображением св. Георгия), носимая счастливым витязем на рукаве или шапке?»

Но цари уже не скупились и не щадили казны для лучшего устройства ополчений. Уже Иоанн производил денежное жалованье воинам в походах: Феодор или Годунов давал, сверх поместных земель, каждому дворянину или сыну боярскому пятнадцатитысячной царской дружины от 12 до 100 рублей; каждому стрельцу и козаку 7 рублей,

сверх хлебного запаса; конному войску на берегах Оки около 40 000 рублей ежегодно; что вместе с платою иноземным воинам (также боярам, окольничим и другим знатнейшим сановникам, из коих первые имели 700, а вторые от 200 до 400 рублей жалованья) составляло несколько миллионов нынешнею монетою и свидетельствовало о возрастающем богатстве России, которое еще яснее увидим из следующих подробных известий о тогдашних доходах государственных.

1) Особенная царская отчина, 36 городов с селами и деревнями, доставляла казне дворцового ведомства, сверх денежного оброка, хлеб, скот, птиц, рыбу, мед, дрова, сено: чего, за содержанием двора, в *расточительное* Иоанново время продавалось ежегодно на 60 000 рублей, а в Феодорово, от лучшего хозяйства, введенного дворецким Григорьем Васильевичем Годуновым[7], на 230 000 рублей (около 1 150 000 нынешних серебряных).

2) *Тягло* и *подать* государственная, с *вытей* хлебом, а с *сох* деньгами, приносили казне Четвертного ведомства 400 000 рублей: с области Псковской 18 000, Новогородской 35 000, Тверской и Новоторжской 8000, Рязанской 30 000, Муромской 12 000, Колмогорской и Двинской 8000, Вологодской 12 000, Казанской 18 000, Устюжской

30 000, Ростовской 50 000, Московской 40 000, Сибирской (мехами) 20 000, Костромской 12 000 и проч.

3) Разные городские пошлины: торговые, судные, питейные, банные, вносимые в казну Большого прихода (с Москвы 12 000, Смоленска 8000, Пскова 12 000, Новагорода 6000, Старой Русы, где варилась соль, 18 000, Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1200, Костромы 1800, Нижнего 7000, Казани 11 000, Вологды 2000 и проч.), составляли 800 000 рублей, вместе с экономиею приказов Разрядного, Стрелецкого, Иноземского, Пушкарского, которые, имея свои *особенные* доходы, отсылали сберегаемые ими суммы в сей же Большой приход — так что в сокровищницу кремлевскую, под Феодорову или Годунова печать, ежегодно вступало, сверх главных государственных издержек на войско и двор, не менее миллиона четырехсот тысяч рублей *(от шести до семи миллионов нынешних серебряных).* «Несмотря на сие богатство, — пишет Флетчер в своей книге о России, — Феодор, по совету Годунова, велел перелить в деньги множество золотых и серебряных сосудов, наследованных им после отца, ибо хотел сим мнимым знаком недостатка в монете оправдать тягость налогов».

К умножению государственного достояния, Феодор на соборе духовенства и бояр (в июле 1584) подтвердил устав Иоаннов 1582 года, чтобы святители, церкви и монастыри безденежно отдали в казну все древние княжеские отчины, вместе с землями, им заложенными, и впредь до нового указа отменил *тарханные,* или льготные, *грамоты,* которые знатную часть церковных, боярских и княжеских имений освобождали от государственных податей, к ущербу казны и ко вреду всех иных владельцев, ибо крестьяне уходили от них в *льготные жительства,* чтобы не платить никаких налогов. В сей же соборной грамоте сказано: «Земли и села, отказанные монастырям за упокой души, выкупаются наследниками или, буде их нет, государем для раздачи воинским людям», коим уже недоставало земель поместных.

Но обогащение казны, по известию чужестранцев, в некотором смысле вредило народному благосостоянию: 1) налоги, облегченные Феодором, были все еще тягостны; 2) заведение питейных домов в городах, умножая пьянство, разоряло мещан, ремесленников, самых земледельцев; губило достояние их и нравственность; 3) от монополий казны терпело купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если

царские еще лежали в лавках. Флетчер пишет, что между купцами славились богатством одни братья Строгановы[8], имея до трехсот тысяч (около полутора миллиона нынешних серебряных) рублей наличными деньгами, кроме недвижимого достояния; что у них было множество иноземных, нидерландских и других мастеров на заводах, несколько аптекарей и медиков, 10 000 людей вольных и 5000 собственных крепостных, употребляемых для варения и развоза соли, рубки лесов и возделания земли от Вычегды до пределов Сибири; что они ежегодно платили царю 23 000 рублей пошлины, но что правительство, требуя более и более, то под видом налога, то под видом займа, разоряет их без жалости; что в России вообще мало богатых людей, ибо казна все поглощает; что самые *древние удельные князья и бояре живут умеренным жалованьем и поместным доходом* (около тысячи рублей на каждого), совершенно завися от милости царской». Однако ж бояре и многие сановники имели знатные отчины, как родовые, так и жалованные; а потомки древних князей и в Иоанново время еще владели частию их бывших уделов: например, славный князь Михайло Воротынский в 1572 году ведал треть Воротынска как свою наследственную

собственность.

Умножая войско и доходы, правительство занималось, как мы видели, и лучшим внутренним устройством государства: радело о безопасности лиц и достояния. Вопреки сказанию иноземцев, что в России не было тогда никаких гражданских законов, кроме слепого произвола царей, сии *законы,* изданные *первым самодержцем* московским (что достойно примечания), дополненные его сыном, исправленные, усовершенствованные внуком, служили неизменным правилом во всех тяжбах — и Грозный, попирая святые уставы человечества, оставлял гражданские ненарушимыми в России: не отнимал даже истинной царской собственности у тех, которые могли доказать, что владеют ею долее шести лет. Именем Феодоровым издав важный политический закон об укреплении земледельцев[9], Годунов не прибавил ничего более к Судебнику, но пекся о точном исполнении оного: желая славиться неумытным правосудием, оказывал его в делах гласных, о чем свидетельствуют и летописцы, славя счастливый век Феодоров. Как в Иоанново, так и в сие время суд с расправою земскою зависели в областях, под главным ведомством думы, от наместников, избираемых из бояр, окольничих и других знат-

ных сановников. Все члены Феодоровой думы были наместниками и редко выезжали из Москвы, но они имели товарищей, тиунов, дьяков, которые с их ведома решили дела. Пишут, что народ вообще ненавидел дьяков корыстолюбивых: определяемые всегда на малое время, сии грамотеи приказные тем более спешили наживаться всякими средствами; жалобы имели действие; но обыкновенно уже после смены грабителей: тогда судили их строго, лишали всей беззаконной добычи, выставляли на позор и секли, привязывая лихоимцу к шее взятую им вещь, кошелек с деньгами, соболя или что другое. Закон не терпел никаких взяток; но хитрецы изобрели способ обманывать его; челобитчик, входя к судье, клал деньги пред образами, будто бы на свечи: сию выдумку скоро запретили указом. Только в день Светлого воскресения дозволялось судьям и чиновникам вместе с красным яйцом принимать в дар и несколько червонцев (коих цена обыкновенно возвышалась в сие время от 16 до 24 алтын и более). По крайней мере, видим достохвальное усилие правительства искоренять зло, известное и в веки лучшего гражданского образования. Та же ревность к уменьшению преступлений ввела или сохраняла у нас отвратительную для сердца

жестокость в законных пытках: чтобы выведать истину от уличаемого преступника, жгли его несколько раз огнем, ломали ему ребра, вбивали гвозди в тело. Убийц и других злодеев вешали, казнили на плахе, или топили, или сажали на кол. Осужденный, идучи к Лобному месту, держал в связанных руках горящую восковую свечу. Для благородных людей воинских облегчали казнь: за что крестьянина или мещанина вешали, за то сына боярского сажали в темницу или секли батогами. Убийца собственного холопа наказывался денежною пенею. Благородные люди воинские имели еще, как пишут, странную выгоду в гражданских тяжбах: могли вместо себя представлять слуг своих для присяги и для телесного наказания в случае неплатежа долгов.

Торговля, хотя отчасти и стесняемая казенными монополиями, распространилась в Феодорово время от успехов внутренней промышленности: любопытству и наблюдательному духу англичан, которые всех более умели ею пользоваться, обязаны мы весьма обстоятельными об ней сведениями. «Мало земель в свете, — пишут они, — где природа столь милостива к людям, как в России, изобильной ее дарами. В садах и в огородах множество вкусных плодов и ягод: груш, яблок, слив,

дынь, арбузов, огурцов, вишни, малины, клубники, смородины; самые леса и луга служат вместо огородов. Неизмеримые равнины покрыты хлебом: пшеницею, рожью, ячменем, овсом, горохом, гречею, просом. Изобилие рождает дешевизну: четверть пшеницы стоит обыкновенно не более двух алтын (нынешних тридцати копеек серебром). Одна беспечность жителей и корыстолюбие богатых производят иногда дороговизну: так, в 1588 году за четверть пшеницы и ржи платили в Москве 13 алтын. Хлеб и плоды составляют важный предмет торговли внутренней; а для богатства внешней россияне имеют:

1) Меха, собольи, лисьи, куньи, бобровые, рысьи, волчьи, медвежьи, горностаевые, беличьи, коих продается в Европу и в Азию (купцам персидским, турецким, бухарским, иверским, арменским) на 500 тысяч рублей». (Ермаковы и новейшие завоевания в северной Азии обогатили нас мягкою рухлядью: Феодор строго предписал сибирским воеводам, чтобы они никак не выпускали оттуда в Бухарию ни дорогих соболей, ни лисиц черных, ни кречетов, нужных для охоты царской и для даров европейским венценосцам.) «Лучшие соболи идут из земли Обдорской; белые медведи из Печорской; бобры из Колы; куницы

из Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани; белки, горностаи из Галича, Углича, Новагорода и Перми.

2) Воск: его продается ежегодно от десяти до пятидесяти тысяч пуд.

3) Мед: употребляется на любимое питье россиян, но идет и в чужие земли, более из областей Мордовской и Черемисской, Северской, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

4) Сало: его вывозится от тридцати до ста тысяч пуд, более из Смоленска, Ярославля, Углича, Новагорода, Вологды, Твери, Городца; но и вся Россия, богатая лугами для скотоводства, изобилует салом, коего мало расходится внутри государства на свечи, ибо люди зажиточные употребляют восковые, а народ лучину.

5) Кожи, лосьи, оленьи и другие: их отпускают за границу до десяти тысяч. Самые большие лоси живут в лесах близ Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми; казанские не так велики.

6) Тюлений жир: сих морских животных ловят близ Архангельска, в заливе Св. Николая.

7) Рыбу: лучшею считается так называемая *белая*. Города, славнейшие рыбною ловлею, суть Ярославль, Белоозеро, Новгород Нижний, Астра-

хань, Казань, чем они приносят царю знатный доход.

8) Икру, белужью, осетровую, севрюжью и стерляжью: продается купцам нидерландским, французским, отчасти и английским; идет в Италию и в Испанию.

9) Множество птиц: кречеты продаются весьма дорогою ценою.

10) Лен и пеньку: их менее отпускается в Европу с того времени, как Россия лишилась Нарвы. Льном изобилует Псков, пенькою Смоленск, Дорогобуж и Вязьма.

11) Соль: лучшие варницы в Старой Русе; есть и в Перми, Вычегде, Тотьме, Кинешме, Соловках. Астраханские озера производят самосадку: купцы платят за нее в казну по три деньги с пуда.

12) Деготь: его вывозят в большом количестве из Смоленской и Двинской области.

13) Так называемые *рыбьи зубы*, или клыки моржовые: из них делают четки, рукоятки и проч.; составляют также лекарственный порошок, будто бы уничтожающий действие яда. Идут в Азию, Персию, Бухарию.

14) Слюду, употребяемую вместо стекла: ее много в земле Корельской и на Двине.

15) Селитру и серу: первую варят в Угличе,

Ярославле, Устюге; вторую находят близ Волги (в озерах самарских), но не умеют очищать ее.

16) Железо, весьма ломкое: его добывают в земле Корельской, Каргополе и в Устюге Железном (Устюжне).

17) Так называемый *новогородский жемчуг,* который ведется в реках близ Новагорода и в Двинской земле».

За сии-то многие естественные богатства России Европа и Азия платили ей отчасти своими изделиями, отчасти и свойственными их климатам дарами природы.

Означим здесь цену некоторых вещей, привозимых тогда в Архангельск на кораблях лондонских, голландских и французских: лучший изумруд или яхонт стоил 60 рублей (нынешних серебряных 300); золотник жемчугу, не самого мелкого, 2 р. и более; золота и серебра пряденого 5 рублей литра; аршин бархату, камки, атласу около рубля; английского тонкого сукна постав 30 р., среднего 12 р., аршин 20 алтын; кусок миткалю 2 р.; бочка вина французского 4 р., лимонов 3 р., сельдей 2 р.; пуд сахару от 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., пшена сарацинского 4 гривны, масла деревянного $1^1/_2$ р., пороху 3 р., ладану 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., меди в деле $2\ ^1/_2$ р., железа пру-

тового 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., сандалу берковец 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверх того, иноземцы доставляли нам множество своей серебряной монеты, ценя ефимок в 12 алтын; на одном корабле привозилось иногда до 80 000 ефимков, с коих платили пошлину, как с товаров. Сия пошлина была весьма значительна: например, ногаи, торгуя лошадьми, из выручаемых ими денег платили в казну пять со ста и еще отдавали царю на выбор десятую долю табунов своих; лучший конь ногайский стоил не менее двадцати рублей.

Довольные выгодною меною с европейскими народами в своих северных пристанях, купцы наши не мыслили ездить морем в иные земли, но любопытно знать, что мы в сие время уже имели корабли собственные: Борисов посланник в 1599 году возвратился из Германии на двух больших морских судах, купленных и снаряженных им в Любеке, с кормщиком и матросами немецкими, там нанятыми.

Некогда столь знаменитая, столь полезная для России торговля ганзейская, уже бессильная в совместничестве с английскою и с голландскою, еще искала древних следов своих между развалинами Новагорода: царь в 1596 году дозволил

Любеку снова завести там гостиный двор с лавками; но шведы мешали ее важному успеху, имея Нарву, о коей не преставали жалеть Новагород, Псков и вся Россия.

«Видя в торговле средство обогащения для казны, — говорит Флетчер, — и мало заботясь о благосостоянии своего купечества, цари вообще не доброхотствуют и народному образованию; не любят новостей, не пускают к себе иноземцев, кроме людей, нужных для их службы, и не дозволяют подданным выезжать из отечества, *боясь просвещения,* к коему россияне весьма способны, имея много ума природного, заметного и в самых детях: одни послы или беглецы российские являются изредка в Европе». Сказание отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имели обычая странствовать, еще не имея любопытства, свойственного уму образованному; купцам не запрещалось торговать вне отечества, и самовластный Иоанн посылал молодых людей учиться в Европе, иноземцев же действительно пускали к нам с разбором и благоразумно. В 1591 году посол Рудольфов, Николай Варкоч[10], писал к Борису, что какой-то италиянский граф Шкот, призыванный в Москву Иоанном, желает служить Феодору; что сей граф, достойно уважа-

емый императором и многими венценосцами, *знает все языки под солнцем* и все науки так, что ни в Италии, ни в Германии нельзя найти ему подобного. Борис ответствовал: «Хвалю намерение графа, мужа столь благородного и столь ученого. Великий государь наш, жалуя всех иноземцев, которые к нам приезжают, без сомнения, отличит его; но я еще не успел доложить о том государю». Нет сомнения, что в России знали и не хотели Шкота как лазутчика опасного или ненадежного человека, ибо людей ученых мы не отвергали, но звали к себе: например, славного математика, астролога, алхимика Джона Ди[11] коего Елисавета Английская называла *своим философом* и который находился тогда в Богемии; Феодор чрез лондонских купцов предлагал ему 2000 фунтов стерлингов ежегодно, а Борис особенно тысячу рублей, стол царский и всю услугу для того, как думали, чтобы пользоваться его советами для открытия новых земель на северо-востоке, за Сибирию; но вероятнее, не для того ли, чтобы поручить ему воспитание юного Борисова сына, отцовскою тайною мыслию уже готовимого к державству? Слава алхимика и звездочета в глазах невежества еще возвышала знаменитость математика. Но Ди, страстный в

воображении только к искусственному золоту философского камня, в гордой бедности отвергнул предложение царя, изъявив благодарность и как бы угадав, по вычетам своей любимой астрологии, грядущую судьбу России и дома Борисова! Всего ревностнее мы искали тогда в Европе металлургистов для наших печорских рудников[12], открытых еще в 1491 году, но едва ли уже не бесполезных, за неимением людей, искусных в горном деле: посылая к императору (в 1597 году) дворянина Вельяминова[13], царь приказывал ему вызвать к нам из Италии, чего бы то ни стоило, *мастеров, умеющих находить и плавить руду золотую и серебряную*. Кроме четырех или пяти тысяч иностранцев-воинов, нанимаемых Феодором, московская Яузская слобода населялась более и более немцами, которые в Иоанново время обогащались продажею водки и меда, спесивились и роскошествовали до соблазна: жены их стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они в Борисово царствование снова имели церковь и хотя жили особенно, но свободно и дружелюбно сносились с россиянами. Постоянно следуя правилам Иоанна III; золотом и честию маня к себе художества, искусства, науки европейские; размножая церковные училища

и число людей грамотных, приказных, коим самое дворянство завидовало в их важности государственной, цари, без сомнения, *не боялись просвещения,* но желали, как могли или умели, ему способствовать; и если не знаем их мысли, то видим дела их, благоприятные для гражданского образования России; означим и некоторые новые плоды оного.

Измерение и перепись земель, от 1587 до 1594 года, в Двинской области, на обеих сторонах Волги — вероятно, и в других местах — служили, может быть, поводом к сочинению *первой российской «Геометрии»*[14], коей списки, нам известные, не древнее XVII века, «книги *глубокомудрой,* по выражению автора, дающей легкий способ измерять места самые недоступные, плоскости, высоты и дебри *радиксом и цыркулом*». В ней изъясняется *сошное* и *вытное письмо,* то есть разделение всех населенных земель в России, для платежа государственных податей, на сохи и выти (в сохе считалось 800 четвертей доброй земли, а в выти 12; в четверти 1200 квадратных сажен, а в десятине 2400). К сему времени относим и *первую российскую «Арифметику»*[15], писанную не весьма ясно. В предисловии сказано, что без сей *численной философии, изобретения финикийско-*

го, единой из семи свободных мудростей, нельзя быть ни философом, ни доктором, ни гостем искусным в делах торговых и что ее знанием можно снискать великую милость государеву. В конце сообщаются некоторые сведения о церковном круге, о составе человеческом, о физиогномике. В обеих книгах, в «Геометрии» и в «Арифметике», употребляются в счислении славянские буквы и цифирь. Тогда же в посольских бумагах начали мы употреблять тайные цифры: гонец Андрей Иванов в 1590 году писал из Литвы к царю *вязью, литореею и новою азбукою,* взятою у посла австрийского Николая Варкоча. Так называемая «Книга большого чертежа», или древнейшая география государства Российского, составлена, как вероятно, в царствование Феодора[16], ибо в ней находим имена Курска, Воронежа, Оскола, построенных в его время, не находя новейших, основанных Годуновым: Борисова на Донце Северском и Царево-Борисова на устье Протвы[17]. Сия книга была переписана в разряде около 1627 года и решит для нас многие важные географические вопросы, указывая, например, где была земля Югорская, Обдория, Батыева столица, улусы ногайские.

Поле словесности не представляет нам богатой

жатвы от времени Иоанна до Годунова; но язык украсился какою-то новою плавностию. Истинное, чувством одушевленное красноречие видно только в письмах Курбского к Иоанну. Причислим ли к писателям и самого Иоанна как творца плодовитых, велеречивых посланий, богословских, укорительных и насмешливых? В слоге его есть живость, в диалектике сила. Лучшими творениями сего века в смысле правильности и ясности должно назвать Степенную книгу, Минею Макариеву и Стоглав. Вероятно, что митрополит Дионисий[18] заслужил имя *Грамматика* какими-нибудь уважаемыми сочинениями; но их не знаем. Патриарх Иов[19] описал житие, добродетели и кончину Феодора слогом цветистым и не без жара; например, так говорит о своем герое: «Он древним царям благочестивым равнославен, нынешним *красота* и *светлость*, будущим *сладчайшая повесть*, не *пригвождаясь* к суетному велелепию мира, *умащал свою царскую душу глаголами Божественными* и *рекою нескудною* изливал милости на Вселенную; с нежною супругою *преспевал* в добродетели и в вере к Богу… имел единое земное сокровище, единую *блаженную леторасль* корени державнаго и лишился возлюбленной дщери, чтобы в сердце,

хотя и сокрушенном, но с умилением христианским предаться в волю Отца Небеснаго, когда синклит и весь народ предавались отчаянию… О весть страшная, весть ужасная: *любимый царь земли Русской отходит к Богу!..* но не смертию, а сладким успением; душа излетает, а тело спокойно и недвижимо: не видим ни трепета, ни содрогания… Се время рыдания, не глаголов; время молитвы, не беседы… На нас исполнилося вещание пророка: *кто даст источник слез очам моим, да плачу довольно?..* Скорби пучина, сетования бездна!.. Отселе красный, *многолетный* престол великия России начинает вдовствовать и великий многолюдный град Москва приемлет сиротство жалостное». Обязанный Борису своим первосвятительством и чистосердечно ему преданный, он говорит об нем в сем творении: «В счастливые дни Феодора Иоанновича *строил* под ним державу великий шурин и слуга его, муж верховный, единственный в России не только саном, но и разумом высоким, храбростию, верою к Богу. Его промыслом цвела сия держава *в тишине велелепной,* к изумлению людей и самого царя, ко славе правителя не только в нашем отечестве, но и в дальних пределах вселенныя, откуда знаменитые послы являлись здесь с дарами мно-

гоценными, рабски благоговеть пред царем и дивиться светлой красоте лица, мудрости, добродетели правителя, среди народа, им счастливаго, среди столицы, им украшенной». Иов писал еще утешительное послание к Феодоровой супруге, когда она тосковала о милой усопшей дочери[20]; заклинал Ирину быть не только материю, но и царицею и христианкою; осуждал ее слабость с ревностию пастыря, но и жалел о горестной с чувствительностию друга, оживляя в ней надежду дать наследника престолу: сочинение достопамятное более своим трогательным предметом, нежели мыслями и красноречием. Патриарх, напоминая Ирине учение евангельское о доверенности к вышней благости, прибавляет: «Кто лучше тебя знает Божественное Писание? Ты можешь наставлять иных, храня всю мудрость онаго в сердце и в памяти». Воспитанная при дворе Иоанновом, Ирина имела просвещение своего времени: читала Св. Писание и знаменитейших Отцов нашей Церкви. Россияне уже пользовались печатною Библиею Острожского издания, но Святых Отцов читали только в рукописи. Между славянскими или русскими переводами древних авторов, тогда известными и сохраненными в наших библиотеках, наименуем Галеново рас-

суждение[21] о стихиях большого и малого мира, о теле и душе, переведенное с языка латинского, коим, вопреки сказанию одного иноземца-современника, не *гнушались* россияне: еще скудные средствами науки, они пользовались всяким случаем удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, где его не было от неразумия писцов или *толковников,* и с удивительным терпением списывали книги, исполненные ошибок. Сей темный перевод Галена находился в числе рукописей св. Кирилла Белоозерского, следственно уже существовал в XV веке. Упомянем здесь также о рукописном лечебнике[22], в 1588 году *преложенном с языка польского* для серпуховского воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина[23]. Сей памятник тогдашней науки и тогдашнего невежества любопытен в отношении к языку смелым переводом многих имен и слов ученых.

Может быть, относятся ко временам Феодоровым или Годунова и старые песни русские, в коих упоминается о завоевании Казани и Сибири, о грозах Иоанновых, о добродетельном Никите Романовиче (брате царицы Анастасии), о злодее Малюте Скуратове, о впадениях ханских в Россию. Очевидцы рассказывают, дети и внуки их воспевают происшествия. Память обманывает,

воображение плодит, новый вкус исправляет, но дух остается, с некоторыми сильными чертами века — и не только в наших исторических, богатырских, охотничьих, но и во многих нежных песнях заметна первобытная печать старины: видим в них как бы снимок подлинника, уже неизвестного; слышим как бы отзыв голоса, давно умолкшего, находим свежесть чувства, теряемую человеком с летами, а народом с веками. Всем известна песня о царе Иоанне:

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался в ней и грозный царь:
Он Казань город на славу взял,
Мимоходом город Астрахань.

О сыне Иоанновом, осужденном на казнь:

Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску яраго:
Не становится у нас царевича.

Другая о витязе, который умирает в дикой степи, на ковре, подле огня угасающего:

Припекает свои раны кровавыя:
В головах стоит животворящий крест,

По праву руку лежит сабля острая,
По леву руку его крепкой лук,
А в ногах стоит его добрый конь;
Он, кончаяся, говорит коню:
«Как умру я, мой доброй конь,
Ты зарой мое тело белое
Среди поля, среди чистаго;
Побеги потом во святую Русь;
Поклонись моим отцу и матери,
Благословенье свези малым детушкам;
Да скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене:
Я в приданое взял поле чистое;
Была свахою калена стрела,
Положила спать сабля острая.
Все друзья-братья меня оставили,
Все товарищи разъехались:
Лишь один ты, мой доброй конь,
Ты служил мне верно до смерти».

О воине убитом, коему постелию служит камыш, изголовьем куст ракитовый, одеялом — темная ночь осенняя и коего тело орошается

слезами матери, сестры и молодой жены:

Ах! мать плачет, что река льется;
Сестра плачет, как ручьи текут;
Жена плачет, как роса падает:
Взойдет солнце, росу высушит.

Сии и многие иные стихотворения народные, ознаменованные истиною чувства и смелостию языка, если отчасти не слогом, то духом своим ближе к XVI, нежели к XVIII веку. Сколько песен, уже забытых в столице, более и менее древних, еще слышим в селах и в городах, где народ памятливее для любезных преданий старины! Мы знаем, что в Иоанново время толпы скоморохов (русских трубадуров) ходили из села в село, веселя жителей своим искусством: следственно, тогдашний вкус народа благоприятствовал дарованию песенников, коих любил даже и постник Феодор.

Сей царь любил и художества: в его время были у нас искусные ювелиры (из коих знаем одного венециянского, именем Франциска Асцентини[24]), золотари, швеи, живописцы. Шапка, данная Феодором патриарху Иеремии, украшенная каменьями драгоценными и ликами святых, в описании Арсениева путешествия[25] названа превосходным делом московских художников. Сей

греческий епископ видел на стенах Ирининой палаты[26] изящную мусию в изображениях Спасителя, Богоматери, ангелов, иерархов, мучеников, а на своде прекрасно сделанного льва, который держал в зубах змею с висящими на ней богатыми подсвечниками. Арсений с изумлением видел также множество огромных серебряных и золотых сосудов во дворце; одни имели образ зверей: единорога, львов, медведей, оленей; другие образ птиц: пеликанов, лебедей, фазанов, павлинов, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человек едва могли переносить их с места на место. Сии *чудные* сосуды делались, вероятно, в Москве, по крайней мере некоторые, и самые тяжелые, вылитые из серебра ливонского, добычи Иоаннова оружия. Искусство золотошвеев, заимствованное нами от греков, издревле цвело в России, где знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду. Феодор желал завести и шелковую фабрику в Москве: Марко Чинопи, вызванный им из Италии, ткал бархаты и парчи в доме, отведенном ему близ Успенского собора.

Размножение церквей умножало число иконописцев: долго писав только образа, мы начали писать и картины, именно в Феодорово царствование, когда две палаты, *Большая Грановитая*

(памятник Иоанна III) и *Золотая Грановитая*[27] (сооруженная внуком его), украсились живописью. В первой изображались Господь Саваоф, творение ангелов и человека, вся история Ветхого и Нового Завета, мнимое разделение вселенной между тремя мнимыми братьями Августа-кесаря и действительное разделение нашего древнего отечества между сыновьями св. Владимира (представленными в митрах, в одеждах камчатных, с оплечьями и с поясами златыми) — Ярослав Великий, Всеволод I, Мономах в царской утвари, Георгий Долгорукий, Александр Невский, Даниил Московский, Калита, Донской и преемники его до самого Феодора (который, сидя на троне в венце, в порфире с нараменником, в жемчужном ожерелье, с златою цепию на груди, держал в руках скипетр и *яблоко царское*; у трона стоял правитель, Борис Годунов, в шапке *мурманке,* в верхней златой одежде *на опашку*). В палате Золотой, на своде и стенах, также представлялись Священная и российская история вместе с некоторыми аллегорическими лицами добродетелей и пороков, времен года и феноменов природы (весна изображалась отроковицею, лето — юношею, осень — мужем с сосудом в руке, зима — старцем с обнаженными локтями; четыре

ангела с трубами знаменовали четыре ветра). В некоторых картинах, на свитках, слова были писаны *связью,* или невразумительными чертами, вместо обыкновенных букв. Золотая палата уже не существует (на ее месте дворец Елисаветин)[28]; а на стенах Грановитой давно изглажены все картины, известные нам единственно по описанию очевидцев. Упомянем также об искусстве литейном: в Феодорово время имели мы славного мастера Андрея Чохова[29], коего имя видим на древнейших пушках кремлевских: на *Дробовике* (весом в 2400 пуд)[30], *Троиле* и *Аспиде*; первая вылита в 1586-м, а вторая и третья, называемые *пищалями,* — в 1590 году.

Успехи гражданского образования были заметны и в наружном виде столицы. Москва сделалась приятнее для глаз не только новыми каменными зданиями, но и расширением улиц, вымощенных деревом и менее прежнего грязных. Число красивых домов умножилось: их строили обыкновенно из соснового леса, в два или три жилья, с большими крыльцами, с дощатыми свислыми кровлями, а на дворах летние спальни и каменные кладовые. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бедные мещане жили еще в черных избах; у людей из-

быточных в лучших комнатах были изразчатые печи. Для предупреждения гибельных пожаров чиновники воинские летом ежедневно объезжали город, чтобы везде, по изготовлении кушанья, гасить огонь. Москва — то есть кремль, Китай, Царев, или Белый, город, новый деревянный, Замоскворечье и дворцовые слободы за Яузою — имела тогда в окружности более двадцати верст. В кремле считалось 35 каменных церквей, а всех в столице более четырехсот, кроме приделов; колоколов же не менее пяти тысяч: «в часы праздничного звона, — пишут иноземцы, — люди не могли в разговоре слышать друг друга». Главный колокол, весом в 1000 пуд, висел на деревянной колокольне среди кремлевской площади: в него звонили, когда царь ехал в дальний путь, или возвращался в столицу, или принимал знаменитых иноземцев. Китай-город, обведенный кирпичною небеленою стеною и соединяемый с Замоскворечьем мостами, деревянным, или *живым*, и *каменным*, всего более украшался великолепною готическою церковию Василия Блаженного и Гостиным двором, разделенным на 20 особенных рядов: в одном продавались шелковые ткани, в другом сукна, в третьем серебро и проч. На Красной площади *лежали* две

огромные пушки. В сей части города находились домы многих бояр, знатных сановников, дворян, именитых купцов и богатый арсенал, или Пушечный двор; в Белом городе (названном так от *выбеленных* стен) Литейный двор (на берегу Неглинной), Посольский, Литовский, Арменский, площади Конская и Сенная, мясной ряд, домы детей боярских, людей приказных и купцов; а в деревянном городе, или *скородоме* (то есть *наскоро выстроенном* в 1591 году), жили мещане и ремесленники. Вокруг зданий зеленелись рощи, сады, огороды, луга; у самого дворца косили сено, и три сада государевы занимали немалое пространство в кремле. Мельницы — одна на устье Неглинной, другие на Яузе — представляли картину сельскую. Немецкая слобода не принадлежала к городу, ни Красное село, где обитали семьсот ремесленников и торгашей, для коих готовила судьба, к несчастию Борисова семейства, столь важное действие в нашей истории![31]

В Иоанново и Феодорово царствование древние обычаи народные, вероятно, мало изменились; но в современных известиях находим некоторые новые подробности относительно к сему любопытному для нас предмету.

Годунов, столь хитрый, столь властолюбивый,

не мог или не хотел искоренить местничества бояр и сановников, которое доходило до крайности непонятной, так что ни одно назначение воевод, ни одно распределение чиновников для придворной службы в дни торжественные не обходилось без распри и суда. Скажем пример: Москва (в 1591 году) уже слышала топот ханских коней, а воеводы еще спорили о старейшинстве и не шли к местам своим. Из любви к мнимой чести не боялись бесчестия истинного, ибо жалобщиков неправых наказывали даже телесно, иногда и без суда: князя Гвоздева (в 1589 году) за местничество с князьями Одоевскими[32] высекли батогами и *выдали* им *головою,* то есть велели ему уничиженно молить их о прощении. Князя Борятинского за спор с Шереметевым[33] посадили на три дни в темницу: он не смирился; вышел из темницы и не поехал на службу. Чем изъясняется сия странность? Отчасти гордостию, которая естественна человеку и во всяких гражданских обстоятельствах ищет себе предмета; отчасти самою политикою царей, ибо местничеством жило честолюбие, нужное и в монархии неограниченной для ревностной службы отечеству. Нет обыкновения, нет предрассудка совершенно бессмысленного в своем начале, хотя вред и пре-

восходит иногда пользу в действии сих вековых обычаев. Годунов же мог иметь и цель особенную, следуя известному злому правилу: *раздором властвуй!* Сии всегдашние местничества питали взаимную ненависть между знатнейшими родами: Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми. Они враждовали — Борис господствовал!

Но споры о местах не нарушали благочиния на собраниях двора: все утихало, когда царь являлся в величии, разительном для послов иноземных. «Закрыв глаза, — пишут очевидцы[34], — всякий сказал бы, что дворец пуст. Сии многочисленные, золотом облитые сановники и безмолвны, и недвижимы, сидя на лавках в несколько рядов, от дверей до трона, где стоят рынды в одежде белой, бархатной или атласной, опушенной горностаем, в высоких белых шапках, с двумя золотыми цепями (крестообразно висящими на груди), с драгоценными секирами, подъятыми на плечо, как бы для удара… Во время торжественных царских обедов служат 200 или 300 жильцов, в парчовой одежде, с золотыми цепями на груди, в черных лисьих шапках. Когда государь сядет (на возвышенном месте, с тремя ступенями, один за

трапезою золотою), чиновники-служители низко кланяются ему и по два в ряд идут за кушаньем. Между тем подают водку: на столах нет ничего, кроме хлеба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложек; нет ни тарелок, ни салфеток. Приносят вдруг блюд сто и более: каждое, отведанное поваром при стольнике, вторично отведывается кравчим в глазах царя, который сам посылает гостям ломти хлеба, яства, вина, мед и собственною рукою в конце обеда раздает им сушеные венгерские сливы; всякого гостя отпускают домой еще с целым блюдом мяса или пирогов. Иногда послы чужеземные обедают и дома с роскошного стола царского: знатный чиновник едет известить их о сей чести и с ними обедать; 15 или 20 слуг идут вокруг его лошади; стрельцы, богато одетые, несут скатерть, солонки и проч.; другие (человек 200) хлеб, мед и множество блюд, серебряных или золотых, с разными яствами». Чтобы дать понятие о роскоши и лакомстве сего времени, выписываем следующее известие из бумаг Феодорова царствования: в 1597 году отпускали к столу австрийского посла из *дворца сытного*: семь кубков романеи, столько же рейнского, мушкателя, французского белого, бастру (или канарского вина), аликанту и мальвазии; 12 ковшей меду

вишневого и других лучших; 5 ведер смородинного, можжевелового, черемухового и проч.; 65 ведер малинового, боярского, княжего; из *кормового дворца*: 8 блюд лебедей, 8 блюд журавлей с пряным зельем, несколько петухов рассольных с инбирем, куриц *бескостных,* тетеревей с шафраном, рябчиков с сливами, уток с огурцами, гусей с пшеном срацинским, зайцев в лапше и в репе, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранные (белые и черные), кальи лимонные и с огурцами; из *дворца хлебенного:* калачи, пироги с мясом, с сыром и сахаром, блины, оладьи, кисель, сливки, орехи и проч. Цари хотели удивлять чужеземцев изобилием и действительно удивляли.

Древняя славянская роскошь гостеприимства, известная у нас под коренным русским именем *хлебосольства,* оказывалась и в домах частных: для гостей не было скупых хозяев. Зато самый обидный упрек в неблагодарности выражался словами: «Ты забыл мою хлеб-соль». Сие изобилие трапез, долгий сон полдневный и малое движение знатных или богатых людей производили их обыкновенную тучность, вменяемую в достоинство: быть *дородным человеком* значило иметь право на уважение. Но тучность не мешала им жить лет до осьмидесяти, ста и ста

двадцати. Только двор и вельможи советовались с иноземными врачами. Феодор имел двух: Марка Ридлея[35], в 1594 году присланного английскою королевою, и Павла, миланского гражданина; первый жил в Москве пять лет и возвратился в Лондон; о втором в 1595 году писал Генрик IV к Феодору, ласково прося, чтобы царь отпустил его на старости в Париж к родственникам и друзьям. Сие дружелюбное письмо знаменитейшего из монархов Франции осталось для нас единственным памятником ее сношений с Россиею в конце XVI века. На место Ридлея Елисавета прислала к Борису доктора Виллиса[36], коего испытывал в знаниях государственный дьяк Василий Щелкалов[37], спрашивая, есть ли у него книги и лекарства, каким правилам следует и на пульсе ли основывает свои суждения о болезнях или на состоянии жидкостей в теле? Виллис сказал, что он бросил все книги в Любеке и ехал к нам под именем купца, зная, как в Германии и в других землях не благоприятствуют медикам, едущим в Россию; что лучшая книга у него в голове, а лекарства изготовляются аптекарями, не докторами; что и пульс, и состояние жидкостей в болезни равно важны для наблюдателя искусного. Сии ответы казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и

Виллиса не старались удержать в Москве. Борис в 1600 году вызвал шесть лекарей из Германии, каждому из них он давал 200 рублей жалованья, сверх поместья, услуги, стола и лошадей; давал им и патенты на сан докторов: сию странную мысль внушил ему Елисаветин посланник Ли[38], убедив его назвать доктором лекаря Рейтлингера, который с ним приехал служить царю.

Мы имели тогда и разных аптекарей: один из них, англичанин Френчгам, быв у нас еще в Иоанново время, при Годунове возвратился из Лондона с богатым запасом целебных растений и минералов. Другой, Аренд Клаузенд, голландец, 40 лет жил в Москве. Но россияне, кроме знатных, не верили аптекам: простые люди обыкновенно лечились вином с истертым в нем порохом, луком или чесноком, а после банею. Они не любили выхухоли в лекарствах и никаких пилюль; особенно не терпели промывательного, так что самая крайность не могла победить их упрямства. Кто, быв отчаянно болен и соборован маслом, выздоравливал, тот носил уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Жене его, как пишут, дозволялось будто бы выйти за другого мужа. Мертвых предавали земле до суток; богатых оплакивало, и в доме, и на могиле,

множество нанимаемых для того женщин, которые вопили нараспев: «Тебе ли было оставлять белый свет? Не жаловал ли тебя царь-государь? Не имел ли ты богатства и чести, супруги милой и детей любезных?» и проч. Сорочины заключались пиром в доме покойника, и вдова могла, без нарушения пристойности, чрез шесть недель избрать себе нового супруга. Флетчер уверяет, что в Москве зимою не хоронили мертвых, а вывозили отпетые тела за город в *Божий* (убогий) дом и там оставляли до весны, когда земля расступалась и можно было без труда копать могилу.

«Россияне, — пишет Маржерет, — сохраняя еще многие старые обычаи, уже начинают изменяться в некоторых с того времени, как видят у себя иноземцев. Лет за 20 или за 30 пред сим, в случае какого-нибудь несогласия, они говорили друг другу без всяких обиняков, слуга боярину, боярин царю, даже Иоанну Грозному: *ты думаешь ложно, говоришь неправду*. Ныне менее грубы и знакомятся с учтивостию; однако ж мыслят о чести не так, как мы: например, не терпят поединков и ходят всегда безоружные, в мирное время вооружаясь единственно для дальних путешествий; а в обидах ведаются судом. Тогда наказывают виновного батожьем, в присутствии

обиженного и судьи, или денежною пенею, именуемою *бесчестьем,* соразмерно жалованью истца: кому дают из царской казны ежегодно 15 рублей, тому и бесчестья 15 рублей, а жене его вдвое, ибо она считается оскорбленною вместе с мужем. За обиду важную секут кнутом на площадях, сажают в темницу, ссылают. Правосудие ни в чем не бывает так строго, как в личных оскорблениях и в доказанной клевете. Для самых иноземцев поединок есть в России уголовное преступление».

Женщины, как у древних греков или у восточных народов, имели особенные комнаты и не скрывались только от ближних родственников или друзей. Знатные ездили зимою в санях, летом в колымагах, а за царицею (когда она выезжала на богомолье или гулять) верхом, в белых поярковых шляпах, обшитых тафтою телесного цвета, с лентами, золотыми пуговицами и длинными, до плеч висящими кистями. Дома они носили на голове шапочку тафтяную, обыкновенно красную, с шелковым белым повойником или шлыком; сверху для наряда большую парчовую шапку, унизанную жемчугом (а незамужняя или еще бездетная — черную лисью); золотые серьги с изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное,

длинную и широкую одежду из тонкого красного сукна с висящими рукавами, застегнутыми дюжиною золотых пуговиц, и с отложным, до половины спины воротником собольим; под сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *летником,* с рукавами надетыми и до локтя обшитыми парчою; под летником *ферезь,* застегнутую до земли; на руках запястье, пальца в два шириною, из каменьев драгоценных; сапожки сафьянные, желтые, голубые, вышитые жемчугом, на высоких каблуках: все, молодые и старые, белились, румянились и считали за стыд не расписывать лиц своих.

Между забавами сего времени так описывают любимую Феодорову — *медвежий бой*: «Охотники царские, подобно римским гладиаторам, не боятся смерти, увеселяя государя своим дерзким искусством. Диких медведей, ловимых обыкновенно в ямы или тенетами, держат в клетках. В назначенный день и час собирается двор и несметное число людей пред феатром, где должно быть *поединку,* сие место обведено глубоким рвом для безопасности зрителей и для того, чтобы ни зверь, ни охотник не могли уйти друг от друга. Там является смелый боец с рогатиною, и выпускают медведя, который, видя его, становится

на дыбы, ревет и стремится к нему с отверстым зевом. Охотник недвижим: смотрит, метит — и сильным махом всаживает рогатину в зверя, а другой конец ее пригнетает к земле ногою. Уязвленный, яростный медведь лезет грудью на железо, орошает его своею кровию и пеною, ломит, грызет древко — и если одолеть не может, то, падая набок, с последним глухим ревом издыхает. Народ, доселе безмолвный, оглашает площадь громкими восклицаниями живейшего удовольствия, и героя ведут к погребам царским пить за государево здравие: он счастлив сею единственною наградою или тем, что уцелел от ярости медведя, который в случае неискусства или малых сил бойца, ломая в куски рогатину, зубами и когтями растерзывает его иногда в минуту».

Говоря о страсти московских жителей к баням, Флетчер всего более удивлялся нечувствительности их к жару и холоду, видя, как они в жестокие морозы выбегали из бань нагие, раскаленные и кидались в проруби.

Известие сего наблюдателя о тогдашней нравственности россиян не благоприятствовало их самолюбию: как писатель учтивый, предполагая исключения, он укорял москвитян лживостию и следствием ее, недоверчивостию беспредельною,

изъясняясь так: «Москвитяне никогда не верят словам, ибо никто не верит их слову». Воровство и грабеж, по его сказанию, были часты от множества бродяг и нищих, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встречному: «Дай мне или убей меня!» Днем они просили, ночью крали или отнимали, так что в темный вечер люди осторожные не выходили из дому. Флетчер, ревностный слуга Елисаветин, враг Западной Церкви, несправедливо осуждая и в нашей все то, что сходствовало с уставами Римской, излишно чернит нравы монастырские, но признается, что искренняя набожность господствовала в России. Угождая ли общему расположению умов или в терзаниях совести надеясь успокоить ее действиями внешнего благочестия, сам Годунов казался весьма набожным: в 1588 году, имея только одного сына-младенца[39], зимою носил его больного, без всякой предосторожности, в церковь Василия Блаженного и не слушал врачей: младенец умер. Тогда же был в Москве юродивый, уважаемый за действительную или мнимую святость: с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, он предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса; а Борис молчал и не смел сделать ему ни малейшего зла, опасаясь

ли народа или веря святости сего человека. Такие юродивые, или блаженные, нередко являлись в столице, носили на себе цепи или вериги, могли всякого, даже знатного человека укорять в глаза беззаконною жизнию и брать все, им угодное, в лавках без платы: купцы благодарили их за то как за великую милость. Уверяют, что современник Иоаннов, Василий Блаженный, подобно Николе Псковскому[40], не щадил Грозного и с удивительною смелостию вопил на стогнах о жестоких делах его.

Упрекая россиян суеверием, иноземцы хвалили, однако ж, их терпимость, которой мы не изменяли со времен Олеговых до Феодоровых и которая в наших летописях остается явлением достопамятным, даже удивительным: ибо чем изъяснить ее? Просвещением ли, которого мы не имели? Истинным ли понятием о существе веры, о коем спорили и философы, и богословы? Равнодушием ли к ее догматам в государстве, искони набожном? Или естественным умом наших древних князей воинственных, которые хотели тем облегчить для себя завоевания, не тревожа совести побеждаемых, и служили образцом для своих преемников, оставив им в наследие и земли разноверные, и мир в землях? То есть назовем

ли сию терпимость единственно политическою добродетелию? Во всяком случае она была выгодою для России, облегчив для нас и завоевания, и самые успехи в гражданском образовании, для коих мы долженствовали заманивать к себе иноверцев, пособников сего великого дела.

К счастию же нашему, естественные враги России не следовали ее благоразумной системе: магометане, язычники поклонялись у нас Богу как хотели; а в Литве неволили христиан Восточной Церкви быть папистами: говорим о зачале так называемой *унии* в Сигизмундово время, происшествии, важном своими политическими следствиями, коих не могли ни желать, ни предвидеть ее виновники.

Духовенство литовское, отвергнув устав Флорентийский, снова чтило в константинопольском первосвятителе главу своей Церкви: патриарх Иеремия на возвратном пути из Москвы заехал в Киев, отрешил тамошнего митрополита Онисифора[41] как двоеженца и на его место посвятил Михаила Рагозу[42]; судил епископов, наказывал архимандритов недостойных. Сия строгость произвела неудовольствие; действовали и другие причины: домогательство Папы и воля королевская, обольщения, угрозы. Еще в 1581 году

хитрый иезуит Антоний Поссевин, обманутый не менее хитрым Иоанном, с берегов Шелоны писал к Григорию XIII[43], что для удобнейшего обращения *московских еретиков* должно прежде озарить светом истины Киев, колыбель их веры; советовал ему войти в сношение с митрополитом и с епископами литовскими, послать к ним мужа ученого, благоразумного, который мог бы убеждениями и ласками изготовить торжество Римской Церкви в *земле раскола*. Антоний писал и действовал: внушил Баторию мысль завести иезуитское училище в Вильне[44], чтобы воспитывать там бедных отроков греческого исповедания в правилах римского; старался о переводе славнейших книг латинской богословии на язык российский; сам ревностно проповедовал, и не без успеха, так что многие литовские дворяне начали говорить о соединении Церквей и благоприятствовать Западной, угождая более миру, нежели совести: ибо, невзирая на свои права и вольности, утверждаемые королями и сеймами, единоверцы наши в Литве долженствовали везде и всегда уступать первенство католикам; бывали даже теснимы, жаловались и не находили управы. Колебались умы и самых духовных сановников, ибо Папа и Сигизмунд III, исполняя

совет иезуита Антония, с одной стороны, предлагали им выгоды, честь и доходы новые, а с другой — представляли унижение Византийской Церкви под игом оттоманов. Не грозили насилием и гонением; однако ж, славя счастие единоверия в государстве, напоминали о неприятностях, которые испытало духовенство в Литве, отвергнув устав Флорентийский. Еще митрополит Рагоза таил свою измену, хвалился усердием к православию и велел сказать московским послам, ехавшим в Австрию чрез владения Сигизмундовы, что не смеет видеться с ними, будучи в опале, в гонении за твердость в догматах Восточной Церкви, всеми оставляемой, совершенно беззащитной; что за него стоял один воевода новогородский Федор Скумин[45], но и тот уже безмолвствует в страхе; что Папа неотменно требует от короля и вельмож присоединения литовских епархий к Церкви Римской и хочет отдать киевскую митрополию своему епископу; что он (митрополит) должен неминуемо сложить с себя первосвятительство и заключиться в монастыре. Послы советовали ему быть непреклонным в буре и лучше умереть, нежели предать святую паству *на расхищение волкам латинства*. Михаил, лукавый и корыстолюбивый, хотел еще *в последний раз* нашего

золота и взял в задаток несколько червонцев: ибо цари не без хитрости давали *милостыню* духовенству литовскому, чтобы оно питало в народе любовь к своим единоверным братьям. В том же (1595) году сей лицемер, призвав в Киев всех епископов, усоветовал с ними искать мира и безопасности в недрах Западной Церкви. Только два святителя, львовский Гедеон Балабан и Михаил перемышльский[46], изъявили сопротивление; но их не слушали и, к живейшему удовольствию короля, послали епископов Ипатия владимирского и Кирилла луцкого[47] в Рим, где в храмине ватиканской они торжественно лобызали ногу Климента VIII и предали ему свою Церковь[48].

Сие происшествие исполнило радости Папу и кардиналов: славили Бога; честили послов *духовенства российского* (так назвали епископов владимирского и луцкого, чтобы возвысить торжество Рима); отвели им великолепный дом, и когда, после многих совещаний, все затруднения исчезли; когда послы обязались клятвою в верном наблюдении устава Флорентийского, приняв за истину исхождение Св. Духа от Отца *и Сына,* бытие чистилища, первенство епископа римского, но удерживая древний чин богослужения и язык славянский, тогда Папа обнял, благословил

их с любовию и правитель его думы Сильвий Антонин[49] сказал громогласно: «Наконец чрез 150 лет (после Флорентийского собора) возвращаетесь вы, о епископы российские, к каменю веры, на коем Христос утвердил Церковь: к горе святой, где сам Всевышний обитать благоизволил; к матери и наставнице всех Церквей, к единой истинной — Римской!» Пели молебны, на память векам внесли в летописи церковные *повесть о воссиянии нового света в странах полунощных,* вырезали на меди образ Климента VIII, россиянина, падающего ниц пред его троном, и надпись латинскую: «Ruthenis receptis…»[50] Однако ж радость была недолговременна.

Во-первых, святители литовские, изменяя православию, надеялись, по обещанию Климентову, заседать в сенате наравне с латинским духовенством, но обманулись: Папа не сдержал слова, от сильного противоречия епископов польских, которые не хотели равняться с униатами. Во-первых, не только святитель львовский Гедеон со многими другими духовными сановниками, но и некоторые знатнейшие вельможи, наши единоверцы, воспротивились унии: особенно воевода киевский, славный богатством и душевными благородными свойствами, князь Константин

Острожский. Говорили и писали, что сие мнимое соединение двух вер есть обман; что митрополит и клевреты его приняли латинскую, единственно для вида удержав обряды греческой. Народ волновался; храмы пустели. Чтобы важным, священным действием церковного собора утишить раздор, все епископы съехались в Бресте, где присутствовали и вельможи королевские, послы Климента VIII и патриарха византийского; но вместо мира усилилась вражда. Собор разделился на две стороны; одна предала анафеме другую — и с сего времени существовали две церкви в Литве: *униатская,* или *соединенная,* и *благочестивая,* или *несоединенная*. Первая зависела от Рима, вторая от Константинополя. Униатская, под особою защитою королей и сеймов, усиливалась, гнала благочестивую в ее сиротстве жалостном — и долго стон наших единоверных братьев исчезал в воздухе, не находя ни милосердия, ни справедливости в верховной власти. Так, один из сих ревностных христиан греческого исповедания торжественно на сейме говорил королю Сигизмунду[51]: «Мы, усердные сыны республики, готовы стоять за ее целость; но можем ли идти на врагов внешних, терзаемые внутренним: злобною униею, которая лишает нас и безопасности

гражданской, и мира душевного? Можем ли своею кровию гасить пылающие стены отечества, видя дома пламень, никем не гасимый? Везде храмы наши затворены, священники изгнаны, достояние церковное расхищено; не крестят младенцев, не исповедуют умирающих, не отпевают мертвых и тела их вывозят, как стерво, в поле. Всех, кто не изменил вере отцов, удаляют от чинов гражданских; благочестие есть опала; закон не блюдет нас… вопием: не слушают!.. Да прекратится же тиранство! Или (о чем не без ужаса помышляем) можем воскликнуть с пророком: *суди ми, Боже, и рассуди прю мою*!» Сия угроза исполнилась позднее, и мы, в счастливое царствование Алексия, столь легко приобрели Киев с Малороссиею от насилия униатов.

Таким образом, иезуит Антоний, король Сигизмунд и Папа Климент VIII, ревностно действуя в пользу Западной Церкви, невольно содействовали величию России!

Том 11

Глава I
Царствование Бориса Годунова. Годы 1598–1604

Духовенство, синклит и чины государственные, с хоругвями Церкви и отечества, при звуке всех колоколов московских и восклицаниях народа, упоенного радостию, возвратились в кремль, уже дав самодержца России, но еще оставив его в келии[1]. 26 февраля [1598 г.], в неделю сыропустную, Борис въехал в столицу: встреченный пред стенами деревянной крепости всеми гостями московскими с хлебом, с кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугом и многими иными *дарами царскими,* он ласково благодарил их, но не хотел взять ничего, кроме хлеба, сказав, что богатство в руках народа ему приятнее, нежели в казне. За гостями встретили царя Иов и все духовенство; за духовенством синклит и народ. В храме Успения отпев молебен, патриарх *вторично* благословил Бориса на государство, осенив крестом Животворящего Древа, и клиросы пели многолетие как царю, так и всему дому державному: царице Марии Григориевне[2], юному сыну

их Феодору и дочери Ксении. Тогда *здравствовали* новому монарху все россияне; а патриарх, воздев руки на небо, сказал: «Славим Тебя, Господи, ибо Ты не презрел нашего моления, услышал вопль и рыдание христиан, преложил их скорбь на веселие и даровал нам царя, коего мы денно и нощно просили у Тебя со слезами!» После литургии Борис изъявил благодарность к памяти двух главных виновников его величия: в храме Св. Михаила[3] пал ниц пред гробами Иоанновым и Феодоровым; молился и над прахом древнейших знаменитых венценосцев России: Калиты, Донского, Иоанна III, да будут его небесными пособниками в земных делах царства; зашел во дворец; посетил Иова в обители Чудовской; долго беседовал с ним наедине; сказал ему и всем епископам, что не может до Светлого Христова Воскресения оставить Ирины в ее скорби, и возвратился в Новодевичий монастырь, предписав думе боярской, с его ведома и разрешения, управлять делами государственными.

Между тем все люди служивые с усердием целовали крест в верности к Борису, одни пред славною Владимирскою иконою Девы Марии, другие у гроба святых митрополитов Петра и Ионы: клялися не изменять царю ни делом, ни

словом; не умышлять на жизнь или здравие державного, не вредить ему ни ядовитым зелием, ни чародейством; не думать о возведении на престол бывшего великого князя тверского Симеона Бекбулатовича или сына его[4]; не иметь с ними тайных сношений, ни переписки; доносить о всяких *скопах* и *заговорах,* без жалости к друзьям и ближним в сем случае; не уходить в иные земли: в Литву, Германию, Испанию, Францию или Англию. Сверх того, бояре, чиновники думные и посольские обязывались быть скромными в делах и тайнах государственных, судии — не кривить душою в тяжбах, казначеи — не корыстоваться царским достоянием, дьяки — не лихоимствовать. Послали в области грамоты известительные о счастливом избрании государя, велели читать их всенародно, три дни звонить в колокола и молиться в храмах *сперва* о царице-инокине Александре, а *после* о державном ее брате, семействе его, боярах и воинстве. Патриарх (9 марта) собором уставил торжественно просить Бога, да сподобит царя благословенного возложить на себя венец и порфиру; уставил еще на веки веков праздновать в России 21 февраля, день Борисова воцарения; наконец, предложил думе земской утвердить данную монарху присягу

соборною грамотою, с обязательством для всех чиновников не уклоняться ни от какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родов или заслуги, всегда и во всем слушаться *указа царского и приговора боярского*, чтобы *в делах разрядных и земских не доводить государя до кручины*. Все члены великой думы ответствовали единогласно: «Даем обет положить свои души и головы за царя, царицу и детей их!» Велели писать хартию в таком смысле первым грамотеям России.



Царь Борис Феодорович Годунов

Сие дело чрезвычайное не мешало течению обыкновенных дел государственных, коими занимался Борис с отменною ревностию и в келиях монастыря, и в думе, часто приезжая в Москву. Не знали, когда он находил время для успокоения, для сна и трапезы: беспрестанно видели его в совете с боярами и с дьяками или подле несчастной Ирины, утешающего и скорбящего днем и ночью. Казалось, что Ирина действитель-

но имела нужду в присутствии единственного человека, еще милого ее сердцу: сраженная кончиною супруга, искренно и нежно любимого ею, она тосковала и плакала неутешно до изнурения сил, очевидно угасая и нося уже смерть в груди, истерзанной рыданиями. Святители, вельможи тщетно убеждали царя оставить печальную для него обитель, переселиться с супругою и с детьми в кремлевские палаты, явить себя народу в венце и на троне; Борис ответствовал: «Не могу разлучиться с великою государынею, моею сестрою злосчастною» — и даже снова, неутомимый в лицемерии, уверял, что не желает быть царем. Но Ирина вторично *велела* ему исполнить волю народа и Божию, приять скипетр и царствовать не в келии, а на престоле Мономаховом. Наконец, апреля 30-го, подвиглась столица во сретение государю!

Сей день принадлежит к торжественнейшим дням России в ее истории. В час утра духовенство с крестами и с иконами, синклит, двор, приказы, воинство, все граждане ждали царя у каменного мосту, близ церкви Св. Николая Зарайского[5]. Борис ехал из Новодевичьего монастыря с своим семейством в великолепной колеснице: увидев хоругви церковные и народ, вышел; поклонил-

ся святым иконам; милостиво приветствовал всех, и знатных, и незнатных; представил им царицу, давно известную благочестием и добродетелию искреннею, — девятилетнего сына и шестнадцатилетнюю дочь, ангелов красотою. Слыша восклицания народа: «Вы наши государи, мы ваши подданные», Феодор и Ксения вместе с отцом ласкали чиновников и граждан; так же, как и он, взяв у них хлеб-соль, отвергнули золото, серебро и жемчуг, поднесенные им в дар, и звали всех обедать к царю. Невозбранно теснимый бесчисленною толпою людей, Борис шел за духовенством с супругою и с детьми, как добрый отец семейства и народа, в храм Успения, где патриарх возложил ему на грудь Животворящий Крест св. Петра митрополита (что было уже началом царского венчания) и в *третий раз* благословил его на Великое государство Московское. Отслушав литургию, новый самодержец, провождаемый боярами, обходил все главные церкви кремлевские, везде молился с теплыми слезами, везде слышал радостный клик граждан и, держа за руку своего юного наследника, а другою ведя прелестную Ксению, вступил с супругою в палаты царские. В сей день народ обедал у царя: не знали числа гостям, но все были званые, от

патриарха до нищего. Москва не видала такой роскоши и в Иоанново время. Борис не хотел жить в комнатах, где скончался Феодор: занял ту часть кремлевских палат, где жила Ирина, и велел пристроить к ним для себя новый дворец деревянный.

Он уже царствовал, но еще без короны и скиптра; еще не мог назваться *царем боговенчанным, помазанником Господним*. Надлежало думать, что Борис немедленно возложит на себя венец со всеми торжественными обрядами, которые в глазах народа освящают лицо властителя: сего требовали патриарх и синклит именем России; сего, без сомнения, хотел и Борис, чтобы важным церковным действием утвердить престол за собою и своим родом; но, хитрым умом властвуя над движениями сердца, вымыслил новое очарование; вместо скиптра взял меч в десницу и спешил в поле, доказать, что безопасность отечества ему дороже и короны, и жизни. Так царствование самое миролюбивое началося ополчением, которое приводило на память восстание россиян для битвы с Мамаем!

Еще в марте месяце, из келии Новодевичьего монастыря, отправив гонца к хану с дружественным письмом, Борис 1 апреля сведал, по

донесению воеводы оскольского, что пленник, взятый козаками за Донцом в сшибке с толпою крымских разбойников, говорит о намерении Казы-Гирея[6] вступить в пределы Московские со всею Ордою и с семью тысячами султанских воинов. Борис не усомнился в истине столь малодостоверного известия и решился, не теряя времени, двинуть всю громаду наших сил к берегам Оки; писал о том к воеводам, убедительно и ласково, требуя от них ревности в первой, важной опасности его царствования, в доказательство любви к нему и к России. Сей указ произвел удивительное действие: не было ни ослушных, ни ленивых; все дети боярские, юные и престарелые, охотно садились на коней; городские и сельские дружины без отдыха спешили к местам сборным. Главному стану назначили быть в Серпухове, Правой Руке — в Алексине, Левой — в Кошире, Передовому полку — в Калуге, Сторожевому — в Коломне. 20 апреля пришли новые вести: писали из Белагорода[7], что татарин, схваченный донскими козаками на перевозе, сказывал им о сильном вооружении хана; что толпы крымские, хотя и малочисленные, показались в степях и гонят везде наших стражей. Тогда Борис велел все изготовить для *похода царского* и 2 мая выехал из

Москвы в ратном доспехе, взяв с собою пять царевичей: киргизского, сибирского, шамахинского, хивинского и сына Кайбулина[8], бояр, князей Мстиславского, Шуйских, Годуновых, Романовых и других, многих знатных сановников, и между ими Богдана Бельского[9], печатника Василья Щелкалова, дворян и дьяков думных, 44 стольника, 20 стряпчих, 274 жильца — одним словом, всех людей, нужных и для войны, и для совета, и для пышности дворской. В Москве остался, при царицах инокине Александре и Марии, юный Феодор с боярами[10] Дмитрием Ивановичем Годуновым, князьями Трубецким, Глинским, Черкасским, Шестуновым и другими; а при Феодоре *дядька* Иван Чемоданов[11]. Сделали распоряжение в столице и на случай осады ее: назначили воевод для защиты стен и башен, для отъездов, вылазок и битв вне укреплений. 10 мая в селе Кузминском представили царю двух пленников, литовского и цесарского, ушедших из Крыма: они уверяли, что хан уже в поле и действительно идет на Москву. Тогда Борис послал гонцов ко всем начальникам степных крепостей *с милостивым словом*: в Тулу, Оскол, Ливны, Елец, Курск, Воронеж; сим гонцам велено было *спросить о здравии* как воевод, так и дворян, сотников, детей боярских, стрельцов

и козаков; вручить грамоты царские первым и требовать, чтобы они читали их всенародно. «Я стою на берегу Оки, — писал Борис, — и смотрю на степи: где явятся неприятели, там и меня увидите». В Серпухове он распорядил воеводство, дав *почетное* царевичам и действительное пяти князьям знатнейшим: в главной рати Мстиславскому[12], в Правой Руке Василию Шуйскому[13], в Левой Ивану Голицыну[14], в Передовом полку Дмитрию Шуйскому[15], в Сторожевом Тимофею Трубецкому[16]. Оградою Древней России в случае ханских впадений служили, сверх крепостей, засеки в местах, трудных для обхода: близ Перемышля, Лихвина[17], Белева, Тулы, Боровска, Рязани: государь рассмотрел чертежи их и послал туда особенных воевод с мордвою и стрельцами; устроил еще *плавную,* или судовую, рать на Оке, чтобы тем более вредить неприятелю в битвах на берегах ее. Видели, чего не видали дотоле: *полмиллиона войска,* как уверяют[18], в движении стройном, быстром, с усердием несказанным, с доверенностию беспредельною. Все действовало сильно на воображение людей: и новость царствования, благоприятная для надежды, и высокое мнение о Борисовой, уже долговременными опытами изведанной мудрости. Исчезло самое

местничество: воеводы спрашивали только, где им быть, и шли к своим знаменам, не справляясь с разрядными книгами о службе отцов и дедов, ибо царь объявил, что Великий собор бил ему челом предписать боярам и дворянству *службу без мест*. Сия ревность, способствуя нужному повиновению, имела и другое важное следствие: умножила число воинов, и воинов исправных; дворяне, дети боярские выехали в поле на лучших конях, в лучших доспехах, со всеми слугами, годными для ратного дела, к живейшему удовольствию царя, который не знал меры в изъявлениях милости: ежедневно смотрел полки и дружины, приветствовал начальников и рядовых, угощал обедами, и всякий раз не менее десяти тысяч людей, на серебряных блюдах, под шатрами. Сии истинно царские угощения продолжались шесть недель, ибо слухи о неприятеле вдруг замолкли; разъезды наши уже не встречали его; тишина царствовала на берегах Донца, и стражи, нигде не видя пыли, нигде не слыша конского топота, дремали в безмолвии степей. Ложные ли слухи обманули Бориса, или он притворным легковерием обманул Россию, чтобы явить себя царем не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его к новому самодержцу, в годину

опасности предпочитающему бранный шлем венцу Мономахову, и тем удвоить блеск своего торжественного воцарения? Хитрость, достойная Бориса и едва ли сомнительная. Вместо тучи врагов явились в южных пределах России мирные послы Казы-Гиреевы с нашим гонцом: елецкие воеводы 18 июня донесли о том Борису, который наградил вестника деньгами и чином.

Следственно, ополчение беспримерное, стоив великого иждивения и труда, оказалось напрасным? Уверяли, что оно спасло государство, поразив хана ужасом; что крымцы шли действительно, но, узнав о восстании России, бежали назад. По крайней мере, царь хотел впечатлеть ужас в послов ханских, из коих главным был мурза Алей: они въехали в Россию, как в стан воинский; видели на пути блеск мечей и копий, многолюдные дружины всадников, красиво одетых, исправно вооруженных; в лесах, в засеках слышали оклики и пальбу. Их остановили близ Серпухова, в семи верстах от царских шатров, на лугах Оки, где уже несколько дней сходилась рать отовсюду. Там 29 июня, еще до рассвета, загремело сто пушек, и первые лучи солнца осветили войско несметное, готовое к битве. Велели крымцам, изумленным сею ужасною стрельбою

и сим зрелищем грозным, идти к царю, сквозь тесные ряды пехоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные в шатер царский, где все блистало оружием и великолепием — где Борис, вместо короны увенчанный златым шлемом, первенствовал в сонме царевичей и князей не столько богатством одежды, сколько видом повелительным, — Алей-мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя слов от удивления и замешательства; наконец сказали, что Казы-Гирей желает вечного союза с Россиею, возобновляя договор, заключенный в Феодорово царствование[19]: *будет в воле* Борисовой и готов со всею Ордою идти на врагов Москвы. Послов угостили пышно и вместе с ними отправили наших к хану для утверждения новой союзной грамоты его присягою.

В сей же День свв. Петра и Павла царь простился с войском, дав ему роскошный обед в поле: 500 000 гостей пировало на лугах Оки; яства, мед и вино развозили обозами; чиновников дарили бархатами, парчами и камками. Последним словом царя было: «Люблю воинство христианское и надеюсь на его верность». Громкие благословения провождали Бориса далеко по Московской дороге. Воеводы, ратники были в восхищении от

государя столь мудрого, ласкового и счастливого, ибо он без кровопролития, одною угрозою, дал отечеству вожделеннейший плод самой блестящей победы: тишину, безопасность и честь! Россияне надеялись, говорит летописец, что все царствование Борисово будет подобно его началу, и славили царя искренно. Для наблюдения осталась часть войска на Оке; другая пошла к границе литовской и шведской; большую часть распустили, но все знатнейшие чиновники спешили вслед за государем в столицу.

Там новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встретила его, как некогда Иоанна, завоевателя Казани, и патриарх в приветственной речи сказал ему: «Богом избранный, Богом возлюбленный, великий самодержец! Мы видим славу твою: ты благодаришь Всевышнего! Благодарим Его вместе с тобою; но радуйся же и веселися с нами, совершив подвиг бессмертный! Государство, жизнь и достояние людей целы; а лютый враг, преклонив колена, молит о мире! *Ты не скрыл, но умножил талант свой* в сем случае удивительном, ознаменованном более нежели человеческою мудростию… Здравствуй о Господе, царь, любезный небу и народу! От радости плачем и тебе кланяемся». Патриарх,

духовенство и народ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смирение, государь спешил в храм Успения славословить Всевышнего и в монастырь Новодевичий к печальной Ирине. Все домы были украшены зеленью и цветами.

Но Борис еще отложил свое царское венчание до 1 сентября, чтобы совершить сей важный обряд в новое лето, в день общего доброжелательства и надежд, лестных для сердца. Между тем грамота избирательная была написана от имени земской думы с таким прибавлением: «Всем ослушникам царской воли неблагословение и клятва от Церкви, месть и казнь от синклита и государства; клятва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику любопрительному*, который дерзнет противоречить деянию соборному и колебать умы людей молвами злыми, кто бы он ни был, священного ли сана или боярского, думного или воинского, гражданин или вельможа: да погибнет и память его вовеки!» Сию грамоту утвердили 1 августа своими подписями и печатями Борис и юный Феодор, Иов, все святители, архимандриты, игумены, протопопы, келари, старцы чиновные, — бояре, окольничие, знатные сановники двора, печатник Василий Щелкалов,

думные дворяне и дьяки, стольники, дьяки приказов, дворяне, стряпчие и выборные из городов, жильцы, дьяки нижней степени, гости, сотские, числом около пятисот: один список ее был положен в сокровищницу царскую, где лежали государственные уставы прежних венценосцев, а другой в патриаршую ризницу в храме Успения. Казалось, что мудрость человеческая сделала все возможное для твердого союза между государем и государством!

Наконец Борис венчался на царство, еще пышнее и торжественнее Феодора, ибо приял утварь Мономахову из рук вселенского патриарха[20]. Народ благоговел в безмолвии; но когда царь, осененный десницею первосвятителя, в порыве живого чувства как бы забыв устав церковный, среди литургии воззвал громогласно: «Отче, великий патриарх Иов! Бог мне свидетель, что в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного, — и, тряся верх своей рубашки, примолвил: — Отдам и сию последнюю народу», тогда единодушный восторг прервал священнодействие: слышны были только клики умиления и благодарности в храме; бояре славословили монарха, народ плакал. Уверяют, что новый венценосец, тронутый знаками общей к нему любви, тогда же произнес и другой

важный обет: щадить жизнь и кровь самых преступников и единственно удалять их в пустыни сибирские. Одним словом, никакое царское венчание в России не действовало сильнее Борисова на воображение и чувство людей. Осыпанный в дверях церковных золотом из рук Мстиславского, Борис, в короне, с державою и скиптром, спешил в царскую палату занять место варяжских князей на троне России, чтобы милостями, щедротами и государственными благодеяниями праздновать сей день великий.

Началося с двора и синклита: Борис пожаловал царевича киргизского Ураз-Магмета в цари касимовские; Дмитрия Ивановича Годунова в конюшие, Степана Васильевича Годунова[21] в дворецкие (на место доброго Григорья Васильевича, который один не радовался возвышению своего рода и в тайной горести умер); князей Катырева, Черкасского, Трубецкого, Ноготкова и Александра Романова-Юрьева в бояре[22]; Михайла Романова, Бельского (любимца Иоаннова и своего бывшего друга), Кривого-Салтыкова (также любимца Иоаннова) и четырех Годуновых в окольничие[23]; многих в стольники и в иные чины. Всем людям служивым, воинским и гражданским, он указал выдать двойное жалованье, гостям московским

и другим торговать беспошлинно два года, а земледельцев казенных и самых диких жителей сибирских освободить от податей на год. К сим милостям чрезвычайным прибавил еще новую, для крестьян господских: уставил, сколько им работать и платить господам законно и безобидно. Обнародовав с престола сии царские благодеяния, Борис двенадцать дней угощал народ пирами.

Казалось, что и судьба благоприятствовала новому монарху, ознаменовав начало его державства и вожделенным миром, и счастливым успехом оружия, в битве маловажной числом воинов, но достопамятной своими обстоятельствами и следствиями, местом победы, на краю света, и лицом побежденного. Мы оставили царя-изгнанника сибирского Кучума в степи Барабинской[24], непреклонного к милостивым предложениям Феодоровым, неутомимого в набегах на отнятые у него земли и все еще для нас опасного. Воевода тарский Андрей Воейков[25] выступил (4 августа 1598) с 397 козаками, литовцами и людьми ясашными к берегам Оби, где среди полей, засеянных хлебом и вдали окруженных болотами, гнездился Кучум с бедными остатками своего царства, с женами, с детьми, с верными ему князьями и воинами, числом до пятисот. Он

не ждал врага: бодрый Воейков шел день и ночь, кинув обоз; имел лазутчиков, хватал неприятельских, и 20 августа пред восходом солнца напал на укрепленный стан ханский. Целый день продолжалась битва[26], уже последняя для Кучума: его брат и сын, Илитен и Кан, царевичи, 6 князей, 10 мурз, 150 лучших воинов пали от стрельбы наших, которые около вечера вытеснили татар из укрепления, прижали к реке, утопили их более ста и взяли 50 пленников; не многие спаслися на судах в темноте ночи. Так Воейков отмстил Кучуму за гибель Ермака неосторожного! Восемь жен, пять сыновей и восемь дочерей ханских, пять князей и немало богатства остались в руках победителя. Не зная о судьбе Кучума и думая, что он, подобно Ермаку, утонул во глубине реки, Воейков не рассудил за благо идти далее: сжег, чего не мог взять с собою, и с знатными своими пленниками возвратился в Тару донести Борису, что в Сибири уже нет иного царя, кроме российского. Но Кучум еще жил, двумя усердными слугами во время битвы увезенный на лодке вниз по Оби в землю Чатскую. Еще воеводы наши снова предлагали ему ехать в Москву, соединиться с его семейством и мирно дожить век благодеяниями государя великодушного. Сеит[27], именем Тул-

Мегмет, посланный Воейковым, нашел Кучума в лесу близ того места, где лежали тела убитых россиянами татар, на берегу Оби: слепой старец, неодолимый бедствиями, сидел под деревом, окруженный тремя сыновьями и тридцатью верными слугами; выслушал речь сеитову о милости царя московского и спокойно ответствовал: «Я не поехал к нему и в лучшее время доброю волею, целый и богатый; теперь поеду ли за смертию? Я слеп и глух, беден и сир. Жалею не о богатстве, но только о милом сыне Асманаке, взятом россиянами: с ним одним, без царства и богатства, без жен и других сыновей, я мог бы еще жить на свете. Теперь посылаю остальных детей в Бухарию, а сам еду к ногаям». Он не имел ни теплой одежды, ни коней и просил их из милости у своих бывших подданных, жителей Чатской волости, которые уже обещались быть данниками России: они прислали ему одного коня и шубу. Кучум возвратился на место битвы и там, в присутствии сеита, занимался два дня погребением мертвых тел; в третий день сел на коня — и скрылся для истории. Остались только неверные слухи о бедственной его кончине: пишут, что он, скитаясь в степях Верхнего Иртыша в земле Калмыцкой и близ озера Заисан-Нора[28], похитив несколько

лошадей, был гоним жителями из пустыни в пустыню, разбит на берегу озера Кургальчина[29] и почти один явился в улусе ногаев, которые безжалостно умертвили слепого старца-изгнанника, сказав: «Отец твой нас грабил, а ты не лучше отца». Весть о сем происшествии обрадовала Москву и Россию: Борис с донесением Воейкова спешил ночью в монастырь к Ирине, любя делить с нею все чистые удовольствия державного сана. Истребление Кучума, первого и последнего царя сибирского, если не могуществом, то непреклонною твердостию в злосчастии достопамятного, как бы запечатлело для нас господство над полунощною Азиею. В столице и во всех городах снова праздновали завоевание сего неизмеримого края звоном колокольным и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижников деньгами; велели привезти знатных пленников в Москву и дали народу удовольствие видеть их торжественный въезд (в январе 1599). Жены, дочери, невестки и сыновья Кучумовы[30] (юноши Асманак и Шаим, отрок Бабадша, младенцы Кумуш и Молла) ехали в богатых *резных* санях: царицы и царевны в шубах бархатных, атласных и камчатных, украшенных золотом, серебром и кружевом; царевичи в ферезях багряных, на

мехах драгоценных; впереди и за ними множество всадников, детей боярских, по два в ряд, все в шубах собольих, с пищалями. Улицы были наполнены зрителями, россиянами и чужеземцами. Цариц и царевичей разместили в особенных домах, купеческих и дворянских; давали им содержание пристойное, но весьма умеренное; наконец отпустили жен и дочерей ханских в Касимов и в Бежецкий Верх к царю Ураз-Магмету и к царевичу сибирскому Маметкулу, согласно с желанием тех и других. Сын Кучумов Абдул-Хаир, взятый в плен еще в 1591 году, принял тогда христианскую веру и был назван Андреем.

С сего времени уже не имея войны, но единственно усмиряя, без важных усилий, строптивость наших данников в Сибири и страхом или выгодами мирной, деятельной власти умножая число их, мы спокойно занимались там основанием новых городов: Верхотурья в 1598-м, Мангазеи[31] и Туринска в 1600-м, Томска в 1604 годах; населяли их людьми воинскими, семейными, особенно козаками литовскими или малороссийскими, и самых коренных жителей сибирских употребляли на ратное дело, вселяя в них усердие к службе льготою и честию, так что с величайшею ревностию содействовали нам в

покорении своих единоземцев. Одним словом, если случай дал Иоанну Сибирь, то государственный ум Борисов надежно и прочно вместил ее в состав России.

В делах внешней политики российской ничто не переменилось: ни дух ее, ни виды. Мы везде хотели мира или приобретений без войны, готовясь единственно к оборонительной; не верили доброжелательству тех, коих польза была несовместна с нашею, и не упускали случая вредить им без явного нарушения договоров.

Хан, уверяя Россию в своей дружбе, откладывал торжественное заключение нового договора с новым царем; между тем донские козаки тревожили набегами Тавриду, а крымские разбойники Белогородскую область. Наконец в июне 1602 года Казы-Гирей, приняв дары, оцененные в 14 000 рублей, вручил послу, князю Григорию Волконскому[32], шертную грамоту со всеми торжественными обрядами, но еще хотел тридцати тысяч рублей и жаловался, что россияне стесняют ханские улусы основанием крепостей в степях, которые были дотоле привольем татарским. «Не видим ли, — говорил он, — вашего умысла, столь недружелюбного? Вы хотите задушить нас в ограде. А я вам друг, каких мало. Султан живет

мыслию идти войною на Россию, но слышит от меня всегда одно слово: *далеко! там пустыни, леса, воды, болота, грязи непроходимые*». Царь ответствовал, что казна его истощилась от милостей, оказанных войску и народу; что крепости основаны единственно для безопасности наших посольств к хану и для обуздания хищных донских козаков; что мы, имея рать сильную, не боимся султановой. Любимец Казы-Гиреев Ахмет-Челибей, присланный к царю с союзною грамотою, требовал от него клятвы в верном исполнении взаимных условий: Борис взял в руки *книгу* (без сомнения, не Евангелие) и сказал: «Обещаю искреннее дружество Казы-Гирею: вот моя *большая присяга*», не хотел ни целовать креста, ни показать сей книги Челибею, коего уверяли, что государь российский из особенной любви к хану изустно произнес священное обязательство союза и что договоры с иными венценосцами утверждаются только боярским словом. Так Борис, вопреки древнему обыкновению, уклонился от бесполезного унижения святыни в делах с варварами, уважающими одну корысть и силу; честил хана умеренными дарами, а всего более надеялся на войско, готовое для защиты юго-восточных пределов России, и сохранил их

спокойствие. Были взаимные досады, однако ж без всяких неприятельских действий. В 1603 году Казы-Гирей с гневом выслал из Тавриды нового посла государева князя Борятинского[33] за то, что он не хотел удержать донских козаков от впадения в карасанский улус, ответствуя грубо: «У вас есть сабля; а мое дело сноситься только с ханом, не с ворами-козаками». Но сей случай не произвел разрыва: хан жаловался без угроз и подтвердил обязательство умереть нашим другом, опасаясь тогда султана и думая найти защитника в Борисе.

В делах с Литвою и с Швециею Борис также старался возвысить достоинство России, пользуясь случаем и временем. Сигизмунд, именем еще король Швеции, уже воевал с ее правителем, дядею своим, герцогом Карлом, и склонил вельможных панов к участию в сем междоусобии, уступив их отечеству Эстонию[34]. В таких благоприятных для нас обстоятельствах Литва домогалась прочного мира, а Швеция — союза с Россиею: Борис же, изъявляя готовность к тому и к другому, вымышлял легкий способ взять у них, что было нашим и что мы уступили им невольно: древние орденские владения, о коих столько жалел Иоанн, жалела и Россия, купив оные долговременными, крова-

выми трудами и за ничто отдав властолюбивым иноземцам.

Мы упоминали о сыне шведского короля Эрика, изгнаннике Густаве[35]. Скитаясь из земли в землю, он жил несколько времени в Торне[36] скудным жалованьем брата своего Сигизмунда и решился (в 1599 году) искать счастия в нашем отечестве, куда звали его и Феодор, и Борис, предлагая ему не только временное убежище, но и знатное поместье или удел. На границе, в Новегороде, в Твери ждали Густава сановники царские с приветствиями и дарами; одели в золото и в бархат; ввезли в Москву на богатой колеснице; представили государю в самом пышном собрании двора. Поцеловав руку у Бориса и юного Феодора, Густав произнес речь (зная славянский язык); сел на золотом изголовье; обедал у царя за столом особенным, имея особенного крайчего и чашника. Ему дали огромный дом, чиновников и слуг, множество драгоценных сосудов и чаш из кладовых царских; наконец, удел Калужский, три города с волостями, для дохода. Одним словом, после Борисова семейства Густав казался первым человеком в России, ежедневно ласкаемый и даримый. Он имел достоинства: душевное благородство, искренность, сведения редкие в науках,

особенно в химии, так что заслужил имя второго Феофраста Парацельса[37]; знал языки, кроме шведского и славянского, италиянский, немецкий, французский; много видел в свете, с умом любопытным, и говорил приятно. Но не сии достоинства и знания было виною царской к нему милости: Борис мыслил употребить его в орудие политики как второго Магнуса, желая иметь в нем страшилище для Сигизмунда и Карла; обольстил Густава надеждою быть властителем Ливонии с помощию России и хитро приступил к делу, чтобы обольстить и Ливонию. Еще многие сановники дерптские и нарвские жили в Москве с женами и детьми в неволе сносной, однако ж горестной для них, лишенных отечества и состояния; Борис дал им свободу с условием, чтобы они присягнули ему в верности неизменной; ездили куда хотят: в Ригу, в Литву, в Германию для торговли, но везде были его усердными слугами, наблюдали, выведывали важное для России и тайно доносили о том печатнику Щелкалову. Сии люди, некогда купцы богатые, уже не имели денег: царь велел им раздать до двадцати пяти тысяч нынешних рублей серебряных, чтобы они тем ревностнее служили России и преклоняли к ней своих единоземцев. Зная неудовольствие

жителей рижских и других ливонцев, утесняемых правительством и в гражданской жизни, и в богослужении, царь велел тайно сказать им, что если хотят они спасти вольность свою и веру отцов; если ужасаются мысли рабствовать всегда под тяжким игом Литвы и сделаться *папистами или иезуитами*, то щит России над ними, а меч ее над их утеснителями; что сильнейший из венценосцев, равно славный и мудростию, и человеколюбием, желает быть отцом более, нежели государем Ливонии, и ждет депутатов из Риги, Дерпта и Нарвы для заключения условий, которые будут утверждены присягою бояр; что свобода, законы и вера останутся там неприкосновенными под его верховною властию. В то же время воеводы псковские должны были искусно разгласить в Ливонии, что Густав, столь милостиво принятый царем, немедленно вступит в ее пределы с нашим войском, дабы изгнать поляков, шведов и господствовать в ней с правом наследственного державца, но с обязанностию российского присяжника. Сам Густав писал к герцогу Карлу: «Европе известна бедственная судьба моего родителя; а тебе известны ее виновники и мои гонители: оставляю месть Богу. Ныне я в *тихом* и *безбоязненном пристанище* у

великого монарха, милостивого к несчастным державного племени. Здесь могу быть полезен нашему любезному отечеству, если ты уступишь мне Эстонию, угрожаемую Сигизмундовым властолюбием; с помощию Божиею и царскою буду не только стоять за города ее, но возьму и всю Ливонию, мою законную отчину». Заметим, что о сем письме не упоминается в наших переговорах с Швециею; оно едва ли было доставлено герцогу: сочиненное, как вероятно, в приказе московском, ходило единственно в списках из рук в руки между ливонскими гражданами, чтобы волновать их умы в пользу Борисова замысла. Так мы хитрили, будучи в перемирии с Литвою и в мире с Швециею!

Но сия хитрость, не чуждая коварства, осталась бесплодною — от трех причин. 1) Ливонцы издревле страшились и не любили России; помнили историю Магнуса и видели еще следы Иоаннова свирепства в их отечестве; слушали наши обещания и не верили. Только некоторые из нарвских жителей, тайно сносясь с Борисом, умышляли сдать ему сей город; но, обличенные в сей измене, были казнены всенародно. 2) Мы имели лазутчиков, а Сигизмунд и Карл войско в Ливонии: могла ли она, если бы и хотела, думать о посоль-

стве в Москву? Густав лишился милости Бориса, который думал женить его на царевне Ксении, с условием, чтобы он исповедовал одну веру с нею; но Густав не согласился изменить своему закону, ни оставить любовницы, привезенной им с собою из Данцига; не хотел быть, как пишут, и слепым орудием нашей политики ко вреду Швеции; требовал отпуска и, разгоряченный вином, в присутствии Борисова медика Фидлера[38] грозился зажечь Москву, если не дадут ему свободы выехать из России; Фидлер сказал о том боярину Семену Годунову, а боярин царю, который, в гневе отняв у неблагодарного и сокровища, и города, велел держать его под стражею в доме; однако ж скоро умилостивился и дал ему вместо Калуги разоренный Углич. Густав (в 1601 году) снова был у царя, но уже не обедал с ним; удалился в свое поместье и там, среди печальных развалин, спокойно занимался химиею до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда в Ярославль, а после в Кашин, сей несчастный принц умер в 1607 году, жалуясь на ветреность той женщины, которой он пожертвовал блестящею долею в России. Уединенную могилу его в прекрасной березовой роще, на берегу Кашенки, видели знаменитый шведский военачальник

Иаков де ла Гарди и посланник Карла IX Петрей в царствование Шуйского.

Между тем мы имели случай гордостию отплатить Сигизмунду за уничижение, претерпенное Иоанном от Батория. Великий посол литовский канцлер Лев Сапега[39], приехав в Москву, жил шесть недель в праздности для того, как ему сказывали, что царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 ноября 1600), Сапега явил условия, начертанные Варшавским сеймом для заключения вечного мира с Россиею; их выслушали, отвергнули и еще несколько месяцев держали Сапегу в скучном уединении, так что он грозился сесть на коня и без дела уехать из Москвы. Наконец, будто бы из уважения к милостивому ходатайству юного Борисова сына, государь велел думным советникам заключить перемирие с Литвою на 20 лет. 11 марта (1601 года) написали грамоту, но не хотели именовать в ней Сигизмунда *королем Швеции* под лукавым предлогом, что он не известил ни Феодора, ни Бориса о своем восшествии на трон отцовский; в самом же деле мы пользовались случаем мести за старое упрямство Литвы называть государей российских единственно великими князьями и тем еще давали себе право на благодарность

шведского властителя — право входить с ним в договоры как с законным монархом. Тщетно Сапега возражал, требовал, молил, даже *с слезами,* чтобы внести в грамоту весь титул королевский: ее послали к Сигизмунду для утверждения с боярином Михайлом Глебовичем Салтыковым[40] и с думным дьяком Афанасием Власьевым[41], которые, невзирая на худое гостеприимство в Литве, успели в главном деле, к чести двора московского. Сигизмунд предводительствовал тогда войском в Ливонии и звал их к себе в Ригу; они сказали: «Будем ждать короля в Вильне» — и поставили на своем; в глубокую осень жили несколько времени на берегах Днепра в шатрах; терпели холод и недостаток, но принудили короля ехать для них в Вильну, где начались жаркие прения. Литовские вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: «Если действительно хотите мира, то признайте нашего короля шведским, а Эстонию собственностию Польши». Салтыков отвечал: «Мир вам нужнее, нежели нам. Эстония и Ливония — собственность России от времен Ярослава Великого; а Шведским королевством владеет ныне герцог Карл: царь не дает никому пустых титулов». «…Карл есть изменник и хищник, — возражали паны. — Государь ваш перестанет ли называться в титуле

астраханским или *сибирским,* если какой-нибудь разбойник на время завладеет сими землями? Знатная часть Венгрии ныне в руках султана, но цесарь именуется венгерским, а король испанский иерусалимским»[42]. Убеждения остались без действия; но Сигизмунд, целуя крест пред нашими послами (7 января 1602) с обещанием свято хранить договор, примолвил: «Клянуся именем Божиим умереть с моим наследственным титулом короля шведского, не уступать никому Эстонии и в течение сего двадцатилетнего перемирия добывать Нарвы, Ревеля и других городов ее, кем бы они ни были заняты». Тут Салтыков выступил и сказал громко: «Король Сигизмунд! Целуй крест к великому государю Борису Феодоровичу по точным словам грамоты, без всякого прибавления — или клятва не в клятву!» Сигизмунд должен был переговорить свою речь, как требовал боярин и смысл грамоты. Следственно, в Москве и в Вильне политика российская одержала верх над литовскою: король уступил, ибо не хотел воевать в одно время и с шведами, и с нами; устоял только в отказе величать Бориса именем *царя* и *самодержца,* чего мы требовали и в Москве, и в Вильне, но удовольствовались словом, что сей титул, бесспорно, будет дан королем

Борису при заключении мира вечного. «Хорошо, — говорили паны, — и двадцать лет не лить христианской крови, еще лучше — успокоить навсегда обе державы. Двадцать лет пройдут скоро; а кто будет тогда государем и в Литве, и в России, неизвестно». Заметим еще обстоятельство достопамятное: послы московские, в день своего отпуска пируя во дворце королевском, увидели юного Сигизмундова сына Владислава и как бы в предчувствии будущего вызвались целовать у него руку; сей отрок семилетний, коему надлежало в возрасте юноши явиться столь важным действующим лицом в нашей истории, приветствовал их умно и ласково; встав с места и сняв с себя шляпу, велел кланяться царевичу Феодору и сказать ему, что желает быть с ним в искренней дружбе. Знатный боярин Салтыков и думный дьяк Власьев, который заменил Щелкалова в делах государственных, могли, храня в душе приятное воспоминание о юном Владиславе, вселить во многих россиян добрые мысли о сем действительно любезном королевиче. Возвратясь, послы донесли Борису, что он может быть уверен в безопасности и тишине с литовской стороны на долгое время; что король и паны знают, видят силу России, управляемую столь мудрым государем,

и, конечно, не помыслят нарушить договора ни в каком случае, внутренно славя миролюбие царя как особенную милость Божию к их отечеству.

Мы сказали, что правитель Швеции искал союза России: Борис, убеждая герцога не мириться с Сигизмундом, дозволял шведам идти из Финляндии к Дерпту чрез Новогородское владение и хотел действовать вместе с ними для изгнания поляков из Ливонии. Королевские чиновники ездили в Москву, наши в Стокгольм с изъявлениями взаимного дружества. В знак чрезвычайного уважения к Борису герцог тайно спрашивал у него, *исполнить* ли ему волю чинов государственных и назваться ли *королем* шведским? Царь советовал *исполнить, и немедленно, для истинного блага Швеции,* и тем заслужил живейшую признательность Карлову; советовал искренно, ибо безопасность России требовала, чтобы Литва и Швеция имели разных властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый царь (в феврале 1601) объявил шведским послам Карлу Гендрихсону и Георгию Клаусону, бывшим у нас в одно время с литовским канцлером Сапегою, что должно еще снова рассмотреть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года[43], писанную от имени Феодорова и Сигизмундова; что она

недействительна, ибо Сигизмунд не утвердил ее; что обстоятельства переменились и что сей король готов уступить нам часть Ливонии, если будем помогать ему в войне с герцогом. Послы удивились. «Мы заключили мир, — говорили они боярам, — не между Феодором и Сигизмундом, а между Швециею и Россиею, до скончания веков, именем Божиим, и добросовестно исполнили условия: отдали Кексгольм вопреки Сигизмундову несогласию. Нет, герцог Карл не поверит, чтобы царь думал нарушить обет, запечатленный целованием креста на святом Евангелии. Если Сигизмунд уступает вам города в Ливонии, то уступает не свое: половина ее завоевана герцогом. И союз с Литвою надежен ли для царя? Прекратились ли споры о Киеве и Смоленске? Гораздо скорее можно согласить выгоды Швеции и России: главная их выгода есть мирное, доброе соседство. Не сам ли царь убеждал Карла не мириться с Сигизмундом? Мы воюем и берем города; что мешает вам также ополчиться и разделить Ливонию с нами?» Но Борис, с удовольствием видя пламя войны между герцогом и королем, не мыслил в ней участвовать, по крайней мере до времени; заключив перемирие с Литвою, медлил утвердить бескорыстный мир с Карлом; отпустил

его послов ни с чем и, тайно склоняя жителей Эстонии изменить шведам, чтобы присоединиться к России, досаждал ему сим непрямодушием — но в то же время искренно доброхотствовал в войне Ливонской, ибо торжество Сигизмундово угрожало нам соединением шведской короны с польскою, а торжество Карлово разделяло их навеки. Борис первый из государей европейских и всех охотнее признал герцога королем Швеции и в сношениях с ним уже давал ему сие имя, когда и сам герцог еще назывался только правителем.

Новая важная связь Борисова с наследственным врагом Швеции могла также беспокоить Карла. Известив соседственных и других венценосцев, императора, Елисавету о своем воцарении, Борис долго медлил оказать сию учтивость королю датскому Христиану[44]; но с 1601 года начались весьма дружелюбные сношения между ими. В одно время послы Христиановы, Эске-Брок и Карл Бриске, отправились в Москву, а наши, знатный дворянин Ржевский и дьяк Дмитриев, в Копенгаген для взаимного приветствия и для разрешения старых, бесконечных споров о Кольских и Варгавских пустынях[45]. Доказывая, что вся Лапландия принадлежала Норвегии, Христиан ссылался на историю Саксона Грамма-

тика и даже на Мюнстерову «Космографию»[46]; говорил еще, что сами россияне издревле называют Лапландию *Мурманскою* или Норвежскою землею; а мы возражали, что она, без сомнения, наша, ибо в царствование Василия Иоанновича новогородский священник Илия крестил ее диких жителей[47], и еще утверждали сие право собственности следующею повестию[48], основанною на предании тамошних старцев: «Жил некогда в Кореле, или Кексгольме, знаменитый *владетель* именем *Валит*, или Варент, данник Великого Новагорода, муж необычной храбрости и силы: воевал, побеждал и хотел господствовать над Лопью, или *Мурманскою* землею. Лопари требовали защиты соседственных *норвежских* немцев; но Валит разбил и немцев, там, где ныне *летний* погост *Варенгский*[49] и где он, в память векам, положил своими руками огромный камень, в вышину более сажени; сделал вокруг его твердую ограду *в двенадцать стен* и назвал ее *Вавилоном*, сей камень и теперь именуется *Валитовым*. Такая же ограда существовала на месте Кольского острога. Известны еще в земле Мурманской *губа Валитова* и *городище Валитово* среди острова или высокой скалы, где безопасно отдыхал витязь корельский. Наконец побежден-

ные немцы заключили с ним мир, отдав ему всю Лопь до реки Ивгея. Долго славный и счастливый, Валит, именем христианским Василий, умер и схоронен в Кексгольме в церкви Спаса; лопари же с того времени платили дань Новугороду и царям московским». Сии исторические доводы с обеих сторон были не весьма убедительны, и датчане в знак миролюбия желали разделить Лапландию с нами вдоль или поперек на две равные части; а Борис, из любви к Христиану, уступал ему все земли за монастырем Печенским[50] к северу, предоставляя датским и российским чиновникам на будущем съезде близ Колы означить границы обеих держав. Между тем возобновили договор о свободной торговле датских купцов в России; условились и в деле важнейшем.

Борис искал достойного жениха для прелестной царевны между европейскими принцами державного племени, чтобы таким союзом возвысить блеск своего дому в глазах бояр и князей российских, которые еще недавно видели Годуновых ниже себя; не успев в намерении отдать руку дочери вместе с Ливониею Густаву, сей нежный родитель и хитрый политик надеялся доставить счастие Ксении и выгоды государству супружеством ее с герцогом Иоанном[51], братом

Христиановым, юношею умным и приятным, который, подобно Густаву, мог служить орудием наших властолюбивых замыслов на Эстонию, бывшую собственность Дании. Царь предложил, и король, не устрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватом знаменитого самодержца московского, в надежде его усердным вспоможением осилить враждебную Швецию. К сожалению, любопытные бумаги о сем сватовстве утратились: не знаем условий о вере, о приданом, ни других взаимных обязательств; но знаем, что Иоанн согласился жертвовать Ксении отечеством и быть удельным князем в России: не для того ли, чтобы в случае возможного несчастия, преждевременной кончины юного царевича трон Московский имел наследников в семействе Борисовом? О чем, вероятно, думал царь дальновидный, с горячностию любя сына, но любя и мысль о непрерывном наследстве короны, в течение веков, для своего рода. Жених воевал тогда в Нидерландах под знаменами Испании[52]: спешил возвратиться, сел на адмиральский корабль и вместе с пятью другими приплыл (10 августа 1602) к устью Наровы. Там ожидала гостя ладия царская, устланная бархатом, — и как скоро герцог ступил на землю Русскую, загремели

пушки: боярин Михайло Глебович Салтыков и думный дьяк Власьев приветствовали его именем царя, ввели в богатый шатер и поднесли ему 80 драгоценнейших соболей. В карете, блистающей золотом и серебром, Иоанн ехал в Иваньгород мимо Нарвы, где развевались знамена на башнях и стенах, усеянных любопытными зрителями: так приветствовали его и шведы, внутренно опасаясь сего путешествия, коего цель они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннее честили герцога в России. С ним были послы Христиановы, три сенатора (Гильденстерн, Браге и Гольк), восемь знатных сановников, несколько дворян, два медика, множество слуг; на каждом стане, в самых бедных деревнях, угощали их как бы во дворце московском; за обедом играла музыка. В городах стреляли из пушек; войско стояло в ружье, и чиновники за чиновниками представлялись *светлейшему королевичу*. Ехали медленно, в день не более тридцати верст, чрез Новгород, Валдай, Торжок и Старицу. Путешественник не скучал; в часы роздыха гулял верхом или по рекам на лодках; забавлялся охотою, стрелял птиц; беседовал с боярином Салтыковым и дьяком Власьевым о России, желая знать ее государственные уставы

и народные обыкновения. Послы Христиановы советовали ему не вдруг перенимать наши обычаи и держаться еще немецких. «Еду к царю, — говорил он, — затем, чтобы навыкать всему русскому». Будучи 1 сентября в Бронницах, Иоанн сказал Салтыкову: «Я знаю, что в сей день вы празднуете новый год; что духовенство, синклит и двор ныне торжественно желают многолетия государю; еще не имею счастия видеть его лицо, но также усердно молюся, да здравствует» — спросил вина и стоя пил *царские чаши* вместе с московскими сановниками и датскими послами. Одним словом, Иоанн хотел любви Борисовой и любви россиян. Салтыков и Власьев писали к царю о здоровье и веселом нраве королевича; уведомляли обо всем, что он говорил и делал: даже о нарядах, о цвете его атласных кафтанов, украшенных золотыми или серебряными кружевами! Царь требовал сих подробностей — и высылал новые дары путешественнику: богатые ткани азиятские, шапки, низанные жемчугом, поясы и кушаки драгоценные, золотые цепи, сабли с бирюзою и с яхонтами. Наконец Иоанн изъявил нетерпение быть в Москве: ему ответствовали, что государь боялся спешною ездою утомить его, — и поехали скорее. 18 сентября ночевали в

Тушине, а 19 приближились к столице.

Не только воины и люди сановные, от членов синклита до приказных дьяков, но и граждане встретили герцога в поле. Выслушав ласковую речь бояр, он сел на коня и ехал Москвою при звуке огромного кремлевского колокола с датскими и российскими чиновниками. Ему отвели в Китае-городе лучший дом — и на другой день прислали обед царский: сто тяжелых золотых блюд с яствами, множество кубков и чаш с винами и медами. 28 сентября было торжественное представление. От дому Иоаннова до Красного крыльца стояли богато одетые воины; на площади кремлевской граждане, немцы, литва, также в лучшем наряде. У крыльца встретили Иоанна князья Трубецкой и Черкасский, на лестнице Василий Шуйский и Голицын, в сенях первый вельможа Мстиславский с окольничими и дьяками. Царь и царевич были в Золотой палате, в бархатных порфирах, унизанных крупным жемчугом; в их коронах и на груди сияли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидев герцога, Борис и Феодор встали, обняли его с нежностию, сели с ним рядом и долго беседовали в присутствии вельмож и царедворцев. Все смотрели на юного Иоанна с любовию, пленяясь

его красотою: Борис уже видел в нем будущего сына. Обедали в Грановитой палате: царь сидел на золотом троне, за серебряным столом, под висящею над ним короною с боевыми часами, между Феодором и герцогом, уже причисленным к их семейству. Угощение заключилось дарами: Борис и Феодор сняли с себя алмазные цепи и надели на шею Иоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, несколько серебряных сосудов, драгоценных тканей, английских сукон, сибирских мехов и три одежды русские. Но жених не видал Ксении, веря только слуху о прелестях ее, любезных свойствах, достоинствах, и не обманываясь. Современники пишут, что она была среднего роста, полна телом и стройна; имела белизну *млечную,* волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащие* на плечах, — лицо свежее, румяное, брови союзные, глаза большие, черные, светлые, красоты несказанной, особенно когда блистали в них слезы умиления и жалости; не менее пленяла и душою, кротостию, *благоречием,* умом и вкусом образованным, любя книги и сладкие песни духовные. Строгий обычай не дозволял показывать и *такой* невесты прежде времени; сама же Ксения и царица могли видеть Иоанна скрытно, издали, как

думали его спутники. Обручение и свадьбу отложили до зимы, готовясь к тому, вместо пиров, молитвою: родители, невеста и брат ее поехали в лавру Троицкую… О сем пышном выезде царского семейства очевидцы говорят так[53]:

«Впереди 600 всадников и 25 заводных коней, блистающих убранством, серебром и золотом; за ними две кареты: пустая царевичева, обитая алым сукном, и другая, обитая бархатом, где сидел государь; обе в 6 лошадей; первую окружали всадники, вторую пешие царедворцы. Далее ехал верхом юный Феодор; коня его вели знатные чиновники. Позади бояре и придворные. Многие люди бежали за царем, держа на голове бумагу: у них взяли сии челобитные и вложили в красный ящик, чтобы представить государю. Чрез полчаса выехала царица в великолепной карете; в другой, со всех сторон закрытой, сидела царевна; первую везли десять белых коней, вторую восемь. Впереди 40 заводных лошадей и дружина всадников, мужей престарелых, с длинными седыми бородами; сзади 24 боярыни на белых конях. Вокруг шли 300 приставов с жезлами». Там, в обители тишины и святости, Борис с супругою и с детьми девять дней молился над гробом св. Сергия, да благословит небо союз Ксении с Иоанном.

Между тем жениха ежедневно честили царскими обедами в его доме; присылали ему бархаты, объяри, кружева *для русской одежды*, прислали и богатую постелю, белье, шитое серебром и золотом. Он с ревностию хотел учиться нашему языку и даже переменить веру, как пишут, чтобы исповедовать одну с будущею супругою; вообще, вел себя благоразумно и всем нравился любезностию в обхождении. Но чего искренно желали и россияне, и датчане — о чем молились родители и невеста, — то не было угодно Провидению… На возвратном пути из лавры, 16 октября, в селе Братовщине государь узнал о незапной болезни жениха. Иоанн еще мог писать к нему и прислал своего чиновника, чтобы его успокоить. Недуг усиливался беспрестанно: открылась жестокая горячка; но медики, датские и Борисовы, не теряли надежды: царь заклинал их употребить все искусство, обещая им неслыханные милости и награды. 19 октября посетил Иоанна юный Феодор, 27-го сам государь вместе с патриархом и боярами; увидел его слабого, безгласного; ужаснулся и с гневом винил тех, которые таили от него опасность. На другой день, ввечеру, он нашел герцога уже при смерти; плакал, крушился, говорил: «Юноша несчастный! Ты оставил

мать, родных, отечество и приехал ко мне, чтобы умереть безвременно!» Еще желая надеяться, государь дал клятву освободить 4000 узников в случае Иоаннова выздоровления и просил датчан молиться Богу с усердием. Но в 6 часов сего же вечера, 28 октября, пресеклись цветущие дни Иоанновы на двадцатом году жизни… Не только семейство царское, датчане, немцы, но и весь двор, все жители столицы были в горести. Сам Борис пришел к Ксении и сказал ей: «Любезная дочь! Твое счастие и мое утешение погибло!» Она упала без чувства к ногам его… Велели оказать всю должную честь умершему. Отворили казну царскую для бедных вдов и сирот; питали нищих в доме, где скончался Иоанн; к телу приставили знатных чиновников; запретили его анатомить и вложили в деревянную гробницу, наполненную ароматами, а после в медную и еще в дубовую, обитую черным бархатом и серебром, с изображением креста в средине и с латинскою надписью о достоинствах умершего, о благоволении к нему царя и народа российского, об их печали неутешной. В день погребения, 25 ноября, Борис простился с телом, обливаясь слезами, и ехал за ним в санях Китаем-городом до Белого. Гроб везли на колеснице, под тремя черными

знаменами, с гербом Дании, мекленбургским и голштейнским; на обеих сторонах шли воины царской дружины, опустив вниз острие своих копий; за колесницею бояре, сановники и граждане — до слободы Немецкой, где в новой церкви Аугсбургского исповедания схоронили тело Иоанново в присутствии московских вельмож, которые плакали вместе с датчанами, хотя и не разумели умилительной надгробной речи, в коей герцогов пастор благодарил их за сию чувствительность…

Вероятно ли сказание нашего летописца[54], что Борис внутренно не жалел о смерти Иоанна, будто бы завидуя общей к нему любви россиян и страшася оставить в нем совместника для юного Феодора; что медики, узнав тайную мысль царя, не смели излечить больного? Но царь хотел, чтобы россияне любили его нареченного зятя: для того советовал ему быть приветливым и следовать нашим обычаям; хотел, без сомнения, и счастия Ксении; давал сим браком новый блеск, новую твердость своему дому, и не мог переменить мыслей в три недели: устрашиться, чего желал; видеть, чего не предвидел, и вверить столь гнусную тайну зла придворным врачам-иноземцам, коих он, по смерти Иоанновой, долго не пускал к себе на глаза и которые лечили герцога вместе с

его собственными, датскими врачами. Свидетели сей болезни, чиновники Христианова двора, издали в свет ее верное описание, доказывая, что все способы искусства, хотя и без успеха, были употреблены для спасения Иоаннова. Нет, Борис крушился тогда без лицемерия и чувствовал, может быть, казнь небесную в совести, готовив счастие для милой дочери и видя ее вдовою в невестах; отвергнул украшения царские, надел ризу печали и долго изъявлял глубокое уныние… Все, чем дарили герцога, было послано в Копенгаген; всех Иоанновых спутников отпустили туда с новыми щедрыми дарами; не забыли и последнего из служителей. Борис писал к Христиану, что Россия остается в неразрывном дружестве с Даниею; оно действительно не разорвалося, как бы утверждаемое для обоих государств печальным воспоминанием о судьбе юного герцога, коего тело было перевезено в Рошильд[55], долго лежав под сводом московской Лютеранской церкви. В честь Иоанновой памяти Борис дал колокола сей церкви и дозволил звонить в них по дням воскресным.

Но печаль не мешала Борису ни заниматься делами государственными с обыкновенною ревностию, ни думать о другом женихе для Ксении:

около 1604 года послы наши снова были в Дании и содействием Христиановым условились с герцогом шлезвигским Иоанном[56], чтобы один из его сыновей, Филипп[57], ехал в Москву жениться на царевне и быть там удельным князем. Сие условие не исполнилось единственно от тогдашних бедственных обстоятельств нашего отечества.

Сношения России с Австриею были, как и в Феодорово время, весьма дружелюбны и не бесплодны. Думный дьяк Власьев (в июне 1599 года), посланный к императору с известием о Борисовом воцарении, сел на лондонский корабль в устье Двины и вышел на берег в Германии: там, в Любеке и в Гамбурге, знатнейшие граждане встретили его с великою ласкою, с пушечною стрельбою и музыкою, славя уже известную милость Борисову к немцам и надеясь пользоваться новыми выгодами торговли в России. Рудольф, изгнанный моровым поветрием из Праги, жил тогда в Пильзене[58], где Власьев имел переговоры с австрийскими министрами, уверяя их, что наше войско уже шло на турков, но что Сигизмунд заградил оному в литовских владениях путь к Дунаю; что царь, как истинный брат христианских монархов и вечный недруг оттоманов, убеждает шаха и многих иных *князей азийских*

действовать усильно против султана и готов самолично идти на крымцев, если они будут помогать туркам; что мы непрестанно внушаем литовским панам утвердить союз с императором и с нами возведением Максимилиана на трон Ягеллонов[59]; что миролюбивый Борис не усомнится даже и воевать для достижения сей цели, если император когда-нибудь решится отмстить Сигизмунду за бесчестие своего брата. Рудольф изъявил благодарность, но требовал от нас не людей, а золота для войны с Магометом III, желая только, чтобы мы смирили хана. «Император, — говорили его министры, — любя царя, не хочет, чтобы он подвергал себя опасности *личной* в битвах с варварами: у вас много воевод мужественных, которые легко могут и без царя унять крымцев, — вот главное дело! Если угодно небу, то корона польская, при добром содействии великодушного царя, не уйдет от Максимилиана; но теперь не время умножать число врагов». И мы, конечно, не думали действовать мечом для возведения Максимилиана на трон Польский, ибо Сигизмунд, уже враг Швеции, был для нас не опаснее австрийского князя в венце Ягеллонов, не думали, вопреки увериениям Власьева, ратоборствовать и с султаном без необходимости, но,

предвидя оную — зная, что Магомет злобится на Россию и действительно велит хану опустошать ее владения, — Борис усердно доброхотствовал Австрии в войне с сим недругом христианства. От 1598 до 1604 года были у нас разные австрийские чиновники и знатный посол барон Логау[60]; а думный дьяк Власьев вторично ездил к императору в 1603 году. Не имеем сведений об их переговорах; известно только, что царь вспомогал казною Рудольфу, удерживал Казы-Гирея от новых впадений в Венгрию и старался утвердить дружество между императором и шахом персидским, к коему ездили австрийские посланники чрез Москву и который славно мужествовал тогда против оттоманов[61]. Но знаменитый Аббас[62], ласково поздравив Бориса царем, изъявляя готовность заключить с ним тесный союз, а *для него* и с императором — отправив (в 1600 году) посланника Исеналея чрез Колмогоры в Австрию, в Рим, к королю испанскому — и в знак особенной любви прислав к своему *брату московскому* с вельможею Лачин-Беком (в августе 1603 года) *златой трон древних государей персидских*[63], вдруг оказался нашим недругом за бедную Грузию: не споривши с Феодором, не споря с Борисом о праве именоваться ее верховным государем, хотел так-

же бесспорно властвовать над нею и стиснул ее, как слабую жертву, в своих руках кровавых.

Царь Александр[64] не переставал жаловаться в Москве на бедственную долю Иверии. Послы его так говорили боярам: «Мы плакали от неверных и для того отдалися головами царю православному[65], да защитит нас; но плачем и ныне. Наши домы, церкви и монастыри в развалинах, семейства в плену, рамена под игом. То ли вы нам обещали? И неверные смеются над христианами, спрашивая: где же щит царя белого? Где ваш заступник?» Борис велел напомнить им о походе князя Хворостинина[66], с коим должно было соединиться их войско и не соединилось; однако ж послал в Иверию [в 1601 г.] двух сановников, Нащокина и Леонтьева, узнать все обстоятельства на месте и с терскими воеводами условиться в мерах для ее защиты. Там сделалась перемена. Во время тяжкой болезни Александровой сын его Давид[67] объявил себя властителем; отец выздоровел, но сын уже не хотел возвратить ему знаков державства: *царской хоругви, шапки и сабли с поясом.* Сего мало: он злодейски умертвил всех ближних людей Александровых. Тогда несчастный отец, прибежав раздетый и босой в церковь, рыдая, захлипаясь от слез, всенародно

предал сына анафеме и гневу Божию, который действительно постиг изверга: Давид в внезапной, мучительной болезни испустил дух, и посланники наши возвратились с известием, что Александр снова царствует в Иверии, но недостоин милости государевой, будучи усердным рабом султана и дерзая укорять Бориса алчностию к дарам. «Мне ли, — сказал царь с негодованием, — мне ли прельщаться дарами нищих, когда могу всю Иверию наполнить *серебром и засыпать золотом*?» Он не хотел было видеть нового посла иверского, архимандрита Кирилла; но сей умный старец ясно доказал, что Нащокин и Леонтьев оклеветали Александра; сделал еще более: умолил государя не казнить их и дал ему мысль для будущего верного соединения Грузии с Россиею построить каменную крепость в Тарках, месте неприступном, изобильном и красивом, — другую на Тузлуке[68], где большое озеро соляное, много серы и селитры, — а третью на реке Буйнаке[69], где некогда существовал город, будто бы Александром Македонским основанный, и где еще стояли древние башни среди садов виноградных.

Для сего предприятия немаловажного государь избрал двух знатных воевод, окольничих

Бутурлина и Плещеева[70], которые должны были, взяв полки в Казани и в Астрахани, действовать вместе с терскими воеводами и ждать к себе вспомогательной рати иверской, клятвенно обещанной послом от имени Александра. Не теряли времени и не жалели денег, выдав из казны не менее трехсот тысяч рублей на издержки похода столь отдаленного и трудного. Войско, довольно многочисленное, выступило с берегов Терека (в 1604 году) к Каспийскому морю и видело единственно тыл неприятеля. Шавкал, уже старец ветхий[71], лишенный зрения, бежал в ущелья Кавказа, и россияне заняли Тарки. Нельзя было найти лучшего места для строения крепости: с трех сторон высокие скалы могли служить ей вместо твердых стен; надлежало укрепить только отлогий скат к морю, покрытый лесом, садами и нивами; в горах били ключи и наделяли жителей, посредством многих труб, свежею водою. Там, на высоте, где стоял дворец Шавкалов с двумя башнями, россияне немедленно начали строить стену, имея все для того нужное: лес, камень, известь; назвали Тарки *Новым городом;* заложили крепость и на Тузлуке. Одни работали, другие воевали, до Андрии, или Эндрена[72], и теплых вод, не встречая важного сопротивления;

пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка в съестных припасах: для того в глубокую осень Бутурлин послал тысяч пять воинов зимовать в Астрахань; к счастию, они шли бережно, ибо сыновья Шавкаловы и кумыки ждали их в пустынях, напали смело, сражались мужественно, целый день, а ночью бежали, оставив на месте 3000 убитых. О сем кровопролитном деле писали воеводы в Москву и к царю иверскому, ожидая его войска по крайней мере к весне, чтобы очистить все горы от неприятеля, совершенно овладеть Дагестаном и беспрепятственно строить в нем новые крепости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вестей из несчастной Грузии. Александр уже не обманывал России: он погиб, и за нас!

Государь, отпустив Кирилла (в мае 1604) из Москвы, вместе с ним послал дворянина *ближней думы* Михайла Татищева[73], во-первых, для утверждения Грузии в нашем подданстве, во-вторых, и для семейственного дела, еще тайного. Сей сановник (в августе 1604) не нашел царя в Загеме[74]: Александр был у шаха, который строго велел ему явиться с войском в стан персидский, невзирая на имя российского данника и не страшася оскорбить тем друга своего Бориса. Сын Александров,

Юрий[75], принял Татищева не только ласково, но и раболепно; славил величие московского царя и плакал о бедном отечестве. «Никогда, — говорил он, — Иверия не бедствовала ужаснее нынешнего: стоим под ножами султана и шаха; оба хотят нашей крови и всего, что имеем. Мы отдали себя России: пусть же Россия возьмет нас не словом, а делом! Нет времени медлить: скоро некому будет здесь целовать креста в бесполезной верности к ее самодержцу. Он мог бы спасти нас. Турки, персияне, кумыки силою к нам врываются; а вас зовем добровольно: придите и спасите! Ты видишь Иверию, ее скалы, ущелья, дебри; если поставите здесь твердыни и введете в них войско русское, то будем истинно ваши, и целы, и не убоимся ни шаха, ни султана». Сведав, что турки идут к Загему[76], Юрий убеждал Татищева дать ему своих стрельцов для битвы с ними: умный посол долго колебался, опасаясь без указа царского как бы объявить войну султану; наконец решился удостоверить тем Иверию в действительном праве Борисовом именоваться ее верховным государем и дал Юрию сорок московских воинов, которые присоединились к пяти или шести тысячам грузинских, с доблим сотником Михайлом Семовским; пошли впереди

(7 октября) и встретили турков сильным залпом. Сей первый звук нашего оружия в пустынях иверских изумил неприятеля: густая передовая толпа его вдруг стала реже; он увидел новый строй, новых воинов; узнал россиян и дрогнул, не зная их малого числа. Юрий с своими ударил мужественно и более гнал, нежели сражался, ибо турки бежали не оглядываясь. Казалось, что в сей день воскресла древняя слава Иверии: ее воины взяли четыре хоругви султанские и множество пленников. В следующий день Юрий одержал победу над хищными кумыками, явил народу трофеи, уже давно ему неизвестные, и всю честь приписал сподвижникам, горсти россиян, славя их как героев.

Наконец Александр возвратился из Персии с сыном Константином[77], принявшим там магометанскую веру, как мы сказали. Аббас, самовластно располагая Иверией, велел Константину собрать ее людей воинских, всех без остатка, и немедленно идти к Шамахе; дал ему 2000 своих лучших ратников, несколько ханов и князей; дал и тайное повеление, отгаданное умным Татищевым, который бесполезно остерегал Александра и Юрия, говоря, что дружина персидская для них еще опаснее, нежели для турков; что Константин,

изменив Богу христианскому, может изменить и святым узам родства. Они не смели изъявить подозрения, чтобы не разгневать могущественного шаха; исполняли его указ, собирали войско и предали себя убийцам. Готовясь ехать на обед к Александру (12 марта), Татищев вдруг слышит стрельбу во дворце, крик, шум битвы; посылает своего толмача узнать, что делается, — и толмач, входя во дворец, видит персидских воинов с обнаженными саблями, на земле кровь, трупы и две отсеченные головы, лежащие пред Константином: головы отца его и брата! Константин-мусульманин, уже объявленный царем Иверии христианской, приказал к Татищеву, что Александр убит нечаянно, а Юрий достойно, как изменник шахов и государя московского, друг и слуга ненавистных турков; что сия казнь не переменяет отношений Иверии к России; что он, исполняя волю великого Аббаса, брата и союзника Борисова, готов во всем усердствовать царю христианскому. Но Татищев уже сведал истину от вельмож грузинских. Долго терпев связь Александрову с Россиею, в надежде на содействие царя в войне с оттоманами, Аббас, уже победитель, не захотел более терпеть нашего, хотя и мнимого господства в земле, которая счи-

талась достоянием его предков. Он вразумился в систему политики Борисовой; увидел, что мы, радуясь кровопролитию между им и султаном, для себя избегаем оного; велел сыну убить отца, будто бы за приверженность к туркам, но в самом деле за подданство России, дерзкое и безрассудное для несчастного Александра, который исканием дальнего, неверного заступника раздражал двух ближних утеснителей. Будучи только орудием Аббасовой мести и плакав всю ночь пред совершением гнусного отцеубийства, Константин уверял Борисова посла, что шах не имел в том участия. «Родитель мой, — говорил он, — сделался жертвою междоусобия сыновей: несчастие весьма обыкновенное в нашей земле! Сам Александр извел отца своего, убил и брата[78]: я то же сделал, *не зная, к добру ли, к худу ли* для света. По крайней мере буду верным моему слову и заслужу милость государя российского лучше Александра и Юрия; благодарен ему за крепости, основанные им в земле Шавкаловой, и скоро пришлю в Москву богатые дары». Татищев хотел не ковров и не тканей, а подданства; требовал от него клятвы в верности к России и доказывал, что царем Иверии может быть единственно христианин. Константин отвечал, что до вре-

мени останется мусульманином и подданным шаховым, но будет защитником христианства и другом России — прибавив: «Где твердый ваш *хребет*, на который мы в случае нужды могли бы опереться?» С сим Татищев должен был выехать из Загема, торжественно объявив, что Борис не уступает Иверии шаху и что Аббас, самовластно казнив Александра рукою Константина, нарушил счастливое дружество, которое дотоле существовало между Персиею и Россиею. Одним словом, мы лишились царства: то есть права называть его своим; но Татищев, не выезжая из Грузии, нашел другое царство для титула Борисова!

Видя юного Феодора, уже близкого к совершенному возрасту, и снова предложив руку дочери датскому принцу, но желая на всякий случай иметь для нее и другого мужа в готовности, Борис искал вдруг и невесты, и жениха в отечестве славной Тамари, знаменитой супруги Георгия Андреевича Боголюбского. Посол Александров, Кирилл, хвалил нашим боярам красоту иверского царевича, Давидова сына, Теймураса[79], и княжны, или царевны, карталинской Елены, внуки Симеоновой[80]: Татищеву велено было видеть их; он не нашел Теймураса, отданного шаху в аманаты, и поехал в Карталинию[81] видеть семейство

ее владетеля. Сия область древней Иверии, менее подверженная набегам дагестанских кумыков, представляла и менее развалин, нежели Восточная Грузия или Кахетия. Там господствовал отец Еленин, князь Юрий, после Симеона, взятого в плен турками[82]: он имел своих князей-присяжников (Сонского и других), многочисленных *царедворцев,* бояр и *святителей*; угостил Татищева в шатрах и с изъявлением благодарности выслушал его предложения: первое, чтобы Юрий поддался России; второе, чтобы отпустил с ним в Москву Елену и ближнего родственника своего, юного князя Хоздроя[83], *если* они имеют все достоинства, нужные для чести вступить в семейство Борисово. «Сия честь велика, — сказал усердный посол, — император и короли шведский, датский, французский искали ее ревностно». Судьба Александрова ужасала Юрия; но Татищев возражал, что сей несчастный погубил себя криводушием, хотев служить вместе царям верному и неверному, к досаде обоих. «Желая угодить Аббасу, — говорил он, — Александр не дал нам войска, чтобы истребить Шавкала; оставил сына в Персии и дозволил ему быть магометанином, то есть острить нож на отца и христианство; сослал туда и внука, узнав о намерении государя выдать

за него царевну Ксению, ибо страшился, чтобы Теймурас не взял Грузии в приданое за царевною; но мог ли великий царь наш разлучиться с нею для бедного престола Загемского, имея у себя многие знаменитейшие княжества в удел милому зятю? Александр пал, ибо *не прямил* России и не стоил ее сильного вспоможения». Сорок московских стрельцов спасли Загем: Татищев обязался немедленно прислать в Карталинию из Терской крепости 150 храбрейших воинов, как передовую дружину, для безопасности будущего свата Борисова — и Юрий с обрядами священными назвал себя российским данником[84]. Тем более желая родственного союза с царем, он представил на суд Татищеву жениха и невесту, сказав: «Отдаюсь России и с царством, и с душою. Князь Хоздрой воспитан моею матерью вместе со мною и служит мне правою рукою в делах ратных; когда он в поле, тогда могу быть спокоен дома. Детей у меня двое: сын мое око[85], а дочь сердце — веселюсь ими и в бедствиях нашего отечества; но не стою за Елену, когда так угодно Богу и государю российскому». В донесении царю о женихе и невесте Татищев пишет: «Хоздрою 23 года от рождения; он высок и строен; лицо у него красиво и чисто, но смугло; глаза светлые карие,

нос с горбиною, волосы темно-русые, ус тонкий; бороду уже бреет; в разговорах умен и речист; знает язык турецкий и грамоту иверскую; одним словом, хорош, но не отличен; вероятно, что полюбится, но не верно… Елену видел я в шатре у царицы: она сидела между матерью и бабкою на золотом ковре и жемчужном изголовье, в бархатной одежде с кружевами, в шапке, украшенной каменьями драгоценными. Отец велел ей встать, снять с себя верхнюю одежду и шапку: вымерил ее рост деревцом и подал мне сию мерку, чтобы сличить с данною от государя. Елена прелестна, но не чрезвычайно: бела и еще несколько белится; глаза у нее черные, нос небольшой, волосы *крашеные*, станом пряма, но слишком тонка от молодости, ибо ей только 10 лет; и в лице не довольно полна. Старший брат Еленин гораздо благовиднее». Татищев хотел везти в Москву невесту и жениха, говоря, что первая будет жить до совершенных лет у царицы Марии, учиться языку и навыкать обычаям русским. Отпустив с ним Хоздроя, Юрий удержал Елену до нового посольства царского и тем избавил себя от слез разлуки бесполезной, ибо Елена уже не нашла бы в Москве своего жениха злосчастного! Татищев должен был оставить и Хоздроя для его безопас-

ности в земле Сонской[86], узнав, что случилось в Дагестане, где турки отмстили нам с лихвою за геройство московских стрельцов в Иверии и где в несколько дней мы лишились всего, кроме доброго имени воинского!

Отношения России к Константинополю были странны: турки в Иоанново время без объявления войны приступали к Астрахани, а в Феодорово и к самой Москве под знаменами Крыма[87]; а цари еще уверяли султанов в дружелюбии, удивляясь сим неприятельским действиям как ошибке или недоразумению. Утесненный нами Шавкал, тщетно ожидав вспоможения от Аббаса, искал защиты Магомета III, который велел дербентскому и другим пашам своим в областях Каспийских изгнать россиян из Дагестана[88]. Турки соединились с кумыками, лезгинцами, аварами и весною в 1605 году подступили к Койсе[89], где начальствовал князь Владимир Долгорукий[90], имея мало воинов, ибо полки, ушедшие зимовать в Астрахань, еще не возвратились. Долгорукий зажег крепость, сел на суда и морем приплыл в городок Терский; а паши осадили Бутурлина в Тарках. Сей воевода, уже старец летами, славился доблестию: худо ограждаемый стеною, еще не достроенною, он терял много людей, но отразил несколько при-

ступов. Часть стены разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетела на воздух с лучшею дружиною московских стрельцов. Бутурлин еще мужествовал, однако ж видел невозможность спасти город, слушал предложения султанских чиновников, колебался и наконец, вопреки мнению своих товарищей, решился спасти хотя одно войско. Главный паша сам был у него в ставке, пировал и клялся ему выпустить россиян с честию, с доспехами и наделить всеми нужными запасами. Но вероломные кумыки, дав нашим свободный путь из крепости до степи, вдруг окружили их и начали страшное кровопролитие. Пишут, что добрые россияне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились с неприятелем злым и многочисленным врукопашь, человек с человеком, один с тремя, боясь не смерти, а плена. Из первых, в глазах отца, пал сын главного начальника, Бутурлина, прекрасный юноша; за ним его старец-родитель; также и воевода Плещеев с двумя сыновьями, воевода Полев[91] и все, кроме тяжело уязвленного князя Владимира Бахтеярова[92] и других немногих, взятых замертво неприятелем, но после освобожденных султаном. Сия битва несчастная, хотя и славная для побежденных, стоила нам от

шести до семи тысяч воинов и на 118 лет изгладила следы российского владения в Дагестане.

Татищев возвратился уже в новое царствование, и Борис, не имев времени узнать о возведении отцеубийцы-мусульманина на престол Иверии, до конца дней своих был другом Аббасу, как врагу явного, опасного врага нашего, султана, против коего мы ревностно возбуждали тогда и Азию, и Европу.

В самых переговорах с Англиею Борис изъявлял желание, чтобы все христианские державы единодушно восстали на Оттоманскую. «Не только послы императора и римские, — писал он к Елисавете, — но и другие иноземные путешественники уверяли нас, что ты будто бы в тесной связи с султаном: мы дивились и не верили. Нет, ты не будешь никогда дружить злодеям христианства и, конечно, пристанешь к общему союзу государей европейских, чтобы унизить высокую руку неверных: цель, достойная тебя и всех нас!» Но Елисавета имела в виду только выгоды своего купечества и для того ласкала самолюбию царя знаками чрезвычайного к нему уважения. Посланника нашего, дворянина Микулина[93], встретили в Лондоне с необыкновенною честию: в гавани и в крепости стреляли из пушек, когда

он (18 сентября 1600) плыл Темзою и ехал городом в Елисаветиной карете, провождаемой тремястами чиновных всадников, алдерманами, купцами в богатом наряде, в золотых цепях. Улицы были тесны для множества зрителей. Знаменитому гостю в одном из лучших домов Лондона служили королевины люди: Елисавета прислала ему из своей казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угадывали и спешили исполнять его желания, но он вел себя умно и скромно: за все благодарил и ничего не требовал. Представление было в Ричмонде[94] (14 октября): Елисавета встала с места и несколько шагов ступила навстречу посланнику; славила воцарение Бориса, своего *брата сердечного, издавна милостивого к англичанам,* говорила, что *ежедневно молится о нем Богу*, что имеет друзей между государями европейскими, но никого из них не любит столь вседушно, как самодержца российского; что одно из ее главных удовольствий есть исполнять его волю. Микулин обедал у королевы и только один сидел с нею: лорды и знатные чиновники не садились; она стоя пила *чашу Борисову*. Приглашаемый быть зрителем всего любопытного, посланник наш видел рыцарские игры в день восшествия на престол Елисаветы, праздник орденский Св. Георгия[95],

богослужение в церкви Св. Павла[96] и торжественный въезд королевы в Лондон ночью, при свете факелов и звуке труб, со всеми перами и царедворцами, среди бесчисленного множества граждан, исполненных усердия и любви к своей монархине. Елисавета везде благодарила Микулина за его присутствие и в ласковых с ним беседах никогда не забывала хвалить Бориса и россиян. Плененный ее милостями, сей посланник имел случай оказать ей свое усердие. В день, ужасный для Лондона (18 февраля 1601), когда несчастный Эссекс, дерзнув объявить себя мятежником[97], с пятьюстами преданных ему людей шел овладеть крепостию — когда все улицы, замкнутые цепями, наполнились воинами и гражданами в доспехах, — Микулин вместе с верными англичанами вооружился для спасения Елисаветы, как сама она, утишив бунт, писала к царю, славя доблесть его сановника. Одним словом, сие посольство утвердило личное дружество между Борисом и королевою. Хотя Елисавета, будучи врагом Испании и Австрии, не могла принять мысли Борисовой о новом Крестовом походе или союзе всех держав христианских для изгнания турков из Европы, но удостоверила его в том, что никогда не мыслила о вспоможении

султану и что ревностно желает успеха христианскому оружию. Царь имел и другое сомнение: он слышал, что Англия благоприятствует Сигизмунду в войне с шведским правителем; но Елисавета старалась доказать ему, что и вера, и политика предписывают ей усердствовать Карлу. Довольный сими объяснениями, Борис дал новую жалованную грамоту англичанам для свободной, беспошлинной торговли в России, с особенным благоволением приняв посланника Елисаветина, Ричарда Ли, коего главным делом было уверить царя в ее дружбе и величать его добродетели. «Вселенная полна славы твоей, — писал к нему Ли, выезжая из России, — ибо ты, сильнейший из монархов, доволен своим, не желая чужого. Враги хотят быть с тобою в мире от страха, а друзья в союзе от любви и доверенности. Когда бы все христианские венценосцы мыслили подобно тебе, тогда бы царствовала тишина в Европе и ни султан, ни Папа не могли бы возмутить ее спокойствия». Узнав, что Борис имеет намерение женить сына, королева (в 1603 году) предлагала ему руку знатной одиннадцатилетней англичанки[98], украшенной редкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображение сей и других красавиц лондонских

и желала, чтобы царь до того времени не искал другой супруги для юного Феодора. Но Борис хотел прежде знать, кто невеста и родня ли королеве, уверяя, что многие великие государи требуют чести соединить браком детей своих с его семейством. Кончина Елисаветы, столь знаменитой в летописях британских, достопамятной и в нашей истории долговременною приязнию к России, устранила дело о сватовстве, не прервав дружественной связи между Англиею и царем. Новый король Иаков I[99] не замедлил известить Бориса о соединении Шотландии с Англиею и писал: «Наследовав престол моей тетки, желаю наследовать и твою к ней любовь». Посол Иакова, Фома Смит[100] (в октябре 1604), представив Борису в дар великолепную карету и несколько сосудов серебряных, сказал ему, что «король английский и шотландский, сильный воинством, морским и сухопутным, еще сильнейший любовию народною, только одного московского венценосца просит о дружбе, ибо все иные государи европейские сами ищут в Иакове; что он имеет двоякое право на сию дружбу, требуя оной в память великой Елисаветы и своего незабвенного шурина, датского герцога Иоанна[101], коего царь любил столь нежно и столь горестно оплакал». Борис сказал, что ни с

одним из монархов не был он в такой сердечной любви, как с Елисаветою, и что желает навсегда остаться другом Англии. Сверх права торговать беспошлинно во всех наших городах Иаков требовал свободного пропуска англичан чрез Россию в Персию, в Индию и в другие восточные земли для отыскания пути в Китай, ближайшего и вернейшего, нежели морем, около мыса Доброй Надежды, к обоюдной пользе Англии и России, изъясняя, что драгоценности, перевозимые купцами из земли в землю, оставляют на пути следы золотые. Бояре удостоверили посла в неизменной силе милостивых грамот, данных царем гостям лондонским, но объявили, что жестокая война пылает на берегах Каспийского моря, что Аббас приступает к Дербенту, Баке и Шамахе; что царь до времени не может пустить туда англичан, для их безопасности. С таким ответом Смит выехал из Москвы (20 марта 1605). Уже не было речи о государственном союзе Англии с Россиею; одна торговля служила твердою связию между ими, будучи равно выгодною для обеих.

Предпочтительно благоприятствуя сей торговле, как важнейшей для России, Борис не усомнился, однако ж, дать и немецким гостям права новые. Еще недовольная Феодоровою жа-

лованною грамотою[102], Ганза прислала в Москву любского бургомистра Гермерса, трех ратсгеров и секретаря своего[103], которые (3 апреля 1603) поднесли в дар государю и сыну его литые серебряные, вызолоченные изображения Фортуны, Венеры, двух больших орлов, двух коней, льва, единорога, носорога, оленя, страуса, пеликана, грифа и павлина. Купцов приняли как знатнейших вельмож; угостили обедом на золоте. От имени *пятидесяти девяти* немецких союзных городов они вручили боярам *челобитную,* писанную убедительно и смиренно. В ней было сказано, что древность их торговли в нашем отечестве исчисляется не годами, а столетиями; что в самые отдаленные времена, когда англичане, голландцы, французы едва знали имя России, Ганза доставляла ей все нужное и приятное для жизни гражданской и за то искони пользовалась благоволением *державных предков царя,* правами и выгодами исключительными: о возвращении сих прав молила Ганза, славя Бориса; желала торговли беспошлинной; хотела, чтобы он дозволил ей свободно купечествовать и в пристанях Северного моря, в Колмогорах, в Архангельске, и дал гостиные дворы в Новегороде, Пскове, Москве, с правом иметь там церкви, как в старину бывало;

требовала ямских лошадей для перевоза своих товаров из места в место и проч. Царь сказал, что в России берут таможенную пошлину с купцов императора, королей испанского, французского, литовского, датского; что жители вольных немецких городов должны платить ее, как и все, но что половина ее, в знак милости, уступается любчанам, ибо другие немцы суть подданные разных властителей, для коих ничто не обязывает нас быть столь бескорыстными; что одни же любчане избавляются от всякого таможенного осмотра, сами заявляя и ценя свои товары по совести; что Ганзе дозволяется торговать в Архангельске, также купить или завести гостиные дворы в Новегороде, Пскове и Москве своим иждивением, а не государевым; что всякая вера терпима в России, но строить церквей не дозволяется ни католикам, ни лютеранам и что в сем отказано знатнейшим венценосцам Европы, императору, королеве Елисавете и проч.; что ямы учреждены в России не для купечества, а единственно для гонцов правительства и для послов чужеземных. В таком смысле написали жалованную грамоту (5 июня), с прибавлением, что имение гостей, умирающих в России, неприкосновенно для казны и в целости отдается их наследникам; что

немцы в домах своих могут держать вино русское, пиво и мед для своего употребления, а продавать единственно чужеземные вина, в куфах или в бочках, но не ведрами и не в стопы. С сею жалованною грамотою послы выехали в Новгород, представили ее там воеводе князю Буйносову-Ростовскому[104] и требовали места для строения домов и лавок; но воевода ждал еще особенного указа, и долго, так что они, лишась терпения, уехали во Псков, где были счастливее: градоначальник немедленно отвел им на берегу реки Великой, вне города, место старого гостиного двора немецкого, то есть его развалины, памятник древней цветущей торговли в знаменитой Ольгиной родине. Жители радовались не менее любчан, вспоминая предания о счастливом союзе их города с Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться от перемены в отношениях Ганзы к Европе и Пскова к России. Оставив поверенных, чтобы изготовить все нужное для заведения конторы в Новегороде и Пскове, Гермерс и товарищи его спешили обрадовать Любек успехом своего дела — и в 1604 году корабли гамбургские уже начали приходить в Архангельск.

Между европейскими посольствами заметим еще римские и флорентийское. В 1601 году бы-

ли в Москве нунции Климента VIII, Франциск Коста и Дидак Миранда[105], а другие в 1603 году, требуя дозволения ехать в Персию: царь велел им дать суда, чтобы плыть Волгою в Астрахань. Фердинанд[106], великий герцог тосканский и флорентийский, один из знаменитых властителей славного рода Медицисов[107], великодушный друг Генрика IV, присылал к Борису (в марте 1602) чиновника Авраама Люса с предложением своих услуг для вызова в Россию людей ученых, художников, ремесленников и для доставления ей богатых естественных произведений Италии, особенно мрамора и дерева драгоценного, морем чрез наши двинские гавани.

Не имея никакого сношения с Магометом III, ни с его наследником Ахметом[108], мы узнавали все происшествия константинопольские от греческих святителей, которые непрестанно являлись в Москве за милостынею, с иконами и с благословением патриархов. Еще Иоанн дал афонской Введенской обители двор[109] в Китае-городе у монастыря Богоявленского, где приставали ее странники-иноки и другие греки, искавшие службы в России. Известия сих наших ревностных единоверцев о затруднениях и худом внутреннем состоянии Оттоманской империи[110]

удостоверяли Бориса в безопасности с ее стороны по крайней мере на несколько времени.

Государственная хитрость Борисова, по словам летописца, всего успешнее действовала в ногайских улусах, ослабленных и разоренных междоусобием их властителей, коих будто бы ссорили наместники астраханские. Вопреки летописцу бумаги государственные представляют Бориса миротворцем ногаев, по крайней мере главного их улуса, волжского или уральского, который со времен знаменитого отца Сююнбеки, Юсуфа, имел всегда одного князя и трех чиновников-властителей: нурадына, тайбугу и кокувата[111], но тогда повиновался двум князьям, Иштереку, сыну Тинь-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну[112], исполненным ненависти друг ко другу. На приказ Борисов, чтобы они жили в любви и в братстве, Янараслан отвечал: «Царь московский желает чуда: велит овцам дружиться с волками и пить воду из одной проруби!» Боярин Семен Годунов, уполномоченный царем, приехал в Астрахань, собрал там (в ноябре 1604) ногайских вельмож, объявил Иштерека первым, или старейшим, князем и взял с него клятвенную грамоту в том, чтобы ему и всему Исмаилову племени служить России и биться с ее врагами до послед-

него издыхания, не давать никому княжеского и нурадынского достоинства без утверждения государева, не иметь войны междоусобной, не сноситься с шахом, султаном, ханом крымским, царями бухарским и хивинским, *ташкенцами*, Ордою Киргизскою, Шавкалом и черкесами — кочевать в степях астраханских у моря, по Тереку, Куме и Волге около Царицына, — перезвать к себе улус Казыев[113] или овладеть им, чтобы от моря Черного до Каспийского и далее, на восток и север, не было в степях иной Орды Ногайской, кроме Иштерековой, верной царю московскому. Улус Казыев, отделясь от волжского и кочуя близ Азова с своим князем Барангазыем[114], зависел от турков и крымцев, часто искал милости в царе, обещал служить России, вероломствовал и грабил в ее владениях; чтобы унять или совершенно истребить его, Борис велел донским козакам помогать Иштереку и, прислав ему в дар богатую саблю, писал: «Она будет или на шее злодеев России, или на твоей собственной». Сей князь исполнил условие и непрестанно теснил ногаев азовских, так что многие из них сделались нищими и продавали детей своих в Астрахани. Третий ногайский улус, именуясь *Альтаульским*[115], занимал степи в окрестностях Синего

моря, или Арала, и находился в тесной связи с Бухариею и с Хивою: Иштерек должен был также склонять его мурз к подданству российскому, соединенному с важною выгодою в торговле: Борис, дозволяя верным ногаям мирно купечествовать в Астрахани, освобождал их от всякой пошлины.

Представив в сем обозрении важнейшие действия Борисовой политики, европейской и азиатской, — политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбия, но умеренного: более *охранительной,* нежели *стяжательной,* — представим действия Борисовы внутри государства, в законодательстве и в гражданском образовании России.

В 1599 году Борис, в знак любви к патриарху Иову, возобновил жалованную грамоту, данную Иоанном митрополиту Афанасию, такого содержания, что все люди первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне их освобождаются от ведомства царских бояр, наместников, волостелей, тиунов и не судятся ими ни в каких преступлениях, кроме душегубства, завися единственно от суда патриаршего; увольняются также от всяких податей казенных. Сие древнее государственное право нашего духовенства оставалось неизменным и в царствование

Василия Шуйского, Михаила и сына его.

Закон об укреплении сельских работников, целию своею благоприятный для владельцев средних или неизбыточных, как мы сказали, имел, однако ж, и для них вредное следствие частыми побегами крестьян, особенно из селений мелкого дворянства: владельцы искали беглецов, жаловались друг на друга в их укрывательстве, судились, разорялись. Зло было столь велико, что Борис, не желая совершенно отменить закона благонамеренного, решился объявить его только временным и в 1601 году снова дозволил земледельцам господ малочиновных, детей боярских и других, везде, кроме одного московского уезда, переходить в известный срок от владельца к владельцу *того же состояния*, но не всем вдруг и не более как по два вместе; а крестьянам бояр, дворян, знатных дьяков и казенным, святительским, монастырским велел остаться без перехода на означенный 1601 год. Уверяют, что изменение устава древнего и нетвердость нового, возбудив негодование многих людей, имели влияние и на бедственную судьбу Годунова; но сие любопытное сказание историков XVIII века[116] не основано на известиях современников, которые единогласно хвалят мудрость Бориса в делах

государственных.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть к крепким напиткам, более или менее свойственная всем народам северным, долгое время была осуждаема в России единственно учителями христианства и мнением людей нравственных. Иоанн III и внук его хотели ограничить ее неумеренность законом и наказывали оную как гражданское преступление. Может быть, не столько для умножения царских доходов, сколько для обуздания невоздержных Иоанн IV налагал пошлину на варение пива и меда. В Феодорово время существовали в больших городах казенные питейные дома, где продавалось и вино хлебное, неизвестное в Европе до XIV века; но и многие частные люди торговали крепкими напитками, к распространению пьянства: Борис строго запретил сию вольную продажу, объявив, что скорее помилует вора и разбойника, нежели корчемников; убеждал их жить иным способом и честными трудами; обещал дать им земли, если они желают заняться хлебопашеством, но, хотев тем, как пишут, воздержать народ от страсти равно вредной и гнусной, царь не мог истребить корчемства, и самые казенные питейные дома,

наперерыв откупаемые за высокую цену, служили местом разврата для людей слабых.

В усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древнейших венценосцев России, имев намерение завести школы и даже *университеты*, чтобы учить молодых россиян языкам европейским и *наукам*. В 1600 году он посылал в Германию немца Иоанна Крамера[117], уполномочив его искать там и привезти в Москву профессоров и докторов. Сия мысль обрадовала в Европе многих ревностных друзей просвещения: один из них, учитель прав, именем Товиа Лонциус[118], писал к Борису (в январе 1601): «Ваше царское величество хотите быть истинным отцом отечества и заслужить всемирную, бессмертную славу. Вы избраны небом совершить дело великое, новое для России: просветить ум вашего народа несметного и тем возвысить его душу вместе с государственным могуществом, следуя примеру Египта, Греции, Рима и знаменитых держав европейских, цветущих искусствами и науками благородными». Сие важное намерение не исполнилось, как пишут, от сильных возражений духовенства, которое представило царю, что Россия благоденствует в мире единством закона и языка; что разность языков может произвести

и разность в мыслях, опасную для Церкви; что во всяком случае неблагоразумно вверить учение юношества католикам и лютеранам. Но, оставив мысль заводить *университеты* в России, царь послал 18 молодых *боярских людей*[119] в Лондон, в Любек и во Францию учиться языкам иноземным так же, как молодые англичане и французы ездили тогда в Москву учиться русскому. Умом естественным поняв великую истину, что народное образование есть сила государственная, и видя несомнительное в оном превосходство других европейцев, он звал к себе из Англии, Голландии, Германии не только лекарей, художников, ремесленников, но и людей чиновных в службу. Так, посланник наш Микулин сказал в Лондоне трем путешествующим баронам немецким, что если они желают из любопытства видеть Россию, то царь с удовольствием примет их и с честию отпустит; но если, любя славу, хотят служить ему умом и мечом в деле воинском, наравне с князьями владетельными, то удивятся его ласке и милости. В 1601 году Борис с отменным благоволением принял в Москве 35 ливонских дворян и граждан, изгнанных из отечества поляками. Они не смели идти во дворец, будучи худо одеты; царь велел сказать им: «Хочу видеть людей, а не платье»;

обедал с ними; утешал их и тронул до слез уверением, что будет им вместо отца: дворян сделает князьями, мещан дворянами; дал каждому, сверх богатых тканей и соболей, пристойное жалованье и поместье, не требуя в возмездие ничего, кроме любви, верности и молитвы о благоденствии его дома. Знатнейший из них, Тизенгаузен, клялся именем всех умереть за Бориса, и сии добрые ливонцы, как видим, не обманули царя, с ревностию вступив в его немецкую дружину. Вообще благосклонный к людям ума образованного, он чрезвычайно любил своих иноземных медиков, ежедневно виделся с ними, разговаривал о делах государственных, о вере; часто просил их за него молиться и только в удовольствие им согласился на возобновление Лютеранской церкви в слободе Яузской. Пастор сей церкви, Мартин Бер, коему мы обязаны любопытною историею времен Годунова и следующих[120], пишет: «Мирно слушая учение христианское и торжественно славословя Всевышнего по обрядам веры своей, немцы московские плакали от радости, что дожили до такого счастия!»

Признательность иноземцев к милостям царя не осталась бесплодною для его славы: муж ученый Фидлер[121], житель кенигсбергский (брат

одного из Борисовых медиков), сочинил ему в 1602 году на латинском языке похвальное слово, которое читала Европа и в коем оратор уподобляет своего героя Нуме[122], превознося в нем законодательную мудрость, миролюбие и *чистоту нравов*. Сию последнюю хвалу действительно заслуживал Борис, ревностный наблюдатель всех уставов церковных и правил благочиния, трезвый, воздержный, трудолюбивый, враг забав суетных и пример в жизни семейственной, супруг, родитель нежный, особенно к милому, ненаглядному сыну, которого он любил до слабости, ласкал непрестанно, называл своим велителем, не пускал никуда от себя, воспитывал с отменным старанием, даже учил наукам: любопытным памятником географических сведений сего царевича осталась ландкарта России, изданная под его именем в 1614 году немцем Герардом[123]. Готовя в сыне достойного монарха для великой державы и заблаговременно приучая всех любить Феодора, Борис в делах внешних и внутренних давал ему право ходатая, заступника, умирителя; ждал его слова, чтобы оказать милость и снисхождение, действуя и в сем случае, без сомнения, как искусный политик, но еще более как страстный отец и своим семейственным

счастием доказывая, сколь неизъяснимо слияние добра и зла в сердце человеческом!

Но время приближалось, когда сей мудрый властитель, достойно славимый тогда в Европе за свою разумную политику, любовь к просвещению, ревность быть истинным отцом отечества, — наконец, за благонравие в жизни общественной и семейственной, должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда небесного. Предтечами были внутреннее беспокойство Борисова сердца и разные бедственные случаи, коим он еще усильно противоборствовал твердостию духа, чтобы вдруг оказать себя слабым и как бы беспомощным в последнем явлении своей судьбы чудесной. ⟨…⟩

Комментарии

Предисловие

[1] Цитируются «Письма» древнеримского писателя и политика Плиния Младшего (61/62 — ок. 113).

[2] Речь идет о шотландском историке У. Робертсоне (1721–1793) и его труде «История правления императора Карла V», впервые опубликованном в 1769 г.

[3] Французский интеллектуал Г. де Мабли (1709–1785) был автором трактатов «Об изучении истории» (1778) и «О том, как писать историю» (1783).

[4] Дэвид Юм (1711–1776) — автор «Истории Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.» (1754–1762); Иоганн Мюллер (1752–1809) написал «Швейцарскую историю» (1786–1808).

[5] Авторы трудов по национальной истории: испанской (Х. Феррерас; 1652–1735); английской (С. Дэниел; 1562–1619); немецкой (И. Я. Маскоф (Маскоу); 1689–1761); шведской (У. Далин; 1708–1763); датской (П. А. Малле; 1730–1807).

[6] Летописные памятники, в которых, в частности, содержались древнейшие списки Повести временных лет, — Лаврентьевская летопись

(1377), которая с 1792 г. находилась в собрании графа А. И. Мусина-Пушкина (поэтому в начале XIX в. именовалась Пушкинской), и Троицкая летопись (нач. XV в.) из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, погибла во время московских пожаров 1812 г. Карамзин, по сути, первым привлек эти памятники для написания исторического исследования. Почерпнутые из них сведения составили основу 1–5 томов «Истории государства Российского».

[7] Южнорусская Ипатьевская летопись была известна Карамзину в двух своих основных списках: Ипатьевском (Академическом, нач. XV в.), который был впервые введен в научный оборот в начале XIX в. Шлецером и Карамзиным, и Хлебниковском (сер. XVI в.), который был обнаружен Карамзиным в 1809 г. в собрании библиофила П. К. Хлебникова; Кёнигсбергский (Радзивилловский) список (сер. XV в.), знаменитый своими миниатюрами, был известен историкам с 1760-х гг. Остальные перечисленные Карамзиным списки восходят к московскому летописанию второй половины XV в. — середины XVI в.: Львовская летопись (первая половина XVI в.), изданная в 1792 г. Н. А. Львовым; Воскресенская летопись (середина XVI в.), изданная в 1793–1794 гг.; Ро-

стовская (Архивская) летопись (компиляция различных летописных текстов, относящаяся к XVII в.).

[8] Никоновская летопись, памятник официального московского летописания первой половины — середины XVI в., была хорошо известна историкам по целому ряду списков, один из которых, собственно Никоновский (был составлен для патриарха Никона в сер. XVII в.), начал публиковаться по инициативе Шлецера еще с 1767 г., что положило начало научным публикациям русских летописных текстов. Однако, представляя собой масштабную компиляцию, Никоновская летопись быстро заслужила плохую славу имеющимися в ней дополнениями и искажениями сообщений ранних летописей.

[9] Сборники преимущественно житийной литературы. *Патерик* — сборник изречений Святых Отцов и рассказов о них. Наиболее известный Киево-Печерский патерик начал создаваться в XIII в. и неоднократно публиковался в XVII–XVIII вв. *Пролог* — свод избранных житийных текстов и духовных поучений, расположенных по календарным датам и предназначенных для домашнего чтения. Древнейшие сохранившиеся списки отечественных прологов датируются

концом XII в. *Минеями* называются собрания житийных текстов на каждый день календаря (обычно распределены на части по месяцам), использующиеся не только для домашнего чтения («четьи-минеи»), но и для богослужения.

[10] Начиная с середины XVI в. составлялись как официальные («Государев родословец»), так и частные родословные книги представителей московской служилой аристократии, на основе которых к 1767 г. была составлена знаменитая «Бархатная книга». С обширными дополнениями она была издана Н. И. Новиковым в 1787 г. — «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих».

[11] Составлявшиеся преимущественно в XVII в., эти каталоги зачастую отражали стремление исторически обосновать властные претензии архиереев, особенно обострившиеся в связи с борьбой униатов и православных в Речи Посполитой и экспансией Московского царства на этих территориях.

[12] Послание русских архиереев 1447 г. князю Дмитрию Шемяке, содержащее обвинения и угрозы в его адрес в связи с вновь вспыхнувшей войной между ним и Василием II.

[13] Речь идет о жалованной грамоте великого

князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода (князь новгородский в 1117–1132 и 1132–1136 гг.) новгородскому Юрьеву монастырю, которая в начале XIX в. была обнаружена и опубликована епископом Евгением (Болховитиновым). Сейчас обычно датируется ок. 1130 г.

Том 1

[1] Легенда о посещении апостолом Андреем территории будущей Руси сложилась в XI в. как развитие византийского предания о его миссионерской деятельности в Причерноморье и Скифии.

[2] Речь идет об исторических трудах Гуго Гроция (1583–1645), написанных им в качестве официального голландского историографа.

[3] «Путешествие Оттара», текст конца IX в., содержащийся в англосаксонских манускриптах времен короля Альфреда Великого (871–899).

[4] То есть народы балтской языковой группы.

[5] Хосров I Ануширван — правитель государства Сасанидов в 531–579 гг.

[6] Дербентская стена.

[7] Хазарские города Беленджер (существовал в VII–IX вв. на севере современного Дагестана) и Итиль (на Нижней Волге, в X в. столица Хазарского каганата). Предание об основании города Хосровом I относится к Беленджеру.

[8] Феофил — византийский император в 829–842 гг.

[9] Речь идет о памятниках VIII–X вв. салтово-ма-

яцкой археологической культуры, оставленных населением лесостепной полосы на территории современной Харьковской области Украины и Воронежской области России. Их археологическое изучение началось на рубеже XIX–XX вв.

[10] Речь идет о Хазарской миссии 860–861 гг. Константина Философа (св. Кирилла), в ходе которой, согласно византийским источникам, он обратил в христианство часть населения Хазарии.

[11] В приводимой далее аргументации Карамзин в основном солидаризируется с рассуждениями Шлецера из его «Нестора», где эти аргументы даны более развернуто.

[12] Из исторического сочинения «Антаподосис», написанного в середине X в. Лиутпрандом, епископом Кремонским (ок. 922–972).

[13] Константин VII Багрянородный — византийский император в 913–959 гг. Приводимое известие — из его сочинения «Об управлении империей».

[14] Руслаген — историческая область к северо-востоку от современного Стокгольма.

[15] Бертинские анналы, составленные в IX в. при поздних Каролингах и обнаруженные в начале XVII в. в монастыре Св. Бертана (на севере современной Франции). Были впервые изданы

французским историком Ф. Дюшеном (1616–1693) в 1641 г.

[16] Людовик I Благочестивый — франкский император в 814–840 гг.

[17] Такая трактовка слова *Chacanus* из Бертинских анналов разделялась и Шлецером. Однако более распространенным является перевод этого слова титулом «каган», употребление которого эпизодически встречается в источниках в отношении древнерусских князей (например, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона).

[18] Расположенный при впадении Немана в Куршский залив, остров Русне сейчас находится на западе Литвы, на границе с Калининградской областью России. Он обязан своим названием одноименной реке, которая исторически была северным рукавом Немана в его нижнем течении, а в настоящее время стала его частью.

[19] Из анонимной «Равеннской космографии», составленной ок. 700 г.

[20] Для сравнения: в «Несторе» Шлецер, также критически настроенный к ранней хронологии Повести временных лет, но, в отличие от Карамзина, не имея задачи отыскивать в седой древности истоки самодержавной власти, полагал, что призвание Рюрика имело своей главной

целью военную защиту от других воинственных скандинавов.

[21] Карамзин ссылается здесь, в частности, на мнение Г. Ф. Миллера. Археологические исследования (Старая Ладога) показывают, что скандинавы присутствовали в низовьях Волхова по крайней мере с середины VIII в.

[22] Михаил III — византийский император в 842–867 гг., сын Феофила.

[23] Все перечисленные характеристики, в том смысле, который вкладывает в них Карамзин, для описания ситуации, сложившейся на этапе возникновения Древнерусского государства, вряд ли являются корректными с точки зрения современной исторической науки. Удельные отношения, характеризующиеся самостоятельностью древнерусских земель и княжеств, формируются в результате распада единой государственности в XII — начале XIII в. Поместная система, важнейшей характеристикой которой была служба с предоставляемой князем земли, возникает в это же время и приобретает свой классический вид в период формирования Московского централизованного государства на рубеже XV–XVI вв. Неоднократно отмечалось также отсутствие в Древней Руси вассально-ленных отношений,

являющихся важнейшей государственно-правовой основой европейского феодализма. Как бы то ни было, делать вывод о становлении на Руси во второй половине IX в. той или иной системы политической власти на основании невнятного упоминания в Повести временных лет о раздаче «мужам» Рюрика отдельных городов вряд ли возможно. Особенности статуса подвластных Олегу и Игорю князей, упоминаемых в русско-византийских договорах первой половины X в., остаются невыясненными.

[24] Судя по данным археологии, шляг представлял собой дирхем — серебряную монету арабской чеканки, которая поступала в IX–X вв. к восточным славянам и на территорию Древней Руси через Хазарский каганат.

[25] Девять гранитных скалистых порогов, преграждавших Днепр в среднем его течении, ниже современного Днепропетровска (общая протяженность этой части реки ок. 75 км). В 1932 г. исчезли, уйдя под воду после возведения Днепровской ГЭС.

[26] Лев VI Мудрый (или Философ) — византийский император в 886–912 гг. Отец Константина VII Багрянородного.

[27] Имеется в виду эпизод падения Константи-

нополя в 1453 г., когда по приказу осаждавшего город Мехмеда II Завоевателя (османский султан в 1451–1481 гг.) часть турецкого флота была перемещена по суше из Босфора в залив Золотой Рог в обход цепи, перекрывавшей горло залива.

[28] Александр — византийский император в 912–913 гг. Младший брат Льва VI.

[29] После смерти сына Константина VII, Романа II (император в 959–963 гг.), престол формально принадлежал его малолетним сыновьям, Василию II и Константину VIII, при регентстве их матери Феофано. Однако полководец Никифор Фока провозгласил себя соправителем, женился на Феофано и правил как император Никифор II в 963–969 гг.

[30] Речь идет об одном из последних эпизодов византийско-арабской борьбы за Сицилию, продолжавшейся на протяжении VIII–IX вв., — осаде арабами Рометты (963–965), которая оставалась последним византийским владением на острове. Арабские войска, возглавляемые полководцем Аль-Гассаном ибн Аммаром (ум. 1000) в 964 г. нанесли поражение посланным на помощь Рометте византийским войскам и заставили крепость сдаться. Об этих событиях рассказывается в сочинениях нескольких мусульманских авторов, в

том числе ан-Нувайри (1279–1332).

[31] Петр I — болгарский царь в 927–969 гг.

[32] Переяславец, или Малый Преслав, — болгарский город X–XI вв. на Нижнем Дунае, местоположение которого остается дискуссионным.

[33] Скудость исторических сведений о предшественниках Святослава делает это утверждение лишь данью летописной традиции.

[34] Борис II — болгарский царь в 969–977 гг. Сын Петра I, престол получил после отречения отца, в 969–971 гг. номинально был царем под контролем Святослава Игоревича, с 971 г. находился в византийском плену.

[35] Иоанн I Цимисхий — византийский император в 969–976 гг. Полководец, пришедший к власти в результате убийства его дяди, императора Никифора II.

[36] Наиболее подробное описание Русско-византийской войны 970–971 гг. содержится в «Истории» современника событий, Льва Диакона (ум. ок. 1000).

[37] Варда Склир (ум. 991) — известный византийский полководец, сестра которого была женой императора Иоанна I Цимисхия. После смерти Цимисхия дважды (976–979; 987–989) поднимал восстания, претендуя на престол, но не смог до-

биться успеха.

[38] Современная Силистра, придунайский город на северо-востоке Болгарии. Византийское название Доростол вышло из употребления после османского завоевания на рубеже XIV–XV вв.

[39] Феодор Стратилат — по христианскому преданию, святой, принявший мученическую кончину в Малой Азии в начале IV в. Почитается покровителем христианского воинства.

[40] Песчаные косы при устье Днепра. В настоящее время это территория национального природного парка «Белобережье Святослава» в Николаевской области Украины.

[41] Загородные великокняжеские резиденции располагались в городках Вышгороде (на Днепре, в 16 км севернее Киева), Белгороде (в 12 км западнее Киева) и неукрепленном селе Берестове (на Днепре, в 3 км южнее Киева). В настоящее время Вышгород — город, Белогородка — село Киевской области Украины, а территория Берестова находится в центральной части Киева.

[42] Мешко I — первый исторически достоверный польский князь (в 960–992 гг.).

[43] Балтский этнос, в X в. занимавший территории к западу от реки Неман в ее верхнем и среднем течении. Отмечаемая в источниках

экспансия Владимира в области расселения балтских народов, по-видимому, не привела к их стабильному подчинению, поскольку в XI–XII вв. они по-прежнему выступают объектами нападений со стороны соседних древнерусских и польских князей. В XIII–XIV вв. ятвяги принимают активное участие в процессе формирования Великого княжества Литовского.

[44] Имеется в виду сочинение «Круг земной» знаменитого исландского писателя Снорри Стурлусона (1178–1241).

[45] Речь идет об анонимной повести о крещении русов, содержащейся в двух весьма поздних (не ранее середины XV в.) греческих рукописях. Первая из них, известная Карамзину, была опубликована в Париже еще в 1711 г.; вторая — в конце XIX в. Это единственное византийское сочинение, которое можно связать с принятием Русью христианства при Владимире (а именно с рассказом «об испытании вер» послами русского князя), ничего, однако, не добавляет к тексту Повести временных лет и содержит грубые ошибки: императором назван Василий I Македонянин (867–886), который направляет к русскому князю Кирилла и Афанасия (!), изобретающих для него новую азбуку.

[46] Братья-императоры Василий II Болгаробойца (963–1025, фактически с 976 г.) и Константин VIII (963–1028, фактически с 1025 г.).

[47] Царевна Анна (963–1011) — дочь императора Романа II.

[48] Фока — византийский полководец Варда Фока Младший (ум. 989), племянник императора Никифора II, дважды (в 970 и 987 гг.) провозглашался императором, но так и не смог прийти к власти в Константинополе.

[49] По христианскому преданию, Климент, римский епископ конца I в., принял мученическую смерть в Херсонесе, где его мощи были обнаружены Кириллом и Мефодием ок. 861 г. и через несколько лет были перевезены в Рим. Традиционно известие о новом переносе мощей св. Климента Владимиром из Херсонеса в Киев объясняется тем, что в предыдущий раз мощи были разделены. С этим объяснением был согласен и Карамзин.

[50] Андреевская церковь была построена в 1749–1754 гг. по проекту Б. Растрелли на месте, где, по преданию, установил крест апостол Андрей Первозванный. Десятинная церковь была построена в 1636–1647 гг. с использованием части руин древнерусской церкви. Эта церковь была

разобрана при строительстве в 1828–1842 гг. новой Десятинной церкви, которая, в свою очередь, была снесена в 1928 г.

[51] То есть древней Десятинной церкви, которая была освящена в память Успения Богородицы.

[52] Упоминается в Повести временных лет под 980 г. вместе с «пришедшим из-за моря» Рогволодом, княжившим в Полоцке.

[53] Аль-Макин (Эльмакин; 1205–1273).

[54] Хвалисы — таинственный этнос, упоминаемый в Повести временных лет и не имеющий однозначного отождествления. Возможно, дохазарское тюркоязычное население Нижнего Поволжья, родственное древним болгарам.

[55] Здесь и далее видна явная попытка Карамзина удревнить на несколько столетий политические реалии московского времени и с их помощью описать процесс формирования древнерусской государственности, отчего и появляются странные формулы вроде «варяги, на условиях поместной системы владевшие городами…».

[56] Значение для древнерусского права «скандинавских законов», сведения о состоянии которых в X в. весьма скудны, остается предметом дискуссии. Очевидно, впрочем, что наряду с устными

нормами обычного права (славянского и скандинавского) важным источником правовых норм на этапе формирования Древнерусского государства стали новые общественные явления: договорные отношения между князьями, дружинами и населением, городское самоуправление, международная торговля.

[57] Сборники церковного законодательства, содержащие как собственно церковные правила (каноны), так и кодексы византийских императоров. На Руси эти сборники появились (как переводы с греческого и заимствованные из Болгарии уже существующие славянские тексты) вместе с распространением христианства и получили название Кормчей книги. В дальнейшем они пополнялись новыми, выработанными в Византии канонами, уставами русских князей. В XIII в. большое значение для развития русского церковного законодательства имел сербский вариант Номоканона.

[58] К концу XIX в. это категоричное мнение было отвергнуто. Хотя Церковный устав Владимира содержит фактические несообразности, но это считается следствием внесения в первоначальный текст различных изменений (текст устава сохранился в списке конца XIII в.), основные же

его положения о десятине и церковном суде отражают установления начала XI в.

[59] Фотий I был константинопольским патриархом в 857–867 и 877–886 гг. Умер в ссылке в 896 г. Карамзин отбрасывает как недостоверные известия Никоновской летописи и Степенной книги о первых киевских митрополитах (в том числе Леоне, якобы бывшем митрополитом с 992 по 1003 или 1008 г.), поскольку они отсутствуют в древнейших списках Повести временных лет. Первым упоминаемым в них митрополитом был Феопемпт, переосвятивший Десятинную церковь в 1039 г.

[60] Витичев (Уветичи) — городок на правом берегу Днепра, в 80 км южнее Киева. Ныне село Витачов в Киевской области Украины.

[61] Месимврия — ныне болгарский город Несебр.

[62] Ибн Хаукаль, арабский географ и путешественник, ок. 977 г. написал сочинение «Книга путей и стран».

[63] Винета — полулегендарный город полабских славян, о существовании которого на балтийском побережье в низовьях Одера сообщают преимущественно немецкие источники XI–XII вв. Согласно им, был разрушен датчанами.

[64] Шведское озеро Меларен.

[65] Титмар — епископ мерзебургский (975–1018), автор хроники истории германских королей X — начала XI в.

[66] Немецкий хронист второй половины XI в., автор сочинения «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (ок. 1075).

[67] То есть Острожской Библии, изданной в 1581 г.

[68] В главе III Карамзин приводит классификацию славянских «наречий», весьма отличную от современных представлений о славянских языках. В частности, большинство южнославянских он объединяет в одну иллирическую группу, соединяя в ней болгарский и сербский языки. В настоящее время «солунский диалект», на котором говорили жившие в IX в. в районе Фессалоники славяне и который лег в основу письменного славянского языка Кирилла и Мефодия, считается наиболее близким македонскому и болгарскому.

Том 2

[1] Болеслав I Храбрый — польский князь в 992–1025 гг., сын Мешко I. Незадолго до смерти в 1025 г. был коронован, став, таким образом, первым королем Польши. Одна из его дочерей (неизвестная по имени) ок. 1013 г. стала женой Святополка.

[2] Рейнбер (ум. 1013 или 1015) — епископ, который при покровительстве Болеслава I ок. 1000–1007 гг. действовал в качестве миссионера среди славян балтийского Поморья и был вынужден бежать оттуда после восстания язычников и утраты Болеславом контроля над этими землями.

[3] То есть исполнял библейские псалмы царя Давида.

[4] Село Ракомо, в 7 км к юго-западу от Новгорода. Ныне деревня Старое Ракомо Новгородской области.

[5] Генрих II Святой — германский король в 1002–1024 гг., император Священной Римской империи с 1014 г. Войны с Болеславом за контроль над землями Чехии и полабских славян Генрих вел с самого начала правления вплоть до заключения

мира в 1018 г.

[6] Брячислав Изяславич — князь полоцкий в 1001–1044 гг.

[7] Якун — древнескандинавское Хакон. В настоящее время вместо чтения «Якун слепой» преобладает чтение летописного текста «Якун красивый».

[8] Местоположение дискуссионное. Карамзин считал вероятным искать его в районе села Великий Листвен (в 40 км северо-восточнее Чернигова), но сейчас чаще указывают окрестности села Малый Листвен, расположенного ближе к Днепру (в 40 км северо-западнее Чернигова).

[9] Городец Песочный, поселение на левом берегу Днепра, напротив Киева. В настоящее время это место в черте Киева.

[10] Спасо-Преображенский собор в Чернигове. Старейший (по времени начала строительства) из ныне существующих памятников древнерусской архитектуры.

[11] Ингигерда (1001–1050) — дочь Олафа Шетконунга, шведского короля в 995–1022 гг. Женой Ярослава стала в 1019 г. и на Руси была известна под именем Ирины. Имя Анна известно только в новгородской традиции, под этим именем в XV в. в Новгороде началось ее почитание как святой.

Карамзин отмечает сомнительность и позднее происхождение новгородской традиции, но считает возможным толковать ее в том смысле, что перед смертью Ингигерда—Ирина приняла монашество с именем Анна.

[12] Речь идет о войнах византийского императора Василия II, в правление которого русы-варяги не только в значительном количестве находились на византийской службе (что было и раньше), но и начали составлять элитные подразделения гвардии (этому, несомненно, способствовала их роль в подавлении мятежей Варды Склира и Варды Фоки в 989 г.). Однако до «окрестностей древнего Вавилона» византийцы в это время уже не достигали. В 995 и 999 гг. войска Василия II не без успеха действовали против Фатимидского халифата в Сирии, в кампании 999 г. упоминаются состоящие на византийской службе русы.

[13] Эпизод известен только из сочинения «Обозрение истории» византийского историка конца XI в. Иоанна Скилицы и обычно датируется 1024 г. Родственник Владимира в этом тексте называется Хрисохиром (*греч.* «золотая рука»).

[14] Вышата (ум. после 1064) — сын Остромира, новгородского посадника в 1054–1057 гг. По-ви-

димому, не был ослеплен во время трехлетнего плена в Византии, поскольку в 1060-х гг. участвовал в княжеских усобицах в качестве боярина князя Ростислава Владимировича, сына Владимира Ярославича Новгородского, с которым Вышата ходил в поход в 1043 г. По распространенной гипотезе, рассказы Вышаты и его сына, киевского тысяцкого Яна Вышатича, были важными источниками информации для составителей текста Повести временных лет.

[15] Константин IX Мономах — византийский император в 1042–1055 гг.

[16] Неточная информация, почерпнутая из анонимного сочинения конца X в. «Предания Константинополя», в котором речь идет о неких изображениях на постаменте старинной статуи, якобы показывающих будущее падение византийской столицы, когда она будет захвачена росами. Причем в описании этого памятника, которое сделал после его уничтожения крестоносцами в 1204 г. византийский историк Никита Хониат (ок. 1155 — ок. 1217), о росах речь уже не идет, зато появляются более актуальные для византийцев начала XIII в. враждебные народности.

[17] Казимир I Восстановитель — польский князь

в 1034–1058 гг. Ок. 1040 г. женился на Марии Добронеге (ум. 1087), сестре Ярослава Мудрого.

[18] Мецлав (также Маслав или Моислав) — князь Мазовии в 1037–1047 гг., пытавшийся распространить свою власть и на другие польские земли.

[19] Харальд III Суровый — норвежский король в 1046–1066 гг. Ок. 1044 г. женился на Елизавете (ок. 1025 — ок. 1067), дочери Ярослава Мудрого.

[20] Генрих I — французский король в 1031–1060 гг. В 1051 г. женился на Анне (1032 или 1036 — между 1075 и 1079), дочери Ярослава Мудрого.

[21] Роберт II — французский король в 996–1031 гг. В 997 г. женился на Берте Бургундской (ок. 964–1010), которая приходилась ему троюродной сестрой, за что в следующем году был отлучен от церкви. В 1001 г. Роберт вынужден был аннулировать брак. Будущий король Генрих I был рожден его следующей супругой.

[22] Речь идет о Псалтири Одальрика, рукописи середины XI в., в которой обнаруживается пояснительная надпись («глосса»), посвященная поездке французских послов в Киев для переговоров о бракосочетании Анны Ярославны.

[23] Аббатство Сен-Винсент в городе Санлисе было основано по инициативе Анны ок. 1065 г., когда она уже состояла во втором браке.

[24] Рауль де Крепи, граф де Вексен (ок. 1025–1074). Бракосочетание с Анной состоялось не позднее осени 1061 г., для чего граф изгнал свою предыдущую супругу, не оформив с ней развод, поэтому вплоть до ее смерти брак Рауля и Анны не признавался Церковью.

[25] Филипп I — французский король в 1060–1108 гг.

[26] Андраш I Белый — венгерский король в 1046–1060 гг. В юности, во время изгнания, жил при дворе Ярослава Мудрого, на дочери которого Анастасии (ок. 1023 — после 1074) женился ок. 1038 г.

[27] Тормодус Торфеус (1636–1719) — норвежский историк исландского происхождения.

[28] Гарольд II — последний англосаксонский король в 1066 г. Его дочь Гита (или Гида, ум. в 1098 или 1107 г.), как справедливо отмечает Карамзин, стала женой Владимира Мономаха ок. 1075 г.

[29] Саксон Грамматик (ок. 1150 — ок. 1220) — датский хронист, автор хроники «Деяния данов».

[30] Свен II — датский король в 1047–1076 гг.

[31] То есть на Гертруде (ок. 1025–1108), которая стала женой Изяслава Ярославича ок. 1040 г.

[32] Зоя Порфирородная (ок. 978–1050) — будучи вместе со своей младшей сестрой Феодорой (984–1056) последней представительницей Маке-

донской династии (867–1056) и обладая большой популярностью среди жителей Константинополя, с 1028 г. до самой смерти оказывала огромное влияние на престолонаследие. Благодаря ей престол получили три ее мужа, два из которых, в том числе Константин IX Мономах, были ее бывшими любовниками. Константин стал мужем Зои, когда ей было 64 года, будучи на 20 лет ее моложе.

[33] Это предположение остается актуальным. В качестве гипотетической матери греческой супруги (с 1046 г.) Всеволода Ярославича обычно называют вторую жену Константина IX Елену (ум. середина 1030-х гг.), происходившую из рода Склиров, или ее племянницу Марию Склирену (ум. ок. 1045), которая была любовницей Константина IX. Однако византийские источники ничего не сообщают о детях этого императора.

[34] Ода Штаденская, упоминаемая в немецких хрониках XII–XIII вв. Помимо северогерманского правителя Лотаря Удо I, графа Штаде в 1036–1057 гг., ее гипотетическим отцом называют Леопольда (ум. 1043), правителя существовавшей в середине XI в. на юго-востоке Священной Римской империи Венгерской марки. Наряду с версией о том, что ее мужем был Вячеслав Ярославич (ум. 1057), в качестве предполагаемого

супруга называют также Святослава Ярославича Черниговского (для него это был, вероятно, второй брак).

[35] Кунигунда (Ирина) — дочь Оттона I, графа Веймар-Орламюнде в 1039–1067 гг. Вместо младшего сына Ярослава Мудрого, Игоря Ярославича (ум. 1060), ее супругом сейчас чаще называют одного из старших внуков Ярослава Мудрого, Ярополка Изяславича (ум. 1086), погибшего в ходе княжеских усобиц.

[36] Борис Вячеславич (ум. 1078) — один из внуков Ярослава Мудрого, интересы которых ущемлялись их дядьями, старшими Ярославичами. Входил в число инициаторов и активных участников междоусобной войны, разгоревшейся в 1077 г. Погиб в битве на Нежатиной ниве.

[37] Лука Жидята — епископ новгородский ок. 1035 — ок. 1060 гг.

[38] Известия о даровании новгородцам неких «грамот» Ярославом Мудрым отсутствуют в Повести временных лет, но содержатся в новгородской летописной традиции о событиях 1016 г., после которых следуют тексты Краткой редакции Русской Правды. «Грамоты Ярослава» появляются также в сообщениях о новгородской истории XIII–XIV вв. Вопрос о времени составления и со-

держании этих грамот, о том, как они соотносятся с Русской Правдой, остается дискуссионным.

[39] Сейчас известно около 10 золотых и более 350 серебряных монет, отчеканенных русскими князьями в конце X–XI вв., подавляющее большинство относится ко времени Владимира Святославича. Они составляют незначительный процент от общего количества обнаруженных монет этого времени (в основном арабских дирхемов, западноевропейских денариев, византийских солидов и милиарисиев), что говорит об их идеологическом, а не экономическом значении. Резкое сокращение поступлений иностранной монеты привело к тому, что с начала XII в. в русских землях начался длительный «безмонетный период». Лишь во второй половине XIV в. в русских княжествах возобновилась чеканка собственных монет.

[40] От наименования руководителя церковного хора греческим словом «доместик» (*рус.* деместик, демественник). Церковное пение, несомненно, появилось на Руси вместе с принятием христианства, из Византии были заимствованы и знаковые системы, фиксирующие церковные песнопения (кондакарная и знаменная нотации). Древнейшие сохранившиеся русские рукописи,

содержащие нотации, были написаны на рубеже XI–XII вв. («Типографский устав»).

[41] Олаф II Святой — норвежский король в 1015–1028 гг. Изгнанный из Норвегии в 1028 г., Олаф II жил при дворе Ярослава Мудрого до 1030 г., когда погиб при попытке вернуть себе престол.

[42] Кнуд Великий — датский монарх, сосредоточивший под своей властью обширную державу, включавшую в себя Англию (в 1016–1035 гг.), Данию (в 1018–1035 гг.) и Норвегию (в 1028–1035 гг.).

[43] Магнус Добрый — король Норвегии (1035–1047) и Дании (1042–1047). Жил при дворе Ярослава Мудрого до одиннадцатилетнего возраста, когда был призван своими сторонниками в Норвегию и получил Норвежский престол.

[44] После смерти Эдмунда Железнобокого, англосаксонского короля в 1016 г., его сыновья Эдуард и Эдмунд жили в изгнании в различных странах (Швеция, Венгрия, Русь); о том, когда именно они находились при дворе Ярослава Мудрого, нет определенной информации. Эдмунд умер в изгнании, а Эдуард в 1056 г. из Венгрии вернулся в Англию, где в том же году скончался.

[45] Левенте (ум. 1047) — венгерский князь, сопровождал своего брата Андраша в изгнании и при возвращении в 1046 г. в Венгрию.

[46] О знатном варяге Шимоне Африкановиче упоминается в Киево-Печерском патерике, согласно которому Шимон в 1068 г. был ранен в битве на Альте и оказывал большую поддержку Печерскому монастырю, в частности жертвовал на строительство Успенского собора в 1073–1078 гг.

[47] Под «законами Ярослава» Карамзин понимал текст Пространной редакции Русской Правды, древнейший список которой содержится в Синодальной Кормчей книге, написанной в Новгороде в конце XIII в. Упомянутые в ней законодательные акты Ярославичей и Владимира Мономаха Карамзин считал правкой отдельных статей, предпринятой этими князьями. К тексту Краткой редакции, который содержится в двух списках Первой Новгородской летописи середины XV в., он относился скептически. Так же он относился и к уже предпринятым в XVIII в. публикациям Русской Правды, поскольку в них делаются попытки разделить Правду на уставы различных князей. В настоящее время к правлению Ярослава Мудрого обычно относят либо весь текст Краткой редакции, либо часть ее статей («Правда Ярослава», «Покон вирный», «Урок мостникам»), выделяя остальные в «Правду Ярославичей», со-

ставленную в 1070-е гг. Пространная же редакция считается следующим по времени законодательным кодексом (XII — начала XIII в.), созданным в том числе на основе Краткой редакции XI в.

[48] То есть Законам двенадцати таблиц, первому древнеримскому законодательному кодексу (451–450 до н. э).

[49] Сомнительное утверждение. Судебные штрафы и пошлины представляли собой важный источник финансирования власти. Отнесение дела к компетенции княжеского суда влекло за собой взимание штрафов и пошлин в пользу князя.

[50] Речь идет о 15-й статье Краткой редакции, где, однако, речь идет не о «всякой тяжбе», а о взыскании долга с запирающегося должника. Показательно, что в соответствующей (47-й) статье Пространной редакции «извод перед 12 человек» заменяется на выставление свидетелей («послухов»), что обычно трактуется как вытеснение представителей общества из сферы княжеского суда.

[51] Рагнар Лодброк — полулегендарный датский конунг середины IX в.

[52] Речь идет об «Уставе князя Ярослава о мостах», который известен в ряде списков XIV–XV вв.

(обычно в качестве приложения к тексту Пространной редакции Русской Правды). Карамзин в примечаниях обоснованно сомневался в его принадлежности Ярославу Мудрому. В настоящее время наиболее распространенной является версия, связывающая Устав с князем Ярославом Ярославичем Тверским (князь новгородский в 1255–1256 и 1266–1272; великий князь владимирский в 1263–1272 гг.).

[53] Как и в случае с Церковным уставом Владимира (см. примеч. 58 к тому 1), крайний скепсис Карамзина в отношении Церковного устава Ярослава уже к концу XIX в. не разделялся исследователями. Составление этого устава, вероятно, было связано с оформлением власти киевских митрополитов в конце 1030-х гг., чему соответствует расширение и уточнение компетенции церковного суда и установление совместного суда церковных и светских властей, закрепленных в уставе Ярослава.

[54] Ярополк Изяславич (ум. 1086) — старший сын великого князя киевского Изяслава Ярославича. С 1078 г. был князем волынским и туровским и участвовал в войнах, которые вел его дядя, великий князь Всеволод Ярославич. Главными противниками Ярополка были его двоюродные

племянники Ростиславичи, претендовавшие на Волынский престол. В 1086 г. был убит собственным дружинником, который бежал к Ростиславичам.

[55] Речь идет о событиях 1067 г., когда великий князь Изяслав Ярославич (действуя совместно со своими братьями Святославом и Всеволодом), несмотря на крестное целование, захватил в плен во время перемирия полоцкого князя Всеслава Брячиславича.

[56] Выдубицкий монастырь, основанный в 1070 г. в 5 км южнее Киева, невдалеке от Печерского монастыря. В настоящее время расположен в центральной части Киева.

[57] Неверный пересказ летописного текста. Существовавшие в XI–XIII вв. города Всеволож (близ современного села Старгород Львовской области Украины), Шеполь и Перемиль (ныне села Шепель и Перемиль Волынской области Украины) не относились к числу Червенских городов, а располагались на юге Волынского княжества, то есть контролировались Давыдом Игоревичем. В ответ на предложение Давыда Василько удивляется, что тот предлагает ему один из своих городов, хотя он уже является князем Теребовля.

[58] Бужск — Божьск на юге Волынского кня-

жества, ныне город Буск Львовской области Украины.

[59] Берестье — на севере Волынского княжества, ныне город Брест, областной центр Белоруссии.

[60] Владислав I Герман — польский князь в 1079–1102 гг. (королевского титула не принимал).

[61] Мстислав Святополчич (ум. 1099) — по-видимому, старший сын великого князя Святополка Изяславича, князь волынский в 1099 г.

[62] Ярослав Святополчич (ум. 1123) — второй сын великого князя Святополка Изяславича, князь волынский в 1100–1118 гг. Будучи изгнан из Волыни великим князем Владимиром Мономахом, погиб при попытке вернуть себе Волынский престол.

[63] Святослав Давыдович (ок. 1080–1143) — сын Давыда Святославича Черниговского, князь луцкий в 1099 г. В 1107 г. принял монашеский постриг (с именем Николай) в Киево-Печерском монастыре.

[64] Волынский город Луческ. Ныне город Луцк, центр Волынской области Украины.

[65] Коломан I Книжник — венгерский король в 1095–1116 гг.

[66] Карамзин в примечаниях отмечает, что, по иным известиям, войско Коломана насчитывало 8000 воинов.

[67] Возможно, мать Ростиславичей, которая, по сообщению В. Н. Татищева, имела венгерское происхождение, а значит, могла быть близкой родственницей Коломана I.

[68] Один из северных Червенских городов, контролировавшихся в это время волынскими князьями. Располагался в районе современной польской деревни Чермно (Люблинское воеводство).

[69] Съезд князей в Уветичах (Витичеве).

[70] Небольшие города на юго-востоке Волынского княжества Дубен (ныне город Дубно Ровненской области Украины) и Чарторыйск (ныне село Старый Чарторыйск Волынской области Украины).

[71] Город на юго-востоке Волынского княжества. Ныне село Дорогобуж Ровненской области Украины.

[72] Ярослав Ярополчич (ум. 1103) — старший сын Ярополка Изяславича Волынского. Князем берестейским он, по-видимому, стал в 1100 г., когда его двоюродный брат Ярослав Святополчич получил старший Волынский престол во Владимире. В этом и надо искать причину его недовольства и выступления против великого князя в 1101 г.

[73] Святополк был посажен на княжение в Нов-

город своим отцом великим князем Изяславом Ярославичем в 1078 г., а в 1088 г. уступил Новгородское княжение Мстиславу Владимировичу, которому тогда было всего двенадцать лет. Описываемый Карамзиным эпизод имел место в 1102 г.

Том 3

[1] Второй том «Истории» Карамзин завершил рассказом о разорении Киева в 1169 г. войсками Андрея Боголюбского. Попытка Андрея контролировать Киев, сажая на его престол своих младших братьев, оказалась безуспешной. После смерти Боголюбского Киев стал ареной противоборства черниговских, волынских и смоленских князей.

[2] Князь Мстислав Андреевич (ум. 1172/73), начиная с похода на Киев в 1169 г., возглавлял военные предприятия своего отца, несмотря на юный возраст (вероятно, немногим более 20 лет).

[3] Естественно, подобные рассуждения почерпнуты из суздальской летописной традиции.

[4] Речь идет об эпизоде описанной ранее Карамзиным войны конца 1160-х гг., в которой против трижды захватывавшего великое княжение Киевское Изяслава Мстиславича Волынского (ум. 1170) сложилась мощная коалиция черниговских, смоленских и суздальских князей, возглавленная Андреем Боголюбским. В 1167 г. новгородцы сместили княжившего у них в 1157–1160 и 1161–1167 гг. Святослава Ростиславича (ум. 1170, из смоленских князей) и заменили его на

сына Изяслава Мстиславича, Романа. При этом был убит посадник Захария, которого сменил посадник Якун.

[5] Роман Мстиславич (ок. 1153–1205) — один из самых влиятельных князей своего времени, князь волынский с 1170 г., галицко-волынский с 1199 г.; дважды (в 1201 и 1204 гг.) захватывал Киевский престол.

[6] Новгородский епископ с 1163 г. (монашеское имя Илия). В 1165 г. получил сан архиепископа, которым с этого времени обладали и последующие церковные главы Новгорода. В 1185 г. принял схиму с именем Иоанн. Умер в 1186 г.

[7] Церковный праздник Знамение Пресвятой Богородицы.

[8] Рюрик Ростиславич (ок. 1139–1212) — представитель смоленской княжеской семьи, активно участвовал в междоусобицах с 1160-х гг., княжа в Овруче. После непродолжительного княжения в Новгороде (1170–1171) вернулся в Киевскую землю и в борьбе с суздальскими, черниговскими и галицко-волынскими князьями неоднократно (1173, 1181, 1194–1201, 1203–1204, 1205–1206, 1207–1210) захватывал Киевский престол, причем в 1203 г., взяв Киев, подверг его очередному разорению.

[9] Овруч (Вручий) — изначально древлянский городок, расположенный в северной части Киевской земли (в настоящее время в Житомирской области Украины). Во второй половине XII в. стал центром удельного княжения, находившегося во владении представителей смоленской княжеской семьи.

[10] Давыд Ростиславич (1140–1197) — князь смоленский в 1180–1197 гг.

[11] То есть в Успенском соборе, возведенном в 1158–1160 гг. и сохранявшем свой первоначальный облик до масштабной перестройки 1186–1189 гг.

[12] То есть половцев.

[13] Владимирская икона Богородицы, которую Андрей Боголюбский вывез из Вышгорода в 1155 г.

[14] Крупный набег на Волжскую Булгарию, который Андрей Боголюбский организовал совместно с муромскими князьями. Было сожжено несколько булгарских городов и взята большая добыча.

[15] Церковь Рождества Богородицы. После обрушения в начале XVIII в. от нее до нашего времени сохранилась только кладка цокольной части, на которой в середине XVIII в. была построена ныне существующая Рождественская церковь в

Боголюбове.

[16] Далее рассказывается довольно смутно излагаемая в летописях история о близком к Андрею Боголюбскому священнике Феодоре, которого он, по-видимому в начале 1160-х гг., пытался сделать епископом ростовским и якобы даже митрополитом, что, однако, не было одобрено патриархом Лукой Хрисовергом (1156–1169). Не надеясь получить епископство от киевских митрополитов, Феодор некоторое время самовольно и деспотично управлял Ростовской епархией, пока наконец не утратил поддержки князя. В 1169 г. он был выдан на суд в Киев (вскоре после его разорения Боголюбским) и там подвергнут жестокой казни (якобы за богохульство): ему урезали язык, ослепили и отрубили правую руку.

[17] Речь идет о смерти Михаила Юрьевича, который в ходе борьбы суздальских князей, начавшейся после гибели Андрея Боголюбского, захватил в 1175 г. великое княжение Владимирское, но в 1176 г. скончался.

[18] Мстислав (ум. 1178) и его младший брат Ярополк были детьми Ростислава Юрьевича (ум. 1151), старшего сына Юрия Долгорукого. После гибели Андрея Боголюбского вступили в борьбу со своими дядьями, Михаилом и Всеволодом

Юрьевичами, опираясь на поддержку Ростова и Суздаля, а также своих рязанских и смоленских родственников. Потерпев поражение в 1175 г., бежали в Новгород (Мстислав) и Рязань (Ярополк).

[19] Также безудельный внук Юрия Долгорукого Ярослав Мстиславич (ум. 1199), державший, однако, сторону своих дядей. После недолгого княжения в Новгороде в 1176 г. безуспешно пытался закрепить за собой принадлежащий Новгороду Волок Ламский (1177–1178). Получил от великого князя престол в Переславле-Залесском, а в 1187 г. был переведен Всеволодом Юрьевичем в южное Переяславское княжество, зависевшее в это время от суздальских князей, где и княжил до самой смерти.

[20] Глеб Ростиславич — князь рязанский в 1161–1177 гг. Был женат на Евфросинье, сестре Мстислава и Ярополка Ростиславичей.

[21] Владимир Глебович (1157–1187) — еще один внук Юрия Долгорукого, был князем южного Переяславля с 1169 по 1187 г. и участвовал в основном в предприятиях южнорусских князей и русско-половецких конфликтах. Святослав Всеволодович (ок. 1123–1194) был князем черниговским в 1164–1180 гг. После гибели Андрея Боголюбского смог занять позицию наиболее авторитетного из

русских князей и продолжительное время (в 1173, 1176–1181, 1181–1194 гг.) контролировал великое княжение Киевское, сумев гибкой политикой поддержать его пошатнувшееся значение. На помощь Всеволоду Юрьевичу в 1176 г. он прислал своих сыновей Олега (ум. 1204) и Владимира (ум. 1201).

[22] Роман Глебович стал князем рязанским в 1180 г., после того как был отпущен из плена Всеволодом Юрьевичем. В последующие годы с переменным успехом боролся со Всеволодом, стремившимся подчинить Рязанское княжество своему влиянию. Опирался на союз с черниговскими князьями (был женат на дочери великого князя Святослава Всеволодовича). Однако в 1207 г. был вновь пленен Всеволодом и умер в плену.

[23] Старший в смоленской княжеской семье, Роман Ростиславич (ок. 1135–1180) был князем смоленским в 1167–1180 гг. Благодаря союзу с Андреем Боголюбским и энергии своих младших братьев дважды (в 1171–1173 и 1174–1176 гг.) занимал великокняжеский престол в Киеве, который, впрочем, он уступал без особой борьбы. Один из его младших братьев, Мстислав Ростиславич Храбрый (ок. 1150–1180), приобрел большую известность успешной обороной Вы-

шгорода от войск Андрея Боголюбского в 1173 г. В 1179–1180 гг. Мстислав был князем в Новгороде, где и скончался. Был женат на Феодосии, дочери Глеба Ростиславича Рязанского.

[24] Борисоглебская церковь в окрестностях Смоленска была заложена в 1145 г. по инициативе смоленских князей на месте, где, по преданию, в 1015 г. был убит князь Глеб Владимирович. В XVIII в. находилась в руинированном состоянии, к настоящему времени сохранились остатки фундаментов.

[25] Иоанн — епископ ростовский в 1190–1212 гг.

[26] В 1161 г. Всеволод, которому было тогда семь лет, с несколькими братьями и матерью (вторая жена Юрия Долгорукого) был изгнан Андреем Боголюбским из Владимиро-Суздальской земли и до 1168 г. жил в Византии.

[27] Остер (Городец на Востре) — стратегически важный городок на реке Десне, расположенный на половине пути из Чернигова в Киев, но принадлежавший южному Переяславскому княжеству. Был основан в 1098 г. и затем неоднократно разрушался в ходе княжеских междоусобиц. В очередной раз был возобновлен Всеволодом в 1192 г. В настоящее время город в Черниговской области Украины.

[28] Василько Брячиславич (ум. после 1209) принадлежал к полоцкой княжеской семье. Удельным князем витебским был с 1186 г. Имя его дочери, второй жены Всеволода, остается неизвестным.

[29] Мария Шварновна (ум. 1205/6) стала женой Всеволода еще до занятия им великокняжеского престола: обстоятельства заключения ее брака остаются неизвестными, а этническая принадлежность — дискуссионной. На основании летописных известий можно сделать вывод о ясском (ясы — родственный осетинам народ) или чешском происхождении. В 1200 г. по ее инициативе во Владимире был основан Успенский Княгинин монастырь, в котором она и была похоронена.

[30] Почитающиеся святыми императрицы, чьи заслуги перед христианством традиционно признаются исключительными: Елена (ок. 250–330), мать римского императора (306–337) Константина Великого, по инициативе которой были обнаружены палестинские святыни, связанные с жизнью Иисуса Христа; Феодора (815–867), жена византийского императора Феофила, управлявшая империей в 842–856 гг. и восстановившая в 843 г. иконопочитание.

[31] Галл Аноним (во времена Карамзина ошибочно называемый Мартином Галлом), живший на рубеже XI–XII вв. автор древнейшей польской хроники «Хроника и деяния князей или правителей польских» (или «Хроника Галла Анонима», 1110-е гг.), приводит первые сведения о полулегендарных предках польской княжеской династии: поселянине Пясте и его сыне Земовите, ставшем племенным князем полян, жизнь которых по генеалогическому счету может быть отнесена ко второй половине IX в.

[32] Юрий Андреевич (начало 1160-х — ок. 1194) — младший из сыновей Боголюбского, единственный пережил отца. С 1172 по 1175 г. был князем в Новгороде. Будучи слишком юным на момент гибели отца, Юрий был лишен Новгородского княжения и исключен из политической жизни Владимиро-Суздальской земли. Был мужем грузинской царицы Тамары в 1185–1188 гг., после расторжения брака был выслан в Византию.

[33] Георгий III был грузинским царем в 1156–1184 гг. Его старшая дочь Тамара (1166–1213) была провозглашена царицей в качестве соправителя отца в 1178 г., а самостоятельно начала править после смерти Георгия III в 1184 г.

[34] Карамзин пересказывает известное ему по

весьма несовершенному русскому изданию 1802 г. грузинское сочинение начала XIII в. «История и восхваление венценосцев». Правильно: «…преследуемый дядею своим Савалатом, удалился в чужую страну, теперь находится в городе кипчакского царя Севенджа».

[35] Георгий IV Лаша («Светлый») был грузинским царем в 1213–1223 гг.

[36] Разорение Киева войсками Рюрика Ростиславича произошло в январе 1203 г. Константинополь был взят участниками 4-го Крестового похода в апреле 1204 г.

[37] Иоанн X Каматир — патриарх константинопольский в 1198–1206 гг.

[38] Письмо Иннокентия III было написано в 1207 г. и сохранилось в собрании Ватиканской библиотеки. Было ли оно отправлено на Русь, неизвестно.

[39] Мейнард — первый ливонский епископ в 1186–1196 гг., основоположник католической миссии в Восточной Прибалтике.

[40] Хотя папы провозглашали идеи Крестовых походов против северных язычников еще начиная с 1170-х гг., первой военной акцией крестоносцев в Восточной Прибалтике стала экспедиция 1198 г. против ливов, организованная

Бременским архиепископством. В ходе экспедиции погиб ее глава Бертольд, второй ливонский епископ (1196–1198).

[41] Крепость Кукейнос на правом берегу Западной Двины, приблизительно в 100 км от ее устья, по-видимому, была крайней точкой проникновения полоцких князей в латгальские земли. В начале XIII в. здесь княжил известный по немецким источникам Вячко, находящийся в зависимости от Полоцка. В 1208 г. крепость перешла крестоносцам, получив название Кокенхузен. Ныне село Кокнесе в Латвии.

[42] Владимир — князь полоцкий около 1184–1216 гг., известный только по немецким источникам. Отождествить его с представителями полоцкой княжеской семьи по русским летописям не удается в силу крайней неясности истории Полоцкого княжества этого времени. В 1184 г. разрешил Мейнарду вести миссионерскую деятельность среди ливов, живших в низовьях Западной Двины и плативших дань полоцким князьям. В начале XIII в. пытался противодействовать экспансии крестоносцев, но не смог воспрепятствовать переходу под их контроль ливских и латгальских земель.

[43] Икскуль (Икскюль) — поселение на правом

берегу Западной Двины, в 30 км от ее устья, было основано в 1184 г. Мейнардом в качестве первого центра католической миссии в земле ливов. Ныне город Икшкиле в Латвии.

[44] Кирхгольм — замок на правом берегу Западной Двины, близ Икскюля. Ныне город Саласпилс в Латвии.

[45] Вальдемар II — датский король с 1202 по 1241 г. Упоминаемая Карамзиным датская экспедиция на о. Эзель (современное название Сааремаа в Эстонии) состоялась в 1206 г.

[46] Андерс Сунесен (ок. 1167–1228) — датчанин, архиепископ лундский в 1201–1228 гг. Был одним из главных вдохновителей северных Крестовых походов, принимая личное участие как в миссионерской деятельности (в Риге в 1206–1207 гг.), так и в военных экспедициях (датское завоевание эстов в 1219 г.).

[47] Основным источником о начальном этапе северных Крестовых походов является «Хроника Ливонии», составленная в 1220-е гг. немецким священником Генрихом Латвийским (ок. 1187 — после 1259), участвовавшим в христианизации Ливонии.

[48] Крепость Герсика на правом берегу Западной Двины, приблизительно в 190 км от ее устья, рас-

полагалась в Латгальских землях. В начале XIII в. здесь княжил известный по «Хронике Ливонии» князь Всеволод, находящийся в зависимости от полоцкого князя и поддерживающий союзные отношения с жившими южнее литовцами. С 1209 г. Всеволод признавал себя вассалом рижского епископа. Окончательная ликвидация Герсикского княжества произошла, по-видимому, в 1230-е гг. В орденское время поселение сохраняло название Герцеке, замок Крейцбург был построен в 1237 г. в 40 км ниже по течению Двины. В настоящее время село Ерсика в Латвии (бывший Крейцбург является частью города Екабпилса).

[49] Мстислав Мстиславич Удатный (1170-е — 1228) — представитель смоленской княжеской семьи, сын Мстислава Ростиславича Храброго. Будучи вместе с братьями князем в небольшом Торопецком уделе, Мстислав в начале XIII в. добился ряда громких военных побед, которые выдвинули его в число наиболее влиятельных русских князей. В 1209–1215 и 1216–1218 гг. был князем в Новгороде. С 1215 г. участвовал в борьбе за Галицкий престол, которым прочно владел в 1221–1227 гг.

[50] Владимир Мстиславич Торопецкий известен в основном участием в военных предприятиях

своих смоленских родственников и в качестве одного из первых значительных псковских князей. В Пскове утвердился около 1208 г. и (с перерывами) княжил до 1222 г.

[51] Поселение эстов к юго-западу от Чудского озера, известное по русским летописям с XII в. как Медвежья Голова. В 1215–1224 гг. неоднократно сжигалось в ходе борьбы между немцами, русскими и эстами. С 1224 г. — замок Оденпе. Ныне город Отепя в Эстонии.

[52] Митрофан (ум. 1223) — новгородский архиепископ с 1201 г., ставленник великого князя Всеволода Юрьевича, который в это время усиливает свое влияние в Новгороде. После победы партии, ориентировавшейся на смоленских князей, был изгнан (в 1211 г.), однако вслед за уходом из Новгорода Мстислава Удатного Митрофан вернулся в 1218 г. на архиепископскую кафедру и занимал ее до самой смерти.

[53] Добрыня Ядрейкович (ум. 1232) — новгородец, в монашестве Антоний, архиепископ новгородский в 1211–1218, 1225–1228 и 1228–1229 гг. Был политическим союзником Мстислава Удатного, после окончательного отъезда которого из Новгорода удалился вслед за ним в Галицкую землю, где в 1220–1225 гг. был епископом пере-

мышльским. Паломничество в Константинополь совершил в 1200 г. и описал его в сочинении «Книга Паломник».

[54] Хутынский монастырь расположен в 7 км от Новгорода, на правом берегу Волхова. Первое упоминание о нем, связанное с основателем Варлаамом Хутынским (ум. 1192), относится к 1192 г. Старейшие из ныне существующих построек монастыря были возведены в XVI в.

[55] Речь идет о князьях и боярах рязанских, которые были захвачены Всеволодом Юрьевичем при разгроме Рязанского княжества в 1207–1208 гг. Первый епископ муромский и рязанский Арсений (1198 — после 1212) был среди пленников.

[56] Святослав Всеволодович (1196–1252) — в детском возрасте провозглашался в качестве ставленника своего отца, великого князя Всеволода Юрьевича, новгородский князь (в 1200–1205, 1208–1209 гг.). С 1212 г. удельный князь юрьевский. После Ситской битвы 1238 г., из которой он спасся бегством, стал вторым по старшинству князем Владимиро-Суздальской земли и получил Суздальский престол. В 1246–1248 гг. великий князь владимирский. Будучи лишен великого княжения племянниками, удалился в свой Юрьевский удел.

[57] Владимир Всеволодович (1192–1227), поддерживавший старшего брата Константина, при разделе престолов в 1212 г. был лишен предназначенного ему Юрьева-Польского. После неудачного захвата Москвы и примирения с Юрием Всеволодовичем был отправлен на княжение в южный Переяславль (1213–1215). Вернувшись на север в 1218 г., получил в удел Стародуб. После смерти бездетного Владимира Стародубский удел вернулся в земли великого княжения.

[58] Всеволод Святославич Чермный (ум. ок. 1215) — сын великого князя Святослава Всеволодовича. Князь черниговский в 1202–1215 гг. (с перерывами); практически вся его деятельность была направлена на борьбу с Рюриком Ростиславичем и другими смоленскими князьями за влияние в Южной Руси, в ходе которой он дважды (в 1206–1207 и 1210–1212/4 гг.) захватывал великое княжение Киевское. После смерти Всеволода Чермного на Черниговском престоле его сменил младший брат Глеб Святославич (ум. ок. 1217), на неизвестной по имени дочери которого женился в 1215 г. княживший тогда в Переяславле Владимир Всеволодович.

[59] Выше Карамзин передает известия о походе смоленских князей во главе с Мстиславом Удат-

ным против Всеволода Чермного, который после смерти великого князя Рюрика Ростиславича (2012) попытался отобрать у его родственников уделы в Киевской земле. Поход завершился полной победой: смоленские князья не только вернули себе южные уделы, но и посадили на великое княжение Киевское старейшего представителя своей семьи Мстислава Романовича (двоюродный брат Мстислава Удатного), который удерживал Киев до 1223 г. Датировка этого похода остается дискуссионной; по летописным известиям, его можно отнести к 1212 или к 1214 г.

[60] Мстислав отправился на юг, чтобы заняться галицкими делами. После начала в 1205 г. борьбы за Галицко-Волынское княжество, в котором участвовало местное боярство, различные южнорусские князья, венгры, поляки, к 1215 г. законные наследники, братья Даниил и Василько Романовичи, сумели взять под контроль только Волынское княжество, а Галицкая земля оказалась в руках венгров. Заключив союз с Даниилом Романовичем и опираясь на поддержку своих смоленских родственников, Мстислав Удатный совершил три похода на Галич и к 1221 г. смог изгнать венгров и утвердить Галицкий престол за собой.

[61] Ярослав (Федор) Всеволодович был женат на дочери Мстислава Удатного, Феодосии (ум. 1241 или 1244).

[62] Владимир Рюрикович (1187–1239) — двоюродный брат Мстислава Удатного, с 1212 (или 1214) г. был смоленским князем. В 1219 г. переместился в Киевскую землю (вероятно, в Овруч), где разделял власть с великим князем Мстиславом Романовичем, после гибели которого на Калке в 1223 г. занял великокняжеский престол. Удерживал Киев до 1235 г., когда потерпел поражение от черниговских князей, попал в половецкий плен и потерял великое княжение. В 1236 г. вернулся из плена в Овруч, где и скончался.

[63] Ныне река Гза, протекающая по территории Владимирской области, левый приток Колокши.

[64] Урочище в верхнем течении Гзы, к северо-востоку от Юрьева-Польского.

[65] По-видимому, воспоминание о предыдущем вторжении новгородцев во Владимиро-Суздальскую землю, которое состоялось в 1180 г., когда новгородцы, действуя совместно с войсками великого князя киевского Святослава Всеволодовича, воевали против великого князя владимирского Всеволода Юрьевича и подвергли разорению его земли.

[66] Симон (ум. 1226) — первый епископ владимирский и суздальский в 1215–1226 гг. Ранее монах Киево-Печерского монастыря. Восемь его повестей, написанных для другого печерского монаха, Поликарпа, положили начало составлению Киево-Печерского патерика.

[67] В битве под Адрианополем болгары разгромили армию Балдуина I Фландрского (первый император Латинской империи в 1204–1205 гг.), причем Балдуин попал в плен и вскоре скончался.

[68] Иван Асень II — болгарский царь в 1218–1241 гг. Был сыном Ивана Асеня I (царь в 1190–1196 гг.), одного из братьев Асеней, восстановителей независимости Болгарского царства от Византии. Согласно византийским источникам, в юности Иван Асень II действительно бежал на Русь, спасаясь от преследований своего двоюродного брата, болгарского царя Борила (1207–1218), но в русских летописях информации об этом нет, неясно и кто из русских князей оказал ему поддержку.

[69] Кирилл I (ум. 1230) — епископ ростовский в 1216–1229 гг.

[70] Так составители Ипатьевской летописи оценивают численность войск Андрея Боголюб-

ского, потерпевших поражение под Вышгородом в 1173 г.

[71] Византийская Сугдея (*др.-рус*. Сурож) в Крыму в конце XI в. перешла под контроль половцев и в XII — начале XIII в. была достаточно рядовым многонациональным торговым поселением. Хотя в XIII в. здесь была организована венецианская торговая фактория, но турецкие и монгольские набеги 1220–1230-х гг. не способствовали его развитию, и к началу XIV в. город находился в состоянии упадка. Лишь после установления власти генуэзцев в 1365 г. начинается стремительный рост его торгового значения.

[72] Господство генуэзцев начинается в более позднее время, после того как в 1260-е гг. за помощь в восстановлении Византийской империи (1261) они получили от византийских императоров исключительные права торговли в Черном море и от ордынских ханов право создания торговых колоний в Крыму.

[73] Булгар — столица Волжской Булгарии в X–XI вв. Прекратил существование в XV в., в настоящее время его городище находится на территории города Болгар в Республике Татарстан.

[74] То есть выходцев из государства Ширваншахов (столицы в Шемахе и Баку), которое объ-

единяло территорию современного государства Азербайджан во второй половине IX — первой половине XVI в.

[75] Речь идет о Свене III, датском короле в 1146–1157 гг.

[76] Остров Готланд и расположенный на нем город Висбю, находившиеся до середины XIV в. под формальным контролем Швеции. Активные торговые контакты Готланда с Новгородом существовали уже в XI в. К середине XII в. Висбю занял ведущее положение в торговле в восточной части Балтики, его связи с северогерманскими городами стали важнейшим основанием для формирующегося с этого времени Ганзейского союза.

[77] «Смоленская торговая правда» — договор с Ригой и Готским берегом — была составлена в 1229 г. по инициативе Мстислава Давыдовича, князя смоленского в 1219–1230 гг.

[78] Правильно «ростовский» (см. примеч. 25 к тому 3).

[79] Речь идет о первом каменном храме Суздаля, построенном в XII в. (Успенский собор). После поновления 1194 г. он просуществовал недолго. В 1222–1225 гг. на его месте был построен новый храм, который в сильно измененном (с XVI в.)

виде сохранился до нашего времени (Богородице-Рождественский собор).

[80] Стена была построена в 1199–1200 гг. по распоряжению великого князя киевского Рюрика Ростиславича для защиты Выдубицкого монастыря от днепровской воды. Не сохранилась.

[81] Алимпий (Алипий) Печерский (ум. ок. 1114) — первый известный русский живописец, работал в Киеве. Достоверных работ Алимпия не сохранилось.

[82] Предслава (ок. 1104–1167 или 1173) — дочь Святослава Всеславича, князя витебского в 1101–1129 гг.; ок. 1116 г. приняла монашество под именем Евфросиния. Заботилась о христианском просвещении, ок. 1127 г. основала женский монастырь в Полоцке (ныне Спасо-Евфросиниевский) и стала его настоятельницей. В конце жизни совершила паломничество в Иерусалим, где и скончалась.

[83] Верхуслава (1181–?) — дочь великого князя владимирского Всеволода Юрьевича. В 1188 г. была выдана замуж за Ростислава Рюриковича (1172 — после 1218), старшего сына великого князя киевского Рюрика Ростиславича.

[84] «Книга странствий» Вениамина Тудельского (ок. 1130 — ок. 1173). Вопреки мнению Карам-

зина он отправился в путешествие из Наварры в 1165 г., посетил многие государства Средиземноморья и закончил свой путь в Кастилии в 1173 г. Свои краткие сведения о Руси Вениамин почерпнул, вероятно, во время пребывания в Константинополе.

[85] Тангутское царство (империя Си Ся) в Северо-Западном Китае было окончательно уничтожено монголами в 1226–1227 гг.

[86] Угэдэй — великий хан монголов в 1229–1241 гг., был третьим сыном Чингисхана.

[87] Государство чжурчжэней (империя Цзинь) в Северном Китае было окончательно завоевано монголами в 1230–1233 гг.

[88] Решение об организации общемонгольского Западного похода было принято в 1235 г. В данном случае Карамзин не дает каких-либо ссылок на свои источники. Цифра в 300 000 воинов представляется совершенно фантастической.

[89] Летописные саксины обычно отождествляются с тюркоязычным населением половецкого (постхазарского) времени Нижнего Поволжья, где, согласно арабским источникам, в XII — начале XIV в. существовал город Саксин. Карамзин гипотетически сближает саксинов с казахами (в дореволюционной России именовались киргиз-

кайсаками или киргизами).

[90] Биляр, который в XII — начале XIII в. был столицей Волжской Булгарии. Располагался близ современного села Билярск Республики Татарстан. Взятие монголами Биляра и покорение основной части Волжской Булгарии произошло в 1236 г.

[91] В небольшом Рязанском княжестве, по-видимому, практиковалось совместное княжение на двух основных престолах (в Рязани и Пронске), что, впрочем, не исключало кровавых междоусобиц (как, например, во время княжеского съезда в Исадах в 1217 г., когда были убиты шесть местных князей). Старший в семье именовался великим князем рязанским. С 1217 по 1235 г. таковым был Ингварь Романович, а затем его младший брат Юрий Романович (в 1235–1237 гг.). Рязанскими князьями также были его племянники Олег Ингваревич (в 1252–1258 гг., после монгольского плена, был великим князем рязанским) и Роман Ингваревич (погиб в битве под Коломной в 1238 г.), а также сын, Федор Юрьевич (существование которого, впрочем, ставится под сомнение). Имена пронских князей этого времени и их судьба достоверно не известны. Вероятно, это был кто-то из двоюродных племянников

Юрия Романовича. Сходная ситуация была в соседнем Муромском княжестве; в событиях 1237 г., возможно, участвовали муромские князья, двоюродные братья Юрий Давыдович и Олег Юрьевич, гибель которых связывают с падением Рязани.

[92] Речь идет о «Повести о разорении Рязани Батыем», известной только по спискам XVI–XVII вв.

[93] Городки в юго-западной части Рязанского княжества. Местоположение Белгорода остается неустановленным. Пронск и Ижеславль в настоящее время села в Рязанской области.

[94] «Повесть о разорении Рязани Батыем» входит в сложившийся к 1530-м гг. цикл повестей о Николе Заразском — иконе святого Николая, по преданию перенесенной в 1225 г. из Корсуня в рязанский городок Красный, князем которого якобы был Федор Юрьевич Рязанский. В 1237 г. Федор Юрьевич, его жена и сын были похоронены на месте сожженного монголами Красного, где в XIV в. возродился городок с церковью Св. Николая. Ныне город Зарайск на юго-востоке Московской области.

[95] Всеволод Юрьевич (1212/3–1238) — старший сын великого князя Юрия Всеволодовича. В детстве дважды на короткое время отправлялся отцом на княжение в Новгород (в 1221–1222

и 1223–1224 гг.). Удела во Владимиро-Суздальской земле не получал. Погиб с семьей при взятии Владимира монголами.

[96] Владимир Юрьевич (ок. 1218–1238) — младший сын великого князя Юрия Всеволодовича. Известие о получении им ок. 1236 г. в качестве удела от отца Москвы сомнительно, поскольку его старшие братья, по-видимому, уделами не наделялись. Погиб при взятии Владимира монголами.

[97] Мстислав Юрьевич (после 1213–1238) — второй сын великого князя Юрия Всеволодовича. Удела во Владимиро-Суздальской земле не получал. Погиб при взятии Владимира монголами.

[98] Сыновья великого князя Константина Всеволодовича, унаследовавшие от него в 1218 г. и разделившие обширное тогда Ростовское удельное княжество: Василько (1208–1238), князь ростовский, и Всеволод (1210–1238), князь ярославский, погибли в битве на Сити; Владимир (1214–1249), князь углицкий, бежал после поражения на Сити. Стали родоначальниками соответствующих княжеских удельных династий.

[99] Митрофан — епископ владимирский и суздальский в 1227–1238 гг. Погиб при взятии Владимира монголами.

[100] Агафия (ок. 1195–1238) — дочь черниговского князя Всеволода Святославича Чермного, жена великого князя Юрия Всеволодовича. Погибла при взятии Владимира монголами.

[101] Борис Василькович (1231–1277) — князь ростовский в 1238–1277 гг., и Глеб Василькович (1237–1278), князь белозерский с 1238 г. (основоположник династии белозерских князей), князь ростовский в 1277–1278 гг.

[102] Кирилл II — епископ ростовский в 1230–1262 гг.

[103] Неоднократно перестраивавшийся Успенский собор. Нынешний храм был построен на месте предшествующих в XVI в.

[104] Мария (1212/3–1271) — дочь одного из самых влиятельных в это время южнорусских князей, Михаила Всеволодовича (1179–1246), князя черниговского в 1223–1246 гг., который в ходе длительной борьбы с Даниилом Романовичем Галицким завладевал также Галицким (в 1235–1239 гг.) княжением и великим княжением Киевским (в 1238–1239 и 1241–1243 гг.).

[105] Василий Иванович (?) (1225/6–1238) — князь козельский.

[106] Накануне монгольского вторжения Юрий и Ярослав Всеволодовичи, мечтавшие накануне

Липицкой битвы разделить русские земли на сферы своего влияния, были близки к достижению цели: в 1236 г., воспользовавшись ослаблением южнорусских князей в очередной распре, Ярослав смог занять великое княжение Киевское, при этом в Новгороде, где он до этого княжил с 1231 г., на княжении остался его пятнадцатилетний сын Александр.

Том 4

[1] Иван Всеволодович (1197–1247) — младший сын великого князя Всеволода Юрьевича. С 1238 г. князь стародубский, о выделении ему уделов в предшествующее время ничего не известно. Основоположник династии стародубских князей.

[2] Речь идет о событиях 1238–1239 гг., являющихся частью слабо освещенной в источниках истории возникновения Великого княжества Литовского и упадка значения полоцких князей. С 1220-х гг. Полоцкая земля стала объектом борьбы литовцев (среди литовских князей уже в это время действует знаменитый Миндовг) и смоленских князей. В 1222–1232 гг. на Полоцком престоле сидел представитель смоленской семьи Святослав Мстиславич (ум. 1238), который с 1232 по 1238 г. был князем смоленским. В Полоцке после него правил витебский князь Брячислав Василькович. То, что после смерти Святослава литовцы смогли захватить Смоленск, показывает прежде всего, насколько сильным было к этому времени литовское влияние в Полоцке. Походы на Литву затем осуществили сразу два великих князя: владимирский (Ярослав Всеволодович, у

которого, очевидно, хватало сил для крупных военных акций даже после монгольского погрома 1237–1238 гг.) и киевский (Михаил Всеволодович Черниговский). В результате в 1239 г. литовцы были выбиты из Смоленска и местным князем стал Всеволод Мстиславич, младший брат покойного Святослава (новгородским князем он был еще в 1218–1221 гг., когда смоленские князья боролись с суздальскими за влияние на Новгород). В том же году Александр Ярославич женился на Александре (ок. 1221 — начало 1260-х), дочери Брячислава Полоцкого. Однако укрепить влияние русских князей на Полоцк не удалось. В 1240-е гг. на Полоцком престоле Брячислава сменил Товтивил, племянник Миндовга.

[3] Ростислав Михайлович (после 1210–1262) с 1235 г., когда его отец овладел Галицким престолом, представлял его интересы в Галиче и вел длительную борьбу с Даниилом Галицким. После захвата Галича Даниилом в 1239 г. Ростиславу удавалось ненадолго захватить Галицкий престол только в 1241 г. В 1243 г. женился на венгерской принцессе Анне (1226/7 — ок. 1285). При венгерской поддержке неудачно вторгался в Галицкое княжество в 1244, 1245 и 1249 гг. С 1247 г. был наместником венгерского короля в Белграде.

С 1256 г. именовался также царем Болгарии. Его дочери были выданы замуж за болгарского царя, чешского короля и краковского князя, а сыновья унаследовали владения отца в Сербии и Боснии.

[4] Артемий — епископ галицкий в 1238–1242 (?) гг.

[5] Котян (ум. 1241) — один из самых известных половецких ханов первой половины XIII в. На страницах русских летописей появляется в конце 1210-х гг., когда выступает союзником Мстислава Удатного в его борьбе за Галицкий престол. Ок. 1220 г. этот союз был скреплен браком Мстислава и Марии, дочери Котяна. С 1222 г. началась вражда половцев Котяна с монголами, по его просьбе в 1223 г. русские князья приняли участие в битве при Калке, из которой Котян спасся бегством. Весной 1239 г. ушел в Венгрию, где принял христианство и договорился о браке еще одной своей дочери, Елизаветы, с венгерским принцем, но через два года по не вполне понятным причинам был убит венграми.

[6] В начале 1239 г. этот отряд монголов, по-видимому, дошел вдоль Оки до Волги и сжег также Городец.

[7] В марте 1239 г. Переяславское княжество долгое время находилось под контролем суздальских

князей и, по-видимому, оказалось беззащитным после ухода Ярослава Всеволодовича в 1238 г. из Киева.

[8] Михайловский собор, построенный в Переяславле византийскими мастерами в 1090-е гг.

[9] Осада и взятие Чернигова осенью 1239 г. практически не отразились в источниках. Контролировавший на тот момент Киев великий князь Михаил Всеволодович Черниговский, по-видимому, отправил на помощь осажденному городу войска во главе с двоюродным братом Мстиславом Глебовичем (вероятно, князь новгород-северский), который потерпел поражение под стенами Чернигова. Во время взятия Чернигова и последовавшего затем разорения Черниговского княжества погибли до десяти представителей черниговской княжеской семьи. Именно после этого Михаил Всеволодович оставил Киев и отправился в Венгрию (где уже находился его сын Ростислав) за помощью. В Венгрию уехал и Мстислав Глебович.

[10] Мунке (1208–1259) — сын Толуя, великий хан монголов в 1251–1259 гг. Из Западного похода был отозван в 1240 г.

[11] Ростислав Мстиславич был князем смоленским в 1230–1232 гг., после смерти своего

отца Мстислава Давыдовича (смоленский князь в 1219–1230 гг.). В 1232 г. был изгнан из Смоленска своим старшим троюродным братом Святославом Мстиславичем. Дальнейшая биография и обстоятельства, при которых он в начале 1240 г. занял великое княжение в Киеве, остаются неизвестными, как и его судьба после занятия Киева Даниилом Галицким. Его сыновья впоследствии сумели утвердить за собой Смоленский престол.

[12] Гуюк (1206–1248) — сын Угэдэя, великий хан монголов в 1246–1248 гг., из Западного похода был отозван в 1240 г.; Байдар — сын Чагатая (второго сына Чингисхана); Орду-Ичен (ок. 1204 — ок. 1251) — сын Джучи, старший брат Бату, после образования Золотой Орды получил улус в Приаралье; Кадан (ум. после 1260) — один из младших сыновей Угэдэя; Субэдэй (1175/6–1248), знаменитый монгольский полководец; «Бастырь» — недоразумение, возникшее в начале XIX в. при чтении летописных известий: «Бурундай богатырь» превратилось в «Бурундай, Бастырь».

[13] Продолжительность осады монголами Киева неизвестна. По поздним известиям, она затянулась более чем на два месяца. Пал город 5–6 декабря 1240 г.

[14] Местоположение волынского городка Ка-

менца остается дискуссионным. Возможно, его следует связывать с современным городом Камень-Каширский в Волынской области Украины. Отождествление князя Изяслава, уделом которого в 1240 г. был Каменец, с Изяславом Владимировичем (1186–?), внуком главного героя «Слова о полку Игореве», сомнительно.

[15] Бела IV — венгерский король в 1235–1270 гг.

[16] В битве при Шайо (1241), в которой венгерские войска были разгромлены основными монгольскими силами, соотношение сторон обычно рассматривается как равноценное. Венгерское войско, по разным оценкам, насчитывало от 25 000 до 50 000 человек. Даже если принять во внимание, что в 1240 г. войско Бату покинули отряды Гуюка и Мунке, а вспомогательный корпус Байдара весной 1241 г. действовал самостоятельно в Польше, цифра, приводимая Карамзиным, представляется совершенно нереалистичной. Практика взимания с добровольно покоряющихся областей десятой части их военного потенциала (как видно из требования к рязанским князьям) не могла во время Западного похода кардинально увеличить монгольское войско, хотя бы потому, что случаев добровольного подчинения известно немного.

[17] Захват жены Михаила Всеволодовича, Олены Романовны (1170-е — после 1241), приходившейся сводной сестрой Даниилу Галицкому, состоялся уже после разгрома монголами Черниговского княжества и отъезда ее мужа из Киева в Венгрию.

[18] Бракосочетание Льва Даниловича (ок. 1228 — ок. 1301), будущего князя галицкого (с 1264 г.) и галицко-волынского (с 1292 г.), и Констанции Венгерской (1237–?) состоялось только в 1246/7 г.

[19] Конрад I — князь мазовецкий в 1200–1247 гг., великий князь польский в 1229–1232 и 1241–1243 гг.

[20] Болеслав I — старший сын Конрада I, князь плоцкий в 1234–1248 гг., князь мазовецкий в 1247–1248 гг.

[21] Мазовецкий город Вышогруд на Висле.

[22] Холм был основан Даниилом Галицким около 1235 г. После монгольского погрома играл роль резиденции Даниила Галицкого. В настоящее время польский город Хелм (Люблинское воеводство).

[23] Церковь Святого Иоанна Златоуста в Холме была украшена витражами («римскими стеклами»). Не сохранилась.

[24] Дрогичин — известный с XII в. важный центр

польско-русской торговли на севере Волынского княжества, в первой половине XIII в. был объектом борьбы мазовецких и галицко-волынских князей, а с 1240-х гг. подвергался нападениям литовцев. Именно в Дрогичине в 1254 г. Даниил Галицкий принял королевскую корону. В настоящее время польский город Дрохичин (Подляское воеводство).

[25] Соледобыча в районе галицкого городка Коломыя, расположенного в верхнем течении Прута. В настоящее время в Ивано-Франковской области Украины.

[26] Польский город Серадз на Варте контролировался в это время Конрадом I Мазовецким, союзником Даниила Галицкого. Михаил Всеволодович, не найдя в Мазовии помощи, отправился в 1240 г. дальше на запад, во владения Генриха II Благочестивого (великий князь польский в 1238–1241 гг., погиб в битве с монголами при Легнице). По-видимому, на этом пути Михаил был ограблен жителями Серадза, в котором была значительная немецкая община. В настоящее время Серадз находится в Лодзинском воеводстве Польши.

[27] Галицкий городок Бакота на Днестре в его среднем течении. Был расположен близ современного поселка Старая Ушица в Хмельницкой

области Украины.

[28] Болоховская земля, располагавшаяся в верховьях Южного Буга в пограничье Киевской, Волынской и Галицкой земель (соседние районы современной Житомирской, Хмельницкой и Винницкой областей Украины). В XII–XIII вв. здесь (как и в соседнем Поросье) проживало смешанное славяно-тюркское население, князья которого, по-видимому, имели местное происхождение, находясь в зависимости от соседних русских князей. В 1235 г. болоховские князья в качестве союзников Михаила Всеволодовича, занимавшего тогда Галицкий престол, уже были пленены Даниилом Романовичем (сидевшим вместе с братом на Волыни), но вскоре получили свободу.

[29] Речь идет об эпизоде борьбы за Краков и Великое княжение Польское, начавшейся после гибели Генриха II Благочестивого в 1241 г. между мазовецким князем Конрадом и сандомирским князем Болеславом, в которой Даниил был союзником Конрада. Поход Даниила на Люблин, входивший в состав Сандомирского княжества, имел место в 1245 г.

[30] Речь идет о гибели князя Мстислава (отчество неизвестно) Рыльского, которую летописи

относят к 1241 г. Где и при каких обстоятельствах произошло это событие, остается неясным. Рыльск был разорен монголами в числе других городков Черниговской и Северской земель еще в 1239 г.

[31] В 1236 г. меченосцы были разбиты литовцами в битве при Сауле, в которой погиб магистр (с 1209 г.) Фольквин (Вольквин) фон Наумбург.

[32] Герман фон Зальца (ок. 1179–1239) — Великий магистр Тевтонского ордена с 1209 г., принял участие в 5-м (1217–1221) и 6-м (1228–1229) Крестовых походах. С 1222 г. выступал в роли посредника в переговорах между императором Фридрихом II (1220–1250) и Папами Гонорием III (1216–1227) и Григорием IX (1227–1241). В 1226 г., после приглашения тевтонских рыцарей Конрадом I Мазовецким в свои владения для борьбы с пруссами, добился от императора гарантии права собственности ордена на Пруссию. В 1237 г. получил согласие Папы на включение меченосцев в состав Тевтонского ордена.

[33] Андреас фон Фельбен — магистр Ливонского ордена в 1241–1242 и 1248–1253 гг.

[34] Эрик XI Шепелявый — шведский король в 1222–1229 и 1234–1250 гг. О его роли в событиях 1240 г. ничего не известно.

[35] Биргер Магнуссон (ок. 1210–1266) в 1237 г. женился на Ингеборге, сестре короля Эрика XI. С 1248 г. — ярл (правитель) Швеции. После смерти Эрика XI добился провозглашения королем своего малолетнего сына Вальдемара I (король в 1250–1275 гг.), при котором осуществлял регентскую власть. Версия о причастности Биргера к Невской битве опирается на «Рукописание Магнуша» — новгородское публицистическое сочинение рубежа XIV–XV вв., написанное в форме завещания правнука Биргера, Магнуса Эриксона (король Швеции в 1319–1364 гг., Норвегии в 1319–1343 гг.). Карамзин указывает на ненадежность «Рукописания», но принимает версию о руководстве Биргера. В основных источниках о Невской битве Биргер не упоминается, в «Повести о житии Александра Невского» предводитель шведов именуется безымянным «королем», а в Первой Новгородской летописи — «князем», затем в летописи говорится, что в битве «убит был воевода их, именем Спиридон».

[36] Спиридон — архиепископ новгородский в 1230–1249 гг.

[37] В «Повести о житии Александра Невского»: «…а на лице самого короля оставил печать острого копья своего».

[38] Здесь и далее Карамзин употребляет слово «чиновник» в значении, получившем распространение в Московском государстве XVI–XVII вв.: служилый человек, имеющий чин; дворянин.

[39] Ярослав Владимирович (ум. 1245), из смоленской княжеской семьи, по-видимому, представлял собой еще один пример русского князя этого времени, стремившегося возвыситься за счет западной помощи. После прекращения княжения в Пскове его отца, Владимира Мстиславича (см. примеч. 50 к тому 3), подолгу проживал в Ливонских землях (вероятно, перешел в католицизм, женился и получил владение), в 1222 и 1233 гг. сражался вместе с рыцарями против вторгавшихся в орденские земли новгородцев и вновь выступил с ними в 1240 г.

[40] Замок Феллин был основан в южной части земель эстов при завоевании их меченосцами в 1224 г. Ныне город Вильянди в Эстонии.

[41] Ораниенбаумский уезд Санкт-Петербургской губернии в 1849 г. был переименован в Петергофский. Его территория в настоящее время включает в себя в основном Ломоносовский район и северную часть Волосовского района Ленинградской области.

[42] Известное с XIII в. поселение Тесов на реке

Оредеж, в 60 км к северо-западу от Новгорода. Ныне деревня Ям-Тесово на юго-западе Ленинградской области.

[43] Андрей Ярославич (ок. 1222–1264) — великий князь владимирский в 1248–1252 гг., князь суздальский в 1256–1264 гг. Основоположник династии суздальско-нижегородских князей.

[44] Сведения почерпнуты из «Хроники Тевтонского ордена» (вторая половина XV в.), согласно которой общие потери при взятии Александром Ярославичем Пскова и в битве на Чудском озере составляют 70 человек. При этом неясно, откуда берет данную цифру сам автор «Хроники Тевтонского ордена», поскольку в изложении событий войны 1240–1242 гг. он целиком опирается на сообщения «Ливонской рифмованной хроники» конца XIII в., где приводятся значительно более скромные потери «орденских братьев». В частности, в ней сообщается, что в Пскове в 1240 г. были оставлены всего два рыцаря во главе немецкого отряда, и они бежали от Александра и новгородцев при занятии ими Пскова весной 1242 г. Те же цифры приведены и в «Ливонской хронике» Г. фон Вартберга (вторая половина XIV в). В русских источниках при описании псковских событий 1242 г. цифры потерь ордена не приводятся.

[45] Здесь Карамзин вольно пересказывает Первую Новгородскую летопись: «…и пало чуди без числа, а немцев 400, а 50 руками взяли и привели в Новгород». Данные о потерях рыцарей по «Ливонской рифмованной хронике»: 20 убиты и 6 взяты в плен. Для сравнения: по ливонским источникам, в катастрофической для меченосцев битве при Сауле погибли 48 рыцарей. К 1242 г. «братьев-рыцарей» Ливонского ордена вряд ли было значительно более сотни. При этом надо иметь в виду, что к рыцарям в походах присоединялись их немецкие оруженосцы и слуги, паломники и колонисты, в битве на Чудском озере принимали участие также воины Дерптского епископства. Все это воинство дополнялось отрядами покоренных эстов и ливов.

[46] Эрик IV Плужный Грош — датский король в 1241–1250 гг. Хотя северная часть земель эстов с начала 1220-х гг. принадлежала датчанам, ожидать от них в это время помощи ордену было сложно, поскольку Эрик IV находился в состоянии войны со своими братьями.

[47] Согласно Первой Новгородской летописи, речь идет о Латгалии. По-видимому, к 1242 г. мнение о вхождении Латгалии в сферу русского влияния еще оставалось актуальным. Александр

Ярославич в данном случае мог выступать в качестве представителя интересов своего тестя, полоцкого князя. Однако вследствие произошедшего вскоре перехода Полоцкой земли под контроль Литвы Латгалия перестала интересовать русских князей и, после ряда столкновений рыцарей с Литвой, к середине 1270-х гг. попала под власть ордена.

[48] Причиной этих столкновений 1245 г., по-видимому, также стала экспансия Литвы в Полоцкой земле. Несмотря на описание побед Александра, Первая Новгородская летопись отмечает, что он забрал сына своего из Витебска. Речь может идти только о малолетнем первом сыне Александра Василии, которого он, вероятно, пытался, но не смог утвердить в Витебском княжестве, самом восточном из уделов Полоцкой земли.

[49] Константин Ярославич (ок. 1231–1255) — один из младших сыновей великого князя Ярослава Всеволодовича, удельный князь Дмитрова и Галича-Мерского.

[50] Назвал «старейшим всем князьям в Русском языке». Ярослав Всеволодович первым из русских князей в 1243 г. отправился к Бату и был признан великим князем владимирским и киевским. В 1246 г. подтвердил свое значение у великого ха-

на в Монголии, но во время поездки скончался.

[51] Сын погибшего в Ситской битве Всеволода Константиновича Ярославского, Василий Всеволодович (до 1229–1249 гг.), князь ярославский в 1238–1249 гг.

[52] Михаил Ярославич Хоробрит (конец 1220-х — 1248) — князь московский с 1246 г., великий князь владимирский в 1248 г.

[53] Судя по тому, что сражения с литовцами в 1248 г. происходили на границах Смоленской и Владимиро-Суздальской земель (верхнее течение Протвы, левого притока Оки, находилось тогда в Смоленской земле; Зубцов — суздальская крепость близ смоленской и новгородской границы), значительная часть Смоленского княжества к этому времени контролировалась Литвой. Как в этой ситуации вели себя смоленские князья, остается неизвестным.

[54] Сартак — старший сын Бату, хан Золотой Орды в 1256 г.

[55] В это время Бату было немногим более 40 лет.

[56] Иннокентий IV — Римский Папа в 1243–1254 гг.

[57] Джованни Плано Карпини (ок. 1182–1252) — францисканский монах, первым из европей-

цев составил записки о своем путешествии в Монгольскую империю (в 1245–1247 гг.), которое он осуществил в качестве папского посла.

[58] Кирилл II (III) (ум. 1281) — митрополит киевский (ок. 1247–1281). Фактически начал управлять митрополичьей кафедрой при поддержке Даниила Галицкого с 1242 г.

[59] Далмат (ум. 1274) — архиепископ новгородский в 1251–1274 гг. Избран новгородцами в 1249 г.

[60] Хакон IV Старый — норвежский король в 1217–1263 гг. Тронхейм — древняя столица и церковный центр Норвегии.

[61] Речь идет о территориях саамов (лапландцев, лопарей) Финнмарке (самая северная область Норвегии) и Кольском полуострове (Лопь), население которых платило дань соответственно норвежским королям и Новгороду, что вызывало столкновения как между самими саамами, так и между сборщиками дани.

[62] Христина Норвежская (1234–1262) в 1257 г. стала женой принца Филипе Кастильского (1231–1274).

[63] Василий Александрович (ок. 1240–1271) — старший сын Александра Невского, князь новгородский в 1252–1255 и 1256–1257 гг.

[64] Причины «Неврюевой рати» остаются неясными. Борьба Ярославичей за великое княжение Владимирское резко обострилась после смерти в начале 1252 г. их последнего дяди, Святослава Всеволодовича Юрьевского, изгнанного в 1248 г. с великого княжения, но продолжавшего оставаться старшим в семье суздальских князей. Сложившийся к этому времени союз Андрея Ярославича с Даниилом Галицким имел антиордынский характер. В такой ситуации начало карательной монгольской экспедиции (по-видимому, под стандартным предлогом задержек в выплате дани) во время пребывания Александра Невского в Орде вызывает вопрос о его роли в этих событиях. Однако в источниках эта роль не раскрывается.

[65] Ярослав Ярославич (1230–1272) — князь тверской в 1247–1272 гг., основоположник династии тверских князей; великий князь владимирский в 1263–1272 гг.; новгородский князь в 1255–1256 и 1266–1267 гг. В событиях 1252 г. играл активную роль, поддерживая старшего брата Андрея, участвовал вместе с ним в битве при Переславле-Залесском, затем бежал в Псков и был на положении беглеца, находящегося во вражде с Александром Невским (в частности, был изгнан

им из Новгорода в 1256 г.), вплоть до поездки в Орду в 1258 г., по итогам которой получил прощение и вернулся в Тверь.

[66] Роман Олегович (1237–1270) — великий князь рязанский в 1258–1270 гг. Был казнен в Орде, по преданию, за хулу на ислам.

[67] Берке — сын Джучи, хан Золотой Орды в 1257–1266 гг.

[68] Улагчи в действительности был ханом Золотой Орды после неожиданной смерти Сартака в 1256 г. Вероятно, был одним из младших братьев Сартака. Именно с его вступлением на престол (по-видимому, был малолетним) связана очередная поездка в Орду русских князей, в ходе которой получил прощение и был утвержден князем суздальским Андрей Ярославич. Однако уже в 1257 г. Улагчи при неясных обстоятельствах сменил на престоле его дядя Берке, и вскоре известия о нем пропадают.

[69] Христианское имя жены Глеба Васильковича Белозерского — Феодора (ум. 1273). Иногда именуется дочерью Сартака, но был ли это покойный хан или какой-то ордынский вельможа, неизвестно.

[70] «Всякий злой от зла и погибнет», по выражению Первой Новгородской летописи. Стоит

обратить внимание, что казни подверглись отнюдь не новгородцы, а бояре Василия Александровича, должно быть приставленные к молодому князю самим Александром.

[71] Дмитрий Александрович (1250–1294) — второй сын Александра Невского, удельный князь переяславский в 1263–1294 гг. Несколько раз занимал Новгородский престол (в 1259–1266, 1272–1273, 1276–1281, 1283–1292 гг.). Великий князь владимирский в 1276–1281 и 1283–1294 гг.

[72] В 1250 и 1252 гг. в ходе развернувшейся с 1246 г. борьбы за наследство Фридриха II Воителя (герцог Австрии и Штирии в 1230–1246 гг.), который был последним мужским представителем австрийской династии Бабенбергов. Основными участниками этой борьбы были императоры Священной Римской империи, короли Богемии (Чехии) и Венгрии. Окончательно она завершилась только в 1278 г. с утверждением в Австрии и Штирии новой династии Габсбургов.

[73] Гертруда Австрийская (1226–1288) была не дочерью, а племянницей Фридриха II Воителя и являлась одной из возможных его наследниц. Заключенный в 1252 г. брак с Романом Даниловичем был для нее уже третьим (предыдущие мужья, чешский принц и баденский маркграф,

рано скончались).

[74] Роман Данилович (ок. 1230–1258) — князь луцкий; князь новогрудский с 1254 г. В 1252–1253 гг. претендовал на титул герцога Австрии и Штирии.

[75] Болеслав V Стыдливый — великий князь польский в 1243–1279 гг.

[76] В походе 1252 г. русско-польские войска вторглись в силезские владения Вацлава I (чешский король в 1230–1253 гг.), сын которого Пржемысл Оттокар (в 1253–1278 гг. чешский король Оттокар II) был в 1250–1251 гг. провозглашен герцогом Австрии и Штирии. Были разорены окрестности Троппау (ныне Опава в Чехии) и находящийся поблизости городок Носсельт (Насилье).

[77] В 1260 г. Даниил еще раз отправлял войска на помощь Беле IV, но тот был разбит Оттокаром II в битве при Крессенбрунне.

[78] Кярнаве (*рус.* Керново) впервые упоминается в 1279 г. как город во владениях Тройдена, Великого княжества Литовского в 1269–1282 гг. Кярнаве был заброшен в конце XIV в., в настоящее время литовская деревня в 40 км к северо-западу от Вильнюса. Где располагался в начале 1250-х гг. центр владений Миндовга, остается неясным. Предположение, что в этом качестве выступал

Кярнаве, было сделано польским историком М. Стрыйковским (ок. 1547 — ок. 1593) в сочинении «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси», которым для описания истории западнорусских земель пользовался Карамзин, хотя и отмечал фантастичность многих содержащихся там сведений, особенно касающихся происхождения литовских князей и ранней истории Великого княжества Литовского.

[79] Брак Даниила с племянницей Миндовга, сестрой Товтивила, был заключен в 1240-х гг.

[80] Частью этого похода стали столкновения с суздальскими князьями в 1248 г. на Протве и у Зубцова, о которых упоминалось выше. Товтивил (ум. 1264) к этому времени был князем полоцким. Где княжил Едивид, остается неизвестным.

[81] Наступление Даниила Галицкого на Миндовга в 1250–1251 гг.: Даниил поставил под свой контроль земли по среднему течению Немана с Городней (Гродно), Новогрудком, Слонимом и Волковыском (на западе современной Белоруссии), которые часто указываются в качестве важнейших владений Миндовга. При заключении мира в 1254 г. Понеманье было передано Роману Даниловичу, по-видимому с признанием

им формального старшинства Миндовга.

[82] Миндовг принял христианство в 1251 г. Предоставление ему короны в 1253 г. (так же как Даниилу Галицкому в начале 1254 г.) было итогом политики Иннокентия IV. Его преемник Александр IV (Папа в 1254–1261 гг.), по-видимому отказавшись от идеи привести под свой контроль русских князей, уже в 1255 г. попытался сделать ставку на Миндовга, разрешив ему возобновить войну с Даниилом Галицким.

[83] Шварн Данилович (ок. 1230–1269) — князь холмский с 1264 г., великий князь литовский в 1267–1269 гг. Имя его жены (с 1254 г.), дочери Миндовга, остается неизвестно.

[84] О возвращении Миндовга к язычеству упоминается только в ливонских источниках (под 1261 г.). Произошло это после возобновления конфликтов Литвы с орденом в конце 1250-х гг.

[85] Первое (после признания монгольского владычества в 1245 г.) столкновение Даниила Галицкого с Ордой из-за Бакоты произошло, вероятно, в 1253 г. Упоминаемый князь Изяслав (которого Карамзин считает Владимировичем и потомком северских князей) тот же самый, что и князь Каменца при разорении его монголами в 1240 г. (см. примеч. 14 к тому 4). Возможно,

целью похода Куремсы было восстановление Изяслава на княжении. Разбит и взят в плен Изяслав был Романом Даниловичем.

[86] То есть Болоховские земли. Идею совершить затем поход на Киев (находившийся тогда под контролем Александра Невского) летопись связывает с Миндовгом, который в 1256 г. прислал Даниилу помощь для взятия города Возвягля (ныне Новоград-Волынский в Житомирской области Украины). Однако Даниил захватил и сжег город до прибытия литовцев, а затем вернулся домой. Раздосадованные союзники начали разорять окрестности Луцка и были разбиты.

[87] Бурундай (Бурандай, Боролдой; ум. 1263) — известный монгольский военачальник. Именно он в 1238 г. одержал победу в Ситской битве. В 1258–1259 гг. совершил походы против Литвы и Польши, в ходе которых добился лояльности Орде Даниила Галицкого. В ходе этих событий ожидаемо испортились отношения Даниила с Миндовгом, причем Даниил лишился своего сына Романа, по-видимому захваченного в 1258 г. литовскими князьями и вскоре скончавшегося. В результате Понеманье вернулось под полный контроль Литвы.

[88] Земовит I (ок. 1215–1262) — князь мазовецкий

в 1248–1262 гг. В 1248 г. женился на Переяславе (ум. 1283), дочери Даниила Галицкого.

[89] На севере Волынского княжества. Ныне озеро Нобля в Ровненской области Украины.

[90] То есть выходцам из Хорезма, центром которого Хива стала только в XVII в. во времена Хивинского ханства.

[91] Хубилай — сын Толуя, великий хан монголов в 1260–1294 гг. В 1271 г. провозгласил себя императором новой китайской династии Юань.

[92] Константин Ростиславич (?) — князь смоленский в 1260-е гг. Был женат на дочери Александра Невского Евдокии.

[93] Богородице-Рождественский монастырь во Владимире, основанный в 1191/2 гг., имел значение важнейшего монастыря Владимиро-Суздальской земли. С 1230 г. его настоятели обладали чином архимандрита.

[94] Об этой княгине по-прежнему ничего не известно. Существует предположение, что Васса — монашеское имя Александры Брячиславовны.

[95] Обособление улуса Ногая произошло несколько позднее, так же как и заключение его брака с Евфросинией (1273).

[96] Михаил VIII — никейский император с 1259 г., византийский в 1261–1282 гг.

[97] Главным персонажем предыдущих двух глав был Андрей Александрович (ок. 1255–1304), князь городецкий с 1264 г., великий князь владимирский в 1281–1283 и 1294–1304 гг.

[98] Максим — русский митрополит в 1283–1305 гг.

[99] Ксения Юрьевна (ум. 1312), около 1265 г. стала второй женой князя Ярослава Ярославича Тверского.

[100] Борис Данилович (ум. 1320) — третий сын Даниила Александровича Московского, князь городецкий в 1311–1320 гг.

[101] О ситуации в Городецком княжестве, в состав которого входил тогда Нижний Новгород, существуют различные предположения. Согласно Карамзину, после смерти бездетного Андрея Александровича оно вернулось в состав великокняжеских земель, и волнения там в 1305 г. подавлял двоюродный брат покойного великого князя Михаил Андреевич (ум. 1305), князь суздальский с 1279 г. По другой версии, у Андрея Александровича на момент смерти был сын Михаил (ум. 1311), женившийся в Орде в 1305 г., который и занимался делами своего удела.

[102] Константин Романович (ум. 1306) — князь рязанский в 1299–1301 гг., попал в плен в 1301 г.

при захвате москвичами Коломны.

[103] По более распространенной версии, сына Константина Романовича звали Василием (ум. 1308), он управлял Рязанским княжеством в годы пленения своего отца, после его смерти стал князем рязанским (1306–1308), но в 1308 г. был убит в Орде.

[104] Александр Данилович (ум. 1308) — второй сын Даниила Александровича Московского.

[105] Магистром Ливонского ордена с 1298 по 1307 г. был Готфрид фон Рогге, а с 1309 по 1322 г. — Герхард фон Йорк. Никаких значимых столкновений ордена с Псковом или Новгородом в это время не отмечается.

[106] Крепость Корела, близ впадения Вуоксы в Ладожское озеро, была построена новгородцами в 1310 г. Шведское название — Кексгольм. Ныне город Приозерск в Ленинградской области.

[107] По-видимому, современная река Кокемяэнйоки (*швед*. Кумо) на юго-западе Финляндии.

[108] Вероятно, поселение у замка Тавастгус, построенного в середине XIII в. у озера Ванаявеси. Ныне город Хямеэнлинна на юго-западе Финляндии.

[109] Давид (ум. 1325) — архиепископ новгородский в 1309–1325 гг.

[110] Абулгази (Абу-ль-Гази; 1603–1664) — хивинский хан в 1443–1463 гг. Автор ряда исторических сочинений, из которых «Родословная тюрок» использовалась Карамзиным.

[111] Федор Юрьевич (ум. 1348), происходивший из смоленской княжеской семьи. Представитель появляющегося в это время типа мелких удельных князей (князь фоминский, в какой-то момент стал князем более значительного Ржева, но в 1316 г. лишился его по воле великого князя Михаила Ярославича), связывающих свою судьбу со службой более значительным государям (Федор и после событий 1314–1316 гг. находился на московской службе, в том числе в качестве новгородского наместника). В этот период потомки таких князей, по-видимому, быстро утрачивали как свои наследственные уделы, так и княжеское достоинство. В частности, потомки Федора Юрьевича Ржевского уже в начале XV в. дали начало дворянским родам Полевых и Еропкиных.

[112] Афанасий Данилович (ум. 1322) — младший сын Даниила Александровича Московского. В 1315–1316 и 1319–1322 гг. князь новгородский по воле своего старшего брата Юрия Даниловича.

[113] В 1293 г. во время «Дюденевой рати» ордынцы не стали нападать на готовую к обороне

Тверь.

[114] Бортново до нашего времени не сохранилось. Рядом с местом битвы находится деревня Балашутино (Тверская область, в 80 км южнее Твери).

[115] Ныне город Турку на юго-западе Финляндии.

[116] Константин Михайлович (1306–1345) — третий сын Михаила Ярославича, князь тверской в 1327–1338 и 1339–1345 гг.

[117] Анна (ок. 1280–1368) — дочь князя Дмитрия Борисовича Ростовского, в 1294 г. вышла замуж за Михаила Ярославича Тверского.

[118] Менгу-Тимур — дед Узбека, хан Золотой Орды в 1266–1282 гг. Продолжал начавшуюся еще при Берке борьбу против ближневосточного монгольского государства Хулагуидов за господство над Кавказом, одним из эпизодов которой был захват северокавказского города Тетякова (Дедякова), местоположение которого остается спорным.

[119] Северокавказский город на реке Куме, был одним из крупнейших торговых центров Золотой Орды. В XV–XVI вв. пришел в упадок. На его месте находится город Буденновск в Ставропольском крае.

[120] Спасский монастырь был основан в Московском кремле князем Даниилом Александровичем. В 1330 г. по инициативе Ивана Калиты на месте деревянной церкви был построен каменный монастырский собор Спаса Преображения на Бору (второй каменный храм в Москве). При перестройке Московского кремля на рубеже XV–XVI вв. Спасский монастырь был переведен за его пределы, а собор, ставший одной из дворцовых церквей, перестроен. Собор был снесен в 1933 г.

Том 5

[1] Мурад — хан Золотой Орды в 1362–1364 гг. Пришел к власти в ходе «великой замятни» (1359–1380), захватив власть в столице Орды, на протяжении всего правления боролся с другими претендентами на престол.

[2] Абдуллах — хан Золотой Орды в 1367–1368 и 1369–1370 гг. Был ставленником Мамая, который провозгласил его ханом в 1361 г., но признавался только на территориях, контролируемых Мамаем.

[3] Карамзин, по-видимому, отличает этого Ивана Федоровича от упоминаемого им ниже белозерского княжича Ивана (ок. 1350–1380), который вместе со своим отцом Федором Романовичем, князем белозерским в 1339–1380 гг., погиб в Куликовской битве. Под «бывшим владетелем белозерским» следует понимать Федора Михайловича, князя белозерского в 1293–1314 гг. Но о существовании у него сына Ивана нет информации в источниках.

[4] Ликвидация удельной системы стала проводиться московскими властями только через 100 лет, в правление Ивана III. Приводимые

ниже Карамзиным примеры свидетельствуют лишь о стремлении Москвы, при возобновлении борьбы за великое княжение Владимирское в начале 1360-х гг., воспользоваться итогами политики Ивана Калиты и Семена Гордого, при которых ряд мелких удельных князей Владимиро-Суздальской земли попали в зависимость от усиливающихся московских князей.

[5] Изгнанного в 1363 г. Ивана Федоровича (князь стародубский в 1356–1363 гг.) на Стародубском престоле сменил его младший брат Андрей, по-видимому более лояльный Москве. Галич-Мерское княжество было (наряду с Белоозером и Угличем) одной из «купель» Ивана Калиты, в 1360–1363 гг. в нем княжил Дмитрий Борисович (?), после изгнания которого Галич окончательно перешел под контроль Москвы. Константин Васильевич (ум. 1365), князь ростово-борисоглебский около 1320–1364 гг., по-видимому, пытался воспользоваться ситуацией начала 1360-х гг., чтобы поставить под свой контроль все Ростовское княжество (с 1320-х гг. делилось на уделы), но был в 1364 г. изгнан в Устюг своим племянником Андреем Федоровичем Ростово-Усретинским (ок. 1330–1409) при поддержке московских войск.

[6] Андрей Константинович (нач. 1320-х — 1365)

— великий князь суздальско-нижегородский в 1355–1365 гг., старший брат Дмитрия Константиновича. Не принимал активного участия в борьбе начала 1360-х гг., по-видимому из-за болезни.

[7] Великая княгиня Александра Ивановна (урожд. Вельяминова; ум. 1364) и младший брат Дмитрия Иван Иванович (1354–1364), князь звенигородский.

[8] Великая княгиня Ульяна, вторая жена Ивана Калиты, по завещанию которого получила в 1340 г. удел в Московском княжестве. После смерти Ульяны (не позднее середины 1370-х гг.) ее удел был разделен между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем.

[9] Азиз-шейх — хан Золотой Орды в 1365–1367 гг.

[10] Борис Константинович (ум. 1394) — князь городецкий с 1355 г., князь нижегородский в 1365, 1383–1387, 1390–1393 гг.

[11] Евдокия Дмитриевна (1353–1407), жена Дмитрия Ивановича Московского с 1366 г.

[12] Евстафий (ум. 1360) при невыясненных обстоятельствах оказался на княжении в Изборске не позднее 1322 г. Происхождение остается неясным. Известен в основном многочисленными стычка-

ми с ливонцами. Около 1349–1356 и в 1358–1360 гг. был князем псковским.

[13] Супругой князя Константина Васильевича была Мария (ум. 1365), одна из дочерей Ивана Калиты. Сильнее всего эпидемия зимой 1364/65 г. затронула тверской княжеский дом, главой которого в это время был Василий Михайлович Кашинский (князь тверской в 1349–1368 гг.). Болезнь унесла четырех его племянников (отношения с которыми у Василия Михайловича были очень напряженными): Всеволода Александровича Холмского, Андрея Александровича Зубцовского, Владимира Александровича (а также их мать, вдовствующую великую княгиню Анастасию) и Семена Константиновича Дорогобужского.

[14] Владимир Дмитриевич Пронский — великий князь рязанский в 1371–1372 гг., приходился троюродным племянником Олегу Ивановичу Рязанскому.

[15] Сражение 1365 г. под Шишевским лесом, приблизительно в 80 км к юго-востоку от Переяславля-Рязанского.

[16] Тверской городок Микулин, первым удельным князем которого был Михаил Александрович. Ныне село Микулино на северо-западе

Московской области.

[17] Еремей Константинович Дорогобужский (ум. 1372).

[18] Ульяна (Юлиания) Александровна (ок. 1330–1391), с 1350 г. вторая жена великого князя литовского Ольгерда. В числе их детей был Ягайло, будущий великий князь литовский и основатель королевской династии Ягеллонов.

[19] Елена, дочь Ивана Александровича (князь смоленский в 1313–1359 гг.), жена (с 1329 г.) Василия Михайловича Кашинского.

[20] Михаил Васильевич (1331–1373) — князь кашинский в 1362–1373 гг. С 1349 г. был женат на Василисе, дочери Семена Гордого. Как и другие кашинские князья, придерживался преимущественно промосковской ориентации.

[21] Ржев стал объектом постоянной борьбы Великого княжества Литовского, Москвы и Твери с 1330-х гг., что было связано, по-видимому, с окончательным умалением значения местных удельных князей и ослаблением во второй четверти XIV в. Тверского княжества, которое включало Ржевские земли в сферу своего влияния в начале XIV столетия. В 1356 г. летописи впервые отмечают пребывание в Ржеве литовских войск, в 1358 г. они были выбиты оттуда

московскими отрядами из Можайска и Волока Ламского, но в 1359 г. Ржев снова перешел под литовский контроль.

[22] Андрей Ольгердович (ум. 1399) — один из старших сыновей Ольгерда от его первой жены, Марии Ярославны Витебской. Князь полоцкий в 1342–1377, 1381–1387 гг. Неоднократно (в 1341–1349, 1377–1385 и 1394–1399 гг.) занимал также Псковский престол.

[23] Овладение Ржевом в 1368 г. князем серпуховским было кратковременным. В 1370-е гг. Ржев вновь контролировался Великим княжеством Литовским.

[24] Полонга — литовский городок на берегу Балтийского моря. Ныне город Паланга на западе Литвы. Бирута (ум. 1382) — жена Кейстута, великого князя литовского в 1381–1382 гг.

[25] Святослав Иванович — князь смоленский в 1359–1386 гг.

[26] Семен Дмитриевич Крапива, сын Дмитрия Федоровича (князь стародубский в 1330–1355 гг.), по-видимому, не имел своего удела в Стародубском княжестве и находился на московской службе. Оболенск — городок на реке Протве, который в XIII–XV вв. был столицей удельного Оболенского княжества. Ныне село Оболенское

на северо-востоке Калужской области.

[27] По летописным данным, битва состоялась на реке Тростне. Поскольку войско Ольгерда двигалось к Москве с юга (со стороны Оболенска), сопоставление места битвы с Тростенским озером (расположенным в 70 км к западу от Москвы) вызывает сомнение.

[28] Хотя Москва в 1368 г. впервые столкнулась со столь значительными литовскими силами, по своему характеру поход Ольгерда не отличался от крупных военных предприятий русских князей удельного времени.

[29] Вильгельм фон Фримерсхайм был магистром Ливонского ордена в 1364–1385 гг. Фромхольд фон Фифхузен — рижский архиепископ с 1348 по 1369 г.

[30] Нет иных подробностей об Александре, княжившем в Пскове в 1360-х гг.

[31] Приграничный замок Нейгаузен на территории Дерптского епископства. Его руины в настоящее время расположены около поселка Вастселийна на юго-востоке Эстонии.

[32] После убийства в 1367 г. хана Азиз-шейха борьба за столичный регион Золотой Орды возобновилась, и к 1370 г. временным победителем из нее вышел Мамай, который вместо скончавшего-

ся в этом году Абдуллаха провозгласил ханом его сына Мухаммеда Булака (хан Золотой Орды под контролем Мамая в 1370–1372, 1375 гг.).

[33] Фоминско-Березуйское княжество на севере Смоленской земли, как и соседнее с ним Ржевское княжество, в XIV в. стало объектом экспансии соседей. Василий Иванович (ум. 1370) был одним из представителей местной княжеской семьи, которые в это время часто оказывались на московской службе.

[34] Перемышль — городок на севере Серпуховского княжества, приблизительно в 50 км южнее Москвы. Располагался близ нынешней деревни Дмитрово (Московская область).

[35] Елена Ольгердовна (конец 1350-х — 1437) — жена Владимира Андреевича Серпуховского (с 1371 г.).

[36] Такая характеристика Ольгерда не опирается на данные исторических источников и не отражает ситуации рубежа 1360–1370-х гг. Связанный династически с русскими князьями, контролировавший к этому времени Полоцкие, Волынские, Турово-Пинские, Киевские и Черниговские земли, в которых он и его дети воспринимались как христианские князья, Ольгерд носил титул «великий князь литовский и русский» и явно

выступал в это время в качестве объединителя русских земель, а после битвы на Синих Водах еще и как освободитель от ордынского ига. Причем в войне 1368–1372 гг. как на стороне Ольгерда, так и на стороне Дмитрия Московского действовали влиятельные независимые русские князья (смоленские с тверскими и рязанские соответственно).

[37] Иван Михайлович (1357–1425) — великий князь тверской в 1399–1425 гг.

[38] Речь идет о конфликте 1350-х гг., причиной которого был городок Лопасня, расположенный на правом («рязанском») берегу Оки, но в начале XIV в. захваченный Москвой. Лопасня находилась близ нынешней деревни Макаровка (на севере Тульской области).

[39] Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский (ум. после 1389) — по-видимому, второстепенный волынский князь (часто отождествляется с племянником Ольгерда, Дмитрием Кориатовичем), перебравшийся на московскую службу, где он выдвинулся в качестве боярина и полководца, однако, когда именно это произошло (а также когда он женился на сестре Дмитрия Московского), остается неясным.

[40] У села Скорнищево, близ Переяславля-Ря-

занского.

[41] Друцкое княжество было одним из уделов Полоцкой земли, и местные князья (их происхождение остается неясным) признавали верховную власть великих князей литовских.

[42] Скудельница — коллективные захоронения.

[43] Дионисий (ум. 1385) — епископ (архиепископ с 1380 г.) суздальский в 1374–1385 гг., претендент на русский митрополичий престол в 1380 и 1383–1385 гг.

[44] Владетельные удельные князья не находились на положении служащих, часть из них (удельные князья Владимиро-Суздальской земли) признавали Дмитрия Ивановича «старейшим» в качестве великого князя владимирского. Из их числа ранее не упоминались: Василий (даты жизни неизвестны) и Александр (ум. 1404), князья ростово-борисоглебские, находившиеся на княжении после смерти их отца Константина Васильевича в 1365 г.; двоюродные братья Василий Васильевич и Федор Михайлович, бывшие в 1360–1370-е гг. соответственно ярославским и моложским князьями; Федор Романович (ум. 1380), князь белозерский (хотя Белоозеро было «куплей» Ивана Калиты, основная территория Белозерского княжества отошла Москве только

после гибели Федора Романовича и его сына на Куликовом поле). Союзниками (но не слугами) Москвы были: Иван Васильевич Селеховский (ум. 1386), который, вероятно, был прислан к Дмитрию своим дядей Святославом Ивановичем Смоленским; Василий Михайлович (ум. 1382), князь кашинский в 1373–1382 гг.; Роман Михайлович Брянский (ум. 1401), по-видимому сохранявший в это время номинальную самостоятельность в качестве великого князя черниговского, так как в Брянском княжестве Ольгерд около 1372 г. посадил своего сына Дмитрия (ум. 1399); владетельные новосильский, оболенский и тарусский князья.

[45] Евфимий (ум. 1392) — епископ тверской в 1374–1390 гг.

[46] Сретенский монастырь был основан в 1397 г. на северной окраине Москвы. В настоящее время находится в центре города на улице Большая Лубянка.

[47] Василий Дмитриевич Кирдяпа (ок. 1350–1403) — старший сын Дмитрия Константиновича, князь суздальский, князь суздальско-нижегородский в 1387–1390 гг. Родоначальник князей Шуйских.

[48] Неизвестный по имени автор «Казанской истории» (1564–1566), 20 лет проживший в Казани

как пленник и слуга казанских ханов. К тексту «Казанской истории» Карамзин неоднократно обращается при описании русско-казанских отношений.

[49] Иван Дмитриевич (ок. 1355–1377) — суздальский княжич. О князе Семене Михайловиче более ничего не известно.

[50] Спасо-Преображенская церковь — первый каменный храм в Нижнем Новгороде (освящена в 1352 г.). Была разобрана в XVII в. после постройки рядом нового Спасо-Преображенского собора (не сохранился).

[51] Семен Дмитриевич (ум. 1402) — князь суздальский, князь нижегородский в 1399 г. Основатель младшей ветви князей Шуйских.

[52] Правильнее, первая победа, одержанная под руководством московского князя.

[53] Это известие впервые появляется только в источниках XVI в.

[54] Кейстут выступил против Ягайло только в 1381 г. и погиб в плену в 1382 г. Первыми противниками великого князя литовского Ягайло стали его старшие сводные братья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский.

[55] Стародуб и Трубчевск — городки Брянского княжества, где правил тогда Дмитрий Ольгер-

дович. По-видимому, демонстрация поддержки Москвы этому князю, находящемуся в конфликте с Ягайло, была основной целью похода 1379 г.

[56] Вопрос о сохранении единства русской митрополии резко обострился при Филофее (патриархе константинопольском в 1353–1354 и 1364–1376 гг.), который в 1354 г. поставил митрополита Алексия и в дальнейшем неоднократно его поддерживал. Однако в 1370 г. Филофей столкнулся с требованием польского короля Казимира III (1333–1370) открыть особую митрополию в Галиции (Польша овладела ею в 1350-х гг.) и в 1371 г. поставил туда митрополита Антония. В том же году с аналогичной просьбой в отношении епархий, находящихся на территории Великого княжества Литовского, к Филофею обратился Ольгерд: он упрекал Алексия за то, что тот «благословляет москвичей на пролитие крови» и не посещает западно– и южнорусские епархии. В декабре 1375 г. митрополитом «киевским, русским и литовским» был поставлен Киприан с перспективой объединить под своей властью всю русскую митрополию после Алексия, но окончательно ему удалось это сделать только в 1389 г. Скончался митрополит Киприан в 1406 г.

[57] Кафа, организованная в 1266 г. как генуэз-

ская торговая фактория, вскоре стала центром колониальных владений Генуи в Северном Причерноморье и сохраняла это значение до захвата в 1475 г. турками-османами. Остатки генуэзской крепости Кафы находятся на территории современной Феодосии.

[58] Район Константинополя на северном берегу залива Золотой Рог.

[59] Пимен (ум. 1389) — настоятель Горицкого монастыря в Переславле-Залесском, русский митрополит в 1380–1387 гг.

[60] В 1379–1390 гг. византийским императором был Иоанн V. Нил Керамей — патриарх константинопольский в 1379–1388 гг.

[61] Пимен в 1380 г. стал митрополитом киевским и всей Руси, тогда как Киприан должен был ограничиться саном митрополита Малой Руси и Литвы.

[62] Карамзин пропустил эпизод первого появления Киприана в Москве в 1378 г. (после смерти митрополита Алексия). В тот раз по приказу Дмитрия Ивановича он и его свита были арестованы, лишены имущества и изгнаны за пределы Московского княжества.

[63] В русских летописях в этом месте упоминаются буртасы — этнос тюркского или фин-

но-угорского происхождения, проживавший в IX–XIV вв. в Среднем Поволжье, близ южных границ Волжской Булгарии. Информацию о «буртанах» Карамзин почерпнул из сочинения Плано Карпини, где упоминается о северокавказских «брутахиях, которых считают иудеями».

[64] Численность войск Дмитрия остается предметом дискуссии. Как правило, цифры, которые приводятся в русских источниках, рассматриваются как литературное преувеличение. Созданная, по-видимому, в середине XV в. «Летописная повесть о Куликовской битве», на которую главным образом опирается Карамзин при изложении событий 1380 г., определяет силы Дмитрия еще до соединения с Ольгердовичами в «полтораста тысяч или двести» (Карамзин предпочитает наименьшую цифру для оценки уже совокупных сил). В более близкой к Куликовской битве по времени создания «Задонщине» указывается 300 000 ратников (70 000 привели Ольгердовичи), из которых 250 000 погибли в битве. Эти цифры повторяются и в «Сказании о Мамаевом побоище» (середина XV в.). Вызывают сомнения и известия об исключительности масштабов похода 1380 г. По-видимому, его надо поставить в один ряд с другими крупными акциями Дмитрия Ивано-

вича (Тверской поход 1375 г., Булгарский поход 1376 г., поход на Вожу 1378 г.). Примечательно, что перечень князей, приведших свои силы на помощь московскому князю в 1375 и 1380 гг., почти полностью совпадает, за исключением отсутствовавших в 1380 г. суздальско-нижегородских князей и присоединившихся к Дмитрию в Донском походе Ольгердовичей.

[65] Джанибек — хан Золотой Орды в 1342–1357 гг.

[66] Герасим (ум. 1388) — епископ коломенский около 1375–1388 гг.

[67] Одоев — городок на севере Новосильского княжества, глава которого, Роман Семенович (ум. после 1402), был в это время союзником Москвы. Ныне поселок на западе Тульской области.

[68] Указан ошибочно из-за превращения упоминаемого в ранних редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» «юноши Степана Новосильцева» (вероятно, родственник московского окольничего Якова Юрьевича Новосильца) в «князя Стефана Новосильского» в поздних редакциях «Сказания». По другим источникам такой новосильский князь неизвестен.

[69] Верховья реки Мечи располагались к юго-западу от Куликовского поля. Ныне река Красивая

Меча, правый приток Дона.

[70] Эти данные Карамзин берет из сочинения «Вандалия» гамбургского богослова и историка А. Кранца (ок. 1448–1517), в примечаниях он приводит и известие из «Хроники Прусской земли» (начало XV в.), согласно которому в битве с каждой стороны погибло около 40 000 человек. Сообщение же «Сказания о Мамаевом побоище» о 250 000 погибших воинах Дмитрия при 50 000 уцелевших Карамзин считает «нелепостью».

[71] Тарусские уделы (городок Таруса на Оке сейчас находится на северо-востоке Калужской области) располагались на южных границах Московского княжества и к началу XV в. перешли под его полный контроль. К Федору Тарусскому возводили свое происхождение князья Волконские.

[72] Подмосковный Симонов монастырь был основан в 1370-х гг. Располагался на берегу реки Москвы к юго-западу от города. Большая часть зданий монастыря была снесена в 1930 г.

[73] Немецкие источники сообщают, что при возвращении войско Дмитрия подверглось нападению литовцев, соединившихся с остатками разбитых татар, в результате чего была потеряна захваченная добыча и понесен значительный урон.

[74] Урус-хан (ум. 1377) выдвинулся во время «великой замятни» в качестве правителя территорий по нижнему течению Сырдарьи и степей Северного Приаралья. В 1372–1374 и 1375 гг. захватывал престол Золотой Орды.

[75] Большой и Малой Бухариями во времена Карамзина в России назывались соответственно Западный и Восточный Туркестан, которые в XIII — первой половине XIV в. входили в состав монгольского Чагатайского улуса. Западный Туркестан (в будущем территория Бухарского государства) в 1370-е гг. составил ядро империи Тимура, тогда как Восточный Туркестан (ныне Синьцзян-Уйгурский район Китая) хотя и являлся объектом экспансии Тимура, но ни к началу 1380-х гг., ни впоследствии так и не был полностью им покорен.

[76] Сведений о князе Остее (ум. 1382) мало: предполагается, что он был сыном Андрея или Дмитрия Ольгердовичей, его биография до появления в Москве в 1382 г. неизвестна.

[77] Владимир Ольгердович (ум. после 1398) — один из сыновей Ольгерда от первого брака. На княжение в Киеве был посажен отцом, по-видимому после битвы на Синих Водах (1362), и удерживал престол до 1395 г., когда был пере-

мещен великим князем литовским Витовтом в Копыльский удел (Турово-Пинская земля).

[78] Александр Михайлович (ок. 1360–1389) — князь кашинский около 1382–1389 гг.

[79] Федор Олегович (ум. 1427) — великий князь рязанский в 1402–1408 и 1409–1427 гг. Его жена Софья (ок. 1372–1427) была старшей дочерью Дмитрия Московского.

[80] В XIV в. Новгородская республика, обычно признававшая в качестве своих князей великих князей владимирских, давала «в кормление» уделы на своих северо-западных границах различным литовским князьям. Первым таким князем в 1330-е гг. был Наримунт (Глеб) Гедиминович (ок. 1294–1348). В таком же качестве в 1383/4 г. в Новгород был призван один из его сыновей, Патрикей Наримунтович (ок. 1340 — после 1408). От него вели свое происхождение князья Патрикеевы, Булгаковы, Куракины и Голицыны.

[81] Алексий (ум. 1390) — архиепископ новгородский в 1360–1388 гг.

[82] Лугвений (Семен) Ольгердович (ок. 1360–1431) — князь мстиславский (с 1392 г.), в 1389–1392 и 1407–1412 гг. был князем новгородским.

[83] Людовик Великий — венгерский король в 1342–1382 гг., польский король в 1370–1382 гг.

[84] Мнение о глубоких противоречиях между католиками и православными в Великом княжестве Литовском отражает реалии последующих столетий. Ягайло, как и его предшественники и ближайшие преемники на Литовском престоле, исходил из приоритета политических интересов перед религиозными различиями (примером чего стала и Кревская уния), хотя эти различия, конечно, имели большое политическое значение и использовались как самим Ягайло, так и его противниками. В конце XIV в. даже формальный переход в католицизм был для Ягайло чреват серьезными осложнениями, не случайно уже в 1386 г. он удалился в Польшу (где его положение также было непрочным), оставив фактическим наместником Литвы брата Скиргайло, а после войны 1389–1392 гг. должен был признать великим князем Витовта.

[85] Скиргайло Ольгердович (ок. 1354–1397) — младший брат и сподвижник Ягайло; существуют известия о его крещении как по православному (с именем Иван), так и по католическому (Казимир) обряду. Князь полоцкий в 1377–1381 и 1387–1397 гг.; трокский в 1382–1392 гг.; киевский в 1395–1397 гг.

[86] Любарт (Дмитрий) Гедиминович (ум. 1383)

— младший сын Гедимина, будучи по жене родственником угасшей династии галицко-волынских князей, в 1340 г. стал князем галицко-волынским, но в борьбе с поляками и венграми в 1350-х гг. потерял Галицию, Волынь же сохранил за собой до самой смерти. Его сын Федор (ок. 1351–1431) был князем волынским в 1383–1390 гг., князем северским в 1394–1405 гг.

[87] Речь, по-видимому, идет о Конраде Целльнере фон Ротенштейне, Великом магистре Тевтонского ордена в 1382–1390 гг.

[88] Мстиславль — центр Мстиславского удельного княжества на западе Смоленской земли. Не позднее середины XIV в. вошел в состав Великого княжества Литовского. В настоящее время город в Могилевской области Белоруссии.

[89] Ныне река Вихра (правый приток Сожа), близ устья которой расположен Мстиславль.

[90] Глеб Святославич (ум. 1399) — князь смоленский в 1392–1395 гг. и его младший брат Юрий (ум. 1407), князь смоленский в 1386–1392 и 1401–1404 гг. В 1404 г. Смоленское княжество было окончательно присоединено к Великому княжеству Литовскому.

[91] Петр I — господарь молдавский в 1375–1391 гг.

[92] Договорная грамота 1388 г. не имела в этом смысле устанавливающего характера, скорее отражая ослабление (но отнюдь не отмену) принципа родового старшинства в отношении великого княжения за время господства удельных порядков и ордынского владычества. Это наглядно продемонстрирует борьба потомков Дмитрия Донского за великое княжение в XV в.

[93] Юрий Дмитриевич (1374–1434) — князь звенигородский, великий князь московский и владимирский в 1433 и 1434 гг.; Андрей Дмитриевич (1382–1432) — князь можайский; Петр Дмитриевич (1385–1428) — князь дмитровский; Иван Дмитриевич (ум. 1393) — умер в отрочестве.

[94] Константин Дмитриевич (1389–1433) — князь углицкий в 1410–1419 и 1421–1433 гг., наместник псковский (в 1406–1408 и 1411–1414 гг.), новгородский (в 1408–1414 и 1419–1421 гг.).

[95] Каменная Архангельская церковь в Московском кремле была построена в 1333 г. Служила усыпальницей московских князей. В 1505 г. была разобрана, и на ее месте был построен Архангельский собор.

[96] Речь идет о «Дигестах» Юстиниана, древнейшая рукопись которых была обнаружена в итальянском городе Амальфи в XII в.

[97] В 1393 г. Василий I приобрел у хана Тохтамыша ярлык на Нижний Новгород.

[98] Так Карамзин трактует посещение Алексием Орды в 1357 г., в ходе которого он получил от хана Бердибека (1357–1359) ярлык, подтверждающий освобождение духовенства и церковных земель от ордынского выхода, и, согласно преданию, излечил ханшу Тайдулу от глазной болезни.

[99] Когда в 1451 г. ордынцы сумели на несколько дней подойти к Москве и сжечь ее посад, митрополит Иона (1448–1461) оставался в кремле.

[100] Фотий — русский митрополит в 1408–1431 гг.

[101] Иоанн III — архиепископ новгородский в 1388–1415 гг.

[102] Московские воеводы князь Василий Иванович Оболенский (в 1443 г. нанес поражение ордынцам в битве на реке Листани; в 1450 г. взял Галич-Мерский, изгнав из него Дмитрия Шемяку) и Федор Васильевич Басенок (ум. ок. 1480), сыгравший большую роль на последнем этапе борьбы с Дмитрием Шемякой и победивший новгородцев под Русой в 1456 г.

[103] Сигизмунд I Старый — великий князь литовский и король польский в 1506–1548 гг.

[104] Поездка в 1437–1441 гг. русского митропо-

лита Исидора (1436–1441) на церковный собор, заключивший Флорентийскую унию.

[105] Владычная палата на территории Новгородского детинца, построенная по инициативе Евфимия II (архиепископа новгородского в 1429–1458 гг.). Сохранилась до нашего времени.

[106] Первая в Московском кремле каменная митрополичья резиденция и построенная при ней церковь Ризоположения неоднократно перестраивались. На месте старых митрополичьих палат при патриархе Никоне были построены ныне существующие Патриаршие палаты, церковь же в сильно измененном виде сохранилась до нашего времени.

[107] Известная Карамзину «Повесть о храбрости Александра, царя македонского» входит в комплекс «Александрий» — переводов популярного византийского романа об Александре Македонском, известных на Руси по крайней мере с середины XIII в. и сохранившихся в многочисленных списках. «Сказание об Индийском царстве» — перевод византийского литературного произведения XII в., оформленного как «послание» мифического индийского царя-христианина Иоанна византийскому императору, известно в русских списках с XV в. Также являющиеся

переложениями византийских произведений «Повесть о Синагрипе, царе Адоров и Наливския страны» и «Деяние прежних времен храбрых человек» были известны Карамзину по рукописям (XV в.) из погибшей в 1812 г. библиотеки Мусина-Пушкина. Последнее представляло собой перевод поэмы X в. о византийском герое Дигенисе Акрите и известно по более поздним русским спискам «Сказания о Девгении».

Том 6

[1] Мария (ок. 1442–1467) — дочь Бориса Александровича (великий князь тверской в 1426–1461 гг.), с 1452 г. жена князя Ивана Васильевича (будущий Иван III).

[2] Василий Иванович (1447–1483) — великий князь рязанский в 1456–1483 гг.

[3] Анна Васильевна (ок. 1450–1501) — дочь Василия II Темного, с 1465 г. жена Василия Ивановича Рязанского.

[4] То есть в земли Тверского княжества. По каменному Спасо-Преображенскому собору, построенному в Твери в конце XIII в. В XVII в. на его месте построили новый собор, который был разрушен в 1935 г.

[5] Речь идет о представителях московской династии, которые были врагами Василия II Темного и его сына и после завершения династической войны нашли убежище в Великом княжестве Литовском. Иван Дмитриевич (ок. 1437 — после 1471), сын Дмитрия Шемяки, с 1456 г. князь новгород-северский. Иван Васильевич (ум. 1507), сын находящегося в тюрьме Василия Ярославича Боровского, с 1456 г. князь клецкий (в Турово-

Пинской земле). Иван Андреевич (ум. ок. 1485), князь можайский в 1432–1454 гг., с 1454 г. князь стародубский (в Черниговской земле).

[6] Михаил Андреевич (ум. 1486) — двоюродный дядя Ивана III и младший брат бежавшего в Литву Ивана Можайского; князь верейский и белозерский с 1432 г. В 1483 г. его сын, князь Василий Михайлович Удалой (ум. ок. 1501), также бежал в Литву. После смерти Михаила Верейско-Белозерский удел был ликвидирован.

[7] Князь ростовский Владимир Андреевич (даты жизни неизвестны) находился на московской службе; псковский наместник в 1461–1462 гг. В 1474 г. вместе с другими родственниками продал наследственное Ростово-Борисоглебское княжество Ивану III.

[8] Князь звенигородский Иван Александрович (ум. 1476), московский воевода, представитель одной из ветвей верховских князей, утратившей свой удел в начале XV в.; псковский наместник в 1463–1466 гг.

[9] Князь Шуйский Федор Юрьевич (ум. 1476) — московский воевода; псковский наместник в 1467–1472 гг.

[10] Иона — архиепископ новгородский в 1458–1470 гг.

[11] Хаджи I Гирей — первый хан независимого Крымского ханства в 1441–1466 гг.

[12] Мария (ок. 1418–1484) — дочь князя Ярослава Владимировича Боровского, с 1433 г. жена великого князя Василия II; в 1478 г. постриглась в монахини с именем Марфа.

[13] Вознесенский женский монастырь на территории Московского кремля был основан в конце XIV в. В 1929 г. все строения монастыря были снесены.

[14] Феодосий (ум. 1475) — русский митрополит в 1461–1464 гг.

[15] Филипп I (ум. 1473) — русский митрополит в 1464–1473 гг.

[16] Чудов монастырь на территории Московского кремля был основан митрополитом Алексием в 1358 г. Снесен в 1929–1932 гг.

[17] Касим — сын основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда, первый правитель Касимовского ханства в 1452–1469 гг.

[18] Ибрагим — казанский хан в 1467–1479 гг. Мать Ибрагима после смерти мужа, казанского хана Махмуда, стала женой его младшего брата Касима.

[19] Князь Иван Юрьевич Патрикеев (ум. 1499) — один из наиболее влиятельных бояр при Иване

III, вероятный глава комиссии по составлению Судебника 1497 г. В 1490-х гг. был сторонником Дмитрия-внука. Незадолго до смерти попал в опалу и был насильно пострижен в монахи.

[20] Князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский (ум. 1478) — боярин, псковский наместник в 1460–1462 гг., первый новгородский наместник после ликвидации Новгородской республики в 1478 г.

[21] Князь Семен Романович Ярославский (ум. 1502) — боярин, псковский наместник в 1488–1491 гг.

[22] Князь Даниил Дмитриевич Холмский (ум. 1493) — безудельный тверской князь, перешедший в 1460-е гг. на московскую службу; боярин и знаменитый воевода.

[23] Андрей Васильевич Большой (1446–1493) — князь углицкий с 1462 г. и можайский с 1481 г. В 1492 г. по приказу Ивана III был арестован вместе с сыновьями и вскоре скончался в заключении. Его удел был ликвидирован.

[24] Казимир — великий князь литовский в 1440–1492 гг., король польский (Казимир IV) в 1447–1492 гг.

[25] Иван Дмитриевич Руно (ум. после 1478) — московский воевода.

[26] Князь Иван Иванович Звенигородский-Зве-

нец (ум. 1497) — боярин, московский воевода.

[27] Князь Федор Семенович Ряполовский-Хрипун (ум. 1506) — боярин. Погиб во время Казанского похода 1506 г.

[28] Князь Петр Васильевич Оболенский-Нагой (ум. 1510) — боярин; младший брат князя И. В. Стриги-Оболенского.

[29] Московский род Беззубцевых имел боярское, а не княжеское происхождение.

[30] Князь Даниил Васильевич Ярославский (ум. 1469) — московский воевода.

[31] Князь Василий Иванович Ухтомский — московский воевода.

[32] Юрий Васильевич (1441–1473) — князь дмитровский, можайский и серпуховской с 1462 г.

[33] Бежецкий Верх и Вологду в 1397–1398 гг.

[34] Внуки Владимира Ольгердовича Киевского, Семен (ок. 1420–1470) и Михаил (ок. 1425–1481) Олельковичи, князи слуцко-копыльские. Семен был в 1454–1470 гг. князем-наместником в Киеве, а Михаил в 1470–1471 гг. князем новгородским. Будучи лидерами православной группы литовских князей, Олельковичи часто вступали в конфликты с Казимиром IV. Михаил был казнен за участие в заговоре против великого князя литовского.

[35] Феофил (ум. 1484) — архиепископ новгородский в 1470–1483 гг. В 1480 г. был арестован по распоряжению Ивана III и, находясь в заключении, отрекся от сана.

[36] Зосима Соловецкий (ум. 1478) — один из основателей и первых настоятелей Соловецкого монастыря.

[37] Григорий Болгарин — митрополит киевский в 1458–1473 гг.

[38] Попытки трактовать события XV в. через концепцию естественного права в смысле нарушения «коренных государственных законов» и естественных границ нации являются явным анахронизмом.

[39] Холмский погост на реке Ловати. Ныне город Холм на юге Новгородской области.

[40] Василий Васильевич Шуйский-Гребенка (ум. после 1480) — князь псковский в 1448–1455 гг. С 1455 г. жил в Новгороде, по-видимому в качестве воеводы на содержании республики; его руководство новгородскими войсками в столкновениях с Москвой (в 1456, 1471, 1477 гг.) заканчивались поражениями Новгорода. После капитуляции Новгорода в 1478 г. перешел на московскую службу.

[41] Взятие и разрушение Иерусалима в 70 г.

войсками будущего римского императора Тита (79–81).

[42] Василий Федорович Образец-Симский (ум. после 1501) — боярин, первый тверской наместник после ликвидации великого княжества Тверского в 1485 г.

[43] Ошибка летописного известия. Речь идет о князе Иване Васильевиче Стриге-Оболенском (см. примеч. 20 к тому 6).

[44] Данияр — сын Касима, в это время был правителем Касимовского ханства (1469–1486).

[45] Андрей Васильевич Меньшой (1452–1481) — князь вологодский с 1462 г. Умер бездетным, его удел после этого был ликвидирован.

[46] Борис Васильевич (1449–1494) — князь волоцкий с 1462 г.

[47] Это был первый случай содействия тверских войск Москве.

[48] Вышегород располагался на юго-западных границах Новгородской земли, близ псковской границы. Ныне деревня Вышегород на востоке Псковской области. Сдался Вышегород уже после Шелонской битвы. Поход новгородской рати, завершившийся на Шелони, был направлен именно против псковичей, вторгнувшихся в Новгородские земли.

[49] Федор Давыдович Хромой (ум. 1483) — влиятельный боярин и участник большинства военных кампаний Ивана III в 1470-е гг.

[50] К расположенному в 90 км к юго-востоку от Русы городку Демон (неподалеку от нынешнего поселка Демянск в Новгородской области) первоначально направилось войско князя Холмского. По-видимому, это было воспринято в Новгороде как отказ московского авангарда от действий в районе Ильменя, после чего новгородцы и отправили свою главную рать для наказания псковичей. Между тем Иван III отдал приказ осадить Демон Михаилу Верейскому, а князю Холмскому, получившему от главных сил подкрепление касимовскими татарами, двинуться к Шелони, где через пять дней с ним столкнулись новгородцы.

[51] Цифры вызывают сомнение и скорее говорят о максимальных военных возможностях Новгородской республики этого времени. На численности и моральном духе новгородцев сказывались и внутренние противоречия: упомянутый выше Карамзиным отказ архиепископского полка от сражения с москвичами имел место именно перед Шелонской битвой. Тем не менее значительное численное превосходство

новгородцев над войском князя Холмского на Шелони несомненно.

[52] Князь Федор Давыдович Палецкий-Пестрый (ум. после 1472) — московский воевода.

[53] Коми-пермяцкое поселение и святилище Искор. Было расположено близ нынешнего села Искор на севере Пермского края.

[54] Покча на реке Колве. Ныне село Покча на севере Пермского края.

[55] Михаил Ермолаевич (ум. 1481) — князь Перми Великой с 1451 г. Был убит при набеге манси на Покчу.

[56] Матвей Михайлович — князь Перми Великой в 1481–1505 гг. Был лишен княжения Иваном III и выселен в Москву, где и скончался.

[57] Князь Василий Андреевич Ковер (ум. 1531) — московский воевода, первый великопермский наместник в 1505–1506 гг.

[58] Хотя летом 1472 г. на берегах Оки были сосредоточены, по-видимому, все основные силы Ивана III и зависящих от него удельных князей, цифра в 180 000 воинов является явным преувеличением. Встречается она только в Псковской летописи и, вероятно, передает общее впечатление от победоносных московских сил. Относительно численности московских войск, участвовавших

в отражении Ахмата на Угре в 1480 г., также нет сколько-нибудь точных сведений. Войска, ежегодно собираемые на Оке — главном московском оборонительном рубеже, отличались в это время большой разнородностью. Помимо княжеских и боярских слуг, участие в «береговой службе» принимали жители приокских городов (хотя алексинский воевода С. В. Беклемишев отступил на левый берег Оки, алексинцы оказали ордынцам ожесточенное сопротивление) и крестьяне, ежегодно присылаемые на Оку из разных местностей. Все эти люди в дальнейшем составят ресурс при создании общегосударственного поместного ополчения.

[59] Речь идет о Богемской войне 1466–1478 гг. за Чешский престол, в которой с 1471 г. активно участвовал Казимир IV после избрания его старшего сына чешским королем.

[60] Городок Романов был в XIV — начале XV в. центром одного из ярославских удельных княжеств. Ныне город Тутаев в Ярославской области.

[61] Городок на реке Протве в юго-западной части Московского княжества. Ныне деревня Вышегород в Московской области.

[62] Константин XI — последний византийский

император (в 1449–1453 гг.).

[63] Братья Димитрий (1407–1470) и Фома (1409–1465) Палеологи разделяли Морею на два деспотата в 1449–1460 гг.

[64] Город Энос — ныне турецкий город Энез.

[65] Римский Папа в 1458–1464 гг.

[66] Андрей Палеолог (1453–1502) именовался императором Византии (по титулу). Его младший брат Мануил (1455–1512) около 1477 г. уехал из Рима в Стамбул, где и оставался до конца жизни.

[67] Римский Папа в 1464–1471 гг.

[68] Виссарион Никейский (ок. 1403–1472) — митрополит никейский, кардинал Римской церкви, проводник византийского культурного влияния в Италии, философ и богослов. Был одним из главных устроителей Флорентийской унии 1439 г. и брака Ивана III с Зоей (Софьей) Палеолог.

[69] Прозвище Джан Батисты делла Вольпе, выходца из Виченцы, монетного мастера и дипломата на московской службе.

[70] Сикст IV — Римский Папа в 1471–1484 гг.

[71] Впадающая в Чудское озеро река Эмбах находилась в это время на территории Дерптского епископства. Ныне река Эмайыги в Эстонии.

[72] Церковь Святого Николая в селе Устье при впадении реки Великой в Псковское озеро сохра-

нилась до нашего времени.

[73] Снетогорский Рождества Богородицы монастырь, располагавшийся с конца XIII в. к северо-западу от Пскова на берегу реки Великой. В настоящее время на территории Пскова.

[74] Николо Троно — венецианский дож в 1471–1473 гг.

[75] Мария Андреевна (ум. ок. 1505) — с 1480 г. жена князя Василия Михайловича Удалого, в 1483 г. вместе с мужем бежала в Литву.

[76] Успенский собор был первым каменным зданием в Москве. Был заложен в 1326 г. по инициативе Ивана Калиты и русского митрополита Петра.

[77] Геронтий (ум. 1489) — русский митрополит в 1473–1489 гг.

[78] Николо Марчелло — венецианский дож в 1473–1474 гг.

[79] Подмосковный Спасо-Андроников монастырь, основанный в 1357 г., в настоящее время находится на территории Москвы, в его строениях расположен Музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

[80] Марко Руффо (ум. после 1495) — итальянский архитектор, в Москву приехал из Милана около 1485 г.

[81] Пьетро Антонио Солари (ок. 1445–1493) — итальянский архитектор, в Москву приехал из Милана в 1490 г.

[82] Деревянная московская церковь Святого Николая на Песках (на Арбате). В камне была построена в XVII в., в 1933 г. снесена.

[83] Каменная кремлевская церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору была построена на месте деревянной в 1461 г. После обрушения в 1493 г. была вновь выстроена Алевизом Новым в 1505 г. Снесена в 1847 г. в связи с ветхостью.

[84] Деревянная церковь Святого Николая в Покопаях в XV в. находилась в районе летних усадеб великого князя и митрополита при впадении в Москву речки Яузы. В камне построена в середине XVI в. Сохранилась до нашего времени.

[85] Алоизио да Каркано (Алевиз Старый; ум. после 1519) — итальянский архитектор, в Москву приехал из Милана в 1494 г.

[86] Теремным дворцом сейчас принято называть только дворец, построенный в 1635–1636 гг. над дворцовыми палатами Ивана III.

[87] Итальянский архитектор, работал в Москве в 1485–1488 гг. Его идентификация с дипломатом Антоном Фрязиным, действовавшим в 1469–1472 гг., сомнительна.

[88] Собакина (ныне Угловая Арсенальная) башня была построена также под руководством П. А. Солари.

[89] Впоследствии название Царь-пушка перешло к отлитому в 1586 г. орудию.

[90] Титулование великих князей владимирских «великими князьями всея Руси» встречается и в более раннее время (первый случай — послание константинопольского патриарха Нифонта к Михаилу Ярославичу ок. 1312 г.). В XIV в. чаще всего встречается в византийских посланиях, что, по-видимому, отражало контроль великих князей владимирских над митрополитами «Киева и всея Руси» после переезда их на север. Вероятно, из византийской переписки и была заимствована эта формула, льстящая самолюбию великих князей владимирских. До времени Ивана III она употреблялась крайне редко (в договорах с Новгородом, младшими князьями московского дома, а в годы Династической войны XV в. и на монетах ее участников) — вероятно, при необходимости дополнительно подчеркнуть высокий авторитет великого князя. Титул «господарь» (государь) — славянская калька латинского dominus (хозяин, владелец) — появляется на севере Руси только в XV в. Регулярно титулование

«господарь / великий князь всея Руси» в Московском государстве начинает использоваться во внутренней документации и в отношениях с Новгородом и Псковом в 1470-е гг., а после захвата Твери в 1485 г. становится обязательным и во внешних делах.

[91] Стен Стуре Старший (1440–1503) — правитель Швеции в 1470–1497 и 1501–1503 гг.

[92] Князь Ярослав Васильевич Оболенский (ум. 1487) — московский воевода, наместник псковский в 1473–1477 и 1482–1487 гг. Младший брат князя И. В. Стриги-Оболенского, вместе с которым был первым новгородским наместником после ликвидации Новгородской республики в 1478 г.

[93] Кашинское удельное княжество в 1426 г. было возвращено в состав Великого княжества Тверского вплоть до захвата Твери Иваном III в 1485 г.

[94] Андрей Борисович (ум. после 1486) — князь микулинский в 1447–1485 гг. В 1485 г. перешел на московскую службу.

[95] Князь Семен Иванович Ряполовский (ум. 1499) — боярин. В 1490-х гг. сторонник Дмитрия-внука. Казнен.

[96] Князь Александр Васильевич Оболенский (ум. 1501) — боярин, еще один младший брат

князя И. В. Стриги-Оболенского. Был убит в битве с ливонцами при Гельмеде. Воевода князь Борис Михайлович Туреня-Оболенский (ум. после 1501) приходился ему двоюродным братом.

[97] Князь Михаил Феодорович Телятевский (ум. ок. 1509) — представитель младшей ветви микулинских князей, тверской боярин, в 1488 г. перешел на московскую службу.

[98] Князь Василий Васильевич Шуйский-Бледный (ум. после 1492) — московский воевода, псковский наместник в 1477–1482 гг.

[99] Московские бояре Василий и Иван Борисовичи Тучко-Морозовы.

[100] Район Паозерье (Поозерье) на северо-западном берегу Ильменя. Здесь, у деревни Троица (ныне существующей), расположилась ставка Ивана III и велись решающие переговоры.

[101] Ян Длугош (1415–1480) — польский дипломат и историк. Самое известное его сочинение — «Хроники славного Польского королевства» («Хроника Длугоша»).

[102] Твердислав Михалкович — новгородский посадник в 1207–1210, 1214–1215, 1216–1219 и 1219–1220 гг. Эпизод, о котором упоминает Карамзин, относится к 1220 г.

[103] Римский император в 68–69 гг.

[104] Сергий (ум. 1504) — архиепископ новгородский в 1483–1484 гг.

[105] Геннадий (ум. 1505) — архиепископ новгородский в 1484–1504 гг. Один из лидеров «иосифлян» и борец с ересью «жидовствующих».

[106] Яков Захарьевич Кошкин (ум. 1511) — боярин, новгородский наместник в 1485–1493 гг. Во время расправы 1488 г. вторым наместником в Новгороде был его брат Юрий Захарьевич (ум. 1504), предок династии Романовых.

[107] Старшие дочери Ивана III от второго брака умерли в младенчестве. Елена Ивановна (1476–1513) с 1495 г. была женой Александра Ягеллончика (великого князя литовского в 1492–1506 гг., короля польского в 1501–1506 гг.).

[108] Очевидно, «будущему митрополиту». Иоасаф (ум. 1555) — русский митрополит в 1539–1542 гг.

[109] Юрий Иванович (1480–1536) — князь дмитровский в 1505–1534 гг., скончался бездетным в заключении. Дмитрий Иванович Жилка (1481–1521) — князь углицкий в 1505–1521 гг., умер бездетным. Семен Иванович (1487–1518) — князь калужский в 1505–1518 гг., умер бездетным. Андрей Иванович (1490–1537) — князь старицкий в 1519–1537 гг., умер в заключении. Феодосия Ивановна (1485–1501) — с 1500 г. жена князя В.

Д. Холмского. Евдокия Ивановна (1492–1513) — с 1506 г. жена крещеного казанского царевича Петра Ибрагимовича.

[110] Речь идет о бурных событиях в Крымском ханстве, последовавших за смертью его основателя Хаджи I Гирея в 1466 г. В период продолжительной борьбы за престол между его сыновьями Айдером, Нур-Девлетом и Менгли-Гиреем ханство попало под удар сначала Османской империи (в 1475 г. турки завоевали генуэзские колонии в Крыму и заставили ханство признать верховную власть османского султана), а затем Большой Орды, хан которой Ахмат в 1476 г. посадил на Крымский престол своего племянника Джанибека. Однако уже в 1477 г. Джанибек был изгнан Нур-Девлетом, которого, в свою очередь, в 1478 г. изгнал с турецкой помощью Менгли I Гирей, остававшийся затем ханом до самой смерти в 1515 г.

[111] Братья перешли на московскую службу из Литвы в 1479 г. Айдер вскоре был сослан на Белоозеро, где и скончался в 1487 г., а Нур-Девлет с 1486 по 1503 г. был касимовским ханом.

[112] Князь Иван Владимирович Оболенский-Лыко (ум. после 1507) — московский воевода, в 1489 г. руководил окончательным покорением Вятки.

[113] Вассиан I (ум. 1481) — архиепископ ростов-

ский в 1467–1481 гг., один из идеологов московской централизации.

[114] Князь Василий Иванович Звенигородский-Ноздроватый (ум. 1512) — окольничий, младший брат князя И. И. Звенца-Звенигородского.

[115] Город на юго-западе Московского княжества, на реке Луже (правый приток Протвы). Ныне село Кременское на севере Калужской области.

[116] Город Опаков на правом берегу Угры в XV в. был частью Великого княжества Литовского. Находился близ современной деревни Палатки в северной части Калужской области.

[117] Ибак — правитель Сибирского ханства с 1460-х гг. до своей гибели около 1495 г.

[118] Тимур Кутлуг — хан Золотой Орды в 1395–1399 гг. Пришел к власти после разгрома Орды Тимуром и находился под контролем тимуровского полководца Едигея, по распоряжению которого в итоге и был убит. Ахмат был правнуком Тимур Кутлуга.

Том 7

[1] В сочинении «Путешествие… к царю персидскому» венецианского дипломата А. Контарини (1429–1499) содержится описание его пребывания в Москве зимой 1476/77 г. Близкий к папскому двору П. Джовио (Павел Иовий; 1483–1552) составил описание Московского государства («Книга о московитском посольстве») на основе сведений, полученных им в 1525 г. от московского посла в Риме Д. Герасимова. Ф. да Колло (ок. 1480 — ок. 1571) оставил описание своего визита в качестве австрийского посла в Москву в 1518 г. («Доношение о Московии»).

[2] Барон С. фон Герберштейн (1486–1566) — австрийский посол в Москве в 1517 и 1526 гг. Его сочинение «Записки о Московии» (1549) было наиболее значительным и самым популярным в Европе XVI в. описанием Русских земель.

[3] Символизирующий победу образ библейского предводителя евреев при завоевании Палестины Иисусом Навином, по призыву которого Бог остановил солнце, чтобы разбитые в битве ханаанские цари не смогли спастись бегством в ночи.

[4] Не только в удельное время, но и в Московском государстве важную роль играл церковный суд, причем судебная власть архиереев распространялась не только на духовенство, но и на крестьян, проживавших на церковных землях. При рассмотрении важных уголовных дел, которые затрагивали лиц, относящихся к церковной юрисдикции, а также в случаях, когда одна из тяжущихся сторон не относилась к «церковным людям», устраивались «сместные суды» — из представителей церковной и светской власти. Первое серьезное наступление на церковный суд произошло в XVII в. (Монастырский приказ Алексея Михайловича), а в упадок он пришел только во второй половине XVIII в. после секуляризации церковных земель. Мнение Карамзина, опирающееся на отдельные случаи доминирования светских судей в сместной судебной практике (что при общем преобладании светской власти над церковной не являлось редкостью), в целом не соответствует ситуации рубежа XV–XVI вв.

[5] Холопий городок в низовьях реки Мологи, возможно, первоначально представлял собой один из пограничных торговых пунктов Новгородской земли (близ границ Белозерского и Ярославского княжеств).

[6] Речь идет о пригородном смоленском Троицком монастыре, располагавшемся при впадении реки Кловки в Днепр (ныне территория Смоленска). Судя по данным археологических раскопок, существовал с конца XII в. Сильно пострадал во время Русско-польских войн начала XVII в. и был полностью разрушен в 1633 г.

[7] Дьяк Василий Александрович Белый направлялся послом в Данию в 1514 и 1515 гг.

[8] Речь идет о посольстве в Испанию 1524–1526 гг., одним из руководителей которого был князь И. И. Засекин (происходил из рода ярославских князей).

[9] Посольство 1524–1526 гг. направлялось ко двору Карла V (испанский король в 1516–1556 гг., император Священной Римской империи в 1519–1556 гг.). В пути послы также дважды вели переговоры с его младшим братом Фердинандом I (австрийский эрцгерцог в 1521–1564 гг., император Священной Римской империи в 1558–1564 гг.).

[10] Беление кремлевских стен началось, по-видимому, только с 1680-х гг. и продолжалось до конца XIX в.

[11] На этом месте теперь находится Старый Гостиный двор.

[12] Пенязь (пеняз) — серебряная монета Великого княжества Литовского.

[13] Гай Светоний Транквилл (ок. 70 — после 122) — древнеримский писатель, автор сборника биографий римских императоров «Жизнь двенадцати цезарей».

[14] Сочинение середины XVI в., написанное, по-видимому, настоятелем кремлевского Благовещенского собора Андреем (в 1564–1566 гг. русский митрополит Афанасий). Даниил Переславский (ок. 1460–1540) — основатель (1508) и первый настоятель Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском.

[15] Карамзин пересказывает отрывки из Степенной книги, которые сами являются переложениями панегирических сочинений о Василии III, составленных в иосифлянских церковных кругах и направленных на оправдание вызвавших неоднозначную реакцию современников событий 1525–1526 гг.: развода с Соломонией Юрьевной (Сабуровой) и женитьбы на Елене Глинской.

[16] Относящиеся к концу XV в. «Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле» и «Сказание о Дракуле».

[17] Дука (ок. 1400 — после 1462) — автор капитального исторического труда «Византийская

история», где описан последний период существования Византийской империи.

[18] По-видимому, речь идет о правителе Ногайской Орды в 1520–1530-х гг. Саид-Ахмеде и сменившем его в этом качестве в 1540-е гг. Шейх-Мамае.

[19] Ордынский город XIV–XVI вв. Сарайчик на реке Яике. Ныне село Старый Сарайчик в Атырауской области Казахстана.

[20] Сведения Герберштейна о восточных соседях Ногайской Орды были очень смутными. В 1520-е гг. здесь существовали три государственных образования, возглавляемые представителями различных восточных ветвей золотоордынских Чингизидов: Казахское ханство (в центральной и юго-восточной части современного Казахстана), Хивинское ханство (со столицей в Ургенче, отсюда народ «юргенцы», упоминаемый Герберштейном) и Бухарское ханство (образовалось в начале XVI в., после завоевания среднеазиатских владений Тимуридов кочевыми узбеками). Однако среди их правителей в это время нет «Барак-Султана». Еще таинственнее его «брат» «великий хан катайский» (Герберштейн не употребляет этноним «киргиз-кайсаки»). Предположительно можно сопоставить его с монгольским Боди-

Алаг-ханом (1519–1547), потомком монгольских императоров Китая; его власть распространялась на бóльшую часть Монголии в период ее временного политического воссоединения в первой половине XVI в. В это политическое объединение входила и западная часть монгольских племен (ойраты-калмыки), населявших в то время верховья Иртыша.

[21] Легендарные сибирские города, упоминания о которых в русских источниках отсутствуют.

Том 8

[1] Коронационный чин Дмитрия-внука 1498 г. хотя и был составлен на основе византийского церемониала венчания на царство соправителей византийских императоров, но предусматривал лишь поставление Дмитрия на великое княжение. В 1547 г. за основу церемониала был взят именно коронационный чин Дмитрия-внука, но уже с применением царского титула.

[2] Речь идет о сочинении первой половины XVI в. «Сказание о князьях владимирских», где излагались две легенды, сыгравшие важную роль в идеологическом оформлении русской царской власти: о происхождении Рюриковичей от мифического Пруса, брата римского императора Августа, и о даровании царских регалий Владимиру Мономаху его дедом, византийским императором Константином IX. Обе легенды были созданы в последнее десятилетие правления Ивана III (возможно, в связи с коронацией Дмитрия-внука), раньше этого времени они неизвестны.

[3] Князь Михаил Васильевич Глинский (ум. 1559) — дядя Ивана IV, боярин. В середине 1540-х гг.

вместе с братом Юрием играл важнейшую роль при дворе. После московского восстания 1547 г. был арестован по подозрению в попытке бежать в Литву, но вскоре прощен. В 1558 г. возглавлял вторжение русских войск в Ливонию.

[4] Князь Юрий Васильевич Глинский (ум. 1547) — дядя Ивана IV, боярин. Был убит в ходе восстания 1547 г.

[5] Имеется в виду фрагмент из Откровения Иоанна Богослова (гл. 17) о шестом царе (пять предшествующих пали), правление которого предшествует событиям конца света.

[6] Иоасаф II — константинопольский патриарх в 1555–1565 гг.

[7] Роман Юрьевич Захарьин-Кошкин (ум. 1543) — окольничий. Из какой семьи происходила его жена Ульяна Федоровна (ум. 1579), неизвестно.

[8] Князь Иван Иванович Пронский-Турунтай (ум. 1569) — боярин. Был казнен.

[9] Островок — село в 25 км к юго-востоку от Москвы, где располагался один из постоянных охотничьих домов московских государей. Ныне село Остров в Московской области.

[10] Богоявленский монастырь в Китай-городе — один из старейших московских монастырей, был основан князем Даниилом Александровичем

в конце XIII в. К настоящему времени сохранился собор конца XVII в.

[11] Новоспасский монастырь был основан под Москвой в 1490 г., после переведения на новое место кремлевского Спасского монастыря. В настоящее время монастырский комплекс (преимущественно здания XVII в.) находится на территории Москвы.

[12] Одна из подмосковных царских резиденций (на Воробьевых Горах, к юго-западу от Москвы), существовала до конца XVIII в. В настоящее время территория Москвы.

[13] Версия о решающей роли бояр в организации московского восстания 1547 г. содержится в известиях времен опричнины. Более близкие по времени источники о боярском заговоре не упоминают, зато говорят о самоорганизации москвичей, собравших в кремле вечевой сход. О настоятеле Благовещенского собора Федоре Бармине сведений после 1547 г. нет. Большинство перечисленных бояр ко времени опричнины уже скончались: князь Федор Иванович Скопин-Шуйский (ум. 1557), князь Юрий Иванович Темкин-Ростовский (ум. 1561), Федор Михайлович Нагой (ум. 1558), Григорий Юрьевич Захарьин-Кошкин (ум. 1556). Проживший дольше других

Иван Петрович Федоров (ум. 1567/8) в годы опричнины был одним из главных руководителей земщины и был убит опричниками (по некоторым известиям, Иван IV лично зарезал его).

[14] Княгиня Анна Глинская (ум. ок. 1553) — жена князя Василия Львовича Глинского (ум. 1515), который в 1508 г. выехал на службу в Москву из Великого княжества Литовского.

[15] Из перечисленных Карамзиным новыми боярами в думе (которая в это время состояла приблизительно из 20 бояр и 5 окольничих) стали только Г. Ю. Захарьин-Кошкин и князь Федор Андреевич Куракин-Булгаков (ум. 1567). Остальные входили в думу и до июньского восстания: Иван Иванович Хабаров (ум. после 1573), князь Данила Дмитриевич Пронский (ум. 1551), князь Дмитрий Федорович Палецкий (ум. 1561).

[16] Князь Юрий Васильевич (1532–1563) — младший брат Ивана IV, князь углицкий с 1533 г. В ноябре 1547 г. женился на Ульяне (ум. 1569), дочери князя Д. Ф. Палецкого. После смерти мужа Ульяна приняла монашеский постриг (с именем Александра), позднее, вероятно, стала одной из жертв опричного террора.

[17] Князь Петр Иванович Шуйский (ум. 1564) — боярин с 1550 г., известный полководец. Один

из главных руководителей русских войск на начальном этапе Ливонской войны. В 1563–1564 гг. первый наместник в завоеванном Полоцке. Погиб при поражении от литовцев при Чашниках.

[18] В 1539–1541 гг. при участии юного Ивана IV было установлено почитание иконы Богородицы Оковецкой (Ржевской), чудесно обретенной близ деревни Оковцы (в настоящее время в западной части Тверской области).

[19] Евдокия (ум. ок. 1597) — дочь воеводы Александра Михайловича Нагого (ум. ок. 1554), с 1550 г. жена князя старицкого Владимира Андреевича. В 1555 г. по неизвестной причине приняла монашество (с именем Евпраксия).

[20] Излишне односторонняя характеристика местничества. В описываемое время оно играло важную роль в консолидации вокруг престола высшей русской аристократии, представители которой имели различное происхождение (старомосковское боярство, потомки удельных северорусских князей, выехавшие из Литвы князья).

[21] Несмотря на важнейшую (в традиции византийских императоров) роль, которую играл на Стоглавом соборе молодой царь, в подготовке и принятии его решений огромное значение име-

ла деятельность митрополита Макария, иных представителей русского духовенства (причем не только принадлежавших к господствующему в это время иосифлянскому направлению, но и «нестяжателей») и боярства.

[22] Хотя миссия 1548 г. Ганса Шлитте (ум. ок. 1557) является свидетельством устойчивого интереса Ивана IV к активизации европейских контактов (немало подтверждений этому дают и последующие события его царствования), но на рубеже 1540–1550-х гг. она, по-видимому, осталась лишь эпизодом, не оказавшим значительного влияния на политику московских властей. Не случайно русские источники не содержат никаких сведений об этой миссии. Ее масштабы были связаны с энергией и авантюрными наклонностями самого Шлитте, а провал не в последнюю очередь с разоблачением сомнительных обещаний, которые Шлитте щедро раздавал от имени московского царя. Нет никаких оснований считать, что Шлитте вторично посетил Москву, его «легкомысленные предложения» почерпнуты из составленного им (или кем-то из знакомых с его миссией лиц) ок. 1556 г. от имени Ивана IV подложного «ответа Карлу V», который распространялся среди европейских дворов, но, как и

личность Шлитте, в это время уже не вызывал доверия.

[23] Князь Дмитрий Федорович Бельский (1499–1551) — один из наиболее влиятельных деятелей начального этапа правления Ивана IV. Выдвинулся в конце правления Василия III (которому по материнской линии приходился двоюродным племянником) и, будучи главой князей Бельских, с 1530-х гг. являлся старейшим боярином в думе.

[24] Шах-Али (Шигалей; ок. 1505–1566) — касимовский правитель в 1516–1519 и 1537–1566 гг. Трижды (в 1519–1521, 1546 и 1551–1552 гг.) в качестве московского ставленника занимал Казанский престол. В 1533–1535 гг. находился в ссылке на Белоозере. Многократно командовал касимовскими татарами в походах русских войск.

[25] Сафа-Гирей — казанский хан в 1524–1532, 1535–1546 и 1546–1549 гг. Придерживался казанско-крымского союза (крымским ханом был его дядя Сахиб-Гирей), ориентированного на Османскую империю и направленного против Москвы, с которой он неоднократно вступал в столкновения.

[26] Арское поле располагалось к востоку от Казани, выше города по течению реки Казанки. В настоящее время в центральной части Казани.

[27] Князь Симеон Иванович Микулинский (1509–1559) — боярин с 1550 г. Во время Казанских походов выдвинулся в число наиболее ценимых Иваном IV полководцев. Руководил войсками при подавлении восстаний на территории бывшего Казанского ханства и в начале Ливонской войны.

[28] Михаил Васильевич Яковлев (ум. 1556) — окольничий (не позднее 1555 г.).

[29] Сигизмунд II Август — великий князь литовский и польский король в 1548–1572 гг.

[30] Последняя (к этому времени) московско-литовская война («Стародубская», 1534–1537 гг.) завершилась подписанием перемирия, неоднократно впоследствии продлевавшегося.

[31] Князь Михаил Иванович Булгаков-Голица (ум. 1554) попал в плен еще при поражении русских войск при Орше в 1514 г., из плена он вернулся только в 1551 г.; князь Федор Васильевич Телепнев-Оболенский-Овчина (ум. ок. 1550) оказался в плену при взятии литовцами Стародуба в 1535 г. и, по-видимому, умер в Литве.

[32] Сахиб I Гирей — казанский хан в 1521–1524 гг., крымский хан в 1532–1551 гг.

[33] Утямыш-Гирей (1546–1566) — казанский хан в 1549–1551 гг. После выдачи в 1551 г. в Москву

был крещен под именем Александр и в дальнейшем находился на русской службе, именуясь «царем казанским».

[34] Сююмбике (ок. 1516 — ок. 1557) — дочь Юсуфа, правителя Ногайской Орды в 1549–1554 гг., который приобрел влияние еще в 1530-х гг. и в 1533 г. выдал дочь замуж за Джан-Али (казанский хан в 1532–1535 гг.). После свержения Джан-Али стала женой возвратившего себе Казанский престол Сафа-Гирея. В 1551 г. была выдана в Москву и в 1553 г. стала женой касимовского правителя Шах-Али.

[35] Речь идет о событиях начала 1542 г., когда был выслан из Москвы и убит в заключении на Белоозере боярин князь И. Ф. Бельский. Причиной этого (как и многих других «переворотов» в годы «боярского правления») было стремление боярства избавиться от лица, приобретшего слишком большое влияние. Позиция князя Д. Ф. Бельского, который не принял активного участия в судьбе своего младшего брата и сохранил первенствующее положение в думе, достаточно показательна.

[36] Местность, являвшаяся старинным южным рубежом Рязанской земли, где располагался выход из лесных районов в степные области.

В 1553 г. здесь будет основана крепость Шацк (ныне город на юго-востоке Рязанской области).

[37] Князь Юрий Михайлович Булгаков-Голицын (ум. 1561) — боярин с 1540 г.

[38] Данила Романович Захарьин-Юрьев (ум. 1564) — один из старших братьев царицы Анастасии Романовны, в 1547 г. стал окольничим и дворецким, в 1548 г. боярином. Будучи на рубеже 1540–1550-х гг. лидером клана родственников царицы и одним из главных правительственных дельцов, временно проиграл борьбу за влияние на Ивана IV «избранной раде» и восстановил свое значение только после падения А. Ф. Адашева в 1560 г.

[39] Князь Андрей Васильевич Нагаев-Ромодановский.

[40] Князь Дмитрий Иванович Хилков-Ряполовский (ум. 1564) — боярин с 1557 г. В начале 1560-х гг. попал в опалу и (по известию А. Курбского) был казнен.

[41] Князь Петр Семенович Серебряный-Оболенский (ум. 1570) — боярин с 1551 г., известный в 1550–1560-х гг. воевода. Был казнен в опричнину.

[42] Деревянная Троицкая церковь сохранилась в Свияжске до нашего времени, утратив свой

первоначальный вид вследствие многократных обновлений.

[43] Иван Васильевич Шереметев (Большой) (ок. 1510–1577) — боярин с 1550 г. В 1555 г. возглавлял войска в Судбищенской битве с крымскими татарами. В 1563–1564 гг. был в опале, затем являлся одним из главных руководителей земщины. В 1571 г. принял монашеский постриг (с именем Иона) и до конца жизни находился в Кирилло-Белозерском монастыре.

[44] Князь Александр Борисович Горбатый (ум. 1565) — боярин с 1544 г., известный полководец. Первый русский наместник Казани (1552–1553). Был казнен вместе с единственным сыном при введении опричнины.

[45] Крепость Себеж была построена русскими воеводами в 1535 г. на захваченных пограничных землях Великого княжества Литовского и по перемирию 1537 г. оставалась под московским контролем. Ныне город Себеж на юго-западе Псковской области.

[46] Князь Иван Семенович Селеховский, как и князь М. И. Булгаков-Голица, попал в литовский плен в битве при Орше в 1514 г.

[47] Его деятельность на Дону известна по посланиям Ивану IV от ногайского правителя Юсуфа,

относящимся к 1549–1550 гг.

[48] Сахиб I Гирей в 1551 г. был лишен Крымского престола своим племянником Девлет-Гиреем, который действовал с санкции османского султана. Девлет I Гирей был крымским ханом в 1551–1577 гг.

[49] Сулейман I Великолепный — османский султан в 1520–1566 гг.

[50] Ямгурчи (Ямгурчей) — астраханский хан в 1544–1554 гг. Пришел к власти, свергнув Ак-Кубека (астраханский хан в 1532–1550 гг.), борьбу с которым продолжал вести в последующие годы. Пытался лавировать между ногаями, Крымом и Москвой; у последней в 1551–1552 гг. нашли приют соперники Ямгурчея, астраханские царевичи Дервиш-Али (ум. после 1558) и Абдулла (Кайбула; ок. 1533–1570), сын Ак-Кубека, получившие в кормление соответственно Звенигород и Юрьев. Дервиш-Али впоследствии стал последним астраханским ханом, а Абдулла до конца жизни находился на русской службе.

[51] Ядигар-Мухаммед (ок. 1522–1565) — сын Касима, астраханского хана, погибшего в 1532 г. в борьбе со своим двоюродным братом Ак-Кубеком. С 1542 г. находился на московской службе, в 1550 г. отъехал в Ногайскую Орду, с помощью

которой занимал в 1552 г. Казанский престол. После падения Казани находился в русском плену, в 1553 г. крестился (с именем Семен), в 1554 г. получил в кормление Звенигород и до конца жизни находился на русской службе.

[52] Князь Иван Федорович Мстиславский (ок. 1530–1593) — по материнской линии приходился Ивану IV двоюродным племянником. С 1548 г. был боярином, входил в ближайшее окружение царя, участвовал в различных военных походах. После введения опричнины стал одним из руководителей земщины, с начала 1570-х гг. первенствующий боярин в думе. Неоднократно оказывался под подозрением, в 1571 г. принял на себя ответственность за сожжение крымскими татарами Москвы, однако при Иване IV сумел избежать репрессий. В 1585 г. за участие в заговоре против Б. Ф. Годунова попал в опалу и был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где принял монашество (с именем Иоасаф) и находился до конца жизни.

[53] Князь Михаил Иванович Воротынский (ок. 1516–1573) — сын боярина князя И. М. Воротынского, в 1534–1535 гг. вместе с отцом и братьями находился в ссылке на Белоозере (за попытку отъехать в Литву). После смерти отца в 1535 г.

получил свободу и часть принадлежавшего отцу Воротынского удела (одно из мелких верховских княжеств). С 1547 г. участвовал в различных военных походах, сыграл важнейшую роль во взятии в 1552 г. Казани. В 1562 г. снова оказался в ссылке на Белоозере. В 1566 г. получил прощение и боярский чин в земщине, но к концу 1560-х гг. был лишен наследственного удела, получив в компенсацию вотчины в различных местностях. Был главным автором устава приграничной службы (1571), в 1572 г. разгромил крымское войско при Молодях. В 1573 г. вновь попал в опалу и, по свидетельству ряда источников, скончался после пыток.

[54] Князь Петр Михайлович Щенятев (ок. 1510–1566) — боярин с 1549 г., участник Казанских походов, руководил войсками в Выборгском походе 1556 г., участник Ливонских и Полоцкого похода. После введения опричнины стал одним из руководителей земщины, незадолго до смерти принял монашество (с именем Пимен), но был арестован и скончался во время пыток.

[55] Князь Дмитрий Иванович Микулинский (ум. 1552) — младший брат князя С. И. Микулинского, погиб при взятии Казани.

[56] Дмитрий Михайлович Плещеев (ум. 1561)

— воевода, окольничий с 1555 г.

[57] Князь Василий Семенович Серебряный-Оболенский (ум. 1570) — боярин с 1550 г., старший брат князя П. С. Серебряного-Оболенского.

[58] Семен Васильевич Шереметев (ум. 1561) — боярин с 1557 г., младший брат И. В. Шереметева (Большого).

[59] Князь Владимир Иванович Воротынский (ум. 1553) — боярин с 1551 г., старший брат князя М. И. Воротынского.

[60] Князь Григорий Иванович Темкин-Ростовский (ум. после 1562) — воевода, младший брат князя Ю. И. Темкина-Ростовского.

[61] Река Шиворонь — правый приток Упы, к юго-востоку от Тулы.

[62] Успенский собор в Коломне был построен в 1379–1380 гг. в память о победе на реке Воже. Разобран в 1672 г., на его месте был построен ныне существующий храм. Находившаяся в нем Донская икона Богородицы была перевезена после взятия Казани в Благовещенский собор Московского Кремля.

[63] Князь Петр Андреевич Куракин-Булгаков (ум. 1575) — боярин с 1559 г., младший брат князя Ф. А. Куракина-Булгакова. Казнен по распоряжению Ивана IV.

[64] Ертаул (яртаул) — авангардный разведывательный отряд.

[65] Мордовское поселение на левом берегу реки Теши, вверх по течению которой продвигалось в 1552 г. русское войско. Ныне поселок Саконы на юге Нижегородской области.

[66] Река Меня в Мордовии и Чувашии, левый приток Суры.

[67] Русское войско переправилось через Суру близ впадения в нее правого притока, реки Барыш (на северо-западе современной Ульяновской области).

[68] Соединение главных сил со свияжскими воеводами, очевидно, произошло в низовьях реки Свияги, вниз по течению которой двигалось в предшествующие дни войско Ивана IV.

[69] Описание похода к Казани излагается Карамзиным по «Царственной книге», в которой отразилось официальное летописание 1560-х гг. Иные источники («Казанская история», сочинения А. Курбского) отзываются об этом походе иначе: огромное войско страдало от летнего зноя, безводья и бескормицы, так что «много людей поумирало… и охватила все воинство глубокая печаль».

[70] Семен Константинович Заболоцкий (ум. ок.

1559) — боярин с 1552 г.

[71] Не приходится сомневаться в многочисленности русского войска, подошедшего к Казани в 1552 г. Однако точной цифры в официальных летописях времен Ивана IV нет. Наиболее заслуживающими доверия представляются сведения участника взятия Казани князя Курбского, который в «Истории о великом князе Московском» указывает, что в сражении с татарами Япанчи участвовало около половины русского войска (30 000 конных и 15 000 стрельцов и казаков). Цифру в 150 000 Карамзин взял из «Морозовского летописца» — компиляции XVII в., где содержатся выписки из более ранних произведений, но в данном случае источник сведений остается неясным. Эта цифра встречается в «Казанской истории», но при описании Казанского похода Василия III в 1524 г.; при рассказе о походе 1552 г. автор «Казанской истории» указывает совершенно фантастические цифры, общей сложностью более 500 000 ратников.

[72] Михаил Яковлевич Морозов (ум. 1573) — боярин с 1549 г. Принял участие в различных военных походах, наиболее известен как начальник артиллерии и наместник крепостей, захваченных русскими войсками в ходе Ливон-

ской войны. Один из руководителей земщины. Был казнен вместе с женой (дочь князя Д. Ф. Бельского) и двумя старшими сыновьями.

[73] Арск — татарский город на реке Казанке, в 60 км северо-восточнее Казани.

[74] Князь Юрий Иванович Шемякин-Пронский (ум. 1554) — стольник и воевода. Командовал войском в Астраханском походе 1554 г., вскоре после которого скончался в молодом возрасте.

[75] Князь Федор Иванович Троекуров (ум. 1568) — стольник и воевода. С 1565 г. в опале. Казнен опричниками в 1568 г.

[76] Князь Юрий Иванович Кашин-Оболенский (ум. 1564) — боярин с 1556 г. Согласно А. Курбскому, был убит по приказу Ивана IV.

[77] Захарий Петрович Яковлев (ум. 1555) — боярин с 1550 г.

[78] Петр Васильевич Морозов (ум. 1580) — боярин с 1554 г.

[79] Князь Григорий Федорович Мещерский (ум. ок. 1576) — воевода.

[80] Алексей Данилович Басманов (ум. 1570) — талантливый военачальник, окольничий с 1552 г., боярин с 1556 г. Один из главных руководителей опричнины. Казнен по «новгородскому розыску». По сообщению А. Курбского, был убит собствен-

ным сыном — опричником Ф. А. Басмановым.

[81] То есть «советники», «думцы». Греческое слово «синклит» в значении созываемого правителем высшего государственного совета Карамзин в дальнейшем будет часто использовать в отношении думы.

[82] Князь Роман Михайлович Курбский (ум. 1557) — младший брат князя А. М. Курбского.

[83] Во второй половине XVI в. при сооружении каменного Казанского кремля на этом месте были построены церковь Спаса Нерукотворного и Спасская башня.

[84] На месте построенной в 1552 г. деревянной церкви в 1561–1562 гг. был выстроен каменный Благовещенский собор, сохранившийся до нашего времени.

[85] Имеется в виду пленение Василия II казанскими татарами в 1445 г. в результате поражения московских войск в битве под Суздалем.

[86] Речь идет о захвате в Казани московского посольства и погроме русских купцов в июне 1505 г., за которыми последовала неудачная для Москвы война 1505–1507 гг. В результате этих событий на время прекратилась установившаяся в 1487 г. зависимость Казанского ханства от Москвы.

[87] Васильсурск — основан русскими войсками

в 1523 г. при впадении Суры в Волгу и с этого времени отмечал границу между Московским государством и Казанским ханством. Ныне поселок на востоке Нижегородской области.

[88] Василий Юрьевич Траханиотов (ум. 1568) — боярин с 1557 г.

[89] Дмитрий Иванович (1552–1553) — старший сын Ивана IV.

[90] Старшие дочери Ивана IV Анна (1549–1550) и Мария (1551–1552) умерли младенцами.

[91] Никита Романович Захарьин-Юрьев (ок. 1522–1585) — окольничий с 1559 г., боярин с 1563 г. После смерти в 1564 г. старшего брата Данилы был главой клана Захарьиных. Один из руководителей земщины; не проявляя особых военных или государственных дарований, сумел сохранить влияние до самой смерти.

[92] Село Тайнинское к северу от Москвы, в настоящее время в черте города Мытищи Московской области.

[93] Иван Григорьевич Морозов (ум. 1554) — боярин с 1527 г.

[94] Здесь в значении «древняя архитектура», в противопоставлении классицизму и барокко.

[95] Следующая глава начинается с описания тяжелой болезни Ивана IV в начале 1553 г., которая

породила политический кризис, связанный с нежеланием части боярства присягать на верность младенцу Дмитрию Ивановичу.

[1] В обширном примечании к этому месту Карамзин рассуждает об источниках, относящихся ко второй половине царствования Ивана IV. Важнейшие из его наблюдений: «Несомненными доказательствами свирепства Иоаннова служат (кроме чужеземных историков) сказания наших летописцев, известия Курбского, самые Иоанновы письма и так называемые *синодики*… ⟨…⟩ Изгнанник Курбский имел, конечно, злобу на царя; но мог ли явно лгать пред современниками в случаях, известных всякому из них? Он писал для россиян, которые читали сию книгу с жадностью, списывали, хранили в библиотеках, не только в частных, но и в казенных: такой чести не оказывают лжецу. Истина некоторых его сказаний подтверждается государственными документами… ⟨…⟩ Одним словом, или все злодейства Калигулы, Нерона, Коммода суть басни, или Иоанновы жестокости не подвержены сомнению: доказательства первых не достовернее вторых». Сочинения Курбского были написаны скорее не для русского читателя (впрочем, в Москве они действительно пользовались популярностью:

достаточно сказать, что его «История о великом князе Московском» сохранилась более чем в 70 списках), а для польско-литовской аудитории, также весьма интересующейся состоянием русских дел. Без сомнения, его «История» имела характер памфлета и была направлена на дискредитацию Ивана IV (который в 1573–1574 гг. претендовал на престол Речи Посполитой), кроме того, сам Курбский после бегства за границу в 1564 г. уже не был непосредственным свидетелем происходящего в Москве. Все это заставляет с осторожностью относиться к его известиям, что, однако, не снижает их значимости, особенно в сочетании с иными источниками информации. Сохраняет также значение замечание Карамзина о том, что ни в известной переписке Курбского с Иваном IV, ни в сочинениях второй половины XVI в. приводимые Курбским факты террора не ставились под сомнение.

[2] Сильвестр уехал в Кирилло-Белозерский монастырь либо сразу после смерти царицы Анастасии Романовны (28 июля 1560 г.), либо несколько позднее. Принял монашество с именем Спиридон.

[3] Феллин капитулировал после трехнедельной осады в августе 1560 г.

[4] К этому времени у Ивана IV было два сына: Иван (1554–1581) и Федор (1557–1598).

[5] Из числа руководителей будущей опричнины. Князь Афанасий Иванович Вяземский (ум. 1570/71) — оружничий с 1566 г., боярин с 1569 г., в 1570 г. оказался в опале по «новгородскому розыску» и, по-видимому, умер в тюрьме. Василий Григорьевич Грязной (ум. после 1577) — думный дворянин с 1570 г., в 1573 г. попал в крымский плен, из которого в Москву не вернулся.

[6] Левкий — архимандрит Чудовского монастыря около 1554–1568 гг.

[7] Этот эпизод известен только в передаче Курбского, который добавляет, что Мария была польского происхождения и перешла в православие.

[8] Из числа жертв «доопричного» (1560–1564) террора ранее не упоминались: Данила Федорович Адашев (ум. 1561 или 1563) — окольничий с 1559 г., младший брат А. Ф. Адашева, руководитель похода на Крым 1559 г.; из известных по родословцам братьев Сатиных (Алексей, Федор и Андрей Захаровичи) в служебных росписях значится только мценский воевода Алексей, сведения о котором после 1560 г. прекращаются; неясной остается судьба их сестры Анастасии, жены А. Ф. Адашева;

Иван Шишкин-Ольгин был отозван из Стародуба, где он был воеводой, в 1564 г. по подозрению в намерении сдать город литовцам, после чего известия о нем прекращаются; князь Дмитрий Федорович Телепнев-Оболенский-Овчина (ум. 1564) — воевода, участник Ливонских походов; князь Михаил Петрович Репнин (ум. 1564) — боярин с 1559 г., участник Ливонских и Полоцкого походов; Никита Васильевич Шереметев (ум. 1564) — боярин с 1557 г., участник Казанских, Ливонских и Полоцкого походов. Особенно большое впечатление должна была произвести расправа над семейством одного из старейших думцев, князя Дмитрия Ивановича Курлятева-Оболенского (ум. 1563), который был боярином с 1549 г. В октябре 1562 г. он вместе с женой, сыном и двумя дочерьми был насильно пострижен в монашество; после ссылки в отдаленные северные монастыри все они, по известию А. Курбского, были умерщвлены. Помимо казней и опал, в эти годы возрождается практика поручительства за представителей аристократии их родственников, духовенства, других влиятельных вельмож (иногда в этой практике видят попытку сопротивления террору), а также учащается бегство служилых людей в Литву.

[9] Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг (1500 — после 1567) — магистр Ливонского ордена в 1557–1559 гг., после поражений ордена в начале Ливонской войны был смещен, но сохранял большое влияние. Попал в русский плен при падении Феллина в 1560 г. Скончался в плену.

[10] Князь Василий Иванович Барбашин (ум. ок. 1571) — воевода, состоял в опричнине.

[11] Город Гапсаль на берегу Балтийского моря. Ныне город Хаапсалу на западе Эстонии.

[12] Замок Эрмес — ныне деревня Эргеме на севере Латвии.

[13] По-видимому, речь идет о Грюнвальдской битве 1410 г.

[14] Речь идет о войне 1500–1503 гг., в которой Ливонский орден выступал против Москвы в качестве союзника Великого княжества Литовского. Важную роль в этой войне сыграл крупнейший московский полководец рубежа XV–XVI вв. князь Данила Васильевич Щеня-Патрикеев (ум. 1519).

[15] Речь идет о Реформации, которая поддерживалась значительной частью населения орденских территорий и способствовала краху сложившихся в результате Северных крестовых походов государственных образований в Восточной Прибалтике. В 1525 г. Великий магистр

Тевтонского ордена Альбрехт фон Бранденсбург-Ансбах, приняв лютеранство, секуляризовал прусские орденские земли, превратив их в наследственное герцогство Пруссия, находившееся в вассальной зависимости от Польского королевства. Подобную политику в Ливонии проводил его брат Вильгельм (рижский архиепископ в 1539–1563 гг.), что, однако, вызвало сопротивление со стороны ливонских магистров, привело к острым внутренним конфликтам и вмешательству со стороны соседних государств.

[16] Готхард фон Кетлер — последний магистр Ливонского ордена (1559–1561) и первый герцог Курляндии и Семигалии в 1561–1587 гг.

[17] Замки Тарваст (ныне деревня Тарвасту в Эстонии), Руйен (ныне город Руйиена в Латвии) и Оберпален (ныне город Пылтсамаа в Эстонии).

[18] Ныне город Валмиера на севере Латвии.

[19] Ныне Цесисский замок, близ города Цесис на севере Латвии.

[20] Иван Петрович Яковлев (ум. 1571) — боярин с 1557 г. В 1565 г. был в опале. В 1570 г. был отправлен на помощь ливонскому королю Магнусу для осады Ревеля, но после конфликта с Магнусом был арестован. Казнен в Москве.

[21] Гаррия (*эстон.* Харью) — историческая об-

ласть на севере Эстляндии, соединившаяся со временем со столичной областью Ревеля.

[22] Ныне город Пайде в Эстонии.

[23] Фредерик II — датский король в 1559–1588 гг.

[24] Густав I — шведский король в 1523–1560 гг., основатель династии Ваза.

[25] Эрик XIV — шведский король в 1560–1568 гг.

[26] Лифляндия и южная часть Эстляндии составили в 1561 г. Ливонское (Задвинское) герцогство, ставшее частью Великого княжества Литовского (впрочем, значительная часть герцогства еще долгое время оставалась под контролем русских войск). Первым наместником герцогства был назначен князь Николай Радзивилл-Черный (1515–1565) — канцлер Великого княжества Литовского.

[27] Исторические области на северо-востоке Эстляндии: Аллентакен, Вирланд (*эстон.* Вирумаа), Ервен (*эстон.* Ярва).

[28] Речь идет о Русско-шведской войне 1554–1557 гг., в ходе которой русские войска в 1556 г. разорили окрестности Выборга.

[29] Младшие сестры Сигизмунда II Августа: Анна (1523–1596) — с 1575 г. польская королева и великая княгиня литовская, с 1576 г. жена короля Стефана Батория; Екатерина (1526–1583) в 1562 г.

вышла замуж за шведского принца Юхана (будущий шведский король Юхан III).

[30] Ближайшие на тот момент родственники Ягеллонов из числа европейских монархов: император Священной Римской империи Фердинанд I, на дочери которого, Екатерине, был женат Сигизмунд II Август; Генрих V, герцог Брауншвейг-Люнебургский (1514–1568), который был женат на Софии, еще одной сестре польского короля; Янош II Жигмонт, венгерский король (1540–1570), сын Изабеллы, старшей из сестер Сигизмунда II Августа.

[31] Князь Николай Радзивилл (Рыжий) (1512–1584) — гетман (1553–1566 и 1577–1584) и канцлер (1566–1579) Великого княжества Литовского. Двоюродный брат своего «Черного» тезки. Один из главных полководцев, противостоявших русским войскам в годы Ливонской войны.

[32] Князь Василий Михайлович Глинский (ум. 1564) — двоюродный дядя Ивана IV, боярин с 1560 г. В 1561 г. находился в опале из-за обвинений в измене, но был прощен благодаря многочисленным поручительствам.

[33] Город Пернау (Пернов) на берегу Рижского залива. Ныне город Пярну на юго-западе Эстонии.

[34] Темрюк (ум. ок. 1571) — кабардинский князь,

тесть и союзник Ивана IV, активно использовавший его поддержку для распространения своей власти на других кабардинских князей и для защиты Кабарды от Крымского ханства. Умер после ранения в столкновении с крымскими татарами.

[35] По-видимому, Ян Ходкевич (ок. 1530–1579) — литовский гетман, а затем наместник Ливонии. С 1566 г. великий маршалок (дворецкий) Великого княжества Литовского.

[36] То есть бывшие казанские ханы Утямыш-Гирей (Александр Сафагиреевич) и Ядигар-Мухаммед (Семен Касаевич), а также астраханские царевичи, выехавшие на московскую службу в 1550-е гг.: Абдулла (см. примеч. 50 к тому 8), братья Бек-Булат (ум. ок. 1566) и Тохтамыш (ум. до 1567). Происхождение царевича Ибака (ум. после 1570) остается неясным. Вероятно, в подчинении некоторых из них были отряды касимовских татар, поскольку те принимали участие в Полоцком походе, но имя престарелого касимовского хана Шах-Али среди военачальников не упоминается.

[37] Здесь Карамзин соединяет сведения о численности русских войск, которые содержатся у М. Стрыйковского и в русских летописях (в примечании он сообщает, что некоторые из них приводят цифры до 400 000 человек). Но в данном

случае в нашем распоряжении есть уникальный документальный источник — составленная вскоре после событий 1563 г. «Книга Полоцкого похода» (была введена в научный оборот во второй половине XIX в.), где содержатся не только роспись военачальников, но и подробные сведения о численности полков конного дворянского ополчения, которые в совокупности дают около 30 000 человек (из них немногим более половины дети боярские, остальные — служилые татары и казаки). Если прибавить к ним стрелецкую пехоту, пушкарей и обозных (вместе взятые, они, несомненно, уступали численно конному ополчению), то можно получить реалистичное представление о масштабе «царских походов» времен Ивана IV.

[38] Князь Юрий Петрович Репнин (ум. 1363) — младший брат боярина князя М. П. Репнина. Скончался от болезни во время Полоцкого похода.

[39] Князь Семен Дмитриевич Палецкий (ум. 1564) вместе с братом Федором был убит при поражении от литовцев при Чашниках.

[40] Станислав Довойна (ум. ок. 1573) — воевода полоцкий с 1542 г. Находился в русском плену после сдачи Полоцка до 1567 г., когда вернулся в

Литву по обмену пленными.

[41] Софийский собор в Полоцке, построенный византийскими мастерами в середине XI в. В 1710 г. был разрушен, в середине XVIII в. на древних фундаментах был возведен ныне существующий собор.

[42] Евфросинья Андреевна (ум. 1569) из рода князей Хованских, вдова Андрея Ивановича Старицкого. Весной 1563 г. была насильно пострижена в монахини (с именем Евдокия), в 1569 г. убита опричниками.

[43] То есть в Иосифо-Волоцком монастыре.

[44] Известное с начала XV в. подмосковное село Крылатское. Располагалось на территории одноименного современного района на западе Москвы.

[45] Царевич Василий Иванович (март–май 1563).

[46] Каменная церковь Бориса и Глеба у Арбатских ворот была построена в 1527 г., разобрана в середине XVIII в. Построенная на ее месте новая церковь была снесена в 1930 г.

[47] Афанасий Федорович Нагой (ум. ок. 1594) — дипломат и государственный деятель. К началу 1560-х стольник, с 1563 г. был послом в Крыму, после возобновления военных действий между Москвой и Крымом оказался почетным пленни-

ком, а с 1571 г. — в заключении. В конце 1572 г. был отпущен в Москву, где получил чин думного дворянина и вошел в ближайшее окружение царя. Влияние особенно выросло после женитьбы царя в 1580 г. на племяннице Нагого, Марии Федоровне. После смерти Ивана IV был удален от двора.

[48] По-видимому, речь идет об Иване Михайловиче Висковатом (ум. 1570) — думном дьяке и организаторе деятельности Посольского приказа в 1550-е гг., одного из ближайших сподвижников А. Ф. Адашева. После опалы Адашева Висковатый действительно был отстранен от дипломатических дел, но остался в числе влиятельных правительственных деятелей, в 1561 г. стал печатником (хранителем государственных печатей) и вскоре вернул себе влияние в Посольском приказе. Казнен в 1570 г. по «новгородскому розыску».

[49] Исмаил — правитель Большой Ногайской Орды в 1555–1563 гг. Пришел к власти после смерти в 1554 г. своего старшего брата Юсуфа и междоусобной распри, в результате которой часть ногайцев откочевала на Северный Кавказ (Малая Ногайская Орда). Находился в союзе с Москвой, признавая зависимость от Ивана IV, воевал с

крымскими татарами и казахами.

[50] Дин-Ахмат (Тинехмат) — правитель Большой Ногайской Орды в 1563–1578 гг. Придерживался политики своего отца Исмаила, направленной на союз с Москвой. Был женат на кабардинской княжне, сестре царицы Марии Темрюковны.

[51] Замок, руины которого находятся в городе Лихула на западе Эстонии.

[52] Князь Антон Михайлович Ромодановский (ум. ок. 1584) — воевода и дипломат. В конце 1570-х гг. принял монашеский постриг с именем Александр.

[53] Новодевичий женский монастырь был основан в 1524 г. к юго-западу от Москвы по инициативе Василия III. В настоящее время находится на территории Москвы.

[54] Горицкий Воскресенский женский монастырь на реке Шексне был основан в 1544 г. по инициативе самой Евфросиньи Старицкой. В настоящее время находится в селе Горицы Вологодской области.

[55] Имеется в виду книгопечатание, развитие которого началось в 1450-е гг. благодаря деятельности майнцских первопечатников Иоганна Гутенберга (ок. 1400–1468), его компаньона Иоганна Фуста (ок. 1400–1466) и ученика Петера

Шеффера (ок. 1425–1503).

[56] Бартоломей Готан (ум. ок. 1494) — один из ранних немецких печатников, работавший в 1480-е гг. в Магдебурге, Любеке и Швеции. На московскую службу был нанят в Любеке послами Ивана III в 1492 г. В следующем году прибыл в Новгород, но следы его дальнейшей деятельности отсутствуют.

[57] Небольшая каменная кремлевская церковь Николы Гостунского была построена в 1506 г., снесена в 1817 г.

[58] После отъезда (ок. 1566) Ивана Федорова и Петра Мстиславца ситуация для продолжения книгопечатания в Москве складывалась неблагоприятно. Известны всего две книги, отпечатанные за последующие двадцать с лишним лет: Псалтырь 1568 г. — в Москве и Псалтырь 1577 г. — вероятно, в Александровской слободе. Только с конца 1580-х гг. типографская деятельность в Москве приобретает более интенсивный характер.

[59] Князь Константин Константинович Острожский (1526–1608) — влиятельный удельный князь, покровитель православия, воевода киевский (1559–1608).

[60] Иеремия II — патриарх константинополь-

ский в 1572–1579, 1580–1584 и 1587–1595 гг. В 1588–1589 гг. совершил поездку в Москву, участвовал в учреждении московского патриаршества и поставил первого московского патриарха Иону.

[61] После взятия в 1563 г. Полоцка местный архиепископ Арсений (Шишка; ум. 1576) был отвезен в московский плен, где и находился до своей смерти. Новым архиепископом из Москвы был поставлен Трифон (Ступишин; ум. 1566), который в 1549–1551 гг. был епископом суздальским и уже 12 лет проживал «на покое» в Иосифо-Волоцком монастыре. Западнорусские киевские митрополиты не признавали церковного переподчинения Полоцка и продолжали назначать номинальными полоцкими архиепископами своих ставленников вплоть до 1579 г., когда Полоцк был отвоеван польско-литовскими войсками и вернулся под церковную власть Киева.

[62] Князь Михаил Александрович Вишневецкий (1529–1584) — известный военачальник, действовавший на южных границах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой и сыгравший (как и другие представители рода Вишневецких в XVI в.) значительную роль в становлении запорожского казачества.

[63] Князь Иван Михайлович Щербатов (ум. после

1598) — воевода.

[64] Битва состоялась 26 или 27 января 1564 г. довольно далеко от Орши, близ города Чашники на реке Уле (ныне Витебская область Белоруссии).

[65] Захарий Иванович Очин-Плещеев (ум. 1571) — окольничий, в 1564 г. попал в плен при Чашниках, в 1565 г. по обмену пленными вернулся в Москву и стал одним из руководителей опричнины. Казнен по «новгородскому розыску».

[66] Князь Иван Петрович Охлябинин (ум. после 1576) — воевода, из литовского плена вернулся в 1566 г.

[67] То есть разорению подверглись земли Мстиславского воеводства (на территории современной Могилевской области Белоруссии).

[68] Князь Юрий Иванович Токмаков (ум. 1578) — воевода, в 1570 г., будучи псковским наместником, способствовал спасению Пскова от опричного погрома, с 1573 г. окольничий.

[69] Пограничная литовская крепость Озерище (ныне поселок Езерище в Витебской области Белоруссии) после захвата Пскова оставалась в тылу московских войск. После безуспешного июльского похода князя Токмакова крепость была взята в ноябре 1564 г. отрядом князя В. С. Серебряного-Оболенского.

[70] Василий Андреевич Бутурлин (ум. 1569) — воевода.

[71] Князь Димитрий Иванович Вишневецкий (ум. 1563) — знаменитый литовский приграничный военачальник, пытавшийся взять под свой контроль днепровское казачество и усилить борьбу с Крымским ханством и турецкой экспансией. С этой целью около 1555 г. построил в Запорожье крепость, которая часто именуется «прототипом» Запорожской Сечи. После разрушения крепости крымскими татарами в 1558 г. перешел на московскую службу, вместе с Кабардой и московскими воеводами принимал участие в походах на Крым в 1558–1559 гг. В связи с прекращением Москвой войны против Крыма и началом московско-литовских военных действий вернулся в 1561 г. на литовскую службу. В 1563 г. вмешался в междоусобную войну в Молдавии, попал в турецкий плен и был казнен.

[72] Стефан VII Томша — молдавский господарь в 1563–1564 гг.

[73] Вероятно, крещеные кабардинские князья, ранее действовавшие вместе с Д. И. Вишневецким против Крыма в качестве слуг Ивана IV и вместе с ним отъехавшие на литовскую службу. Таким образом, приводимые здесь Карамзиным

примеры отъезда относятся к более раннему времени и не могут быть связаны с террором первой половины 1560-х гг. Между тем бегство Курбского действительно не было единичным явлением, известен целый ряд служилых людей «второго ряда», бежавших в это время в Литву. В примечаниях Карамзин цитирует любопытное письмо одного из них, стрелецкого головы Тимофея Тетерина (ум. 1593), адресованное в 1564 г. дерптскому наместнику М. Я. Морозову, где беглец задает влиятельному боярину характерный вопрос: «Смею, государь, спросить, каково тем, у которых мужей или отцов различными смертями побили без правды?» Несколько царских опал на представителей высшего слоя служилой аристократии (например, на князей Воротынских в 1562 г.) были связаны с подозрениями именно в «изменных делах» и желании бежать в Литву. Причем с польско-литовской стороны ситуация оценивалась примерно так же. Так, на Польском сейме 1563 г., обсуждавшем вопрос военной помощи Великому княжеству Литовскому, от имени Сигизмунда II Августа было заявлено: «Если бы только войско его королевской милости показалось на Москве, много бояр московских, много благородных воевод, притесненных тиранством

этого изверга, добровольно будут приставать к его королевской милости и переходить в его подданство со всеми своими владениями».

[74] В предисловии к составленному Курбским на склоне лет «Новому Маргариту» (сборник переводов сочинений Иоанна Златоуста) он следующим образом описывает судьбу своей семьи, оставшейся в руках Ивана IV: «Мою мать, и жену, и единственное дитя, сына моего, извел тоской, затворив в темнице». Первая жена Курбского, очевидно, скончалась до 1571 г., поскольку в этом году он женился второй раз.

[75] Курбские происходили из династии ярославских удельных князей, родоначальником которой был представитель смоленской княжеской семьи Федор Ростиславич Черный, князь ярославский около 1260–1299 гг., князь смоленский в 1279–1297 гг. В середине XV в. был канонизирован.

[76] Свойственное Ивану IV преувеличение. Нельзя исключить, что в молодости отец князя Андрея, князь Михаил Михайлович Курбский (ум. 1546), находился в служебных отношениях у своего влиятельного родственника (Кубенские также происходили из рода ярославских удельных князей) князя Михаила Ивановича Кубенского (ум.

1550), однако московское боярство они получили почти одновременно (Кубенский в 1539 г., а Курбский в 1540 г.) и принадлежали к одному слою высшей служилой аристократии.

[77] Набег крымцев на Тулу в 1552 г.

[78] Нападение литовцев на Невель в 1562 г., во время которого князь Курбский был ранен.

[79] Ливонский поход 1558 г.

[80] Военные действия в Ливонии в 1560 г.

[81] В 326 г. римский император Константин казнил своего старшего сына и соправителя Криспа.

[82] По-видимому, речь идет о каком-то эпизоде борьбы за Смоленск в 1297–1299 гг. между Федором Ростиславичем и его племянником Александром Глебовичем (князь смоленский в 1297–1313 гг.).

[83] После обмена письмами в 1564 г. переписка Курбского с Иваном IV надолго прервалась. Составленный Курбским ответ (второе послание царю) не был отправлен. Возобновил переписку Иван IV, который написал князю второе послание в 1577 г. после своего успешного похода в Ливонию. Ответ (третье послание Курбского) составлялся вплоть до 1579 г., когда военная ситуация коренным образом изменилась не в пользу Москвы, что и стало главной темой рассуждений

князя. Третье послание, по-видимому, также не было отправлено и впоследствии распространялось в составе сборников сочинений Курбского. На этом знаменитая переписка завершилась.

[84] Филофей — епископ рязанский и муромский в 1563–1569 гг.

[85] Князь Василий Иванович Прозоровский (ум. во второй половине 1560-х) — воевода. Согласно Курбскому, был казнен вместе с младшим братом Александром Ивановичем и двоюродным братом Михаилом Федоровичем, поскольку царю приглянулись их богатые вотчины. Впрочем, еще одной причиной преследования Прозоровских могло стать то, что князь Михаил Федорович был женат на родной сестре А. Курбского.

[86] Павел Иванович Сапега (ум. 1580) — литовский военный и государственный деятель.

[87] Князь Александр Иванович Полубенский (ум. до 1608) — известный литовский военачальник, в 1577 г. попал в московский плен при взятии Вольмара, вернулся из плена в 1578 г.

[88] Ливонский городок Мариенбург был занят московскими войсками в 1560 г. Ныне город Алуксне на северо-востоке Латвии.

[89] Столкновения в юго-западной части Псковской земли осенью 1564 г., как и вообще военные

действия этого времени, имели характер разорительных пограничных набегов: у крепости Красная (ныне Красногородск) литовцы были отбиты, у крепости Велье (ныне село того же названия), напротив, одержали победу.

[90] Василий Андреевич Вешняков (ум. после 1570) — воевода.

[91] Иван Васильевич Шереметев Меньшой (ум. 1577) — младший из братьев И. В. Шереметева Большого. Боярин с 1558 г. Погиб при осаде Ревеля.

[92] Ныне город Смилтене и село Рауна на севере Латвии.

[93] Вольфганг фон Шутцбар (1483–1566) — Великий магистр Тевтонского ордена с 1543 г.

[94] При описании создания опричнины Карамзин следует в основном официальным летописям, привлекая отдельные сведения из известного «Послания» ливонских дворян Иоганна Таубе и Элерта Крузе, которые оказались в московском плену в 1560 г., затем были приняты на царскую службу и записаны в опричное войско, а в 1571 г. бежали в Речь Посполитую, где опубликовали (1582) сочинение об опричнине. На основе их сведений можно предполагать, что продолжавшаяся почти месяц поездка Ивана

IV до Александровской слободы имела большое значение для формирования первоначального ядра опричного руководства и далеко не все из царских «любимцев» в него вошли. В частности, Михаил Игнатьевич Салтыков и Иван Яковлевич Чеботов (боярин с 1559 г.) вместе со многими «подьячими и воеводами», согласно Таубе и Крузе, были отправлены из слободы обратно в Москву, причем раздетыми донага и пешком.

[95] Пимен (ум. 1571) — архиепископ новгородский в 1552–1570 гг. Во время опричного разгрома Новгорода был лишен сана и сослан в монастырское заключение, где вскоре скончался. Курбский передает версию, что Пимен был убит в Новгороде.

[96] Ранее не упоминались: Никандр (ум. 1566) — архиепископ ростовский и ярославский в 1549–1566 гг.; Елевферий (ум. после 1571) — епископ суздальский в 1564–1566 гг.; Матфей — епископ крутицкий в 1559–1565 гг.

[97] Князь Иван Дмитриевич Бельский (ум. 1571) — сын боярина князя Д. Ф. Бельского. Как местническая практика, так и родство с правящей династией делали князя одним из самых влиятельных правительственных деятелей. Боярин с 1560 г. В начале 1562 г. попал в опалу по подо-

зрению в измене, но через несколько месяцев был прощен благодаря многочисленным поручительствам. После учреждения опричнины стал первым боярином в земщине. В 1571 г. неудачно руководил обороной от крымского набега, погиб при пожаре Москвы.

[98] Московский Опричный дворец Ивана IV располагался западнее Кремля, не существовал уже в XVII в.

[99] Это одно лицо: Петр Петрович Головин-Ховрин (ум. 1565) — окольничий с 1560 г. Род Ховриных вел свое происхождение от оказавшегося в конце XIV в. на московской службе грека. Сестра П. П. Головина-Ховрина Анастасия была женой опального князя А. Б. Горбатого-Шуйского, в том же году был казнен и их брат воевода Михаил Петрович.

[100] Князь Юрий Иванович Кашин-Оболенский-Сухой (ум. 1565) — воевода, младший брат казненного в 1564 г. князя Ю. И. Кашина-Оболенского.

[101] Князь Петр Иванович Горенский-Оболенский (ум. 1565) — воевода. Его младший брат Юрий Иванович в конце 1564 г. или в начале 1565 г. бежал в Литву. Возможно, бежать пытались оба брата, но удалось это лишь младшему.

[102] Князь Дмитрий Федорович Шевырев-Щепин (ум. 1565), по-видимому, был молодым человеком, поскольку о его службе нет сведений. Также остаются неясными причины его мучительной казни, которую одинаково описывают Курбский и Таубе с Крузе.

[103] Князь Иван Андреевич Куракин-Булгаков (ум. ок. 1567) — боярин с 1555 г. На момент введения опричнины из пяти братьев князей Куракиных-Булгаковых четверо были боярами. Репрессии 1565 г. коснулись именно Ивана Андреевича по неясной причине. Позднее был казнен по распоряжению Ивана IV.

[104] Князь Дмитрий Иванович Немой-Оболенский-Ерш (ум. 1565/6) — боярин с 1552 г. Причина насильственного пострижения в 1565 г. и дальнейшая судьба остаются неясными.

[105] Лев Андреевич Салтыков (ум. 1573) — оружничий и известный воевода, боярин с 1561/2 г., в 1570 г. был включен в опричнину дворецким. В 1571 г. насильственно пострижен в монахи (с именем Леонид), позднее был казнен.

[106] Покровский собор Александровской слободы, построенный в 1509–1513 гг. Ныне Троицкий собор в Александрове.

[107] Дворцовые сооружения Александровской

слободы строились при Василии III и Иване IV. Жилые палаты были разрушены при разорении слободы в годы Смуты и при строительстве во второй половине XVII в. на месте заброшенной царской резиденции ныне существующего Успенского женского монастыря.

[108] То есть монастырским пономарем.

[109] Палата Посольского приказа, первое каменное приказное строение, была построена в Московском Кремле в 1565 г. близ колокольни Ивана Великого и Архангельского собора. Разобрана в середине 1670-х гг. при строительстве нового Здания приказов.

[110] Сведения о происхождения династии, почерпнутые как из старинных летописей (о варягах-русах), так и из новых легенд (о Прусе, брате Августа), широко использовались в политической пропаганде и прочно закрепились в сознании самих московских государей; достаточно указать, например, на известную запись царевича Ивана Ивановича на составленном им в 1579 г. варианте жития Антония Сийского: «Списано бысть сие многогрешным Иоанном русином, родом от племени варяжска, колена Августова, кесаря Римскаго».

[111] Герман (Садырев-Полев; ум. ок. 1567) — ар-

хиепископ казанский в 1564 — около 1567 г.; в 1566 г. рассматривался Иваном IV в качестве кандидата в митрополиты. Сведения о вскоре последовавшей его смерти (естественной или насильственной) разнятся.

[112] Хотя Федор Степанович Колычев происходил из достаточно родовитой семьи, но его прямые предки в XV–XVI вв. не имели московского боярского чина. Отец будущего митрополита был новгородским помещиком и служил брату Ивана IV, князю Юрию Углицкому. Значительное влияние в середине 1560-х гг. имели двоюродные братья Филиппа: Василий Иванович Умный-Колычев (ум. 1575) — окольничий и опричник, который попадет в опалу и будет казнен в 1575 г., и Федор Иванович Умный-Колычев (ум. 1574) — боярин с 1562 г., часто привлекавшийся для выполнения дипломатических поручений, который попадет в опалу и пострижется в монахи в 1573 г.

[113] Григорий Александрович Ходкевич (ок. 1514–1572) — великий гетман литовский в 1566–1572 гг.

[114] Поддельность посланий лета 1567 г. к московским боярам является предположительной, их тексты не сохранились. Хотя гипотеза Ка-

рамзина имеет право на существование, но не исключено, что литовские власти пытались если не организовать боярский заговор, то хотя бы сорвать готовящийся в это время новый большой поход русских войск (что в итоге и произошло). То, что ответы бояр были составлены «под диктовку» царя, не вызывает сомнений.

[115] Женой И. П. Федорова была Мария Васильевна (из боярского рода Челядниных), много лет назад пострадавшая от государева гнева. Ее первым супругом был князь Иван Осипович Дорогобужский, погибший в 1530 г. в столкновении с казанскими татарами. Рожденный в этом браке единственный сын, восемнадцатилетний князь Иван Иванович Дорогобужский, был 3 января 1547 г. казнен по приказу Ивана IV (вместе с ним был казнен еще один молодой князь — Федор Иванович Овчинин-Телепнев-Оболенский, единственный сын известного фаворита матери Ивана IV). В браке с И. П. Федоровым у Марии Васильевны детей не было.

[116] Подробности «дела Федорова» известны только по сообщениям Курбского и состоявших на русской службе иностранцев, хотя и находят многочисленные косвенные подтверждения в русских источниках. Предположительно в опалу

боярин попал осенью 1567 г. (возможно, таким образом царь выместил свой гнев за срыв похода на Литву; Федоров в это время был воеводой в Полоцке и должен был играть большую роль в подготовке похода), но связанный с его «заговором» новый всплеск террора и развивавшееся одновременно дело митрополита Филиппа относятся уже к 1568 г. Тогда же, по-видимому, был убит и сам Федоров. Возможно, его дело не имело прямого отношения к «литовским грамотам» 1567 г., а стало продолжением опалы и унижения боярина (якобы царь конфисковал все его имущество и отправил пешком и в одиночестве нести пограничную службу), который пользовался огромным авторитетом и уважением не только в правительственных верхах, но и среди простонародья.

[117] По другим данным, после смерти мужа она постриглась в монахини и вскоре скончалась.

[118] Никто из перечисленных ниже лиц не связывается в источниках с «заговором» Федорова, что ставит под сомнение само существование этого заговора. Многие казни вообще относятся к иным периодам террора. Князь Д. И. Хилков-Ряполовский был казнен еще в 1564 г., а князь П. М. Щенятев скончался от пыток в 1566 г.;

постриженный в монахи в 1565 г. князь И. А. Куракин-Булгаков был убит приблизительно в это время, но по делу ли Федорова, неясно. Хронологически близким к делу Федорова было пострижение в 1568 г. еще одного старинного боярина — князя И. И. Турунтая-Пронского (был убит в 1569 г.). В 1567 г. выбыли из боярских списков и, согласно Курбскому, около этого времени были казнены князья Семен Васильевич Лобанов-Ростовский (боярин с 1553 г.) и Андрей Иванович Катырев-Ростовский (боярин с 1557 г.) — приводимый Карамзиным рассказ о казни нижегородского воеводы связан с одним из них. Третий же из «князей ростовских» пострадал значительно позднее: князь Василий Иванович Темкин-Ростовский (о котором Карамзин упоминает ниже) служил в опричнине, в 1566–1567 гг. находился в литовском плену, после возвращения получил боярский чин (1568), был казнен вместе с единственным сыном Иваном (также опричником) в 1572 г. Близки по времени к делу Федорова расправы с влиятельными дьяками: Казарин Юрьевич Дубровский был казнен вместе с двумя сыновьями и слугами в конце 1567 г. за срыв все того же осеннего военного похода (он якобы злоупотреблял своим правом распределе-

ния повинности по доставке артиллерии, из-за чего «наряд» не прибыл вовремя к месту сбора войск); казначей Хозяин Юрьевич Тютин со всей семьей был по неясной причине казнен в 1568 г. Несомненными жертвами дела Федорова, кроме него самого, стали слуги, холопы и крестьяне, проживавшие в его обширных вотчинах: разгром владений Федорова опричниками занял продолжительное время и имел характер тотального разорения, что произвело большое впечатление на современников. В царском синодике было отмечено около 370 убитых людей Федорова.

[119] Князь Михаил Темрюкович Черкасский (ум. 1571) — крещеный кабардинский княжич, на московской службе находился с 1558 г., брат царицы Марии Темрюковны, один из руководителей опричнины. Причиной его казни в 1571 г., вероятно, было неудачное командование Черкасским опричными войсками при отражении крымского набега, приведшего к сожжению Москвы.

[120] Князь Василий Федорович Пронский-Рыбин (ум. 1566), чью казнь обычно относят к более раннему времени и связывают с предполагаемым обращением части участников Земского собора 1566 г. к Ивану IV с просьбой об отмене опричнины.

[121] Пафнутий (ум. 1570) — епископ суздальский в 1566–1570 гг.

[122] Феодосий (Вятка; ум. после 1584) — архимандрит Андроникова монастыря в 1566–1570 гг., затем Троице-Сергиева монастыря.

[123] Никольский (позднее Николаево-Греческий) монастырь в Китай-городе существовал с конца XIV в. Часть монастырских построек XVIII — начала XX в. сохранилась до нашего времени.

[124] Эпизод известен по сочинению Курбского и житию митрополита Филиппа. Этого Колычева отождествляют с разными родственниками митрополита Филиппа. Курбский сообщает, что он был убит при разорении опричниками земель боярина И. П. Федорова. Колычевы, несомненно, подверглись значительным репрессиям: Курбский пишет об уничтожении всего этого рода (что преувеличение), насчитывавшего несколько десятков человек.

[125] Отроч Успенский монастырь в Твери, существовавший со второй половины XIII в. В 1930-е гг. все постройки монастыря, кроме Успенского собора (начало XVIII в.), были снесены.

[126] Кирилл (ум. 1572) — настоятель Троице-Сергиева монастыря в 1566–1568 гг., русский митрополит в 1568–1572 гг.

[127] Князь Андрей Иванович Ногтев (ум. 1579) — боярин с 1560 г., состоял в земщине.

[128] Князья Иван Андреевич Золотой-Оболенский-Хорхора (ум. ок. 1566) и Василий Иванович Скоков-Кашин-Оболенский.

[129] Мехмед I Гирей — крымский хан в 1515–1523 гг. В начале 1520-х гг. сумел временно подчинить своей верховной власти Казань, Астрахань и Ногайскую Орду. В 1521 г. организовал большой поход на Москву, по итогам которого добился выплаты дани, но вскоре был убит ногайскими татарами.

[130] Карамзин довольно поверхностно характеризует начавшуюся во времена Ивана IV традицию созыва Земских соборов. Между тем собор 1566 г. не был первым, подобное собрание имело место уже в 1549 г. (впрочем, тогда деятельность собора, по сути, свелась к заслушиванию заявлений государя и бояр о грядущих земских и судебных реформах). Созыв собора в годы опричнины показывает, что царь отводил ему большое значение в деле укрепления своей власти.

[131] Григорий Иванович Нагой-Щеголь (ум. после 1575) — воевода и дипломат. Более всего известен по литовским и польским дипломатическим контактам, оставаясь обычно на вторых

ролях. В посольстве 1567 г. назывался «волоцким дворецким».

[132] Строительство новых крепостей в 1566–1567 гг. во время ведения переговоров с Сигизмундом должно было явочным порядком закрепить за Москвой спорные территории вокруг Полоцка. Усвят (ныне поселок Усвяты на юго-востоке Псковской области) должен был обезопасить путь к Полоцку со стороны Москвы; Сокол (на реке Дриссе близ современной деревни Кульнево в Витебской области Белоруссии) — защитить подступы к Полоцку с северо-запада; Ула и Копье (ныне поселок Улла и деревня Суша в Витебской области Белоруссии) — с юга. Сокол и Копье были полностью разрушены польско-литовскими войсками в 1579 г.

[133] Ливонские пограничные замки Лудсен и Розитен. Ныне города Лудзе и Резекне на востоке Латвии.

[134] Князь Василий Дмитриевич Палецкий-Булат (ум. 1567) — один из братьев Ульяны, вдовы князя Юрия Углицкого, воевода, погиб при столкновении с литовцами у крепости Копье в 1567 г.

[135] Захватом Изборска в январе 1569 г. командовал литовский военачальник князь А. И. Полубенский.

[136] Юхан III — шведский король в 1568–1592 гг. С 1556 по 1563 г. был герцогом финляндским.

[137] Замок Грипсхольм на озере Меларен к западу от Стокгольма. В настоящее время на территории шведского города Мариефред. Принц Юхан содержался здесь под арестом с 1563 по 1567 г.

[138] Нильс Гилленштерна (1526–1601) был шведским канцлером в 1560–1590 гг.

[139] Иван Михайлович Воронцов (ум. ок. 1570) — боярин с 1554 г., известный дипломат, состоял в земщине. Его товарищем в посольстве был Василий Иванович Наумов, который состоял в опричнине как «дворецкий можайский».

[140] Младший из сыновей Густава I, будущий шведский король Карл IX (1604–1611).

[141] Або — шведская столица Финляндии (ныне город Турку).

[142] Павел Юстен (ок. 1516–1575) — епископ або-ский в 1563–1575 гг.; будучи главой шведского посольства в Москву, находился под арестом в 1569–1572 гг.

[143] Селим II — османский султан в 1566–1574 гг.

[144] То есть всадников — сипахов.

[145] Одно из озер на реке Западный Маныч (сейчас на границе Калмыкии и Ставропольского края).

[146] «Речи» Семена Елизарьевича Мальцева (ум. после 1577), московского посла, к ногайским татарам представляют собой доклад, который был им составлен после возвращения из Астраханского похода 1569 г. и передан московским послам в Крыму.

[147] Терский городок, построенный в 1567 г. при впадении Сунжи в Терек. Неоднократно оставлялся и восстанавливался в XVI–XVII вв., пока не был окончательно заброшен в начале XVIII в. Сыграл важную роль в становлении терского казачества.

[148] Тахмасп I — в 1524–1576 гг. шах персидского государства Сефевидов.

[149] Алексей Алексеевич Хозников был значительным московским купцом, принимал участие в Земском соборе 1566 г. Его поездка в государство Сефевидов в 1569 г., по-видимому, была первой официальной русской дипломатической миссией в Иране.

[150] Едигер — татарский мурза, который контролировал территорию Сибирского ханства в середине XVI в. и признавал номинальную зависимость от Москвы. В 1563 г. был побежден и убит потомком прежних сибирских ханов Кучумом, который в 1572 г. прекратил даннические отно-

шения с Москвой.

[151] Абдулла-хан был в 1548–1565 гг. ширванским (шемахинским) наместником государства Сефевидов, но проводил достаточно самостоятельную политику, так что в 1563 г. направил свое посольство в Москву и был назван в русских дипломатических документах «царем». Абдулла-хан II, бухарский хан в 1561–1598 гг. (до 1583 г. правил от имени своего отца Искандер-хана), был наиболее влиятельным среднеазиатским правителем своего времени и присылал послов в Москву в 1564 и 1566 гг. Его соперники Хаджи Мухаммад-хан (хивинский правитель в 1558–1594 и 1598–1603 гг.) и Саид-хан (правитель Самарканда в 1552–1555 и 1557–1572 гг.) также присылали свои посольства в Москву.

[152] Город Ормуз, расположенный на острове при входе в Персидский залив, важный торговый центр. С 1507 по 1622 г. контролировался Португалией.

[153] Энтони Дженкинсон (1529–1610) — английский дипломат и путешественник, с 1557 по 1571 г. четыре раза посещал Москву, а также Хиву, Бухару и Персию. Составленные им карты России и сопредельных стран были опубликованы в конце XVI в. Большой интерес представляют также

его отчеты о поездках.

[154] Точное место английских разработок железа на Вычегде остается неизвестным, но англичане здесь действовали недолго: в конце 1570-х гг. добыча и выплавка железа на Вычегде отойдет Строгановым.

[155] Церковь Максима Исповедника на улице Варварке в Китай-городе. Ныне существующая церковь была построена на месте старой в конце XVII в.

[156] Томас Рандольф (1523–1590) — английский государственный деятель, дипломат. В 1568–1569 гг. в качестве представителя «Московской компании» посетил Москву.

[157] Андрей Григорьевич Совин — московский дворянин, опричник, в 1569–1570 гг. находился с дипломатической миссией в Англии. По-видимому, был близок к князю А. И. Вяземскому и попал в опалу в 1570 г.

[158] Помимо пересказанного здесь Карамзиным письма Елизаветы от 18 мая 1570 г., сохранилась довольно обширная переписка Ивана IV с английскими монархами, которая началась еще при предшественниках Елизаветы в 1553 г. и продолжалась до самой смерти царя.

[159] Английские вельможи: Николас Бэкон

(1510–1579), лорд-канцлер с 1558 г.; Вильям Парр, маркиз Нортгемптон (1513–1571); Фрэнсис Рассел, граф Бедфорд (ок. 1527–1585); Генри Фиц-Алан, граф Арундел (1512–1580).

[160] Элизеус Бомелиус (ок. 1530 — ок. 1579), будучи голландцем (или немцем) по происхождению, медицинское образование получил в Англии и был там нанят на русскую службу А. Г. Совиным, в составе посольства которого в 1570 г. прибыл в Москву. Доктор при дворе Ивана IV, входил в ближайшее окружение царя. Попал в опалу по подозрению в измене и умер после пыток.

[161] Князь Осип Михайлович Щербатов (ум. 1578) — окольничий с 1572 г. и князь Юрий Федорович Борятинский-Мочка (даты жизни неизвестны) попали в литовский плен при столкновении у крепости Копье в 1567 г.

[162] При погроме подмосковной Немецкой слободы в 1578 г.

[163] Ян Рокита (ум. 1579) — чешский протестантский богослов, эмигрировавший около 1554 г. в Польшу и в 1570 г. в составе польско-литовского посольства посетивший Москву. Описание его диспута с царем о вере было издано в 1582 г. Известно также послание Ивана IV Роките (1570), в котором царь изложил свои аргументы в защиту

православия.

[164] Каспар Виттенберг (ум. после 1578) — по-видимому, один из ливонских немцев, перешедших на московскую службу. Принял православие и служил переводчиком.

[165] Антонио Поссевино (1534–1611) — высокопоставленный иезуит, дипломат на римской службе, возглавлял папское посольство в Москву в 1581–1582 гг., способствовал заключению Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой. Свои впечатления изложил в опубликованном в 1586 г. сочинении «Московия», из которого Карамзин и черпает приведенную информацию.

[166] Петр Петрей (1570–1622) — шведский дипломат. В 1601–1605 гг. совершил ряд частных поездок по России, в 1607–1608 гг. вернулся в Москву в составе шведского посольства, а в 1609–1612 гг. участвовал в походах корпуса Я. Делагарди. В 1615 г. издал свое сочинение «Московитская хроника». В 1617 г. участвовал в заключении Столбовского мира.

[167] Генрих III — французский король в 1574–1589 гг. В 1573–1574 гг. был королем Речи Посполитой.

[168] Один из рукавов в устье Северной Двины.

[169] По-видимому, нидерландский купец Йохан

де Валь, документальные свидетельства о деятельности которого относятся к 1580-м гг.

[170] Джером Боус (ум. 1616) — английский торговец и дипломат, был с посольской миссией в Москве в 1583–1584 гг. Оставил описание своего путешествия.

[171] Иоганн Кобенцль (ок. 1530–1594) — австрийский дипломат, в составе императорского посольства посетил Москву в 1575–1576 гг. и написал очерк об этом путешествии, опубликованный в 1589 г.

Том 10

[1] Предыдущая глава завершается описанием вступления на престол Бориса Федоровича Годунова в феврале 1598 г.

[2] Сигизмунд III — король Речи Посполитой в 1587–1632 гг., шведский король в 1592–1599 гг.

[3] На протяжении всего правления Сигизмунда в Швеции шла борьба между его немногочисленными сторонниками (причем сам король постоянно жил в Речи Посполитой) и приверженцами его дяди, принца Карла, добившегося титула регента и воспринимавшегося в качестве защитника лютеранства от короля-католика.

[4] Мехмед III — османский султан в 1595–1603 гг. Когда он вступил на престол, Османская империя уже находилась в состоянии очередной войны с австрийскими Габсбургами, завершившейся только после его смерти (Тринадцатилетняя война 1593–1606 гг., которая шла главным образом на территории Венгрии).

[5] По Тявзинскому миру, завершившему Русско-шведскую войну 1590–1595 гг., Москва вернула себе те части Ижорской земли и юго-запад Карелии, которые она потеряла по итогам Ливонской

войны.

[6] Здесь Карамзин в основном пересказывает сочинение «О Русском государстве» (1591) английского дипломата Джайлса Флетчера (1548–1611), который в 1588 г. посетил Москву. Дополнения и уточнения делаются по сочинению «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» (1607) француза Жака Маржерета (ум. после 1618), наемного офицера, который служил в России в 1600–1606 гг. (в правительственных войсках) и в 1608–1611 гг. (в войсках Лжедмитрия II и поляков).

[7] Григорий Васильевич Годунов (ум. 1597) — троюродный брат царя Бориса Федоровича, с 1584 г. боярин и глава приказа Большого дворца.

[8] Знаменитые купцы и промышленники Яков (1528–1577), Григорий (1533–1577) и Семен (1540–1586) Аникеевичи Строгановы. В конце XVI в. землями, богатствами и предприятиями Строгановых владели представители следующего поколения этой семьи.

[9] Речь идет об указе 1592 г., ликвидировавшем право крестьянского перехода, который многие отечественные историки, начиная с Карамзина, считали ключевым законодательным актом, устанавливающим крепостнические отноше-

ния. Текст указа не сохранился. С конца XIX в. развивается представление о более сложном характере истории русского крепостничества, согласно которому указ 1592 г. был лишь одним из постановлений государственной власти конца XVI — первой половины XVII в., направленных на ужесточение крепостной зависимости.

[10] Никлас фон Варкоч — австрийский дипломат, посетивший Москву в 1589, 1593 и 1594 гг. в качестве посла Рудольфа II, императора Священной Римской империи в 1576–1612 гг.

[11] Джон Ди (1527–1609) — английский ученый и мистик.

[12] Речь идет о разработке медных и серебряных руд на реке Цильме (левый приток Печоры на северо-западе современной Республики Коми). С конца XV до второй половины XVII в. предпринималось несколько таких попыток, но все они завершались неудачей из-за незначительности запасов и бедности руды.

[13] Михаил Иванович Вельяминов — думный дворянин, руководил посольствами к императору Рудольфу II в 1595–1597 гг.

[14] В примечании Карамзин пишет, что, по данным В. Н. Татищева, «Книга именуемая геометрия, или Землемерие радиксом и циркулем»

вместе с примыкающей к ней «Книгой о сошном и о вытном письме» были составлены в 1556 г.

[15] «Книга рекома по-гречески арифметика, а по-немецки алгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость». Экземпляр Карамзина был сделанным в 1635 г. списком с более ранней книги.

[16] В конце XVI в. были составлены несохранившиеся географические карты Московского государства («Большой чертеж»), описанием и указателем к которым является «Книга большого чертежа», написанная в 1627 г.

[17] Две крепости, основанные по распоряжению Бориса Федоровича в 1599–1600 гг. Царев-Борисов (Борисов городок) — пограничная степная крепость, находившаяся в нижнем течении реки Оскол близ впадения в Северный Донец (близ современного села Оскол в Харьковской области Украины); в 1612 г. была сожжена крымскими татарами и впоследствии заброшена. Царево-Борисово располагалось на реке Протве (далеко от ее устья, к югу от Можайска, близ современного села Борисово на юго-западе Московской области) и, по-видимому, имело значение укрепленной загородной царской резиденции; городок сильно пострадал в годы Смуты и впоследствии также

был заброшен.

[18] Дионисий (ум. ок. 1604?) — русский митрополит в 1581–1586 гг. Был смещен с митрополичьего престола по инициативе Бориса Годунова, так как поддержал идею расторжения бездетного брака Федора Ивановича с царицей Ириной Федоровной. Слава «премудрого грамматика», по-видимому, отражала начитанность Дионисия, поскольку о его сочинениях нет никаких известий.

[19] Иов (ок. 1525–1607) — русский митрополит с 1586 г., первый московский патриарх (1589–1605). Как сторонник Годуновых, был сослан при переходе власти к Лжедмитрию I.

[20] Царевна Феодосия Федоровна (1592–1594) — единственный ребенок Федора Ивановича.

[21] Одна из древнейших русских медицинских рукописей «Галиново на Иппократа» представляет собой выдержки из комментариев древнеримского ученого Галена (ок. 130 — после 200) на сочинения древнегреческого врача и философа Гиппократа. В распоряжении Карамзина был список XVII в. (в одном сборнике с упомянутой выше арифметикой) с рукописи Кирилла Белозерского (1337–1427; основатель Кирилло-Белозерского монастыря), который, вероятно, перевел это со-

чинение с византийской рукописи.

[22] В примечаниях Карамзин указывает, что эта рукопись погибла во время московских пожаров 1812 г. Известны и другие русские лечебники конца XV–XVI вв., представляющие собой переводы с немецкого и польского.

[23] Фома Афанасьевич Бутурлин (ум. 1602) — воевода, участник Ливонской войны, окольничий с 1598 г.

[24] Франческо Асцентини — венецианский ювелир, работал в Москве в 1601–1604 гг., затем вернулся на родину. В 1617 г. опубликовал свои мемуары.

[25] Арсений Элассонский (1550–1625) — архиепископ элассонский с 1584 г. В 1585–1586 гг. посетил Москву в качестве посла патриарха константинопольского. В 1588–1589 гг. сопровождал патриарха Иеремию II в поездке в Москву, принял участие в установлении московского патриаршества. Остался в Москве и участвовал во всех важных московских событиях Смутного времени. С 1613 г. архиепископ тверской, около 1615 г. стал архиепископом суздальским. Автор описания поездки 1588–1589 гг. и записок о русской истории.

[26] Золотая царицына палата была построена в 1580-х гг. для парадных приемов, даваемых

царицей. В настоящее время входит в комплекс Большого Кремлевского дворца и является второй по времени создания (после Грановитой палаты) сохранившейся дворцовой постройкой Московского Кремля.

[27] Средняя Золотая палата была построена Алевизом Старым в начале XVI в. (вопреки мнению Карамзина) в качестве одного из парадных помещений Великокняжеского дворца. Располагалась между Грановитой палатой и Благовещенским собором к западу от них. Была разобрана в середине XVIII в.

[28] Барочный Зимний дворец, построенный в 1749–1753 гг. по проекту Б. Ф. Растрелли, был разобран при строительстве Большого Кремлевского дворца в 1838–1849 гг.

[29] Андрей Чохов (ок. 1545–1629) — пушечный и колокольный мастер. Старейшие из сохранившихся его орудий были отлиты в 1577 г.: пищали «Инрог» (в Артиллерийском музее в Петербурге) и «Волк» (в шведском замке Грипсхольм; была захвачена шведами в 1578 г.).

[30] Знаменитая Царь-пушка.

[31] В 1605 г. жители подмосковного Красного Села (сейчас в центральной части Москвы) первыми из москвичей перейдут на сторону

Лжедмитрия I.

[32] Карамзин, по-видимому, соединяет здесь известия о двух местнических спорах князя Василия Ивановича Гвоздева-Ростовского (ум. после 1590). Будучи стольником, в 1588 г. он во время царского обеда спорил с другим стольником, князем Иваном Никитичем Одоевским (Меньшим) (ум. 1629), будущим боярином (с 1613 г.). После этого спора Гвоздев был бит батогами и выдан Одоевскому. В 1589 г. Гвоздев, являясь рындой (оруженосцем) на приеме послов, вступил в спор с другим рындой, князем Федором Ивановичем Лыковым-Оболенским (ум. 1628), будущим окольничим (с 1622 г.). Чем завершился этот спор, неизвестно.

[33] Бывший опричник, стольник князь Петр Иванович Борятинский (ум. после 1598) в 1589 г. был наказан не столько за свой местнический спор, сколько за сказанные при этом «глупые слова» о боярине (с 1584 г.) Федоре Васильевиче Шереметеве (ум. 1592). Местничался Борятинский с другими людьми, а Шереметев, по-видимому, участвовал в рассмотрении этого спора.

[34] Это описание заимствовано у Маржерета с некоторыми дополнениями по сочинению Флетчера.

[35] Марк Ридли (1560–1624) находился в Москве в качестве придворного врача в 1594–1599 гг. Составил англо-русский и русско-английский словари.

[36] Тимоти Уиллис (ок. 1560 — ок. 1620) — английский врач, совершил поездку в Москву в 1599 г.

[37] Василий Яковлевич Щелкалов (ум. 1611) — думный дьяк, вместе со своим старшим братом А. Я. Щелкаловым был одним из самых влиятельных правительственных деятелей 1570–1590-х гг. В разное время руководил работой Разрядного, Казанского, Стрелецкого, Пушкарского приказов. В 1594 г. после старшего брата возглавил Посольский приказ и стал печатником. В 1601 г. попал в опалу и был удален из Москвы. Лжедмитрий I вернул его ко двору, в 1607 г. получил чин окольничего, но вскоре вновь попал в опалу.

[38] Ричард Ли (ум. 1608) — английский посол в Москве в 1600–1601 гг.

[39] Иван (1587–1588) — старший сын Бориса Годунова.

[40] Никола Салос (ум. 1576?) — псковский юродивый, который, по преданию, своими обличениями Ивана IV спас Псков от опричного разгрома в 1570 г.

[41] Онисифор (Девочка; ум. ок. 1592) — митрополит киевский в 1579–1589 гг. Его низложение

связывают с борьбой с второбрачием духовенства.

[42] Михаил (Рагоза; ум. 1599) — митрополит киевский в 1589–1599 гг. В 1596 г. принял Брестскую унию.

[43] Григорий XIII — Римский Папа в 1572–1585 гг.

[44] Иезуитская Виленская академия была основана в 1579 г.

[45] Федор Иванович Скумин-Тышкевич (ок. 1538–1618) — влиятельный литовский государственный деятель, воевода новогрудский в 1590–1618 гг.

[46] Противники заключения Брестской унии: Гедеон (Балабан; 1530–1607), епископ львовский с 1569 г.; Михаил (Копыстенский; ум. 1610), епископ перемышльский с 1591 г.

[47] Наиболее активные инициаторы Брестской унии из числа православных архиереев Речи Посполитой: Ипатий (Потей; 1541–1613), епископ владимирский с 1593 г., униатский митрополит киевский с 1599 г.; Кирилл (Терлецкий; ум. 1607), епископ луцкий с 1585 г.

[48] Климент VIII — Римский Папа в 1592–1605 гг.

[49] Сильвио Антониано (1540–1603) — папский секретарь, кардинал с 1599 г.

[50] То есть «на принятие Русских» *(лат.)*.

[51] Карамзин приводит речь Лаврентия Древинского (ум. после 1539), лидера православной волынской шляхты, произнесенную им на сейме в 1620 г.

Том 11

[1] Борис Годунов вместе со своей сестрой, уже принявшей постриг с именем Александра, находился в Новодевичьем монастыре.

[2] Мария Григорьевна (ок. 1552–1605) — дочь Малюты Скуратова, жена Б. Ф. Годунова с 1571 г. Вместе с сыном Федором была убита при перевороте в пользу Лжедмитрия I.

[3] То есть в Архангельском соборе.

[4] Бывший касимовский хан, великий князь всея Руси, великий князь тверской Симеон Бекбулатович, низведенный при Федоре Ивановиче до положения простого тверского вотчинника, рассматривался в качестве возможного кандидата на престол. Дальнейшая его судьба слабо освещается в источниках: Годунова обвиняли в ослеплении Симеона и отравлении одного из его сыновей; в 1606 г. по распоряжению Лжедмитрия I был пострижен в монахи с именем Стефан. Скончался в 1616 г.

[5] Никольская церковь («в Сапожке») находилась близ Кутафьей башни и Троицкого (Каменного) моста, который вел через реку Неглинную в кремль. Была перестроена в середине XVII в.

и разобрана в 1838 г.

[6] Гази (Казы) II Гирей — крымский хан в 1588–1607 гг.

[7] То есть из Белгорода, отстроенного в качестве южной пограничной крепости на Северном Донце в 1596 г.

[8] Из Чингизидов, участников похода 1598 г., наиболее значительным был Ураз-Магмет (Ураз-Мухаммед; ум. 1610), казахский («киргизский») царевич, находившийся на службе у сибирского хана Кучума и попавший в русский плен в 1587 г. После перехода на московскую службу ему были даны доходы с Бежецкого Верха, с 1600 г. — касимовский хан, в 1608 г. перешел на сторону Лжедмитрия II, по подозрению в измене был им убит. Маметкул (Мухаммед-Кули; ум. 1618), «сибирский царевич», племянник Кучума, был взят в плен около 1583 г. и находился в Ярославском уезде. Арасланалей (Арслан-Али; ум. ок. 1603), сын астраханского царевича Абдуллы (Кайбулы, см. примеч. 50 к тому 8), был испомещен в Рузе. Под «шамахинским» и/или «хивинским» царевичем, по-видимому, имеется в виду Шихим (Шейх-Мухаммед; ум. после 1609), самаркандский (?) царевич, выехавший на русскую службу в 1589 г.

[9] Богдан Яковлевич Бельский (ум. 1611) —

племянник Малюты Скуратова, в молодости опричник, приобрел большое влияние в конце правления Ивана IV, с 1576 г. думный дворянин. Находился в опале в 1586–1591, 1601–1605 гг., но неизменно восстанавливал влияние и в 1606 г. от Лжедмитрия I получил боярство. Погиб во время Смуты в Казани, где был воеводой.

[10] В Москве были оставлены старейшие бояре: Дмитрий Иванович Годунов (ум. 1605), дядя Бориса Годунова, с его успешной карьеры при опричном дворе началось возвышение этой семьи при Иване IV, боярин с 1577 г., конюший с 1598 г.; первое место в думе в это время занимал князь Федор Михайлович Трубецкой (ум. 1602), боярин с 1568 г. В числе прочих бояр, оставленных в Москве, были: князь Никита Романович Трубецкой (ум. 1608), боярин с 1585 г.; князь Иван Михайлович Глинский (ум. 1602), двоюродный брат Ивана IV и муж старшей дочери Малюты Скуратова, боярин с 1586 г.; князь Борис Камбулатович Черкасский (ум. 1601), крещеный кабардинский князь, двоюродный брат второй жены Ивана IV, на московской службе был с 1578 г., боярин с 1592 г., в 1599 г. попал в опалу и был сослан на Белоозеро, где и скончался; князь Федор Дмитриевич Шестунов (Шастунов) (ум.

1600), боярин с 1585 г., в 1599 г. оказался в опале и был выслан в одну из своих вотчин, где вскоре умер.

[11] Иван Иванович Чемоданов (ум. 1630) — московский дворянин, пермский воевода в 1610–1612 гг.

[12] Князь Федор Иванович Мстиславский (ум. 1622), сын боярина князя И. Ф. Мстиславского (см. примеч. 52 к тому 8) и последний представитель этого влиятельного рода. Боярин с 1576 г. В конце правления Годунова стал первенствующим думским боярином, в 1604–1605 гг. возглавлял войска, действовавшие против Лжедмитрия I, впоследствии сумел сохранить свое положение при всех сменах власти в Москве (в том числе был лидером Семибоярщины).

[13] Князь Василий Иванович Шуйский (1552–1612) — боярин с 1584 г., будущий русский царь (1606–1610).

[14] Князь Иван Иванович Голицын (ум. 1607) — боярин с 1592 г.

[15] Князь Дмитрий Иванович Шуйский (ок. 1560–1612) — младший брат князя В. И. Шуйского, муж младшей дочери Малюты Скуратова. Боярин с 1586 г. Во время опалы Шуйских в 1587–1591 гг. находился в ссылке. В правление старшего бра-

та постепенно выдвинулся на роль ведущего полководца, но проиграл крупные сражения при Болхове (1608) и при Клушине (1610). После свержения Василия Ивановича вместе с другими Шуйскими был вывезен в Речь Посполитую, где и скончался.

[16] Князь Тимофей Романович Трубецкой (ум. 1602) — боярин с 1585 г.

[17] Речь идет о «Большой засечной черте», которая во второй половине XVI — первой половине XVII в. обозначала стабильную южную границу Московского царства, защищенную от татарских набегов, хотя целый ряд крепостей располагался южнее этой черты. Перемышль и Лихвин — городки в верхнем течении Оки. Ныне село Перемышль на востоке Калужской области и город Чекалин на западе Тульской области.

[18] Точные цифры дают только иностранные авторы, причем их оценки весьма различны (от 200 000 до 800 000 тысяч) и не являются свидетельствами очевидцев. Карамзин здесь предпочитает следовать Маржерету, который пишет следующее: «По словам иностранцев и самих русских, бывших на этом смотре, число воинов пеших и конных достигало 500 000». Годунов, вероятно, постарался собрать в мае–июне 1598 г. макси-

мальное число служилых людей, не столько чтобы произвести впечатление на крымских татар, сколько с целью упрочить среди них свою власть и заручиться их поддержкой. В то же время сомнительно, чтобы военные силы Московского государства в это время существенно выросли по сравнению с серединой XVI в.

[19] Русско-крымский мирный договор 1594 г.

[20] То есть Иова; здесь «вселенский» означает «православный».

[21] Степан Васильевич Годунов (ум. 1603) — троюродный брат Бориса Годунова, боярин с 1584 г., дворецкий с 1598 г.

[22] Новыми боярами стали: князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский (ум. 1606); князь Василий Карданукович Черкасский (ум. 1607), погибший в годы Смуты; князь Андрей Васильевич Трубецкой (ум. 1620), будущий участник Семибоярщины; князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский (ум. 1603); Александр Никитич Романов-Захарьин-Юрьев (ум. 1602), младший брат боярина Ф. Н. Романова (будущего патриарха Филарета), в 1601 г., при гонениях на Романовых, был сослан и вскоре, по-видимому, умерщвлен.

[23] Новыми окольничими стали: Михаил Никитич Романов-Захарьин-Юрьев (ум. 1602), еще

один младший брат боярина Ф. Н. Романова, вскоре после ссылки в 1601 г. был, по-видимому, доведен до смерти тяжелыми условиями заключения; Б. Я. Бельский (см. примеч. 9 к тому 11); Михаил Михайлович Салтыков-Кривой (ум. 1608); а также дальние родственники царя из рода Годуновых: троюродный брат Семен Никитич (ум. 1605), ставший боярином в 1602 г. и убитый при Лжедмитрии I; троюродный племянник Степан Степанович (ум. 1614); четвероюродные братья царя Никита Васильевич (ум. 1622) и Матвей Михайлович (ум. 1639). Кроме лиц, перечисленных Карамзиным, чином окольничего в это время были пожалованы князь Василий Дмитриевич Хилков (ум. 1602) и Ф. А. Бутурлин (см. примеч. 23 к тому 10). Общая численность думы после этих пожалований составила около 50 человек.

[24] Барабинская степь в южной части Западной Сибири между Иртышом и Обью. Являлась юго-восточной окраиной Сибирского ханства. В настоящее время территория на юго-востоке Омской и в Новосибирской областях.

[25] Основанная в 1594 г. на Иртыше крепость Тара была в это время крайней восточной точкой русских владений. Андрей Матвеевич Воейков (ум. после 1606) был тарским воеводой с 1597 г.

[26] Сражение состоялось при впадении реки Ирмень в Обь, на юге современной Новосибирской области.

[27] Здесь в значении почетного мусульманского титула «князь», «господин».

[28] Озеро Зайсан на востоке современного Казахстана.

[29] Тенгиз-Кургальджинская озерная система на севере современного Казахстана.

[30] Попавшие в плен родственники Кучума именовались «царевичами сибирскими», от них происходили последние касимовские ханы XVII в. и род князей Сибирских.

[31] Мангазея — крепость на реке Таз (на востоке современного Ямало-Ненецкого автономного округа), в первой половине XVII в. была главным центром русской власти на севере Западной Сибири. Во второй половине XVII в. была заброшена.

[32] Князь Григорий Константинович Волконский-Кривой (ум. 1634) — воевода и дипломат, окольничий с 1614 г. При Михаиле Федоровиче руководил Казачьим и Челобитным приказами.

[33] Князь Федор Петрович Борятинский-Борец (ум. 1635) — воевода и дипломат, за свое неудачное крымское посольство в 1604 г. попал в опалу.

Активно участвовал в Смуте (в частности, был влиятельным сподвижником Лжедмитрия II).

[34] Война между Сигизмундом III и его дядей Карлом началась в 1598 г.; уже в 1599 г., потерпев поражение в Швеции, Сигизмунд III был лишен шведской короны (Карл в последующие годы продолжал довольствоваться положением регента и стал использовать королевский титул только с 1604 г.); стремясь вовлечь в войну против дяди Речь Посполитую, Сигизмунд в 1600 г. заявил о присоединении к ней шведской Эстляндии, что привело к началу Польско-шведской войны 1600–1611 гг.

[35] Шведский принц Густав (1568–1607), сын короля Эрика XIV, в 1575 г. был изгнан из Швеции своим дядей королем Юханом III, воспитывался в Речи Посполитой. Густав получал приглашения приехать в Москву начиная еще с середины 1580-х гг.

[36] Ныне город Торунь на севере Польши.

[37] Парацельс (1493–1541) — знаменитый ученый, врач и алхимик.

[38] Каспар Фидлер (ум. после 1607) — сын швейцарского доктора, на русскую службу приехал в 1601 г. из Кенигсберга. В 1607 г. перешел на сторону Болотникова, после поражения которого

был сослан в Сибирь, где и скончался.

[39] Лев Иванович Сапега (1557–1633) — литовский канцлер в 1589–1623 гг. и великий гетман в 1625–1633 гг.

[40] Михаил Глебович Салтыков-Кривой (ум. ок. 1618) — боярин с 1601 г., активный участник Смуты, один из главных разработчиков плана возведения на русский престол королевича Владислава, на службу к которому перешел в 1611 г. и в Москву больше не возвращался.

[41] Афанасий Иванович Власьев (ум. 1610/11) — известный дипломат, с 1596 г. дьяк и глава Казанского приказа, в 1601 г. возглавил Посольский приказ. Лжедмитрий I сделал его также окольничим, одним из казначеев и поставил во главе своего «свадебного посольства» к М. Мнишек. После убийства Лжедмитрия в 1606 г. был сослан на воеводство в Уфу.

[42] После завоевания Венгрии в XVI в. Османской империей титул венгерского короля перешел австрийским Габсбургам, которые стали вести за Венгрию войны с турками. Титул короля иерусалимского после падения в XIII в. Иерусалимского королевства принадлежал различным европейским династиям, в том числе правителям Неаполя, которыми в XVI в. стали испанские

Габсбурги.

[43] Очевидно, имеется в виду Тявзинский договор 1595 г.

[44] Кристиан IV — датский и норвежский король в 1588–1648 гг.

[45] Северная часть норвежского Финнмарка, где с XIV в. находилась крепость Вардэ (*рус.* Варгав).

[46] Знаменитый свод историко-географических и картографических сведений «Космография» (1544), составленный немецким ученым Себастианом Мюнстером (1489–1552).

[47] Хотя в качестве крестителей саамов-лопарей обычно указываются действовавшие среди них Трифон Печенгский (ок. 1495–1583) и Феодорит Кольский (ум. 1571), с точки зрения властей, ключевая роль в этом деле принадлежала иеромонаху Илии, который в начале 1530-х гг. был отправлен в лапландскую миссию тогдашним новгородским архиепископом Макарием.

[48] В примечаниях Карамзин указывает, что эта повесть была записана русскими воеводами по рассказам «лапландских старожилов» в 1592 г.

[49] Данное указание обозначает область притязаний Москвы: окрестности Варангер-фьорда (Варяжского, или Варенского, залива), по акватории которого в настоящее время проходит

граница между Россией и Норвегией.

[50] Трифонов-Печенгский монастырь на реке Печенге был основан в 1533 г. Трифоном Печенгским. В настоящее время близ поселка Луостари на северо-западе Мурманской области.

[51] Принц датский Иоганн (1583–1602) — младший брат короля Кристиана IV, герцог Шлезвиг-Гольштейнский (по титулу).

[52] В 1601–1602 гг. принц Иоганн совершал ознакомительную поездку по странам Европы, в ходе которой присутствовал при осаде испанцами голландского города Остенде (1601–1604).

[53] Это известие, как и многие другие подробности пребывания принца Иоганна в России, заимствованы из описания его путешествия и смерти, изданного в Магдебурге в 1604 г.

[54] Эта версия излагается в составленном около 1630 г. в окружении патриарха Филарета «Новом летописце», вообще рисующем отрицательный образ Бориса Годунова.

[55] Тело принца Иоганна было перевезено в Данию в 1636 г. и захоронено в соборе в Роскилле, где находится усыпальница датских королей.

[56] Иоганн II — герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондербургский в 1564–1622 гг., дядя датского короля Кристиана IV.

[57] Филипп (1584–1663) — один из младших сыновей Иоганна II, с 1622 г. был герцогом Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургским.

[58] Ныне город Пльзень на западе Чехии.

[59] Максимилиан Австрийский (1558–1618) — младший брат императора Рудольфа II, в 1587–1588 гг. неудачно вел борьбу за корону Речи Посполитой, в дальнейшем рассматривался противниками Сигизмунда III в качестве возможного кандидата на Польско-литовский престол, с 1590 г. был Великим магистром Тевтонского ордена.

[60] Генрих фон Логау (ум. 1625) — губернатор силезского Глаца в 1601–1607 гг., в 1604 г. в качестве австрийского посла посетил Москву.

[61] Речь идет о Турецко-персидской войне 1603–1618 гг., в ходе которой персы сумели вернуть территории Восточного Закавказья, утраченные ими в 1580-е гг.

[62] Аббас I Великий — шах государства Сефевидов в 1588–1629 гг.

[63] В настоящее время находится среди прочих царских регалий и церемониальных предметов в Оружейной палате Московского Кремля.

[64] Александр II — кахетинский царь в 1574–1601 и 1602–1605 гг. Кахетинское царство возникло на

востоке грузинских земель после распада Грузии во второй половине XV в.

[65] Александр II вступил на престол как персидский вассал, в 1578 г. признал зависимость от Османской империи. В 1586–1589 гг. произошел обмен дипломатическими миссиями между Кахетией и Москвой, в ходе которых было заявлено о переходе Александра под защиту русского царя. Как показали последующие события, эти соглашения не означали выхода Кахетии из сферы влияния Османской империи и государства Сефевидов, а имели локальное значение — защиту от нападений на Кахетию со стороны объединявшего в это время бóльшую часть современного Дагестана Шамхальства, с которым Москва уже вступала в конфликты (в 1560 и 1589 гг.).

[66] Речь идет о неудачном походе 1594 г., когда выступившие из Терского городка русские войска захватили крепость Тарки (важный политический центр Шамхальства; в настоящее время поселок в черте города Махачкалы), но через несколько месяцев вынуждены были отступить, понеся при этом значительные потери. Походом руководил окольничий (с 1592 г.) князь Андрей Иванович Хворостинин (ум. 1604).

[67] Давид I — кахетинский царь в 1601–1602 гг.

[68] Вероятно, имеются в виду современные озера Турали, расположенные южнее Махачкалы.

[69] Вероятно, на месте современного села Уллубий-аул, в 50 км к югу от Махачкалы.

[70] Окольничий с 1585 г. Иван Михайлович Бутурлин (ум. 1605) и воевода Осип Тимофеевич Плещеев (ум. 1605).

[71] Политическая ситуация в Шамхальстве и личность его правителя шамхала (шавкала) в это время остаются не вполне ясными. Кахетинское посольство архимандрита Кирилла, побывавшее в Москве в 1603–1604 гг., на известия о котором в основном опирается выше Карамзин, убеждало правительство Годунова предпринять новую крупную военную акцию против Шамхальства и снабжало его соответствующими сведениями (ослепший старец-правитель, не контролирующий подвластных ему мелких властителей и боящийся русских войск). Впрочем, принимая решение о походе, московское правительство, несомненно, принимало во внимание и иные источники информации.

[72] Современное дагестанское село Эндирей, в 70 км к западу от Махачкалы.

[73] Михаил Игнатьевич Татищев (ум. 1609) — думный дворянин, руководитель московского

посольства в Грузию в 1604–1605 гг., один из главных участников переворота 1606 г. против Лжедмитрия I, окольничий с 1607 г., в 1609 г., будучи новгородским воеводой, был убит по подозрению в намерении перейти на сторону Лжедмитрия II.

[74] В 1603 г. Аббас I, начав новую войну против Османской империи, отправил значительные войска в Закавказье и призвал к себе восточногрузинских царей (бывших персидских данников). Стремясь избежать вторжения персидских войск в Кахетию, Александр II весной 1604 г. выехал к шаху и вновь признал себя вассалом государства Сефевидов. Загеми (или Базари) — кахетинский город, который пришел в упадок после персидского разорения Кахетии в 1615–1616 гг. и вскоре был заброшен. Остатки Загеми находятся близ села Алиабад на северо-западе Азербайджана.

[75] Царевич Георгий (ок. 1570–1605) — сын Александра II, после смерти своего старшего брата Давида I был наследником Кахетинского престола.

[76] Этот поход был организован турецкими наместниками Северного Азербайджана, которые уже были отрезаны от Османской империи победоносным наступлением Аббаса I (в 1604 г. персы

после долгой осады завоевали Ереван) и попытались восстановить турецкое влияние в Кахетии своими силами.

[77] Константин I — кахетинский царь в 1605 г.

[78] Будущий царь Александр был в конфликте со своим отцом Леваном (кахетинский царь в 1518–1574 гг.), который хотел передать власть сыновьям от второго брака, отстранив Александра от престолонаследия. Был ли Александр причастен к смерти отца, остается неясным, но после смерти Левана разгорелась война между Александром и его сводными младшими братьями (Эль-Мирзой, Вахтангом и Хосровом), в ходе которой все они погибли.

[79] Кахетинский царевич Теймураз (1589–1661) — сын царя Давида I, после смерти которого был отправлен в качестве заложника в государство Сефевидов. В конце 1605 г. станет кахетинским царем (Теймураз I) под верховной персидской властью.

[80] Картлийская царевна Елена (ок. 1594–?) — дочь царя Георгия X (см. примеч. 82 к тому 11).

[81] Хотя восточногрузинское Картлийское царство было крупнейшим из государств, на которые во второй половине XV в. распалась Грузия, но в XVI в. оно особенно сильно пострадало от ту-

рецко-персидского соперничества в Закавказье и к началу XVII в. находилось в состоянии упадка. Цари Картли не контролировали значительную часть своего государства, в частности, Тбилиси находился под турецкой оккупацией.

[82] Георгий X — картлийский царь в 1599–1606 гг., сын находившегося с 1599 г. в турецком плену царя Симона I (1556–1569 и 1578–1599), в дипломатических документах обычно именовался без царского титула. В 1603 г. Георгий X восстановил зависимость Картли от государства Сефевидов и принял участие в военных действиях персидских войск против Османской империи в Закавказье.

[83] Кто именно из картлийских (или проживающих в Картли кахетинских) царевичей выступал в качестве возможного жениха Ксении Годуновой, остается не вполне ясным.

[84] Понятно стремление Георгия X опереться на поддержку Москвы при наличии весной 1605 г. крупного русского войска в Дагестане и предложений династического союза, но после краха в последующие месяцы династии Годуновых и русской политики на Кавказе это соглашение утратило актуальность.

[85] Царевич Луарсаб (1592–1622) — будущий

картлийский царь Луарсаб II (1606–1615).

[86] Ксанское княжество в северной части Картлийского царства.

[87] Имеется в виду участие турецких войск в крымском набеге на Москву в 1591 г.

[88] Султан Мехмед III умер еще в 1603 г. Помощь Шамхальству против русских войск со стороны турецких наместников Северного Азербайджана была вполне естественной после участия московских стрельцов в отражении их нападения на Кахетию осенью 1604 г. Уже летом 1605 г. Шемаха будет осаждена персидскими и кахетинскими войсками, и в 1606 г. турецкая власть в Северном Азербайджане будет ликвидирована.

[89] Койсинский городок на реке Койсу (ныне Сулак в Дагестане) был основан князем А. И. Хворостининым во время похода 1594 г. и был самой южной крепостью Русского государства. После сожжения в 1605 г. больше не восстанавливался.

[90] Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков (ок. 1569–1633) — известный воевода и участник Смуты, в 1606 г. получил боярство за действия против болотниковцев. В 1624 г. его дочь Мария стала первой женой царя Михаила Федоровича.

[91] Иван Осипович Полев (ум. 1605) — воевода.

[92] Князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ро-

стовский (ум. 1617) — воевода; по сообщению «Нового летописца», был освобожден турками вскоре после своего пленения в 1605 г. В 1608 г. получил боярство, в том же году попал в плен к Лжедмитрию II. Участник второго ополчения.

[93] Григорий Иванович Микулин (ум. ок. 1610) — дворянин, начавший свою службу в опричнине, в 1600–1601 гг. возглавлял русское посольство в Англию. В 1604 г., будучи головой в Орле, перешел на сторону Лжедмитрия I, в 1605 г. был им пожалован в думные дворяне.

[94] Ричмонд — город к юго-западу от Лондона, где с XIV в. находилась одна из загородных резиденций английских королей. В настоящее время пригород Лондона.

[95] То есть ордена Подвязки (орденский праздник в День святого Георгия, 23 апреля).

[96] «Старый» собор Святого Павла в Лондоне, который был разрушен «великим пожаром» 1666 г. и на месте которого затем был построен ныне существующий собор.

[97] Роберт Деверэ, граф Эссекс (1565–1601) — бывший фаворит Елизаветы, впавший в немилость из-за военных поражений в Ирландии и предпринявший попытку переворота, после провала которой был казнен.

[98] Ее личность остается неизвестной, но из примечаний Карамзина следует, что это предложение Елизаветы было не первым: еще в 1601 г. королева писала Борису Годунову, что с радостью отдала бы в жены его сыну одну из дочерей своего родственника Фердинандо Стэнли, графа Дерби (1559–1594), но этому препятствует их разница в возрасте.

[99] Яков VI — шотландский король в 1567–1625 гг., с 1603 г. занимал Английский престол под именем Яков I. Первый английский король из династии Стюартов.

[100] Смит Томас (ок. 1558–1625) — торговец и дипломат, сыгравший значительную роль в становлении английской колониальной экспансии. В 1600 г. стал первым руководителем только что учрежденной Ост-Индской компании. Из-за причастности к мятежу Эссекса был в заключении, приобрел большое влияние при Якове I. В 1603–1606 и 1607–1621 гг. вновь руководил деятельностью Ост-Индской компании, а в 1609–1620 гг. также Виргинской компанией. В 1604–1605 гг. был послом в Москве, в 1605 г. в Лондоне было издано описание этой поездки Смита.

[101] Король Яков с 1589 г. был женат на Анне Дат-

ской (1574–1619), старшей сестре скончавшегося в 1602 г. в Москве принца Иоганна.

[102] В правление Федора Иоанновича ганзейские купцы получили две жалованные грамоты (в 1586 и 1594 гг.). Годунов в своей грамоте 1603 г. подтвердил их основные положения, новым стало лишь распространение льготных условий торговли на Архангельск.

[103] Во главе ганзейского посольства стояли любекский бургомистр Конрад Гермерс (Гармерс; ум. 1612), члены городских правительств (ратсгеры) Любека и Штральзунда и секретарь любекского городского совета.

[104] Князь Василий Иванович Буйносов-Ростовский (ум. 1609) — думный дворянин с 1598 г., при женитьбе царя Василия Шуйского на его племяннице Марии Петровне в 1608 г. был пожалован в бояре.

[105] Папские послы Франсиско да Коста и Диего да Миранда были направлены к Аббасу I для переговоров о создании союза против Османской империи.

[106] Фердинанд I — великий герцог Тосканский в 1587–1609 гг.

[107] То есть Медичи.

[108] Ахмед I — османский султан в 1603–1617 гг.

[109] В 1556 г. собственное подворье в Москве получил от Ивана IV афонский Введения Богородицы Хиландарский монастырь. Оно располагалось в Китай-городе рядом с Богоявленским и Никольским монастырями (последний в XVII в. получил название Николаево-Греческого).

[110] Османская империя в эти годы не только воевала одновременно с австрийскими Габсбургами и государством Сефевидов, но и пыталась справиться с крупным восстанием в Малой Азии (восстание джелали 1595–1610 гг.).

[111] Титулы старших ногайских князей, отражающие территориальную структуру Ногайской Орды: вторым по значению после верховного правителя («бия») был правитель правого (западного) крыла «нурадин», следующим — правитель левого (восточного) крыла «кековат». Значение титула «тайбуга» остается не вполне ясным.

[112] В Большой Ногайской орде в это время действовали внуки Исмаила (см. примеч. 49 к тому 9) Иштерек (ум. 1619), правитель больших ногаев в 1600–1619 гг., и его двоюродный младший брат Ак-Арслан (Янараслан; ум. после 1614).

[113] Малая Ногайская Орда, образовавшаяся в середине 1550-х гг., когда часть ногаев во главе со своим правителем Гази (Казый; ум. 1576) отко-

чевала к Азовскому морю и признала верховную власть крымских ханов.

[114] Баран-Гази (Барангазый) — правитель Малой Ногайской Орды в 1600–1621 гг.

[115] Еще одно ногайское государственное образование, отделившееся от Ногайской Орды в середине XVI в. и контролировавшее территории между рекой Эмбой и Аральским морем (на западе современного Казахстана).

[116] В примечаниях Карамзин указывает на мнение В. Н. Татищева.

[117] Эта миссия была далеко не единственной. Например, в том же году в Любек был отправлен Рейнгольд (Роман) Бекман для приглашения врачей, рудознатцев, суконников, часовщиков и других специалистов.

[118] Развернутую цитату из письма немецкого лиценциата права Товия Лонциуса (Тобиаса Лонца) Борису Годунову из Гамбурга Карамзин приводит в примечаниях.

[119] Следы большинства из них впоследствии теряются. Так, из пяти молодых людей, отправленных в Любек, через много лет в Россию вернулись только двое.

[120] В настоящее время автором «Московской хроники от 1584 до 1612 г.» считается тесть Бера,

немец Конрад Буссов (ок. 1552–1617), который, находясь на шведской службе в Лифляндии, в 1601 г. перебежал на русскую службу, принимал активное участие в событиях Смуты, служил Лжедмитрию II и полякам в Москве и к началу 1612 г. уехал из России. Его зять, пастор Мартин Бер (ум. 1646), жил в московской Немецкой слободе с 1601 г., после ее сожжения в 1611 г. также покинул Россию и, вероятно, принимал участие в составлении Буссовом «Хроники».

[121] Константин Фидлер (1579–1644) — с 1614 г. был пастором в Ростоке.

[122] Нума Помпилий — полулегендарный древнеримский царь рубежа VIII–VII вв. до н. э., законодательная деятельность которого, по преданию, заложила основы римской государственности.

[123] Неизвестно, каким образом карта Федора Борисовича (по-видимому, сделанная на основе «Большого чертежа») попала к голландскому граверу и картографу Гесселю Герритсу (также Герард; ок. 1581–1632), который издал ее в Амстердаме в 1613 и 1614 гг. (последнее издание содержало ряд уточнений). В дальнейшем эта карта неоднократно переиздавалась в первой половине — середине XVII в.

А. Веселова, М. Милютин

Вклейка



Жилье восточных славян.
С оригинала С. Иванова. 1912



Первые проповедники христианства в Киеве.
С оригинала В. П. Верещагина. 1889



Первые христианские мученики в Киеве.
С оригинала В. Топоркова. 1889



Смерть Аскольда и Дира на берегу Днепра.
С оригинала В. Топоркова. 1889



Речь Святослава.
С оригинала А. Сафонова. 1889



Князь Владимир рассматривает изображение Страшного суда.

С оригинала М. Лебедева. 1889



Крещение князя Владимира.
С оригинала В. Топоркова. 1889



Христианство и язычество.
С оригинала С. Иванова. 1912



Двор удельного князя.
С оригинала А. Васнецова. 1912



Суд во времена Русской Правды.
С оригинала И. Билибина. 1912



Михаил Черниговский в Орде.
С оригинала Н. Лосева. 1889



Иван III разрывает ханскую грамоту.
С оригинала С. Верещагина. 1889

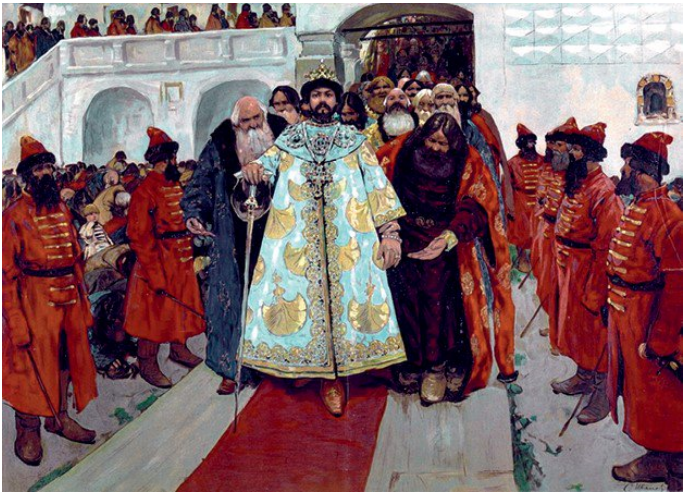


Площадь в городе московских времен.
С оригинала А. Васнецова. 1912



В горнице древнерусского дома московских времен.

С оригинала А. Васнецова. 1912



Великий государь, царь и самодержец всея Руси.

С оригинала С. Иванова. 1912



Иван IV и Сильвестр во время пожара в Москве.

С оригинала А. Земцова. 1889



Митрополит Филипп и Иван IV в Успенском соборе.

С оригинала неизвестного художника. 1889

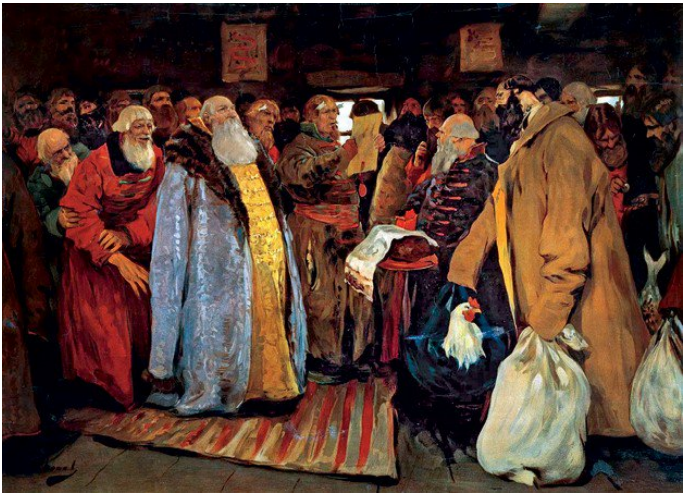


В приказе московских времен.

С оригинала С. Иванова. 1912



Юрьев день.
С оригинала С. Иванова. 1912



Приезд воеводы.
С оригинала С. Иванова. 1912



Стрельцы.
С оригинала С. Иванова. 1912



Смотр служивых людей.
С оригинала С. Иванова. 1912



Суд в Московском государстве.
С оригинала С. Иванова. 1912



На сторожевой границе Московского государства.

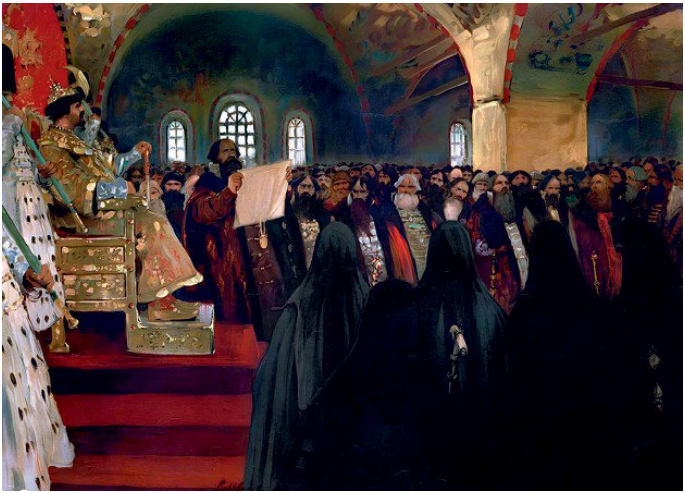
С оригинала С. Иванова. 1912



Святейший патриарх Московский и всея Руси.
С оригинала С. Иванова. 1912



Боярская дума (XVII в.).
С оригинала С. Иванова. 1912



Земский собор (XVII в.).
С оригинала С. Иванова. 1912